

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ

Книга для политиков

Под редакцией Валерия Тишкова

Москва
2007

Редколлегия:

В. А. Тишков (отв. редактор), С. В. Кулешов (сост.), В. А. Авксентьев,
М. Ю. Бажаев, Г. Г. Матишов, В. В. Степанов, Л. Л. Хоперская

Авторский коллектив:

Д. А. Аманжолова, М. А. Аствацатурова, В. О. Бобровников, О. В. Волобуев,
А. Б. Дзадзиев, Л. Б. Заседателева, В. С. Кулешов, А. М. Нечуятов,
А. А. Никишенков, М. В. Савва, В. В. Степанов, В. А. Тишков,
Л. Л. Хоперская, А. А. Ярлыкапов

Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В. А. Тишкова. —
М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. — 384 с.

Обложка, оригинал-макет: О. В. Кульбачевская

© EAWARN

© С. В. Кулешов, составитель

ISBN 5-201-00806-2

Исследование проведено в рамках

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

(Подпрограмма по Югу России
«Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе»)

*Издание книги осуществлено при поддержке
Фонда имени Зии Бажаева*

СООДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Северный Кавказ как урок и как пример	5
Социально-политическая история Северного Кавказа	17
Историко-культурные традиции	73
Современные этнополитические процессы	133
Социально-экономическая ситуация	147
Миграционные процессы	171
Этнический состав населения	187
Северокавказское казачество	225
Религиозная ситуация	241
Этноэтикет народов Северного Кавказа.....	285
Институты гражданского общества и миротворчество.....	349
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Рекомендуемая литература	366
Хронологическая таблица	371
Словарь основных терминов и понятий.....	379
Указатель этнических наименований.....	383

ПРЕДИСЛОВИЕ СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ КАК УРОК И КАК ПРИМЕР

■ Северный Кавказ — самый сложный регион Российской Федерации с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности. Упрощенный «диагноз» состоит из известных постулатов:

— регион представляет собою уникальную мозаику народов — «кавказскую цивилизацию», — существование которой мало понимают и недостаточно учитывают политики;

— кавказские народы были завоеваны Россией, которая «всегда плохо обращалась с ними»;

— конфликты и насилие проистекают от бедности местного населения и недовольства своим статусом, а также от радикальной «цивилизационной» отличительности северокавказцев от остальных россиян;

— в этом регионе Россия не имеет адекватной (продуманной, научной и т. п.) политики, кроме желания подавлять, интриговать и игнорировать назревшие проблемы.

После распада СССР, в ряде новых государств произошли вооруженные конфликты главным образом этносепаратистского характера. Война в Чечне была одним из таких конфликтов и, пожалуй, одним из самых жестоких и разрушительных по своим последствиям. Ее прямыми жертвами стали около 50 тыс. человек, причем, не только чеченцы, но и россияне других национальностей, включая местных русских жителей и военнослужащих. Идеология экстремизма и деятельность международных террористических организаций охватила не только Чечню, но и другие северокавказские республики. Террористические акты, как это произошло в г. Беслане 1 сентября 2004 г., потрясли не только страну, но и весь мир. Среди россиян в последние годы растут настроения неприязни в отношении выходцев из северокавказских республик. Часто эти граждане воспринимаются как нежелательные «чужаки» в других регионах страны. На этой почве возникают межэтническая напряженность и даже вспышки спонтанного насилия. Ультранационалисты шовинистического толка намеренно разжигают антикавказские настроения, а северокавказские экстремисты не прекращают свою антироссийскую пропаганду и другую деятельность. Уже более десяти лет Северный Кавказ воспринимается остальной страной как регион нестабильности, угроз и неразрешимых проблем.

Однако реальная ситуация в регионе достаточно быстро меняется. Традиция и перемены, драматические ситуации и нормальная и даже благополучная жизнь здесь часто идут рука об руку. Общероссийская культура и русский язык присутствуют повсюду, но в республиках сохраняются культуры и языки представителей местных национальностей. Сфера образования, особенно высшего, превосходит общероссийские показатели по количеству вузов и студентов на душу населения. Состояние здоровья жителей северокавказских республик лучше, чем в среднем по России, равно как показатели рождаемости и продолжительности жизни. Представители северокавказских народов больше всего представлены в республиканских и местных органах власти, сфере образования и обслуживания. Сохраняется традиция больших многонациональных коллективов промышленных предприятий. Активно действует частный бизнес, особенно мелкий и средний. Все большую свободу обретает религиозная жизнь: построены сотни новых мечетей и строятся десятки православных храмов. В целом это дает основания перестать говорить о Северном Кавказе, включая республики, как о «зоне бедности» и как исключительно о «проблемном регионе». Нельзя игнорировать позитивную практику, и не следует упускать возможность говорить об уроках для всей страны.

Этнокультурный облик

▪ Этнический состав населения Северного Кавказа и культура его народов формировались столетиями, хотя они никогда не были неизменными и всегда находились во взаимообогащающем контакте между собой и культурами соседей с юга и севера. На Северном Кавказе проживает сложное по своему этническому составу население, которое сохраняет языковую отличительность, некоторые традиционные системы хозяйствования и нормы социального поведения. Для большинства жителей России, в том числе и для нового поколения российских политиков, многое на Северном Кавказе кажется сегодня непонятным. Но так ли уж уникален этот регион и так ли уж радикально отличаются его жители от остальных россиян? Не слишком ли быстро забыта недавняя история страны, когда Владикавказ, Нальчик, Грозный, Теберда и многие другие города и маршруты были популярными в России местами как для работы, так и для проведения отпусков? Не припоминаются и особые жалобы советских людей (скорее, добрые слова) по поводу взаимоотношений с местным населением. В целом, *драматическая история, а тем более этнокультурный фактор не являются причиной проблем и конфликтов в регионе. Наоборот, в этнокультурной сложности населения и в его разнообразном хозяйственном и социальном опыте заключен обогащающий потенциал развития.*

Представители северокавказских народов прошли успешную модернизацию в рамках исторического российского государства. Особенно много для этнокультурного развития и национального самосознания дал совет-

ский период, несмотря на преступления сталинского режима и деформации позднесоветской эпохи. Современное население северокавказских республик представляет собой часть российского народа с выраженной российской идентичностью и лояльностью России как собственному государству. Все это сосуществует с этнокультурной идентичностью, широко распространенным двуязычием, живым проявлением народной культуры и обычаев. В последние годы культурный багаж северокавказцев наряду с общероссийскими и местными компонентами дополняется мировыми культурными потоками, которые обобщенно называются «западной» и «восточной» культурами. К этому особенно восприимчиво молодое поколение.

Среда и ресурсы

■ О природной среде и ресурсах региона чаще всего говорят в патетических тонах. На самом же деле Северный Кавказ не обладает богатыми природно-климатическими и минеральными ресурсами. Если не считать плодородные черноземы Ставропольского и Краснодарского краев, ресурсы осетровых каспийского побережья и скромные запасы нефти Чечни и Ингушетии, регион, особенно его горные и предгорные районы, ограничен в своих возможностях для современного эффективного хозяйствования. Климат той части Северного Кавказа, где расположены основные территории республик, не может считаться благоприятным и для агроэкономики. Особенно в горах и предгорьях людям в прошлом жилось трудно, постоянно происходили миграции на равнину, в том числе и за пределы региона.

Казалось бы, в силу этого обстоятельства, а тем более по причине утверждающихся законов рыночной экономики, жители северо-кавказских республик обречены жить беднее в индустриальной стране, и этот разрыв может только возрастать в новых условиях. Как в Канаде нефтяная провинция Альберта живет гораздо лучше, чем бедные ресурсами приморские провинции (ситуация аналогичная по большинству стран мира), так и в России богатые ресурсами Якутия, Коми, уральские и сибирские регионы, казалось бы, должны жить лучше, чем Северный Кавказ. А в самом регионе жители плодородных земель и промышленных районов должны жить лучше, чем жители гор и предгорий. По крайней мере, именно так обстоит дело в других регионах мира, от стран Андской группы в Латинской Америке до британской Шотландии, китайского Тибета и горных районов Вьетнама. И уж если северокавказские республики — это колониальная периферия России, объект эксплуатации местных народов, то, безусловно, последние должны жить хуже и иметь ниже статус, чем те, кто, видимо, должен относиться к «колонизаторам».

По официальной статистике ситуация, может быть, так и выглядит, и ей даже можно найти подтверждение, если сравнивать некоторые горные села Дагестана и Чечни с жизнью в других районах Северного Кавказа. Но в целом положение совсем другое, если сравнивать размеры жилых домов

и их обстановку, количество автомобилей и другие показатели качества жизни с другими районами страны. Достаточно посмотреть на современные балкарские, ингушские и чеченские поселки и сравнить их с селами где-нибудь под Рязанью, и становится ясно, что социальная реальность отличается от статистики и пропаганды. И это, пожалуй, самая главная загадка Северного Кавказа, неразгаданная политиками и учеными.

Северный Кавказ живет лучше, чем остальная Россия, если не считать нефтяные районы западной Сибири и недавний рывок мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга по части жизненного благополучия. Потому что этот регион обладает самым мощным потенциалом — конкурентным человеческим материалом. Жизнь в небогатом ресурсами регионе, но в большой стране выработала среди представителей северокавказских народов особые качества предприимчивости и жизненной соревновательности за благополучие и за достойный статус. Несмотря на репрессии и ограничения в царские и советские времена, среди нерусских жителей региона сложились психология и поведенческие нормы, ориентированные на социальное преуспевание. Это нашло отражение в мощном стремлении к образованию, к предпринимательству, к пространственной мобильности.

В 1960–1980-е гг. северокавказские народы совершили разительный скачок по пути модернизации. Потрудившись в свое время на «шабашках», на рынках крупных советских городов и на ниве обслуживания курортников, они по навыкам оказались более подготовленными к рыночным реформам и к свободному стилю жизненного поведения. Подготовив в своей среде многочисленный слой научно-гуманитарной и творческой интеллигенции, эта часть населения страны оказалась и более отзывчивой к идеологической либерализации и к политическому рынку.

Образование и миграционная мобильность позволили значительно увеличить роль северокавказцев в общегосударственной жизни, особенно в политике, культуре, науке. Их московская диаспора (термин крайне условный, ибо северокавказцы — это такие же полноправные москвичи) по своему статусу и по влиянию стала явно значимее, чем у представителей нерусских народов Сибири и даже Поволжья, и уступает, пожалуй, только украинской, еврейской и армянской — более интегрированным в русскую культуру, а значит, и более «спокойным», и менее этнически консолидированным. Наконец, северокавказцам удалось избежать такой формы социальной деградации, как массовое пьянство, которое разрушает деревни и малые города в центральной России, Поволжья, Сибири.

Истоки нестабильности и беспорядка

▪ Жизненные успехи этой части населения страны стали результатом, прежде всего, их собственных усилий, и они заслуживают уважения и поддержки. Но здесь кроются и проблемы, породившие разрушительные кон-

фликты. Никто пока не обратил внимания на психологический сдвиг, который несет с собой даже относительное преуспевание и другие преимущества (вплоть до физического здоровья) одной части населения над другой. В последние годы среди части северокавказцев появилось пренебрежение к «русскому мужику», который живет беднее и часто не имеет вузовского диплома, как большинство кавказцев. А уж когда российское телевидение растиражировало чеченских воинов в доспехах, выставив им фон из растерявшихся «наших мальчиков» или истерзанных офицеров в армейской форме, то психологический комплекс превосходства еще более окреп. Это привело к ослаблению у части населения общегосударственной лояльности. Россию на Кавказе стали больше связывать с этническими русскими, причем, такой образ навязывается извне. В итоге *установка на то, чтобы реализовать свои преимущества на путях большей интеграции и более высоких статусных позиций в общероссийском пространстве, оказалась слабее, чем ставка на изоляцию и даже на «полный суверенитет» на этнической основе.*

Винить Москву в нынешнем кризисе на Северном Кавказе можно лишь отчасти, ибо не федеральные власти инициировали радикальный этнический национализм в регионе и выход граждан из правовых норм поведения вплоть до незаконного вооружения. Не Москва сочиняла разрушительные проекты территориально-административных переделов, антироссийские манифесты и декларации, проекты «кавказской конфедерации» и т. п. Наконец, не Москва осуществляла вооруженный переворот в Грозном и объявляла явочным путем о независимости.

Конечно, из Москвы, из Вильнюса, из дальнего зарубежья исходили дестабилизирующие воздействия, но если посмотреть внимательнее, то авторами этих планов в российском парламенте, среди офицеров бывшей советской армии и среди московской интеллигенции были, прежде всего, выходцы из северокавказских народов. Если, конечно, не считать небольшую часть радикальных политиков, веривших в исторический закон «национального самоопределения» и в революцию двойного отрицания (покончить как с коммунизмом, так и с «ненормальной» страной). К последним можно добавить и тех в Москве, кто, наоборот, полагал, что кавказцы понимают только силу.

Вина российских властей в том, что в ситуации распавшегося советского государства они не нашли точных слов и действий в отношении этого региона, позволили легко открыть двери военных арсеналов для гражданского населения, позволили уличным манифестантам свергнуть легитимную власть в Грозном, поддались искушению использовать внутригражданский конфликт в Северной Осетии в угоду радикальным националистам. Но не из Москвы прозвучали призывы к «национально-освободительным революциям», к восстановлению «исторической справедливости», «несовместимости совместного проживания» и т. п. Не в Москве формировались отряды боевиков, вооружались подростки, мобилизовывались женщины для осады воинских гарнизонов, изгонялись «некоренные» жители из своих

домов, принимались решения о невозможности совместного проживания. Северокавказские политики, общественные активисты, интеллигенция, религиозные авторитеты несут не меньшую ответственность за нынешний кризис в регионе, и уж тем более им, прежде всего, его и разрешать.

Пути к развитию и умиротворению

▪ Значительная ответственность за действия властей и рядовых граждан лежит на тех, кто формулирует идеи, программы и лозунги, вокруг которых происходит политическая мобилизация. От адекватности представлений, производимых интеллигенцией, зависит много, хотя интеллигенция редко оказывается среди исполнителей своих проектов, а тем более среди их жертв. На Северном Кавказе общественная мысль и наука тратят непропорциональные ресурсы на второстепенные для развития общества занятия, как-то: доказательства древности и уникальности каждого народа, их великие свершения или страдания, на подсчет и дележку культурных героев, на пропаганду нынешних «возрожденческих» доктрин и на поиск внешних врагов. Число историков, этнографов, языковедов в республиках на порядок больше, чем грамотных экономистов, политологов, правоведов, нужда в которых для обустройства общества и его реформирования гораздо значимее. *Общероссийский контекст и даже региональная общность, а также психология и частные интересы граждан изучаются слабо в сравнении с одержимостью по установлению групповых культурных различий, даже когда последние явно малозначимы.*

Именно в подобном интеллектуальном климате сформировались и процветают этно-коллективистские политические идеологии, за которыми исчезает отдельный человек, его интересы и повседневные контакты. Зато доминируют «межнациональные отношения», «национальные интересы этносов», за которыми явно проглядывают интересы тех, кто узурпирует право говорить от имени народа и навязывает ему свою волю. Со ссылками на «казачью традицию», на «мнение стариков», на «кавказский обычай», на «народную дипломатию», на «шариатский закон» и т. п. утверждается тоталитарная мораль в отношении прав отдельного человека и разрушается система общественного управления, которая в этом регионе уже многие десятилетия основана на европейской норме, на основе современной государственности.

Местные лидеры должны больше думать не о том, как переселить из стран Востока иностранцев адыгского происхождения или убрать памятники русским генералам, а как сохранить в республиках русских и русскую культуру, благодаря которым этот регион имеет целостный и европейский облик. Ключевой проблемой северокавказской политики является удержание так называемого нетитульного населения, особенно русских, от переезда с территории республик в другие регионы. Этот процесс уже обрел

почти необратимый характер. Однако при должных политических усилиях и ресурсах ситуация может и должна быть изменена. Даже возможен частичный возврат русского и другого нечеченского населения на территорию Чечни. Сдерживание эмиграции нетитульного населения и поощрение эмиграции титульного населения северокавказских республик в другие регионы страны должно стать одним из приоритетов внутренней миграционной политики.

Экономику Северного Кавказа поднять не просто, но ясно, что это — ключевая сфера для решения многих кризисных проблем и конфликтов. Главная проблема — это занятость молодого мужского населения, которое составляет значительную часть местного общества и поведение которого определяет во многом сегодняшнюю ситуацию. Наиболее трудный вопрос состоит в нахождении достойной работы для жителей сел и малых городов, где имеет место социальная маргинализация. Северокавказское горное село застряло между традиционным, полунатуральным хозяйством и коллективистской формой организации советского образца. Обе не отвечают современным условиям, а главное — запросам сельских жителей. Горы и предгорья скромно прокормить могут, но на современные телевизоры, холодильники и автомобили этих доходов не хватит, если это не хорошо налаженное традиционное художественное ремесло, которое может принести неплохие доходы. Так, например, обстоит дело в некоторых абoriginalных общинах в странах Андского региона, Гималаев, в североамериканской Арктике. Поэтому модернизация предполагает движение с гор на равнину, а не наоборот. Этот процесс стимулируется и более высокой сельской рождаемостью.

Ответ можно искать в двух направлениях: *в ограничении роста горного села и в помощи его радикальному благоустройству, а также в организации частно-общинного типа пользования угодьями с ориентацией на частичную рыночную реализацию сельской продукции.* Тогда один-два сына в больших семьях могут оставаться в родных местах и продолжать занятия своих отцов, но только в лучших материальных условиях. Остальные все равно должны уезжать в город, ибо «целины» в горах уже давно не существует. Земля на Кавказе — это дорогой ресурс, за который идет постоянная конкуренция, в том числе и в равнинных районах.

На Северном Кавказе срочно нужна глубокая и продуманная земельная реформа с привлечением имеющегося мирового опыта. Без закрепления земли в частное владение здесь не обойтись, несмотря на давние традиции общинного пользования и на наследие советской коллективизации. Пока у кавказцев не будет во владении земля, которой они будут дорожить больше всего, реванш села над городом, в том числе в насильственной форме, будет происходить постоянно. Собственно, это и произошло в Чечне. Да и в Пригородном районе конкуренция за земельные участки лежала в основе конфликта. Будь земля в собственности местных жителей, едва ли местные ингуши позволили бы втянуть себя в провокационную деятельность заезжих агитаторов по смене над

местными сельсоветами республиканских флагов. Точно так же едва ли в головах кударцев и других осетин появилась бы установка через изгнание прибрать к рукам чужие участки.

Нуждается в особом подходе и политика урбанизации. Растущее трудоизбыточное население городов, не говоря о восстановлении разрушенного в ходе конфликтов хозяйства и инфраструктуры, — это проблема надолго, но она решаема. Иначе здесь будет постоянный источник нетерпимой бедности. Здесь лучше всего возможности у Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, где есть строительная индустрия, предприятия электроники и ВПК. Но в республиках возможна и успешно работающая малая промышленность, особенно на основе частной собственности. Однако частный бизнес и средний класс владельцев способны создать основу для политической стабильности, регионального рынка и приструнить надменность вооруженных авантюристов. Одни власти и их силовые структуры сделать этого не смогут.

Нужны межреспубликанские деловые связи и общие инфраструктуры, а не только верхушечные договоры о сотрудничестве. Но самое главное для экономики Северного Кавказа — это общероссийский рынок и Россия как поле предпринимательской деятельности. Горные туристско-оздоровительные комплексы Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии можно хорошо прорекламировать из Москвы и вложить в них деньги не менее успешно, чем в сибирскую нефть. *Нужно перестать третиловать северокавказское предпринимательство, а, наоборот, его поддерживать в общероссийском масштабе.*

Как строить управление

■ В нынешних условиях сложившаяся система федеративных образований в форме этнотерриториальных автономий (республик), а также существующие административные границы являются оптимальными и не подлежат изменению, кроме предстоящего определения нового статуса Чеченской Республики. В этом вопросе должны внедряться ряд новых доктринальных принципов:

— субъектом самоопределения являются все граждане республик, и только при обеспечении равноправия возможна особая поддержка культур и языков титульных народов;

— земля принадлежит тем, кто на ней проживает;

— исторические «аргументы» и насилие не могут служить основанием для определения или изменения границ и статусов образований;

— ряд горских общин с уникальными ремеслами или природно-ландшафтными ресурсами должны стать охраняемыми зонами с особыми системами местного управления и с программами государственной поддержки.

Актуальной проблемой является обеспечение правопорядка и снижение уровня преступности в регионе. Хотя роль традиционных институтов

социального регулирования в регионе достаточно значительна, она уже никогда не сможет заменить систему современного права, по которой жило несколько последних поколений и желает жить современное поколение граждан. Другое дело, что система правопорядка должна приблизиться к местному уровню и строиться на привлечении местных кадров, включая создание общинных милиций как части органов государственного и местного управления.

На Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем в качестве последней как дополняющей. Правовой плюрализм, который развивается во многих странах, в этом регионе может оказаться более эффективным, чем «единое правовое пространство».

Главное — это улучшение управления, а не административные переделы. В некоторых республиках уже имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и общинного представительства, хотя принцип этнических курий или партий имеет свои серьезные ограничители и может нести конфликтогенный потенциал. Так называемая «этническая правосубъектность» и политика, базирующаяся на коллективных правах, не являются ответом на проблемы правления в этом регионе. Поскольку возможных клиентов на подобную субъектность великое множество, определить их членство невозможно, а тем более воспользоваться действующими в стране законами, субъектом которых является прежде всего гражданин.

Более перспективным представляется отход от концепта коллективных прав, на котором строится нынешняя политическая идеология. В плане общественно-политического устройства более перспективно прекратить ориентацию на этнические корпорации, которые часто возглавляются отставными военными или проигравшими политиками и спонсируются криминальными деньгами. Не об абстрактном «уважении народов», «национальной гордости», «реабилитации», «возрождении» нужно заботиться, а об отдельных гражданах — старых людях, которые действительно пострадали в результате депортаций; молодых, которым негде работать и которых унижает милиция в российских городах только за их внешний облик и запись в паспорте.

Управление на Северном Кавказе может строиться только на основе: а) кросс-этнических политических коалиций (они, собственно говоря, существуют и действуют, несмотря на культурно-фундаменталистскую риторику экспертов-кавказоведов и общественных активистов); б) утверждения индивидуальных прав и гражданской правовой культуры; в) общедемократических норм выборности и регулярной смены власти; г) интенсивной подготовки нового поколения управленческих и правовых кадров, в том числе из числа женщин и молодежи.

В последнее время проявилась еще одна негативная черта этнического национализма в сфере северокавказской политики. Делается попытка превратить в неких самостоятельных агентов российской политики мифи-

ческие «мировые диаспоры» типа адыгской (черкесской) или какой-либо другой. Именно от имени «мировых адыгов» в российской прессе были напечатаны заявления по поводу величия и несменяемости действующего руководителя Республики Адыгея, а дискуссия по поводу целесообразности или нецелесообразности повторного вхождения республики в состав Краснодарского края была представлена как некий зловещий заговор против адыгов. История уже знает примеры, когда эмигрантские сообщества превращали в политических заложников страны или регионы своего первичного исхода, делая это или в интересах геополитических соперничества или под режиссуру местных начальников, которым хочется быть еще и мировыми этническими вождями. Эта линия должна всячески пресекаться в вопросах государственной организации и управления, если речь идет о суверенном государстве.

Культурная перспектива

■ Северный Кавказ — развитый в культурном отношении регион страны. Здесь высокая концентрация учреждений профессиональной культуры и высшего образования, а также научных кадров. Доля людей с высшим образованием и студентов вузов среди представителей нерусских народов выше, чем в среднем по стране (ниже среднего только у чеченцев и у некоторых народов Дагестана). В северокавказских республиках сложилась система многокультурного образования при доминирующей роли русского языка обучения. Старые и новые попытки навязать здесь систему так называемых «национальных школ» встречают сопротивление рациональной стратегии родителей и самих молодых людей, и нет смысла энтузиастам «национального возрождения» утверждать ложный комплекс неполноценности в отношении языковой ассимиляции или многоязычия.

Однако за последние годы из-за экономических трудностей, конфликтов и ксенофобии снижается число студентов из числа нерусских северокавказцев в ведущих вузах страны, в том числе в вузах Ростова, Ставрополя и Краснодара. Часть молодых людей предпочитает уезжать в Турцию и другие страны для получения религиозного образования. Улучшить ситуацию возможно не столько по линии увеличения числа студентов, сколько за счет более широкого рекрутирования студентов в московские и другие ведущие вузы страны, особенно на экономические, правовые, медицинские, технические специальности.

При всем при этом основные ресурсы местных администраций, предназначенные для культурного производства, могут и должны быть направлены на сохранение и воспроизводство местных этнокультур, ибо нигде больше именно эти культуры (осетинская, кабардинская, чеченская и т. д.) не имеют возможности получать поддержку из средств налогоплательщиков. Что обязаны делать республики, так это более щедро снабжать данной

культурной продукцией своих соплеменников и всех интересующихся за пределами самой республики. Хотя бы как это научился делать Татарстан с татарской культурой. Одними московскими декадами эту деятельность ограничивать невозможно. Возможно, нужен общероссийский телевизионный канал для демонстрации российского, включая северокавказское этнокультурное многоцветие.

Наконец, в последние годы личные и групповые ресурсы граждан и частных корпораций, а также местных сообществ позволяют осуществлять культурное производство и без государственной поддержки или же существенно дополнять последнюю. В Дагестане и в других республиках преуспевшие выходцы из определенной местности или этнической среды охотно поддерживают написание истории сел и фамилий, этнических групп, помогают создавать музеи и развивать художественные промыслы и ремесла, поддерживают фольклорные коллективы и научные исследования. Это процесс необходимо поддерживать и, по возможности, регулировать, чтобы он обогащал и не разъединял россиян, вселял в них гордость и уверенность. И чтобы остальная страна знала больше о народах и культурах Северного Кавказа.

Глобальный контекст

■ Северный Кавказ оказался самым невезучим регионом России с точки зрения воздействия инерции холодной войны и новых геополитических соперничеств. Годившийся в условиях эйфории от либеральной победы Запада интригующий проект второго круга дезинтеграции постсоветского пространства за счет России как новой «мини-империи» нашел много энтузиастов среди политиков, международной бюрократии и научного сообщества, в том числе и в среде новых соседей России, где ощутимо желание наказать бывшего «старшего брата». В осуществление этой идеи вкладываются интеллектуальные и материальные ресурсы, а также академические амбиции.

Геополитическая спешка прослеживается даже в языке и визуальных образах. В официальных документах Европейского союза применительно к Северному Кавказу господствует заимствованное из бытового российского языка клише «Россия и Кавказе» или «агрессия России на Кавказе». Поддержка вооруженного чеченского сепаратизма демонстрировалась на уровне чуть ниже официального во многих странах, в том числе и тех, кто официально признает принцип уважения территориальной целостности. Террористическая деятельность чеченских боевиков осуществлялась при материальной и моральной поддержке радикальных исламистских сил и международных террористических структур. И это уже новый вызов национальным интересам России, в том числе и северокавказскому сообществу.

В 1999 г. группа независимых российских экспертов опубликовала

доклад «Пути мира на Северном Кавказе», который был позитивно воспринят местной общественностью и федеральными политиками. Президент В. В. Путин в феврале 2000 г. встречался с авторами доклада в здании Президиума Российской академии наук. Рекомендации доклада и высказанные предложения были восприняты позитивно и реализованы, особенно в части, касающейся политики в Чеченской Республике. Значительная часть этих рекомендаций сохраняет свою силу и по сегодняшний день. В том числе и рекомендация в адрес политиков, чиновников и общественных активистов, которые живут и работают на Северном Кавказе или находятся там временно по долгу службы, или принимают решения в отношении данного региона, лучше знать и больше учитывать этническую специфику, традиции и образ жизни местного населения. Именно в целях реализации данной рекомендации группа ведущих российских ученых подготовила данное пособие об этнокультурном облике и современных проблемах Северного Кавказа.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Северный Кавказ в древности и раннем Средневековье

▪ Северный Кавказ отличается разнообразным рельефом, климатом, растительностью, хозяйством и народонаселением. Он делится на три основные природно-хозяйственные и историко-географические зоны: горы, предгорья и плоскость (включая подзону Ногайская степь). Хотя большинство жителей региона принято объединять под названием «горцы», основная масса населения сосредоточена ныне на плоскости и в предгорьях.

Еще античные авторы отмечали этнолингвистическую дробность региона. Арабский географ X в. Масуди назвал Северный Кавказ «горой языков». Этническая пестрота населения возросла вследствие переселения в регион ряда тюркских и иранских народов в IV–XIV вв., а затем российской колонизации в XIX–XX вв. Сейчас там живет более 50 коренных народов. Их языки относятся к трем большим языковым семьям: северокавказской, алтайской (тюркская группа) и индоевропейской (иранская, славянская и армянская группы).

В конце II — начале I тыс. до н. э. господствующим типом хозяйства становится земледелие и отгонное скотоводство, обусловленное вертикальной зональностью региона. В предгорьях развивается придомный тип скотоводства и пашенное земледелие. В предкавказских степях происходит выделение кочевых племен скотоводов.

Первыми известными по письменным источникам обитателями Северного Причерноморья считаются киммерийцы, вытесненные в Малую Азию в начале I тыс. до н. э. скифами. Северо-Западный Кавказ и Азово-Прикубанская территория были главным плацдармом для походов киммерийцев в Закавказье и Малую Азию. В Прикубанье в VIII–VII вв. до н. э. складывается культура древнемеотских племен. В VII в. до н. э. в военное столкновение с северокавказскими племенами равнин вступили занявшие Северное Причерноморье скифы. Массовые переселения, частые военные походы, имущественное и социальное расслоение — важнейшие явления в жизни племен региона в этот период.

С VI в. до н. э. происходит древнегреческая колонизация Северного Причерноморья. В IV в. до н. э. многие меотские племена Приазовья были

подчинены Боспорскому царству. В конце I тыс. до н. э. из Северного Прикаспия в предкавказские степи до предгорий продвигаются ираноязычные кочевники — сарматы. Во II в. до н. э. сарматы проникают на правобережье р. Кубань в среду оседлого земледельческого меотского населения. В начале I тыс. н. э. источники говорят об аланах Подонья и Кавказа. Алания упоминается как территория равнин к востоку от Прикубанья с характерными чертами военной демократии в организации общества.

В 70-е гг. IV в. н. э. началось массовое вторжение гуннов на Кавказ, в первую очередь на земли кочевых аланских племен, что привело к изменению карты региона. Были уничтожены Боспорское царство, многие античные города. В результате на Северо-Западном Кавказе была подорвана политическая роль меотских племен, аланские же отступили на правобережье Терека и в верховья Кубани. После распада гуннской державы в V в. в Северном Причерноморье и Восточном Приазовье вплоть до Кубани сложился союз различных тюркоязычных племен.

Переселение на Северо-Восточный Кавказ кочевых племен (главным образом тюркского происхождения) почти непрерывно шло с IV до XIV в. С IV в. до середины V в. регион находился под властью гуннов, захвативших «Каспийские ворота» и совершивших через них ряд опустошительных походов в Закавказье и Переднюю Азию. Наиболее известен их поход 395 г. через Дагестан в Армению и Сирию. Равнина и предгорья Чечни и Ингушетии входили в VIII–XII вв. в Аланское царство. Вплоть до VII в. племена гуннов играли важную роль в социально-политической истории региона.

В начале 1 тыс. н. э. складываются четыре этнокультурные области: Закубанская, Центрально-Кавказская, Дагестанская и Предкавказская, со своими доминирующими этническими группами. На территории левобережья Кубани проживали предки адыгских народов. В Центральной части Кавказа от верховьев Кубани доминировали аланская культура (в бассейне верхних притоков Кубани и предгорно-плоскостных районах бассейна р. Терек) и культура автохтонных племен горной зоны. Предкавказская область в степной зоне к северу от Кубани, в среднем течении Терека до низовьев р. Сулак была зоной военно-политического господства тюркских племен. Миграции тюркоязычных болгарских племен тесно связаны с возникновением Хазарского каганата, борьбой приазовских болгар с ним и их поражением. Оставшиеся на Северо-Западном Кавказе болгары подчинились хазарам и вошли в состав Хазарского каганата.

Усиление адыгского племени зихов с конца VI в. привело к овладению ими побережья Черного моря южнее Таманского полуострова и консолидации местных племен вокруг зихов. Рядом с Зихским племенным союзом возникают Касожский (одно из объединений адыгов) на севере и Абазгский (Абхазский) на юге. Центральная часть Северного Кавказа занималась аланскими и вайнахскими племенами. В этот период происходит увеличение плотности населения степных и предгорных районов. Этнические перемещения и частичный переход кочевников к оседлости в V–VI вв. способствовали росту производительных сил на базе пахотного земледелия и скотоводства.

В VI в. в Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье упрочились позиции Византии. Значительная часть зихов и западная группа алан в верховьях Кубани и Пятигорья придерживались византийской ориентации, восточные аланы бассейна Терека — грузинской. Но суверенитет Византии в этом регионе сохранялся только до конца VII в. В раннем Средневековье начало распространяться христианство, особенно в причерноморских районах, в VI в. у алан и зихов. Дальнейшее распространение христианства на Северо-Западном Кавказе проходило при сохранении традиционных верований и культов — семейно-родовых и земледельческо-скотоводческих.

Как и Северо-Западный Кавказ, Северо-Восточный делился на ряд областей, которые долгое время сохраняли названия, употребимые в местных языках. Наиболее известны следующие: Авария (Аваристан) — занятое аварцами высокогорное плато в Дагестане между долинами рек Аварское Койсу и Андийское Койсу; Галгай — предгорья Большого Кавказа за р. Сунжой, населенные ингушами; Лезгистан — долина р. Самур и окружающие ее горные хребты Южного Дагестана, где живут лезгины и другие народы лезгинской языковой подгруппы; Ногайская степь — низменность между р. Терек и р. Кура, где традиционно происходили перекочевки ногайцев.

Все эти названия введены в письменный оборот в XV–XVII вв. намного позднее понятия «Кавказ», встречающегося уже у античных авторов (например, у Эсхила, Геродота, Страбона). Понятие «Дагестан» впервые употребляет историк XIV в. Мухаммед-Рафи (мулла Мухаммад Рафи). Термин «Чечня» (в иранской транскрипции «Область Сасан» или «Симсим») появляется в персидских источниках XIII в. (в частности, у Рашид ад-Дина), откуда в XVI в. оно вошло в русские документы. Но вплоть до середины XIX в. область между р. Сунжа и предгорьями Большого Кавказа чаще называлась Малой Кабардой. В свою очередь, Чечня делилась на Большую и Малую. Современные названия народов, краев и республик окончательно утвердились при Советской власти. До середины XX в. наряду с ними бытовали другие названия местностей и народов, принятые в кавказских и тюркских языках.

Первые раннесредневековые государства

▪ Для античных авторов весь Кавказ был еще далекой полусказочной страной, куда они помещали скалу, на которую Зевс приковал Прометея, златоструйную реку Фасис, племя амазонок-воительниц. Первые достоверные сведения по истории Северо-Восточного Кавказа дают раннесредневековые христианские и мусульманские историки и географы из Закавказья, Ирана, стран Ближнего Востока. Они описали государственные объединения, существовавшие в IV–XI вв. на территории Нагорного Дагестана. Некоторые из древних наименований сохранились в названиях местностей и селений республики. Крупнейшим государством был Серир (иначе Бет-Даду, известен с VI в.) на территории Аварии. Согласно преда-

нию, его основал последний правитель сасанидского Ирана Йезигерд III (сер. VII в.), укрывшийся в горах вместе со своим золотым тронном. Правители Серира носили титул филан-шахов или «владельцев трона». Их столицей был город, стоящий на месте с. Хунзах.

Крупным государственным образованием на землях современных даргинских районов был Кайтаг (Хайдак) со столицей на месте с. Калакорейш. К XII в. из него выделились город-государство Зирихгеран (Зерехгиран), а также ряд других более мелких горных княжеств — Шандан, Филан, Зуклан, Карах на землях Центрального и Южного Дагестана. Другими государствами в Нагорном Дагестане были Гумик (или Туман, известен с VI в.) в долине р. Казикумухское Койсу со столицей на месте современного с. Кумух; Табасаран (Табарсаран) в предгорьях Южного Дагестана; Лакз в верховьях р. Самур (известны с IV–V вв.). Гумик не имел единого правителя и управлялся выборными старшинами. В других государствах власть принадлежала наследным монархам.

Раннесредневековые государства Нагорного Дагестана испытывали сильное влияние великих держав того времени (сасанидского Ирана и Кавказской Албании), то попадая в полную зависимость от них, то вновь освобождаясь. Первое из этих государств активно распространяло на Северо-Восточном Кавказе зороастризм, второе — христианство армяно-григорианского толка. В IV–VI вв. для защиты от нападений кочевников и горцев с севера персы построили грандиозную 40-километровую систему оборонительных сооружений, расширенную арабами и сельджуками в VIII–XIII вв. и получившую название Горной стены. Центром ее был Дербент — древнейший город Северо-Восточного Кавказа, уже в V–VII вв. ставший важным торговым и культурным центром региона. Город с крепостью на его месте существовал еще в скифский и албано-сарматский период (III в. до н. э. — V в. н. э.). Персы дали ему имя Дербент (иранск. Дарбанд, т. е. «узел ворот»). Развалины Горной стены сохранились до настоящего времени.

Крупными торгово-ремесленными и политическими центрами того времени были города Зирихгеран (на месте с. Кубачи), основанный персами Семендер и Варачан (Вараджан), в начале VIII в. служивший ставкой князя гуннов Алп-Илитвера. Зирихгеран в переводе с персидского означает «мастера кольчуг». Зирихгеранцы прославились как искусные оружейники и ювелиры; искусство металлообработки унаследовали от них современные кубачинцы. Семендер сначала входил в состав царства гуннов, а затем временно стал столицей Хазарского каганата. Кроме них на территории региона существовало еще около десятка городов — Беленджер (Баланджар), Атиль и др.

Арабские завоевания и распространение ислама

▪ VII–X вв. прошли под знаком арабо-хазарских войн с участием горцев Северо-Восточного Кавказа. Начало мусульманского периода в истории региона положил поход 642–643 гг. Сураки ибн Амра на Дербент, пред-

принятый по приказу второго «праведного халифа» Омара. Вскоре после этого другой арабский полководец, Салман ибн Рабиа, совершил поход из Закавказья против хазар и горцев Южного Дагестана. В первой половине VIII в. арабы завоевали Дербент и оттеснили хазар на север. Используя город как свой опорный пункт, они продолжали бороться с хазарами, обращая в ислам жителей Дагестана и облагая их данью (джизья, харадж). Вдоль Горной стены были построены «исламские центры» — крепости, населенные гази — бойцами за веру.

Будущий халиф Мерван, выступив в 737 г. из Сирии, разбил войска Семира и Гумика, глубоко проник в земли Хазарии и в 739 г. вышел к Дону, где захватил в плен 20 тыс. славян. Разбитый им хакан обязался принять ислам, но так и не выполнил своего обещания. В IX–X вв. Арабский халифат распался на ряд самостоятельных государств. Хазарский каганат оказался долговечнее своего противника. Он просуществовал до второй половины XI в. и перестал функционировать как политическая единица после поражения от хорезмийских войск.

Эпоха арабских завоеваний и арабо-хазарских войн на Северо-Восточном Кавказе составляет важный рубеж, с которого средневековые мусульманские авторы начинали историю Кавказа. Дагестанские хроники утверждают, что население Северо-Восточного Кавказа приняло ислам при арабах. Исламизация Дагестана (а порой и Чечни) приписывается известному политическому и религиозному деятелю Абу Муслиму (Абд ар-Рахман ибн Муслим). Это один из любимых народных героев мусульман Кавказа, Ирана и Средней Азии. Восстание, поднятое им в Иране в 748 г., помогло свергнуть династию Омейядов и посадить на престол Аббасидов (750–1258 гг.), прямых потомков ал-Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Аббасиды же и убили в 755 г. Абу-Муслима, увидев в нем своего соперника.

Ученые XX в. опровергли легенду об исламизации Северного Кавказа Абу-Муслимом. Известно, что он никогда не был на Кавказе. Большую часть приписанных ему походов на Дагестан на самом деле совершил его старший современник Маслама. В хрониках же имена их слились. Из перса Абу-Муслим превратился в араба из рода Пророка. В то же время нельзя утверждать, что никакого Абу-Муслима на Кавказе не существовало. В средневековом Дагестане это имя носили несколько миссионеров. Один из них проповедовал в X в. в Дербенте, другой (родом из Аравии) был похоронен в XI в. в Хунзахе, где сохранился его мавзолей. Скорее всего, под именем Абу-Муслима скрывается обобщенный образ героя-исламизатора, возникший благодаря слиянию биографий нескольких исламских миссионеров арабского, иранского и местного происхождения, действовавших на Северо-Восточном Кавказе в VIII–XVI вв.

В действительности исламизация края затянулась почти на тысячелетие. К X в. ислам утвердился только в Юждаге (вокруг Дербента). На втором этапе (конец X–XVI вв.) ислам распространяли местные миссионеры. К XIII–XIV вв. мусульманами стало большинство горцев Дагестана. Ислам

утвердился на всей территории региона, вытеснив прежние религиозные верования, включая христианство и иудаизм. Предки андо-цезских народов и чеченцы были обращены в ислам только в XV–XVI вв. Но только на третьем этапе (XVII — начало XIX вв.) все современные мусульманские народы региона постепенно отошли от домусульманских обычаев. Еще в 1-й половине XIX в. Шамиль долго боролся с противоречащими шариату правовыми нормами и обычаями (адат).

Народы Северо-Западного Кавказа после распада Хазарского каганата

▪ В VII–X вв. Северный Кавказ находился в сфере владений Хазарского каганата. В течение почти трех веков Хазарский каганат был самой могущественной державой региона. С начала X в. возникло управлявшееся князьями из рода Рюриковичей разноплеменное Тмутараканское княжество, располагавшееся на территории Таманского полуострова. В XI в. сложились союзнические отношения князя Мстислава Владимировича с касогами. Тмутараканское княжество играло огромную роль в процессе укрепления русско-северокавказских контактов.

Вторжение кипчаков (половцев) и захват ими южнорусских и северокавказских степей во 2-й половине XI в. нанесли сильный удар по Тмутараканскому княжеству, которое в начале XII в. полностью лишается самостоятельности. Тюркоязычные кипчаки на Северном Кавказе заняли низменную территорию от Нижнего Дона до Дербента.

Граница между кипчаками, адыгами, аланами и вайнахами определялась по течению Кубани, Нижней Малке, Тереку. В этот период происходит этническая и политическая консолидация алан. Гегемония Алании в центральной части Северного Кавказа усилилась в XI в. при царе Дорголеде, имевшем династические связи с Византией и Грузией. В это время усиливаются позиции христианства у части адыгов и в Алании.

Общественное устройство средневекового Кавказа окончательно сложилось после нашествия монголо-татар и завоеваний Тимура. Монголы совершили на Северный Кавказ два похода. В 1220–1223 гг. они разорили мусульманские и христианские страны Закавказья, обошли Дербент, который так и не смогли взять, и, пройдя через предгорья Дагестана, разбили алан, а вскоре и объединенные силы половцев и русских князей. Второй поход состоялся в 1238–1240 гг. Покорив Русь и сокрушив Аланское царство, монголы приступили к планомерному завоеванию поселений и на плоскости и в горах. В 1239 г. монгольское войско под командованием Джеббе и Субудая после ожесточенной осады захватило Дербент и разрушило укрепления Горной стены. Сделав Дербент своим форпостом, монголы захватили к середине XIII в. весь Северо-Восточный Кавказ, обложив местное население данью. В Дербенте, на берегах Терека и в крупнейших селениях на плоскости и в предгорьях были поставлены монгольские гарнизоны.

За четыре года монголы завоевали ключевые позиции в горной полосе Северного Кавказа, разорив регион и истребив множество жителей, но в горных ущельях сопротивление продолжалось и после 1239–1240 гг. Восстанавливались оборонительные укрепления адыгов, аланов, вайнахов и народов Дагестана.

Изменилась этническая карта региона. Перестала существовать Алания как политическая единица, население ее частью было уничтожено, многие вовлечены в военные походы, выселены, загнаны в горы, где они смешались с другими племенами. Из-за выросшей плотности населения в горных районах Центрального Кавказа усилилась миграция части алан на южные склоны Главного Кавказского хребта. Произошли изменения в экономике, культуре, быте значительной части предгорно-плоскостных районов Северо-Западного Кавказа: многие адыги, традиционно оседлые земледельцы и скотоводы, перешли к полукочевому образу жизни и экстенсивному скотоводству, что обусловило продвижение их групп на север от Кубани и в верховья Терека, где к концу XIII–XIV вв. они расселились на значительной части предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа, высвободившихся от алан. Тем самым началось обособление части адыгов в самостоятельную народность — кабардинцев, но численность их до начала XV в. была небольшой. Началось массовое переселение абазинских племен на Северо-Западный Кавказ, вплоть до верховьев Кубани.

Если глубинные горные районы вскоре оправились от разрушений, причиненных им монгольским нашествием, то Семендер и другие ранне-средневековые города на плоскости и в предгорьях так и не смогли возродиться. Продолжавшиеся переселения кочевников, а также частые столкновения Золотой Орды и государства Хулагидов, образовавшегося в Иране и Закавказье, на много веков вперед предопределили экономический упадок и политическую нестабильность на Северном Кавказе.

Золотоордынские ханы, заинтересованные в развитии торговых связей с мусульманскими странами Передней Азии и Ближнего Востока, уделяли большое внимание Северному Кавказу. Во главе региона стояли ближайшие советники или родственники ханов: при Батые его брат Берке, а при Берке-хане — Ногай (Нагай), выдающийся полководец, при котором сформировалось ядро будущей Ногайской Орды. Они щедро раздавали земли монгольским воинам и местным правителям на правах условного владения (икта) за охрану южных границ Орды. При хане Узбеке (правил в 1312–1342 гг.) ислам стал государственной религией Золотой Орды. Исторические предания ногайцев и других народов плоскости называют Узбека одним из главных распространителей ислама в регионе.

В конце XIV в. Северный Кавказ стал ареной борьбы Тимура с золотоордынским ханом Тохтамышем. В отместку за поход Тохтамыша в 1386 г. через Дербент в Восточное Закавказье Тимур совершил в 1395–1396 гг. набег на Прикаспийские области Золотой Орды. В 1395 г. он уничтожил на Тереке войска Тохтамыша, а затем начал планомерный захват региона.

Разорив земли современной Чечни и Ингушетии, он дошел до Дербента, взял и укрепил его, а затем разграбил и захватил территории Кайтага, Зирихгерана, Гумика, Аварии, кумыкские земли в междуречье Терека и Сулака. Северной границей созданной им державы стал Главный Кавказский хребет. Это нашествие оказало сильное влияние на последующее развитие народов Северного Кавказа.

Отношение к Тимур на Северном Кавказе было двойственным. Почти повсюду его встречало ожесточенное сопротивление. Местные хроники и устные предания рассказывают о совершенных им жестокостях и грабежах. С другой стороны, в мусульманской историографии Тимур нередко предстает в образе благочестивого мусульманина, завершившего исламизацию ряда горских народов, таких, как кумыки, андийцы и аварцы. Этот образ, вероятно, создан местной мусульманской знатью. Дело в том, что Тимур нигде не смешал прежних правителей, добровольно покорившихся ему. Эмир широко поддерживал восточную форму ленных пожалований — союргал. Согласно ей местные правители получали от Тимура в наследное владение земли с правом взимания государственных налогов с местных жителей.

Вскоре после смерти Тимура его держава распалась, и Северо-Восточный Кавказ вышел из-под власти его наследников Тимуридов. Но Золотая Орда уже не смогла оправиться от нанесенного ей поражения. В начале XV в. она разделилась на Казанское, Ногайское и Крымское ханства. На Северном Кавказе образовалось несколько мелких мусульманских государственных образований. Их развитие шло крайне разнообразно и неравномерно. Если одни из них слабели и распадались на части, то другие все более расширялись и крепили. Большинство раннесредневековых государств региона перестали существовать еще в начале послемонгольской эпохи. В XII в. Лакз, Серир и Аланское царство распались и исчезли с политической карты региона. К XV в. потеряли самостоятельность Карах, Филан, Шандан и Зирихгеран, поглощенные Кайтагом.

Вместе с тем к XV в. постепенно восстанавливает силы Табасаран, разделившийся на северное майсумство и южный казият. В Нагорном Дагестане появляются новые крепкие мусульманские государства — Аварское нуцальство, Кайтагское уцмийство, Казикумухское шамхальство, Дербентский эмират. Первое возникло на развалинах Серира и охватывало земли современной Аварии. Кайтаг и Казикумух (на месте Гумика) поделили между собой не только горы, но и плоскость Центрального и Северного Дагестана. Дербент контролировал равнину Юждага. Наиболее сильным государством стало Казикумухское шамхальство, заставлявшее остальные владения платить себе дань. Правившие в Казикумухе, Кайтаге и Аварии наследные князья возводили свои роды к потомкам пророка Мухаммеда, пришедшим на Кавказ с легендарным арабским полководцем Абу-Муслимом. Арабские генеалогии этих владык в большинстве своем не отражены в раннесредневековых источниках, а сами титулы — уцмий, нуцал, майсум, кроме шамхала, — появились только в послемонгольское время.

Во внутренних районах Нагорного Дагестана и Чечни началось усиление сельской общины или джамаата. К XV–XVI вв. тут появилось несколько десятков союзов сельских общин, такие, как Акуша-Дарго, Цудахар, Салатавия, Ункратль («Четырехмиземье»), Нохчмахчкой, Галгай и др. По традиции в литературе такие союзы обычно называют «вольными обществами». Не все из них были самостоятельны. Большинство дагестанских вольных обществ зависело от казикумухских шамхалов, другие — от кайтагских уцмиев или аварских нуцалов. Они выплачивали им ежегодный поземельный налог (харадж) и выставляли ополчение из всех взрослых мужчин в войско своих сюзеренов на случай войны. Укрепление общины и некоторая стабилизация политической обстановки происходили на фоне подъема экономики региона. В эту эпоху восстанавливается волго-каспийская торговля. Растут старые и появляются десятки новых селений в горах и на плоскости.

Организация общества у народов Северного Кавказа

■ Начиная с XIV–XV вв., более развитые северокавказские общества делились на ряд сословий. Основное население региона было представлено сословием узденей. Как и на Северо-Западном Кавказе, в Дагестане, Чечне и Ингушетии этим тюркским словом называли не только горских дворян, но и свободных общинников. Они делились на богатых, средних и бедных; родовую знать и менее родовитых; коренных и пришлых и т. д. Все уздени участвовали в народном собрании общины, служили в ополчении своих джамаатов. В районах, зависевших от шамхалов, нуцалов или более мелких князей (беков), предводителями ополчений выступали ханы. Последние стояли на самом вершине сословной иерархии. Беки и потомки от браков беков с узденями, носившие имя чанков, считались ниже их по положению. В период наибольшего могущества Казикумухского шамхальства беки и чанки из Казикумуха проникли в ряд высокогорных джамаатов. Только в Северо-Западном Дагестане, Чечне и Ингушетии так и не сложилось ханско-бекского сословия.

В положении крепостных пребывали райяты, прикрепленные к землям, находившимся в частной собственности (мульк) или пожалованным на условии несения военной службы бекам и служилым узденям (икта). На плоскости на землях ханов находились целые райятские поселения. В приморском Дагестане весь тюркский народ терекеме считался райатами кумыкских беков. В горах Чечни и Северного Дагестана райатов было немного. Низшую ступень сословной иерархии занимали рабы (*лаги, кули, караваши*). Они принадлежали отдельным кланам (*тухумам, тейпам*). Источниками формирования лагского сословия были военные походы и работорговля на невольничьих рынках. В высокогорной части региона рабов было немного. Зато в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков лагское сословие занимало видное место и играло большую

роль в хозяйственной жизни общины. Описанное выше социально-политическое устройство региона с незначительными изменениями существовало до присоединения региона к России.

В XVI–XVII вв. на Северо-Западном Кавказе происходит складывание более крупных этнических объединений и их консолидация в народности. Сосредоточение власти происходит в руках знати: у адыгов — князья (*пши*), *урки*, у абазин — *ахи* и *агмиста*, в Осетии — *бадияты* и *алдары*, в Карачае — *бии*, *чанки* и *сырма-уздени* трех разрядов. Более мелкие владельцы находились в вассальной зависимости от них. В XVII в. в Кабарде утвердился ислам. В ходе междоусобной борьбы сильные владельцы подчиняли себе сельские общины, вводя для них обязательную повинность — *ясак*. Часть сельских обществ нагорной зоны не имела зимних пастбищ и зависела от владельцев соседних пастбищ. Основная часть сельского населения при этом оставалась лично свободной. Наиболее эксплуатируемыми были лично зависимые крестьяне, оказавшиеся на положении крепостных. Рабство имело патриархально-домашний характер. Сохранялись родственные организации и патриархально-родовые порядки.

Во время войны и угрозы нападения извне по горским адатам все мужское население было обязано участвовать в защите владетельных территорий, уклонявшиеся наказывались крупным штрафом или изгонялись. Низовой административной единицей были общины, некоторые из которых объединялись в военно-политические союзы. В осетинских обществах административная власть находилась в руках феодалов-бадият, господствовал территориальный принцип расселения при усилении политических прав сильных семей, когда определенные тухумы получали исключительное право на должности старшин. В мирских сходах — органах самоуправления — участвовало все мужское население. Осетины и карачаево-балкарцы были разделены на мелкие политические объединения, которые постоянно дробились на более мелкие и управлялись княжескими сословиями, а также их вассалами из числа узденей. Нормы поведения в обществе, внутренняя жизнь определялись обычным правом с большим влиянием норм родового строя (присяга, соприсяжничество, кровная месть). Низовая общественная ячейка в горских обществах (сельская община — *джамаат*, *вотчина*, крупное селение-*кабак*) имела свои обычаи и органы управления.

В начале XVI в. во главе Кабарды находился старший князь, избираемый по очереди из княжеских семей. Борьба за получение данного достоинства приводила к кровопролитным столкновениям. Во 2-й половине века при старшем князе Темрюке Ильдаровиче была предпринята неудачная попытка объединения, в 1580-е гг. не смог решить этот вопрос и общекабардинский съезд. В итоге к XVII в. произошло разделение Кабарды на Большую и Малую, которые в дальнейшем были мало связаны.

В Большой Кабарде было пять княжеских уделов, в Малой — два. Каждое удельное княжество состояло из нескольких десятков деревень. Главой удела автоматически становился старший по возрасту из князей, в управ-

ленческий аппарат входили казначей, дворецкий, сборщики податей, личные телохранители — «ближние уздени» и др. Высшая исполнительная власть в Большой Кабарде принадлежала Верховному князю, избираемому на собрании представителей уделов из удельных князей, а законодательная — Совету удельных князей (Хаса). Низовой административной единицей была деревня, владелец которой выполнял административно-полицейские функции. В частых междоусобных войнах знать прибегала к помощи со стороны Крымского ханства. В начале XVII в. вне пределов Кабарды в районе г. Терки при содействии Русского государства возникло Кабардинское княжество Сунчалевичей Черкасских.

На территории западных адыгов наиболее сильные позиции имело Жанеевское княжество Кансуковых в нижнем течении Кубани, а также объединение хатухайцев. Ближайшую к Кабарде гористую территорию занимали бесленеевцы. В XVII в. их оттеснил улус Малого Ногая. В горах проживали «вольные черкесы» — общества натухайцев, шапсугов, абадзехов и др., объединявшиеся в сельские общины. Абазины были разделены на две группы — таланта и шкаруа, которые также делились на более мелкие и назывались по имени фамильных владетельных князей («аха»). В середине XVII в. верховным правителем «Абазинской земли» считалась феодальная семья во главе с «большим братом» — цекой-мурзой. Они были зависимы от кабардинских князей. К середине века кабардинские феодалы контролировали значительную часть северокавказской территории.

К концу XVII в. между левобережьем Кубани и Главным Кавказским хребтом до р. Сунжа на востоке проживали адыги и кабардинцы. Соседями западных адыгов и кабардинцев были абазины, проживавшие по рекам Большой и Малый Зеленчук, Баксан, Малка, Кума, в прибрежных и горных районах Причерноморья, а также убыхи. На северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта в ущельях проживали карачаевцы и балкарцы, в горной части Центрального Кавказа — осетины. Границы расселения были неустойчивы.

Кавказ и великие державы в XVI–XVII вв.

- В XVI–XVII вв. Северо-Восточный Кавказ стал предметом борьбы между Османской империей и Ираном, оспаривавших господство в Передней Азии и на Ближнем Востоке. Эпоха иранских завоеваний в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе связана с деятельностью иранских шахов из династии Сефевидов. Их главной опорой были воинственные турецкие кочевники Закавказья, принадлежавшие к военно-религиозному братству сефевийя, созданному предком Сефевидов шиитским шейхом Сефи ад-дином Исхаком Ардебиле. Походы на Северный Кавказ проходили под лозунгом распространения шиизма. Потомки обращенных в шиизм дагестанцев до сих пор живут в Дербенте и горных селениях Мискинджа и Лгар.

В свою очередь, турецкие султаны вели завоевания на Кавказе под предлогом обращения в ислам еще не ставших мусульманами горцев Кабарды, Чечни и Северо-Западного Дагестана, а также борьбы с шиитской «ересью». Они использовали войска крымских ханов из династии Гиреев.

Правители и «вольные общества» Северо-Восточного Кавказа вынуждены были лавировать между двумя державами. Кайтаг традиционно придерживался проиранской ориентации. Чеченские и ингушские тейпы, аварский хан и кумыкские беки признавали над собой власть крымских Гиреев. Казикумухское шамхальство обычно поддерживало турок и крымцев. К концу XVI в. шамхалы все больше отходят от союза с Османской империей и Крымским ханством. Позднее шамхальство отказалось выступить вместе с крымцами на войну с Ираном, за что Кази-Кумух был разрушен турками. В конце XVI в. шамхал Сурхай (Суркай) признал себя вассалом иранского шаха Аббаса I. В 1642 г. шамхальство распалось на Казикумухское ханство и Тарковское шамхальство. Шамхалы перенесли свою столицу в кумыкское с. Тарки.

Со 2-й половины XVI в. на политической арене Северного Кавказа появилась еще одна сила — Московское царство. Южная граница России стала проходить по Северному Кавказу. В 1556 г. хан Большой Ногайской орды Исмаил принял русское подданство вместе с большинством ногайцев. Ногайцы, не пожелавшие оказаться под русским владычеством, ушли в Приазовье с ханом Казыем, образовав Малую Ногайскую орду (Казыев Улус присоединен к России в конце XVIII в.).

В правление Ивана IV Грозного многие кабардинские князья, не имея возможности самостоятельно противостоять натиску Турции и Крымского ханства, владевших тогда Северным Кавказом (кроме Карачая, Осетии, Ингушетии, Чечни и части Дагестана) ориентировались на Москву. В ноябре 1552 г. с просьбой принять их в русское подданство в Москву прибыли два черкесских князя. В августе 1555 г. приехала делегация во главе с князьями Сибокком, Ацымгуком и Тутарыком, от имени всех жителей земли Черкесской просившая о помощи против турецких и крымских властителей и о вступлении в русское подданство. В подданство России таким образом вступили кабардинцы, северо-западные адыги, абазины, жанеевцы и др. Обещая помощь в противостоянии крымской агрессии, Иван Грозный, однако, отказался вступать в конфликт с Турцией, сославшись на заключенный с ней мир.

Укреплению связей России с Кабардой способствовала женитьба Ивана Грозного в 1561 г. на дочери Темрюка Идарова Кученей, крещеной Марии. В 1557 г. кабардинские князья Темрюк и Тизрют обратились к Ивану IV с просьбой о содействии в борьбе против шамхала Тарковского, и в 1559 г. впервые московские войска были направлены на Кавказ. В итоге между кабардинскими князьями и шамхалом был заключен мир. В 1563 г. Иван Грозный вновь направляет на Кавказ отряд для защиты своего тестя князя Темрюка от изменивших ему черкесов. В 1566 г. из Кабарды

в Москву за военным содействием прибыл шурин царя князь Матлов Темрюкович. По его просьбе 2 февраля 1567 г. в Астрахань и на Терек вместе с ним были направлены русские воеводы, и на правом берегу Терека у впадения в него Сунжи была построена первая в Кабарде русская крепость с постоянным гарнизоном — Терки. Однако слабость позиций России на Северном Кавказе после неоднократных набегов и вторжений крымского хана в Кабарду заставила царя согласиться на требования турецкого султана снести крепость и вывести гарнизон. Но уже в правление Бориса Федоровича Годунова были построены крепость на притоке Терека Тюменке, Койсынский острог в устье р. Койсу-Сулака и Сунженский острог. В 1604–1605 гг. воевода И. М. Бутурлин захватил кумыкские селения Эндирей и Тарки, но вскоре был разбит соединенными силами турок, дагестанских и кабардинских князей. Русские крепости на Тереке и Сулаке были сожжены, а гарнизоны их частью выведены в Россию, а частью погибли.

Несмотря на военные неудачи России, местные властители все чаще стали посылать посольства в Москву за посредничеством и поддержкой в случае военных столкновений и споров с соседями. В 1-й половине XVII в. продолжались междоусобные войны и попытки Крымского ханства овладеть Кабардой. В 1614–1615 гг. царю Михаилу Федоровичу присягнули западные черкесы, в 1643–1645 гг. — абазины. В 1645 г. царю Алексею Михайловичу принесли присягу Малая и Большая Кабарда. Кабардинские князья играли роль посредника в связях русских властей с другими народами региона. Алексей Михайлович, Иван Алексеевич и Петр Алексеевич назывались царями «кабардинской земли, черкасских и горских князей». В 1671 г. почти 8 месяцев продолжалось вторжение войск крымского хана в Кабарду, ставшую ареной соперничества Турции и России. В русско-турецкой войне 1676–1681 гг. небольшая часть кабардинцев участвовала на стороне России. В этот же период посредническую роль между Османской империей и народами региона начинают играть карачаевские и абхазские князья.

В XVII в. многие государственные объединения региона не раз вступали в союз или вассальную зависимость от православных правителей России, видя в ней противовес частым нашествиям на Дагестан турок и персов. Так поступали шамхалы Тарковские, аварские нуцалы, некоторые южнодагестанские ханы, чеченские и ингушские «вольные общества».

Складывание терского и гребенского казачества

■ Нестабильность организации казачьих отрядов, частые смены мест обитания не позволяют точно установить время складывания терских и гребенских казаков. Первые сведения о них относятся к 2-й половине XVI в. Как уже отмечалось выше, в 1567–1568 гг. при впадении в Терек р. Сунжи была построена русская крепость Терки. В ней были поселены казаки, получившие с того времени название терских. В XVI–XVIII вв. каза-

чье население на левобережье Сунжи и правобережье Терека росло. В 1582 г. 300 донских казаков под предводительством атамана Андрея перешли Терек и поселились в предгорьях Чечни на р. Акташи («на Гребнях»), отчего их потомки стали называться гребенскими казаками. Здесь они жили до 1685 г., когда бежали от нападений чеченцев и ингушей на Терек, где основали станицы Павлово и Кошлаковское. Влившиеся в состав гребенских казаков переселенцы с Дона и Кумы поселились в с. Кажоровцы в Большой Кабарде и с. Татартул в Малой Кабарде (Чечне). Позднее гребенские казаки основали станицы Новогладкую и Червленую.

Казачьи станицы одновременно были военными поселениями и самоуправляющимися сельскими общинами. Они жили по преимуществу за счет рыбной ловли на Тереке и в Каспии. Ядро терских казаков составляли беглые крепостные крестьяне с Волги и из Центральной России, гребенских — беженцы с Дона и Украины. Большинство из них исповедовало православие. Реже встречались старообрядцы и представители нехристианских конфессий: ногайцы и кумыки — мусульмане, изредка — калмыки-буддисты. В состав терского казачества вошли также выходцы из аварцев и кумыков, а гребенского — чеченцы, ингуши и кабардинцы. Они укрывались в казачьих станицах от кровной мести или преследований горских князей. Большая часть из них приняла крещение. Крещеные горцы образовали под Терками Черкасскую и Новокрещенскую казачьи слободы.

В XVII в. завершилось складывание самоуправляющейся хозяйственной и военно-политической организации терских и гребенских казаков. Все взрослые мужчины общины или станицы выбирали на сходах (станичных сборах) станичного атамана, его помощников (есаула и хорунжего), писаря и совет старшин. Старшины также играли роль суда, разбиравшего тяжбы между жителями станицы. Как в городе-крепости Терки, так и в казачьем войске, представлявшем собой совокупность всех станиц, управление копировало станичное. Высшим органом казачьего самоуправления был войсковой круг, избиравший наказного атамана.

Отношения казаков с их соседями из мусульманских горных и предгорных селений чаще всего были враждебными. Обе стороны при этом применяли одни и те же методы ведения войны. Они совершали набеги, угоняя у своих соседей скот и сжигая их поселения. Эти столкновения происходили между гребенскими казаками и большими кланами (тейпами) чеченцев. Дело в том, что наряду с образованием казачьих станиц происходило одновременное заселение плоскости чеченцами, спускавшимися с Аккинских и Ичкерийских гор. В долинах Сунжи и Терека бок о бок друг с другом возникли казачьи и горские селения. Но наряду с ожесточенными столкновениями известно и о мирных торговых и культурных связях казаков и горцев-переселенцев.

С расширением Российского государства на Кавказ власти начали все чаще использовать терское и гребенское казачьи войска как иррегулярное войско для охраны южных границ и в войнах с горцами. Договоры с

казаками заключались через наказных атаманов. Взамен правительство обещало признавать их самоуправление и безвозмездно даровать им занятые их предками на Кавказе земли. Однако вплоть до начала XVIII в. связи казаков с российскими властями не были прочны. В периоды ослабления Московского царства казацкие шайки вместе с горцами грабили южные пределы Руси, совершая набеги до Астрахани и Кубани. Затем выборные от них являлись с повинной в Москву. Иной раз казачьи круги отказывались помогать российским властям в походах на своих соседей-мусульман.

Российские завоевания XVIII и начала XIX вв.

▪ Если в эпоху Московского царства Россия только укрепляла свои южные границы на Северном Кавказе, то с созданием Российской империи началось завоевание региона и его русская колонизация. Влияние России на Кавказе постепенно перевесило турецкое и иранское. Однако еще более века продолжалась военная и дипломатическая борьба за Кавказ между Россией, Ираном и Турцией. В 1722–1723 гг. Петр I организовал знаменитый персидский поход. Русские войска прошли берегом Каспийского моря от Астрахани через весь Дагестан, без боя вступили в Тарки, затем в Дербент и нанесли иранскому шаху ряд сокрушительных поражений в Азербайджане. По Петербургскому договору 1723 г. к России отходило все западное и южное побережье Каспия. Шамхал Тарковский Адиль Гирей-хан принял российское подданство. Однако вскоре почти все петровские завоевания на Восточном Кавказе были потеряны. Шамхальство отложилось от России. Анна Иоанновна возвратила Ирану прикаспийские области. Граница между двумя государствами была проведена в 1735 г. по р. Сулак. В 1736–1743 гг. на Дагестан напал иранский завоеватель Надир-шах, но был разбит соединенными силами дагестанских князей и «вольных обществ» и отступил в Иран.

В 1739 г. по Белградскому договору Малая Кабарда, под которой тогда понималась также и территория современных Чечни и Ингушетии, была объявлена «барьером» между Россией и Турцией. Однако набеги Османской империи и крымских татар продолжались, что усиливало политическую ориентацию края на Россию. В 1747 г. русское правительство решило принимать в подданство осетин и ингушей, а в 1749–1752 гг. Санкт-Петербург посетило осетинское посольство. В результате переговоров предгорья Центрального Кавказа, бассейн рек Ардон и Фиагдон признавались русским правительством свободной территорией, чем подтвердилась российская ориентация этого района. В 1763 г. началось переселение горцев в урочище Моздок и строительство крепости Моздок, а в 1774 г. по итогам переговоров астраханского губернатора П. Н. Кречетникова с 20 членами посольства состоялось присоединение Осетии.

Северный Кавказ продолжал оставаться сферой соперничества России и османской Турции. С помощью французских инженеров Турция построила крепость Анапу, используя ее как один из форпостов для агрессии на Северном Кавказе. Однако в ходе русско-турецких войн происходит постепенное усиление влияния России в регионе.

В 60-е гг. XVIII в. в Кабарде были построены военные укрепления от Кизляра, заложенного в 1736 г., до Моздока (1763 г.), что положило начало возведению Кавказской линии и усилению военно-казачьей колонизации в верховьях Кумы, по Лабе, Урупу, Малке, Сунже. С 1769 г. русская военная администрация учредила в Кабарде приставское управление. Кабардинские князья и дворяне все свои действия должны были согласовывать с ним. Таким образом, складывается система военно-народного управления, при которой приставы опирались на военную силу при сохранении традиционных общественно-политических институтов горцев. Вооруженные выступления кабардинских князей, их депутации в Петербург по вопросу срытия Моздока и упразднения приставства не увенчались успехом. В 1771 г. Екатерина II специальной грамотой запретила русским властям на Кавказе принимать беглых крестьян из Кабарды.

По условиям Кючук-Кайнарджийского договора с Турцией 1774 г. Россия получила правый берег Кубани и в ее состав вошла Кабарда. Осенью 1777 г., когда из Турции в Суджук-Кале отплыл фрегат, Екатерина II, воспользовавшись ситуацией, сформировала под началом А. В. Суворова Кубанский корпус и отправила его на правый берег Кубани, где за короткое время была создана система укреплений и крепостей — Александровская, Копыловская, Марьинская, Новотроицкая и др. В том же 1777 г. Екатерина II утвердила проект новороссийского губернатора Г. А. Потемкина о соединении всех русских форпостов на Северном Кавказе от устья Дона до Терека в укрепленную линию — Азово-Моздокскую. Здесь развернулось строительство новых кордонных линий и крепостей между Моздоком и Азовом — Екатериноградская (1777 г.), Георгиевская (1777 г.), Солдатская (1779 г.), Владикавказская (1784 г.) и др., началось переселение туда хоперских и волжских казаков. Между укрепленными пунктами была развернута полоса редутов, батарей и наблюдательных пунктов. В 1778 г. кабардинские князья начали военные действия против русских войск, добиваясь уничтожения военных укреплений, однако были разбиты.

В 1783 г. Крымское ханство было упразднено, а в 1784 г. провозглашено присоединение Крыма к России. К 1785 г. все кордонные пограничные укрепления составили единую линию от Каспийского до Черного моря. Весной 1785 г. Екатерина II учредила Кавказское наместничество во главе с Г. А. Потемкиным (из Кавказской и Астраханской областей), началась раздача земель дворянству по Моздокской линии (всего 623 тыс. десятин). В том же году была учреждена Кавказская губерния из шести уездов с центром в Екатеринограде (ныне Екатериноградская ст. в Кабардино-Балкарии).

С последней четверти XVIII в. Северо-Западный Кавказ все активнее втягивается в экономические связи с Россией и другими странами, расширяется вывоз отсюда продуктов земледелия и скотоводства, изделий ремесла и лесных промыслов. Одновременно усилилась и стихийная колонизация русским и украинским крестьянством Кубани и Причерноморья. В случае притеснений со стороны владельцев земель царская администрация разрешила крестьянам переселяться на Кавказскую линию. Ограничения, наложенные властями на доступ к соляным озерам по р. Куме и за Терекон, регулярные военные экспедиции вызывали вспышки сопротивления и нападения на укрепления.

В XVIII в. Шапсугия и Абадзехия в Закубанье управлялись привилегированной знатью, часть которой в конце века изгнано восставшее крестьянство, и данные районы превратились в сумму «вольных обществ» со слабой социально-имущественной дифференциацией. В адыгском обществе, особенно у проживавших на Черноморском побережье шапсугов и натухайцев, активизировались притязания родовой аристократии и старшин, усиливается социальная напряженность. Продолжающийся рост гнета со стороны шапсугского дворянства привел в 1792 г. к восстанию шапсугских крестьян, к которым присоединились абадзехи и натухайцы. Оно приобрело широкий размах, шапсугское дворянство было изгнано. Антифеодальное движение северо-западных адыгов охватило значительную территорию. В Санкт-Петербург прибыла депутация шапсугских и бжедугских дворян, которая была принята Екатериной II. Они заявили о своих верноподданнических чувствах и просили помощи в подавлении восстания. Атаману Черноморского казачьего войска было поручено направить за Кубань отряд казаков, а администрации края — содержать бжедугских князей и шапсугских дворян в добром расположении к России.

Летом 1796 г. в окрестностях Екатеринодара в урочище Бзиюко произошло решающее сражение, в котором крестьяне потерпели поражение. Однако восстание продолжалось. Крестьяне учреждали самоуправление и свою администрацию, вводили народное управление, продолжая упорное сопротивление. Вооруженное вмешательство русских отрядов во внутриадыгские дела положило начало длительной войне на Кубани и в Черноморье. В адыгском обществе произошел раскол. Потомственное крупное дворянство усиливает сотрудничество с царской администрацией, тогда как крестьянство, мелкое дворянство, феодальные старшины выступают против. Ядро движения составили тфокотли — юридически свободные общинники. Вскоре, однако, феодальные старшины, недовольные растущим радикализмом народных масс, начинают сотрудничество с Турцией, и крестьянство в борьбе против них обращается к России, чему способствовали традиционные экономические и другие связи с русскими переселенцами.

С 90-х гг. XVIII в. на территории Кабарды вводится российская административно-судебная система управления. В 1793 г. по предложению Главнокомандующего Кавказской линией генерал-аншефа А. И. Гудовича в

Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы» под руководством моздокского коменданта. Они действовали на основе обычного права и разбирали тяжбы и мелкие преступления. Все уголовные дела рассматривались по законам империи в «Верхнем пограничном суде» в Моздоке под председательством коменданта крепости. Это была апелляционная инстанция для родовых судов и расправ, подчинявшаяся астраханскому генерал-губернатору. По разрешениям родовых судов и расправ созывались народные собрания (хасу).

Все эти мероприятия вызвали сопротивление. В 1794 г. в Кабарде вспыхнуло восстание во главе с князьями. Оно было подавлено, а лидеры отправлены в ссылку. В 1799 г. один из князей А. Атажукин бежал из ссылки возглавил освободительное движение в Кабарде. Теперь к нему присоединилось мусульманское духовенство, что придало религиозную окраску борьбе. Так называемое шариатское движение (1799–1807 гг.) имело массовый характер, в него включились часть абазинцев, бесленеевцев, чегемских карачаевцев, среднего и мелкопоместного дворянства. Восставшие выступали за учреждение духовного суда вместо родовых, за всеобщее равенство во имя религии. Российская администрация была вынуждена пойти на замену родовых судов и расправ шариатскими судами Мехкеме, что привело к усилению влияния мусульманского духовенства на политическое положение в Кабарде, Горском Карачае и частично в Дигории. Верховные князья Кабарды одновременно являлись председателями верховных духовных судов.

Заселение присоединенных земель выходцами из Центральной России, начатое с появления в XVI в. казаков на берегах Терека, приобрело во 2-й половине XVIII в. массовый характер. Было начато формирование гражданской администрации региона.

Сильно изменилось в XVIII в. казачество. Терские и гребенские казаки были лишены былых вольностей и начали превращаться в служилое военное сословие Российской империи. Петр I подчинил их созданной в 1721 г. Военной коллегии. С 1754 г. последняя получила право утверждать атаманов (войсковых старшин), избранных войсковым кругом. Казачьи старшины были приравнены к офицерам (майорам) и переведены на государственное жалованье. Значительная часть завоеванных на Северо-Восточном Кавказе земель была закреплена за Терским казачьим войском. В 1722 г. терские казаки были переведены из Терков в новую крепость Св. Креста, построенную на Сулаке возле отхода от него р. Аграхани. Терское войско было переименовано в Аграханское. В помощь ему в 1724 г. было переселено 1000 казачьих семей с Дона, образовавших отдельное Терско-семейное войско. Гребенские казаки были переведены в новые крепости — Кизляр (осн. в 1735) и Моздок (осн. в 1763). В Кизляр были переселены аграханские казаки, ставшие называться Кизлярским отделом Терского казачьего войска.

Кавказская линия — цепь крепостей, кордонных линий и казачьих станиц, пересекавших весь Северный Кавказ — выполняла три основные цели:

окончательное покорение принявших российское подданство «мирных горцев»; охрану южных губерний от участвовавших в XVIII в. набегов независимых («немирных») горцев; обеспечение безопасного дорожного сообщения с Закавказьем. Она управлялась особым начальником и делилась на Черноморскую кордонную линию, Правый фланг, центр и Левый фланг. Северо-Восточный Кавказ был включен в состав Левого фланга. В свою очередь, он состоял из Терской и Нижне-Сунженской линий, Кумыкской плоскости и Чечни с передовой линией. Центр линии располагался во Владикавказе и должен был охранять Военно-Грузинскую дорогу. Начальник каждой части был подчинен непосредственно командующему войсками на Кавказской линии. Он управлял не только регулярными войсками, но и приписанными к линии (линейными) казаками и местным мусульманским населением.

Чтобы контролировать перемещения горцев по Кавказу, с конца XVIII в. тут была введена «билетная» система. Въезд в Кавказскую линию, а также выезд за ее пределы производился по «билетам» — письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. В 1-й половине XIX в. билетный режим укреплялся. По мере завоевания строгая билетно-паспортная система распространялась на все новые районы Северо-Восточного Кавказа. Паспортный режим для горцев смягчился только к самому концу XIX в. Одной из мер борьбы с нарушением билетной системы стало переселение виновных в ее нарушении в контролируемые регулярными войсками и казаками земли современной Ростовской области и Ставрополя. Участники набегов на российские владения ссылались либо на каторгу, либо в расквартированные вдали от Кавказа арестантские роты.

К началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа от линии Кубань — Терек к югу еще не была под контролем русской военной администрации. Противоречивый характер имело развитие политической обстановки, попытки создания черкесского государства не имели успеха. Горские феодалы пытались лавировать, занимая то прорусскую, то протурецкую позицию. Так, карачаевские феодалы, разделившись на две партии, то просили выставить русские заложники по границе, то выдавали Турции аманатов из четырех сословий — князей и узденей разных степеней. Вместе с тем рост торгового обмена и других связей адыгов и русских в Прикубанье вызывал тревогу в у турок. В результате русско-турецких переговоров в феврале 1800 г. черноморскому войсковому атаману было предписано не пускать адыгов на русскую сторону.

В ответ на спровоцированные Турцией набеги адыгов Александр I специальным рескриптом 17 апреля 1800 г. разрешил черноморскому казачеству совершать карательные экспедиции за Кубань для наказания адыгского населения. В ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Анапа и Суджук-Кале были возвращены Турции. В то же время, русское влияние среди народов Закубанья продолжало укрепляться путем торговли. Основная масса адыгов занимает прорусскую позицию, хотя со стороны части феодальной верхушки, боявшейся потерять власть с утверждением русской администрации, распространялись идеи переселения, и отдельные

кабардинские князья и дворяне во 2-й половине XVIII и 1-й половине XIX вв. переселяются в Закубанье и Турцию.

В 1803 г. началось строительство на месте карачаевского поселения Ачысуу (Кислая вода) Кисловодского укрепления и казачьих станиц в Пятигорье, что вызвало новое восстание в Кабарде. Основное требование сводилось к уничтожению Кисловодской крепости и ликвидации кордонной линии. В 1804 г. в Кабарду для утверждения российской власти и подавления противодействия была направлена военная экспедиция. Во время восстания 1809–1810 гг. кабардинские феодалы попытались переселить подвластное им население в горы. Отказ крестьянства был использован царской администрацией для раскола движения, и направленные в 1810 г. карательные экспедиции подавили сопротивление. В 1811 г. кабардинцы и ряд закубанских обществ и союзов приняли русское подданство. В 1826 г. Карачай во главе с верховным князем-олием подписывает договор о взаимной помощи в случае нападения третьих сил. Однако олий Карачая продолжает посылать аманатов турецкой стороне, что вынудило русское правительство отправить в Карачай в 1828 г. войска. Вооруженное столкновение, длившееся между Карачаем и Россией в течение 1826–1828 гг., закончилось присоединением Карачая к России.

Северный Кавказ все больше становится сферой внутренней политики России, оставаясь к тому же ареной острых международных противоречий. Александр I назначил в 1813 г. главнокомандующим на Кавказе генерала А. П. Ермолова. Расширилось строительство военных укреплений вблизи аулов, на плодородных равнинах, в важнейших топографических пунктах. В 1817 г. было предписано выделять земли казакам правого фланга Кавказской линии.

В 1819 г. против адыгов на Северо-Западном Кавказе действовало 40-тысячное Черноморское (Кубанское) казачье войско. В 1820 г. оно было подчинено Ермолову, а вся территория от Азовского моря до земли Войска Донского включалась в Кавказскую губернию. Вся служба по военной линии на Кубани засчитывалась офицерам войска за действительную военную службу. На земли Черноморского войска началось переселение крестьян Черниговской и Полтавской губерний, активизировался переход к непосредственному подчинению горских обществ и правителей края российской военно-административной власти, перенос военной линии с Терека до подножия Кавказского хребта. Для подавления сопротивления (наиболее крупные вспышки недовольства произошли в 1822 и 1825 гг., особенно под влиянием духовенства) в Кабарду был введен «летучий отряд» с артиллерией, начато строительство укреплений от Владикавказа к верховьям Кубани и перемещение военной линии на юг от Терека к подножию так называемых Черных гор. В 1822 г. крестьянам объявлялась свобода от непокорных русской администрации князей, которые между тем продолжали нападения на Кавказскую линию.

События в Кабарде и Балкарии были тесно связаны с ситуацией в Закубанье, населенном многочисленными адыгскими народами и карачаев-

цами. Часть ногайцев кочевала западнее Екатеринодара, в Закубанье их насчитывалось до 300 тыс. человек. Строительство укреплений в Кабарде и перенос военной линии сопровождалось учащением наездов закубанцев на русские укрепления, ответными карательными мерами и насаждением русской администрации у ногайцев.

В 1821–1822 гг., с подавлением антирусской оппозиции части кабардинских феодалов русскими войсками, левое крыло Кавказской линии продвигается в глубь Кабарды, при этом было построено несколько военных укреплений, в том числе Нальчик, которые заперли выходы на равнину из ущелий и составили Кабардинскую военную линию.

Важное значение имела замена в 1822 г. Мехкеме Временным кабардинским судом. По шариату рассматривались только гражданские дела, члены суда руководствовались и обычным правом, и частично русским законодательством. Уголовные дела находились в ведение военных судов. Временный кабардинский суд являлся также исполнительным органом власти внутреннего управления Кабарды. На места командующим Кавказской линией назначались приставы.

Кабардинские князья, не смирившиеся с покорением края, переселялись за Кубань, в ущелья Зеленчука и Урупа. Отряды так называемых «беглых» кабардинцев в 1825 г. продолжали набеги на русские станицы по верхнему течению Кубани. Однако к этому времени Кабарда полностью была присоединена к России, хотя сопротивление продолжалось и в 40-е гг. XIX в.

Положение оставалось сложным, и в 1824–1825 гг. войска вновь разрушили ряд аулов в Закубанье, где сопротивление возглавили местные аристократы, связанные с Турцией доходами от продажи людей в рабство, сбыта самшита, кож, мехов и шерсти. Однако рядовые шапсуги, натухайцы и абадзехи обратились к русскому командованию с просьбами о покровительстве. В конце 1826 — начале 1827 гг. создалась благоприятная обстановка для прекращения военных действий и мирного присоединения адыгских народов к России.

В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. укрепились связи российских властей с адыгскими князьями и дворянством, восставшие бжедугские крестьяне были изолированы от наиболее решительных и сторонников продолжения борьбы — абадзехских крестьян, а обращение бжедугской аристократии было использовано для разорения сопротивлявшихся адыгских сел по левому берегу Кубани. Была взята Анапа, захвачен Геленджик, развернуто строительство новых крепостей и кордонов, предпринималась также попытка патрулирования военными сторожевыми судами Черноморского побережья. По Адрианопольскому мирному договору с Турцией 2(14) сентября 1829 г. весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно отошел к России. Турция отказалась от притязаний на Черноморское побережье, населенное адыгами, от земель северной новой пограничной линии. Таким образом, Черкесия перешла к России, но закубанские адыги, считавшие свои территории су-

веренными, отвергли трактат. Осенью 1830 г. царские войска двинулись на занимаемые ими территории. Сопротивлявшиеся села сжигались. В 1832 г. для размещения в укреплениях и крепостях Кавказской линии было образовано Кавказское линейное казачье войско. Вместе с силовым давлением развертывалась и экономическая блокада региона, на что горские народы ответили новой религиозной формой военно-политической организации и борьбы, получившей название «мюридизм».

Формирование черноморского и кубанского казачества

▪ С XVI в. важное место в политической, военной, социальной жизни региона приобрело казачество. Решающую роль в формировании кубанского казачества сыграли запорожские и донские казаки, создавшие самобытные формы казачьей жизни. Ограничивая автономию казачества, власть вместе с тем привлекала его к защите границ. В 1783 г. трем запорожским старшинам было разрешено организовать казачью службу, и в 1787 г. были созданы вольные казачьи команды — пехота и конница, названная Черноморским войском. Оно участвовало в русско-турецких войнах XVIII в.

В 1792 г. запорожским казакам были даны две жалованные грамоты, по которым организовывалось их переселение (первоначально 25 тыс. человек) в устье Кубани, где в 1794 г. был основан г. Екатеринодар. В нем находилось главное войсковое начальство. Было основано 40 отдельных куренных селений и хутора. Для защиты от нападений черкесов возводились кордоны, или посты, и пикеты. В 1-ой половине XIX в. (1808, 1820 и 1848 гг.) по распоряжениям правительства в Северо-Западный Кавказ переселяются более 100 тыс. крестьян из малороссийских губерний, а также вышедшие из Турции запорожцы. В 1850 г. здесь было уже 3 города, 61 станица и 2 поселка, 2548 хуторов.

Основные начала организации казачества были изложены в грамотах от 30 июня и 1 июля 1792 г. Войско обязывалось нести пограничную службу, признавалось коллективным юридическим лицом, земля находилась в его общей собственности. Войско получало определенное жалованье и имело свободную внутреннюю торговлю и право продажи вина на войсковых землях. Оно сохранило знамя и литавры, другие регалии Запорожской Сечи. В административном отношении оно подчинялось таврическому губернатору, но имело свое войсковое правительство (атаман, судья и писарь). Точной и определенной регламентации устройства и самоуправления войска в грамотах не было, и это привело к возрождению традиционной казачьей практики.

В 1794 г. были выработаны писанные правила «Порядок общественной пользы», утвердившие систему казачьего самоуправления в рамках 40 куреней с ежегодным избранием атамана, делением войсковой территории на 5 округов с наличием окружного правления. В 1801 г. вместо войскового правительства была учреждена канцелярия, в которую входили атаман, два члена

и один назначенный от правительства, а также правительственный прокурор. Войско было поделено на 20 полков. В 1802 г. восстановлено войсковое правление, по аналогии с донским. По воинским делам Черноморья подчинялась инспектору крымской инспекции, по гражданским — таврическому губернскому начальству. С 1855 г. назначение войсковых атаманов производилось исключительно из лиц неказачьего происхождения.

Положением 1842 г. управление Черноморским казачьим войском делилось на военное (войсковое и окружные дежурства) и гражданское (войсковые, окружные и станичные органы управления). К войсковым учреждениям относились правление, врачебная управа, прокуратура, торговый словесный суд и полиция г. Екатеринодара. Войсковое правление состояло из четырех экспедиций, окружное гражданское управление — из суда, сыскального начальства, словесного мирового суда и прокуратуры в лице стряпчего. Два заседателя, избираемые в окружной суд станичными сходами, участвовали только в решении вопросов, касающихся станиц и казаков. Некоторые статьи положения 1842 г. были приравнены к статьям Положения 1835 г. о Донском войске. К данному времени сложилась сословная структура Черноморского войска: старшины, превратившиеся в дворянское сословие, казачье духовенство и рядовые казаки. Дворянство, помимо обычного казачьего права на 30 десятин земли, имело пожизненные 1500 десятин на генерала, 400 — на штабс-офицера и 200 — на обер-офицера. В сходах участвовали представители всех сословий, духовенство в станичном самоуправлении играло почетную роль.

Землепользование определялось писаными законами, а также обычаями, которые имели преимущество перед писаным правом. Грамоты 1792 г. передали казакам землю в дар как вечную потомственную собственность, а акты 1801 и 1802 гг. юридически оформили коллективную земельную собственность. Право пользования определялось обычаем свободной заимки. В «Порядке общественной пользы» оговаривались привилегии старшины. Положение 1842 г. узаконило фактическое нарушение принципа казачьего равноправия на землю, утвердив различные земельные нормы для рядового казачества и дворянства. Положение 1870 г. заменило пожизненное пользование офицерскими участками потомственным, из войсковой собственности была сделана частная.

Черноморское казачество традиционно занималось земледелием, скотоводством, рыболовством. Казаки несли напряженную сторожевую службу на 260 верстах вдоль Кубани до берега Черного моря на главных укреплениях — постах, мелких пикетах и т. н. залогах и разъездах (всего около 60 постов и батарей и более 100 пикетов с 50–200 и 3–10 казаками в каждом соответственно). Разведку вели пластуны, жившие товариществами. Партизанская война между казаками и горцами продолжалась до 1864 г.

Одновременно с заселением Черноморья происходила колонизация Кубани, образовались Кубанский, затем Кавказский полк и поселена часть Хоперского полка из Хоперского казачьего войска, возникшего в 1717 г. и

переселенного в Ставропольскую губернию за 17 лет до кубанцев. В 1832 г. из разрозненных казачьих частей Северного Кавказа от Каспийского моря до Устьлабинской крепости было образовано Кавказское линейное войско. Войско существовало самостоятельно до 1860 г., а затем вошло в состав Кубанского казачьего войска. Линейные станицы были более военными и приспособленными к защите, чем черноморские курени, и начали заселяться с 1794 г., когда под названием Кубанского казачьего полка было основано 6 станиц. В 1803 г. основано 4 станицы выходцев из слободской Украины, в 1804 г. — станица Воронежская, все они стали называться Кавказским полком.

В 1825 г. основано 8 станиц между Баталпашинском и Прочноокопской, затем в 1838 и 1848 гг. 17 сел крестьян преобразованы в казачьи станицы и присоединены к Кавказскому линейному войску. К концу 1840-х гг. здесь, на Старой линии, было 36 станиц, а также хутора. Одновременно с 1841 г. в течение 20 лет началось и продолжалось заселение Новой Линии — равнины между Кубанью и Лабой. К 1860 г. число станиц выросло с 4 до 32. Казаки Старой Линии, части Терского войска, сел Ставропольской губернии выдвигались на территорию горских народов, и военная колонизация здесь проходила больше регламентировалась, и до 1864 г. не было хуторов.

16 февраля 1845 г. вышло «Положение о Кавказском казачьем Линейном войске». Оно делилось на 17 полковых округов с войсковым и гражданским управлением. Местное управление осуществляли войсковой наказной атаман, войсковое дежурство, войсковое правление, бригадные управления, временные военно-судебные комиссии, полковые и станичные управления, торговый словесный суд. В хозяйственном отношении большое значение имело войсковое правление, в гражданском — бригадные, полковые управления и станичные. Расширились рамки высшего казачьего управления, военное начало лежало в основе всех казачьих порядков, в том числе станичного самоуправления (станичный начальник и двое выборных судей). Начальник назначался войсковой администрацией исключительно из войсковых офицеров или чиновников и преимущественно был военным командиром.

Станичное самоуправление всецело подчинялось станичному начальнику. Судьи избирались на 3 года и имели больше прав, чем у черноморцев. По сравнению с последними наблюдалась большая обособленность полков в земельном отношении, у линейцев было меньше офицерское сословие. Военно-стратегическое положение многих станиц мешало их свободному экономическому развитию, в том числе хуторов, не было рыболовных и солепромышленных угодий. Утвердилось пожизненное и потомственное землевладение офицеров, но в сравнении с черноморским казачеством не было казачьего духовенства и торгового сословия, более пестрым был этнический и профессиональный состав казачества, менее развита система образования.

Пограничную службу линейные казаки несли вдоль верховьев Кубани к Тереку, по Лабинской линии, в открытой местности и исключительно в кавалерии. Кордоны и пикеты, разъезды и залоговые отряды были аналогичны черноморским, но активно участвовали в их действиях и регулярные войска. У горцев линейцы заимствовали кавалерийские навыки, приемы партизанской войны, характер вооружения. Особенно бесстрашными и жестокими воинами были наездники-пластуны.

В 1861 г. было поселено 1736 семейств в 11 станицах в верховьях Кубани и ее притоков по направлению к Майкопу. В 1862–1863 гг. здесь было образовано 40 казачьих станиц, всего же в 1861–1865 гг. в Кубанской области были 81 станица и другие поселения с 14 тыс. семейств. В 1862 г. было утверждено Положение о заселении предгорий западной части Северного Кавказа, в котором предусматривалось выделение денежных пособий, надел общинными землями и передача земли в частную собственность.

Закубанские станицы были важными стратегическими пунктами в вытеснении горцев. Колонизация Закубанского края проводилась под влиянием военных приоритетов. Занятие западных предгорий Кавказа положило конец колонизации Кубанской области в смысле расширения границ казачьей территории. Казачество делилось на отдельные станичные общины, со временем места их расселения не назначались администрацией, а определялись инициативно с последующей санкцией властей. Кроме того, постоянно рос приток иногородних — крестьян-арендаторов и ремесленников из внутренних губерний России.

В 1834 г. возник Армавир (основное население — горские армяне), основываются немецкие колонии, позже усиливается приток греков, болгар, молдаван и др. Доля иногородних постоянно возрастала, особенно с 1868 г., когда появился закон, позволявший лицам невоинского сословия приобретать в собственность усадебные строения на казачьих землях. В течение 15 лет крестьяне, выходцы из южнорусских губерний, достигли 25% казачьего населения (250 тыс.). Они арендовали войсковые общинные и частные земли, часть их была принята станичными обществами. Колонизация предгорий сопровождалась выселением горцев из ущелий к берегам Кубани.

Кавказская война и завершение присоединения региона к России

■ В 1-й половине XIX в. было завершено подчинение России Северного Кавказа. Назвать точную дату присоединения того или иного государственного или полугосударственного образования этого региона к Российской империи не всегда легко. Это связано с тем, что те или иные правители, заявив о принятии российского подданства, поступаться своей властью не хотели и нередко вели антироссийскую политику, объединяясь с противниками России, а иногда и прямо вступали с ней в борьбу. Потерпев поражение, они каялись, снова приносили клятву верности России, и это могло повторяться много раз.

Раньше были поставлены под контроль плоскость и предгорья Дагестана. В 1799 г. вступил в подданство России кайтагский уцмий Рустем-хан. Уже в самом начале XIX в. шамхал Тарковский Мухаммед (Магомед) имел звание тайного советника и получал от российского правительства немалое жалованье. Его сын — Мехти, став шамхалом, в 1806 г. был возведен в чин генерал-лейтенанта российской армии. В 1802 г. в российское подданство вступил хан Аварский, в 1803 г. — султан Елисуийский в Южном Дагестане. Общественный строй управлявшихся ими ханств первоначально не претерпел каких-либо изменений. В 1806 г. было завоевано Дербентское ханство. В самом Дербенте была установлена российская власть, а значительная часть ханства была передана под управление шамхала Тарковского. Все эти территориальные приобретения в Дагестане были подтверждены Гюлистанским договором России с Ираном (1813).

Нагорный Дагестан и Чечня были покорены позже, в ходе затяжной Кавказской войны (1817–1864). Сопrotивление «вольных обществ» горцев российскому проникновению на Кавказ было возглавлено суфийскими шейхами братства накшбандия-халидия. В российской историографии это движение получило название «мюридизм», так как по суфийской традиции повстанцы именовали себя учениками (мюридами) вождей-имамов. Крупнейшее выступление горцев против российского владычества накануне Кавказской войны связано с именем шейха Мансура (Ушурма). Это был чеченец из с. Алды, сначала мюрид, а затем руководитель (шейх) одного из отделений (вирдов) суфийского братства накшбандия. В начале 1785 г. он стал проповедовать в чеченских селениях по Сунже, что вызвало опасения российских военных властей. В июле 1785 г. арестовать Мансура был послан русский отряд под командованием полковника Пиери. Но последователи шейха разбили русские войска в горах.

С этого момента шейх Мансур выступает как глава стихийного повстанческого движения горцев Чечни и Кабарды. Перед началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Большая и Малая Кабарда отложились от России. Приверженцы шейха осадили крепости Кизляр и Наур. Деятельность Мансура была недолгой и малоуспешной. Уже в июле 1787 г., потерпев военные неудачи, шейх во главе нескольких тысяч человек перебрался за Кубань, а после поражения — в сопровождении четырех спутников в Анапу, где оставался до взятия ее русскими войсками. При взятии города 22 июня 1791 г. он был пленен, привезен в Петербург и в соответствии с распоряжением Екатерины II осужден на пожизненное заключение. Согласно одной версии, он был помещен в Соловецкий монастырь, по другим источникам, — в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре заболел и скончался.

После этого на Северо-Восточном Кавказе установилось относительное затишье. Начало Кавказской войны связано с деятельностью нового русского главнокомандующего ген. А. П. Ермолова (1816–1827). При Ермолове была сильно расширена Кавказская линия. В 1818 г. была усилена Нижне-Сунженская линия, укреплен редут Назрановский (современная Назрань) в

Ингушетии и построена крепость Грозная (современный Грозный) в Чечне. В Северном Дагестане были заложены крепости Внезапная и Бурная. Согласно плану Ермолова, русские войска продвигались в глубь Горной Чечни от Сунжи, выжигая «немирные» аулы и вырубая покрывавшие ее дремучие леса. При нем были завоеваны кумыкские земли в междуречье Сулака и Терека. Действия Ермолова вызвали общее восстание горцев Чечни в 1825 г. Он был смещен, а на его место назначен И. Ф. Паскевич (1827–1831). Русские позиции в Дагестане были укреплены в 1830-е гг. Лезгинской кордонной линией. В 1832 г. была построена крепость Темир-Хан-Шура.

Однако быстро подавить повстанческое движение в горах Дагестана и Чечни так и не удалось. Во главе повстанцев встал Гази-Магомед (Гази-Мухаммед, Кази-Мулла), аварец из с. Гимры, ученик накшбандийского шейха Магомеда Ярагского (Мухаммеда ал-Яраги, Мухаммед-эфенди) из Южного Дагестана. Чуть ли не ежедневно Гази-Магомед выступал с проповедями о необходимости подняться на «священную войну» (арабск. газават) против русских захватчиков. В 1828 г. он был провозглашен первым имамом Дагестана и Чечни. Его мюриды составили основные военные силы повстанцев. В 1830 г. Гази-Магомед попытался захватить с. Хунзах, столицу принявших российское подданство аварских ханов, но был отбит. Затем он поднял против русских жителей Закатал, но и там потерпел поражение от регулярных русских войск. Имам лично предводительствовал смелыми и неожиданными рейдами на подвластную российским властям территорию. В 1831 г. Гази-Магомед взял Кизляр, а в 1832 г. осадил Дербент. Новый начальник Кавказского корпуса барон Г. В. Розен разбил войско Гази-Магомеда и занял его родное с. Гимры. В бою имам был убит.

Преемником Гази-Магомеда был избран его соотечественник Гамзат-бек (прав. в 1833–1834) из с. Гочатль. Первоначально его признали только несколько аварских селений, но вскоре под властью Гамзат-бека оказалась значительная часть Нагорного Дагестана и Чечни. Отец его был беком и играл важную роль в Аварском ханстве. Однако сам Гамзат-бек, как и два других имама, опирался на свободных общинников-узденей. Он истребил немало бекских и ханских родов, признавших власть России, обратив их земли и прочее имущество в казну имамата. В 1834 г. Гамзат-бек осадил Хунзах, овладел им и перебил почти всю ханскую семью, включая престарелую ханшу Паху-Бике. Затем он приступил к организации государственного устройства имамата на землях Аварского ханства и «вольных обществ» Нагорного Дагестана и Чечни. Деятельность Гамзат-бека была непродолжительна. В том же году он пал жертвой кровной мести от рук Османа и Хаджи-Мурата, молочных братьев убитых им аварских ханов.

Третьим имамом был избран Шамиль (правил в 1834–1859), аварец из с. Гимры. Он создал в Дагестане и Чечне военно-теократическое государство — имамат. Превращение имама в правителя началось еще при Гази-Магомедде. В присоединившихся к нему селениях он нередко оставлял своих наибов — заместителей. Уже у Гамзат-бека были постоянные наибы, каждый

из которых возглавлял определенный район. Процесс оформления имамата завершился при Шамиле. К середине 50-х гг. третий имам стал суверенным правителем. Во главе управленческой пирамиды стоял имам Шамиль. Ему принадлежала верховная светская и религиозная (амир ал-муминин — арабск. «предводитель правоверных») власть. Имам являлся также верховным судьей. Два дня в неделю (субботу и воскресенье) он посвящал приему жалобщиков. Решение обычно выносилось на месте. Чтобы помочь имаму в его политических, административных, религиозных и судебных обязанностях, в 1842 г. был создан совет (диван) из приближенных Шамиля.

Наибы были опорой административно-военного аппарата. Они назначались имамом. Наибства обычно включали в себя одно «вольное общество», но в некоторых случаях несколько. Число наибов было различным в разное время: от 4 — в 1840 г. до 33 — в 1856 г. Одним из знаменитых наибов Шамиля стал убийца Гамзат-бека Хаджи-Мурат. Наиб отвечал за порядок на своей территории, должен был собирать налоги, приводить в исполнение приговоры шариатских судей и судить своих подчиненных по военно-административным законам Шамиля. Ниже стояли дибирь или мазумы, которые руководили подразделениями наибства. Им подчинялись старейшины деревень. Для того чтобы контролировать наибов и мудиров и собирать информацию, независимую от их отчетов, у имама были мухтасибы, которые путешествовали инкогнито и сообщали Шамилю о деятельности его заместителей. По этим донесениям многие наибы, в том числе Хаджи-Мурат, были смещены имамом.

Основой своего государства Шамиль сделал мусульманское право (шариат). Это было действенное оружие в борьбе с «неверными» русскими завоевателями. Он провел ряд судебно-административных реформ. Их целью было, во-первых, укрепление шариата и, во-вторых, искоренение местных норм обычного права (адата) и некоторых нововведений, появившихся на Кавказе в результате контактов с русскими. Инструкции и постановления Шамиля, известные под именем Низама, были равносильны законодательству.

В социальной области Шамиль продолжал начатую первыми двумя имамами борьбу с ханско-бекским сословием. При нем большинство семей беков и чанков Нагорного Дагестана были физически истреблены. Их владения составили основу государственного имущества имамата. После разгрома имамата они перешли в российскую казну. Социальной опорой имама была сельская община (джамаат). Благодаря своим реформам Шамилю удавалось почти четверть века сопротивляться хорошо оснащенной военной машине Российского государства.

За несколько лет Шамиль подчинил себе значительную часть Нагорного Дагестана и Чечни. Применяя тактику партизанской войны, он тревожил гарнизоны русских крепостей левого фланга и центра Кавказской линии. К 1835 г. он усилился настолько, что осадил в Хунзахе правителя Аварии Аслан-хана Казикумухского. Новый начальник Кавказского корпуса ген. Головин послал в 1837 г. против Шамиля ген.-майора К. К. Фези, который захватил аварские селения Хунзах, Ашилъя, укрепление Ахульго и

осадил имама в Телетле, но не смог взять его и вынужден был заключить с ним перемирие. Экспедиция против Шамиля, посланная в 1839 г. под руководством генерал-адъютанта П. Х. Граббе, осадила его в крепости на горе Ахульго, но имам с небольшим отрядом мюридов пробился сквозь кольцо осаждавших и скрылся в горах Аварии.

Уже в 1840 г. Шамиль возобновил военные действия против русских в Чечне. Из множества стычек, произошедших в этом году, особенно кровопролитно было сражение под Валериком. Чеченцы совершили набег на русское военное поселение Александровское по Военно-Грузинской дороге, а войско под командованием самого имама безуспешно пыталось взять Назрань. Наиб Шамиля Кибит-Магома подчинил его власти ряд селений в долине р. Андийское Койсу. Весной 1842 г. генерал Головин отправился из Ичкерии в поход против резиденции Шамиля, находившейся тогда в с. Дарго, но был разбит горцами и вынужден был с большими потерями отступить. В том же году наибы Шамиля пытались поднять против российских властей сельские общества Южного Дагестана. Поражения русских войск в 1842 г. послужили причиной замены ген. Головина ген.-адъютантом Нейдгартом. Продолжалось укрепление левого фланга Кавказской линии. В 1844 г. было возведено укрепление Петровск (современная Махачкала).

Российские главнокомандующие на Кавказе часто менялись. Нейдгарта вскоре заменил М. С. Воронцов (1844–1854). В 1845 г. он проник в глубь Северного Дагестана, захватил и уничтожил с. Дарго, долго служившее резиденцией Шамилю. Этот поход доставил ему княжеский титул, но стоил России огромных потерь. В Чечне русские войска продвигались вперед, производя вырубку лесов в предгорьях. Воронцов предпринял несколько решительных, но малозначащих походов на территорию имамата. В 1847 г. он осадил аварское село Гергебиль, но отступил из-за распространения в русских войсках эпидемии холеры. Этот важный опорный пункт имамата был взят в июле 1848 г. кн. З. М. Аргутинским. Несмотря на это поражение, отряды Шамиля вскоре возобновили свои действия на юге Лезгинской линии и в 1848 г. безуспешно пытались противостоять русским укреплениям в лезгинском селе Ахты. В 1852 г. новый начальник левого фланга ген.-адъютант кн. А. И. Барятинский смог выбить «немирных» горцев из ряда стратегически важных селений Чечни.

С началом Крымской войны действия Шамиля на Кавказе активизировались. В 1854 г. имам заручился поддержкой начальника турецкой анатolianской армии и начал совместные с Турцией военные действия против России на Северном Кавказе и в Закавказье. В июне 1854 г. отряд под предводительством самого Шамиля перешел через Главный Кавказский хребет и разорил грузинское село Цинандали. Узнав о приближении русских войск, армия имама отступила в Дагестан, захватив с собой большую добычу и заложников. На Северо-Западном Кавказе русские войска оставили Кубань и укрепления Черноморской кордонной линии. В 1854 г. кн. Воронцов, не сумевший поправить положение, покинул Кавказ. Ситуация изменилось только после

вступления на престол нового императора Александра II и окончания Крымской войны. Сменив нескольких главнокомандующих, правительство назначило руководителем русских войск на Кавказе князя А. И. Барятинского (1856–1862). Русский корпус был усилен войсками, вернувшимися из Анатолии. К этому времени силы Шамиля начали иссякать. Разоренные войной сельские общины горцев стали сдаваться российским военным властям.

Война вступила в свой заключительный этап. В 1856–1857 гг. отряд генерала Н. И. Евдокимова выбил Шамиля из Чечни и добился покорения всех «немирных» селений. Шамиль пытался отвлечь внимание противника диверсией против Назрани, но был отбит и отступил в с. Ведено, сделав ее своей новой резиденцией. В апреле 1859 г. Ведено было взято. Шамиль отступил в свое последнее убежище аварское село Гуниб, которое было осаждено и взято 25 августа 1859 г. Шамиль сдался кн. Барятинскому. После капитуляции имама отправили с семьей в ссылку в г. Калугу. В 1870 г. Шамиль получил от Александра II дозволение совершить хадж, выехал из России и поселился в г. Медине, где скончался и похоронен. Кавказская война на Северо-Восточном Кавказе была завершена. На Северо-Западном Кавказе сопротивление горцев продолжалось до мая 1864 г.

Периодически в Нагорном Дагестане и Чечне вспыхивали восстания. Крупнейшими из них в Дагестане были восстания андийского «вольного общества» в 1860 и 1861 гг., движение сельских общин Ункратля под предводительством Каракул-Магомы из села Хварши в 1860–1862 гг., восстание 1863 г. в Закатальском округе, волнения в Кайтаго-Табасаранском и Аварском округах в 1865–1867 гг., повторное восстание ункратлинцев в 1871 г.

Повстанческое движение в Чечне связано с именем шейха братства кадирия Кунта-хаджи из села Киши. В последний период движения Шамиля он подвергся гонениям со стороны имама за осуждение вооруженного газавата и всякого насилия. 1858–1863 гг. Кунта-хаджи провел на Ближнем Востоке. Вернувшись на родину после пленения Шамиля, он быстро приобрел себе учеников-мюридов, число которых доходило до 5 тыс. человек. Подобно членам других суфийских братств, последователи Кунта-хаджи часто совершали зикр — коллективную молитву с поминанием имени Аллаха, за что в русских источниках стали называться зикристами. Несмотря на мирный характер движения, оно вызывало опасения российских властей, которые арестовали Кунта-хаджи в начале 1863 г. и под конвоем отправили в Новочеркасск. С требованием освободить шейха в селе Шали собралось несколько тысяч его приверженцев, которые были разогнаны войсками. Кунта-хаджи умер в ссылке в г. Устюжна Новгородской области.

Последней вспышкой мусульманского повстанчества на Северо-Восточном Кавказе было восстание 1877 г. Поводом к выступлению послужило ухудшение положения крестьян, а возможно и начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Восставшие надеялись на поддержку со стороны своих единоверцев из Турции. Движение охватило почти все округа, созданные русскими в Чечне и Дагестане. Центром его стал аварский

аул Согратль. Во главе восставших встал накшбандийский шейх Магомед Согратлинский (Мухаммед ас-Сугури). Для подавления восстания России пришлось стянуть на Северный Кавказ войска из Закавказья и Средней Азии. Восстание было подавлено. Магомед Согратлинский и другие руководители его были повешены по приговору военно-полевого суда. Некоторые участники восстания бежали в Турцию. Многие тысячи дагестанцев и чеченцев были сосланы в губернии Центральной России. Они смогли вернуться на родину только после амнистии, объявленной в 1883 г. участникам восстания правительством Александра III.

Ужесточение политики царизма на Северо-Западном Кавказе способствовало расширению влияния религиозного фактора. В 1842 г. в сопровождении нескольких эфендиев туда прибыл наиб Шамиля Хаджи-Мухаммед. Они начали распространять воззвания с призывом начать военные действия против царских властей и перешедших на русскую службу князей. Был организован отряд регулярной конницы (муртазиков) из переселенцев (хаджиретов или мухаджиров). Введение духовного суда, всевозможных налогов и штрафов, злоупотребления сторонников наиба — все это вскоре вызвало отчуждение крестьянства. Не поддержала наиба и адыгская верхушка, стремившаяся сохранить свои родовые права. Относительная слабость мусульманского духовенства в крае наряду с вышеупомянутыми обстоятельствами не позволили мюридизму укрепиться на Северо-Западном Кавказе.

После смерти Хаджи-Мухаммеда, в 1845 г. на Северо-Западном Кавказе появляется новый наиб — Сулейман-эфенди, попытавшийся объединить адыгов и организовать их выступления против русских войск и укреплений. Но он вскоре перешел на сторону России и стал выступать против Шамиля и его движения. В 1846 г. Шамиль с десяти тысячным отрядом вторгся в Кабарду, но не встретил здесь поддержки и вернулся в Дагестан. В 1848 г. Шамиль отправил к адыгам наиба Магомед-Амина. Магомед-Амин, стремясь расширить социальную базу сопротивления России, раздавал обещания освободить крестьян от податей и повинностей, что привлекло на его сторону часть народа. До 1850 г. Магомед-Амин управлял только абадзехами, а в 1850 г. покорил часть натухайцев и направил отряды на покорение шапсугов, которые после недолгого сопротивления были им подчинены.

Магомед-Амин действовал в Закубанье почти самостоятельно от Шамиля. Вся светская и духовная власть находилась в руках Магомед-Амина. Им были созданы военные укрепления, округа управлялись муфтиями и советами из трех кадиев (мехкеме), были созданы также отряды муртазиков (ядро регулярной армии адыгов для борьбы с царскими войсками). Но объединить всех адыгов и создать аналогичную имамату Шамиля государственную систему Магомед-Амин не смог. Шапсуги и натухайцы на народных собраниях в 1851 г. потребовали от него улучшения своего положения, массы постепенно стали отходить от наиба, в некоторых местах доходило до вооруженных выступлений против него.

Недовольство масс вызывала также ориентация Магомед-Амина на Турцию во время Крымской войны 1853–1856 гг. Не увенчались успехом и попытки его главного соперника в альянсе с турецкими властями шапсугского князя Сефер-бея Занова весной 1854 г. набрать черкесское ополчение. В 1855 г. абадзехи не отозвались и на призыв сторонников Порты и наибов Шамиля из Анапы выступить против русских. Магомед-Амин, провозглашенный осенью 1855 г. турецким главнокомандующим начальником всех горских ополчений Западного Кавказа, обещал собрать сорокатысячное ополчение, но адыги отказались участвовать в войне против России. Осенью 1857 г. Сефер-бей Занов направил Александру II меморандум, в котором говорилось о требовании независимости адыгов под покровительством Турции. Магомед-Амин в то же время стремился заручиться поддержкой воюющих держав. В ноябре 1859 г. после переговоров Магомед-Амин вместе с абадзехами дал присягу на верноподданство России. В конце 1859 г. Сефер-бей Занов умер, а Магомед-Амин оставался у абадзехов в качестве эфендия, что, тем не менее, не остановило продолжающиеся междоусобицы. Несмотря на попытки воюющих держав-союзников Турции использовать внутриадыгские противоречия для усиления антироссийских настроений, закубанские горцы оставались пассивными в войне и в большинстве своем склонялись к союзу с Россией.

В середине XIX в. возникло мухаджирство — переселенческое движение значительной части кавказских народов в Османскую империю, во многом вызванное военно-политическими методами присоединения региона к России. Громадные размеры переселенческого движения горцев определялись радикальным изменением характера борьбы с ними, которая ставила две цели — ослабить численный состав горского населения и, выселив его на равнину, добиться окончательного повиновения, закрепив на их прежних местах казачество. Выселение особенно сложно проходило в Закубанском крае, где в стратегически важных районах вместе с абхазами и убыхами проживали приморские этнические группы — натухайцы, шапсуги, абадзехи. В 1860 г. царские власти от организации экспедиций переходят к систематическому заселению занимаемых земель казачьими станицами и выселению горцев на плоскость. Специальная комиссия, созданная в 1862 г., выделяла эмигрантам по 10 рублей серебром на семью, организовывала отправку адыгов в Турцию. По некоторым данным, в 1859–1862 гг. из Большой Кабарды в Турцию было выселено более 10 тыс. человек, до 3 тыс. тагаурских и дигорских осетин, в 1865 г. — около 3 тыс. кабардинцев и 45 осетинских семейств. В 1864 г. было выселено около 6 тыс. шапсугов, более 21 тыс. убыхов, до 20 тыс. бжедугов и абадзехов, около 400 семей карачаевцев, а в 1880-е и в 1905–1906 гг. число мухаджиров-карачаевцев составило 13–15 тыс. человек. Наиболее часто упоминающееся общее количество выселенных за 1858–1865 гг. — 495 тыс. человек считается многими учеными преувеличенным.

Административно-территориальные преобразования и система управления во 2-й пол. XIX — нач. XX в.

▪ Через несколько лет после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе были проведены реформы, определившие ход развития местного общества и его устройство вплоть до революции 1917 г. Еще во время Кавказской войны, в 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в Кавказскую область с центром в г. Ставрополе (с 1847 — Ставропольская губерния). В 1839 г. в Южном Дагестане был создан Самурский округ. Все российские владения на Кавказе были включены в 1844 г. в состав Кавказского наместничества. Первым наместником стал кн. М. С. Воронцов. Он представлял высшую гражданскую и военную власть как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. В наместничество, просуществовавшее до 1882 г. (последний наместник — вел. кн. Михаил Николаевич), входили Дербентская губерния, созданная в 1846 г., и Каспийская область, образованная из земель Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Самый юг Лезгистана с 1846 г. входил в Тифлисскую губернию.

В 30–50-х гг. XIX в. Кавказская линия делилась на пять самостоятельных частей — Черноморскую линию, Правый фланг, Центр, Левый фланг и Владикавказский военный округ. Каждая часть имела свое управление. Кабарда и балкарские общества входили в Центр, который выделился в 1830 г. с центром в укреплении Нальчик. Эта структура Кавказской линии сохранялась до середины 50-х гг. XIX в. Управление Кавказской линии и Черномории находилось в Ставрополе. Командующий войсками имел военную и гражданскую власть.

15 сентября 1856 г. Кавказская линия была разделена на Правое и Левое крыло. В состав Правого крыла вошли военные соединения, приставские управления и города бассейна Кубани и Причерномории, Левого — р. Терек, в том числе Кабарда и Горские (балкарские) общества.

В 1860 г. Кавказская линия была упразднена. Ее Правое крыло было образовано в Кубанскую, а Центр и Левое — в Терскую и Дагестанскую области. В Кубанскую область вошли кубанские адыги, карачаевцы, абазины, ногайцы. Северная часть Северо-Восточного Кавказа была поделена между Ставропольской губернией и Терской областью с центром в г. Владикавказе. Терская область была разделена на 8 округов: Кабардинский, Владикавказский, Ингушевский, Чеченский, Нагорный, Аргунский, Ичкерийский (4 последних находились на территории современной Чечни), Кумыкский (занимал земли современного Хасавюртовского района Дагестана). Округа делились на участки.

В 1869 г. было утверждено «Положение о Кубанской и Терской областях». В 1870 г. Кавказская администрация утвердила «Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях», которое содействовало сближению структуры и характера деятельности сельского правления местного населения с аналогичной сис-

темой в Центральной России. «Временные правила для горских и словесных судов Кубанской и Терской области» 1871 г. преобразовали «народные суды» в горские словесные суды до полного распространения здесь российского законодательства.

Эти суды могли разбирать по адату мелкие уголовные преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство), если сумма иска не превышала 50 рублей. Им были подсудны также уголовно-хозяйственные преступления, совершенные на землях общины (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота). Кроме того, они могли разбирать по шариату гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей. Дело-производство судов, как и в дореформенный период, велось по-арабски.

В отличие от дореформенной эпохи решения словесных сельских судов не были окончательными. Они могли обжаловаться в месячный срок в окружных народных судах, созданных при начальниках округов. Им же были переданы адатные иски, изъятые из ведения сельских словесных судов, включая тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, убийства, изнасилования, похищения женщин) и крупные уголовные преступления против собственности (обман, утайка денег, воровство на сумму более 50 рублей, случаи разбоя и грабежа). В юрисдикцию окружных судов также вошли поземельные тяжбы за владение и пользование по адату пастбищами, лесами, дорогами и водными ресурсами. По шариату они разбирали серьезные гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стали областные народные суды. Они были сформированы при ген.-губ. Дагестанской и Терской областей в г. Темир-Хан-Шуре и Владикавказе. В окружные и народные суды входили начальник округа/области, кадий, секретарь и по одному знатоку адата от каждого наибства/округа. В месячный срок они разбирали жалобы на решения окружных народных судов. Все случаи измены, бунтов, нападений на сельское и окружное начальство, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные на пореформенном Северном Кавказе к тяжелым уголовным преступлениям, рассматривались российскими военными судами.

Уголовные и поземельные тяжбы между горцами-мусульманами и русскими переселенцами решались в мировых судах, созданных в 1875 г. в г. Владикавказе, Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте. Кроме того, в Терской области в 1860-1917 гг. работали третейские суды. В 1911 г. они были слегка реформированы и превращены в примирительные суды. Эти судебные органы не существовали постоянно. Их создавали только в случаях кровной мести или опасности столкновений между соседними сельскими общинами. Члены третейских судов избирались из знатоков местного адата и авторитетных членов сельских общин. В него входили пострадавшая и виновная стороны, причем первая могла избирать на одного судью больше. Обычно

в третейские суды входило 3 члена, по одному от каждой из тяжущихся сторон, и один из нейтрального клана или селения. Решения этих судов должны были быть утверждены российскими властями участка или округа. Они были окончательными и обжалованию не подлежали.

Одновременно с судебно-административной реформой на Северо-Восточном Кавказе была проведена крестьянская и поземельная реформы. Продолжая линию на освобождение крепостных в России, правительство Александра II провело в 1866–1868 гг. полное освобождение рабов (лаги, кули, караваша) в Дагестанской и Терской областях.

Соединение в 1860 г. Черноморского и Кавказского войск не изменило их станичного управления, но наказной атаман соединял обязанности начальника области и командующего войсками. В 1870 г. вышло «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», которое разграничило функции станичных обществ и станичных правлений, выделило станичный суд, придав ему характер крестьянского волостного суда. В основу станичных учреждений было положено выборное начало, т. е. общинное самоуправление сохранялось. По «Положению о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск» 1870 г. было упразднено линейное территориальное управление полками и бригадами. Станицы кубанских казаков были распределены по отделам — Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Закубанский, Кавказский, Майкопский и Таманский.

«Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» 1862 г. не касалось юридических основ казачьего самоуправления, но сильно изменило казачье землевладение. Оно не упоминало о войсковой и вообще казачьей земле как коллективной собственности. Каждое поселение рассматривалось как самостоятельная отдельная община с 20–30 десятинами земли на душу мужского пола казачьего семейства и по 200 десятин на каждое офицерское семейство удобной и неудобной земли в общем нераздельном юрте. Из него назначалось от 5 до 10 десятин на рядовые семейства казаков-охотников и 25-50 десятин на семейство добровольно переселившихся офицеров в частную, вечную и потомственную собственность. То есть наряду с общинно-земельной собственностью в казачье землевладение впервые вводился институт частной земельной собственности, с известными ограничениями (охотники не могли отчуждать свои земли, передавать их неказачьему сословию и пр.). В целом в 1862 г. институт войсковой земельной собственности игнорировался или упразднялся, усадебная оседлость подчинялась особому закону, вне общинной юрисдикции.

Войсковая собственность заменялась общинной и частной по законам 1868 и 1870 гг. «О дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях», правилами 1869 и 1870 гг. «О поземельном устройстве станиц и о войсковых запасных землях» и Положением 23 апреля 1870 г. В землехозяйственном отношении были сужены пределы общинной автономии. Таким образом, окончательно характер зем-

левладения Кубанского казачества определился в 1870 г. Все казачьи земли делились на войсковую, общинную и частную собственность. Пожизненные офицерские наделы окончательно стали частными потомственными.

После окончания Кавказской войны в крае происходит рост сельскохозяйственного хозяйства и производительности труда, развивается технология и техника, особенно в черноморских станицах и хуторах. Но в Закубанье первое время земледелие развивалось хуже из-за непривычных горных условий, трудностей переселения, бедняцкого состава переселенцев, юридической неопределенности характера землепользования.

Горские народы Кубанской области с 1865 г. распределялись по пяти военно-народным округам: Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский, Эльбрусский. Они существовали до 1871 г., потом было введено гражданское управление. В 80-е гг. горские общества были подчинены начальникам областей, которые были и командующими войсками. Участковые начальники осуществляли непосредственный контроль над горскими обществами.

21 марта 1888 г. был принят указ «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом», по которому у горских народов отменялись элементы гражданского управления, национальной автономности, над ними устанавливалось военно-казачье управление (наказные атаманы и начальники областей). Государственным языком становился русский, в том числе в школах. В 1891 г. введена паспортная система для горцев. В 1905 г. на Северном Кавказе было 5 казачьих, 5 пехотных полков, конный полк, Осетинский конный дивизион, 9 резервных батальонов, 2 пластунских батальона, 4 артбригады, 6 артиллерийских рот, 8 сотен терской постоянной милиции. В начале XX в. на Кубани более 90% населения составляли русские, в том числе 56% — войсковое сословие, местное население насчитывало 5,4% (адыгейцы, карачаевцы, черкесы, кабардинцы, абхазы и др.). Уменьшение численности местного населения было связано с эмиграцией в Османскую империю.

Часть земель, освободившихся от переселения горцев, была закреплена за Терским казачьим войском. Накануне революции 1917 г. из 6,6 млн. десятин общей площади области терским казакам принадлежало 1,9 млн. десятин. Наряду с общинным землевладением казачьих станиц, в котором накануне революции находилось 1 745 248 десятин, существовало частное землевладение (271 785 десятин), из которых 117 795 десятин находилось в руках войсковых офицеров и чиновников. Немалый доход войско получало от находившихся в его совладении соляных промыслов, каменоломней и нефтяных участков. Они были в «вечном пользовании» казачества и не облагались государственными налогами и повинностями. Ежегодно аренда этих земель давала войсковой казне около 2 млн. рублей.

В годы Русско-японской войны и Первой русской революции владычество империи на Кавказе было серьезно поколеблено. Из горцев-мусульман, на которых всеобщая воинская повинность не была распространена, на войну было отправлено в мае 1904 г. 1200 добровольцев.

Они образовали два конных полка — Дагестанский и Терско-Кубанский. В январе 1906 г. оба полка были возвращены с Дальнего Востока на Кавказ и в августе того же года расформированы.

Годы Первой русской революции прошли на Северном Кавказе относительно спокойно. Здесь еще не сложились крупные промышленные города, охваченные политическим революционным движением. Но с января 1905 г. усилились волнения крестьян-арендаторов Ставрополья, Кубани, Терека. Наиболее крупные выступления в период революции были среди железнодорожников Владикавказской железной дороги, крестьян Кубанской области, в ряде городов (Сочи, Мин. Воды), в Осетии, Кабарде и Балкарии. В феврале 1905 г. было восстановлено Кавказское наместничество, упраздненное в 1882 г.

Столыпинские реформы не распространялись на общинные казачьи земли. Ухудшилось положение иногородних из-за роста арендных цен на землю. В Осетии, Кабарде, Балкарии, Черкесии и других местах закон о выходе из общины не действовал. В 1906 г. земельная собственность горских народов была объявлена казенной. Рост крестьянского движения возобновился в 1913 г. в Кабарде и Балкарии в связи с борьбой за пользование Зольскими степными пастбищами.

С началом Первой мировой войны на Северном Кавказе усиливается влияние мусульманского духовенства. Экономические тяготы войны вызвали рост социальной напряженности и волнения, в том числе адыгейских крестьян. В составе русской армии воевала Кавказская конная туземная дивизия, состоявшая из шести полков: Дагестанского, Кабардинского, Ингушского, Татарского, Чеченского и Черкесского. В целом нерусское население было освобождено от обязательной военной службы, взамен которой платило специальный налог. Но в 1916 г. оно было привлечено к тыловым работам, что вызвало выступления против мобилизации и реквизиций, в том числе в Кабарде и Балкарии.

К началу 1917 г. Северный Кавказ делился на 3 области — Кубанскую, Терскую, Дагестанскую и 2 губернии — Ставропольскую и Черноморскую. Крупные территории остались в использовании Кубанского (бывшего Черноморского) и Терского казачьих войск. Кубанская область включала территорию современного Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии; Терская — район Кавказских Минеральных вод, Кабарду, Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню, север Дагестана. Области делились на отделы с казачьим населением и округа с неказачьим, губернии — на округа (Черноморская) и уезды (Ставропольская).

Революция 1917 года и Гражданская война

▪ Падение монархии Романовых разбудило по всей стране центробежные тенденции. С февраля 1917 г. в Екатеринодаре учреждается Народное Собрание (Рада), состоявшее из представителей станиц и делегатов воинских частей, которые постановили избрать краевое правительство с атаманом

во главе. Законодательная и Краевая рада должны были установить взаимоотношения с Россией, ограничить частное землевладение и создать фонд для наделения малоземельных. В марте 1917 г. создаются Советы рабочих и солдатских депутатов в Новороссийске, Армавире, Майкопе, других городах, а также Временный Кубанский облысполком и Временный ЦК Союза объединенных горцев во Владикавказе.

Объединительные тенденции в казачьих войсках Северного Кавказа усиливались по мере углубления кризиса в стране. В июне 1917 г. на совещании представителей кубанского, донского, терского казачества в Новочеркасске была выдвинута идея союза казачьих и горских общин, для разработки проекта которого была создана специальная комиссия. По инициативе кубанских казаков образование общеказачьего территориального объединения как будущего штата Российской Федерации было ускорено, и в первой половине сентября 1917 г. Донской круг обсудил доклад делегатов Кубани и Терека, поддержав проект объединения. 20–24 сентября 1917 г. казачья конференция учредила Юго-Восточный Союз.

14 июля 1917 г. казачья часть образованного после Февральской революции областного Совета смешанного состава выделилась в отдельный Кубанский войсковой совет, который отозвал казаков из областного исполкома и наделил их временными функциями Кубанского правительства, поручив подготовить созыв Кубанской войсковой Рады. Она собралась 29 сентября 1917 г. под председательством Н. С. Рябовола (товарищ председателя Султан Шахим-Гирей) с программой местного Учредительного Собрания, установила новое название области — Кубанский край, войсковую Раду переименовала в Кубанскую Краевую Раду, утвердила «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском Крае», разработала основы земельного закона и приняла решение о вступлении равноправным членом в Юго-Восточный Союз, который должен был выделиться в особый штат Российской Федеративной республики. Кубанским атаманом был избран А. П. Филимонов, Л. Л. Бычу поручалось создать правительство. Из состава Рады выделилось 80 депутатов, образовавших 1-ю Законодательную Раду, народное Собрание во главе с Рябоволом и Султаном Шахим-Гиреем.

В октябре 1917 г. противники большевистского переворота пытаются создать новое административно-государственное образование — «штат Российской Демократической Федеративной Республики» на основе «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» на конференции юго-восточных областей во Владикавказе 16–21 октября 1917 г. Союзный договор подписали представители казачьих войск Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, а также калмыцкого народа и Союза горцев Кавказа, представлявшего горские народы Терской области и Дагестана. Представители Ставропольской и Черноморской губерний в союзе не участвовали. В объединенное правительство вошли по два представителя: от Кубани, Дона, Терека, горцев Северного Кавказа, Дагестана, Астрахани и калмыков, уральских казаков. Внешние сношения, военные дела, пути сооб-

щения, торговля и финансы находились в ведении союзной власти, конституция Союза была утверждена казачьими кругами и Кубанской Радой.

В декабре 1917 г. состав Кубанской Законодательной Рады расширился до 100 депутатов: 46 казаков, 46 иногородних и 8 горцев. 8 января 1918 г. Рада собралась в Екатеринодаре и объявила Кубанский Край самостоятельной республикой, вышедшей из состава Советского государства.

Первоначальный период установления власти Советов в регионе продолжался до осени 1918 г. В начале 1918 г. началось образование многочисленных советских республик — региональных образований, объявлявших о вхождении в федеративную Россию. Так, 30 мая 1918 г. III чрезвычайный съезд Советов народных депутатов Кубано-Черноморья принял резолюцию о воссоединении Кубанской и Черноморской республик, возникших незадолго до этого, и образовании Кубано-Черноморской советской республики. ЦИК республики совместно с чрезвычайным комиссаром Юга России Г. К. Орджоникидзе поручалось немедленно принять практические меры для объединения всех республик региона в Южно-Русскую республику.

5–7 июля 1918 г. на I Северо-Кавказском краевом съезде Советов была провозглашена Северо-Кавказская республика, которая объединила Кубано-Черноморскую и Ставропольскую советские республики, Терская оставалась самостоятельной. Избранный тогда ЦИК 17 августа в связи с наступлением деникинских войск и занятием белыми Екатеринодара переехал в Пятигорск. Терская республика неофициально также входила в Северо-Кавказскую республику, которая объявила себя частью РСФСР.

Однако к лету 1918 г. вся территория Северного Кавказа была охвачена антисоветскими восстаниями, и республика фактически не существовала, тогда как Кубано-Черноморская республика во главе с ЦИКом и СНК из представителей всех юго-восточных республик продолжала функционировать. Советская власть просуществовала в административных центрах республик сравнительно недолго. 11 мая 1918 г. была провозглашена Республика горцев Северного Кавказа, но так как западные области были отрезаны от Владикавказа, они не вошли в нее. Фактически в Республике участвовали Чечня, Дагестан, Ингушетия, Осетия и часть Кабарды. В Юго-Восточном Союзе остались балкарцы, карачаевцы, адыги и часть Кабарды.

Летом 1918 г. атаман П. Н. Краснов выдвинул предложение принять конституцию Доно-Кавказского Союза, состоящего из самостоятельно управляемых автономных государств — Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Астраханского Войска, Терского Войска и Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, объединенных на началах федерации. Но Деникин через своего сторонника председателя Донского правительства генерала А. П. Богаевского предложил к проекту неприемлемые поправки. Идея Краснова повисла в воздухе.

11 мая 1918 г. на Батумской мирной конференции в Грузии было объявлено о создании Горской республики (1918–1920). В ее правительство вошли в основном члены Союза объединенных горцев, председателем его

стал А. Чермоев. Республика пыталась отделить Кавказ от Советской России и создать конфедерацию всех кавказских народов по типу Швейцарии. Была намечена программа широких демократических реформ в политическом устройстве, образовании, здравоохранении. Горская республика была признана Германской и Османской империями, но оба этих государства вскоре перестали существовать. Советское правительство и страны Антанты отказались признать независимость республики. По просьбе Чермоева на территорию Дагестана в июне–июле 1918 г. были введены турецкие войска. Военную и финансовую помощь Горской республике оказало мусаватистское правительство Азербайджана. Однако, несмотря на эти меры, правительство Чермоева не имело почти никакого влияния в регионе. Кабинет в декабре 1918 г. ушел в отставку и был заменен коалиционным правительством с участием представителей терских казаков. Его главой стал П. Т. Коцев.

В мае 1918 г. в Темир-Хан-Шуре возник Военно-революционный комитет под руководством дагестанских большевиков. Вскоре он был преобразован в Совет. Летом 1918 г. Советы были созданы почти во всех городах — Дербенте, Петровске, Владикавказе, Грозном. Весь регион охватила Гражданская война, Власть сосредоточилась в руках военных предводителей «красных» и «белых» отрядов, а также турецких оккупационных войск под командованием ген. Энвер-паши. Территория Горской республики была занята Добровольческой армией ген. А. И. Деникина, отказавшейся признать правительство республики.

Обосновавшееся в Тифлисе Горское правительство тем временем объявило на территории, населенной горцами, независимую от РСФСР Кавказскую Федерацию. То же самое оно заявило при установлении власти Деникина, требуя автономии и устранения частей Добровольческой армии с территории горских округов Терской области. На территории Кубанской области белые образовали в декабре 1918 г. Кубанский край выработывался проект положения о Терском крае с включением в него Кабарды, Осетии и казачьих районов бывшей Терской области. Горское правительство стремилось контролировать все земли южнее границы, проходившей по линии Грозный — Владикавказ — Кисловодск — Суворовская.

13 февраля 1919 г. Кубанская Краевая Рада постановила ускорить выполнение решения о Юго-Восточном Союзе и не позднее марта 1919 г. созвать в Екатеринодаре конференцию представителей Дона, Кубани, Террека, Дагестана, Крыма, Грузии, Армении, Азербайджана для утверждения договора и Конституции Союза. Из-за неудач на фронте это решение не было реализовано. В июне 1919 г. Донской круг вернулся к вопросу о завершении организации Юго-Восточного Союза при сохранении сотрудничества с деникинским командованием, но последнее выступало против такого решения. Обсуждение требований представителей Добровольческой армии на Южно-Русской конференции казачества продолжалось более пяти месяцев, но не привело к соглашению сторон. В конце декабря 1919 г. заседания Кубанской Законодательной Рады прекратились.

В начале марта 1919 г. Республика горцев Северного Кавказа направила делегацию на Версальскую мирную конференцию, чтобы добиться признания самостоятельности Северного Кавказа. Однако командование Вооруженных Сил Юга России объявило Республику горцев Северного Кавказа незаконным образованием, а ее руководителей — изменниками, подлежащими военному суду. Республика была ликвидирована. 25 октября 1919 г. Деникин отдал приказ, в котором кубанские самостийники объявлялись изменниками и предавались военно-полевому суду. В ночь на 7 ноября представитель Кубанской Рады Калабухов был повешен, а 12 ее членов принудительно высланы за границу. В ноябре 1919 г. Кубанская Рада предложила заключить Договор дружбы с кавказскими горцами, но деникинское командование выступило против этого проекта. Тем не менее, жестокие меры не помогли Добровольческой армии удержать контроль и власть в регионе.

5 января 1920 г. в Екатеринодаре состоялся Верховный круг Дона, Кубани и Терека как Учредительное собрание трех казачьих обществ. Решение вопроса о создании единого федеративного союза, однако, не было реализовано. Сторонник Доно-Кавказской федерации атаман П. Н. Краснов вынужден был оставить свой пост. После неудач Добровольческой армии на фронте 9 января 1920 г. Верховный круг, несмотря на угрозы английского представителя о лишении помощи и военного снаряжения, провозгласил себя верховной властью объединенных Дона, Кубани и Терека для борьбы против большевиков и установления союзного государства. После неудачных переговоров с Деникиным 3 марта 1920 г. Круг принял постановление о разрыве соглашения с Деникиным и выходе из подчинения ему казачьих войск, устранении Деникина от всякого вмешательства в казачьи дела, организации обороны своих краев и создания союзной власти, но из-за быстро менявшейся военной обстановки. Однако уже в том же месяце после разгрома красноармейскими частями деникинских войск Кубанская Рада прекратила существование.

Последним крупным очагом сопротивления советской власти стал Нагорный Дагестан. В сентябре 1919 г. в Нагорной Чечне был образован Северокавказский эмират (1919–1920) накшбандийского шейха Узун-Хаджи из аварского села Салта. Правительство эмирата возглавил Нажмутдин Гоцинский из аварского села Гоцо, избранный имамом Чечни и Дагестана в августе 1917 г. на съезде духовенства в с. Ведено. Эмират выступал против засилья на Кавказе большевиков и белогвардейцев. Узун-Хаджи обратился за помощью к правительствам Турции, Азербайджана и Грузии.

В сентябре 1920 г. Гоцинский собрал ополчение численностью до 3 тыс. человек. К концу года отряды Гоцинского заняли Дагестан и осадили крепости Гуниб, Хунзах и Ботлих, где находились гарнизоны Красной Армии. Но восставшие не смогли развить свой успех. Через несколько месяцев 32-я стрелковая дивизия Красной Армии под руководством А. Тодорского и при поддержке красных партизан сняли осаду с крепостей. В марте 1921 г. главные силы восставших были разбиты. Гоцинский скрылся в горах Чечни. Остатки его отрядов были истреблены в 1921–1922 гг. Только в 1925 г. имам был схвачен и расстрелян.

Социальную и межнациональную напряженность вызвало возвращение горцам земель на плоскости, которые в 1847–1861 гг. были переданы казакам в ходе создания казачье-туземной чересполосицы. В целом масштабы и глубина советских преобразований в разных местах региона различались. Крестьянская беднота, особенно в горах, пользовалась относительной свободой в традиционном натуральном хозяйстве, здесь проводилось меньше политических кампаний, более терпимо власть относилась к этническим и религиозным традициям, в том числе в судопроизводстве. Однако решение земельного вопроса не удовлетворяло ни горцев, ни казачество.

Продразверстка, политика расказачивания, другие политические и социально-экономические преобразования вызвали сильное сопротивление среди казачества края. Весной 1921 г. в городах Краснодарского и Майкопского отделов формировалась Кубанская повстанческая армия во главе с генералом А. М. Пржевальским. Повстанцам удалось на короткое время захватить Кизляр и ст. Невинномысскую, совершались нападения на Кисловодск, Армавир, железную дорогу Ростов — Баку.

В начале 1922 г. повстанческое движение пошло на убыль вследствие как нажима на крестьянство, так и определенных уступок ему. Создавались крестьянские отряды самообороны, поощрялась добровольная сдача оружия, ВЧК внедряла своих агентов в «бело-зеленые» отряды для разложения их изнутри, активно применялись и репрессии. И все же в октябре 1922 г. на Северном Кавказе действовало еще 95 отрядов повстанцев (4500 сабель и 1000 штыков).

К концу 1922 г. в связи со снижением цен на хлеб и неплохим урожаем зерновых сопротивление и анархия снизились, но не прекратились. Это проявлялось в виде разбойных нападений, насильственного захвата земли и скота, грабежей на железных дорогах и т. д. Особенно широкие размеры приобрела преступность на всей территории Северного Кавказа. Наряду с организацией недель добровольной явки «бандитов», экономическими мерами против их родственников, военные органы, милиция и суд прибегали к помощи отрядов обороны и другим мерам силового и идеологического характера, пытались противодействовать обычаю кровной мести, влиянию клерикальных кругов, практике укрывательства преступников, преодолевать несогласованность действий административных и карательных органов. К середине 20-х гг. были достигнуты определенные успехи в снижении уровня преступности в регионе.

Образование советских автономий и национально-территориальное размежевание

▪ После окончания Гражданской войны произошло новое территориальное разграничение советских автономий на Кавказе. 13 ноября 1920 г. на Съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре была провозглашена советская автономия Дагестана. Съезд народов Терека, собравшийся во Влади-

кавказе, 17 ноября 1920 г. объявил о создании Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР). 20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР признал обе республики частями РСФСР. Часть дореволюционных границ какое-то время оставалась в силе. Дагестанская АССР создавалась в границах Дагестанской области. Она делилась на 9 дореволюционных округов. На севере к республике был присоединен Хасавюртовский округ, прежде входивший в Терскую область. Закатальский округ, населенный дагестанскими горцами, остался в составе Азербайджанской ССР. Горская АССР включала почти все горские и казачьи земли бывшей Терской и Кубанской областей. Она состояла из пяти округов: Чеченского, Владикавказского на Северо-Восточном Кавказе; Кабардинского, Балкарского и Карачаевского — на северо-западе края.

Идея создания автономной Горской республики, выдвинутая видными советскими и партийными деятелями С. М. Кировым и Г. К. Орджоникидзе в противовес независимой антисоветской Горской республике, существовавшей на Северном Кавказе до 1920 г., оказалась нежизнеспособной. Уже через несколько месяцев после образования Горской АССР она начала распадаться на национальные автономии. 1 сентября 1921 г. из нее выделилась Кабардинская автономная область (АО), 12 января 1922 г. — земли карачаевцев, 16 января 1922 г. — балкарцев. 1 декабря 1922 г. из Горской АССР вышла Чеченская АО. В 1922–1923 гг. к Дагестану отошли Кизлярский округ, Караногайская и Ачикулакская степи, благодаря чему территория республики выросла почти вдвое. Наконец, декретом ВЦИК 7 июля 1924 г. Горская АССР была окончательно упразднена, а входившие в республику осетины и ингуши образовали две отдельные АО — Северо-Осетинскую и Ингушскую с единым административным центром — г. Владикавказом.

Особенностью нового государственного устройства на Северо-Восточном Кавказе было отсутствие выборных Советов. Их задачи выполняли назначаемые ревкомы. Высшим органом исполнительной власти стал Северо-Кавказский ревком под председательством Орджоникидзе, учрежденный 31 марта 1920 г. Ему подчинялись республиканские, окружные, городские и участковые ревкомы. Политическое руководство регионом осуществляло Северо-Кавказское бюро РКП (б). Местные Советы в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Северной Осетии были созданы только в конце 1921–1922 гг. 1 декабря 1921 г. на I Вседагестанском Учредительном съезде Советов была принята первая Конституция ДАССР.

11–15 августа 1920 г. на I съезде горцев Кубани и Черноморья при Кубано-Черноморском ревкоме была создана Горская секция. В марте 1921 г. II съезд трудящихся горцев создал Горский исполком под руководством Шахан-Гирея Хакурата, на правах губисполкома, с подчинением облисполкому и Наркомнацу РСФСР. В декабре 1921 г. этот орган, а также III Горский съезд поставили вопрос о выделении горцев Кубани и Черноморья в автономную область. Во многом автономистские тенденции были вызваны несогласованностью и противоречиями в деятельности Горского

исполкома и администрации районов области, земельными спорами. Облисполком не поддерживал идею автономии, но неоднократные обращения адыгейского руководства во ВЦИК, а затем деятельность специальной комиссии ВЦИК в Адыгее привели к решению 27 июля 1922 г. о выделении из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территории, населенной черкесами (адыгейцами) с включением в нее чересполосных селений и хуторов с юртовыми землями и лесами, входившими в данную территорию. Черкесская (Адыгейская) автономная область в августе 1922 г. была переименована в Адыгейскую (Черкесскую), чтобы избежать путаницы и недоразумений в отношениях с Карачаево-Черкесской областью.

11 ноября 1920 г. состоялся чрезвычайный съезд карачаевского народа, который высказался за советскую автономию. До провозглашения автономии Черкесия, на территории которой проживали абазины, черкесы, ногайцы и русские, входила в состав Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области. В марте 1921 г. областной съезд «трудящихся горцев» принял решение создать Горский исполком с правами губисполкома, а инициатива горцев Баталпашинского отдела о вхождении в состав ГАССР не была поддержана.

8 ноября 1921 г. Карачаевское оргбюро РКП(б) обратилось в высшие органы власти с просьбой о создании Карачаево-Черкесской автономной области. Аналогичные решения приняли съезды народов Карачая и Черкесии. 12 января 1922 г. ВЦИК издал декрет об образовании Карачаево-Черкесской автономной области с центром в Баталпашинске как части РСФСР.

Уже в мае 1921 г. власти Кабардинского округа выступили за выделение в самостоятельную автономную область, против искусственного разделения народов Балкарии и Кабарды, вызвавшего земельные споры и обострение межэтнических отношений. 1 сентября 1921 г. ВЦИК принял постановление о выделении из состава Горской АССР Кабардинского округа и создании Кабардинской автономной области, непосредственно связанной с РСФСР.

16 января 1922 г. ВЦИК выделил из состава Горской республики территорию балкарского народа и образовал Кабардино-Балкарскую автономную область. В 1936 г. она была преобразована в автономную республику.

30 ноября 1922 г. была образована Чеченская автономная область. На оставшейся части территории Горской АССР были созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области и Сунженский округ, населенный казаками. Владикавказ был выделен в самостоятельную административную единицу и стал столицей Северной Осетии и Ингушетии.

Проведение границ между национально-государственными образованиями наталкивалось на большие трудности, связанные с землепользованием, в котором традиционно большое место занимали различные виды аренды и субаренды отдельными лицами и целыми сельскими общинами. Принцип трудового землепользования вступал в противоречие с правом владения, что порождало многочисленные конфликты. Частновладельческие участки были предметом раздора, особенно в Кабарде и Балкарии. Сложности земельного разграничения служили одним из побудительных мотивов в образовании самостоятельных национальных областей.

Так, в 1921 г. при оформлении Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, где проживало более 65 тыс. русских. Фактически насильственно присоединенные территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами земель. В итоге создавалась почва для затяжных, долгое время протекавших в латентной форме, конфликтов. Кроме того, в процессе строительства государственности по этническому признаку пришлось исправлять допущенные царской администрацией ошибки, связанные с казачьей чересполосицей, когда горцы изгонялись, а на их места заселялись казаки. При этом, как прежде горские народы, так и сейчас казаки волонтаристски включались в состав различных автономных образований или переселялись в Ставрополь и другие места.

В феврале 1924 г. Донская, Кубано-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии, г. Грозный, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская (Черкесская) и Чеченская автономные области были объединены в Юго-Восточную область РСФСР, которая в октябре была переименована в Северо-Кавказский край. 12 августа 1924 г. в с. Ардон была провозглашена Северо-Осетинская автономная область.

В 1925 г. край был разделен на 10 округов, все национально-государственные образования были включены в Северо-Кавказский край и управлялись своими исполкомами, имели определенные права, но их самостоятельность в хозяйственных и культурных вопросах снизилась, тройное подчинение органов управления затрудняло решение повседневных задач развития. В процессе внутреннего районирования к числу автономных областей добавились Ингушетия и Северная Осетия. К 1 апреля 1925 г. край включал 21 территориальную единицу, неравные по размерам и населению. Вполне официальным было деление на русские и национальные округа и области, границы автономных областей проводились с таким расчетом, чтобы обеспечить численное преобладание соответствующей национальности. К примеру, карачаевцы и черкесы в Карачаево-Черкесской области составляли соответственно 33,6% и 10,9%, в Кабардино-Балкарии было 65,5% кабардинцев и 14,8% балкарцев.

В 1924 г. в Карачаево-Черкесской области насчитывалось 11,3% горожан, в Кабардино-Балкарской — 8%, Северо-Осетинской — 3%, Ингушской — 1,4%, Чеченской — 0,5%, Адыгейской и Сунженском округе — 0%. В 1925 г. городами были объявлены Нальчик и ст. Баталпашинская (центр Карачаево-Черкесии), но в 1926 г. она была вновь переведена в разряд сельских поселений. Административные центры областей и внутриобластных округов нередко находились вне их пределов (Адыгейской области — в Краснодаре, Мало-Карачаевского округа Карачаево-Черкесии — в Кисловодске, Нагорного округа Кабардино-Балкарии — в Пятигорске и т. д.). 10 апреля 1936 г. постановлением Президиума ВЦИК центром Адыгеи стал Майкоп.

В результате административно-территориальных преобразований постоянно менялась структура автономных образований. Так, в ходе районирования Адыгейская область была разделена на 5 районов с 32 сельсоветами.

тами, к концу 1926 г. число сельсоветов увеличилось до 48. В 49 аулах области (всего 351 населенный пункт с 114 170 человек) проживало 57 952 черкеса. Однако автономистские тенденции сохранялись. Постановлением ВЦИК 26 апреля 1926 г. Карачаево-Черкесская автономная область по национальному признаку разделилась на Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ с прямым подчинением краю и Баталпашинский район (Баталпашинский и Зеленчукский округа) с присоединением к Армавирскому округу. Административные центры всех трех временно располагались в Баталпашинске. Однако вопрос о перемещении части населения в связи с национальным размежеванием оставался открытым, переселение объявлялось добровольным индивидуальным делом, земельные споры продолжались. В 1931 г. Баталпашинский район Армавирского округа был разделен между нынешними Краснодарским и Ставропольским краями, Карачаевской и Черкесской автономными областями. В ведение Карачая в 20–30-е гг. были возвращены Зеленчукский и Преградненский (ныне Урупский) районы.

В «Положении о нацменовских районах, входящих в округа и автономные области Северо-Кавказского края», утвержденном краевыми органами власти в августе 1926 г., предусматривалось широкое представительство районов в высших органах власти, согласование с ними вопросов о границах и т. д. Национальные районы создавались и в «русских» округах края. В 1924 г. — Шапсугский район в Черноморском округе. В 1925 г. в составе Ставропольского округа выделяется Туркменский район, Майкопского — Армянский. В 1928 и 1929 гг. были созданы также Калмыцкий район в Сальском округе, Греческий в Черноморском.

Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе проводились и в 30-е гг. К 1 октября 1930 г. 10 русских округов были упразднены, край разделен на 87 районов (в том числе 7 национальных), 10 городов и 7 национальных автономных областей. Это породило бюрократизацию аппарата и усложнение структуры управления в крае.

В ноябре 1933 г. из Северо-Кавказского края выделяется Северная область в его составе с центром в г. Миллерово, а в начале 1934 г. край делится на Азово-Черноморский с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске округа. В 1936 г. он был перенесен в г. Орджоникидзе. В 1933 г. бывшая столица Северной Осетии и Ингушетии Владикавказ (Орджоникидзе) становится столицей Северной Осетии, а в следующем году Ингушетию и Чечню объединяют в одну Чечено-Ингушскую область с центром в Грозном. По Конституции СССР 1936 г. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области были преобразованы в автономные республики. Их нормативные отношения с краевыми властями не были четко определены. Азово-Черноморский край в 1937 г. был разделен на Краснодарский край, включающий Адыгейскую автономную область с центром в Краснодаре и Ростовскую область с центром в Ростове-на-Дону.

Если в 1917–1920 гг. в ходе острого противоборства политических сил и в силу неустойчивости обстановки административно-территориальные преобразования не были разрушительными, то в 1921–1928 гг. происходит последовательная ломка административных образований. Приоритет этнического фактора определял перекройку границ всех административных единиц. Скрупулезное проведение этнического принципа приводило к заметным различиям в территориальных размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах национально-территориальных образований. Противоречие между экономическими интересами и национально-административным принципом было в определенной мере преодолено в 1929–1941 гг., но командно-силовые и бюрократические методы управления и преобразований в крае, как и по всей стране, имели негативные последствия.

Политика коренизации 1920–1930-х гг.

■ В рамках проводившихся в стране коренных преобразований общественных устоев и социальной жизни важное значение имели мероприятия в области просвещения, образования и культуры: создание национальной письменности, ликвидация неграмотности, подготовка учебников для школ на национальных языках, открытие культурно-просветительных учреждений и т. п.

В 1923 г. совещание горских народов по вопросам просвещения приняло решение о переводе национальной письменности на латинскую графику. С 1927 г. употребление арабского языка и арабской письменности было запрещено. Обучение детей младше 12 лет в примечательных школах (мектеб, медресе) стало преследоваться по закону. В конце 20-х гг. все мектебы и медресе были закрыты. В 1928–1932 гг., согласно всеобщему закону «О реализации прав родных языков», был осуществлен переход национальных языков Дагестана и ногайцев на латинский алфавит. Для чеченцев и ингушей письменность на латинице была разработана чуть раньше, в 1923–1925 гг. Но уже через несколько лет, в январе 1938 г., все народы региона перешли на кириллицу и больше не меняли своей письменности. С конца 30-х гг. языком межнационального общения всех народов Северного Кавказа становится русский. На нем ведется обучение в средней школе. Русский язык полностью заменил арабский и вытеснил его из государственной и общественной практики.

В 1929 г. в Адыгее было принято решение обеспечить работу сельсоветов, изб-читален, административно-судебных органов на родных языках. В 1931 г. ВЦИК утвердил сроки перевода на родной язык делопроизводства в национальных областях Северного Кавказа: в Адыгее и Северной Осетии — к январю 1932 г., в Черкесии, Карачае и Ингушетии — к июню 1932 г., Чечне, Кабардино-Балкарии — к январю 1933 г. Однако, в постановлении ЦИК СССР «О нарушении национальной политики в Северо-Кавказском

крае» 1936 г. констатировалась неудовлетворительная работа по обеспечению употребления в них родных языков.

В 20-е гг. началось создание рабфаков и первых вузов на Северном Кавказе. В 30-е гг. на Северном Кавказе была завершена ликвидация неграмотности и введено всеобщее начальное обучение, но вопрос о всеобщем 7-летнем образовании к 40-м гг. решен не был.

В 1923 г. начали выходить газеты на адыгейском, ингушском, лакском, осетинском языках, с середины 20-х гг. — журналы. В 1936 г. начали работать Адыгейский и Кабардинский национальные драматические театры, в 1937 г. — Карачаевский, в 1938 г. — Балкарский. В то же время в ходе сталинских репрессий в 30-е гг. были репрессированы многие деятели науки и культуры народов Северного Кавказа У. Алиев, Дж. Коркмазов, Х. Аппаев, А. Тахо-Годи, А. Уртенев, И. Хубиев (Карачайлы) и др.

Заметное место занимала работа среди женщин посредством создания клубов, кружков, съездов горянок. В июне 1921 г. во Владикавказе состоялся I съезд трудящихся женщин Горской республики, на котором были приняты решения о ликвидации безграмотности женщин, привлечении горянок на производство, отмене калыма и многоженства и др.

В марте 1926 г. постановлением ЦИК и СНК ДАССР женщины-горянки были уравниены в правах с мужчинами. Подобные постановления были приняты в других советских автономиях. В 1928 г. УК РСФСР приравнял к тяжелым уголовным правонарушениям похищение и насильную выдачу женщин замуж (ст. 197), а также многоженство (ст. 199). Чтобы вовлечь женщин, традиционно замкнутых в рамках семьи, в общественную жизнь проводились массовые кампании «Горянке — пальто!» и «Долой чухту!» (закрывающий волосы женский головной убор, аналог паранджи). Для вовлечения женщин немало сделала и советская школа.

Постепенно в результате целенаправленной политики власти происходило нивелирование социально-экономических особенностей казачества. В 1928 г. 42% населения Кубани (1286 тыс. человек) считали себя казаками, всего здесь проживало 3038 тыс. человек, из них 82,5% в селах. Больше всего казаков проживало в Кубанском и Армавирском округах.

Накануне осуществления общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации Советская власть на Кавказе окрепла настолько, что решено было уничтожить шариатские и адатные институты и унифицировать судебно-административную систему в регионе. Уже в первой половине 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды.

В 20-е гг. были приняты меры по социально-экономическому и культурному развитию горских народов. Так, бюджетные расходы России в среднем на душу населения горских народов в 1927–1931 гг. были в два раза

больше аналогичных расходов в районах с другим населением. За 1924–1929 гг. валовая выработка промышленной продукции по Северо-Кавказскому краю выросла в 4,5 раза, численность горцев-рабочих за 1924–1928 гг. выросла с 940 до 2600 человек. До 1927 г. в Адыгею было выделено 658 тыс. рублей дотаций, в Кабарду и Балкарию — 2463 тыс., Карачай — 602 тыс., Северную Осетию (без Владикавказа) — 1192 тыс., Черкесию — 357 тыс., Чечню — 14 898 тыс., Ингушетию — 887 тыс. рублей.

В 1924 г. были созданы Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВы). Они создавали постоянные и временные объединения, кредитовали их, перераспределяли среди их членов государственную финансовую помощь. К 1927 г. кресткомы охватили основную массу местного крестьянства (62,5%). В то же время уровень коллективизации по региону был невысок. К этому времени в колхозы вступило только 18% всех крестьян региона, а в горах — только 7,5%.

В 1926–1927 гг. в Дагестане, Чечне и Ингушетии были конфискованы мечетные земли и движимое имущество (вакф), а также средства, собираемые за счет религиозных пожертвований (закят). Это имущество было передано кресткомам и составило экономическую базу для сплошной коллективизации.

В 1928–1929 гг. власти приступили к завершительному этапу коллективизации. Несмотря на сопротивление крестьянства, началось обобществление частных участков и скота (мульк). Причем по постановлению ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» 1930 г. в зерновых районах Ставрополя коллективизация должна была быть завершена к осени 1930 — весне 1931 г. Для Дагестана, Чечни и Ингушетии сроки окончания коллективизации не были установлены. В районах плоскости и предгорьев она была завершена в 1935 г. Горцев удалось охватить сплошной коллективизацией только в 1937 г. Но только к зиме 1939/40 г. в колхозы и совхозы объединили 98% сельского населения, 95,9% сельхозугодий и 95% крестьянского скота.

Одновременно с коллективизацией проводились широкие национально-языковые и социальные преобразования, известные как политика «национальной консолидации». Тактические задачи не раз менялись, однако важнейшая цель оставалась неизменной. Реформы должны были преодолеть разобщенность и обособленность горцев, спаяв их в несколько крупных наций; искоренить мусульманскую культуру горцев и заменить ее общесоветской. В паспортах и во всех советских переписях населения с 1939 по 1989 гг. почти все этнические меньшинства стали записываться по названию более многочисленных и влиятельных этнических групп.

Сильнее всего последствия «национальной консолидации» были заметны в Дагестане. Там 13 андо-цезских народностей и арчинцы были приписаны к аварцам. Последние превратились в самую крупную нацию республики, к которой принадлежат ныне более 1/4 всех дагестанцев. Стали считаться даргинцами кайтагцы и кубачинцы. Небольшой тюркский народ терекменцы слились отчасти с кумыками, отчасти с азербайджанцами. В

Южном Дагестане была предпринята неудачная попытка «консолидировать» малые народы лезгинской группы с лезгинами.

Система органов управления — ревкомов, а затем Советов, призванных проводить социально-экономические и политические преобразования, складывалась на Северном Кавказе исключительно под влиянием центра. Зачастую это было связано с сильной персонификацией политики, слабым учетом национальной специфики, особенностей этнического развития, шараханием из крайности в крайность в привлечении русских или национальных кадров в органы управления без учета их квалификации и образования. Организация краевых объединений на экономической основе (Юго-Восточный край) и подчинение ей сложившихся национально-государственных образований порождали новые противоречия.

Массовые репрессии и депортации в 1920–40-е гг.

▪ Советские преобразования на Северо-Восточном Кавказе в 20–50-е гг. сопровождалось политическими репрессиями. Наиболее массовыми они стали в годы коллективизации. В 1927–1939 гг. было «раскулачено» несколько сотен тысяч горцев-мусульман и терских казаков. Пик «раскулачивания» пришелся на 1929–1931 гг. Понятия «кулак», «контрреволюционер» приобретают к этому времени политическое и крайне широкое значение врага Советской власти вообще. Их синонимом к концу 30-х гг. становится термин «враг народа». Под него подпадали в основном семьи сельских старост, мулл, преподавателей медресе, казачьих старшин, священников и других представителей деревенской верхушки.

Многие репрессированные были расстреляны, другие осуждены на разные сроки заключения в концентрационных лагерях, сосланы с конфискацией имущества за Урал, в Сибирь и Казахстан и другие отдаленные регионы СССР. Только в сентябре 1937 г. по просьбе Дагобкома ЦК ВКП (б) постановил увеличить количество репрессированных по Дагестану «кулаков и антисоветских элементов» «по первой категории» (расстрел) с 600 до 1200 человек, а по «второй категории» (заключение на длительные сроки) — с 2478 до 3300 человек. К декабрю число осужденных к расстрелу было увеличено еще на 800 человек. Такой же террор царил в Чечено-Ингушетии и Ставрополье. По статистике НКВД, за 1938–1939 гг. примерно 2,6% взрослого населения региона, т. е. трое на каждые 100 человек, были осуждены и находились в заключении.

Гонения на членов шариатских судов и насильственное прикрепление мусульманских крестьян к колхозам вызвали долго не прекращающиеся волнения. Крупнейшими из них были восстания 1930 г. в Южном и Северо-Западном Дагестане: «Хновский и Дидойский мятежи», «дело шейха Штульского», бунты горцев Чечено-Ингушетии и Северного Дагестана в 1934–1936 и 1940–1942 гг. Одним из главных требований восставших

было восстановление шариатских судов. Восстания были подавлены Красной Армией при поддержке ЧОН и отрядов НКВД. Их руководители были расстреляны, большинство участников осуждены на разные сроки лагерей.

С 1930 г. репрессии все чаще затрагивают мусульманскую интеллигенцию, сотрудничавшую с Советской властью, известных партийных и советских руководителей. Из известных председателей шарсудов Абу-Суфьян Акаев был осужден в 1929 г. на 10 лет лагерей и умер в 1931 г. под Котласом; Замир Али арестовывался и ссылался дважды — в 1930 и 1938 гг., в 1943 г. он умер в ссылке в г. Георгиевка Семипалатинской области. В 1931 были репрессированы сыновья и мюриды Али-Гаджи Акушинского. Участники установления Советской власти на Северном Кавказе А. Тахо-Годи и Дж. Коркмасов были расстреляны НКВД Дагестана в 1937 г. Н. Самурский, возглавлявший Дагбком с 1921 по 1937 г., был расстрелян как «враг народа» в 1938 г. Красный партизан К. Караев был арестован органами НКВД в 1939 г. и отстранен от занимаемых им высших военных должностей. Практически все пострадавшие в годы репрессий 30-х гг. были посмертно реабилитированы решением Верховного Суда СССР в 1957–1963 гг.

Насильственная коллективизация, уничтожение национальной интеллигенции, борьба с религией, с традиционным укладом, обычаями не могли не вызвать сопротивление населения, принимавшего индивидуальный и групповой характер. Все эти причины и их проявления взрывоопасно сработали в годы Великой Отечественной войны.

В обстановке появления гитлеровских войск на Северном Кавказе и в Калмыкии имели место факты не только уголовного, но и политического бандитизма, в ряде случаев с повстанческой окраской. Однако их масштабы и степень вовлеченности местного населения не были существенно отличны от картины в других оккупированных и прифронтовых регионах страны. И это не могло являться основанием для сталинской депортации ряда народов Северного Кавказа.

12 октября 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории». Часть территории бывшей Карачаевской автономной области была передана Грузинской ССР во вновь образованный Клухорский район. В марте 1944 г. из Кабардино-Балкарской автономной республики были высланы балкарцы, республика переименована в Кабардинскую автономную республику, а южные районы бывшей Кабардино-Балкарской АССР вблизи главных Кавказских перевалов перешли к Грузии. В целом было переселено более 62,5 тыс. карачаевцев и более 33 тыс. балкарцев.

В феврале 1944 г. было депортировано все ингушское и чеченское население Чечено-Ингушетии, Дагестанской АССР и г. Владикавказ (500 тыс. человек). 7 марта 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, часть ее земель передана Северной Осетии и Грузии, а на другой части образована Грозненская область. Как и в случаях с другими народами, депортация сопровождалась жесткостью, смертью от голода и холода в

пути и на местах выселения (Казахстан, Средняя Азия). Участвовавшие в боевых действиях на фронте бойцы — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы — отзывались и отправлялись вслед своим соплеменникам.

Послевоенное развитие и реабилитация депортированных народов

▪ Послевоенный период социально-политической истории Северного Кавказа связан с восстановлением разрушенного народного хозяйства и строительством новых крупных промышленных предприятий, для чего была организована массовая миграция квалифицированных кадров, представителей славянских урбанизированных народов. Как правило, они сосредотачивались в столицах и крупных населенных пунктах республик, которые вследствие этого вскоре стали получать статус городов, где создавалась городская социально-культурная инфраструктура, открывались высшие и средние специальные учебные заведения, формировались научные учреждения. Местное население, в основном представленное аграрными народами, составляло небольшой процент городского населения, и еще менее было представлено в промышленности.

Еще в довоенный период на Северном Кавказе стала складываться система «параллельной социально-культурной жизни», в послевоенные годы эта тенденция усилилась. Кавказское население преимущественно было занято в сельском хозяйстве (скотоводство, земледелие, виноградарство) и сохраняло традиционные способы социальной регуляции (адаты), внутриэтническую структуру, тип демографического воспроизводства и язык бытового общения. Русское (славянское) население заняло свою особую «социальную нишу»: оно было представлено высококвалифицированными инженерно-техническими и рабочими кадрами преимущественно на крупных промышленных и перерабатывающих предприятиях (например, завод «Красный молот» в Грозном или вольфрамо-молибденовый комбинат в Тырныаузе), имело более высокий уровень жизни, компактно проживало в специально построенных домах, как правило, характеризовалось нуклеарной семьей и не владело языками местных народов.

Такая система социально-этнической стратификации сохранилась и в последующие периоды, но была усилена в результате депортации репрессированных народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков). У находившихся в ссылке с 1943 г. по 1957 г. в Средней Азии и Казахстане репрессированных народов в условиях социальной изоляции (они были лишены гражданских и политических прав) только укрепилась система внутриэтнической социальной регуляции, сохранилась кланово-родовая структура, вырос уровень религиозности, особую ценность приобрел родной язык. В то же время места проживания выселенного населения заселялись в городах по целевому набору преимущественно русскими специалистами, а в сельской местности представителями других нацио-

нальностей. Принудительной миграции подверглись народы Дагестана (лакцы) и казачество, территория Пригородного района, ранее принадлежавшего Чечено-Ингушетии, была заселена осетинами.

Восстановление законности в отношении репрессированных народов началось после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.). 16 июля 1956 г. Верховный Совет СССР принял постановление «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей». 8 января 1957 г. Чечено-Ингушская АССР была в основном восстановлена в своих прежних границах. Только Пригородный район и часть Малгобекского остались в составе Северо-Осетинской АССР, а небольшая часть южных земель — у Грузии. В то же время в состав вновь образованной Чечено-Ингушской АССР вошли Наурский, Шелковской и Каргалинский районы упраздненной Грозненской области, населенные казаками и ногайцами. Дагестан же получил в 1957 г. из Ставрополя Кизлярский, Ногайский, Тарумовский и Крайновский районы.

9 января 1957 г. были изданы Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». В 1957 г. Черкесская автономная область была преобразована в Карачаево-Черкесскую автономную область с присоединением к ней территории бывшей Карачаевской области. Была восстановлена прежняя граница Грузии со Ставропольским краем, в который входила Карачаево-Черкесская автономная область.

Однако процесс реабилитации депортированных народов в 50-е гг. не был завершен и был продолжен в период перестройки. 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию о признании незаконными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению. 7 марта 1991 г. было принято постановление об отмене законодательных актов против данных народов, а 26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов». Однако несовершенство законодательства, отсутствие четкого механизма претворения закона в жизнь и нежелание центра довести дело до конца повлекли шлейф нерешенных проблем.

Северный Кавказ в 1960-е — 1980-е гг.

■ С начала 1960-х гг. модернизационные процессы изменили облик Северного Кавказа. Не только краевые и республиканские центры, но и другие города становятся сосредоточением промышленности и современной культуры. Показателями высоких темпов в модернизации стали нарастание удельного веса промышленной продукции в общем объеме производимого в регионе валового продукта, рост городского населения, повышение уровня образования, развитие культурной инфраструктуры. В 1989 г. в городах уже проживало 59,9% балкарцев, 41,5% адыгейцев, 44,3% кабар-

динцев, 45,4% кумыков, 44% лезгин. Несколько ниже был процент городского населения у ингушей (37,6%), черкесов (36,1%), чеченцев (26,8%), карачаевцев (32,6%), даргинцев (29,2%).

По числу лиц высшим и незаконченным высшим образованием на 1000 человек северокавказские народы характеризовались следующими показателями: адыгейцы — 149; балкарцы — 138; карачаевцы — 132 человека; черкесы — 128; лезгины — 120; кумыки — 97; аварцы — 87; чеченцы — 61 (для сравнения показатель русского населения равнялся 132 человекам). Таким образом, во всех республиках произошло формирование этнонациональной интеллигенции. Резко вырос удельный вес представителей горских народов среди республиканских руководителей. В Дагестане они составили 83,8%, в Чечено-Ингушетии — 75,5%.

Имел место рост предприятий и организаций промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи и строительства. Неблагоустроенные городки с преобладанием одноэтажных мазанок и саманных домиков превратились в города с многоэтажными домами постройки 1960–80-х гг. В них возникают комплексы общественных зданий административного и культурно-спортивного назначения, включая Дворцы культуры, театры, филармонии, учебные заведения, художественные и краеведческие музеи. Развиваются курорты, основанные на использовании минеральных вод и климатотерапии. Среди советских людей стали популярными туристические маршруты по Северному Кавказу.

Во всех краевых и республиканских центрах открываются университеты. Высшее образование расширяется за счет педагогических, сельскохозяйственных, медицинских и технических вузов, в том числе — политехнических институтов в Краснодаре, Махачкале, Ставрополе. Создается сеть научно-исследовательских учреждений. В их числе — филиал АН СССР в Дагестане, республиканские НИИ истории, языка, литературы и истории культуры. Из отраслевых НИИ — Государственный институт по проектированию предприятий цветной металлургии (Владикавказ), Грозненский нефтяной НИИ и Государственный институт по проектированию предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, Краснодарский НИИ по технологии тракторов и сельскохозяйственного машиностроения, Высокогорный физический НИИ в Кабардино-Балкарии и др.

В то же время в регионе имелись и негативные процессы, отражающие общие тенденции общественного развития советского государства. Имели место приписки, взяточничество. Клановые отношения в ряде республик органично слились с партийно-советской номенклатурной системой. На фоне массивного насаждения атеистической интернационалистской идеологии имели место совсем иные отношения в духовной жизни общества.

Следствием возвращения представителей репрессированных народов стал значительный рост численности населения и резкое обострение ситуации на рынке труда. Подготовка профессиональных «национальных» кадров и формирование советских этнических элит в условиях трудоизбыточности и этни-

ческой конкуренции способствовали тому, что с середины 60-х гг. начинается снижение численности русского населения в республиках Северного Кавказа.

Если добровольных трудовых этнических миграций до начала 70-х гг. практически не было, то в этот период «избыточное население», в основном трудоспособные мужчины — представители кавказских народов, не вписавшихся в сложившуюся в советский период социальную структуру, было вынуждено в поисках средств существования выезжать в другие регионы «на заработки». Стала складываться система «отходничества» — сезонных трудовых миграций, позволяющих одному из членов семьи обеспечивать остальных. В этот же период стали складываться многочисленные этнические общины на территориях краев и областей Юга России.

В 80-е гг. «отходничество» как преимущественно мужская миграция перестало обеспечивать потребности большой многопоколенной семьи и дополнилось «челночеством» — мелкой торгово-закупочной предпринимательской деятельностью, которой преимущественно занялись женщины. Таким образом, трудоспособные члены семьи с целью заработка стали систематически выезжать в другие регионы и страны, знакомиться с другими культурами, языками и социальными нормами. Но при этом традиционная структура семьи, система ценностей, язык общения оставались неизменными. Так, по данным переписей населения 1979 г. и 1989 г. степень владения родными языками северокавказскими народами была одной из самых высоких в СССР. В то же самое время молодое поколение все больше переходило на русский язык, на котором функционировала вся система высшего образования.

Дальнейший рост населения и массовой безработицы в республиках Северного Кавказа (например, в 1989 г. в Чечено-Ингушетии насчитывалось около 200 тыс. безработных мужчин трудоспособного возраста) привели к новой волне этнических миграций — трудовым миграциям достаточно больших групп населения, как правило, нескольких семей, принадлежащих к одному родственному или поселенческому клану, в сельские районы Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей. В этих регионах быстро росла этническая мозаичность населения, практически все они становились полиэтничными, появились первые межэтнические конфликты на бытовом уровне. Напротив, в республиках в этот период явно обозначилась тенденция вытеснения представителей нетитульного (т. н. «некоренного») населения, в первую очередь русскоязычного, что непосредственно отражалось на уровне конфликтности в регионе.

В сфере национальной политики период конца 50-х — середины 80-х гг. характеризуется усилением межэтнических противоречий на Северном Кавказе. Противоречия усложнялись острыми территориальными проблемами между народами, дальнейшим наступлением на ислам и «этнические пережитки» в связи с переходом к «развитому социализму». Кризис наступил в начале 70-х гг. и остро проявился в событиях в Чечено-Ингушетии (1972 г.) и Северной Осетии (1981 г.), где от имени местных национальностей были предъявлены претензии официальным органам власти, которые

силовыми методами добились ситуации внешнего благополучия, но не разрешили межэтнических противоречий.

Новый этап характеризуется попыткой разрешения кризиса в межэтнических отношениях на Северном Кавказе посредством сочетания государственного контроля (прежде всего, кадрового) с идеологическим воздействием в общем контексте формирования новой исторической общности — советского народа. Государственная политика по отношению к народам строилась на принципе унификации всей общественной жизни и признании культуры, которая имела право быть только «социалистической по содержанию, национальной по форме». В условиях «развитого социализма» был взят курс на сближение наций, углубление интернационализации общественной жизни народов. В связи с этим особое внимание уделялось конструированию у титульных народов типовой социальной структуры советской нации, чтобы через расцвет наций и их культур максимально сблизить их на основе общности идеологии, самосознания, экономического и информационного единства. Опорами этого единства были «возрастающая роль КПСС» и повышение роли русского языка. Любые отклонения от этой политики жестко пресекались по обвинению в национализме. В духе вечной дружбы народов изображалась история Северного Кавказа, исключались негативные страницы взаимоотношений горских народов и России. Официальная пропаганда говорила о фактическом решении национального вопроса в СССР.

Однако, несмотря на формирование наднациональной общности — советского народа — полного вытеснения этнического самосознания северокавказских народов не произошло. Это объясняется значимостью для личности этнической принадлежности, которая обеспечивала включенность в систему социальных связей. Этническая группа через общинно-родовые структуры формировала и транслировала нормы и ценности повседневной жизни. Результатом сосуществования двух ценностных систем являлось утверждение двойной морали: в быту следование традиционным этническим нормам, в политической сфере — официальной советской идеологии. Перенос этнических норм с бытового уровня на политический влек за собой жесткие санкции. Принципы национальной политики советского государства в условиях тоталитарного общества казались эффективным механизмом регулирования межэтнических отношений на Северном Кавказе; но в условиях демократизации политической системы обнаружилось, что используемые в советский период меры, направленные на огосударствление и жесткий контроль этничности, привели к сохранению и укреплению этнической структуры.

В условиях демократизации и гласности в годы перестройки (1985–1990 гг.) возрождение этнического самосознания нашло свое проявление в стремлении к суверенизации бывших автономий и в распространении идеи сепаратизма. Разработка в 1989 г. «Платформы ЦК КПСС по национальной политике» была запоздалой и не спасла ситуацию. С принятием Декларации о суверенитете Российской Федерации и распадом СССР начался новый этап социально-политической истории Северного Кавказа.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

▪ Чтобы хорошо разбираться в поведении населения Северного Кавказа и правильно вести себя по отношению друг к другу, необходимо знать нормативную культуру горцев — особенности их общественной организации, правовых институтов и представлений. Как известно, кавказские горцы порой сильно отличаются друг от друга по происхождению, языку, нравам, этнической культуре и религиозным воззрениям. Их общественное развитие шло разными путями. Некоторые еще в раннее Средневековье образовали свои государства, у других роль государства выполняли кланы или союзы сельских общин. На востоке и западе региона существовали разные системы обычного, мусульманского и религиозного права. В то же время абсолютно всех горцев сближает горячая приверженность к своим кланам и местным обычаям. Клан на большинстве языков народов Кавказа называется тухумом. У чеченцев, ингушей и некоторых дагестанских народов он известен под именем тайпа. Обычай, а также обычное право повсюду на Кавказе именуется адатом. Этот термин заимствован из арабского языка в эпоху исламизации кавказских горцев. Существуют его синонимы в местных языках, например аварское баль [бать, букв. «борозда»], карачаевское тёре [закон].

Общие черты и местное своеобразие тухумной организации и адатного правосознания у горцев Дагестана, вайнахских и адыгских народов, осетин и тюркских народов Северного Кавказа, в определенной степени характеризует динамику изменения социо-нормативной культуры горцев под влиянием сначала дореволюционных, а затем советских преобразований. Среди многих отечественных этнографов до сих пор господствует представление о древности и неизменности горских традиций. Между тем, перемены, произошедшие на Северном Кавказе в XIX–XX вв., привели к существенному изменению этнографического облика народов Северного Кавказа, их традиционной правовой культуры. Наибольшему воздействию технического и в целом социально-экономического прогресса подвержен традиционный уклад жизни кабардинцев, осетин, карачаевцев и др.

С изменением условий жизни неизбежно менялись и местные традиции, обычное право и кланы. Сегодня они выполняют совсем другие общественные функции. Вместе с общественными институтами меняются и взгляды. Но для самих носителей этих взглядов местная традиция по-прежнему предстает чем-то незыблемым и вечным. Один из наиболее любопытнейших примеров

преобразования горских традиций под влиянием российских реформ — это традиционная клановая организация и обычно-правовые институты.

Итак, что же представляли собой тухумы и адат — эти «киты», на которых стояло горское общество и право накануне русского завоевания и глобальных государственных реформ, продлившихся на Северном Кавказе почти двести лет, с конца XVIII по конец XX в.

Клановая организация

Семья и тухум до российского завоевания

■ Тухум (иначе произносится тохум, джухум) на санскрите, как и в иранском, означает «семья», «сельская община». В этом значении слово «джухум» бытует у народов штата Ассам в Индии. Термин этот очень распространен в Нагорном Дагестане, куда был занесен в глубокой древности из персидского. То же слово употребляется кумыками, карачаевцами и балкарцами. Реже на Северном Кавказе встречается арабское слово «тейп», столь популярное ныне в России благодаря двум недавним российско-чеченским войнам и взрыву общественного интереса к Чечне. Тайпом, а также тухумом клан называют чеченцы и ингуши. В том же значении слово «тейп» используется аварцами, андоцезскими народами, лакцами и некоторыми другими народами Дагестана. Чеченский краевед XIX в. У. Лаудаев писал, что в основе понятия «тейп» лежит родственная связь между членами. По его словам, почеченски тайпан означает одну фамилию, т. е. род или племя.

У народов Северного Кавказа есть и иные наименования клана, частью местные, частью заимствованные из арабского и тюркских языков. Аварцы часто называют его тлибил, букв. «корень». У даргинцев тухум еще называется джине (от араб. «род»), у лакцев — сака, у лезгин и народов лезгинской группы — сихил, миресар. У кабардинцев и других адыгских народов клан называется тлепк.

Первые сведения о кавказских тухумах относятся к позднему Средневековью. Клань адыгов описал итальянский путешественник XV в. Дж. Интериано. Адаты аварских селений Гидатля в Нагорном Дагестане, составленные в XV–XVII в. и дошедшие до нас в копии XVIII в., донесли до нас генеалогию гидатлинских тухумов шамхалов. Подробные сведения о тухумной организации появились только в прошлом столетии. Классическое описание клана у джаро-белоканских аварцев Южного Азербайджана в середине XIX в. дал в краткой и точной характеристике И. О. Константинов. По его словам, тухум, или фамилия, заключал в себе не только всех близких и дальних родственников, но и тех, кто, выйдя из дальних мест, присоединились к тухуму, приняли его название и поселились на принадлежавшем ему участке земли. Единственное, чего недостает этому определению, — это то, что близкие и дальние родственники должны были происходить только по отцовской линии. Таким образом, тухум был строго патрилинейным, или агнатным, по теории

известного социолога XIX в. М. М. Ковалевского, если иметь в виду родственное ядро; но гетерогенным в целом, поскольку в число его членов могли входить принятые под его покровительство переселенцы.

На Северном Кавказе до русского завоевания сложилось два основных типа тухумов. Первый из них встречался только на Северо-Восточном Кавказе, в основном в Дагестане. Население каждого аула в Дагестане обычно состояло из нескольких небольших кланов-тухумов. Как правило (но не обязательно), их число было четным. Характерное описание тухумной организации, существовавшей в XIX в. в дагестанском с. Чох, оставил Омар Каранаилов. По его словам, со времен основания селения его жители разделялись на несколько тухумов. В прежние времена в ауле господствовал тот, чей тухум больше. Тухум во всякое время должен был помогать любому из своей среды. В случае драки убивали обыкновенно несколько человек, потому что с каждой стороны прибегали помогать однотухумцы. По полевым материалам этнографа начала XX в. Г. Ф. Чурсина, в Чохе было 6 родов, или фамилий: Бухас-Магомедовы (Магомед-Мамаловы), Нахибашевы, Шахназаровы, Пакаловы, Сульжилевы и Османовы. Аул управлялся представителями населяющих его родов, причем первые три рода, как многолюдные и сильные, давали по одному представителю каждый, а три последние — Пакаловы, Сульжиевы и Османовы, как малочисленные, все три имели одного представителя. Возможно, что последние три тухума образовались из одного крупного рода, разделившегося на три ветви.

Основной социальной ячейкой кланов в Дагестане была малая семья. Семьи объединялись в патрилинейные объединения-субкланы, или патронимии, а несколько патронимии уже составляли тухум. Причем тухумом часто называли и патронимию внутри клана, употребляя для обозначения последнего термин тлибил. В русской дореволюционной, а затем в советской литературе было распространено мнение, что в прошлом в Дагестане повсеместно господствовала большая семья или семейная община, к XIX в. распавшаяся на малые семьи. Однако дагестанские большие семьи так никогда никем и не были засвидетельствованы. Здесь мы имеем дело с укоренившимся ошибочным представлением, исходящим из априорного убеждения в том, что развитие всех народов от первобытности до нашего времени идет по одному проторенному пути — от первобытного рода к семейной общине, а от нее — к современной малой семье.

Семьи горцев Дагестана обычно включали в себя два поколения ближайших родственников — родителей и их неженатых детей. Сыновья выделялись сразу же после женитьбы и жили отдельно от родителей. «Если огонь рано зажечь, золы будет много», — говорит аварская пословица: рано отделишься, больше наживешь. Полагалось, чтобы отец построил каждому из них по дому. Это представление настолько укоренилось в сознании горцев, что понятие «жениться» в андийском и аварском языках передается словосочетанием «строить дом» (авар, ригин гьабизе). На этот обычай указывает и пословица: «Если родится сын — выстроится дом, если родится дочь —

разрушится дом». Отцовский дом и земли по адату наследовал младший сын. Ученик М. М. Ковалевского Б. В. Далгат отмечал, что родительский дом и все, что находилось в нем, наследовал младший сын, который с родителями и проживал. Вместе с непосредственными заботами о стареющих родителях ему перепадала основная часть имущества. Один из любимых сюжетов народных песен горцев — заговор двух старших братьев против младшего, убийство ими младшего брата в пещере или ущелье и раздел между собой его имущества.

Среди таких баллад наиболее известна аварская под названием «Али, оставленный в ущелье». Содержание песни таково. Два старших брата заманивают младшего на ловлю соколят в горном ущелье, опускают его на канатах к гнезду и, отпустив канаты, бросают его там. Младший брат взывает: «Братья родные, дай вам Бог счастья! Мои пятьсот овец, — отцово наследство, — по пять отсчитаю и вам передам. Поле у аула — материно наследство, — веревкой вам отмерю — не оставляйте меня здесь!». Но старшие братья неумолимы: «Отцово наследство — пятьсот твоих овец — сами отсчитаем, а тебя оставим здесь. Перед аулом поле — материн надел — мы сами разделим, но не поднимем тебя». В конце песни Али погиб, сорвавшись со скалы, но ворон рассказал его матери и жене о братьях-злодеях, и их преступление было раскрыто.

Наряду с делением дагестанского тухума на малые семьи, у него была еще одна очень важная особенность. Дагестанцы предпочитали заключать браки между родственниками по отцовской линии, иначе говоря, их кланы были эндогамны. Обычаи эндогамии и деления тухумов на малые семьи отличают дагестанцев от других кавказских горцев. Это подметил еще Н. Львов, долго находившийся в плену у аварцев во время Кавказской войны XIX в. По его словам, если условия позволяли, аварцы заключали брачный союз (авар ригьин) между однотухумцами. Эта же черта наблюдалась и у других горцев Дагестана. По словам дагестанского историка XIX в. Гасана-эфенди Алкадари, в прошлом одной из целей в жизни для дагестанца было получить красивую жену из двоюродных сестер. Браки в пределах одного рода считались не обязательными, но предпочтительными. М. М. Ковалевский, на основании собранных в Нагорном Дагестане официальных данных, так охарактеризовал этот обычай, браки с родственницами признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдается, что при невозможности найти подходящую для него невесту в собственном роде жених требует, чтобы избранная им чужеродная подверглась предварительно уочерению со стороны его рода, и затем уже вступает с нею в брак.

При этом браки вне своего клана обычно не считались каким-то табу или кровосмешением, как в случае нарушения экзогамии, но и не поощрялись. Многолюдные тухумы в дагестанских селениях встречались редко. Большинство тухумов включали всего по несколько десятков человек. В общине в 100–150 домов число кланов доходило иногда до шести и более. Кубачи конца XVIII в. имели 12 тухумов, в лезгинском с. Ахты середины XIX в. их было 40. При тысячелетнем господстве строгой тухумной эндогамии

эти маленькие кланы давно должны были выродиться. Однако этого не произошло. Кроме того, есть немало свидетельств о браках между членами конкретных тухумов одного селения. Главным условием таких союзов было равенство происхождения клана — из горской знати, свободных общинников, крепостных или рабов. Например, уже упоминавшийся Г. Ф. Чурсин сообщал, что все три тухума Согратля считаются равными по происхождению и вступают между собою в браки. Население аула Мугурух заключает в себе четыре тухума. Все четыре тухума считались равными по происхождению, и браки между членами различных родов не возбранялись. Мугурухцы вступали в брачные союзы и с другими родами.

Об отношении горцев к нарушению тухумной эндогамии хорошо говорит аварская народная песня. В ней девушка, вышедшая замуж за юношу из другого клана, оплакивает свою судьбу:

*Отцовский тухум (кьибил) в ссоре со мной,
Говорит, что я взялась за ветку дерева без корней,
Материнский тухум со мной во вражде,
Говорит, я испила воду из ручья без начала.*

Известный специалист по этнографии Нагорного Дагестана М. А. Агларов, приведя запись этой песни, обращает наше внимание на то, что в песне отец и мать девушки также принадлежат к разным тухумам.

Таким образом, межтухумные браки хотя и осуждались общественным мнением, но встречались в повседневной жизни.

Строже соблюдалась эндогамия внутри сельской общины. В подавляющем большинстве случаев, а иногда и всегда (например, в с. Кубачи) браки заключались только в пределах аула, общины. Если населенный пункт сам по себе еще не представлял собой общину, а был только его частью, то браки заключались свободно в пределах населенных пунктов, составлявших сельскую общину, т. е. круг эндогамии расширялся. Б. В. Далгат, известный знаток обычного права, отмечал, что даргинцы обыкновенно берут невесту в своем селении, хотя иногда берут и в чужом, но это считается стыдом. По адату, внеаульные браки считались преступлением против родной общины. Повинные в них наказывались крупными штрафами. Интересно привести одно старинное историческое предание из даргинского с. Хаджал-Махи. Оно говорит, что, когда после одной из кровопролитных войн в селении осталось намного меньше взрослых мужчин, чем незамужних женщин и девиц, то на народном собрании кто-то внес предложение разрешить выдавать хаджалмахинок в соседние селения. Однако седобородые старейшины с негодованием отвергли это предложение. Они били своими палками о землю и кричали: «Сами возьмем по семь жен, остальных тоже женим на скольких надо, но на чужих не разрешим!».

Совсем иначе выглядела тухумная организация у вайнахов и горских народов Северо-Западного Кавказа. Это были огромные фамилии, каждая из которых могла включать по несколько тысяч человек, селения которых могли быть разбросаны по огромной территории. Несколько десятков та-

ких фамилий составляли ядро народности. Они назывались по имени родоначальников или тех мест, в которых жили. Например, чеченские селения Парчхой и Юрт-аул еще в XIX в. относились к одному клану Парчхой, который, по народным преданиям, в XIV в. спустился из местности Нашха в Аккинских горах и обосновался в долине Терека. Выходцы из той же местности основали в междуречье Аксая и Ярыксу крупные аулы, называвшиеся каждый по имени своего тайпа — Беной, Курчалой, Цонтарой, Цечой или Кешен-аул и др. В высокогорье чеченские и ингушские кланы объединяли до десятка небольших селений. На равнине и в предгорьях им нередко принадлежали аулы в 200 и более дворов.

По словам У. Лаудаева, каждая фамилия называлась именем своего родоначальника, водворившего ее в Чечне, гордилась этим именем и охраняла фамильные интересы от ущерба со стороны других фамилий. Это были своего рода многочисленные мелкие республики, объединенные общим языком. Его современник Н. Ф. Грабовский отмечал, что тайп или фамилия у ингушей играли значительную роль, особенно если были многочисленными. Чем многочисленнее род, тем он сильнее, поэтому большие роды обычно оказывали и большее влияние на общественные дела. Любой член такого тайпа был наиболее гарантирован, как в отношении покушений на свою собственность, так и личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамилии, убить или ранить его — значит нанести себе неминуемую гибель или, по меньшей мере, неприятность и беспокойство на очень продолжительное время, так как потерпевшие всегда стремились отомстить обидчику всеми силами.

Основную ячейку клана у чеченцев, ингушей, осетин, а также адыгских народов Западного Кавказа составляли не малые, а большие семьи, отмеченные здесь вплоть до XVIII — начала XX в. Кабардинцы называли большую семью бынышхуз. Она обычно состояла из 3–4 поколений горцев и включала в себя несколько десятков родственников по мужской (реже и по женской) линии. По наблюдению дореволюционного русского этнографа Н. Н. Харузина, у ингушей нередко можно было встретить семьи, в которых жило до десяти взрослых мужчин. Согласно материалам Б. В. Далгата, общее количество членов большой ингушской семьи доходило до 20–40 человек. Г. Ф. Чурсин описал в горах Южной Чечни типичную «патриархальную семейную общину», состоящую из 30–40 человек, живущих под одной крышей и составляющих одну хозяйственную и общественную единицу. Али — глава дома — ведал всеми мужскими работами. Хозяйка дома руководила хозяйственной деятельностью женских членов семьи — распределяла между ними работы, следила за их исполнением и проч. Большие семьи объединялись в патрилинейные общины родственников по отцовской линии, а те уже образовывали тайпы.

Члены большой семьи подчинялись неограниченной власти самого старшего и авторитетного родственника по мужской линии — патриарха. Кабардинская поговорка «В семье должен быть порядок» означает, что семья должна следовать установленным адатом семейным порядкам. Согласно одной из норм обычного права кабардинцев решение родителей —

закон. Записанный в 1847 г. у кабардинцев семейный адат отмечал: «Отец полновластен над своими детьми, и последние должны во всем повиноваться ему... Дети по закону Магомета и обряду (подразумевается адат) должны быть родителям покорны и послушны, сопротивление воле родителей — тяжкий грех, а по обряду стыд...» На практике это означало, что глава большой семьи мог единолично решать такие важные семейно-хозяйственные вопросы, как продажа и обмен скота, продажа и обмен рабов и крепостных, раздел семьи, заключение договоров и т. д. Только от решения патриарха зависело участие остальных членов семьи в этих операциях.

Большие семьи горцев Северного Кавказа, объединенные в кланы, были экзогамны. Обычное право строго запрещало молодым людям жениться и выходить замуж за членов кланов своего отца и матери. Экзогамия простиралась до седьмого поколения: браки между представителями восьмого поколения по линии как отца, так и матери не запрещались. Препятствием к браку считалось не только кровное, но молочное и искусственное родство. Если мальчик или девочка, не являющиеся родственниками, были выкормлены молоком одной матери, то обычай запрещал не только им, но и их детям вступать в брак. Не могли вступать между собой в брак члены семей, связанных узами аталычества (так назывался обряд усыновления и воспитания детей горской знати в домах зависимых от нее семей), побратимства, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста. Нарушение клановой экзогамии считалось величайшим преступлением и строго наказывалось. У адыгов сохранились предания о том, что отца нарушителя этого запрета в старину бросали в глубокую яму и забрасывали камнями или навсегда изгоняли из общества.

Психологическая необходимость клана и большой семьи для горца во многом объясняется традициями внутриклановой поддержки и кооперации. Горцы привыкли к помощи родственников и соседей при выполнении различных хозяйственных работ, а также в случаях нужды и несчастья. Одним из первых русских авторов об этом обычае (адате) на примере аварцев рассказал Н. Львов. По его наблюдениям, некоторые работы, как, например, унавоживание полей, лушение и молотьба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной сакель, набрасывание на их крыши земли и т. п., исполнялись родственниками, соседями или знакомыми, которых приглашали на помощь (гой). В таких случаях устраивали более или менее роскошное угощение: с водкой, бузой и чабоу (традиционные алкогольные напитки), а иногда и с калмыцким чаем.

Г. Ф. Чурсин описал аварский гой или гъвай во время сенокоса. Таким же порядком соседи аварцев лакцы составляли «сборный плуг» (лак. марша) и распахивали свои нивы. При существовавшей в горах бедности населения далеко не все семьи горцев имели пару быков и плуг. Тричетыре хозяина объединялись, с тем, чтобы общими силами вспахать свои небольшие участки пахотной земли. Один давал одного быка, другой — другого, третий — плуг, чет-

вертый поставлял человеческую рабочую силу — пахаря. Пахали по очереди у каждого из участников «помочи», причем пахаря кормил хозяин нивы, которую он вспахивал. Вообще обычай взаимопомощи при запашке полей («супряги», «помочь» и проч.) издревле был широко распространен у кавказских народов. Не менее широким распространением пользуются у них и другие виды взаимной помощи. Аналогом аварского гъвай являются даргинская билкъа, кумыкская булкъа, лезгинский мел. У карачаевцев этот обычай назывался маммат, у осетин — зиу, у ингушей — белхи.

Кроме хозяйственной кооперации единство членов одного клана сплачивали родовые культы. У многих горцев Северного Кавказа сохранились языческие праздники, на которые собирались все члены клана. В конце XIX в. Б. В. Далгат отмечал, что у осетин, чеченцев и ингушей существуют патроны или боги-покровители, общие всему племени или отдельному обществу из нескольких семей и, наконец, боги покровители отдельных аулов или отдельных родов. Они называются эрдами или ердами, а у ингушей — ццу и дяла или «дэли», а также ерда. Особенно распространены были эти культы у абхазов и осетин. В Северной Осетии, по свидетельству А. М. Ладыженского, вплоть до начала XX в. у каждого клана было родовое святилище дзуар (родового духа-покровителя). Тут ежегодно справлялся храмовый праздник и устраивался родовой пир (кувд). Члены рода, переселившиеся в другое место, присылали своих представителей праздновать родовой кувд у дзуара. О родовых культах адыгов и карачаевцев пишут путешественники XV–XVII вв. У натухаевцев до XIX в. сохранялось почитание Хакусташа — покровителя клана, сельских работ и волов. Н. Дубровин отмечал, что зажиточные семейства и до сих пор посвящают одного из своих волов Хакусташу. Вол этот не употребляется ни в какую работу и носит название вола Хакусташа. Точно в таком же почете находится Тугуплоху у поколения нотахо, принадлежащего к натухажскому народу.

У народов Дагестана, большинство из которых стали мусульманами еще в VIII–XIV вв., чисто языческих родовых культов не сохранилось. Под влиянием ислама эти культы сменились почитанием мусульманских шейхов. Омар Каранаилов описал один такой культ, существовавший в XIX в. в Чохе. Чохский тухум Османов, по легенде, произошел от арабов, приехавших с Абу-Муслимом (легендарный герой-исламизатор Дагестана); поэтому в ураза-байраме, когда из мечети выносили значок и саблю, оставленные Абу-Муслимом, их нес кто-нибудь из тухума Османов; никто другой не смел взять эти реликвии. В большие праздники весь тухум собирался у мечети. В огромных общественных котлах варили мясо. К настоящему времени таких котлов уже не сохранилось. Но еще в 1927 г. Г. Ф. Чурсин видел в аварском с. Урада огромный общественный медный котел, вмещавший целого быка. В некоторых селениях для родовых празднеств служили большие дома, состоявшие из одного зала, который поражал своей величиной (до 100 кв. м и более при высоте часто более 4 м). Здесь справляли свадьбы и иные общественные и фамильно-родовые празднества и ритуалы. Такие здания сохранились в нескольких десятках горных селений Дагестана.

Материальные атрибуты клана

■ Кроме больших домов и общественных котлов на Северном Кавказе сохранились и другие материальные памятники существования горских тухумов. Среди них в глаза бросаются в первую очередь родовые башни. Наибольшее распространение они получили в Чечне, Ингушетии, Северной и отчасти Южной Осетии и в Сванетии. Осетины прежде называли эти постройки ганах. Впервые о родовых башнях у ингушей и чеченцев упоминают еще проходившие через их земли русские послы XVII в. Ф. Волконский и А. Хватов. А. Гаксгаузен описал родовые башни южных осетин. Дома зажиточных представляли собой четырехугольные каменные строения в два или три этажа, с выдающейся посредине башней с плоской земляной крышей. Дом окружали высокой стеной с небольшими караульными башнями (по углам), на которые взбирались по приставным лестницам. Путешественник второй половины XVIII в. Я. Рейнеггс приводит еще более выразительное описание осетинской родовой башни. По его словам, вожди и знатные люди этого народа обносили свои жилища высокой, крепкой каменной стеной, в каждом углу которой находились длинные, выдающиеся наружу, острые колья или частокол, на которых висели лошадиные головы и другие кости животных; за этим частоколом и между кольями были положены в аршин вышиной камни, чтобы можно было немедленно воспользоваться ими при внезапном нападении.

По словам З. Ванети, у ингушей и осетин кланы имели родовые башни-крепости, куда они укрывались в моменты борьбы с другими родами. Существовала распространенная поговорка: «Человек при жизни должен иметь родовую башню, а после смерти родовой склеп». У знатных кланов порой бывало по несколько башен. Еще в конце XIX в. ингушские фамилии Эгиевых, Таргимхоевых и Хамхоевых в своем прошении наместнику на Кавказе доказывали свою знатность и право на обладание обширными территориями тем, что их предками на этих участках были построены 15 башен под названием Кхя-Кале, т. е. «трехбашенные». Семьи, принадлежавшие к роду, не владевшему башней, чувствовали себя беззащитными. Старинная ингушская пословица гласит: «Холод тому, кто далеко от башни отходит, тепло тому, кто у башни сидит», а осетинская: «И тень от своей башни греет».

Некоторые башни служили клану только во время войн и междоусобиц. Другие использовались как жилые постройки. Они состояли из трех и более этажей. В верхних запирали женщин, домашний скарб, в нижней — скот. Второй этаж был жилым. Нередко его занимала одна большая семья. Горцы продолжали строить башни вплоть до 1-й половины XVIII в. К этому времени у каждого из горских народов выработались свои каноны башенной архитектуры. Самыми высокими из них были ингушские башни. Они достигали в высоту 25–26 м и включали пять или шесть этажей, средние из которых использовались для жилья. В горах Ингушетии до сих пор сохранились целые башенные комплексы: Эрзи, Таргим, Эгикал и др. Боевые баш-

ни имелись также у аварцев, андийских и цезских народов Нагорного Дагестана. Аналог большесемейных башен наряду с каменными башнями, замками представляли монументальные деревянные сооружения карачаевцев Балкарии, Чегема и верховьев Кубани, которые назывались постройками с крытым двором (карач. башы джабылган арбаз или просто арбаз). Это жилые дома с сараями для скота и подсобными помещениями, расположенные вокруг огромного крытого двора. В этих деревянных крепостях проживало до 7—9 семей рода. Крепостные крестьяне селились вокруг, а патриархальные рабы жили внутри этих сооружений. Над двором устраивали пологую двускатную земляную крышу со световыми окнами. Арбаз имел один вход и мог играть роль родовой крепости. Стены его сооружали из толстых бревен. Вход закрывался массивной двойной дверью. Крытый двор использовали для содержания скота, хранения дров и сена. Здесь же собирались во время семейных праздников. Строить их прекратили в середине XIX в.

В ряде равнинных и горных районов Северного Кавказа до XIX в. встречались другие материальные атрибуты больших и малых кланов. Это родовые кварталы, заселенные членами одного тухума. У карачаевцев такие кварталы носили имя тийре. Вокруг каждого из них располагались пашни и покосы, находившиеся в подворном владении принадлежавших к клану больших семей. У некоторых тийре были также свои родовые мечети и кладбища. В Тийре разделялось на владельческий поселок (кабак), поселки вассалов и подвластного населения. По устным преданиям, большинство горных дагестанских селений тоже делились на однотухумные кварталы. Границами кварталов служили улицы селения. Центром общественной жизни традиционно служили квартальные и соборная мечети с площадью (годекан, гим) перед ними. Здесь регулярно собирались сходы кварталов, отмечали семейные праздники. Старики проводили тут большую часть дня. В Нагорном Дагестане известны и тухумные кладбища. Некоторые крупные селения имели столько же кладбищ, сколько родовых кварталов. Так, в с. Шиназ их было 13, в с. Кубачи — 12. Родовые башни, кварталы, земли и кладбища служили своего рода материальными символами, в которых овеществлялось достоинство и знатность каждого клана. На Западном Кавказе кланы имели также свои родовые знаки — тамга. Тамгой метили лошадей и крупный рогатый скот, изображали ее на надгробиях и стенах домов членов клана.

Кланы в традиционной сословной иерархии

■ Социальная градация горского общества одновременно была его тухумной градацией. Общественное положение человека определялось тем, к какому клану (роду) он принадлежал. Правильно заметив эту особенность горского общества, многие дореволюционные авторы чрезмерно преувеличивали первобытность и эгалитарность кланового и общественного устройства горцев. Ученые, начиная с С. Броневского, рисовали себе сель-

ские общины дагестанских горцев или западных адыгов как патриархальные «демократические республики». Это ошибочное представление, к сожалению, довольно распространено и среди современных российских историков и этнографов, пишущих о «военной демократии» на Северном Кавказе до его русского завоевания (см., например, работы М. М. Блиева). Более пристальное изучение горского общества обнаружило, что оно представляло собой сложную иерархию сословий.

Интересно отметить, что, по представлениям горцев, семья и клан служили прообразом всякой власти. Недаром в кавказских языках названия высших сословий сближаются с понятием рода, клана. Так, кабардинский термин *лакбуэльэц* [тлелотлеш], обозначающий дворянина, произведен от слова *лакьуэ* («род», «происхождение») и *лэц* («сильный», «могущественный»). Сходной этимологией обладают осетинский термин *алдар*, сванский *варгал*, использовавшиеся для наименования верхушки горского общества. Для сравнения укажем, что наименование одного из высших сословий средневековой Грузии — *азнауры* — произведено от слова *ази* («род»).

Наиболее сложным и запутанным было сословное деление на Северо-Западном Кавказе. Оно включало четыре основных общественных слоя: князей, дворян, крестьян и рабов. Самый полный вариант сословной иерархии мы находим в Кабарде и Карачае. На самом верху сословной иерархии стояли князья-пши (пщы), у второго бий, ысхылты. Наиболее знатными в Кабарде считались княжеские кланы Атажукиных, Мисостовых, Кайтукиных, Бекмурзиных, Ге-лестановых и Таусултановых. В их фамилии недаром вошли тюркские титулы, указывающие на высшее социальное положение, — бек, мирза, ата. В Карачае к биям относились Крымшамхаловы, Мударовы, Дудовы, Карабашевы, Урусбиевы и др. Слой лиц, принадлежавшей в прошлом к князьям, рожденных от князя и женщины некняжеского сословия считался подкняжеским сословием. В Карачае оно разделялось на чанкала и тумачанкала, в Кабарде — тумачанкала. В Карачае существовало также сословие эсеккуэльтут, или тумы, которые происходили из княжеско-крестьянского смешения.

На сходе князей Кабарды вплоть до XVIII в. избирался главный князь — самый старший из них по возрасту и наиболее способный к управлению обществом. Согласно обычному праву в пределах своего княжества он являлся верховным земельным собственником и обладал высшей политической властью. В «Записке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», составленной уже при российской администрации в 1862 г., отмечалось, что «управление Кабардой как по внешним, так и по внутренним делам, равно и предводительствование вооруженными силами, исключительно принадлежало княжескому сословию, которое, кроме сего, пользовалось правом возведения лиц свободного состояния в достоинство зависимого от себя ворка подарками им земельных участков и разрешением селиться особыми аулами». В позднее Средневековье князья Большой Кабарды смогли распространить свою власть на большую часть Северного Кавказа.

Вассалами кабардинских князей были кланы тлелотлешей и дыжиниги (кабард. дыжьыныгуэ). Это было высшее горское дворянство. В докумен-

тах XVIII в. они известны под названием «лутчих», «старших» и «знатных узденей». В Карачае же первостепенные уздени (сырма-ёзденле) трех рядов: уллуздени, сараймауздени и кертиуздени обладали большими правами, правда, некоторые сарайма-уздени находились в такой же зависимости от своих князей. Низшее горское дворянство включало кланы беслан-урков (кабард. бесльэн уэркъ — «урки Беслана»), уорк-шаотлугусов (кабард. уэркъ шауэ лыгыгусэ — «мужчина, сопровождающий уорка») и пшикеу (кабард. пщыкIэу — «княжеская ограда»). Уорк-шаотлугусы являлись вассалами вассалов князей. Внизу сословной лестницы горского дворянства находились кланы пшикеу, исполнявшие при князе функции полицейских и судебных исполнителей. Они составляли личную охрану князя, взыскивали в его пользу штрафы, следили за порядком в его владениях и наказывали преступников. Карачаевские керти-уздени составляли среднее дворянское звено, тогда как карауздени, тёбен-уздени, каракиши были в таком же положении как беслан-цорки, шаотлугусы и пшикеу у кабардинцев.

Ниже князей и дворян в адыгском обществе стояли кланы крестьян, представленные целым рядом сословий. Крестьяне-общинники образовывали в Кабарде сословие тлхукотлей (или тфокотли — «неблагородные»). Часть из них, как и карачаевские сыйсыз-уздени («непочетные», «незнатные» уздени), была лично свободна, другие находились в крепостной зависимости от князей и дворян. Выделялась также отдельная категория крепостных крестьян (кабард. пщыл [пшитли] — «княжи»), известных в Карачае как юлгюлю-кул, включавших оброчных огов (кабард. луэгу — «дворовые») и «обрядных холопов» лагунаутов (или лагунапутов, кабард. лэгъунэлут). В Карачае эта категория крепостных называлась джоллу-кул. Согласно адату повинность последних имела вид барщины. Если князь или дворянин отпускал на свободу своего крепостного, то тот назывался азатом (от ср.-перс. азат — «свободный»). Как правило, при этом брался выкуп, нередко составлявший все имущество, которым пользовалась семья бывшего крепостного. Клань азатов образовывали еще одно сословие средневековых карачаевского (азат-кул) и кабардинского (Iзээт) обществ.

В самом низу сословной и социальной лестницы стояли «безобрядные холопы» или домашние рабы унауты (кабард), чьи права не гарантировались адатом («обрядом»). Унауты и джолсыз-кулы (карач.) считались полной собственностью хозяина, жили при нем, не имели права на семью, продавались, передавались по наследству и отдавались в счет долгов и платежей. Для женщин-унауток и карадашей (карач.) признавалось только простое сожительство с крестьянином с разрешения хозяина. В адатах кабардинцев было записано: «Служанка или унаут, всегда остающаяся при господине, если избрет себе крестьянина (его именуют коренитель, т. е. ненастоящий муж) и господин на то согласится, то принимает как жена мужа; рожденные от них дети принадлежат одному господину, и мнимый муж не может их присвоить себе, а детей вправе дарить, продавать и разбивать врозь, всех дочерей он может иметь у себя унаутом, т. е. служанками, а сыновей

лигавами, т. е. прислужниками». Другая обычно-правовая норма гласила: «Всякий уздень волен холопку отдать мужчине, ему принадлежащему, кому заблагорассудится с тем, чтобы прижитые дети принадлежали ему, узденю». О браках мужчин-унаутов существовал иной адат: «Мужчина-унаут, достигший совершеннолетия, имеет право требовать от владельца покупки ему жены логонаут; при таком браке он и его дети обращаются в обрядных логонаут» (подразумеваются описанные выше холопы лагунауты).

Отношения князей с дворянством и другими сословиями горского общества строились по принципу т. н. уорктына и ёзденлика («узденской дани» или «дворянских подарков»). При помощи этого образовывалась длинная иерархическая лестница, связывавшая большинство сословий горского общества. За военную службу князь «дарил» землю с прикрепленными к ней крепостными своему вассалу. Тот в свою очередь также за службу предоставлял часть земли в виде той же дани своему вассалу. Последний передавал свою землю крестьянским кланам на правах общинного землепользования и с условием несения оброчных или барщинных повинностей. Одновременно с дворянином князь уступал часть земель другому своему вассалу – низшему дворянину, а тот передавал ее своим крестьянам. «Подарки» князей дворянам-узденям должны были периодически возобновляться. Причем, согласно кабардинскому адату, дарящий мог ни в чем отказать своим вассалам-дворянам. Порой они принимали такую преувеличенную форму, что, как свидетельствовали очевидцы, если уздень увидит у владельца деньги, хорошее платье, шапку или другое, что ему понравится, владелец не мог и не должен был ему отказывать.

Устанавливая отношения вассалитета между сословиями, обычное право кабардинцев запрещало браки между ними. Согласно статье 11 Древних кабардинских обрядов, князья могли жениться только на княжеских дочерях, уздени на узденских, вольные на вольных, холопы на холопках. Рожденные от неравных браков лишались отцовских сословно-имущественных прав. Сын князя и дочери дворянина-узденя или зависимого крестьянина не считался князем. Он назывался тума и занимал в сословной иерархии место выше тлекотлеша, но ниже пши. Для приобретения тумой отцовских сословных прав по нормам обычного права требовалось согласие не только самого отца-князя, но и всех членов его клана. Адат не запрещал браков между представителями мусульманских народов Северного Кавказа, но требовал при этом, чтобы социальное положение жениха и невесты было равным. Так, кабардинские князья и уздени нередко вступали в брак с представителями княжеских и дворянских кланов балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин, кумыков и других кавказских горцев, но воздерживались от брака, например, с абазинами, считавшимися ниже их по рождению.

Сословное деление народов Дагестана, осетин и вайнахов было проще. Наверху сословной иерархии тут стояли князья и дворяне: ханы и беки, но лишь там, где таковые имелись. В позднее Средневековье предгорья и равнина Дагестана и Чечни находились под властью дагестанских ханов. Самыми древними и знатными ханскими родами здесь были кланы шам-

халов Казикумухских (позднее Тарковских), нуцалов Аварских, уцмиев Кайтагских, кадиев и майсумов Табасаранских, эмиров Дербентских и ханов Кюринских. Все они возводили себя к потомкам (араб, сеид) пророка Мухаммеда, пришедшим на Кавказ с Абу-Муслимом, который, по легенде, обратил в ислам дагестанцев еще в VIII в. Сохранились генеалогии этих кланов, записанные на арабском и тюркском языках в XV–XIX вв. Но сами титулы шамхалов, нуцалов, уцмиев и майсумов появляются в XIV в. и, по предположениям современных лингвистов, имеют тюркское происхождение. Тогда же были сочинены и фиктивные генеалогии, обосновывающие права дагестанских князей родством с первыми арабскими завоевателями Дагестана.

Наиболее могущественным из дагестанских князей были шамхалы. Как и кабардинские князья, они возглавляли ополчения горцев. В эпоху могущества шамхалов в XV–XVI вв. они возглавляли ополчения горцев, доходившие до 100 тыс. человек. Другие ханы и беки, а также сельские общины (от арабск. джамаат) Нагорного Дагестана платили им ежегодную дань. В пору наибольшего могущества Казикумухского шамхальства родственники и клиенты шамхалов проникли в ряд высокогорных джамаатов. От них ведут свое начало бекские тухумы шамхалов, до сих пор встречающихся в аварских аулах Гидатля, у лакцев, андийцев, ботлихцев, чамалал, багулал, хваршин и других народов Нагорного Дагестана.

Беки (или беги) занимали следующую ступень сословной иерархии. Этот тюркский термин появился на Кавказе в раннем средневековье (ср. хазарск. пех). Так называли дворян, находившихся в вассальной зависимости от ханов. По мнению М. М. Ковалевского, кавказские беки происходили от служилого сословия. Их отношения к князьям исчерпывались выступлениями в составе горского ополчения в военное время. Кумыкским бекам платили дань чеченские тайпы. Некоторые бекские кланы имели знатное происхождение. Они возводили себя к Гиреям, династии крымских ханов, которые с XV в. участвовали в завоевании и исламизации Северного Кавказа. Г. Ф. Чурсин записал в аварском с. Согратль следующую генеалогию. По его словам, в Согратле было всего три тухума, или рода: «Тадилал, Гашиманал и Келеб. Все они считались выходцами из Крыма. Про Абу-Хасана, родоначальника тухума Тадилял («Верхний» от авар. тIад — «над»), рассказывали, что, будучи вынужден уйти из Крыма, он прибыл в Дагестан и основался сначала в Харкасе, откуда был вытеснен своими же единоплеменниками. Отсюда Абу-Хасан бежал в сел. Кулу в Казикумухе. За совершенное им там убийство Абу-Хасан был выселен, перебрался в Андалял и основал аул Согратль.

У осетин бекскому сословию соответствовали кланы стыр или тыхджын мыггаг (осет. «большой, сильный род»). По материалам, собранным осетинским поэтом Костой Хетагуровым, члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Им принадлежали лучшие нивы, леса, луга и пастбища.

Как уже отмечалось, обычное право запрещало браки между сословиями. Потомки от неравных браков ханов и беков (с узденками, раятками и т. п.) считались ниже беков по своему общественному положению. Их называли чанки (или джанки). По достижении совершеннолетия чанка получал незначительную долю из отцовского имения, выделялся из родительского дома и уже больше не мог претендовать на наследство от отца, так как не считался членом этой семьи. Через несколько поколений его происхождение забывалось, и он сливался с остальным свободным населением. С распространением в XV–XVII вв. власти казикумухских шамхалов на земли Нагорного Дагестана, а кумыкских беков на Чечню чанки добились власти во многих сельских общинах горцев. Многие селения в Дагестане, например Тилитль, Гонода, Ругуджа, произошли из переселенческих хуторов, выросших на землях, пожалованных чанкам шамхалами.

Основное население Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии было представлено кланами свободных общинников, носивших здесь имя узденей. Узденями называло себя вообще все свободное население Дагестана, как западной нагорной его части, не входившей в состав каких-либо политических организаций с единодержавным характером правления, так равно и население ханств и других владений, не состоявшее в обязательных отношениях к высшим сословиям. Уздени делились на богатых, средних и бедных; родовую знать и менее родовитых, коренных и пришлых и т. д. Все уздени участвовали в народном собрании общины, служили в ополчении своих джамаатов. Выборные от каждого узденского тухума образовывали совет старейшин или правителей (араб, руаса', авар. члүхлби), управлявший сельской общиной или «сельским обществом».

Общины нередко объединялись в военно-политические союзы. Аварцы называли эти конфедерации бо (букв, «войско»), даргинцы — хураво. Русские дореволюционные авторы дали им название «вольных обществ». Войско конфедераций включало в себя боеспособных мужчин всех тухумов. Этим войском, равно как делами аула, руководили тухумные старшины. «Вольные общества» возникли первоначально для обороны от воинственных соседей или совместных нападений на них. В позднее Средневековье они уже не были механическим объединением ополчений общин. Каждая такая конфедерация обладала единым выборным правительством из представителей (гқдилал) входящих в нее джамаатов, общим кодексом законов, закрепленным в записанных на арабском языке адатах, единым хозяйственно-культурным организмом и нередко общим «войсковым» (авар. болмац!) языком. «Вольные общества» положили начало целому ряду народов и этнических групп Северо-Восточного Кавказа, таких, как даргинцы, андийцы, багулалы, чамалалы, тиндинцы, дидойцы, бежтины, хваршины, и проч.

Между узденями и кланами чанков издавна велась борьба не на жизнь, а на смерть за право управления сельской общиной. К концу XVIII в. перевес в ней оказался на стороне узденей. В целом ряде сельских общин принимаются адаты, поставившие чанков вне закона. В Андалале был следующий адат: «Если житель Андалальских аулов во время выхода по трево-

ге убьет бека, то следует со всего общества в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок зерна». Нельзя было вступать в брак с беками: «Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или женится на них, то с него взимается штраф — триста баранов». Нельзя было продать недвижимость лицам бекского происхождения: «Если один из нас передаст беку путем продажи или другой сделки дом или иное недвижимое имущество, то с него взимается штраф — триста баранов, а имущество переходит в распоряжение общества». Нельзя было принимать от беков какую-либо плату за услуги и соответственно оказывать их бекам. Наконец, бекам было отказано даже в святой святых для горцев Кавказа — гостеприимстве и пище — «Если один из нас даст ему пищу или одолжит ему что-либо, то с него взимается один бык».

Предпоследнее место в сословной иерархии занимали семьи крепостных райятов, прикрепленные к землям беков и служилых узденей. Райятами в Дагестане называли зависимых поселян, получивших от своих владельцев постоянные наделы. Они были лично свободными, но обложены разными повинностями, как денежными и натуральными, так и личными. Наибольшего распространения райяты получили в Табасаране, где встречались целые райятские селения. Клань райятов обычно не имели права называться тухумами. Статус тухума здесь, а также в Дербенте имели только феодальные фамилии. Поручик Сотников, составивший в середине XIX в. обстоятельную справку о тухумах в Табасаране, отмечал, что у райятов Табасарана тухумы не имели никакого влияния на общественное управление, там все зависело от бека. По местному адату табасаранские беки не только управляли, но и судили райятов, взимая в свою пользу штрафы за совершенные ими проступки. В Осетии близкое к райятам положение занимали семьи фарсагов (осет. «находящиеся сбоку, действующие заодно») и кавдасаров. В горах Чечни, Ингушетии и Северного Дагестана райяты практически не встречались.

В самом низу сословной иерархии здесь, как и по всему Кавказу, стояли рабы. В Дагестане их называли кулами, каравашами, казаками (авар, хъзазахъ) или лагами (авар, лагъ), Чечни и Ингушетии — лаями (от чечен, лай — «человек»), Северной Осетии — алхад, садляг, (осетин, «купленный, черный мужчина»). Источниками формирования лагского сословия были военные походы и работорговля на невольничьих рынках. В высокогорной части региона рабов было немного. Зато в центральной, предгорной Аварии, в Лакии, у даргинцев и кумыков лагское сословие занимало видное место и играло большую роль вначале в хозяйственной жизни общины. Здесь рабов также называли по имени тех народностей, у которых они были захвачены, — «грузинами», «персами». Вольноотпущенники, арендовавшие землю своих хозяев, в Дагестане образовывали особую группу чагаров. Как рабы, так и вольноотпущенники могли образовывать целые тухумы. Но чаще они входили в семьи и кланы своих хозяев. Рабское происхождение препятствовало продвижению по социальной лестнице. Они не могли быть свидетелями в суде, должностными лицами джамаата и совладельцами его общинных пастбищ.

Словные реформы и переселения XIX в.

■ Присоединение региона к России, завершившееся на его северо-западе во 2-й половине XVIII в., а в горах Адыгеи, Дагестана, Чечни и Ингушетии к 60-м гг. XIX в., привело к глобальным социальным потрясениям. Привычные условия существования горцев были сильно изменены. В свою очередь, это вызвало изменение соционормативных институтов горского общества. Ряд из них, такие как сословная иерархия, переживали тяжелый кризис. Другие изменили свое значение.

Перестройка горского общества на Северо-Западном Кавказе была начата российскими властями еще в конце XVIII в. В правление Екатерины II «мирным горцам» было запрещено созывать сельские ополчения и княжеские дружины. Функцию охраны горского общества взяло на себя Российское государство. Оно также присвоило право судебной власти. В 1793 г. в Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы». Они подчинялись Верхнему пограничному суду в Моздоке и разбирали на основании адата гражданские иски и мелкие уголовные правонарушения. Князьям-пши и дворянам-узденям было предложено поступить на русскую военную или гражданскую службу. В частности, в штат Верхнего пограничного суда кроме моздокского коменданта и двух русских офицеров входили также по шесть кабардинских князей и дворян. В дальнейшем судебная система и военное устройство Кабарды не раз менялись. Русские власти создавали здесь то шариатские, то российские, то адатные суды. Однако высшая судебная и военная власть с тех пор перешла к государству.

Горские князья и дворяне постепенно превращались в служилое сословие Российского государства. Законы 1820–1850-х гг. лишили принявших российское подданство адыгских князей почти всех их бывших привилегий. Они потеряли право созывать войска, объявлять войну, совершать набег-зекве, взимать дань с прежде подвластных им народов. Князья уже не считались верховными земельными собственниками в Кабарде. Большинство княжеских кланов к середине XIX в. обеднело настолько, что не могло возобновлять уорктына. Была подорвана вся иерархия «дворянских подарков». Чтобы прожить, обедневшие пши должны были поступать на русскую службу либо тайком заняться наездничеством. Значение княжеского сословия у горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходит на нет. Из полновластных владык и защитников горского общества они превращаются в частных лиц на русской службе. Та же метаморфоза происходила и с дворянством и князьями абазинских обществ, Балкарии и Карачая, Осетии.

На упадок старой верхушки горского общества жаловался автор статьи «Привилегированные сословия Кабардинского округа», опубликованной в 1870 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах». По его словам, за сорок лет, пережитые кабардинцами под непосредственным управлением русского правительства, бывшие междусословные отношения в Кабарде совершенно изменились. Сила и значение князя каждый день утрачивали свое обаяние, и

с каждым днем народная масса становилась самостоятельной. Таких же князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого; только в фамилии Атажукина есть один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя (ум. в 1868) останется в Кабарде ничего не значащий княжеский титул, а некогда широкая жизнь кабардинского пши перейдет в область легендарного предания.

Прежняя сложная иерархия горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходилась на нет. В 20–50-х гг. XIX в. разница между разными сословиями низшего дворянства почти полностью стерлась. Уже в 1825 г., когда ген. А. П. Ермолов, окончив покорение Кабарды, поручил капитану Я. Шарданову из числа кабардинцев, поступивших на русскую службу, составить Записку о сословной организации края, последний объединил урксаотлугусов и пшикеу в одну группу узденей 3-й степени. Беслан-урки были названы узденями второй степени. К этому времени также были забыты различия между кланами тлекотлешей и дыжиниги. Недаром в Записке Я. Шарданова все высшее дворянство объединено в группу узденей первой степени, выше которых стоят только пши. С ослаблением вассально-иерархических связей дворяне стали более независимыми по отношению к своим сюзеренам. К концу XIX в. различия между разными категориями княжеских и дворянских кланов настолько стерлись, что сами горцы перестали разбираться в сложной сословной иерархии своих предков.

В Дагестане положение ханов, беков и чанков было подорвано в период Кавказской войны. В это время окончательно потеряли независимость шамхал, уцмий, майсум и кумыкские беки, принявшие российское подданство. С начала XIX в. во главе каждого мусульманского княжества на равнине и в предгорьях был поставлен комендант из числа русских обер-офицеров. Он должен был править по прежним законам и народным обычаям при помощи местных ханских и бекских фамилий. Постепенно административная и судебная автономия мусульманских княжеств уничтожалась. К концу Кавказской войны ханы и беки порой добровольно, порой под нажимом русских властей сложили с себя полномочия правителей. В 1844 г. было упразднено Елисуйское султанство, в 1858 г. — Казикумухское ханство. В 1861 г. фактически был лишен власти аварский хан, в 1862 г. ханство было преобразовано в округ. В 1862 г. правитель отделившегося от Казикумухского в 1839 г. Кюринского ханства Юсуф-бек выехал в Мекку. В ханстве было введено русское правление, а в 1865 г. оно было переименовано в Кюринский округ. В 1866 г. были устранены Кайтагский уцмий и правители Северного и Южного Табасарана. В 1867 г. пришел конец Мехтулинскому ханству и Тарковскому шамхалству. Все бывшие правители получили вознаграждение и пожизненные пенсии.

В Нагорном Дагестане горскую знать физически истребили в годы Кавказской войны. Она не поддержала «вольных обществ» горцев в их воору-

женной борьбе за независимость и отказалась подчиниться шейхам из суфийского братства накшбандия, возглавившим эту борьбу под лозунгами «священной войны против засилья неверных» (газават). Все три имама — Гази-Мухаммед, Гамзат-бек и Шамиль, — вели беспощадную борьбу с горскими князьями и дворянами, принявшими сторону русских властей.

После разгрома имамата Шамиля, в 1859 г. Аварское ханство было ненадолго восстановлено, но прошения уцелевших беков и чанков о восстановлении в правах и привилегиях так и не были удовлетворены русскими властями. В архивах сохранились сотни таких дел. Вот характерное прошение гидатлинских беков: «Наши предки, чанков Тилитля, Годада и Ругуджа, переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства, и мы происходили из рода казикумухских ханов... Документы наши уничтожили мюриды Шамиля, убив 25 человек наших отцов и родственников... У нас, тилитлинцев и уринцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджинцев — Гамзат-беком. Но русским начальством по покорении Дагестана возвращены нам, тилитлинцам и ругуджинцам, и уринцам возвратили одну треть, а две третьих остались в руках сельского общества. В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты...» Другой типичный случай — дело кедибских беков, весь род которых был сожжен наибом Шамиля Аличом в их родовой башне в 1844 г. В 60-е гг. дальний родственник беков Алдамашвили так и не смог вернуть их родовые угодья.

Вместе с кланами горской знати в годы Кавказской войны были уничтожены почти все родовые башни. Выше уже говорилось о сожжении родовой башни беков из с. Кеди. Несколько раз уничтожалась и резиденция аварских ханов в Хунзахе. В свою очередь, русские войска повсюду разрушали родовые укрепления горцев, перешедших на сторону Шамиля. Так, у багулал с. Хуштада они снесли верхние два этажа родовой башни. Н. Ф. Грабовский, посетивший в 1868 г. Чечню, отмечал, что в Аккинских горах все башни, служившие убежищем абрекам и людям, вообще преследуемым правительством, были взорваны русским отрядом в 1860 г. От них остались лишь одни развалины. Та же участь постигла большую часть родовых башен ингушей и осетинских кланов Тагаурии и Дигории, примкнувших к Шамилю в годы Кавказской войны.

Сразу же после окончания Кавказской войны началось преобразование и низших сословий горцев. По окончании Кавказской войны на Северном Кавказе было создано несколько «Комиссий по разбору личных и поземельных прав туземцев». Одна из них работала в 1860–1869 гг. в Терской, другая — в Кубанской области. В 1869–1876 гг. две «Сословно-поземельные комиссии» действовали в приморском Дагестане и Закатальском округе. Их целью были подготовка рекомендаций по освобождению от личной и поземельной зависимости низших сословий горского общества. При этом учитывался опыт крестьянской реформы Александра II, законченной за несколько лет до этого в Центральной России.

Довольно быстро, уже в 1866–1868 гг., были освобождены все горские рабы — лаги, кули и каравашаи Дагестана, Чечни и Ингушетии, а также кулы, карадаши в Балкарии и Карачае, унауы Кабарды. Часть из них была освобождена безвозмездно, большинство — за выкуп с обязательством прослужить у бывших хозяев от 4 до 6 лет. Тогда же началось освобождение крепостных. Всего было освобождено около 700 рабов и 4302 семей раятов Дагестанской области и более 26 тыс. человек в Терской и Кубанской областях, из которых большинство прежде относились к крепостным сословиям пшитлей, кулов, карадашей. Окончательное освобождение крепостных затянулось в Дагестане до 1913 г. Этими мерами российские власти окончательно разбили прежнюю сословную иерархию горцев. Бывшие рабы и крепостные были отчасти уравнены в правах со свободными общинниками. Они получили возможность владеть землей и участвовать в сходах сельской общины.

Для будущего развития горского общества большую роль сыграли переселения горцев из недавно покоренных труднодоступных горных районов на земли на равнине в окружении казачьих станиц. После окончания Кавказской войны командующий войсками Кубанской области ген. Н. И. Евдокимов организовал в 1858–1868 гг. массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа на Кубанские земли. Его план, одобренный правительством Александра II, заключался в изгнании горцев из высокогорья и заселение Западного Кавказа русскими. В мае 1862 г. было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Горные аулы сотнями выжигались. Посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на равнину под управлением приставов.

Горцы, не пожелавшие переселиться на равнину, вынуждены были покинуть Кавказ и эмигрировать в Османскую империю. Оставшиеся на Северо-Западном Кавказе горцы стали равнинными жителями. Появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии. Родовые кварталы и селения, принадлежащие одному клану, в них исчезли. В этих поселениях большие семьи распались на малые. Но, как и прежде, все семьи, составляющие клан, продолжали собираться во время свадеб, похорон; клан выступал как единое целое в случаях кровоотмщения.

В советское время борьба с «тайповщиной» сопровождалась высылкой и уничтожением знатных тухумов. Многие фамилии князей и беков эмигрировали с Кавказа за границу еще в конце Гражданской войны, в 1919–1921 гг. Среди них были известные враги Советской власти, такие, как князь Нухбек Тарковский и Рашид Капланов, оба министры Горской республики, князь Магомед-Камиль-хан Дышинский-Арсанукаев, участвовавший в движении Гоцинского в Дагестане, полковник Шер-хан Берладник-Пуковский и многие другие. В 20–30-е гг. оставшиеся на Северном Кавказе представители горской знати, а вскоре и мусульманская верхушка горской деревни, объявленная «кулачеством», целыми кланами высылались за преде-

лы Кавказа в Казахстан, на Южный Урал, в Сибирь. Так, в 1936 г. из 21 горного района ДАССР было выселено около сотни тухумов, в которых входило 650 семей из 3372 человек. Репрессии обрушились на стариков из знатных тухумов, среди которых было много мулл и мусульманских ученых.

В ходе советских репрессий и колхозных преобразований кланы окончательно утратили свое прежнее значение. Теперь они уже не представляли независимой от государства социально-политической организации. В равнинном Дагестане перестали соблюдаться обычаи клановой эндогамии, но традиции аульной эндогамии в горных селениях сохранились до наших дней. Практика эндогамии, перенесенная с тухума на весь аул, дополнительно укрепила единство и солидарность горцев. Управление деревней из рук кланов знати перешло к представителям самых худородных тухумов, включая бывших рабов и крепостных. В колхозе тухумная знать потеряла все свои привилегии и быстро ослабла. Уже к 60–70-м гг. кланы селений перемешались друг с другом. В селах окончательно исчезли родовые кварталы и кладбища. Тухумы распались на отдельные малые семьи. Имена родовых групп для современного поколения горцев давно превратились в названия кварталов.

Но полного исчезновения клановой организации на Северном Кавказе не произошло. Дело в том, что в создании советской государственности в регионе активно участвовали партийные и советские работники из числа самих горцев. Центральные власти поощряли замену старых русских чиновников на Кавказе местными национальными кадрами. С этой целью в 20–30-е гг. во всех советских автономиях региона проводилась политика «коренизации» управленческого аппарата. Но сами горские коммунисты не могли в одночасье освободиться от привычных для любого горца норм поведения в обществе. Добившись власти и широких привилегий в советском обществе, они должны были помочь «выйти в люди» своим родственникам и землякам. Вокруг партийных функционеров из горцев быстро создавались группировки их родственников и земляков. Причем в отличие от прежних кланов они включали не только и не столько их родственников по отцовской линии, сколько более широкие территориальные группировки своих односельчан и представителей своей национальности.

Кланы постсоветского времени опираются не на большие семьи, связанные родством, а на разнородные в этническом и социальном отношении землячества горцев в больших городах. Кланы давно превратились в территориальные объединения, связанные не общностью происхождения, а единством политических и культурных задач. Изменилось понятие знатности рода.

Одним из последних веяний стало проведение «родовых собраний», организация и финансирование сбора и публикации матриалов по истории своего рода, а также регистрация родового сообщества (фамилии) в качестве общественного объединения. Такие юридические лица уже зарегистрированы, например, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии–Алании.

Обычное право

Адат как тухумное и общинное право

▪ В правовой сфере тухумной организации горского общества издревле соответствовало обычное право, или адат. Адат отражал социально-политическую систему, а та, в свою очередь, определила этнографическую ситуацию в регионе. Эту особенность соционормативной культуры горцев заметил еще М. М. Ковалевский. В своей книге «Закон и обычай на Кавказе» он пришел к выводу, что в клановой организации лежит источник всех особенностей обычного права горцев. Гипотеза Ковалевского была подтверждена конкретными исследованиями ученых советского времени, в частности В. К. Гарданова об адате адыгских народов, Х.-М. Хашаева, Р. М. Магомедова и М. А. Агларова об обычном праве дагестанских горцев. Выше мы уже не раз встречались с применением адата в самых различных ситуациях, возникающих в горском обществе. Пора дать общую характеристику адата как обычного права горцев в его двух основных сферах применения — как в семье и клане, так и между кланами в сельской общине.

Прежде всего, остановимся на самом термине. Как употреблялось слово «адат» до русского завоевания Северного Кавказа? Уже первые исследователи кавказского адата заметили, что горцы объединяют под этим понятием три разных явления: обычая, живущего в народном предании; закона, действующего в определенной местности; способа разбирательства судебных дел. По справедливому замечанию А. Руновского, в середине XIX в. горцы руководствовались обычаем-адатом в своей домашней жизни, а также судились между собой по адату. «Жить по адату», «судиться по адату» значит жить и судиться по тем неписаным правилам, которыми руководствовались с незапамятных пор. Адаты горцев, народов Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев, кумыков), карачаевцев и их этнических групп были сведены в своды в XIV–XVIII вв. и даже в XIX в.

На Северо-Восточном Кавказе существовала давняя традиция записи адатных норм и конкретных постановлений адатных судов на арабском языке. Она прослеживается, по крайней мере, с XIV в. С XVII в. на Северо-Западном Кавказе известны местные записи адатных норм на староосманском и арабском, а с XVIII–XIX вв. и на русском языке. Кроме отдельных законов и судебных постановлений существовали целые кодексы обычного права XV–XVIII вв., например Гидатлинские адаты, Кодекс Ума-хана Справедливого, Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана в Дагестане. Инициатором записи обычного права выступали сельская община, «вольные общества» или местные мусульманские княжества. Причем записывались исключительно адаты правового характера. По справедливому замечанию Б. В. Далгата, сборники адатов касались лишь адатов уголовных или процессуальных судебно-правовых норм, а описания бытовых обычаев горцев почти не существует.

Важно иметь в виду, что кавказские горцы жили не только по адату. Наряду с обычным правом у них существовали и другие юридические системы. Горцы-мусульмане также руководствовались нормами мусульманского права (шариата). Исламизация Северного Кавказа, растянувшаяся почти на тысячелетие с VIII по XVIII в. привела к постепенному распространению на большей части территории региона ханафитского религиозно-правового варианта или мазхаба суннитского толка. До XII в. его придерживались все мусульмане Кавказа. С XII в. в Дагестане, а к XVI в. в Чечне и Ингушетии перешли к шафиитскому религиозно-правовому варианту (мазхабу) суннитского толка. Адыги и часть осетин, обращенные в ислам турками и крымскими татарами, были ханафитами, как и подавляющая часть населения Османской империи. Главные различия между ханафитами и шафиитами касались толкования целого ряда религиозно-правовых предписаний ислама.

У чеченцев, ингушей, осетин, абхазов, а также цезских народностей Западного Дагестана, к которым ислам проник поздно, кроме местного адата и шариата использовались правовые нормы Грузии, в частности «Уложения царя Вахтанга» (1703—1709 гг.). С XVIII в. вследствие русских завоеваний усиливается влияние на адыгов и других горцев Северо-Западного Кавказа законов Российской империи. Соотношение этих разных правовых систем было следующим. Западная часть Северного Кавказа в целом отдавала предпочтение местным адатам, восточная — шариату. В науке сосуществование адата с шариатом и государственным правом получило название правового плюрализма.

Обычное право играло большую роль в регулировании отношений внутри семьи и клана. Адат признавал за отцом право безнаказанно распоряжаться жизнью и смертью членов своей семьи. По адатам кумыков, если отец убивал сына или дочь, то никто не вправе был мстить ему за это. Ингуши объясняли адат об освобождении родителей от ответственности за убийство детей тем, что никто не является врагом себе. У адыгейцев отец мог изгнать непокорного сына, не выделив ему положенной доли имущества. В случае же, если последний продолжал вести себя недостойно, то он мог даже просить друзей или нанять кого-либо, чтобы убить сына. К самым тяжелым уголовным правонарушениям адат приравнивал убийство сыном отца или матери. Оно нередко наказывалось, как и святотатство. Горцы Южного Дагестана публично побивали отцеубийцу камнями. У табасаранцев дом его сжигался, и его братья должны были убить его. Сваны и балкарцы надевали ему на шею цепь из камней (балкар, как) и изгоняли из общины.

Кроме убийства родителей по адату строго каралось прелюбодеяние. Так, например, у аварцев горец, заставший во время прелюбодеяния свою жену, мать, дочь, сестру, племянницу, внучку или тетку, должен был убить обоих прелюбодеев, не внося никому никакой «платы за кровь». Если соблазнитель скрывался неведимым, то между ним и обманутым мужем возникала кровная месть. В некоторых районах, например в верхнем Кайтаге, соблазнитель мог жениться на своей любовнице и примириться с ее преж-

ним мужем, уплатив ему калым. Но обманутый муж вправе был не отдать жену, а убить ее. А. М. Дирр сообщает, что ему в 1904 г. рассказывали, как в Дагестане одна неверная жена была задушена между двумя досками. По древнему адату ингушей муж отрезал или откусывал неверной жене нос, затем публично прогонял ее и требовал от ее родных возместить брачный выкуп (калым), а также уплатить штраф в 48 коров. Обычай отрезать нос жене, нарушившей супружескую верность, отмечен в XVIII–XIX вв. и у осетин.

В Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии и у т. н. западных «демократических» адыгов (не имевших княжеской власти) община резко вторгалась в семейные дела и регулировала их. Осуждение общественным мнением (а по адату и преследование) расправы по доносу и подозрению послужило сюжетом баллады Мугрул Пали («Али с гор»), популярной среди аварцев, даргинцев и лакцев. Оклеветана молодая жена Али, который находится в горах со скотом. Али доносят, что его жена раздарила своим любовникам украшения, подаренные им ей, когда она была новобрачной. Прибыв в дом и не обнаружив украшений на жене, Али убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения ею спрятаны: «Жемчуг и яхонт, что были на моей голове, не посмела носить, когда нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук». В отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой. Эта баллада со столь трагической развязкой была очень популярна среди горцев.

Кроме того, община пыталась юридически ограничить применение убийства в случае прелюбодеяния. По адатам целого ряда сельских обществ убийство прелюбодеев разрешалось только в случае выполнения целого ряда условий. Во-первых, нужно было застать любовников на месте преступления. Во-вторых, обманутый муж обязан был либо убить обоих прелюбодеев, или сохранить им обоим жизнь ценой большого штрафа и позора. В своде решений Цекобского сельского общества было записано: «Если муж застанет жену и убьет их обоих, то кровь их пропадает, дият за них не взыскивается... Если же любовник остался живым, то он считается кровным врагом до убийства или до примирения с ним. А если жена осталась живой после убийства любовника, то убийца является кровным врагом, изгоняется из селения до тех пор, пока не убьет жену. С него ни дият, ни штраф не взимаются, пока он не убьет или не простит ее в течение года. По истечении года с нее взимается штраф».

В число бесчестных и особо тяжких поступков входило нарушение неприкосновенности лиц, находившихся под защитой общины: гостей, путников, кровников-канлы, искавших и получивших защиту у общины, священников, суфиев, пастухов или других наемных работников, временно обосновавшихся в ауле ремесленников. Имелись даже специальные постановления по союзам общин (а не только по одному аулу), оберегавшие кровников, нашедших защиту у общества. «Если кто-нибудь из нашего общества подстрекал на убийство канлы, то с подстрекателя взыскивается штраф в размере котла, — говорится в постановлении Гидатлинского союза. — Если же убийство совершилось из-за того, что кто-то донос о кровнике, то с доносчика полагается выкуп (дият) либо к нему применяется кровная месть».

Последняя часть, о наказании доносчика, в результате действий которого совершилось убийство канлы, особенно примечательна. Доносчик сам приравнивается к убийце, к нему применяются адекватные меры: дият или кровомщение — настолько велика цена нарушения иммунитета лица, находящегося под покровительством общины и на ее территории.

Согласно обычному праву клан считался неделимой социальной единицей и юридическим лицом. Это представление отразилось в обычае соприсяжничества. Чтобы очиститься от обвинения в совершении какого-либо преступления или противоправного поступка в случае, когда явных улик не было, подозреваемый должен был «очиститься» совместной присягой членов его тухума. Количество соприсяжных различалось в зависимости от тяжести обвинения. Так, дело о прелюбодеянии, воспринимаемое как тяжелое правонарушение, требовало у аварцев 26 соприсяжных. Можно привести характерные постановления адата по этому поводу: «Если родственники убитых (прелюбодеев) заявят, что они убиты безвинно, то следует им предложить, чтобы они присягой 15 сородичей подтвердили свое заявление». Вот еще один образец любопытного распределения ролей соприсягателей в случае, когда речь идет об антиобщественном (а не частном) уголовном преступлении: «По делу о поджоге охраняемого общественного выгона — 15 соприсягателей (по 5 человек от каждого из трех тухумов)», но: «По делу о поджоге мультка (т. е. частно-семейной собственности) 15 соприсягателей из рода обвиняемого». Нередко руководители клана пытались не допустить своих родственников к присяге, боясь ответственности за дачу ложных показаний.

Представление о коллективной ответственности клана и шире — всей общины — за совершенное преступление породило на Северном Кавказе еще одну любопытную правовую практику. Речь идет об ишкиле или барамте (вариант произношения: баранта). Под этими терминами подразумевается захват имущества родственников или односельчан должника, с тем, чтобы заставить его выплатить задержанный долг или побудить ответчика удовлетворить истца исполнением другого рода обязательств. Само понятие ишкиль, по предположению И. М. Дьяконова и других лингвистов, имеет древневосточное происхождение. Термин ишкиль, безусловно, производное от шекиль, единицы денежного измерения Древнего Востока, а пункты, предписывающие насильственный захват имущества, имеются в законах Хаммурапи, где говорится, что если должник своевременно не возвращает долг, то кредитор может захватить его имущество и семью в рабство. Широкое распространение ишкиль получил на Северном Кавказе. С XVII по XIX в. сохранилась обширная переписка между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о случаях ишкиля.

Шариат резко отрицательно относился к ишкилю. В XV–XVII вв. по всему Северному Кавказу мусульманские юристы (факихи) Ахмед Йеменский из с. Кумух, Давуд Хаджияв из с. Усиша, Сайд Араканский, Ибрагим Хаджи из с. Урада вели долгую борьбу с этим явлением как с правовой нормой, несовместимой с шариатом. Но, судя по источникам, пропаганда против

ишкиля никакого успеха не имела. В частности, Ахмед Йеменский, вначале отменивший ишкиль в Кумухе, через несколько лет был вынужден восстановить его. Община, регулируя условия и порядок взимания ишкиля, не отменяла, а утверждала его. Иногда, запрещая ишкиль на своей территории, она поддерживала его за ее пределами. Так, в постановлениях Андалальского общества, где взимание ишкиля на своей территории было строжайше запрещено под угрозой штрафа в размере быка, тем же штрафом наказывалось лицо, попытавшееся помешать такому «правосудию» уже за пределами территории общины. Согласно гидатлинским адатам самовольный захват ишкиля без согласия на то старейшин общины был запрещен у лиц, происходивших из Карахского, Келебского и Ратлубского обществ. Это значит, что у Гидатлинского «вольного общества» был договор с перечисленными выше «вольными обществами» о праве властей брать ишкиль в делах, касавшихся договорившихся сторон. С члена других политических образований ишкиль взимался беспрепятственно. Известно немало примеров заключения подобных договоров устно или письменно, при почетных свидетелях из нейтральных обществ. Порой договор об ишките сопровождался определенными обрядами.

Применение ишкиля не ограничивалось насильственным взиманием долга. Например, араканцы требовали у общества Охли заставить вора-охлинца возместить убыток и сурово наказать его, в противном случае Араканское общество грозило применить ишкиль ко всем охинцам. Такие же требования с Тлондода предъявила к обществу Асал, общества Кеди к Гаквари и т. д. Ишкиль между обществами или же между обществами и местными князьями достигал иногда весьма крупного размера, служил орудием политического и экономического нажима. К этой категории следует отнести случай, описанный в письме Абуमुслима шамхала Тарковского обществу Чиркей (XVIII в.). Он жаловался на захват чиркеевцами 21 пары быков, двух заложников и лошадей то ли у подданных шамхала, то ли у него самого. Таким способом Чиркей добивался у шамхала признания своей политической независимости и освобождения от уплаты дани.

Угроза одной общины другой подвергнуть ее ишките означала, прежде всего, то, что, если какие-либо условия не будут выполнены, истцы могут применить ишкиль по отношению к любому члену общины, откуда происходит должник или вор. Если должник из одного общества не выплачивал долг должнику из другого общества, то истец мог воспользоваться куначескими связями в обществе ответчика. Кунак истца в пятничный день общеджамаатской молитвы в мечети забирал обувь всех находившихся членов джамаата из прихожей. Обувь получали только после того, когда молившиеся в мечети принуждали должника или ответчика выплатить долг или выполнить любые другие требования, считавшиеся законными.

Ишкиль был признан общиной и дозволен адатом, т. е. органически вошел в юридическую систему кавказского адата, как и кровомщение, в форме, регулируемой общиной. Это компенсировало отсутствие в горском обществе долговых тюрем или других насильственных средств принужде-

ния, кроме экономического (пеня) и морального (общественное осуждение). Правда, община до того, как позволяла ишкиль, привлекала должника к суду по заявлению истца. Если должник покинул аул после того, как его предупредил исполнитель (гел) о необходимости явки на суд для разбирательства, то исполнитель вправе взыскать с него долг в пользу истца. Это очень важное свидетельство в пользу того, что долговые отношения на первом этапе регулировались судом и властью, а ишкиль вступал в силу на втором этапе, когда первое средство не достигало цели. Ишкиль в общине перерос собственные функции «долгового насилия», сфера его применения расширилась, он стал средством экономической, а иногда и политической борьбы между общинами, а также между общинами и местными государственными объединениями.

Военно-народное управление (1860–1917)

■ Завершив завоевание горцев, российские власти приступили к реорганизации системы управления на Северном Кавказе. Причем предполагалось отдельно управлять русскими переселенцами и горцами. Для последних создавалось особое военно-народное управление. Решено было временно не вводить для горцев российских законов и администрации и позволить им жить по местным обычаям и подчиняться прежним начальникам под контролем русских военных властей. Центр военно-народного управления был создан в Тифлисе. Ему подчинялись почти весь Дагестан, большая часть Терской области (8 из 12 округов), 5 горных округов Кубанской области, а также Закатальский округ Азербайджана и Сухумский отдел Грузии (современная Абхазия).

Русские дореволюционные власти пришли к идее военно-народного управления не сразу. Она появилась в ходе долгих экспериментов по управлению на Кавказе. Первоначально для покоренных народов вводились общероссийские порядки. Подобным образом было устроено управление Кабардой. Однако из-за волнений горцев, протестовавших против введения у них российских законов, уже в 1807 г. родовые суды и расправы здесь были упразднены. В 1840 г. гражданское и уголовное российское законодательство было введено для мусульман Кайтага и Табасарана. Однако, за исключением Дербента, где с 1806 г. существовало комендантское управление, местные жители игнорировали эти суды. Согласно донесениям начальников участков, в начале 40-х гг. в горах Кайтага и Табасарана скопилось несколько сотен бежавших от российского правосудия кровников. Они образовывали разбойничьи шайки, грабившие местное население и тревожившие российские власти. После общedaгестанского восстания 1843 г., зачинщиками которого в Южном Дагестане оказались эти шайки, российские суды для дагестанских мусульман в 1848 г. были распущены.

С учетом предыдущих проб и ошибок в 1860-е гг. наместник Кавказский кн. А. И. Барятинский попытался распространить дагестанский экспе-

римент на весь Северный Кавказ. Однако насильственное вытеснение подавляющего большинства горцев Западного Кавказа с их земель и быстрое заселение их русскоязычным населением из Центральной России помешали осуществить его повсеместно. Уже в 1872 г. горское население Кубанской и Терской областей было подчинено общероссийской гражданской администрации, а в 80-е гг. переведен в ведение Военного министерства. Здесь удалось провести в жизнь только ряд элементов военно-народного управления, такие, как адатные и третейские суды. Наиболее полно идеи военно-народного управления были осуществлены в Дагестане (за исключением Дербента и прилегающих территорий, где действовали общероссийские законы) и в Закатальском округе Северного Азербайджана.

Основные принципы судебно-административной перестройки горского общества были определены в «Положении об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом». Оно было утверждено 5 апреля 1860 г. Кавказским наместником кн. Барятинским. Согласно § 1, 47–48 «Положения» 1860 г., у местных мусульман по всей области «судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности» (подразумевается тот же адат, но изменяемый сообразно нуждам правительства). Создание институтов военно-народного управления было в основном завершено после принятия 26 апреля 1868 г. «Положения о сельском управлении в Дагестане». С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления восстания 1877 г., военно-народное управление просуществовало до весны 1917 г., когда было уничтожено, согласно решениям Временного правительства, пришедшего к власти в России в ходе Февральской революции 1917 г. В то же время были упразднены отдельные институты военно-народного управления, действовавшие в Терской и Кубанской областях, а также Сухумском, Батумском и Артвинском округах Кутаисской губернии.

По мысли российской администрации, реформа обычного права и процесса в Дагестане преследовала следующие основные цели.

Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы к 1867 г. были упразднены последние мусульманские ханства, обладавшие собственной юрисдикцией, — Казикумухское, Аварское, Кюринское, владения Кайтага и Табасарана, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство. Вместо них было создано 9 округов. Засулакская Кумыкия вошла в состав Хасавюртовского округа Терской области, Кубинское ханство — в Закатальский округ Бакинской губернии. Округа делились на наибства и участки. Гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство.

Низовыми органами судебной и законодательной власти для горцев-мусульман стали сельские словесные суды, заменившие собой три разных вида дореформенных судов. Они могли разбирать по адату мелкие уголов-

ные преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство), если сумма иска не превышала 50 рублей. Им были подсудны также уголовно-хозяйственные преступления, совершенные на землях общины (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота). Кроме того, они могли разбирать по шариату гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

В отличие от прежних адатных судов решения словесных сельских судов не были окончательными. Они могли обжаловаться в месячный срок в окружных народных судах, созданных при начальниках округов. В ведение окружных судов были переданы адатные иски, изъятые из ведения сельских словесных судов, включая тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, убийства, изнасилования, кражи, похищения женщин) и крупные уголовные преступления против собственности (обман, утайку денег, воровство на сумму более 50 рублей, случаи разбоя и грабежа). В юрисдикцию окружных судов также вошли поземельные тяжбы за владение и пользование по адату пастбищами, лесами, дорогами и водными ресурсами. По шариату они разбирали серьезные гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 рублей.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский народный суд. Он был сформирован при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шуре. В месячный срок он разбирал жалобы на решения окружных народных судов. Ему же были подсудны все случаи измены, бунтов, нападений на сельское и окружное начальство, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные в пореформенном Дагестане к тяжелым уголовным преступлениям. Уголовные и поземельные тяжбы между дагестанскими мусульманами и русскими переселенцами решались в Дагестанском областном суде, а с 1875 г., в заменивших его двух мировых отделах, заседавших в городах Дербенте и Темир-Хан-Шуре.

Другой целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин (кадиев, суфийских шейхов) и создание светской общедагестанской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы послушным исполнителем решений центральных российских властей области. Активные участники движения Шамиля и восстания 1877 г. были лишены всех прав, казнены или высланы из Дагестана. В то же время члены сельских и окружных судов были поставлены под строгий надзор российских военных властей области. Словесные суды содержали сельские общины. Члены Дагестанского народного суда, окружных народных судов и председательствующие в словесных судах сельские старосты стали получать жалованье от правительства (320–240 рублей в год).

По своему составу словесный суд мало отличался от дореформенных адатных судов. В него входили имам пятничной мечети (кадий или дибир), муэдзин (будун), секретарь (гламил) и несколько членов совета старей-

шин. Численность старейшин в сельских судах колебалась от 1–6 человек до 7–12 человек. После реформы в состав сельского суда был введен сельский староста (бегаул, юзбаши). До 1866 г. эта должность встречалась только в селениях Северо-Западного и Центрального Дагестана. В окружные суды и Дагестанский народный суд входили начальник округа/области, кадий, секретарь и по одному знатоку адата от каждого наибства/округа.

Третьим важнейшим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход дагестанцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. На первом этапе такого перехода, рассчитанного на несколько десятилетий, были сохранены основные нормы адатного процесса и права, общие для всех горцев. По форме суд остался прост. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер, одинаковый при разборе уголовных и поземельных дел. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно. Официальным языком адата в Дагестане остался арабский. В Кубанской и Терской областях сельские горские суды также пользовались арабским, но для переписки с окружными горскими судами использовался русский. Попытка перейти в апреле 1913 г. к русскому судопроизводству в Дагестане вызвала сильные волнения горцев, и от этого проекта пришлось отказаться.

Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника из сельского общества (канлы), штраф за пролитие крови (дият, алым), платежи (композиции) за любое уголовное преступление, взимавшиеся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общества. Запрещены были некоторые архаичные адаты: трехдневный грабёж имущества убийцы и ишкиль (барамта) — самовольный захват имущества должника, отказывающегося уплатить долг.

Адатный уголовный процесс и право, в деталях которых до реформы царил полный разнороб, был несколько унифицирован. Во всех округах Дагестанской области по делам о воровстве, поджогах и потравах назначалось от 1 до 12 человек соприсягателей, по делам о прелюбодеянии — 15, по делам, влекущим кровоотмщение, — 12–60, по делам об убийстве и поранениях — 6–30. Были установлены единые сроки изгнания из селения от 3 месяцев за оскорбление женщины до 3–10 лет за убийство. Больше единообразия стало в размерах штрафов, в большинстве мест из натуральных переведенные в денежные. Дият также чаще стал определяться в российских деньгах — от 30 рублей в Казикумухском округе до 300 рублей. в Самурском и Андийском округах. Новыми мерами наказания в пореформенном адате стали арест и принудительные общественные работы.

В целом реформа обычного права оказалась плодотворной. В Дагестане удалось создать гибкую судебно-административную машину, которая

более полувека после завершения реформ справлялась с решением большинства конфликтов в уголовной и земельной сферах. Благодаря ее деятельности мусульманские народы Дагестана впервые после почти столетней Кавказской войны обрели внутреннюю безопасность и стабильность. В то же время, несмотря на все усилия правительства, так и не была искоренена кровная месть и частые поземельные столкновения. Довольно высоким оставался уровень преступности в высокогорных южных и северных округах области. Пореформенный адатный суд оказался жизнеспособнее российской судебно-правовой системы 2-й половины XIX — начала XX в. Если дореволюционные мировые суды перестали существовать уже в первые годы Гражданской войны, то процессуальные формы и правовые нормы адатного суда сохраняли юридическую силу до начала советских административно-судебных реформ конца 20 — начала 30-х гг. XX в.

Военно-народное управление, созданное на пореформенном Северном Кавказе, имело много общего с судебно-административными институтами французской и английской колониальных империй XIX в. Российская империя, как Англия и Франция, пыталась использовать общину и адат для «умиротворения» и более эффективного управления своими новыми мусульманскими подданными. Община стала основной административной и фискальной единицей в горских округах с военно-народным управлением. Как известно, в западноевропейских империях прошлого века была создана по существу колониальная соционормативная система. На словах апеллируя к доколониальной правовой практике, на деле она постепенно заменяла ее. На пореформенном Северном Кавказе мы, похоже, имеем дело с подобным феноменом.

Советская власть, адат и шариат

▪ Отношение Советской власти к обычному праву было прямо противоположно политике российской дореволюционной администрации. Последняя поддерживала адат. Большевики же в начале 1920-х гг., наоборот, искали союза с мусульманским освободительным движением. Адат они называли «антинародным колониальным» правом, а его сущностью — «эксплуатацию трудящихся мусульман» ханами и беками при поддержке царизма. «Подлинным народным обычным правом» (sic!) северокавказских горцев молодое Советское государство признало шариат. Пока Советская власть была еще слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Поэтому они объявили о замене на Северном Кавказе адатных судов шариатскими.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, тогдашний нарком по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет

серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены». Ему вторил С. М. Киров. На Учредительном съезде Горской АССР 17 ноября 1920 г. он обещал горским депутатам: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу».

Введение шариата было одним из важнейших требований революции 1917 г. в регионе. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе I Съезде горских народов Кавказа, решившем ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата. Вскоре это постановление было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшемся в январе 1918 г. в Моздоке. В 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением — Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре.

После установления Советской власти на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены повсюду, где они существовали, — в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. В каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов или шарсудов, как их стали называть в это время.

Наиболее сложная трехступенчатая организация шариатского правосудия сложилась в 1920–1922 гг. в Дагестане. В самом низу ее стояли «шариатские тройки» из двух членов и председателя (дибир, мулла) в отдельных селениях и городах. Они разбирали мелкие гражданские, наследные, уголовные и поземельные иски. Апелляции на их решения подавались в окружные шарсуды. Последние также рассматривали гражданские и наследные споры, дела о разделе имущества на сумму до одной тыс. рублей, поземельные тяжбы между селениями, убийства и другие тяжкие преступления. Кассационной инстанцией для шарсудов всех уровней служил Шариатский отдел Дагестанского Ревкома, а с 1922 г. — Шариатский подотдел при Наркомюсте ДАССР. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям.

В других советских автономиях Северного Кавказа структура шариатского правосудия была проще. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» от апреля 1921 г. в Горской АССР его основным звеном были окружные «шариатские тройки» под председательством шариатского судьи (эфенди). Они разбирали гражданские и наследствен-

ные споры на сумму до 200 рублей, кражи и другие мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т. е. преступников-рецидивистов, подлежащих высылке с Кавказа или заключению в лагерь. С распадом в 1921–1924 гг. Горской АССР в разных выделившихся из нее областях и республиках была создана своя организация шариатских судов. Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность кади в составе народных судов.

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться в своей работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. По форме судопроизводства шарсудов всех уровней осталось крайне простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади селения у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно. В уголовных делах шарсуды всех уровней руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника из сельской общины (канлы), штрафами за пролитие крови (дият, алым) и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Шире, чем до революции стали применяться денежные штрафы и тюремное наказание. Вместе с тем был запрещен ряд норм адата, прямо противоречащих советскому законодательству: кровоотмщение, трехдневный грабеж имущества убийцы или ишкиль/барамта и некоторые др. Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (такие, как смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев).

Кроме шарсудов на раннем советском Кавказе существовали и другие судебные институты. Во всех советских автономиях были созданы народные и сельские словесные суды, а также земельные комиссии. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались и тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. и дела по убийствам и кровной мести. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, а также сложности по их финансированию и переводу их решений на языки народов Северного Кавказа заставили власти дополнить эти учреждения сельскими словесными судами.

Тут разбирались те же иски, что и в народных судах, а с 1922 г. и изъяты из ведения шарсудов дела по установлению опеки над вдовами и сиротами. Причем, как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды обходились без письменного делопроизводства. В этой особенности можно видеть влияние обычно-правового процесса.

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и народных судах, перешли в ведение созданных в 1921–1922 гг. окружных и областных земельных (или судебно-земельных) комиссий. На основании 206, 207 и 208-й статей Земельного кодекса РСФСР они должны были урегулировать все спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными угодьями на территории республики. Земкомиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В Дагестане в мае 1923 г. для контроля и координации деятельности земкомиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР. Подобные органы были созданы и в других советских автономиях на Северном Кавказе. Интересно отметить, что, как шариатские и сельские словесные суды, земкомиссии обоих уровней использовали в своей работе нормы обычного права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (маслихат) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений.

Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Дагестане и Чечне — до 70–80%. Местные мусульмане предпочитали обращаться не в советский народный, а в шариатский суд по ряду причин. Дело в том, что судоворение тут проходило на понятном им родном языке. Немалую роль при этом играл авторитет местных имамов, участвовавших в работе шарсудов. Кроме того, шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, столь характерной для всех советских учреждений.

Наступление окрепшей Советской власти на шариатские суды началось накануне осуществления на Кавказе общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации. Задумав насильственно изменить структуру местного общества, советские руководители в первую очередь решили обезглавить его, поставив вне закона мусульманских лидеров города и деревни. Уже в первой трети 20-х гг. шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды. Наиболее активные противники Советской власти лишались избирательных прав и исключались из состава шарсудов. В Северной Осетии, Адыгее и Кабарде большинство знатоков шариата было отстранено от судебной практики. Должность председателей шарсудов тут нередко занимали лояльные к власти

выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права. Все это значительно затрудняло работу шариатских судов.

Первые попытки отменить действие шариатского правосудия на Северном Кавказе относятся к 1922 г. На территории Горской АССР шарсуды несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волнения мусульман вновь восстанавливали. Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. в Горской республике, в январе 1925 г. — в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. — в Ингушетии и Чечне, а в апреле — октябре 1927 г. — в Дагестане.

В 1928 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие распространялось не на всю территорию Федерации, а в основном на те районы Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Ст. 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Среди квалифицированных таким образом досоветских правовых норм и институтов кроме шариатских встречалось немало и чисто адатных: взимание «цены крови» (дията) с убийцы (ст. 194 главы X УК РСФСР), отказ от примирения-маслихата и продолжение кровотомищения (ст. 195), умыкание девушек с целью брака с ними (ст. 197), захват скота несостоятельного или отказывающегося от уплаты долга должника (барамта) (ст. 200–202), осуществление суда согласно адату (ст. 203). Подобные наказания были сохранены в новых редакциях Уголовного кодекса РСФСР, принятых в 1935 и 1960 гг.

В это время начинается борьба с «вредными феодально-патриархальными пережитками прошлого», под которыми идеологи советских реформ стали объединять адат и шариат. Причем главный упор в этой борьбе в 30–50-е гг. был перенесен на шариат. Был взят курс на уничтожение адата и шариата и создание единой советской судебной-правовой системы.

Несмотря на упорную борьбу Советской власти с адатом и шариатом, полностью искоренить их на Северном Кавказе так и не удалось. Свидетельство тому — постоянная обеспокоенность советских и партийных руководителей республики «вредными пережитками прошлого». Республиканские обкомы КПСС не раз принимали решения, направленные на искоренение пережитков адата и шариата в колхозной деревне, однако они так и не были ликвидированы. Наиболее остро проблема эта стояла в Дагестане, ей были посвящены республиканские совещания в августе 1951 г. и в апреле 1955 г., а также III пленум Дагестанского обкома КПСС, состоявшийся 2–3 октября 1956 г. В своем решении пленум наметил конкретные мероприятия по усилению борьбы «с пережитками патриархально-феодальных отношений и религиозными суевериями» (подразумевая под ними обычное право и шариат). В критике этих «пережитков» приняли участие все известные народные поэты Северного Кавказа, в частности аварец

Гамзат Цадаса, посвятивший этой теме свою книгу «Метла адатов», не раз переиздававшуюся огромными тиражами на аварском и русском языках.

В 60–70-е гг. отношение к адату и шариату на Северном Кавказе опять изменилось. К этому времени необратимость советских преобразований на Северном Кавказе стала очевидна. Теперь уже можно было не бояться возрождения тут дореволюционного режима. Советская власть уже не видела в адате опасной силы, которую могли использовать ее политические противники. И вот в 60-е гг. советская пресса заговорила о необходимости отличать «полезные адаты» от «вредных». Продолжая громить такие «пережитки адата», как неравноправие женщин, кровную месть и, как это ни парадоксально, шариат и народные исламские культы святых шейхов, газеты и журналы все более сочувственно отзывались о горских обычаях почитания старших, мирного урегулирования конфликтов между односельчанами, бережливого отношения к общественной собственности. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу Советской власти. Переход к политике опоры на «полезные адаты» подготовил почву для движения за возрождение адата и шариата, охватившего регион в 90-е гг.

После распада СССР в 1991 г. на волне движения за мусульманское возрождение на Северном Кавказе началось стихийное восстановление шариатского правосудия. К настоящему времени несколько десятков шариатских судов было создано в мусульманских общинах Северного Дагестана, Чечни, и Ингушетии; единичные шариатские суды появились в Адыгее, Карачае, Кабарде и Северной Осетии. Как правило, они состоят из имама соборной мечети, который по пятницам председательствует на заседаниях совета старейшин общины. Он разбирает мелкие уголовные и брачно-семейные дела, оформляет завещания. Наряду с шариатскими судами у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды.

В 90-е гг. шариат все больше становится козырем в политических интригах. Он стал рассматриваться как средство узаконить создающиеся ныне и далекие от идеалов ислама политические режимы и движения. Так, первый президент Чеченской Республики Ичкерия, совершенно светский и советский человек, генерал Дж. Дудаев провозгласил шариат источником права в Чечне. Но реально он ничего не сделал для введения в жизнь норм мусульманского правопорядка и предотвращения разгула преступности в республике. О необходимости учреждения шариатских судов не раз говорили дагестанские, чеченские и российские политики, замешанные в терактах и массовых убийствах мирных жителей на Северном Кавказе. В сентябре 1999 г. знаменитый террорист Шамиль Басаев объявил о создании его дагестанскими единомышленниками на территориях в Ботлижском и Цумадинском районах Дагестана, захваченных отрядами Конгресса народов Чечни и Дагестана (куда также входит известный террорист и полевой командир Хаттаб), исламского суда, чтобы судить предателей и

трусов. Необходимо различать эти псевдошариатские учреждения от настоящих адатно-ша риатских судов, которым удается несколько ослабить разгул преступности в ряде северокавказских городов и селений.

Колхозная метаморфоза сельской общины

▪ Необычно сложилась судьба сельской общины при Советской власти. Дореволюционная организация горской деревни без особых изменений просуществовала до начала коллективизации. Общинные институты, основанные на принципах адата, послужили основой для органов Советской власти и новой сельской администрации. Вместо упраздненных после революции сельских старост в 1920–1922 гг. была учреждена должность председателя сельсовета. Но его обязанности и даже имя (в Дагестане и Чечне — бегаул) остались прежними. Председателя и депутатов сельсовета выбирали на сельских сходах. Здесь по-прежнему обсуждали вопросы, касавшиеся благоустройства общины, восстановления дорог, мостов, родников и т. д. Суд и управление селом остались в руках совета старейшин (карты, чухби, кевхи). Весь немногочисленный исполнительный аппарат общины, включая глашатая и сельских исполнителей, не менялся с дореволюционных времен. В 1925 г. на основе сельских исполнителей была организована милиция при сельсоветах. На первых порах милиционеры назывались чаушами.

Приступив к коллективизации деревни, Советское государство создавало для горцев новые советские институты. Уже в 1920–1921 гг. в Ставрополье, на Кубани и в Кабарде появились первые ТОЗы — товарищества по совместной обработке земли. Первым ТОЗом в горах была «Чохская коммуна», созданная в аварском с. Чох в Дагестане 27 апреля 1921 г. В помощь ТОЗам с 1924 г. начали создаваться кресткомы или Аульские общества взаимопомощи (АОВ). Они объединяли горцев в постоянные и временные кооперативы, кредитовали их, перераспределяли среди членов кооперативов государственную финансовую помощь. К 1929 г. кресткомы были созданы по всей территории края, включая самые «медвежьи углы» Нагорного Дагестана и Чечни. Вместе с ними создавались «Комитеты бедноты» (комбеды) и кассы взаимопомощи для бедноты. Появилось несколько форм кооперативов от ТОЗов, обобщавших только часть инвентаря, до колхозов и совхозов предполагавших полное обобществление имущества горского крестьянства. Наиболее популярными у горцев формами кооперации стали Универсальные сельхозкредитные товарищества.

Первые кооперативы нередко основывались на базе дореволюционных сельских институтов. Например, ЦИК Кабардино-Балкарской АО обратил в кресткомы примечательные фонды, состоявшие из ежегодных отчислений общинников на религиозные и общественные нужды (закята). Он поставил во главе кресткомов мулл, сделав АОВ чем-то вроде управлений вакфами (примечательными землями), а затем, когда кабардинцы привыкли

вносить отчисления в АОВы, преобразовал их в советское учреждение. В Дагестане, Чечне и Ингушетии многие секретари кресткомов были муллами (дибирами). Комбеды часто организовывались по тухумному или квартальному принципу. Знаменитая «Чохская коммуна» первоначально представляла тухумный отселок, выделившийся из общины в хутор у Гунибского моста. На сельском сходе жители хутора решили распахать участок общинных пастбищ. Такой способ образования самостоятельной общины был хорошо известен горцам по адату. Первые колхозы в Нагорном Дагестане и Чечне возникли на общинных и вакуфных землях. Подобные «факты искривления колхозного движения» сотнями вскрывались советскими контрольными органами, пресекались, но возникали вновь и вновь.

Более решительная ломка адатных институтов доколхозной общины была начата в годы сплошной коллективизации. На равнине и в предгорьях она была осуществлена с сентября 1929 по лето 1935 г. В горных районах объединение крестьян в колхозы затянулось до 1939–1940 гг. Последними вступили в колхозы горцы высокогорных районов Северного Дагестана и Чечено-Ингушетии. В ходе «колхозного строительства» были окончательно распущены советы старейшин. Были национализированы вакуфные земли и занятное имущество мечетей. Большая часть мечетей была при этом закрыта, некоторые разрушены. Насильственно обобществлялись частносемейные участки и скот (мульк) горских кланов. На равнине и в предгорьях колхозы и совхозы, как правило, объединяли земли нескольких общин каждый. Этот принцип особенно строго соблюдался в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Горные коллективные хозяйства часто возникали в границах прежних сельских общин. Но и они в 1940–1955 гг. были укрупнены. В послевоенные десятилетия многие укрупненные колхозы превращались в совхозы.

В годы коллективизации перестали соблюдаться многие общинные и родовые обычаи и обряды. Когда в 1939 г. во время этнографической экспедиции к шапсугам одного из них спросили, совершали ли при прошлогодней засухе моление о дожде (хацегъуашэ), горец отвечал, что это теперь не разрешается. Но уже через несколько лет колхозное и советское начальство решило восстановить «полезные традиции» горцев. Было решено праздновать некоторые полурелигиозные полужемледельческие празднества, такие, как праздник первой борозды (запряжки быков — аварск. оц бай) — начала весенних сельскохозяйственных работ, традиционно собиравший всех членов общины. В с. Убра его восстановили уже в 1939 г., в с. Кумух — только в 1951 г. Повсюду стали отмечать праздник цветов, навруз байрам.

Возрожденные к 50-м гг. общинные обряды приобрели чисто советскую окраску. На сельские праздники приглашалось местное советское и партийное начальство. Каждый праздник начинался митингом. Были запрещены совместные моления об урожае. Древняя земледельческая обрядность отмирает и заменяется бутафорской советской. Происходит музеификация об-

щинной культуры. В 60–80-е гг. в подготовке празднований навруза, праздника первой борозды и проч. стали принимать участие этнографы.

В послевоенные десятилетия была сделана попытка возродить и некоторые общинные институты самоуправления. В целом ряде кавказских республик — в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Абхазии при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. По замыслу местных властей, они «возрождали полезные горские традиции». Однако, копируя одноименные дореволюционные институты, на деле они создавали совершенно новые советские традиции. Это были чисто совещательные органы без реальной власти. Их члены помогали народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, участвовали в регулировании столкновений на почве кровной мести, следили за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускали расхищения колхозной собственности. В 60–80-е гг. такие советы действовали в нескольких десятках горных и равнинных селений. В Ахтынском районе Южного Дагестана к концу 70-х гг. они были организованы при всех сельсоветах. Больше всего советов старейшин насчитывалось в колхозах и совхозах на равнине, а у горцев-переселенцев Новолакского района для координации действий сельских советов старейшин был сформирован районный совет старейшин.

Для пропаганды «полезных адатов» и искоренения «вредных традиций, несовместимых с социалистическим образом жизни» были созданы Комиссии по борьбе с пережитками прошлого в быту и внедрением новых обрядов и обычаев в семейном и общественном быту горцев. Впервые на Северном Кавказе они были созданы в середине 60-х гг. в Карачаево-Черкесии. В 70-е гг. подобные комиссии появились в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и других республиках. В них вошли пожилые мужчины 60–70 лет. Среди них было немало первых горских комсомольцев и коммунистов 20–30-х гг., участников красного партизанского движения и установления Советской власти в горах. Прежние борцы с адатами под старость лет начинали создавать новые советские обычаи. Однако им не всегда удавалось контролировать ситуацию.

Полулегально горцы-мусульмане продолжали праздновать курбан-байрам, мавлид и прочие крупнейшие религиозные праздники. В 1977–1981 гг. в переселенческих селениях на равнине Северного Дагестана вспыхнуло стихийное исламское движение, предвестник исламского подъема 90-х гг. Создавались нелегальные группы молодежи по изучению арабского языка. Последователи мусульманских шейхов суфийских братств накшбандия, кадирия и ясавия устраивали коллективные молитвы (зикр). Движение было подавлено органами МВД и КГБ. Сходы, проведенные под руководством комиссии, выразили самые верноподданнические чувства по отношению к Советской власти. Они просили «предать уголовной ответ-

ственности руководителей исламских групп, призывавших сельскую молодежь следовать законам шариата».

В 60–80-е гг. отношение горцев к колхозам меняется. К этому времени происходит постепенное слияние общинных и советских институтов в повседневной жизни и сознании горцев. Для поколений, родившихся и выросших при Советской власти, колхозы казались прямым продолжением традиций дореволюционной общины. Действительно, колхоз постепенно вобрал в себя основные институты общины-джамаата. Функции сельского схода перешли к общему собранию колхозников. Оно руководит всей общественной жизнью села, следит за соблюдением правил землепользования, регулирует имущественные и семейные споры между жителями села. При колхозах сельский сход стал собирать не только глав семей, но все взрослое мужское население селения, как это было до русского завоевания. Местом сходов по-прежнему служат центральные площади аулов (годекан, гим). В послевоенные десятилетия в большинстве селений Северного Кавказа они переместились в новые кварталы села, к сельсовету и сельмагу.

Хозяйственные обязанности сельского старосты (бегавула, юзбаши) разделили между собой председатели колхоза и сельсовета. Пелал уже в качестве колхозных исполнителей и под именем ахранов (от искаж. русск. «охранять») объявляли через громкоговоритель о решениях сельского начальства и схода, штрафовали колхозников за их невыполнение, охраняли границы колхозных угодий от потрав скотом. В Аварии за эту работу им начислялось по 10 трудодней в месяц. При этом во многих колхозных общинах возникло до поры до времени скрытое двоевластие. Непопулярному колхозно-советскому начальству здесь противостояла хотя и объявленная вне закона, но пользующаяся большим авторитетом у горцев власть сельских мулл (дибиров, эфенди). Функции судебной и отчасти исполнительной власти бегавула сосредоточил в своих руках дибир. Этот выборный глава мусульманской общины села, в советское время объединивший в своем лице кади и имама джамаата, в обход советских законов по-прежнему судил и консультировал своих односельчан по обычному праву и шариату. Последний занял место старой светской элиты джамаата, погибшей в ходе коллективизации. При этом право на власть им давала уже не знатность, а поддержка всего джамаата.

Такое слияние колхоза и общины объясняет, почему после падения в 90-е гг. Советской власти горцы не хотели отказаться от советских коллективных хозяйств. По данным официальной статистики, большая часть колхозов и совхозов на Северном Кавказе продолжает существовать донныне. Например, в Северной Осетии — Алании к 1994 г. сохранилось 43 из 46 колхозов и 36 из 48 совхозов. В Дагестане на всереспубликанском референдуме 28 июня 1992 г. более 2/3 дагестанцев проголосовали за сохранение советских коллективных хозяйств и против введения частной собственности на землю. Из 634 дагестанских колхозов и совхозов, прошедших перерегистрацию в 1992–1993 гг., 580 решили сохранить свой прежний

статус. Большинство других не распались на отдельные фермерские хозяйства, а преобразовались в товарищества, акционерные общества, кооперативы и прочие, в сущности, коллективные хозяйства в границах бывших колхозов и совхозов.

В последние годы к идее укрепления горской общины опять возвращаются как республики Северного Кавказа, так и федеральные власти. Они пытаются опереться на выжившие в период советских репрессий традиционные сельские институты, возродить крепкую общину для укрепления рушащейся пирамиды власти на местах. Недаром в новой Конституции Северной Осетии—Алании, принятой 12 ноября 1994 г., сказано: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 109). В 1995–1997 гг. в Дагестане были проведены законы «О сельской общине», «О местном самоуправлении» и «О третейских судах». Подобные законы о сельской общине и местном самоуправлении были приняты и в других республиках Северного Кавказа.

Какие выводы можно сделать из рассмотренных выше материалов? Как отмечалось выше, судебно-правовая политика Советской власти на Северном Кавказе не раз менялась, но лейтмотивом ее всегда оставалась борьба с ускользающим из-под государственного контроля обычным правом. Однако результаты социально-правовых реформ 20–60-х гг. в горской деревне оказались совсем не такими, какие ожидали от них их организаторы. Прогнозы советских историков и юристов об «отмирании адата, шариата и других вредных пережитков старого режима» не оправдались. Столь же ошибочным оказалось определение советскими этнографами обычного права как неизменного «традиционного института», свойственного догосударственным обществам и не способного к развитию в современном обществе.

Кровная месть

Обязательность кровомщения

■ Формы и социальное значение насилия в горском обществе были самыми различными. В ответ на оскорбление женщины, захват земли, ранение или убийства горцы отвечали убийством обидчика. Кровная месть могла продолжаться в течение ряда поколений либо до полного физического истребления клана виновного. В то же время кровная месть могла служить действенным средством пресечения насилия и иных противоправных действий горцев. Причем если особенности кровной мести порой значительно различались, то общие черты этого обычая всюду были одинаковы. Ниже мы рассмотрим наиболее характерные для региона примеры кровомщения.

Вражда между двумя кланами и взаимное кровомщение чаще всего возникали на почве отношений между мужской и женской молодежью.

Причиной мести служило похищение девушки или женщины. Причем часто похищения устраивались с согласия самой похищаемой (кабард. дэклү-эсэн), что имело место обыкновенно в том случае, если родители девушки не соглашались выдать ее за избранного ею жениха. В таком случае она сговаривалась с женихом относительно ее увоза. Бывали иногда и такие случаи, что двое мужчин заявляют претензии на одну девушку, и один из претендентов, не желая, чтобы девушка стала женою другого, похищал ее. По адатам всех кавказских горцев насильственный увоз женщины рассматривался как уголовное преступление, почти равносильное убийству. При определении наказания за насильственный увоз женщины народные адаты делали различие между увозом девушки или вдовы и замужней женщины. Так, у аварцев похитивший замужнюю женщину вносил в пользу сельского общества штраф, вдвое превосходивший штраф за умыкание девушки или вдовы. Кроме того, во многих обществах виновный высылался из общины в качестве кровника (тюрк, канлы) при похищении девушки или вдовы на несколько месяцев, а при похищении замужней, на более долгий срок (один–три года).

При похищении по взаимному уговору дело в большинстве случаев кончалось примирением с родными похищенной и свадьбой. Примирение с родными похищенной девушки устраивалось при содействии уважаемых стариков и друзей похитителя; достигалось оно сравнительно легко, если похититель принадлежал к клану, равному по своему общественному весу с кланом девушки. У аварцев похититель при примирении должен был подарить братьям или отцу девушки хорошее кремневое ружье и устроить угощение. По обычаю кабардинцев ни одно примирение, связанное с похищением, убийством, ссорой, не происходило без уплаты виновником гъэфлэжыпшлэ, т. е. вознаграждения потерпевшего за согласие на примирение. Согласно этому обычаю виновная сторона передавала потерпевшей стороне хорошую лошадь с седлом, кроме этого, в день примирения она организовывала угощение на 100 и более человек, для чего резали 3–5 голов крупного рогатого скота, 10–15 баранов, готовили большое количество бузы и т. д.

Обязанность кровомщения прежде всего лежала на родных братьях пострадавшего или убитого. Если нет брата, мстить были обязаны ближайшие родственники по отцовской линии. При отсутствии близких родственников должны были мстить вообще члены тухума, или рода, к которому принадлежал убитый. Если член рода убитого, встретив убийцу, не мстил ему, общественное мнение клана и общины резко осуждало его поведение. Бывали примеры, что после убитого отца оставался мальчик 3–4 лет. Мать внушала ему, как святую обязанность, отомстить за убитого отца. И спустя много лет, сделавшись взрослым, сын мстил за отца. Аварцы сложили целую балладу о героической сестре, поехавшей в далекую Хевсуретию, чтобы отомстить за убитого в набеге брата.

В отмщение за убитого в первую очередь старались убить его убийцу. Но если это не удавалось сделать, иногда, хотя и в редких случаях, убивали

кого-либо из его близких родственников. Это не поощрялось общественным мнением; говорили: почему не убили врага, а убили невинного человека. Убийца обыкновенно укрывался в доме какой-нибудь нейтральной фамилии, и члены этой фамилии охраняли его до прихода властей. В случае убийства гостя, кунака в доме, где он укрылся, хозяин дома отвечал за кровь. Мечети и другие священные места правом неприкосновенности не пользовались. «В мечеть убежишь, и там не оставлю», — гласит аварская поговорка. По обычаю, если кровники встречались, родственник потерпевшего должен был убить обидчика. В «Описании кабардинского народа», сделанном В. Бакуниным в 1748 г., описан ход кровной мести между двумя княжескими кланами. По его словам, все владельцы кабардинские один на другого всегда опасались убийства и, чтобы уберечься от него, по ночам спали в панцирях.

Кровная месть, согласно неписаному обычаю, считалась долгом, а по писаному адату заменялась выкупом (от арабск. дият). «Мы кровь своих убитых не продаем», — говорили чеченцы. Другие горские народы, например бежитины, в XVIII—XIX вв. предпочитали выкуп продолжению мести. В выплате дията, размеры которого были очень велики, участвовал весь тухум. В некоторых обществах существовали правила, по которым кровомщение не должно было перейти за восьмое колено прямого кровного (по отцовской линии) родства (с. Кубачи), в других не было таких правил. О роли тухумов в этой сфере красноречиво сказал М. А. Агларову один из стариков в с. Анди: «О тухумах вообще люди не вспоминали, и они никакой роли не играли, все делалось по соседству и авалам (подразумеваются кварталы), но как только случались распри и убийства, то сразу вспоминали, кто кому кем приходится, какого тот тухума, чтобы поддержать своих людей. О тухумах вспоминали также при заключении браков».

В случаях изнасилования девушки или женщины кровную месть было настолько сложно остановить, что вражда между кланами-тухумами могла закончиться истреблением одного из них. Например, в даргинском с. Кадар Нагорного Дагестана два тухума враждовали около 200 лет, с XVII в. до 60-х гг. XIX в. Среди ингушей известен случай кровной мести, продолжавшейся почти 150 лет, в течение которых каждая сторона потеряла не менее 20 человек убитыми. Но в большинстве случаев развитие кровной мести сдерживалось т. н. системой композиций — натуральных или денежных платежей согласно нормам обычного права (адата). По словам большого знатока адыгского быта Л. Я. Люлье, у горцев кровомщение не было необузданным, неудержимым чувством, вроде вендетты корсиканцев; это была скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. О существовании подобной нормы на Северо-Восточном Кавказе говорит дагестанская пословица «Кровь кровью не смывается».

Пролитая кровь разных сословий горского общества традиционно оценивалась по-разному. Отражая социальную градацию, система композиций была наиболее неравномерной на Северо-Западном Кавказе и в рав-

нинном Дагестане. Из описаний 1-й половины XIX в. явствует, что у адыгов размер возмещений за убийство определялся условной платежной единицей под названием *сха* или *баш* (букв. «голова»). Эта же мера использовалась при уплате *калыма* и служила основой для определения стоимости компенсаций за различного рода уголовные преступления: ранение, увечье, оскорбление личности, воровство и т. д. По материалам г. В. Новицкого, князья, дворяне, подвластные и крестьяне имели свою определенную «цену крови», утвержденную обществом с давнего времени, и по ней взыскивали с убийцы. За убийство князя брали 100 *баш*. За дворянина 1-го класса взыскивали 50 *баш*, за дворян прочих двух классов — по 30, а за подвластного — 25 *баш*. Переведя эти условные единицы в головы скота, которым обычно исчислялись штрафы у адыгов до конца XVIII в., В. К. Гарданов пришел к выводу, что «цена крови» князя колебалась от 6 до 8 тыс. быков со всей общины, тогда как «цена крови» простого свободного адыга (*тлхукотля*) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков. За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По верному замечанию кабардинского историка В. Х. Кажарова, высокая «цена крови» князя укрепляла и безопасность его подвластных. В данном случае адат ставил мощный заслон развитию неограниченного кровоотмщения.

Так как кровная месть вносила расстройство в хозяйственную и общественную жизнь, старики обыкновенно прилагали все усилия, чтобы примирить враждующих. В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех шести аулов и устраивали примирение. Церемония примирения состояла в следующем. Члены враждующих фамилий становились в два ряда, на некотором расстоянии друг против друга. Между ними стояли почетные старики нейтральных фамилий. Один из самых уважаемых стариков читал молитву, затем произносил речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявлялся восстановленным, и устраивалось угощение. Расходы на угощение в некоторых обществах брали на себя нейтральные фамилии, организующие примирение. Примирение иногда сопровождалось уплатой виновной стороной пострадавшей семье некоторой компенсации; но это делалось негласно, чтобы не сказали, что пострадавшие помирились из корыстных побуждений, подкупленные деньгами или имуществом. После примирения кровники назывались «братья крови».

Чтобы предотвратить взаимное истребление целых тухумов, было принято высылать убийцу (а в некоторых районах и его ближайших родственников) далеко за пределы владений общины. Искавшие защиты присоединялись к укрывшей их общине, полностью принимая все ее законы и обычаи. О распространенности этого наказания говорит тот факт, что в Дагестане несколько десятков селений основаны тухумами кровников, изгнанными или бежавшими от кровоотмщения.

Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона. Дж. Лонгворт отмечал три

важнейших качества, которые более всего ценились у черкесов в середине прошлого века. Это храбрость, красноречие и гостеприимство. Гостеприимство как первейшую добродетель черкесов и почитание гостя особой неприкосновенной упоминается и в сборнике адатов А. А. Кучерова. О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы, очутившиеся в самых отдаленных районах Нагорного Дагестана, Чечни или Грузии. Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин обязан был жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев.

Кровная месть в период Российской империи

■ Кровная месть была больным местом в российской дореволюционной политике на Северном Кавказе. Сначала военные, а затем гражданские власти вели долгую борьбу с этим явлением, но так и не смогли искоренить его. Сразу же после того, как горцы приняли российское подданство, им было строго запрещено совершать кровоотмщение по адату. В Кабарде еще в 1793 г. было запрещено разбирать дела о кровоотмщении согласно адату. Урегулирование кровной мести стало прерогативой Верхнего пограничного суда в Моздоке. Случаи кровоотмщения были приравнены к убийствам, вооруженным грабежам и разбирались на основании законов Российской империи.

С учреждением в 1807 г. в Кабарде трех духовных судов (мехкеме) кровная месть разбиралась по шариату вплоть до их запрета в 1822 г. Интересно отметить, что в этот период меры пресечения кровной мести между кланами становятся намного более суровыми. Они перестают учитывать сложную сословную иерархию горцев. Под влиянием распространения норм шариата, более сурово наказывающих за кровную месть, в 1807 г. появился новый адат: «Если кто без причины кого-либо убьет, то по закону также лишается жизни». «Цена крови» была сохранена в случаях неумышленного убийства, причем без учета общественного положения убийцы. Все слои кабардинского общества должны были выполнять новую адатную норму: «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 рублей серебром ближайшему наследнику».

Наряду с борьбой с кровной местью российские власти хотели лишить князей и ханов их бывших правовых привилегий. В «немирных князьях» они видели опасного противника для российского господства в регионе. Поэтому они постарались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение вышестоящему в социальной иерархии лицу. В знаменитой прокламации 1822 г. наместник Кавказа Ермолов предписывал кабардинцам: «Узденьям и простому народу повелеваю, что при всякой

встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием». Таким образом, власти не просто допускали, но открыто поощряли убийства князей, лишенных российским правительством «прежних достоинств». На деле это официальное поощрение убийства князей-«изменников» оказалось палкой о двух концах. С одной стороны, было подорвано уважение к князьям, среди которых многие «бунтовали» против российской власти. Но с другой — был уничтожен принцип, сдерживающий кровоотмщение в горском обществе. Из правоохранительного института кровная месть постепенно превращалась в противоправный. Она сильно дестабилизировала горское общество. В кровоотмщении все чаще участвовали деклассированные элементы.

С введением на Северном Кавказе военно-народного управления борьба с кровной мстью вступила в новую фазу. С этого времени власти усиленно пропагандируют отношение к кровоотмщению как к «несправедливому обычаю», «архаичному адату», который требуется запретить. Кровоотмщение было объявлено вне закона, разрешенное по дореформенному адату по отношению к кровникам и застигнутым на месте преступления ворами и развратникам. Теперь оно было приравнено к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Высылка кровника в канлы была заменена ссылкой на поселение в Сибирь и другие отдаленные районы России.

Если примирения достичь не удавалось, бегаул при посредничестве дибера и знатоков адата часто добивался согласия родственников потерпевшего принять «цену крови» (дят, алым). В разных округах Северного Кавказа покупательная способность российского рубля была различной, и местные композиции за убийство по-прежнему сильно отличались друг от друга. Так, за «простое убийство» в с. Бацада и Согратль взимался дят в 100 отрезков ткани (кирбас), в с. Гидатль — 30 коров, в обществах дидойцев — 60 коров, в с. Тамуда — 12 мер зерна и 25 рублей, у тиндинцев и чамалал — 180 рублей, у цезов — 300 рублей или овец, в селениях Кайтагского округа — 50–400 рублей, в селениях Казикумухского и Самурского округов — 150–300 рублей. Умышленное убийство (тюрк, каракан) оценивалось в 7–14 раз больше. Кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины. В случае ранения кровник оплачивал работу врача, лекарства и пропитание больного до его полного выздоровления. Плата за увечья, переведенная на русские деньги, осталась прежней. Кроме этих композиций кровник уплачивал штраф в пользу общины (от 1 быка до 33–100 рублей в разных селениях) и изгонялся в канлы на срок от года до 10 лет или бессрочно.

Полностью искоренить кровоотмщение вплоть до революции так и не удалось. В пореформенный период наиболее развитие кровная месть получила в Нагорном Дагестане, Чечне и Ингушетии. По официальной статистике, тут около 80% всех тяжких уголовных преступлений совершались на почве кровной мести. В начале XX в. ежегодно совершалось до 500–

600 убийств и более 2000 ранений. 40% из них приходилось на долю Андийского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов.

В пореформенное время учащаются случаи кровоотмщения, поводом к которым служили драки в нетрезвом виде. Под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества в Центральную Россию резко выросло потребление водки и бузы горцами. Так, в декабре 1868 г. Акай Абдуррахман-оглы из с. Нижние Казанищи Темир-Хан-Шуринского округа в пьяном виде смертельно ранил выстрелом из пистолета своего родственника Амир-хана Хасай-оглы. Решением Дагестанского областного суда виновный был выслан на три года кровником-канлы. По адату с него был также взыскан штраф-дият в 100 рублей. В мае следующего года брат покойного Шуайб Хасай-оглы встретил на дороге жителя с. Гонода Гунибского округа Сали Галев-оглы и, по ошибке приняв его за своего кровника, затеял с ним ссору. В последовавшей за этим стычке Шуайб убил Сали выстрелом из пистолета. Дело разбиралось в Управлении начальника Северного Дагестана по русским законам. Другое убийство, рассматривавшееся в Андийском округе в том же году, было совершено на свадьбе. Магома Якуб-оглы во время пляски нечаянным выстрелом из пистолета убил брата невесты, своего односельчанина Магому Иса-хан-оглы.

Российским властям не удалось существенно изменить дореформенную систему наказаний за уголовные преступления. В некоторых селениях, как, например, Акуша и Цудахар, за ранения и убийства продолжали судить не по адату, а по шариату. Тюремное заключение, введенное Шамилем за уголовные преступления, получило повсеместное распространение. Во всех окружных центрах, наибольших ставках и в большинстве крупных селений у главной площади (годекан) возле мечети были устроены тюрьмы. Чаще, как в с. Ботлих, Гагатль, Гаквари, Гигатли и др., ими служили ямы, перекрывавшиеся каменной глыбой. Реже встречались небольшие каменные камеры, как, например, в с. Цуйди. В с. Хуштада на стене сельской тюрьмы до сих пор сохранилась дата постройки — 1321 г. от хиджры (1903–1904).

Не удалось заменить переход в канлы ссылкой за пределы Северного Кавказа. Боясь оказаться в Сибири или Центральной России, кровники из Аварского и Андийского округов Дагестанской области помногу лет укрывались в Горной Чечне. В Южном Дагестане канлы бежали в горы Закавказского округа Бакинской губернии. Желая избежать недовольства мусульманского населения, начальство Дагестанской области разрешило в 1911 г. заменить ссылку кровников в Сибирь высылкой их в отдаленнейшие округа Дагестанской области. Срок пребывания в канлы по новому закону был увеличен до 20 лет. В частности, по этому закону канлы из с. Гагатль (Андийский округ) высылались в с. Чиркей, Кумух в Центральном Дагестане и даже с. Ахты на юге Дагестана. Наоборот, в Андийский и Гунибский округа высылались канлы с юга и севера области.

В целом ряде сельских обществ вместе с кровником продолжали высылать и его ближайших родственников. Семьи убийц сами бежали из родных селений, боясь мести более сильных тухумов. Такие случаи в пореформенное время отмечены в с. Гимры, Игали, Кахаб-росо и Ашильта. В с. Гдым целый тухум был основан в конце XIX в. семьей, изгнанной из с. Зрых за убийство одним из ее членов односельчанина. Таким образом, ряд норм адата, касающихся кровной мести, в какой-то степени сохранил юридическую силу.

Перерождение кровной мести в XX в.

■ При Советской власти традиции кровоотмщения претерпели значительные перемены. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921) сопровождалась ростом преступности. Кровная месть распространилась по Северному Кавказу еще шире, чем это было до революции. Повсюду действовали банды. Они целыми кланами вырезали своих политических противников, будь то «белые» или «красные». УГРО Северокавказского края отмечал учащение здесь случаев самосуда, начинавшихся простым избиением, а заканчивавшихся убийством заподозренного в конокрадстве, поджоге и проч. даже с применением истязаний. Советская власть с самого начала своего существования активно боролась с кровной местью, но не могла искоренить это «проклятое наследие царского режима». Только в Дагестане, по данным прокуратуры на 1924 г., 80% всех тяжелых уголовных правонарушений происходило на почве кровной мести. В 1928 г. специальная комиссия Президиума Дагестанского ЦИК отметила, что в последнее время участились убийства и, в частности, особенно на почве кровной мести. В связи с этим НКЮ ДАССР было поручено разработать программу необходимых мероприятий по предупреждению этих преступлений. Под руководством народных судей в сельских районах создавались общества «Долой кровную месть». Однако избавиться от этого зла не удавалось.

В 20-е гг. мягкие меры наказания убийц, происходивших из социальных низов, приводили к тому, что, отсидев срок в советской тюрьме, или досрочно освобожденный по амнистии убийца возвращался в свое родное селение, где его вскоре убивали родственники погибшего. Сами горцы с презрением относились к подобным приговорам советских судов, которые за глаза называли «принимая во внимание». «Один убивает другого, — говорили крестьяне, — и попадает под суд, а суд со всей строгостью присуждает убийцу к 6–8 годам заключения и еще со строгой изоляцией, а потом, «принимая во внимание» его происхождение (бедняк, батрак, рабочий и т. д.), его темноту, то обстоятельство, что он судим впервые и т. д., сокращает срок наполовину, а там подспевают разные манифесты, годовщины и т. д. и не проходит двух лет, как убийца уже дома. Ясно, что кровники

возвратившегося домой убийцы не могут мириться с этим, и вот происходит второе убийство, а там третье, четвертое...».

Шариатское правосудие также не смогло справиться с кровотошщением. Еще в 1921 г. это отметил проинспектировавший работу шарсудов народный комиссар юстиции ДАССР А. Далгат. По его наблюдениям, шариатские суды часто выносили приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для убийства, однако на деле крайне редко применяли смертную казнь за убийство по шариату. В одном случае смертный приговор шариатского суда должен был быть приведен в исполнение через три года, так как сын убитого оказался малолетним и не мог убить своего кровника. Таким образом, приговоренный к смерти должен был ждать 3 года своей казни.

В 30–50-е гг. борьба государства с кровной местью усилилась. На Северном Кавказе стали применять более суровые меры пресечения этого преступления. По настоятельной просьбе прокуратуры Северокавказского края в 1931 г. Пленум Верховного суда РСФСР в Москве принял поправку к Уголовному кодексу Федерации. С этого времени убийства, совершенные на почве кровной мести, стали рассматриваться как «государственные преступления» по ст. 58, п. 8. За них было положено применять высшую меру наказания — расстрел. Полностью искоренить кровную месть в регионе не удалось, но с конца 30-х гг. она идет на убыль. Немало кровников в годы сталинских репрессий погибли в ссылке или лагерях, куда они попадали по доносам и ложным обвинениям представителей враждующих с ними фамилий. К 70–80-м гг. число официально зарегистрированных случаев кровотошщения по всему Северному Кавказу значительно сократилось. Преступления, квалифицированные как «пережитки местных обычаев (включая кровную месть)», составляли только 0,7% общего числа преступлений в регионе.

Перемещение основной массы преступлений в города вызвало изменение характера судебных дел. Удельный вес традиционных для горцев столкновений в городе и в деревне сокращается. Под все усиливающимся влиянием городов и городского образа жизни уже в 50–60-е гг. исчезают такие типичные для досоветской деревни столкновения, порой ведущие к кровотошщению, как периодически повторявшиеся драки между детьми и подростками из враждующих сельских фракций — «старых» и «пришлых» кланов (тухумов) и кварталов. Последние такие столкновения были засвидетельствованы в 20–40-е гг. этнографами Г. Ф. Чурсиным, М. Е. Шиллингом, Л. И. Лавровым. В то же время вместе с семьями переселенцев в города перекечевала и кровная месть. Она заняла прочную нишу в структуре городской преступности. По данным МВД, в конце 70 — начале 80-х гг. месть была основным мотивом 47% зарегистрированных в больших городах телесных повреждений и 70% убийств. Наряду с мужчинами своим кровникам стали мстить и женщины. Из жертв кровной мести они все чаще становились ее активными проводниками. С 60-х гг. некоторые семьи кровников для наказания своих

обидчиков начали нанимать профессиональных убийц. Такие случаи известны в Аджарии и Абхазии.

Мотивы и способы кровоотмщения особо не изменились. Поводом к кровной мести в советское и постсоветское время служили, с одной стороны, умышленные или неумышленные ранения и убийства; с другой — случаи оскорбления женщин и прелюбодеяния. Кровная месть возникала и между сельскими общинами. Поводом к ней в данном случае служили поземельные споры, которые всегда были бичом малоземельных кавказских горцев. В советское время такие споры не раз возникали сначала между обществами, а затем между колхозами и совхозами. В 1928 г. земкомиссии Дагестана отметили 36 «нерешенных остро стоящих поземельных споров» на территории республики. В столкновениях из-за спорных земель, о которых подробнее будет рассказано ниже, обычно участвовали не отдельные колхозники, а большие группы мужчин и женщин. Согласно докладной записке Наркомзема ДАССР в Дагестанский ЦИК от 13 октября 1924 г. земельные споры между сельскими обществами доходили до вооруженных столкновений, в результате чего случались убитые и ранены.

Советская власть продолжала использовать испытанные нормы, применявшиеся в дореволюционном адате для борьбы с кровной местью. В случае столкновения кланов-тухумов или целых общин сторону, признанную виновной, порой выселяли в отдаленные места республик и областей. За пределы ДАССР были сосланы без семей виновные в убийствах, поджогах и ранениях, совершенных в селении. Кроме того, для примирения кровников районные советы неоднократно создавали примирительные комиссии. В них кроме представителей враждующих сторон и местного колхозного начальства входили наиболее авторитетные колхозники, в основном старики. В 1957–1962 гг. при возвращении на Северный Кавказ насильно депортированных в 1944 г. чеченцев, кровников вызывали в примирительные комиссии и брали с них подписку о прекращении вражды. С 60-х гг. власти широко прибегали к посредничеству воссозданных в это время советов старейшин.

Распад СССР и обострение криминогенной обстановки в регионе способствовали «возрождению» кровной мести. К концу 90-х гг. количество убийств и ранений на почве кровоотмщения превысило даже дореволюционный уровень. Сегодня 10–15% всех зарегистрированных в республиках преступлений совершаются на почве кровной мести. Большинство случаев кровной мести отмечено в Центральном и Северо-Западном Дагестане, в равнинной Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и Абхазии. Важно отметить, что именно эти районы представляли собой основной ареал существования кровной мести в дореволюционное и раннее советское время. Кроме того, вследствие массового переселения горцев из этих районов на равнину область распространения кровоотмщения в настоящее время охватывает и часть равнинных районов Ставрополя и Кабардино-Балкарии.

Абреки

Воинственность горцев: мифы и реальность

▪ Вплоть до русского завоевания между кланами горцев иногда случались кровопролитные стычки и междоусобицы.

К этому времени в российской историографии о Кавказе сложился крайне отрицательный, я бы сказал демонический, образ горца как духа разрушения. Даже такие объективные авторы, как С. М. Броневский, считали, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи друг против друга и в окружающих странах». По словам русских авторов эпохи Кавказской войны, характерная черта кавказских горцев кроме благородных поступков заключается в страсти к набегам и походам.

Мемуаристов, жалующихся на разбои горцев, можно понять. Обычно они испытали их на личном опыте или писали со слов людей, подвергшихся нападениям горцев. Действительно, вплоть до завоевания Кавказа Россией путешествовать по краю без провожатого могло привести к неприглядным ситуациям, если, правда, он приходил с плохими намерениями. На побережье Каспийского моря пиратствовали владыки небольших ханств Дагестана. Еще в конце XVIII в. один из них — уцмий Кайтагский — пленил российского академика С. Гмелина, отправленного на Кавказ с дипломатической и научной миссией. Тот скончался в плену в 1774 г. На Северо-Западном Кавказе черкесские и карачаевские князья и уздени прославились «наездничеством» — так дореволюционные авторы называли набеги их конных дружин (кабард. *зеклуэ* [произносится как зекве], карач. *джортуул* (поход), *чабыуул* (набег)). Другой ученый того времени, И. Гюльденштедт, семь лет находился в плену у черкесов.

Как и во всем средневековом мире, противоборствующие стороны применяли самые жесткие методы борьбы, такие, как набеги на вражеское селение. В 1-й половине XIX в. жесткие методы борьбы с противником применяли не только разбойники-абреки вроде чеченца Бей-Булата, но и царские генералы. В наместничество на Кавказе ген. Ермолова (1816–1827 гг.) русские войска сжигали целые аулы, вырезали непокорное население, захватывая его скот и прочее имущество. В рапорте о своих действиях в Чечне ген. Пулло сообщал о проведении им набегов с истреблением населения и взиманием заложников-аманатов. В свою очередь Шамиль пользовался услугами абреков. Его отряды не менее жестоко выжигали непокорные «предательские» селения, уводя в плен их жителей (например, при сожжении в 1843 г. с. Хунзах и разрушении в 1845 г. с. Чох).

Еще важнее отметить, что процитированные выше авторы чрезмерно преувеличивали значение таких взаимоотношений на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX в. весьма неполные источники отчетливо говорят о том, что «набеги» отнюдь не являлись основным

источником существования местных жителей. На это обстоятельство обратили внимание еще некоторые дореволюционные кавказоведы. Так, И. Пантюхов отмечал, что, не будучи знакомы с внутренней жизнью горцев, но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки считали их дикарями и разбойниками. На самом же деле, правильная внутренняя организация, например, лезгинских общин, честность во внутренних взаимоотношениях и оседлая земледельческая культура не давали основания для такого мнения.

Противостояние между Россией и горцами усилилось после того, как горцам был закрыт выход на равнину на отгонные пастбища и на рынки для торговли. Попытки загнать горцев в горы в «каменные мешки» — это была тактика всех захватчиков. И на это горцы ответили «виларатом».

Многими исследователями XVIII–XIX вв., как и большинством его соседей, не принималась оценка горца как профессионального разбойника. Основой существования горского общества было многоотраслевое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же там, где они имели место, носили скорее спорадический характер.

Обратимся к такому явлению как кавказское абречество, как явлению, вызванному определенными историческими условиями, той эпохи, для которой оно было наиболее характерным. При таком подходе несложно обнаружить, что основная масса свидетельств о профессиональных разбойниках-абреках на Кавказе падает на XIX–XX вв. Сам термин «абрек», как это ни удивительно, стал употребляться на Кавказе в его современном значении весьма поздно — только в 30–40-е гг. прошлого столетия. Рассмотрим сперва его этимологию.

Что же означает слово «абрек». Ф. И. Леонтович, обобщивший сведения дореволюционных авторов об этом термине, так характеризует изгоя, исключенного из семьи и рода. По своему положению абреки были бездомные бродяги. Обстоятельства сложились так, что жить и воровать для них одно и то же. Юридическое положение абрека высказывалось в полной его незащитности и бесправности. Почти так же, но более кратко, этот термин определен в «Этимологическом словаре осетинского языка» одного из крупнейших кавказоведов-лингвистов, В. И. Абаева: «беглец, совершивший какой-то проступок». Такое значение слова «абрек» имело не всегда. Интересно проследить основные периоды его многовековой одиссеи, установленные современными лингвистами и этнографами. «Абрек» и «казак» стоят близко по смыслу.

Считается, что сам термин восходит к иранскому слову «бродяга, грабитель» (ср.-перс. *арагак, ср.: ново-перс. авага «бродяга»). Из иранского через тюркский уже в древности он попал в кавказские языки. В некоторых из них, как, например, в аварском, он сохранил свою изначальную форму (аварск. апарар). В Нагорном Дагестане и Чечне XVI–XVIII вв. апарагами называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и рабами.

Аварская пословица гласит: «Дом пришельца — на краю селения». Среди апарагов было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства.

У горцев Северо-Западного Кавказа этот термин, звучавший здесь как «абрег» (ср. кабард. абредж, карач. «абирек», или джаппаракъ, абхаз, и абаз. абрагъ, осет. абырэг, мегрел, и сван, абраги), означал изгнанного из общества за проступок или преступление князя или дворянина. Важно отметить, что ни в одном из этих случаев абрег/апараг еще не относился к бездомному бродяге, вынужденному жить разбоем. Адыгские и карачаевские князья-абреки могли найти убежище у своих вассалов-дворян либо укрыться в России или в Крыму. Дагестанские апараги были надежно защищены от преследований кровников общиной и кланом-тухумом своих хозяев, у которых они поселились на чужбине.

В русский язык слово «абрек» попало из тюркских языков в эпоху Кавказской войны XIX в. Причем к этому времени оно означало уже не столько «беглеца» и «изгоя», сколько «разбойника». Термин этот служил синонимом любого «немирного горца». С такой негативной коннотацией он впервые встречается в изданном в 1863 г. толковом словаре Толя. Столь же черными красками рисует абреков словарь Даля, куда этот термин вошел со второго издания, опубликованного в 1880 г.: «Абрэк — отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке». К этому времени слово «абрек» приобрело подобное значение и в кавказских языках.

К началу XX в. значение термина опять, но уже не так сильно меняется. Он приобретает смысл «благородный разбойник из кавказских горцев». Именно так определил его генерал-майор Б. Полозов, перед революцией служивший в жандармерии Елисаветпольской губернии (сейчас Северный Азербайджан) и сам боровшийся с абреками. Не скрывая уважения к своим бывшим противникам, он писал: «Часть разбойничьего люда... на Северном Кавказе называют абреками, а на юге, в Закавказье, кочахами (ср. азерб. касак — «беженец»), т. е. беглецами. Абреки или кочахи ничего почти общего с русскими разбойниками, в первую очередь ворами и грабителями, не имеют. Правда, все они также находились под угрозой Сахалина или даже виселицы, а многие уже побывали на каторге и с сказочными приключениями бежали, после мытарств по тайге и России, добрались до Кавказа и вступили в шайку какого-нибудь знаменитого харамбаши (здесь — атамана) и таким образом переходили на нелегальное, но свободное житье в лесных и горных дебрях седого Кавказа. На каторгу эти натуры попадали главным образом, около 80 процентов, за убийство по старинному азиатскому обычаю кровной мести «канлы».

Последние изменения в нюансах толкования абречества произошли в советское время. Под влиянием официальной советской пропаганды этот термин предельно идеологизируется. В него вкладывается значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против Рос-

сии/СССР». Например, в толковом словаре русского языка Ожегова абрек определяется следующим образом: «в период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск». Далее БСЭ отмечала, что «после революции 1917 г. абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм». Примерно в таком же значении термин абрек вошел во все советские словари и энциклопедии.

Вместе с тем при Советской власти абречество продолжало поэтизироваться. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке — Дата Туташиа. В 1977 г. по его роману был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташиа по всему Союзу. Можно упомянуть также роман К. Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве, абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне, Дагестане и Ставрополье, рассказы Фазиля Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е гг. XX в. Причем если Гатуев и Амирэджиби просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее, опозитизировал абречество. Недаром в романе его герой помог восстановить справедливость, попорченную коррумпированной грузинской милицией. И доныне слово «абрек» имеет значение «благородный разбойник с Кавказа». Новая волна популяризации абречества среди северокавказского населения связана, прежде всего, с сепаратистским конфликтом в Чеченской Республике. Помимо всех прочих негативных последствий двух военных кампаний произошла романтизация образа чеченского боевика как борца за свободу Кавказа, которая зафиксирована во множестве появившихся в этот период песен и легенд, считающихся народными, в публикациях региональных СМИ, сепаратистских сайтах в Интернете.

Постепенное изменение семантики термина «абрек» на Кавказе XIX–XX вв. и приобретение им своего современного значения произошло в силу перемен, произошедших за это время в условиях жизни горцев. Мы разберем эту метаморфозу ниже. Здесь же будут рассмотрены те социальные институты, из которых вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе. Ведь современное абречество возникло не на пустом месте, и без соответствующих предпосылок никакие государственные преобразования не могли бы вызвать его к жизни.

Мужские союзы и культ воина-джигита

▪ Какие же институты и представления лежат в основе современного абречества? Это военные дружины горской молодежи и культ воина-джигита. Обратимся сначала к первому. Как известно, вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства в XIX в. военные силы мелких политических образований — сельских общин, их союзов и ханств,

— формировались по принципу всенародного ополчения. В основе таких военных отрядов были союзы неженатой молодежи горцев (арабск. займете, ихтилат, кубач. батирте, рутул. сехбат, цез. сидар бахIру и проч.), детально изученные дореволюционными и советскими этнографами. Юноши проводили зиму в большом общем доме-крепости (аварск. гьоркьо рукь, кубач. гулала-хъали), посвящая свой досуг военным и спортивным упражнениям, и пирам. Дома эти обычно принадлежали отдельным тухумам. Единичные постройки такого рода сохранились до наших дней, например, Басхан-хъала (багв. «Басханова крепость») в багвалинском с. Кванада в Нагорном Дагестане.

Как союзы молодежи, так и сельские ополчения (араб, аскар; авар, бо, дарг. хуребо, багв. кьокъаби), куда кроме них входило все дееспособное мужское население сельских кланов, не были ни профессиональными воинами, ни тем более разбойниками. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли насчитывать до нескольких десятков тысяч человек. Так, в знаменитом «Завещании Андуника», документе XV в., перечисляющем владения аварского нуцала, говорится: «В области Дагестан двести десять тысяч мужей (т.е. воинов-ополченцев. — В. Б.), в том числе шестьдесят тысяч в Табасаране, тридцать тысяч у Кайтага, сто тысяч мужей в войске (аскар) падишаха Газикумухского, двадцать тысяч в войске нуцала Аварского...» Когда в апреле — мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей.

В свою очередь, ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. По местным преданиям, кубачинские батирте обороняли село от полчищ иранского завоевателя XVIII в. Надир-шаха, а хевсурское ополчение с. Шаитли, засев в башнях селения, отбилося от осаждавших аул войск Шамиля. Тухумы Дай-итилал и Угузилал из Хунзаха покрыли себя славой в освободительной борьбе народа против нашествия Надир-шаха на Дагестан в 1747 г.

Следует отметить, что тухум как воинское подразделение выступал только в общевоинских ополчениях. Обычно же для набега или отражения нападения неприятеля набирались добровольцы со всей сельской общины. Такие отряды (аварск. кьапила) разбивались на «десятки» и «сотни». Кроме военных обязанностей ополчения сельской молодежи регулярно выполняли некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и проч.) и строительные работы.

Во главе военных сил горцев в независимых сельских общинах Дагестана и Чечни стояли выборные предводители. Называли их по-разному: хан, шах, (аварск) цевехъан, (кубач) бикт-халел. У адыгов до середины XVIII в. их роль играли князья-пши, реже дворяне-уздени. Как уже отмечалось, важнейшей традиционной прерогативой князя было право объявления войны и мира, созыва дворянского ополчения и организация военных походов. Причем уже упоминавшиеся выше набеги-зекве носили в основ-

ном не нападабельный, а оборонительный характер. Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к своему долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев — народов Дагестана, вайнахов, адыгов и осетин — не существовало жестких сословных рамок. «Быть удалцом в горах, — отмечал Н. Берзенов, — значит быть аристократом». Участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Образцом для подражания каждого мужчины-горца был выработавшийся веками образ удалца-джигита (ср.: чеч., ингуш. *klant*). Некоторые из отличившихся на поле брани джигитов сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную, власть. Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследными правителями. По данным Л. Б. Панек, рутульские беки XVI–XIX вв. из Южного Дагестана вели свой род (тухум) от бывших предводителей набегов. Стевен, наблюдавший в начале XIX в. одно из чеченских обществ, отмечал, что предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почтении. Нередко случалось, что община физически истребляла слишком возвысившихся военных предводителей. Другие общества то призывали, то изгоняли потомков своих военных предводителей — беков и чанков. По мнению дагестанского историка Р. М. Магомедова, обычай постоянной смены воинов в отрядах мешал появлению в обществах Нагорного Дагестана, Чечни и Ингушетии военного сословия, могущего захватить власть.

Все рассмотренные выше элементы традиционной культуры насилия — мужские союзы и культ воина-джигита — помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга. Несмотря на постоянные и жестокие насилия, они не позволяли горскому обществу низойти до состояния анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них, например аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII в., стали даже героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм рассматривался в нем как нечто антисоциальное, из ряда вон выходящее.

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, им восхищались юноши, для которых набеги были средством добыть славу и почет настоящего джигита. Одна из чеченских песен XIX в. о героях набега кончается пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны». С другой стороны, в горском фольклоре есть также немало выпадов против набегов и их участников. Такой характер, в частности, носят песни о разорении горных селений войсками иранского завоевателя XVIII в. Надиршаха, до сих пор широко распространенные в дагестанском фольклоре. С явным осуждением говорит о набегах плач о разорении отрядом Шамиля

с. Чох, записанный современным дагестанским историком П. И. Тахнаевой. Песня кончается пожеланием участникам набега, павшим под Чохом, вечно гореть в аду. Подобные песни записаны у рутульцев и других народов Дагестана.

Военные реформы XIX в. и зарождение абречества

▪ Мужские союзы сильно изменились в XIX в. Сельское ополчение, прежде опиравшееся на союзы неженатой молодежи, был полностью реорганизовано уже при Шамиле. На территории имамата мобилизации подлежали все боеспособные мужчины от 15 до 50 лет. Во главе отрядов ополченцев были поставлены заместители имама — наибы и младшие командиры из числа его мюридов. Они должны были заботиться о том, чтобы все ополченцы имели определенное количество амуниции и провизии и чтобы их оружие и одежда отвечали требованиям. Те, которые могли позволить себе достать лошадей, должны были сражаться на лошадях. С конца 30-х гг. XIX в. Шамиль начал создание регулярного войска горцев на основе рекрутской повинности. Каждые 10 дворов должны были выставить одного вооруженного всадника. Эти всадники, называемые муртазиками (арабск. «наемник»), освобождались от сельских работ и всецело посвящали себя военной службе. Конницей командовали наибы. Кроме того, в середине 40-х гг. Шамиль организовал регулярный отряд пехоты, низам, находившийся под его непосредственным командованием.

После разгрома имамата и установления российской власти на всем Северном Кавказе горские ополчения были окончательно распущены. Мужские союзы сохранились, но были лишены своих основных военных функций. Дагестанский этнограф А. Г. Булатова выявила следующие свидетельства их упадка. Во-первых, что во 2-й половине XIX в. мужские союзы уже не охватывали всех поголовно молодых людей селения. Их возрастные рамки расширились. Кроме неженатых, юношей с 15 лет сюда стали входить женатые мужчины до 40–50-летнего возраста. В расширении возрастных рамок союзов, возможно, сказались военные реформы Шамиля. Во-вторых, к советскому времени военные дружины горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы. Всю зиму они посвящали теперь только пирам и развлечениям. Военные предводители горцев оказались не у дел. Они встали перед выбором: либо поступить на русскую службу в горскую милицию, либо быть объявленными вне закона как преступники и злодеи.

Несмотря на военное поражение, какое-то время «немирные горцы» продолжали укрываться на землях уже покоренных Россией народов благодаря своим кунакам. Это вызывало недовольство российских властей. Чтобы контролировать перемещения гостей-кунаков по российскому Кавказу, еще в конце XVIII в. тут была введена «билетная» система. Въезд в Кавказскую линию, ограждавшую российские земли, а также выезд за ее

пределы производился по «билетам» — письменному разрешению, своего рода паспорту, выданному российскими военными властями. Еще в 1793 г. было воспрещено кабардинцам отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае, укрывать преступников под видом гостеприимства. В 1-й половине XIX в. билетный режим лишь укреплялся. В 1831 г. военное начальство попыталось ограничить ношение оружия горцами. В Кабарде было обнародовано обращение, чтобы никто из кабардинцев вооруженный, ни пеший не ходил, ни на лошадях не ездил, а особливо, где бывают русские... если кто в лесу найдется вооруженный и встретится с русским, тот признаваем будет за хищника и убит как злодей.

Горцам запрещалось принимать «безбилетных» кунаков. Поощрялось доносительство на тех, кто принимал «немирных горцев» или участников набегов. В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 г. указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (имеются в виду ингуши), который не явился к русскому начальству или не имеет билета, то подвергнется штрафованию по усмотрению вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию». Столь же строгая билетно-паспортная система по мере завоевания была распространена и на другие районы Северного Кавказа. Паспортный режим для горцев смягчился только к началу XX в.

Военные и судебно-административные преобразования на дореволюционном Северном Кавказе помогли властям «замирить» горцев и стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в регионе. Но в то же время они парадоксальным образом подготовили почву для появления абречества. Наряду с кровной мстью оно стало настоящим бичом Северного Кавказа. Абречество представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для посттрадиционного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удализма или местных джигитов.

По верному замечанию В. Х. Кажарова, российское правительство превратило прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища.

Таким образом, с одной стороны, деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, какими их и считали российские власти. Из этого слоя вышли многие знаменитые абреки первой половины прошлого века. Это были такие известные «наездники» (т. е. участники набегов-зекве), как кабардинский князь Тау-Султан Атажукин. Из князей и беков, лишенных российскими властями своего прежнего достоинства, вышли знаменитые абреки, некоторые из которых, вроде Даниял-бека султана Елисуйского, Хаджи-Мурата Аварского и Мухаммеда Анзорова из Кабарды, занимали видные посты в имамате Шамиля.

С другой стороны, возникла среда, благожелательно к ним настроенная, при негласной поддержке которой абреки могли долго продолжать свои набеги и грабежи. О поддержке абреков горцами говорят многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе XIX в., отмеченные архивными документами. Так, в 1853 г. в рапорте начальнику Центра Кавказской линии ген.-майор Грамотин указывал, что в Кабарду и другие подведомственные ему племена Центра Кавказской линии часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого и о прибытии которых не только сам он, но часто приставы и экзекуторы не были извещены. Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией.

Сложившись как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны, в течение двух последних веков абречество существует спорадически. В периоды усиления централизованного государства оно затухает; в случае его ослабления — вновь возрождается. В его развитии можно выделить несколько основных периодов. Это эпоха Кавказской войны и антироссийских восстаний, завершившаяся к 1870-м гг.; затем период между двумя русскими революциями начала XX в.; Гражданская война и ранний советский период 1920–40-х гг.; наконец, полная общественных потрясений постсоветская эпоха. От периода к периоду формы и значение культуры насилия на Кавказе порой существенно менялись. В этом разделе очерка будет рассказано о постепенном изменении характера кавказского абречества в основные периоды его существования.

На 1910-е гг. падает деятельность самых известных кавказских абреков. Характер абречества к этому времени сильно изменился. Область их действия сместилась к городам и крупным переселенческим аулам на равнине и в предгорьях. Укрывались же они по-прежнему в горах. Например, когда абрек Зелимхан Гушмазукаев ограбил 27 марта 1910 г. Кизлярское казначейство, то укрылся с деньгами в горной Чечне. Этим грабежом он отомстил бывшему атаману Кизлярского отдела Вербицкому за выступления против Зелимхана в газетах. В 1905–1913 гг. известный абрек Буба из лезгинского с. Икра в Южном Дагестане с отрядом из 20 человек на всем протяжении берега Каспийского моря от Баку до Петровска (современная Махачкала) обложили взносом соразмерно их операциям каждый рыбный промысел, крупных садовладельцев и богатых купцов г. Дербента. Благодаря поддержке местных жителей он мог за считанные дни довести свой отряд до 200 человек. Из городов он получал оружие и амуницию.

Основным методом борьбы российских властей с абречеством в это время, как и в эпоху Кавказской войны, были военные рейды и карательные экспедиции. Причем средство это было весьма дорогостоящим и не всегда эффективным. В 1908–1913 гг. власти Дагестанской и Терской областей вынуждены были держать в районах действия абреков, в частности в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах, значительные

отряды регулярных войск и местной милиции. Наиболее видные абреки были, в конце концов, истреблены физически: Ших-Заде и Зелимхан Гушмазукаев погибли в боях с горской милицией, Буба Икринский и Саламбек Гараводжев из Сагопши сдались властям и по приговору военно-полевого суда были повешены (1913 г.). К началу Первой мировой войны Северный Кавказ вновь был замирен, но не надолго.

Следующий взлет абречества начался в годы Гражданской войны. Нагорный Дагестан и Чечня, Кабарда и Ставрополье стали ареной действий отрядов горцев разной политической окраски. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, были дотла разорены ими. В промежуток между двумя русскими революциями это движение успело политизироваться и идеологизироваться. Кроме «красных», с которыми они заключили союз как с врагами царской России, абреки сблизились с мусульманскими лидерами горцев. Большинство абреков, называвших себя «красными партизанами», сражались в 1918–1920 гг. на стороне шейха Али-Хаджи из даргинского с. Акуша и большевиков, а часть из них поддержала врагов Советской власти — аварских шейхов Узун Хаджи из с. Салта и Нажмутдина из с. Гоцо (Гоцинского). В Кабарде в это время действовал отряд узденя Кургоко Шипшева, вместе со своими родственниками по материнской линии карачаевскими узденями Каракетовыми-Запишевыми боровшийся с сторонниками Советской власти в крае.

Для борьбы с контрреволюцией в 1922 г. Дагестан и некоторые районы Чечни были объявлены на военном положении. Было начато формирование отрядов сельской милиции и частей особого назначения (ЧОН). Чтобы подорвать её корни, власти провели в сентябре 1926 г. разоружение горцев. Силами сельских коммунистов, милиции и ЧОН только в одном Дагестане было изъято 60 тыс. единиц оружия военного образца. Причем бывшие красные партизаны получили право сохранить винтовки и револьверы. Такого зарегистрированного у них при разоружении оружия насчитывалось 15 тыс. единиц. У остального населения было оставлено только холодное оружие — шашки и кинжалы. Окончательное разоружение горцев было проведено в 1944–1946 гг. С 1990-х гг. абреками именуют себя участники боевых отрядов сепаратистов на территории Северного Кавказа.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

▪ Провозглашение Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации стало началом нового периода российской истории, который принято называть современным. На Северном Кавказе в этот период все политические процессы приобрели этническую окраску, что проявилось в политических целях и лозунгах, структурированности политических сил, способах мобилизации электората, политической символике и нормативно-правовых документах.

Распад СССР привел к изменению правового статуса автономий Северного Кавказа в составе Российской Федерации. Начало административным и политическим изменениям положила в июле 1990 г. Северная Осетия, провозгласившая себя Северо-Осетинской ССР и первой в России объявившая суверенитет своей республики. В октябре 1990 г. внеочередная сессия Адыгейского областного Совета народных депутатов провозгласила Адыгейскую АССР, а 28 июня 1991 г. была принята Декларация «О государственном суверенитете ССР Адыгея». Тогда же статус субъекта РФ получила Карачаево-Черкесская Республика. Преобразование автономных областей в республики и их выход из состава краев были подтверждены законами Верховного Совета РСФСР. В ноябре 1990 г. сессия Верховного Совета (ВС) ЧИАССР приняла декларацию о суверенитете республики. В мае 1991 г. ЧИАССР была переименована в Чечено-Ингушскую Республику, а осенью того же года распалась на две республики — Чечню и Ингушетию. Суверенная Чеченская республика (ЧР) была провозглашена 1 ноября 1991 г. В ее состав вошли 11 из 14 районов Чечено-Ингушетии. В 1992 г. 7-й Съезд народных депутатов России признал образование Чеченской и Ингушской республик. В январе 1991 г. Кабардино-Балкария была провозглашена республикой в качестве субъекта РФ.

Во всех республиках, кроме Дагестана, была принята президентская форма правления с избираемым главой исполнительной власти. Дагестан дольше всех в регионе сохранял советские органы власти. В июле 1994 г. ДАССР была переименована в Республику Дагестан (РД). Верховный Совет был заменен Народным Собранием, избираемым каждые 4 года на принципах пропорционального представительства 14 этнических групп. Высшим органом исполнительной власти стал Государственный Совет, в который входили 14 членов, по одному от каждой из коренных национальностей. Председатель Госсовета являлся высшим должностным лицом, главой республики.

В 1990-1992 гг. все республики приняли декларации о суверенитете, а к 1996 г. конституции, в которых закрепили свой статус суверенных государств. Конституции практически всех республик региона начинались с провозглашения республики суверенным государством, однако, очевидно, что содержание суверенности по-разному понималось федеральным центром и республиками. Если федеральное законодательство исходило из того, что мера государственной суверенности Российской Федерации не тождественна суверенности республик в ее составе, то нормы, заложенные в большинстве республиканских конституций, по существу основывались на тезисе о равноправии федерального центра и отдельного субъекта федерации.

В преамбуле Конституции Кабардино-Балкарской Республики было сказано, что «Верховный Совет КБР подтверждает государственный суверенитет Кабардино-Балкарской Республики как верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти Республики в пределах ее территории, независимость и равноправие во внешних сношениях, за исключением полномочий, добровольно делегируемых обновленной Российской Федерации, на основе равноправного Федеративного Договора».

Более жестко (об этом было заявлено в Конституциях других республик. Так, ст. 1 Конституции Республики Адыгея объявляла ее суверенным государством в составе России, но в ст. 54 п. 3 было предусмотрено, что РА оставляет за собой право на полную или частичную денонсацию Федеративного договора в случае его нарушения Российской Федерацией, что по существу являлось формой юридического оправдания возможного выхода Адыгеи из состава Российской Федерации на основании решения одной из сторон договора, что прямо противоречило Конституции Российской Федерации.

Ст. 1 Конституции Дагестана гласила: «Республика Дагестан есть суверенное, единое, демократическое государство в составе Российской Федерации, выражающее волю и интересы всего многонационального народа Дагестана», но в этой же статье утверждался приоритет республиканского законодательства над федеральным: «Республика Дагестан принимает свою Конституцию и республиканские законы, имеющие верховенство на всей ее территории», а в ст. 65 Конституции Республики Дагестан это положение конкретизировалось: «Действие федеральных законов и других правовых актов РФ, противоречащих суверенным правам и интересам Республики Дагестан, может быть приостановлено Республикой Дагестан на своей территории. Эти акты могут быть опротестованы в установленном законом порядке». Фактическое провозглашение права на одностороннее (со стороны республики) прекращение федеративных отношений было закреплено в ст. 70 Конституции Дагестана: «Республика Дагестан сохраняет за собой право на изменение своего государственно-правового статуса на основе волеизъявления дагестанского народа».

Правовая коллизия с федеральным законодательством в вопросе толкования содержания суверенности Российской Федерации в целом и ее субъектов, в частности нашла свое выражение и в конституционных документах Северной Осетии. О приоритетном праве Конституции Республи-

ки Северная Осетия над Конституцией Российской Федерации говорилось в ст. 62, п. 4 Конституции Республики: «В случае невыполнения Российской Федерацией обязательств, взятых на себя в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеративным Договором по отношению к Республике Северная Осетия–Алания, Республика Северная Осетия–Алания оставляет за собой право самостоятельно осуществлять соответствующие полномочия», при этом, очевидно, также подразумевалась возможность односторонней оценки действий Российской Федерации по выполнению своих обязательств перед республикой. В ст. 7 Конституции Республики Ингушетия, по сути дела, декларировался приоритет республиканского законодательства над общероссийским: «Законы и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории Республики Ингушетия, если они не противоречат суверенным правам Республики Ингушетия».

Откровенно сепаратистские нормы были заложены в дудаевской Конституции Чеченской республики. Ее 1 ст. прямо фиксировала создание независимого моноэтничного государства: «Чеченская Республика — суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате *самоопределения чеченского народа*. Она обладает верховным правом в отношении своей территории и национальных богатств, самостоятельно определяет свою внешнюю и внутреннюю политику, принимает Конституцию и Законы, обладающие верховенством на ее территории. Государственный суверенитет Чеченской Республики неделим».

Важнейшим положением конституций северокавказских республик было положение о том, что как суверенные государства они образованы в результате реализации права на самоопределение проживающих в них народов.

Например, в Конституциях Адыгеи и Кабардино-Балкарии специально оговаривался тот факт, что эти государства образованы в результате самоопределения адыгского народа (ст. 51 Конституции РА), кабардинской и балкарской наций (преамбула Конституции КБР). Далее в этих статьях конституций уточнялось, что вместе с коренными этносами самоопределяется также и весь народ республики («исторически сложившаяся общность людей, проживающих на ее территории»), но это не скрывало преобладания этнической доминанты в государственном строительстве республик.

В Конституции Дагестана было сказано: «Республика основана на единстве равноправных народов Дагестана» (ст. 2). В Конституции КЧР, предусматривалось, что глава республики обеспечивает в высших органах государственной власти республики представительство народов, образующих республику.

В конституциях отдельных республик закреплялись нормы представительства народов в высших органах власти (пропорционального или паритетного). Например, принцип паритета адыгского и русскоязычного населения в исполнительных и представительных органах власти республики был заложен в Конституции Адыгеи, в Конституции Дагестана — нормы паритетного представительства коренных народов Дагестана в высшем испол-

нительном органе власти республики — Госсовете, квотного (пропорционального) представительства в Народном Собрании — высшем законодательном и представительном органе, в парламенте Кабардино-Балкарии был создан комитет по межнациональным отношениям, обладающий правом вето на принятие любых законодательных актов, с тремя сопредседателями — кабардинцем, балкарцем и русским.

Идея этнического самоопределения в этот период стала доминирующей в общественном сознании региона. Наиболее активно ее пропагандировали сформировавшиеся в 1990–1992 г. национальные (этнические) движения, которые вне зависимости от этнической специфики достаточно быстро эволюционировали от общественных организаций (например, «Адыге Хасэ», «Тенглик», «Бирлик», «Казачий круг» и т. п.), провозглашающих своей целью национально-культурное возрождение до политических партий или общественно-политических движений, ставящих целью изменение государственного устройства (например, партии «Адыгский национальный конгресс», «Лига Балкарии», «Вайнахская демократическая партия», Аварский фронт им. Имама Шамиля и др.).

Выдвигались проекты создания независимого государства (Чеченская Республика), раздела или федерализации республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) по этническому принципу, паритетного представительства основных национальностей в парламенте (Адыгея). Например, в Дагестане наибольшую активность проявили кумыкское движение «Тенглик» (нацеленное на создание собственной государственности), «Бирлик» (ногайская организация, стремившаяся добиться для ногайцев автономии), лезгинское движение «Садвал», которое грозило в случае затягивания Россией решения их проблем попытаться создать собственную государственность. О выходе из республики заявляло терское казачество, подчеркивающее свой статус отдельного (от русского) народа.

В Кабардино-Балкарии в середине 1990 г. с подачи кабардинского и балкарского национальных движений встал вопрос о федерализации республики, об образовании Федеративной республики Кабарда и Балкария с определением Балкарии как ее полноправного субъекта. В дальнейшем кабардинское и балкарское общественные движения сделали следующий шаг: договорились о разделении единой Кабардино-Балкарской республики, но вошли в острый конфликт по вопросу территориального размежевания. Следует особо отметить, что Верховный Совет КБР поддержал решения Съездов балкарского и кабардинского народов о восстановлении самостоятельных республик Балкарии и Кабарды.

В 1992–1996 гг. казачьими организациями были провозглашены несколько казачьих республик (Баталпашинская, Зеленчукско-Урупская и даже Донская республика на территории Ростовской области).

В октябре 1991 г. в Майкопе состоялся съезд адыгского народа, который высказался за паритетное формирование парламента по принципу «50 на 50» из представителей адыгского и русского населения. В результате выборов в парламенте республики этот принцип был, по существу, реализован.

Наибольшей остроты противоречия, порожденные стремлением к этническому самоопределению, достигли в Карачаево-Черкесии. В их основании лежало требование признания за пятью этническими группами (народами) статуса «субъектообразующих». Если карачаевское, черкесское и казачье движения, апеллируя к тому, что их народы имели ранее собственные формы государственности, стремились к их восстановлению, то абазинское и ногайское движения ратовали за создание национальных районов. На проблеме национально-государственного устройства республики (сохранение единства, федерализация, раздел по национальному принципу) фокусировалась борьба основных политических сил республики.

Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), располагающий параллельными властными структурами: военизированными формированиями, законодательными и исполнительными органами, институтом судебной власти, оказался способным в августе 1991 г. сместить Д. Р. Завгаева с поста председателя Верховного Совета ЧИАССР, взять власть и выполнять властные функции.

В 1990–1992 гг. стали создаваться региональные общественные движения (Конфедерация народов Кавказа, Ассамблея тюркоязычных народов Северного Кавказа, Союз казачеств Юга России), нацеленные на радикальное изменение государственного устройства на Северном Кавказе.

Наряду с политическими задачами (изменения территориально-административного деления, форм правления), остро ставились вопросы о субъектах и формах собственности. Насаждалась мысль о приоритете тех или иных этнических групп (по различным основаниям — коренной, репрессированный, депортированный) в правах на собственность — землю и средства производства. Вопрос о субъектах собственности выливался во взаимные территориальные претензии, требования материальной компенсации и т. п.

Попытки пересмотреть административные границы советского времени вызвали серьезные межэтнические конфликты терских казаков с горцами-мусульманами в Надтеречном районе Чечни и Кизлярском районе Дагестана (1991–1992), лакцев с чеченцами в Новолакском районе Дагестана (1991–1994), осетин с ингушами в Пригородном районе Северной Осетии (октябрь 1992 г.), лезгин с азербайджанцами в Дербенте и долине Самура (1992–1994), кабардинцев и балкарцев (1992–1996), карачаевцев и черкесов (1992–1996).

Первым открытым вооруженным конфликтом на территории Российской Федерации стал осетино-ингушский конфликт, корни которого уходят в прошлое. В 1944–1946 гг. на территорию части бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии (Пригородный район), «добровольно-принудительно» переселялись жители самой Северной Осетии и осетины из Грузии и Южной Осетии. А с начала возвращения депортированных в 1956 г., в Пригородном районе Северной Осетии постепенно нарастало ингушское население, несмотря на определенные ограничения в прописке и продаже земельных участков и домовладений ингушам. Этот процесс особенно интенсифицировался в 1980-х гг. Доля ингушей в составе Север-

ной Осетии увеличилась с 4 до 5,2%, в основном в Пригородном районе, населенные пункты которого стали селами совместного проживания осетин и ингушей. При этом в административных структурах не было пропорционального представительства двух этнических групп, что впоследствии стало одним из важных стимулов развития осетино-ингушского конфликта.

Определенный импульс нарастающему конфликту придали Второй съезд ингушского народа (9–10 сентября 1989 г.), принятие Закона о репрессированных народах, распад Чечено-Ингушской республики. Второй съезд ингушского народа принял решения о восстановлении государственности и переделе границ между Северной Осетией и Ингушетией, о включении в состав Ингушетии Пригородного района и правобережной части г. Владикавказа в качестве ее столицы. Провозглашение Ингушской республики 4 июня 1992 г. Верховным Советом РФ усилило стремление части лидеров ингушского сообщества начать борьбу за Пригородный район.

В октябре 1992 г. произошли очередные конфликты между ингушами и осетинами в с. Октябрьском и пос. Южный. 24 октября митинг ингушского населения провозгласил выход Пригородного района из Северной Осетии, а объединенная сессия Назрановского, Малгобекского и Сунженского районов с участием депутатов-ингушей из Владикавказа приняла на себя функции высшего органа власти Ингушетии, осудила действия властей Северной Осетии и бездействие руководства РФ, приняла решение о создании отрядов самообороны. Попытки правительства Северной Осетии и актива Ингушетии договориться о мерах предотвращения эскалации конфликта не сработали, и в ночь с 30 на 31 октября 1992 г. произошли крупные вооруженные столкновения. 2 ноября 1992 г. Указом Президента в зоне конфликта было введено чрезвычайное положение, позволившее развести стороны и вывести конфликт из фазы открытого противостояния. Важнейшим следствием конфликта стал массовый исход ингушского населения из Северной Осетии в Ингушетию. В то время ингуши являлись третьей по численности этнической группой в республике, насчитывавшей на момент начала вооруженного конфликта 35,3 тыс. человек (5,2 % всего населения республики). В дни конфликта Северную Осетию покинули около 30 тыс. ингушей — практически все ингушское население Пригородного района и г. Владикавказа.

Конфликт до сих пор нельзя считать разрешенным, поскольку значительная часть вынужденных переселенцев — ингушей не может вернуться к местам постоянного проживания. Мероприятия, направленные на возвращение беженцев к местам постоянного проживания, осуществляются в рамках «Программы совместных действий органов государственной власти РФ, РСО–А, РИ по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта» и основными направлениями является восстановление жилья в Пригородном районе, материальное обеспечение, трудоустройство, восстановление или создание социальной инфраструктуры и строительства современного жилья. Но ни один документ, регламентирующий возвращение вынужденных переселенцев в места постоянного проживания, не выполнен в полном объеме.

Попытки урегулирования ситуации на уровне руководства двух республик, как правило, не позволяют поставить спорные вопросы под контроль на длительную перспективу, оказываются под угрозой срыва в результате очередного террористического акта (особенно после Беслана) или захвата заложников, в связи с чем статистические данные миграционных служб двух республик разнятся и не дают объективной картины. События последнего времени показывают, что эти две республики самостоятельно не могут найти выход из кризисной ситуации вокруг Пригородного района. Предлагаемые сторонами варианты урегулирования ситуации нередко носят однополярный характер и не способны привести к окончательному решению спорных вопросов. Во главу угла «ингушского подхода» поставлен вопрос о возвращении в места прежнего постоянного проживания всех вынужденных переселенцев из Северной Осетии–Алании. «Осетинская концепция» сводится к утверждению, что неверна сама постановка вопроса о том, чтобы все ингуши, проживавшие на территории Северной Осетии до конфликта, вернулись к местам прежнего проживания, и следует решать вопрос обустройства там, где они проживают в настоящее время. Противоречивость предложений ингушской и осетинской сторон позволяют сделать вывод, что процесс носит крайне нестабильный характер, чему также способствуют опасения людей за собственную безопасность и безопасность своих близких.

Но самый острый конфликт, переросший в военные действия, произошел в ходе столкновения Центра, отстаивавшего единство РФ, с сепаратистской республиканской властью Чечни. После распада СССР в 1992–1993 гг. в республике царили анархия и хозяйственная разруха, усугубляемые вооруженными столкновениями между полевыми командирами и насилием в отношении гражданского населения. Республику были вынуждены покинуть около 20 тыс. человек русских и представителей других национальностей. 9 января 1994 г. указом первого чеченского президента ген. Дж. Дудаева Чечня была переименована в Чеченскую Республику Ичкерия (ЧРИ).

В декабре 1994 г. федеральный центр направил войска для восстановления своей власти над республикой, начав т. н. «первую чеченскую войну» (1994–96 гг.), которая привела к большим потерям мирного населения (как чеченцев, так и русских). Федеральные войска добились установления контроля над Грозным в феврале 1995 г. после тяжелых боев. 21 апреля 1996 г. во время военных действий 1994–1996 гг. Чечня была провозглашена «исламским государством», опирающимся на положения Корана и шариата. Но на деле большинство положений республиканской конституции так и не были реализованы.

Несмотря на то, что генерал Дудаев был убит в апреле 1996 г. вследствие ракетной атаки, чеченские полевые командиры продолжили сопротивление. Рост потерь и распространение волны насилия на соседние республики (в особенности, на Ингушетию и Дагестан) сделали эту войну крайне непопулярной в России. В августе 1996 г. секретарь Совета Безопасности РФ Александр Лебедь заключил соглашение о прекращении огня с чеченскими лидерами в

Хасавюрте (Дагестан), а в мае 1997 г. президент РФ Б. Ельцин в Москве официально подписал мирные соглашения. Лидер сепаратистов Аслан Масхадов был избран президентом республики, и Россия признала его правительство легитимным, однако вопрос о независимости Чечни не был решен. В рамках соглашения о мире, заключенного с Москвой, окончательное определение политического статуса Чечни было отложено на пять лет.

В мирное время Масхадов оказался не способен контролировать более радикальных чеченских полевых командиров. В результате республика погрузилась в хаос и беззаконие, став одним из мировых центров захвата заложников и организованной преступности. Кроме того, в это время были зарегистрированы многочисленные случаи насилия и проявления беззакония в регионах, соседствующих с административной границей Чечни. Возросшие внутренние противоречия и увеличение влияния радикального ислама привело к дальнейшей дестабилизации ситуации в Чечне и окружающих ее территориях. Кроме того, чеченские боевики организовали серию террористических актов, повлекших за собой взрывы жилых домов в российских городах и гибель около 300 человек. Президент Чечни А. Масхадов, чья поддержка в республике стала ослабевать, столкнулся с усилившейся оппозицией в лице Ш. Басаева, С. Радуева, бывшего чеченского министра иностранных дел М. Удугова и др. Кроме того, разрушенная войной республика переживала острейший экономический кризис.

Т. н. «вторая чеченская война», получившая название «антитеррористической операции», началась в августе 1999 г., когда чеченские отряды во главе с Басаевым и Хаттабом атаковали соседний Дагестан в безуспешной попытке начать там вооруженное восстание и создать «исламский халифат». Более эффективная военная кампания имела гораздо более высокую поддержку населения и успешные результаты. В марте 2002 г. был убит один из лидеров религиозных экстремистов Эмир Хаттаб, в марте 2004 г. — Аслан Масхадов, а в июне 2006 г. — Шамиль Басаев.

С 2000 г. началось политическое развитие республики в российском правовом поле. Состоявшийся 23 марта 2003 г. референдум и принятые в ходе него Конституция республики, а также законы о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики, опровергли звучавшие ранее мысли о сепаратистских настроениях большинства населения республики. Наиболее значимым результатом принятия конституции стало определение политического статуса Чечни. Так, уже в первой статье первой главы зафиксировано, что: «1. Чеченская Республика (Нохчийн Республика) — демократическое социальное государство с республиканской формой правления. Суверенитет Чеченской Республики выражается в обладании всей полнотой власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и Чеченской Республики и является неотъемлемым качественным состоянием Чеченской Республики. 2. Территория Чеченской Республики является единой и неделимой и со-

ставляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации». Именно эти пункты являются принципиальными для выбора путей дальнейшего становления государственности Чеченской Республики»¹.

В октябре 2003 г. бывший муфтий Чечни Ахмат Кадыров в результате всенародного избрания стал первым Президентом Чеченской Республики. В этом же году произошло избрание депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от ЧР. В следующем году население ЧР принимало участие в выборах Президента Российской Федерации. В мае 2004 г. А. Кадыров был убит в результате подрыва бомбы на стадионе Грозного, а в августе 2004 г. новым президентом стал Алу Алханов. В ноябре 2005 г. состоялись выборы Парламента Чеченской Республики.

Однако, несмотря на достаточно успешное формирование республиканских политических институтов, находящихся в российском правовом поле, постоянные атаки боевиков вынуждают федеральные власти сохранять в республике значительное военное присутствие.

▪ Северный Кавказ находился под воздействием мощных геополитических факторов, с одной стороны, с другой — он сам превратился в фактор политической нестабильности государства. Основными индикаторами этого процесса стали политические, правовые, организационные конфликты федерального центра с северокавказскими субъектами РФ, вовлечение новых участников в чеченский конфликт и борьба за региональное влияние между политическими группировками, созданными по этническому принципу.

В 2000 г. вновь избранный Президент России В. Путин одним из первых указов начал административно-государственную реформу, основной задачей которой являлось усиление вертикали власти. Решение этой задачи было призвано обеспечить введение системы федеральных округов и института полномочных представителей Президента Российской Федерации. Южный федеральный округ, в состав которого вошли 13 субъектов Российской Федерации, был создан в соответствии с указами Президента РФ № 849 от 13 мая 2000г. и № 1149 от 21 мая 2000 г., с административным центром в Ростове-на-Дону.

На Северном Кавказе стратегия укрепления вертикали власти начала реализовываться полномочным представителем по следующим направлениям:

1) Создание политических, управленческих и социально-экономических интеграционных механизмов, к которым относятся:

а) Южно-Российская Парламентская Ассоциация (ЮРПА), образованная 25 апреля 2001 г. Основными задачами Парламентской Ассоциации являются: содействие развитию правового государства, демократии и парламентаризма; согласование деятельности по укреплению парламентаризма и конституционных форм правления; выработка согласованного подхода к проведению политических, экономических и социальных реформ; усиление контактов и диалога между парламентами.

¹ Конституция Чеченской Республики. Грозный, 2003.

б) блок южнороссийских окружных силовых структур, в ряду которых одним из первых в феврале 2001 г. было создано Управление Генеральной прокуратуры в Южном федеральном округе. Перед Управлением ставились три основные задачи:

обеспечение на территории округа положений Конституции Российской Федерации и других федеральных законов в сфере государственного строительства и федерализма;

осуществление надзора за соблюдением законов созданными в округе федеральными структурами, осуществляющими предварительное следствие, дознание и оперативно-розыскную деятельность;

расследование уголовных дел о наиболее опасных и общественно значимых преступлениях.

В сложных криминогенных и общественно-политических условиях круг задач, решаемых Управлением, расширился. В его функции вошел надзор за проведением антитеррористической операции в Чеченской Республике, участие в разрешении осетино-ингушских противоречий, пресечение антиконституционных действий отдельных региональных лидеров, борьба с такими особо опасными преступлениями как теракты, похищения людей, политические убийства.

Были созданы и другие силовые и правоохранительные подразделения — окружное управление МВД, Совет начальников управлений органов безопасности РФ в ЮФО, окружное управление налоговой полиции, окружное управление юстиции, перед которыми также поставлены специфические задачи.

в) Федеральная целевая программа социально-экономического развития «Юг России» до 2006 г., которая была рассмотрена и утверждена 5 июля 2001 г. на заседании Правительства Российской Федерации. Концептуально проект программы охватывал комплекс политических, организационных, правовых, экономических, социальных, научно-технических и культурных задач. Программа включала проекты межгосударственного, общедоказательного, межсубъектного, субъектного значения. Все эти уровни были заложены в шести разделах программы и предусматривали приоритетное развитие топливно-энергетического, промышленного, транспортного, агропромышленного, курортно-туристского и социального комплексов. С 2004 г. составной частью Федеральной целевой программы «Юг России» стала Программа социально-экономического развития Чеченской Республики.

2) Контрольные функции в отношении законодательных и исполнительных органов власти субъектов федерации. Прежде всего, это контроль за процессом приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным. К 2000 г. сложился достаточно объемный блок нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству, к которым относятся следующие:

- провозглашение верховенства законов республик, установление всей полноты государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) на территории субъекта Федерации;

- приостановление действия указов Президента Российской Федерации, федеральных законов и других правовых актов РФ, противоречащих суверенным правам и интересам субъектов Федерации;
- введение статей о федеративном и территориальном устройстве, которые находятся в исключительном ведении РФ;
- проведение референдумов по вопросам, находящимся в ведении Российской Федерации;
- введение чрезвычайного положения на территории субъекта Федерации;
- ратификация законов и актов, относящихся к совместной компетенции субъекта Федерации и федерального центра;
- право помилования лиц, осужденных судами субъектов Федерации;
- закрепление в конституциях республик Северо-Кавказского региона норм, обеспечивающих внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность республик;
- создание собственных систем налогообложения;
- присвоение гражданства республики соотечественникам, проживающим за ее пределами, ограничение прав для иностранных граждан и лиц без гражданства (присвоение предметов исключительного ведения Российской Федерации).

К 2005 г. основной массив региональных нормативных актов, регулирующих вопросы государственного устройства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, был приведен в соответствие с федеральным законодательством. В то же время было установлено, что наиболее типичные нарушения регионального законодательства связаны с нарушением конституционного принципа разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и органами государственной власти субъектов федерации.

Поэтому в соответствии с Указом Президента РФ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления» № 741 от 21 июня 2001 г. в Южном федеральном округе была образована специальная комиссия по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Аналогичные структуры были созданы и в субъектах федерации, которые представляли для обобщения в окружную комиссию материалы, подготовленные республиканскими органами государственной власти и местного самоуправления.

Контроль над осуществлением судебной реформы и совершенствованием деятельности всей правоохранительной системы в субъектах федерации. При этом особое внимание уделялось созданию института мировых

судей, призванного разгрузить от рассмотрения малозначительных дел суды общей юрисдикции, контроль за эффективностью работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов Южного федерального округа, деятельностью территориальных подразделений таких федеральных ведомств как МВД, Государственный таможенный комитет, налоговая полиция.

Поскольку политическая жизнь Южного федерального округа все в большей мере стала определяться событиями, связанными с выборными кампаниями, перед полпредом Президента РФ была поставлена задача не допустить нарушения федерального законодательства, а также совместно с правоохранительными органами воспрепятствовать прохождению во власть криминальных сил. Прошедшие выборные кампании показали наличие множества проблем, начиная с формирования избирательных комиссий, выдвижения кандидатов, финансирования подготовки и проведения выборов, информационного обеспечения кампании, заканчивая организацией голосования, подсчета голосов и ответственности за нарушение избирательных прав граждан.

С 2005 г. в регионе действует новый порядок избрания парламентов и глав субъектов Российской Федерации. Следует сказать, что порядок, при котором республиканскому парламенту Президент России предлагает утвердить выдвигаемую им кандидатуру, в достаточной степени адекватен задачам сохранения стабильности в регионе, поскольку в этом случае именно он берет на себя ответственность за проводимую в республике политику и контролирует ее реализацию.

Сложнее обстоит дело с избранием парламентов по партийным спискам. Особенности менталитета северокавказских народов, для которых этническое представительство в органах власти является важнейшим критерием ее справедливости, не могут быть упразднены вместе с прежними законами. Поэтому возникает опасность этнизации партий, обострения этнополитической ситуации в результате использования грязных политтехнологий, розыгрыша «национальной карты» в избирательных кампаниях.

Несмотря на укрепление федеральной власти, произошедшее в 2000–2006 гг., в регионе продолжают действовать различные конфликтогенные факторы. Конфликтогенным потенциалом обладает реформа местного самоуправления, которая в соответствии с федеральным законом началась в 2003 г. В ее результате, например, в Ростовской области в 2006 г. зарегистрированы около 600 муниципальных образований вместо 55-ти, функционировавших ранее. В осуществлении реформы следует выделить «этнический аспект».

Во-первых, в местах компактного проживания казаков (в ходе переписи населения 2002 г. в Ростовской области указали в графе «национальность» — казак свыше 87 тыс. человек) можно будет ввести атаманскую форму правления.

Во-вторых, в местах компактного проживания мигрантов появятся небольшие армянские, чеченские, турецкие, даргинские и др. муниципаль-

ные образования, произойдет заметное пополнение местной административной элиты представителями различных этнических групп. Соседство муниципальных образований первого и второго типа является потенциально конфликтным.

В-третьих, с муниципальной непосредственно связана земельная реформа, реализация которой в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях затруднена психологической неготовностью старожильческого населения к приватизации земли мигрантами. Особенно резко против этого выступают казаки.

В-четвертых, муниципальная реформа в республиках Северного Кавказа уже привела к политической дестабилизации в КЧР и КБР. Присоединение районов компактного проживания представителей абазинской и бакарской этнических групп к крупным городам и районам воспринимается как угроза, дает в руки радикальным силам новые аргументы и пополняет их ряды.

▪ Достаточно сложной остается религиозная ситуация на Северном Кавказе. После распада существовавших в СССР духовных управлений мусульман, в том числе ДУМ Северного Кавказа и Закавказья возникли самостоятельные ДУМ, часто образованные по этническому принципу, представители духовенства устремились во власть, стали создавать религиозно-политические организации, проповедующие националистические и экстремистские лозунги.

Серьезную озабоченность вызывает тот факт, что исламское движение в регионе представлено разнородными силами, которые отстаивают свои собственные интересы. При этом они имеют только внешнюю исламскую религиозно-политическую окраску, а фактически сфера их интересов лежит в плоскости конкуренции региональных элит.

У определенной части национальной элиты региона все еще остаются популярными идеи особого исламского пути развития, все еще продолжают попытки обратить общественное внимание на опыт исламского государственного строительства. Отдельные проповедники требуют создания новых институтов власти, иной социальной организации и иного вероисповедания.

Для представителей федеральной власти — это принципиальный вопрос. Пропаганда таких моделей несовместима как с действующими государственно-политическими институтами, так и с институтами традиционного ислама. Серьезной проблемой региона стали столкновения между мусульманами традиционного толка и т. н. ваххабитами, представляющими реформистское направление в современном исламе, распространившееся на Северном Кавказе в 90-е гг. XX в. Особенной остроты этот внутриконфессиональный конфликт достиг в Дагестане. В 1995–1999 гг. это противостояние не раз выливалось в вооруженные столкновения на территории Буйнакского, Цумадинского, Хасавюртовского и Махачкалинского районов. События в Нальчике в октябре 2005 г. еще раз показали опасность религиозного экстремизма.

Особое влияние на политическую жизнь Северного Кавказа оказывают этнические общественно-политические объединения («национальные движения»), казачество и религиозные организации, поскольку именно они обладают серьезным материальным, организационным, интеллектуальным ресурсами. Спецификой региона является противостояние этнических, казачьих и религиозных общественных объединений, которое серьезно влияет на уровень социально-политической напряженности.

Именно эти организации, вступая в конфликт между собой за раздел сфер влияния, используя СМИ и массовые мероприятия, способствуют политизации и радикализации населения и формированию у него конфронтационной (силовой) психологии. К наиболее значимым дестабилизирующим последствиям деятельности общественных объединений относятся следующие:

- противостояние общественных движений адыго-абхазской и тюркоязычной групп народов (лидерами являются Международная черкесская ассоциация и межрегиональная общественная организация «Алан», объединяющая карачаевцев, балкарцев и осетин, а также созданный 2 июля 2005 г. «Конгресс карачаевского народа»);
- конфликт осетинских и ингушских общественных движений;
- создание ваххабитских общин;
- радикализм отдельных («коренных») национальных движений и казачества по отношению к общественным объединениям мигрантов из республик Северного Кавказа и Средней Азии;
- внутренний раскол казачьего движения.

Есть и еще один тип общественных объединений, отличающихся тем, что они не зарегистрированы в соответствии с законом. Это могут быть как этнические (националистические), так и религиозные (сектантские) сообщества. Но отсутствие юридического статуса, например, у националистической организации скинхедов или общины ваххабитов не означает, что их деятельность парализована (достаточно напомнить о повторяющихся не первый год погромах армянских кладбищ в Краснодарском крае).

Таким образом, следует признать, что полиэтничность Северного Кавказа — это важнейший фактор политических процессов, с которым необходимо считаться. Но не только считаться, а с помощью этнологической экспертизы просчитывать перспективы и варианты дальнейшего развития, на федеральном и местном уровне принимать продуманные законы и решения, которые будут способствовать деэтнизации политики и деполитизации этничности и религии как главного фактора предупреждения этнополитических конфликтов и стабилизации общественной жизни.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

▪ Субъекты Российской Федерации Южного федерального округа (или как их еще сокращенно называют «Юг России») — это 8 республик, 2 края и три области: Республика Адыгея, Республика Северная Осетия–Алания, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика; Краснодарский и Ставропольский края; Астраханская, Волгоградская и Ростовская области.

В регионе, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., проживало 15,8% населения Российской Федерации. Плотность населения — 35 человек на кв. км. Охватывая сравнительно небольшую территорию — 589 тыс. кв. км (3,5% территории России), Юг России занимает ключевое географическое положение на карте Европы, а потому по ряду причин, но, прежде всего с точки зрения экономико-географической, является для Российской Федерации стратегически важным регионом.

Как приграничный регион Юг России обеспечивает выход страны к государствам Закавказья, Черноморского и Прикаспийского бассейнов, что имеет важнейшее значение для установления стабильных межгосударственных отношений с сопредельными государствами (Украиной — на западе, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном — на юге) и для закрепления экономических и стратегических позиций Российской Федерации на Черном и Каспийском морях.

Юг России расположен на пересечении важных морских, сухопутных и воздушных коммуникаций, связывающих европейские государства по кратчайшему маршруту со странами Ближнего и Среднего Востока, Индией, Китаем. Обладая собственной развитой транспортной инфраструктурой и многоотраслевым комплексом, Юг России имеет огромный потенциал с точки зрения укрепления экономики страны, повышения ее роли в международном экономическом сотрудничестве и разделении труда посредством организации транзита через свою территорию международных транспортных потоков (включая транспортировку нефти и газа прикаспийских государств), а также активизации других традиционных форм внешнеэкономической деятельности.

Здесь расположены все южные морские и речные порты европейской части России, через которые осуществляется 70% внешнеторгового грузооборота страны.

В этом регионе сосредоточены крупные запасы углеводородного сырья, разработка которых может вестись в рамках международного сотрудничества. По прогнозам специалистов, общие ресурсы Каспия составляют около 8 млрд. тонн условного топлива, из которых примерно четвертая часть (2 млрд. тонн) приходится на долю России.

В регионе находятся наиболее плодородные южные черноземы, пятая часть всех сельскохозяйственных угодий страны. Агропромышленный комплекс Юга России обеспечивает 1/5 часть валового сельскохозяйственного производства России. Однако потенциальные возможности региона как производителя сельскохозяйственной продукции позволяют обеспечить продовольствием население всей европейской части России. Только на территории Юга России ведется промысел рыб осетровых пород.

Юг России, с учетом благоприятных природно-климатических условий, протяженных морских побережий и великолепных горных ландшафтов, имеет огромный потенциал рекреационного комплекса. Здесь реализуются, успешно конкурируя с другими российскими регионами, а по отдельным позициям — и с мировыми центрами, многие виды туристско-рекреационных услуг, например оздоровительный, спортивный, пляжный, другие виды туризма, имеются широкие возможности для развития горных видов спорта (не случайно г. Сочи претендует на проведение XXI зимних Олимпийских игр). На Юге России сформировались и успешно функционируют крупнейшие в стране территориально-рекреационные курортные зоны.

Вместе с тем Юг России является регионом, сосредоточившим в себе много противоречий и проблем экономического, социального, экологического, межэтнического, государственно-правового характера, которые уже длительное время в большей или меньшей степени негативно влияют на политическую, экономическую и социальную стабильность не только на самом Северном Кавказе, и не только в сопредельных с Югом регионах, но в целом в Российской Федерации.

Экономический вклад региона не превышает 6,5%, несмотря на то, что здесь проживает 1/7 часть населения страны. Хотя инвестиционный потенциал субъектов Юга России велик, по объему инвестиций в основной капитал регион остается на 6 месте среди федеральных округов. При этом как минимум в половине субъектов (преимущественно в республиках) отмечается неблагоприятный инвестиционный климат.

Ряд субъектов Юга России стоит перед необходимостью решения сложнейших экологических проблем как природного (Республика Калмыкия, Республика Дагестан), так и техногенного (Астраханская область, Республика Адыгея, Чеченская Республика) характера, которые оказывают негативное влияние не только на экономику, но и на жизнедеятельность населения.

Один из богатейших регионов России дотируется из федерального бюджета. Здесь отмечается самый высокий уровень безработицы по Российской Федерации. Такой показатель уровня жизни населения как среднемесячные доходы в расчете на душу населения в среднем по региону составляет 2/3, а по некоторым республикам (Республика Ингушетия, Республика Калмыкия) — 1/3 от общероссийского показателя.

Отдельные субъекты региона при сравнительно небольших возможностях собственных бюджетов продолжают испытывать существенную нагрузку на социальную сферу в связи с нахождением на их территориях беженцев, вынужденных переселенцев и внутриперемещенных лиц.

К сложным социальным проблемам региона в 2000–2005 гг. относились: ситуация в угольных районах Восточного Донбасса, акции протеста, организованные участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, военнослужащими, пострадавшими при выполнении воинского долга, и членами семей погибших.

В некоторых субъектах Южного федерального округа продолжается ликвидация последствий вооруженных конфликтов, не только нанесших огромный ущерб экономике и социальной сфере этих субъектов, но при этом перевернувших, а зачастую исковеркавших судьбы сотен тысяч российских граждан. До настоящего времени не ликвидированы последствия осетино-ингушского конфликта, до сих пор не решены серьезные экономические и социальные проблемы, связанные с преодолением последствий вооруженного конфликта в Чеченской Республике. В силу этих причин, безусловно, необходимо делать серьезные поправки, проводя параллели и сопоставления экономик субъектов, прошедших через эти разрушительные конфликты, с экономиками других субъектов Юга России и других регионов.

Нельзя не учитывать и то, что на территории Южного федерального округа не прекращаются серьезные террористические акции бандитских формирований сепаратистов и религиозных экстремистов, разрушающие хрупкое равновесие, перечеркивающие усилия федерального центра, местных властей по выводу экономик субъектов из кризисного состояния, перевода их в состояние мирного экономического развития (события в Дагестане в 1999 г., в Северной Осетии в 2004 г., в Ингушетии и Кабардино-Балкарии в 2005 г.).

За рамками данного пособия мы оставляем такой важный фактор влияния на социально-политическую ситуацию, а через нее — и на экономику каждого из субъектов Юга России, как положение отдельных этнических общностей и межэтнические отношения. Этот важный для Северного Кавказа вопрос представляет собой самостоятельный блок проблем государственно-правового и политического свойства, требующих глубокого анализа и современных оценок (достаточно упомянуть проблемы полиэтничности в республиках Северного Кавказа, проблемы реабилитации репрессированных и насильственно переселенных народов, проблему исхода русских из некоторых северо-кавказских республик).

Перечисленные выше особенности Юга России, оттеняющие как его геостратегическую значимость, экономическую привлекательность, выигрышные стороны, так и острые проблемы, подтверждают, что Юг России по многим причинам является регионом, влияющим на экономическое и социальное благополучие России и в этой связи требующим не просто постоянного внимания, но и целенаправленных, долгосрочных действий, укладываемых в стратегию федерального центра в этом регионе. Целью этой стратегии должно быть всестороннее укрепление России на Юге через скорейшую ликвидацию последствий кризисных ситуаций, содействие развитию экономик, социальной сферы в субъектах региона, совершенствованию государственных институтов, гармонизации межэтнических отношений.

Обобщающим показателем экономической деятельности региона, представляющим собой вновь созданную стоимость товаров и услуг, произведенных на его территории, является *валовой региональный продукт* (ВРП). В 2003 г. объем ВРП Южного округа составлял 7,8% от общероссийского. По этому показателю Юг России занимал 6 место среди федеральных округов. Что касается динамики роста ВРП, то она у Южного округа была худшей по России — 104,5% (средняя по России — 107,6%). При этом Республика Калмыкия имела худший среди субъектов России показатель ВРП — 75%.

Анализ отраслевой структуры ВРП показывает, что соотношение отраслей, производящих товары и производящих услуги, практически совпадает со средне-российским и составляет 43,9% : 49,9%. Производимый отдельными субъектами региона ВРП в расчете на душу населения по отдельным субъектам от 1,5 до 8 раз ниже, чем в среднем по России. Это объясняется высокой долей сельскохозяйственного производства в структуре ВРП. Если в среднем по России добавочные стоимости, созданные в промышленности и сельском хозяйстве, соотносятся как 5:1, то в среднем по Южному округу это соотношение выглядит как 1,3:1.

Соотношение промышленности и сельского хозяйства в структуре ВРП по указанным отраслям на уровне средне-российского имеет только Астраханская область; ближайший показатель 2:1 — у Волгоградской области, 1,75:1 — у Ростовской области. В ряде субъектов (Краснодарский край, Ингушетия, Адыгея, Карачаево-Черкесия) это соотношение поддерживается на уровне, близком 1:1. А для Дагестана и Кабардино-Балкарии соотношение промышленности и сельского хозяйства в структуре ВРП составляет 1: 2,2. Эти цифры говорят о неоднородности хозяйственного развития региона. Здесь отчетливо выделяются аграрный юг и промышленный север, что обусловлено как природными, так и социально-этническими факторами.

Еще одной особенностью Южного федерального округа является резкая поляризация входящих в него субъектов по уровню экономического развития. Очевидно, что именно сильные субъекты определяют величину показателей в целом по федеральному округу. При этом на долю лишь двух субъектов — Краснодарского края и Ростовской области — приходится 52,3% производи-

мого в округе валового регионального продукта. В то же время вклад в ВРП всех республик, вместе взятых, составляет лишь 15,5%. А доля таких субъектов как Республика Ингушетия, Республика Калмыкия в окружном ВРП составляет соответственно 0,5% и 1%.

Промышленная специализация Южного региона определяется развитием электроэнергетики (Волжская ГЭС, Новочеркасская, Невинномысская и Ставропольская ГРЭС и др.), нефтегазовой промышленности (Астраханское газоконденсатное месторождение, нефтяные месторождения в Чечне, Ингушетии, Волгоградской области), нефтеперерабатывающей промышленности (Волгоградская область, Краснодарский и Ставропольский края), пищевой промышленности, ориентированной на местные сырье, некоторых отраслей военно-промышленного комплекса. Крупные металлургические предприятия имеются в Волгоградской и Ростовской областях, в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, химические – в Волгоградской и Ростовской областях, нефтехимические – в Волгоградской области. Одним из крупнейших в стране центров транспортного и сельскохозяйственного машиностроения является Ростовская область. На Ставрополье производятся значительные объемы минеральных удобрений.

Следует также учитывать значительный потенциал нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности Чеченской республики. Хотя в настоящее время он разрушен, тем не менее, в случае его восстановления он способен стать мощным фактором промышленного развития всего региона.

Национальным богатством Южного округа являются сельскохозяйственные угодья и пашни. По их площади (39 млн. га) сравнительно небольшой в территориальном отношении Южный округ уступает лишь Приволжскому (52,2 млн. га) и Сибирскому (47,6 млн. га) федеральным округам (территории этих округов соответственно в 1,7 и в 8,7 раза больше территории Южного округа). В то же самое время в ряде северокавказских республик ощущается явный дефицит пригодных для ведения сельского хозяйства земель. Оба этих фактора во многом определяют специализацию *сельскохозяйственного сектора* экономики этого региона.

Доля субъектов Юга России в валовой продукции общероссийского сельскохозяйственного производства составляет 21,8%. По этому показателю Юг России делит второе место с Центральным округом, уступая сравнительно немного лишь Приволжскому федеральному округу (данные 2005 г.). При этом Краснодарский и Ставропольский края являются лидерами среди субъектов России по объемам производства сельскохозяйственной продукции.

Сельское хозяйство на большей части территории региона специализировано на выращивании зерновых и масличных культур (Краснодарский и Ставропольский края, Волгоградская и Ростовская области), овощеводстве (Дагестан, Волгоградская и Ростовская области) и плодоводстве (Волгоградская область, Краснодарский край), а также на животноводстве (Дагестан, Краснодарский край).

На территории Юга России производится 56% российского объема растительного масла, 2/5 сахара-песка, 60% виноградных вин, четверть консервов всех видов. Растениеводы Юга России дают 35% сборов всех зерновых культур, выращиваемых в России, более 30% сахарной свеклы, более 60% семян подсолнечника, свыше 20% урожая овощей, практически 100% урожая винограда. Юг России — единственный в стране район выращивания субтропических культур, таких как чай, цитрусовые, табак.

Важной составной частью аграрного сектора является рыболовство и рыбоводство. При незначительном удельном весе в общероссийских уловах (около 3,5%) рыбохозяйственный комплекс Каспийского моря и Прикаспия дает более 70% общероссийской добычи осетровых и более 60% крупночастиковых рыб. Важно отметить, что наиболее продуктивной частью моря является именно российский, Северный Каспий в силу того, что он постоянно обогащается волжской водой и продуцирует около 20% органического вещества моря, занимая при этом лишь около 0,5% его объема.

Южный регион — крупный животноводческий район. Здесь выращивают крупный рогатый скот, свиней (Краснодарский край), птицу. На регион приходится около трети российского стада овец и коз (Адыгея, Краснодарский край, Калмыкия). Здесь заготавливают более половины российской шерсти (Дагестан, Ставрополье, Калмыкия).

Юг России как сельскохозяйственный регион является лидером по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств. В 2004 г. их насчитывалось более 109 тыс. или 41,7% от общего числа таких хозяйств по России (данные 2005 г.). В качестве примера следует указать численность крестьянских хозяйств в Краснодарском крае, Ростовской области, Ставрополье и Волгоградской области (соответственно 17,8 тыс.; 15,7 тыс.; 15 тыс.; 11,6 тыс.). Ближайшими в этом перечне из других регионов являются Саратовская область и Московская область (соответственно 8,1 тыс. и 7,2 тыс. хозяйств).

Необходимо отметить абсолютного лидера в развитии этой формы предпринимательства — Дагестан, в котором насчитывается более 37,3 фермерских хозяйств — почти столько же, сколько в Центральном федеральном округе или в Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном федеральных округах вместе взятых. Однако эта северокавказская республика, как и большинство других, испытывает острый дефицит пригодных для ведения сельского хозяйства земель. Дагестан занимает последнее место среди субъектов Российской Федерации по среднему размеру земельного участка (4 га при среднероссийской величине 73 га).

В то же время Ростовская и Волгоградская области — ведущие в России производители зерновых и масличных культур, входящие в число лидеров по количеству фермерских хозяйств, имеют фермерские хозяйства, по площади превышающие средний по стране показатель в 1,4–1,7 раза. А лидерство среди российских регионов по площади фермерских хозяйств занимает опять-таки один из субъектов Южного округа — Астраханская область. Здесь средний размер земельного участка составляет 285 га. В кре-

стьянских (фермерских) хозяйствах Юга России производится 10% — сахарной свеклы, около 19% зерна, более 29,2% семян подсолнечника.

Если анализировать производство сельскохозяйственной продукции через призму категорий хозяйств-производителей, то в производстве зерна, семян подсолнечника основную долю урожая — 75–80% — дают сельскохозяйственные организации; а в производстве картофеля, овощей — картина противоположная: здесь от 80 до 100% картофеля и 65 и более процентов овощей (за исключением Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) производят хозяйства населения.

Транспортный комплекс Юга России являет собой совокупность практически всех современных видов промышленного и магистрального транспорта.

Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования составляет около 8580 км. Стержнем транспортной сети являются железнодорожные магистрали Москва–Баку и Ростов–Краснодар–Туапсе–Сочи. Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием превышает 65 тыс. км. Главная автомобильная магистраль Юга России — федеральная автодорога М–29 «Кавказ» (Москва–Ростов–Дербент). Густота железнодорожной сети в Южном регионе в 2,9 раз, а густота автомобильных дорог с твердым покрытием — в 3,4 раза больше, чем в среднем по России. В регионе находятся все южные морские и устьевые речные порты (Новороссийск, Туапсе, Таганрог, Ейск, Сочи, Махачкала, Астрахань, Ростов-на-Дону).

Административные центры субъектов юга России и центры курортных зон (города Сочи и Минеральные Воды) имеют регулярное воздушное сообщение практически со всеми регионами Р В городах Ростов-на-Дону, Сочи, Волгоград, Минеральные Воды действуют международные аэропорты.

В регионе хорошо развит трубопроводный транспорт (нефте-, газо-, продуктопроводы). При этом морской и трубопроводный транспорт в значительной мере ориентированы на обеспечение общероссийских нужд, нежели на потребности региона.

Водные пути на территории региона — это подходы к морским портам Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов, а также судоходные реки Волга, Дон и Кубань. Определяющее значение для судоходства в Азово-Черноморском и важное — в Каспийском бассейне имеют Азово-Донской и Волго-Донской судоходные каналы.

В структуре грузооборота наибольший удельный вес составляет железнодорожный транспорт (объем перевозок в 2005 г. составил чуть более 100 млн. тонн в год). Практически в пять раз меньше объем перевозок автомобильным транспортом (20,5 млн. тонн). Доля речного транспорта в грузо- и пассажироперевозках незначительна.

Санаторно-курортный и туристический комплекс Северного Кавказа традиционно является одним из приоритетных, определяющих место региона в общероссийском разделении труда.

Этому способствуют:

— уникальный в масштабе России набор климатологических, бальнеологических, культурно-этнографических и других рекреационных ресурсов;

— наличие сети территориально-рекреационных зон, таких как Азово-Черноморская (Сочи, Анапа, Геленджик), Центрально-Кавказская (включающая Кавказские Минеральные Воды и Приэльбрусье), Нальчикская, Владикавказская и Прикаспийская. Эти территориально-рекреационные зоны сконцентрировали около 1/3 общероссийского коечного фонда санаториев, пансионатов, домов и баз отдыха;

— значительный научно-медицинский потенциал и удельный вес курортных кадров;

— гарантированная доступность рекреационных ресурсов в связи с широко развитой сетью транспортных коммуникаций и предприятий сферы обслуживания.

В санаториях и пансионатах региона создана мощная лечебно-диагностическая база, разработаны уникальные методики лечения заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, дыхания, костно-мышечной системы. Регион располагает богатым арсеналом минеральных вод и лечебных грязей.

Жилищное строительство — одна из наиболее развитых отраслей экономики Юга России. В 2005 г. на этот регион приходился каждый седьмой квадратный метр жилой площади, введенной в России. При этом 2/3 жилья (4 млн. кв. м) составляет жилье индивидуальных застройщиков. Как и в целом при характеристике ВВП, объемы жилищного строительства определяются наиболее крупными субъектами: на долю Краснодарского края и Ростовской области приходится 50% построенного жилья, тогда как доля построенного в Ингушетии жилья составляет в общем объеме 0,3% (19,5 тыс. кв. м), а в Калмыкии — 0,8% (47,8 тыс. кв. м).

Следует также отметить, что, несмотря на климатическую привлекательность региона, средние цены и на первичном, и на вторичном рынке жилья даже в Краснодарском крае (где самое дорогое в округе жилье) существенно (на 20%) ниже, чем в среднем по России. В остальных субъектах эта цена еще ниже.

На развитие экономики и социальной сферы Юга России в 2005 г. использовано 309 млрд. рублей *инвестиций в основной капитал*. Хотя это и больше почти на 6%, чем в предыдущем году, тем не менее, в общероссийском объеме инвестиций в основной капитал доля инвестиций в Южный федеральный округ составляет 8,7%. Удельный вес инвестиций за счет собственных средств составляет 43%, привлеченные средства — 57%, в том числе 15,9% — средства федерального бюджета.

Высокие риски вложения инвестиций в экономику Юга России негативно сказываются на активности иностранного капитала в этом регионе России. Общий объем иностранных инвестиций, поступивших в нефинансовый сектор экономики округа, составил 987 млн. долларов США. По итогам 2005 г. это лишь 1,8% от общего объема иностранных инвестиций в экономику России (последнее место среди федеральных округов России). Следует от-

метить, что более 80% внутренних инвестиций и 99,8% внешних инвестиций приходится на Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую, Астраханскую и Волгоградскую области.

Финансовое положение региона в целом неустойчивое, поскольку собственные доходы бюджетов целого ряда субъектов существенно ниже необходимых расходов. Отсюда высокая зависимость от финансовой помощи из федерального бюджета.

Анализ основных параметров консолидированных бюджетов на 2006 г. республик, входящих в Южный федеральный округ, свидетельствует о том, что все республики Северо-Кавказского региона продолжают оставаться высоко дотационными; семь из восьми республик входят в первую десятку субъектов по размеру той доли, которую составляет федеральная финансовая помощь в доходной части республиканского бюджета.

Таблица 1

Наименование субъекта	Доходы, млн. руб.	Расходы, млн. руб.	Дефицит бюджета, млн. руб.	Объем финансовой помощи, млн. руб. (прогноз)	Дотационность (%) (прогноз)	Занимаемое место среди субъектов Российской Федерации по итогам 2005 г.	
						По уровню фактической бюджетной обеспеченности	По доле финансовой помощи из федерального бюджета
Республика Адыгея	5048	5096	48	3176,4	61,1%	65	7
Республика Калмыкия	3736	4003	267	1810,3	47,1%	30	13
Республика Ингушетия	5749	5784	35	5127,2	89%	72	1
Карачаево-Черкесская Республика	5681	5919	238	3376,3	57,7%	48	8
Республика Дагестан	24315	24786	238	17995,7	76,2%	89	9
Кабардино-Балкарская Республика	8975	9376	401	4859,5	55,4%	67	10
Республика Северная Осетия–Алания	9805	10338	533	5319,7	56%	34	9
Чеченская Республика	13270	13655	385	10699,1	80,1%	51	3

Финансовая поддержка субъектам Российской Федерации из средств федерального бюджета оказывается, преимущественно, в рамках межбюджетных отношений в виде межбюджетных трансфертов, направляемых непосредственно в доходы бюджетов субъектов. В структуре межбюджетных трансфертов основным механизмом оказания финансовой поддержки регио-

нам является Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации. Имеется целый ряд других фондов для решения отдельных задач; субъектам выделяются бюджетные кредиты для финансирования временных кассовых разрывов.

Через механизм межбюджетных трансфертов федеральный центр осуществляет выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, что особенно важно для депрессивных субъектов Российской Федерации. Под депрессивным понимается субъект Российской Федерации, переживающий экономический кризис, выражающийся в низком ВРП в расчете на душу населения, высоком уровне безработицы, низком уровне денежных доходов (прежде всего — заработной платы) и низком уровне жизни населения.

Большинство республик северокавказского региона не в состоянии выйти из экономического кризиса самостоятельно. Но даже при серьезной поддержке федерального центра в виде инвестиций в экономику субъектов южного региона произошедшие здесь за последние 20 лет процессы, и, прежде всего, переход на рыночные отношения, отказ государства от директивного планирования и поддержки целых отраслей, разрушение хозяйственных связей, наличие большого числа незанятого трудоспособного населения, а также целый ряд других причин неэкономического характера, очевидно, не дают основания рассчитывать на то, что в скором времени республики этого региона станут самодостаточными.

Уровень и качество жизни

■ На протяжении уже многих лет федеральный центр помимо вопросов экономического развития, вынужден решать и другую задачу — минимизации разницы в уровне бюджетной обеспеченности наиболее и наименее развитых регионов. Решить задачу полного выравнивания уровня бюджетной обеспеченности не удается. Вместе с тем, в целом по Российской Федерации благодаря механизму межбюджетных отношений первоначальную 10-кратную разницу в бюджетной обеспеченности (рассчитана по 10 наиболее обеспеченным и 10 наименее обеспеченным регионам) удалось сократить до трех раз.

Для Южного федерального округа результат этой работы более нагляден. Если до выравнивания разница в обеспеченности на душу населения между наиболее обеспеченным (Краснодарский край) и наименее обеспеченным (Республика Ингушетия) субъектами составляла 9 раз, то после выравнивания это соотношение составляет 1,1 раза. В таблице 2 с помощью такого критерия, как объем доходов бюджета на душу населения, показана реальная ситуация с бюджетами субъектов Юга России в 2005 г. до и после выравнивания. Федеральная политика межбюджетных отношений является одним из важных регуляторов финансового положения субъектов, позволяющих обеспечивать социальную стабильность на Юге России.

Таблица 2

Наименование субъекта Российской Федерации	Объем доходов на душу населения без учета межбюджетных трансфертов, млн. руб.	Место по РФ	Объем доходов на душу населения с учетом межбюджетных трансфертов, млн. руб.	Место по РФ	Доходы на душу населения с учетом межбюджетных трансфертов и удорожающих факторов, млн. руб.	Место по Российской Федерации
Республика Адыгея	4146,4	85	10559,3	83	13150,9	63
Республика Дагестан	1809,0	88	8617,2	89	10290,8	89
Республика Ингушетия	1068,9	89	11464,4	73	13534,2	57
Кабардино-Балкарская Республика	3301,5	86	9569,0	88	12341,5	75
Республика Калмыкия	5877,8	78	13050,5	58	15534,6	34
Карачаево-Черкесская Республика	4604,1	81	12043,8	64	13615,7	56
Республика Северная Осетия–Алания	5041,1	80	13866,3	52	17094,9	28
Чеченская Республика	1839,3	87	14588,2	49	17421,7	26
Краснодарский край	9766,0	51	12246,7	63	15032,2	42
Ставропольский край	7157,9	72	10940,5	80	13223,5	62
Астраханская область	9353,6	54	11933,6	65	15812,3	31
Волгоградская область	9082,2	56	11225,5	77	14087,4	49
Ростовская область	7887,2	67	10863,4	81	13489,1	58

Вместе с тем Южный регион остается аутсайдером по такому показателю, характеризующему уровень жизни населения, как *денежные доходы на душу населения*. По итогам 2005 г. этот показатель в целом по Южному федеральному округу составлял 5250,2 рублей или 66,8% общероссийского. В краях и областях региона денежные доходы хотя и отстают заметно от России, но поддерживаются на уровне или выше, чем среднем по округу (максимальный показатель – 6262,4 рублей – у Ростовской области). В республиках, за исключением Северной Осетии, этот показатель значи-

тельно ниже общероссийского (от 60% в Дагестане до 29,7% и 31,3% - соответственно в Калмыкии и Ингушетии).

Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень бедности населения в том или ином регионе России, является доля населения, имеющего денежные доходы ниже прожиточного минимума.

Таблица 3

Наименование субъекта Российской Федерации	Численность населения (в %) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (данные 2000 г.)	Численность населения (в %) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (данные 2004 г.)	Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения за IV кв. 2004 г., руб./месяц (все население)	Место в Российской Федерации по величине прожиточного минимума всего населения
Российская Федерация	29,0	17,8	2451	
Республика Адыгея	37,2	35,2	2074	73
Республика Дагестан	72,6	33,9	1897	87
Республика Ингушетия	94,3	73,0	2193	59
Кабардино-Балкарская Республика	57,5	25,6	1823	89
Республика Калмыкия	66,4	55,1	2079	72
Карачаево-Черкесская Республика	62,5	28,4	1973	85
Республика Северная Осетия–Алания	33,2	18,2	1841	88
Чеченская Республика			2411	40
Краснодарский край	43,7	29,6	2278	53
Ставропольский край	45,2	28,7	2244	57
Астраханская область	33,4	20,1	2147	67
Волгоградская область	34,9	18,4	1978	84
Ростовская область	33,1	19,5	2180	62

Обращает на себя внимание заметная положительная динамика показателя доли населения, имеющего денежные доходы ниже прожиточного минимума, за период с 2000г. по 2004 г. (данные по Чеченской Республике отсутствуют). Однако по прошествии пяти лет этот показатель во всех субъектах Юга России превышал средне-российский.

В целом в 2000–2006 гг. тенденция роста уровня жизни населения наметилась достаточно явно. Улучшилось положение дел с выплатой пенсий. Отмечается тенденция роста собираемости пенсионных взносов, что позволило в большинстве регионов ликвидировать долги прошлых лет и обеспечить устойчивость текущих выплат.

Практически везде завершена подготовительная работа и реализуется система адресной социальной помощи гражданам из социально незащищенных групп населения. Сформированы базы данных получателей социальных пособий, определены критерии по отнесению нуждающихся в помощи лиц к определенным категориям. Реализация принципа индивидуального подхода позволяет дифференцировать выплаты с учетом среднедушевого дохода получателей.

Наряду с денежными доходами важную роль в формировании уровня жизни населения играют такие социальные факторы как обеспечение населения жильем, медицинскими и образовательными услугами. По обеспеченности жильем в среднем на одного жителя лучшая ситуация в Южном регионе в Северной Осетии–Алании (25,4 кв. м при средне-российской – 20,5 кв.м) и в Адыгее (22,9). Самые низкие показатели по России показатели обеспеченности жильем – в Кабардино-Балкарии и Дагестане (15,5) и в Ингушетии (6,4).

Южный регион серьезно отстает по обеспеченности врачебными амбулаторно-поликлиническими учреждениями. Цифра посещений в смену на 10 тыс. человек несколько больше средне-российской (251,3) в Астраханской области (280,6), Северной Осетии–Алании (261,5) и Калмыкии (257,3). В то же время в Дагестане этот показатель более чем в 2 раза, а в Ингушетии – почти в 3,5 раза хуже, чем в среднем по России.

Сложная ситуация в субъектах Юга России и с охватом детей дошкольными учреждениями, а также обеспеченностью общеобразовательными учреждениями. В Ингушетии дошкольными учреждениями охвачен только каждый двадцатый ребенок, в Дагестане – каждый четвертый, в остальных субъектах региона – только каждый второй.

На начало 2004/2005 учебного года во вторую смену занимался практически каждый третий школьник Ингушетии, Дагестана и Чечни и практически каждый пятый школьник Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев, Астраханской и Ростовской областей. Таким образом, по многим социальным показателям и уровню жизни населения Юг России уступает другим российским регионам.

Экономическая ситуация в ряде субъектов Южного федерального округа, в первую очередь – в республиках осложняется неблагоприятной обстановкой на рынке труда. Здесь уже многие годы сохраняется значительный разрыв между спросом и предложением рабочей силы. На начало января 2006 г. на учете в органах занятости федерального округа состояло 632,6 тыс. безработных (34,5% от общероссийской численности безработных. Из этого числа пособие по безработице получали 512,3 тыс. человек. Наибольшее число безработных зарегистрировано в Чеченской Республике (332,7 тыс. человек), Дагестане (50,9 тыс.) и Ингушетии (48,8 тыс.).

Сохраняется дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда: запросы работодателей ориентированы на высококвалифицированные кадры, однако 74% предложений на рынке труда приходится на граждан, ранее не работавших, ищущих работу впервые, либо имеющих длительный (более года) перерыв в работе.

Напряженность на регистрируемом рынке труда составляет в среднем по Южному округу 6,8 состоящих на учете незанятых граждан в расчете на 1 заявленную вакансию. Однако применительно к отдельным субъектам Юга России эта статистика выглядит значительно хуже. Нагрузка на одну заявленную вакансию в Кабардино-Балкарии составляет 22,3 человек, Дагестане — 101,3 человек, а в Ингушетии — 706,9 человек.

Высокий уровень регистрируемой безработицы обусловлен относительно высоким уровнем естественного прироста населения, недостаточным вводом новых рабочих мест и сокращением численности работающих. За 2005 г. в целом по Южному федеральному округу принято на дополнительно введенные рабочие места 75,4 тыс. человек, в то же время выбыло в связи с сокращением численности 77,8 тыс. человек. Ситуация с созданием и сохранением рабочих мест усугубляется состоянием производственной базы промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Износ основных фондов в этих отраслях даже в самых благополучных субъектах Южного округа (Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском крае) составляет 46–50%.

В то же время, оценивая реальные доходы населения, необходимо принимать во внимание и теневой сектор экономики, масштабы которого особенно заметны в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Так, некоторые косвенные показатели (число получающих высшее образование, количество автомашин, объем меняемой валюты, масштабы индивидуального строительства и т. п.) говорят о том, что реальный уровень жизни населения северокавказских республик значительно выше.

Нельзя не сказать о том, что особым видом «бизнеса», способом получения денежных доходов для безработного населения региона стало участие в незаконных вооруженных формированиях и религиозно-экстремистских группировках, в которые вовлекается, прежде всего, молодежь, не получившая или не завершившая своего образования.

Более целостное представление о социально-экономическом положении дают современные интегральные индексы, позволяющие отслеживать характеристики социального развития государств и отдельных регионов. Наиболее значимым и международно признанным является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)¹, который стал применяться с 1990 г. для интегральной оценки качества жизни населения. ИРЧП отражает соотношение таких показателей как продолжительность жизни, уровень образования и дохода. Поскольку показатели «продолжительность

¹ Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН с 1990 г. Например, см. Доклад о развитии человека. 2004 // <http://hdr.undp.org/2004>.

жизни» и «уровень образования» обладают гораздо большей статистической достоверностью, чем официальные данные о доходах, ИРЧП более адекватно отражает реальную ситуацию в странах и регионах.

Порогом высокого уровня развития человеческого потенциала является значение 0,800. В российских Докладах индексы развития человеческого потенциала для субъектов РФ стали рассчитываться с 1997 г. Последний доклад был подготовлен по данным 2002 г. В 2002 г. 13 регионов России обладали ИРЧП ниже среднемирового (0,725), в их числе Адыгея, Ингушетия и Чечня.

При анализе ИРЧП южнороссийских субъектов, прежде всего, следует отметить значительную несбалансированность отдельных показателей (дохода, образования, долголетия) — при низких доходах практически во всех субъектах довольно высокий уровень образования и рекордная по российским меркам ожидаемая продолжительность жизни.

Таблица 4. *Рейтинг регионов по Индексу развития человеческого потенциала в 2002 г.²*

	ВРП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет, %	Индекс образования	ИРЧП
Российская Федерация	7926	0,730	64,82	0,664	99,0	0,735	0,905	0,766
Республика Калмыкия	6071	0,685	65,79	0,680	98,2	0,789	0,918	0,761
Краснодарский край	5936	0,682	66,8	0,697	99,0	0,662	0,881	0,753
Волгоградская область	5567	0,671	66,19	0,687	98,9	0,701	0,893	0,750
Астраханская область	5758	0,676	65,16	0,669	98,6	0,716	0,896	0,747
Ростовская область	4572	0,638	66,23	0,687	99,1	0,720	0,901	0,742
Республика Северная Осетия	3441	0,591	69,11	0,735	99,1	0,701	0,894	0,740
Карачаево-Черкесская республика	3540	0,595	69,21	0,737	98,4	0,662	0,877	0,736
Кабардино-Балкарская республика	3980	0,615	68,31	0,722	98,8	0,622	0,866	0,734
Ставропольский край	4045	0,618	67	0,700	98,6	0,681	0,884	0,734
Республика Дагестан	2633	0,546	71,43	0,774	98,4	0,604	0,857	0,726
Республика Адыгея	2631	0,546	68,76	0,729	98,7	0,711	0,895	0,723
Республика Ингушетия	1031	0,389	74,82	0,830	96,2	0,378	0,767	0,662

² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 г. / Под общей ред. Проф. С. Н. Бобылева. М.: Весь Мир, 2004.

Другой интегральный индекс — «кризисный» индекс качества жизни³ разработан сотрудниками географического факультета МГУ по заказу Министерства экономического развития и торговли РФ. Индекс включает в себя оценку уровня жизни (*низкие доходы и сильное неравенство по доходу*), занятости (*безработица*), здоровья населения (*низкая ожидаемая продолжительность жизни и здоровье детей*).

«Кризисный» индекс рассчитывается по формуле:

$$\text{«Кризисный» индекс качества жизни} = \frac{A+B+C + \frac{D+E}{2}}{4}, \text{ где}$$

A — индекс отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму;

B — индекс доли населения с доходами выше прожиточного минимума;

C — индекс уровня занятости населения;

D — индекс ожидаемой продолжительности жизни;

E — индекс младенческой смертности.

Таблица 5. *Рейтинг южнороссийских субъектов по индексу качества жизни (без Чеченской Республики)*

	Индекс качества жизни	Место в РФ
Российская Федерация	0,70	
Республика Северная Осетия – Алания	0,69	16
Волгоградская область	0,68	27
Астраханская область	0,67	29
Ростовская область	0,67	30
Краснодарский край	0,67	31
Ставропольский край	0,64	52
Республика Адыгея	0,63	61
Кабардино-Балкарская республика	0,62	65
Карачаево-Черкесская республика	0,60	70
Республика Дагестан	0,56	80
Республика Калмыкия	0,54	84
Республика Ингушетия	0,35	88

Этот индекс дает наглядное представление о проблемах регионального развития, в частности, о внутрирегиональном неравенстве качества жизни и, следовательно, о реальных противоречиях и потенциальных конфликтах

³ Социальный атлас российских регионов / http://atlas.socpol.ru/indexes/index_life.shtml.

между субъектами федерации. Наиболее тревожно в этом контексте выглядит поляризация Северной Осетии–Алании и Ингушетии.

Использование интегральных индексов при анализе социально-экономической ситуации показывает, что политика выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов должна учитывать не только официальный уровень доходов населения, но и сочетание наиболее острых проблем в каждом из субъектов, к которым на Северном Кавказе, в первую очередь, относятся уровень образования (в Ингушетии и Чечне), демографические и миграционные процессы.

Деятельность государственных органов по обеспечению стабильности

▪ Президент Российской Федерации и его Администрация, законодатели, федеральная исполнительная власть ищут наиболее эффективные инструменты влияния на развитие общественно-политической и социально-экономической ситуации в субъектах Южного федерального округа. К числу таких инструментов можно было бы отнести создание временных органов управления в наиболее проблемных субъектах, образование авторитетных комиссий с участием представителей различных ветвей власти, принятие федеральных целевых программ социально-экономического развития регионов, обсуждение на заседаниях Правительства Российской Федерации докладов руководителей субъектов о результатах и основных направлениях деятельности на ближайшие годы.

Первый опыт федерального центра по созданию временного федерального органа управления на территории Северо-Кавказского региона — это Временная администрация на территории Пригородного района Республики Северная Осетия–Алания, образованная в конце 1992 г. Указом Президента Российской Федерации в зоне чрезвычайного положения в связи с осетино–ингушским конфликтом октября–ноября 1992 г. Эта структура была наделена функциями местной администрации и решала сложнейшие задачи обеспечения правопорядка и безопасности, организации мирного диалога между сторонами-участницами конфликта, а также обеспечивала за счет средств федерального бюджета возвращение в Пригородный район и обустройство вынужденных переселенцев, покинувших свои жилища в связи с вооруженным конфликтом.

Последние годы этой структурой руководил специальный представитель Президента Российской Федерации, а сама структура именовалась представительством. Разные источники по-разному оценивают эффективность работы Временной администрации. Тем не менее, она была упразднена лишь в октябре 2004 г. За это время к местам прежнего проживания возвратилось более 21 тыс. вынужденных переселенцев (это примерно 2/3 от числа вынужденных переселенцев, пострадавших в результате конфликта),

в пострадавших от конфликта селах были построены объекты инфраструктуры на сотни миллионов рублей.

Работа по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта продолжается. Функции упраздненного временного федерального органа управления в зоне осетино-ингушского конфликта в части стабилизации общественно-политической ситуации переданы полномочному представителю Президента в Южном федеральном округе, а решение вопросов возвращения и обустройства вынужденных переселенцев возложено на Федеральную миграционную службу.

Еще одним примером создания временного федерального органа управления в регионе, правда значительно более масштабного, нежели упомянутая выше Временная администрация, является созданное в январе 1995 г. также Указом Президента Российской Федерации после ввода федеральных сил на территорию Чеченской Республики Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти.

Территориальное управление координировало деятельность федеральных министерств и ведомств по восстановлению разрушенного хозяйства и социальной сферы Чеченской Республики. Руководители этого временного органа управления не касались вопросов обеспечения безопасности или правоохранительной деятельности (эта сфера была исключительно в компетенции «силовиков»), но непосредственно занимались формированием временной исполнительной и представительной власти Чеченской Республики, координировали взаимодействие с этими ветвями власти федеральных органов исполнительной власти, непосредственно включенных в процесс восстановления Республики. Руководители Территориального управления федеральных органов исполнительной власти, а позднее — Представительства Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике в силу сложности и специфики решаемых задач были вице-премьерами или имели ранг вице-премьеров Правительства Российской Федерации.

Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике как временный федеральный орган управления было упразднено после того, как общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике достаточно стабилизировалась, и по решению Президента Российской Федерации управление Республикой было полностью передано республиканской исполнительной власти, которую возглавил А. Кадыров.

На территории Южного федерального округа действовали и продолжают действовать комиссии, создаваемые на уровне федерального центра различными ветвями власти и Администрацией Президента. Достаточно назвать Государственную комиссию по вопросам социально-экономического развития Северного Кавказа, которую в разное время возглавляли вице-премьеры Правительства Российской Федерации; Комиссию государственной Думы Российской Федерации по Северному Кавказу, возглавляемую вице-спикером Госдумы В. И. Катренко.

В состав Комиссии по вопросам улучшения социально-экономического положения на Северном Кавказе, возглавляемой полномочным представителем Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе Д. Н. Козаком, входят руководители всех 13 субъектов Южного федерального округа и несколько ключевых федеральных министров. Судя по составу последней Комиссии, Президент страны возлагает большие надежды на результативность ее деятельности. Особое место в этом ряду занимают различные комиссии (правительственные, межведомственные), образование которых связано с разрешением кризиса в Чеченской Республике.

Весьма эффективным инструментом поддержки развития экономики субъектов Российской Федерации признаны федеральные целевые программы. Из числа реализуемых на территории Южного федерального округа программ наибольший интерес вызывает ФЦП «Юг России». Целью программы определено создание экономических и социальных условий для стабильного и бесконфликтного развития субъектов, расположенных на юге России, и обеспечение геостратегических интересов России в этом регионе. Программа распространяла свое действие на все субъекты Южного федерального округа, за исключением Чеченской Республики.

Программа была утверждена Правительством на период с 2002 по 2006 г. Содержание и структура программы определялись приоритетными направлениями развития региона, отражающими его хозяйственную специализацию и геостратегическое положение.

К таким приоритетным направлениям разработчики программы отнесли:

- транспортный комплекс (транспортные коридоры, магистральные трубопроводы, железнодорожный, водный, автомобильный и воздушный транспорт);
- туристско-рекреационный, санаторно-курортный комплекс и экологию;
- агропромышленный комплекс и перерабатывающую промышленность;
- инфраструктуру (коммунальное хозяйство, топливо и энергетику, газификацию, водные ресурсы);
- новую экономику.

В программу на первом этапе было включено 752 инвестиционных проекта, охватывающих различные отрасли экономики и социальной сферы. Сами проекты и мероприятия были сгруппированы и ранжированы по признакам их значимости для социально-экономического развития России. В последующем число объектов было сокращено, и средства программы были сосредоточены на приоритетных объектах программы.

Программа включает четыре уровня проектов.

В первую группу вошли проекты, направленные на развитие межгосударственного сотрудничества и защиту геостратегических интересов России в Южном регионе. К числу таких объектов относятся экспортные нефте- и газопроводы, проекты, связанные с освоением залежей углеводородов, сохранением биологических ресурсов северо-запада Каспия, транс-

национальные транспортные коммуникации, обеспечивающие транзитное движение грузов через территорию региона.

Во вторую группу были включены мероприятия и проекты федерального значения, к которым отнесены объекты федерального значения — транспортные сети, охрана окружающей среды, санаторно-курортные зоны, мероприятия, направленные на решение наиболее острых для Юга России социальных проблем, а именно — вопросы трудовой занятости населения, оказания помощи беженцам, вынужденным переселенцам и внутриперемещенным лицам, стабилизация процессов миграции.

К третьей группе отнесены проекты и мероприятия регионального (межсубъектного) значения, реализация которых отвечает интересам двух или нескольких субъектов этого региона — межсубъектные транспортные сети, переработка нефти и газоконденсата, строительство нефте- и газопроводов, развитие электроэнергетики, промышленных предприятий, выпускающих универсальную продукцию, агропромышленного комплекса. В социальной сфере — это развитие информационного пространства, сохранение и развитие межсубъектных центров сферы здравоохранения, культуры, образования и подготовки кадров.

В четвертую группу вошли проекты, реализуемые в отдельно взятых субъектах региона. Эти проекты и мероприятия имеют важнейшее значение для развития экономики и социальной сферы каждого из субъектов и особенно проекты инфраструктуры ЖКХ, требующие государственной поддержки. Это, например, объекты малой энергетики, мероприятия по газификации городов и населенных пунктов, улучшение автодорожной сети, развитие предприятий промышленности, связи, АПК.

В общей сложности на реализацию программы предусматривалось привлечь более 153 млрд. рублей, в том числе — 27 млрд. рублей из федерального бюджета, около 14 млрд. рублей — из средств субъектов Юга России, 7,4 млрд. рублей — из средств РАО «ЕЭС России» и ОАО «Газпром», более 60 млрд. рублей кредитов коммерческих банков.

Правительство Российской Федерации приняло решение пролонгировать программу «Юг России» на 2007 г., выделив на эти цели около 5 млрд. рублей, и, учитывая стратегическую важность продолжения социально-экономического развития Юга России, приступить к разработке концепции ФЦП «Юг России» на период 2008–2012 гг.

По итогам реализации программы в 2002–2005 гг. отмечено, что получен положительный опыт решения задач в сфере социально-экономического развития субъектов Южного федерального округа программно-целевым методом с участием федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти 12 субъектов Южного округа.

За 2002–2005 гг. финансовые затраты на реализацию программных мероприятий составили 71,75 млрд. рублей, в том числе — 8,66 млрд. рублей из федерального бюджета. Введено за 4 года в общей сложности 238

объектов и пусковых комплексов. Работа, связанная с вводом наиболее важных объектов программы, будет продолжена в 2007 г.

Несмотря на сложную ситуацию на начальном этапе выполнения программы, благодаря реализации программных мероприятий удалось частично преодолеть спад в экономике ряда республики Северного Кавказа, достичь положительных результатов по основным макроэкономическим показателям социально-экономического развития региона.

За 2002–2005 гг. объем промышленной продукции по Южному федеральному округу увеличился на 25%, продукции сельского хозяйства — на 18%, собственные доходы субъектов возросли на 35%, денежные доходы населения — на 49%.

Что касается Чеченской Республики, то в силу специфики сложившейся там фактически кризисной социально-экономической ситуации для этой республики Северного Кавказа Правительством Российской Федерации была принята федеральная целевая программа «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 г. и последующие годы)».

Как известно, в результате процессов, связанных с попытками лидеров Чеченской Республики добиться ее государственного самоопределения, к концу 1994 г. республика фактически оказалась вне пределов экономического пространства Российской Федерации, хозяйственные связи были разрушены, экономика Чеченской Республики пришла в упадок. Ситуация в хозяйственном комплексе и в социальной сфере резко ухудшилась в результате боевых действий, связанных с попытками сепаратистов воспрепятствовать восстановлению конституционного строя на территории республики. В результате тяжелых боев за несколько первых месяцев 1995 г. были разрушены тысячи индивидуальных жилых домов, сотни многоквартирных муниципальных домов, была разрушена инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство. Особенно пострадал Грозный, в котором на рубеже 80–90-х гг. проживало около 450 тыс. человек. В городе не было тепла, воды, не работала канализация. Практически прекратили работу промышленные предприятия, транспорт, объекты социальной сферы.

На первый план выдвинулся вопрос восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики. В связи с этим Правительство России в мае 1995 г. утвердило федеральную целевую программу восстановления экономики и социальной сферы Чеченской Республики. Однако уже в августе 1996 г. действие программы было приостановлено, поскольку к власти в республике пришли сепаратисты.

В период с августа 1996 г. по сентябрь 2000 г. у власти в Чеченской Республике вновь находились сепаратисты во главе с А. Масхадовым. Экономика и социальная сфера Чечни продолжала разрушаться. Понадобились немалые усилия федеральных сил, чтобы убрать сепаратистов от управления республикой. Однако это опять же было сопряжено с тяжелыми разрушительными боевыми действиями. На этот раз встал вопрос о мерах по обеспечению жизнедеятельности республики. В 2001 г. такой комплекс

мер был реализован на территории республики. Начиная с 2002 г. реализуется ФЦП «Восстановлении экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы).»

ФЦП «Юг России», также как и программа по Чеченской Республике, относятся к т. н. федеральным целевым программам регионального паритета. Государственным заказчиком — координатором таких программ является Министерство регионального развития Российской Федерации. Вместе с тем практически каждый субъект Южного федерального округа, как и любой другой субъект Российской Федерации, соучаствует в реализации на своей территории федеральных целевых программ отраслевого характера. Государственными заказчиками этих программ являются федеральные министерства или агентства (это программы в сфере образования, здравоохранения, культуры, связи и информатизации, транспорта, социального развития села и сохранения плодородия почв, экологии и т. д.).

Важное место в экономике субъектов Южного федерального округа занимают региональные программы социально-экономического развития, которые разрабатываются экономическими и другими органами исполнительной власти субъектов при поддержке и при участии Минэкономразвития России, других федеральных министерств, утверждаются на заседаниях законодательных органов субъектов, после чего включаются в реестр региональных программ, который ведет Минэкономразвития России. Преимущество такого метода работы в том, что субъект и федеральные министерства координирует направления развития и конкретные объекты и мероприятия, которые предстоит реализовать в субъекте, что позволяет наиболее эффективно вкладывать в развитие конкретной территории и средства федерального бюджета, и средства субъекта или муниципального образования.

В настоящее время имеют такие долгосрочные региональные программы имеют Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Астраханская и Волгоградская области. Сроки начала действия программ — 2003, 2004 гг., срок их реализации, как правило, — пять лет, а в Волгоградской области программа разработана до 2010 г.

Реализация федеральных и региональных программ социально-экономического развития невозможна без активного противодействия теневому бизнесу. К теневому бизнесу относятся противоправные, неучтенные государством виды экономической деятельности, включающие производство, распределение, обмен и потребление товаров и услуг, а также производные от нее социально-экономические отношения между гражданами, социальными группами и обществом в целом, т. е. фактически образование новых экономических субъектов, между которыми формируется система неформальных взаимосвязей, базирующаяся на личных взаимоотношениях. Следствиями теневого бизнеса становятся:

- Фиктивная экономика — официальная экономика, дающая фиктивные результаты, отражаемые в соответствующей статистике;
- Замена официально установленного порядка организации и реализации экономических связей, т. е. формирование параллельной системы управления и параллельного экономического пространства;
- Снижение инвестиционной привлекательности региона;
- Значительное возрастание масштабов подкупа бюрократии;
- Рост преступности, неэффективность правоохранительной системы (неспособность обеспечить неотвратимость юридической ответственности за экономические преступления и финансовые махинации).

Теневая, неформальная экономика, уходя от налогов, тем не менее, в краткосрочной перспективе, дает вторичную занятость значительной части населения и поднимает денежные доходы населения. К сожалению, реальные объемы теневой экономики и соответственно реальные денежные доходы населения в связи с функционированием этого сектора экономики пока остаются темой, закрытой для статистики, но эксперты считают, что в разных субъектах они составляют от 30% до 80% объема официальной экономики. Например, широкомасштабная незаконная добыча, переработка нефти и торговля нефтью в 2005 г. составила до 1/3 всей активности в нефтяном секторе Чечни, что нанесло ущерб в виде прямых потерь сотен миллионов долларов⁴.

Выработка и осуществление единой федеральной стратегии в регионе существенно затрудняется коррупцией и лоббированием, которое различные влиятельные группы проводят в своих интересах⁵. В частности, многие решения блокируются узкими экономическими и политическими интересами и действиями коррумпированных региональных элит.

Республиканские правящие элиты отличаются большой консолидированностью и эффективно сопротивляются попыткам их реформирования благодаря традиционной клановости и закрытости. Основные интересы клановых элит заключаются в сохранении системы, при которой местное управление является дотационным и характеризуется финансово-политической взаимозависимостью периферии и центра: республики не могут развиваться без мощных субсидий из федерального бюджета, от которых полностью зависят местные экономики. В то же время, федеральный центр зависит от местных элит, они позиционируют себя как единственную реальную силу, способную предотвратить социальный взрыв, который немедленно вызовет прекращение субсидирования (по крайней мере, в депрессивных регионах, таких как Чечня, Ингушетия, Дагестан).

В целях разрушения теневой экономики и борьбы с коррупцией пол-

⁴ Пресс-релиз временного пресс-центра МВД РФ в Северокавказском регионе, сентябрь 2005 г.

⁵ Оценка стратегии реконструкции и развития на Северном Кавказе. Экспертный доклад. М., 2005.

пред Президента России в Южном федеральном округе выступил с проектом, вписывающимся в общую логику реформ, направленных на укрепление вертикали власти. Его задачей является сокращение количества регионов и муниципальных образований, получающих финансовую помощь из вышестоящих бюджетов (уменьшение дотационности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований). В результате предлагаемых изменений должно произойти расширение налогообложения земель и имущества, находящихся в федеральной собственности, а также увеличение доходной базы бюджетов субъектов Российской Федерации и бюджетов муниципальных образований, что позволит более эффективно решать острейшие социальные проблемы.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

▪ Социально-экономические и этнополитические процессы, начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х гг. XX столетия в республиках бывшего СССР, особенно процессы «суверенизации» этих республик, значительно усилили в обществе социальную напряженность и ксенофобию, следствием которых стали межэтнические конфликты. Некоторые из этих конфликтов вылились в этнически направленные погромы, другие — в вооруженные межэтнические столкновения. Следствием этих конфликтов стал массовый миграционный отток населения нетитульных этнических групп. В результате обменов миграционными потоками произошли и продолжают происходить значительные изменения этнического состава населения всех государств СНГ, а также «суверенных» республик РФ.

Самые значительные миграционные процессы в постсоветский период, практически совпавший по времени с межпереписным периодом 1989–2002 гг., произошли и происходят на Северном Кавказе, за которым с начала 90-х гг. прошлого столетия прочно закрепилась репутация самого конфликтного региона России. При этом важно подчеркнуть следующее. Если «суверенные» республики Северного Кавказа в целом являются субъектами региона, из которых в целом идет значительный миграционный отток населения, то «русские» субъекты региона — Краснодарский и Ставропольский края и Ростовская область, наоборот, являются территориями приема основной части мигрантов, в том числе и вынужденных переселенцев из республик региона. Именно в «русские» субъекты Северного Кавказа выехала и продолжает выезжать и значительная часть мигрантов, в том числе беженцев и вынужденных переселенцев, в частности из Азербайджана (армяне, курды), Узбекистана (турки-месхетинцы) и Чечни (русские, чеченцы и другие).

Чтобы более реально представить демографические и миграционные процессы, происшедшие в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989–2002 гг., дадим краткую характеристику этих республик.

Республики Северного Кавказа — Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан расположены на Юге России. Общая площадь занимаемой ими территории составляет 111,8 тыс. кв. км., или почти треть территории Северного Кавказа и 0,65% территории России. В республиках Северного Кавказа, *по данным*

Всероссийской переписи населения 2002 г. проживает 6645,0 тыс. человек, или 35,0% населения Северного Кавказа, 29% населения Южного федерального округа и 4,6% населения России. Республики Северного Кавказа являются самым густонаселенным регионом страны: плотность населения во вместе взятых республиках составляет 59,4 чел на 1 кв. км. (на Северном Кавказе — 53 человек, в Южном федеральном округе — 39 человек, в целом по России — 8,4 человек); плотность населения в указанных республиках варьирует от 31 человек в Карачаево-Черкесии до 130 человек в Ингушетии. 46% населения республик региона проживает в городах и поселках городского типа, 54% — в сельской местности (в целом по стране эти показатели составляют соответственно 73 и 27%). Среди республик Северного Кавказа самой урбанизированной является Северная Осетия — более 65% ее населения проживает в городах и поселках; самый низкий уровень урбанизации в Чечне — 34%, Дагестане и Ингушетии — 43%.

С начала 90-х гг. XX столетия республики Северного Кавказа стали «горячей точкой» России. В 1991–1994 гг. в Чечне предпринимается попытка создания *независимого государства* — Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996 гг.), вылившаяся в первую и вторую «чеченские» войны и фактически в гражданскую войну в Чечне; на территории республик Северного Кавказа происходит и первый в России вооруженный межэтнический конфликт (осетино-ингушский, осень 1992 г.); в 1999 г. незаконные вооруженные формирования *независимой* Ичкерии осуществляют вооруженное вторжение на приграничную территорию Дагестана (сентябрь 1999 г., начало второй «чеченской» войны). С середины 90-х гг. прошлого столетия в ряде республик Северного Кавказа — Дагестане, Чечне и Карачаево-Черкесии усиливаются позиции исламского фундаментализма, что приводит к дальнейшему осложнению этнополитической ситуации не только в указанных республиках, но и на Юге России в целом; в 1998–1999 гг. накануне и в ходе предвыборной кампании по выборам президента республики в Карачаево-Черкесии значительно обостряются межэтнические отношения, федеральной власти с большим трудом удается не допустить нового вооруженного межэтнического конфликта (карачаево-черкесского). Сложными были в первой половине 90-х гг. прошлого столетия межэтнические отношения и в Кабардино-Балкарии, непростыми продолжают оставаться межэтнические (русско-адыгейские) отношения в Адыгее. Появление с началом первой, а затем и второй «чеченских» войн в республиках Северного Кавказа значительного числа вынужденных переселенцев из Чечни (в основном чеченцев; русские и другие народы уезжали, как правило, в «русские» субъекты России) еще более осложнило межэтнические отношения в республиках региона. Указанные процессы, а также реэмиграция населения северокавказских народов из других регионов России и других государств СНГ на свою историческую родину значительно осложняют и без того непростой характер отношений между этими титульными и нетитульными группами (особенно русскими), усиливают миграционный отток из указанных республик.

За период 1989–2002 гг. численность населения вместе взятых республик Северного Кавказа увеличилась, по данным *Всероссийской переписи населения 2002 г.*, на 1340 тыс. человек, или более чем на 25% (в межпереписной период 1979–1988 гг. — на 492 тыс. человек, или 10,2%) и составила на начало проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. 6646 тыс. человек.* Если в предыдущий межпереписной период рост численности населения рассматриваемых республик региона происходил только за счет естественного прироста населения, который составил 765 тыс. человек (при значительном миграционном оттоке — 273 тыс. человек), то в период 1989–2002 гг. рост численности населения этих республик происходил как за счет естественного, так и, в значительной степени, за счет миграционного прироста, на долю которых пришлось соответственно 56 и более 44% общего прироста численности населения. Отметим, что в РФ в целом рост численности населения в последний межпереписной период происходил только за счет миграционного притока.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., за пределами «своих» республик, но в республиках региона, проживало 302 тыс. представителей северокавказских народов, в том числе 194 тыс. чеченцев и более 56 тыс. дагестанцев (в 1989 г. — соответственно 183 тыс., 62 тыс. и почти 60 тыс. человек). Самые многочисленные в республиках региона диаспоры находятся в Дагестане: здесь живет около 88 тыс. чеченцев и 112 тыс. азербайджанцев (в 1989 г. — соответственно 58 тыс. и 76 тыс. человек). В настоящее время чеченцы и азербайджанцы составляют соответственно 25 и 32% численности нетитульного (недагестанского) населения республики. На момент проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. значительная часть чеченцев — более 95 тыс. человек — проживала в Ингушетии.

В республиках Северного Кавказа межпереписной период 1989–2002 гг. характеризуется значительным миграционным приростом населения: в целом по республикам региона он составил более 590 тыс. человек. В предыдущий межпереписной период 1979–1988 гг. в республиках и национальных областях региона в целом имел место значительный миграционный отток населения — 273 тыс. человек.

Миграционный рост численности населения северокавказских республик в рассматриваемый период обеспечивался только за счет титульного населения, тогда как для других этнических групп в целом имел место значительный отток населения. Так, если в целом миграционный приток населения титульных национальностей составил в 1989–2002 гг. в рассматри-

* Все количественные показатели, источники которых не оговорены особо, рассчитаны нами на основе итогов Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 годов, Всероссийской переписи населения 2002 года, данных ежегодного учета естественного и миграционного движения населения республик Северного Кавказа и данных статистических сборников, издаваемых как Госкомстатом России, так и региональными комитетами по статистике.

ваемых республиках 974 тыс. человек, в том числе в «своих» республиках 903 тыс. человек, то миграционный отток нетитульного населения составил 384 тыс. человек, в том числе русских — 279 тыс. человек.

Наибольший по численности миграционный прирост титульного населения в рассматриваемый период был отмечен в Дагестане: за счет миграции численность дагестанских народов увеличилась в республике на 400 тыс. человек. Соответственно на 153 тыс. и 105 тыс. человек увеличилось за счет миграционного прироста население титульных народов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии. В других республиках региона — Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Адыгее — миграционный прирост титульных народов был гораздо ниже — соответственно 91 тыс., 25 тыс. и почти 8 тыс. человек. Наибольшую долю в общем росте численности титульного населения миграционный прирост имел в Северной Осетии и Ингушетии — соответственно 83 и 69%; в других республиках этот показатель варьировал от 38 до 62%.

Говоря о существенном миграционном притоке титульного населения в республики Северного Кавказа, следует не забывать о значительных объемах миграционного оттока населения нетитульных групп из этих республик. Согласно данным переписей населения 1989 и 2002 гг., около 73% уехавших в постсоветский период из республик региона составили русские — почти 280 тыс. человек. В действительности же миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа в указанный период был гораздо большим. По экспертным оценкам, он составил порядка 330–335 тыс. человек. Подтверждается это тем, что примерно 10–12 тыс. украинцев, проживающих в республиках региона, записали себя в ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. русскими, а также половозрастной структурой русского населения ряда республик региона — Чечни, Северной Осетии, Дагестана и Ингушетии. Как показывают данные переписи, в численность переписанного русского населения указанных республик включено порядка 39–42 тыс. российских военнослужащих (в Чечне — 22–23 тыс., в Северной Осетии и Дагестане — соответственно 11–12 тыс. и 5–6 тыс., в Ингушетии — около 1,0 тыс. человек. Таким образом, численность русского населения, реально проживавшего на момент проведения Всероссийской переписи населения 2002 г., в частности в Чечне, составляла не около 40 тыс., а максимум 18 тыс. человек, в Северной Осетии и Дагестане — соответственно не 165 тыс. и 121 тыс. человек, а не более 152 тыс. и 114 тыс. человек.

В период первой и второй «чеченских войн» Чечню покинуло большое количество жителей: по экспертным оценкам, не менее 450 тыс. человек, по данным, рассчитанным на основе итогов Всероссийской переписи населения, — всего 165 тыс. человек. Первые годы «независимости» Чечни и последовавшие за ними «чеченские» войны вызвали исход из республики не только русских и населения других нетитульных национальностей. Миграционный отток населения только нетитульных национальностей из Чечни составил в указанные годы порядка 320 тыс. человек, в том числе русских — 230 тыс. человек (Согласно официальным статистическим данным

— около 210 тыс. человек). Миграционный отток из республики увлек за собой и большое количество чеченцев. На период проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. миграционный отток чеченцев из Чечни в другие российские регионы (в основном северокавказские), а также в Казахстан, Азербайджан и Грузию составил, по нашим оценкам, не менее 130 тыс. человек. Если же исходить из численности чеченцев, «переписанных» в Чечне в ходе последней переписи, то период 1989–2002 гг. в республике характеризуется, наоборот, значительным миграционным приростом чеченского населения, составившим более 120 тыс. человек.

Говоря о миграционном оттоке населения из Чечни, необходимо отметить, что он имел место и в предыдущий межпереписной период 1979–1988 гг. В эти годы миграционный отток населения из Чечено-Ингушской республики составил более 70 тыс. человек. В указанный межпереписной период из республики наряду с русскими начало активно мигрировать и титульное население. Сальдо миграции чеченцев и ингушей из «своей» республики в эти годы составило не менее -40 тыс. человек. В этот период основной причиной миграционного оттока населения из Чечни, как и из ряда других республик Северного Кавказа, были причины экономического характера. Республики региона, особенно Чечено-Ингушетия и Дагестан, являлись республиками с большим количеством трудоизбыточного населения. Ежегодно десятки тысяч человек из этих республик, в основном представители титульных национальностей, выезжали на сезонные работы в другие, как правило, «русские» субъекты России, в Среднюю Азию и Казахстан. Только в 80-е гг. прошлого столетия из республики в указанные регионы СССР ежегодно на заработки выезжали 40–60 тыс. человек. Не менее 30–40 тыс. человек ежегодно выезжали в указанные годы на сезонные работы из Чечено-Ингушетии; в несколько меньших масштабах имел место указанный процесс и в других республиках Северного Кавказа. Немалая часть этих людей со временем переезжала в регионы заработков на постоянное место жительства, перевозила туда свои семьи и других родственников. Так, в целом по 4-м республикам региона — Дагестану, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии — сальдо миграции населения в межпереписной период 1979–1988 гг. составило 280 тыс. человек, из них порядка 190–200 тыс. человек — титульного населения указанных республик.

Говоря о миграционном оттоке населения из республик Северного Кавказа, необходимо отметить, что основная часть населения выезжает в другие субъекты России. За период 1989–2002 гг. в миграционном обмене с другими субъектами России вместе взятые республики региона — Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия — «потеряли» около 98 тыс. человек. Основная часть населения, покидающая северокавказские республики, выезжает в основном в «русские» субъекты Северного Кавказа — Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область. Так, например, миграционный отток населения Северной Осетии в указанные субъекты региона составил за период 1989–2002 гг. почти

15 тыс. человек, или 64% численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты России. На «русские» субъекты региона пришлось в указанный межпереписной период и почти 12,5 тыс. человек, или 84% миграционного оттока из Кабардино-Балкарии; большая часть уезжающих из Дагестана также выбирает новым местом жительства Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область. В Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область выехала и значительная часть населения, в основном русские, из Чечни и Ингушетии. По данным Федеральной миграционной службы МВД России, из общей численности вынужденных переселенцев из Чечни, зарегистрированных на начало октября 2002 г., более 36% было зарегистрировано в указанных субъектах региона. В других субъектах Южного федерального округа, в том числе в северокавказских республиках, было зарегистрировано на указанный момент 41% вынужденных переселенцев из Чечни.

Следующим по привлекательности регионом для уезжающего из республик Северного Кавказа населения является Центральный федеральный округ, в частности г. Москва и Московская область. Миграционный отток населения республик региона в в указанные субъекты России составил в 1989–2002 гг. порядка 25–28% всего миграционного оттока населения из этих республик. В связи с ужесточением миграционной политики в «русских» субъектах Северного Кавказа и усилением в них антимигрантских и антикавказских настроений в последние 5 лет (1998–2002 гг.) в Центральном регионе России наблюдается увеличение миграционного притока из северокавказских республик. На момент начала проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. в этом регионе было зарегистрировано и около 12% вынужденных переселенцев из Чечни.

Разнонаправленность процессов миграционного и естественного движения различных этнических групп привела к тому, что при общем росте численности населения северокавказских республик в межпереписной период 1989–2002 гг. на 1340 тыс. человек (на 25%), численность населения северокавказских народов в республиках региона увеличилась на 1784 тыс. человек (более чем в 1,5 раза), в том числе в «своих» республиках увеличилась на 1665 тыс. человек, или в 1,5 раза (В предыдущий межпереписной период численность населения северокавказских народов в «своих» республиках увеличилась на 510 тыс. человек, или на 16,5%). Численность русских в республиках Северного Кавказа за период 1989–2002 гг. уменьшилась, *согласно расчетам официальных данных*, на 364 тыс. человек, или на 27% (В 1979–1989 гг. русское население северокавказских республик сократилось всего на 52 тыс. человек, или на 4%). Согласно экспертным оценкам, численность русских в республиках региона уменьшилась в последний межпереписной период минимум на 415–420 тыс. человек. Отметим, что миграционный отток составил 77–80% сокращения численности русского населения республик Северного Кавказа.

Различная динамика численности населения указанных этнических групп существенно изменила их долю в численности населения республик региона. Удельный вес населения северокавказских народов в общей численности всего населения рассматриваемых республик вырос за период 1989–2002 гг., *согласно данным переписей населения*, с 66 до 80%, в том числе в «своих» республиках — с 63 до 75%. Доля русских в численности всего населения республик региона сократился за указанные годы с 26 до 15%, доля населения других этнических групп — с 9 до 5%.

Приведенные показатели свидетельствуют о происходящих в республиках Северного Кавказа процессах моноэтнизации населения. Темпы, причины и характер этого процесса в каждой из республик различны. Наиболее быстрыми темпами указанный процесс идет в Чечне. Если в 1989 г. на территории современной Чечни доля чеченцев составляла 66%, то в 2002 г. чеченцы составляли, *согласно данным переписи*, уже 93% населения республики (В действительности же этот показатель несколько выше). Доля русских в численности населения Чечни сократилась за указанный период, опять таки, *согласно данным переписей населения*, с 25 до 4% (В действительности же — не более 2%).

Процессы моноэтнизации идут и в ряде других республик региона. Так, в частности, в Дагестане удельный вес дагестанцев в численности населения республики вырос, *согласно данным переписей населения*, с 80% в 1989 г. до 86% — в 2002 г. За этот же период удельный вес русских в Дагестане сократился с 9 до менее чем 5%, доля населения других нетитульных национальностей — с 11 до 8% (несмотря на высокий естественный прирост проживающих в республике чеченцев и азербайджанцев). В Ингушетии удельный вес титульного населения вырос за исследуемый период, *согласно данным переписей населения*, с 75 до 78%, доля русских в республике сократилась при этом с 13 до немногим более чем 1%. Учитывая же, что на момент проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. в Ингушетии находилось значительное число вынужденных переселенцев-чеченцев, значительная часть которых уже вернулась в места своего прежнего проживания, доля ингушей в республике в настоящее время гораздо выше. По мере возвращения чеченцев в Чечню, доля ингушей в «своей» республике будет продолжать расти. Имеющее место возвращение русского населения в Ингушетию общую тенденцию динамики этнического состава республики не изменит.

Указанные выше миграционные процессы и разный уровень естественного прироста населения отдельных национальностей значительно изменили этнический состав и других республик Северного Кавказа. Значительно вырос за последний межпереписной период удельный вес титульного населения в Северной Осетии — с 53% в 1989 г. до 63% — в 2002 г., Кабардино-Балкарии — с 58 до 67%, Карачаево-Черкессии — с 41 до 50%. Незначительным был в указанный период рост доли титульного населения в Адыгее — с 22 до 24%. Параллельно с ростом удельного веса населения титульных национальностей в указанных республиках региона шел процесс сокращения в них доли русских. Так, удельный вес русских в численности населения Северной Осетии сокра-

тился за период 1989–2002 г. с 30 до 23%, Кабардино-Балкарии — с 32 до 25%, Карачаево-Черкессии — с 42 до 34%, Адыгее — с 68 до 65%.

С началом процесса «суверенизации» основным фактором, определяющим миграционный отток населения нетитульных народов из республик Северного Кавказа, становится все более обостряющаяся межэтническая напряженность как между самими титульными группами региона, так и между ними, с одной стороны, и русскими — с другой. Процесс «суверенизации» северокавказских республик, особенно его начальный период, проходил в некоторых республиках в состоянии некоей эйфории местных национал-радикалов и сопровождался гипертрофированным ростом этнического самосознания и ксенофобии. *Национализм, сепаратизм и русофобия* в той или иной форме, как бы этого не хотели признавать руководители северокавказских республик, проявились в тот период во всех республиках региона. Об этом сегодня не принято говорить вслух, но немалая часть населения северокавказских республик, особенно интеллигенция из числа титульных национальностей с ее «обостренным чувством национальной гордости», поддержала в свое время провозглашение независимости Чечни.

Говоря о миграционном оттоке русского населения из республик Северного Кавказа, необходимо отметить, что в ряде республик он происходил в последние годы значительно большими темпами, чем это прогнозировалось аналитиками.

Особенно сложным продолжает оставаться положение русского населения в Чечне. Несмотря на наметившиеся позитивные сдвиги в социально-экономическом положении республики, из Наурского и Шелковского районов (единственных районов, где еще продолжает оставаться русское/казачье население) отток русского населения продолжается. Многие из русских, пока еще остающихся жить в указанных районах, имеют твердые установки на выезд за пределы республики. Они готовы уехать в «*Россию*» (так и говорят: «*в Россию*») уже и сегодня, при условии определенной помощи со стороны федеральных властей.

Особо отметим тот факт, что ни в одном из многочисленных указов Президента России и постановлений российского Правительства по Чечне не было заложено механизмов защиты русского населения и решения его не менее сложных, чем у чеченцев, проблем. Многие русские считают, что федеральный центр должен предоставить русским и представителям других национальностей, покинувшим Чечню, возможность обустройства на новом месте, а не создавать условия для возвращения их в республику. То же самое необходимо сделать и для желающих покинуть республику. Политическая реальность такова, что, вероятнее всего, остающееся еще в Чечне русское население постепенно покинет эту республику.

Отток русского населения из республик Северного Кавказа уже сегодня сказывается на социально-экономическом положении этих республик. Некоторые региональные политики и экономисты, не находящиеся в плену амбиций и идей местных национал-радикалов, отмечают, что возможности роста промышленного производства в республиках региона были бы куда более

значительными, если бы за последние годы из них не выехала значительная часть высококвалифицированных рабочих и специалистов из числа русских и населения других нетитульных этнических групп. До начала процесса «суверенизации» республик Северного Кавказа, совпавшего по времени с началом падения темпов промышленного производства, русские составляли большинство занятых в ведущих отраслях промышленности этих республик.

Что касается миграционного оттока русских и населения других нетитульных национальностей из республик Северного Кавказа, то у них наряду с причинами экономического характера имели место и причины этнического характера. Республиканская и центральная власти старались не замечать этнических причин миграционного оттока из республик Северного Кавказа русского и другого нетитульного населения, объясняя усиливающуюся миграцию только экономическими причинами. Не хотят видеть действительных причин современных миграционных процессов и многие нынешние руководители республик Северного Кавказа. Как и их предшественники, основную и единственную причину миграционного оттока нетитульного населения из республик региона они объясняют причинами экономического характера. Эти причины, безусловно, присутствуют в миграционных установках нетитульного населения, но не они являются решающими в принятии решения о переезде в другие субъекты России.

Таблица 1. *Динамика численности населения республик Северного Кавказа (1989–2002 гг.), тыс. человек*

	1989 г., перепись	Прирост населения за 1989–2002 гг.			2002 г., перепись	2002 г. в % к 1989 г.	Доля населения, %	
		ОПН*	в том числе:				1989 г.	2002 г.
			ЕПН*	МПН*				
Все республики:	5305,0	1340,0	750,0	590,0	6 645,0	125,0	100	100
титульное население	3516,0	1784,0	810,0	974,0	5 300,0	151,0	66,0	80,0
в том числе:								
<i>а) в «своих» республиках</i>	3333,0	1665,0	762,0	903,0	4998,0	150,0	63,0	75,0
<i>б) вне «своих» республик</i>	183,0	119,0	48,0	71,0	302,0	165,0	3,0	5,0
русские	1360,0	-364,0	-85,0	-279,0	996,0	73,0	26,0	15,0
др. нац-ти	429,0	-80,0	25,0	-105,0	352,0	82,0	8,0	5,0
Адыгя:	432,0	15,0	-17,0	32,0	447,0	103,0	100	100
адыгейцы	95,0	13,0	5,0	8,0	108,0	114,0	22,0	24,0
русские	294,0	-5,0	-19,0	14,0	289,0	98,0	68,0	65,0
др. нац-ти	43,0	7,0	-3,0	10,0	50,0	116,0	10,0	11,0
Дагестан:	1802,0	774,0	415,0	359,0	2 576,0	143,0	100	100
титульное население	1 444,0	785,0	385,0	400,0	2 229,0	154,0	80,0	86,0
русские	166,0	-45,0	-10,0	-35,0	121,0	73,0	9,0	5,0
др. нац-ти	192,0	34,0	40,0	-6,0	226,0	118,0	11,0	9,0

	1989 г., перепись	Прирост населения за 1989–2002 гг.			2002 г., перепись	2002 г. в % к 1989 г.	Доля населения, %	
		ОПН*	в том числе:				1989 г.	2002 г.
			ЕПН*	МПН*				
Ингушетия:	187,0	281,0	83,0	198,0	468,0	250,0	100	100
ингуши	139,0	223,0	70,0	153,0	362,0	260,0	75,0	78,0
русские	25,0	-19,0	-2,0	-17,0	6,0	24,0	13,0	1,0
чеченцы	19,0	76,0	14,0	62,0	95,0	в 5 раз	10,0	20,0
др. нац-ти	4,0	1,0	1,0	0,0	5,0	125,0	2,0	1,0
Кабардино- Балкария:	753,0	148,0	51,0	97,0	901,0	120,0	100	100
титовское население	434,0	169,0	64,0	105,0	603,0	139,0	58,0	67,0
русские	241,0	-14,0	-12,0	-2,0	227,0	94,0	32,0	25,0
др. нац-ти	78,0	-7,0	-1,0	-6,0	71,0	91,0	10,0	8,0
Карачаево- Черкесия:	415,0	24,0	20,0	4,0	439,0	106,0	100	100
титовское население	170,0	49,0	24,0	25,0	219,0	129,0	41,0	50,0
русские	176,0	-28,0	-10,0	-18,0	148,0	84,0	42,0	34,0
др. нац-ти	69,0	3,0	6,0	-3,0	72,0	104,0	17,0	16,0
Сев. Осетия:	632,0	78,0	13,0	65,0	710,0	112,0	100	100
осетины	335,0	110,0	19,0	91,0	445,0	133,0	53,0	63,0
русские	189,0	-24,0	-12,0	-12,0	165,0	87,0	30,0	23,0
др. нац-ти	108,0	-8,0	6,0	-14,0	100,0	93,0	17,0	14,0
Чечня:	1084,0	20,0	185,0	-165,0	1104,0	102,0	100	100
чеченцы	716,0	316,0	195,0	121,0	1032,0	144,0	66,0	93,0
русские	269,0	-229,0	-20,0	-209,0	40,0	15,0	25,0	4,0
др. нац-ти	99,0	-67,0	10,0	-77,0	32,0	32,0	9,0	3,0

* ОПН — общий прирост населения, ЕПН — естественный прирост населения, МПН — миграционный прирост населения.

«Русские» субъекты Северного Кавказа

■ Самые многолюдные на Северном Кавказе регионы — Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на их территории проживает почти 12,3 млн. человек, что составляет две трети населения российской части Кавказа (8,4% населения РФ). В указанных субъектах численно преобладает русское население, доля которого составляет от 82 до 89% населения этих субъектов.

За межпереписной период 1989–2002 гг. указанные края и область характеризовались ростом численности населения, в то время как во многих других регионах России наступил этап депопуляции. Более того, рост численности населения в упомянутых северокавказских регионах даже возрос. Если в 1979–1989 гг. совокупная численность населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области увеличилась на

776 тыс. человек (на 7,4%), то в период 1989–2002 гг. прирост составил 941 тыс. человек (8,3%).

Условия демографического развития указанных субъектов Северного Кавказа были более благоприятными в прошлые годы, поскольку рост численности населения происходил как за счет миграционного, так и естественного прироста (в 1979–1989 гг. соответственно 56 и 44%). В последний межпереписной период рост численности населения указанных краев и области происходил *исключительно* за счет миграции: в Краснодарском крае население выросло на 504 тыс. человек, Ставропольском крае — на 325 тыс., в Ростовской области — на 112 тыс. Приток мигрантов и снижение естественного прироста в указанных регионах не были одинаковыми. На общем фоне выделяется Краснодарский край, население которого за период 1989–2002 гг. выросло намного больше (на 68%), чем в предыдущий межпереписной период. В Ставропольском крае темпы роста численности населения оказались практически неизменными, в Ростовской области рост численности населения снизился почти вдвое.

Если за счет миграции прирост населения в рассматриваемых краях и области составил в 1989–2002 гг. 1580 тыс. человек (в 1979–1989 гг. — всего 340 тыс. человек), то за счет превышения смертности над рождаемостью эти субъекты потеряли почти 640 тыс. человек (в 1979–1989 гг. естественный прирост был положительным и составил 430 тыс. человек). Необходимо отметить, что уже в межпереписной период 1979–1989 гг. общий коэффициент естественного прироста был незначительным и составлял всего 4 человек на 1000 населения. В 1989–2002 гг. этот показатель был уже со знаком «-» — -3,9 человек. Динамика коэффициента естественного прироста населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области в указанные годы была следующей: в 1989 г. — +2,3 человек, в 2002 г. — уже -6,3 человек на 1000 населения. Если же взять в расчет только русское население, то демографическая ситуация в этих субъектах будет выглядеть еще негативнее: коэффициент естественного прироста в последний межпереписной период составлял -4,5.

Если в 1979–1989 гг. русские составляли значительную часть естественного прироста населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области, то в 1989–2002 гг. именно на них пришелся основной объем естественной убыли населения этих субъектов. Отметим, что отрицательный естественный прирост характерен для украинцев, белорусов и населения многих других «некавказских» этнических групп, проживающих в указанных субъектах. В то же время у населения, так сказать, кавказских национальностей, проживающих в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области, естественный прирост продолжал сохраняться и в рассматриваемый период.

Тем не менее, численность русского населения в указанных субъектах продолжала расти и в последний межпереписной период. Источник роста — миграция. Если в 1979–1989 гг. на долю русских приходилась половина

всего прироста населения этих субъектов, то в 1989–2002 гг. — более 77%. В отдельно взятых краях и области этот показатель был следующим: в Краснодарском крае — 85%, Ростовской области — 81%, Ставропольском крае — 64% (в 1979–1989 гг. соответственно 47%, 65 и 56%). Еще выше была в указанный период доля русских в миграционном приросте населения этих субъектов — в целом 87% (в 1979–1989 гг. — 55%); в отдельно взятых краях и области этот показатель был следующим: в Ростовской области — 92%, Краснодарском крае — 87%, в Ставропольском крае — 80%.

Несмотря на значительное увеличение в последний межпереписной период численности русского населения в рассматриваемых краях и области — 728 тыс. человек, или на 7,0% (в 1979–1989 гг. — на 4,5%), удельный вес русских в численности всего населения этих субъектов остался практически неизменным: 87,2% — в 1989 г., 86,4% — в 2002 г. Значительная миграция населения в Краснодарский и Ставропольский края и Ростовскую область не привела к резкому снижению численности русских или какой либо другой «демографической катастрофе», о чем до Всероссийской переписи населения 2002 г. и после нее неустанно заявляли и заявляют власти и казахи лидеры рассматриваемых субъектов. В Краснодарском крае русские и в 1989 г., и в 2002 г. составляли около 87% населения; практически неизменным оказался данный показатель и в Ростовской области — 89%. Некоторое сокращению доли русских в численности населения произошло только в Ставропольском крае: с 84 до почти 82%.

Опять же не на «миллионы», как пугали свое население руководители различного уровня и лидеры русских общественных движений Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области, увеличилась общая численность кавказцев в этих субъектах. В целом в указанных краях и области численность населения кавказских национальностей увеличилась за последний межпереписной период на 287 тыс. человек, при этом их доля в общей численности населения этих субъектов выросла с 5% в 1989 г. до 7% в 2002 г. Относительно значительным в указанный период был рост численности армян (в основном за счет притока из Закавказья), азербайджанцев и грузин: их численность в рассматриваемых субъектах увеличилась почти на 260 тыс. человек, их доля в общей численности населения этих краев и области выросла при этом с 3 до 5%, в том числе армян с почти 3 до более чем 4%. В настоящее время армяне являются второй по численности группой в Краснодарском и Ставропольском краях и на третьим (после украинцев) в Ростовской области.

В отличие от армян, азербайджанцев и грузин, для населения северокавказских национальностей период 1989–2002 гг. характеризуется миграционным оттоком из Краснодарского и Ставропольского краев и в Ростовской области. Отмеченный выше рост численности населения северокавказских национальностей в этих субъектах обеспечивался только за счет естественного прироста (+41 тыс. человек), тогда как saldo миграции имело минусовой показатель — -13 тыс. человек, из которых 9 тыс. составили чеченцы.

Как свидетельствуют данные ежегодных учетов естественного и механического движения населения субъектов Северного Кавказа, миграция, как главный источник роста численного населения Краснодарского и Ставропольского краев и в Ростовской области — ресурс не бесконечный. Уже с середины 1990-х гг. миграционный приток населения в эти субъекты заметно сократился. Одновременно усилилась естественная убыль населения. Если в 1994 г. миграционный прирост населения Краснодарского края и Ростовской области составил соответственно 91,6 тыс. и 55,2 тыс. человек, то в 1995 г. — уже 66,2 тыс. и 25,4 тыс. человек, в 1998 г. — 21,7 тыс. и 7,9 тыс. человек, в 2001 г. — 18,1 тыс. и 1,3 тыс. человек. У русского населения Краснодарского края и Ростовской области динамика миграционного прироста была следующей: в 1994 г. — соответственно 70,4 тыс. и 38,1 тыс. человек, в 1995 г. — 52,5 тыс. и 21,8 тыс. человек, в 1998 г. — 17,9 тыс. и 4,0 тыс. человек, в 2001 г. — 18,1 тыс. и 1,3 тыс. человек. Аналогичная динамика миграционного прироста населения в целом и русских в частности была и в Ставропольском крае: в 1994 г. — соответственно 41,3 тыс. и 32,3 тыс. человек, в 1995 г. — 24,2 тыс. и 21,0 тыс. человек, в 1998 г. — 15,6 тыс. и 10,5 тыс. человек, в 2001 г. — 16,6 тыс. и уже даже — 0,8 тыс. человек.

Что касается показателей естественного прироста, то если в 1989 г. они были положительными, то в последующие годы стали со знаком минус. Так, если в 1989 г. у русского населения Краснодарского края и Ростовской области естественный прирост составлял соответственно 4,0 тыс. и 4,9 тыс. человек, то в следующем году прирост был уже отрицательным — соответственно -1,6 тыс. и -1,9 тыс. человек. В последующие годы убыль русских в рассматриваемых субъектах только усиливалась: в 1995 г. она составляла соответственно -22,5 тыс. и -25,3 тыс. человек, в 2001 г. — -27,7 тыс. и -34,3 тыс. человек. В Ставропольском крае естественная убыль населения началась несколько позже — в 1993 г. — и была не столь интенсивной. В 1993 г. естественная убыль русского населения в крае составила -6,4 тыс. человек, в 1998 г. — -9,5 тыс. человек, в 2001 г. — -16,9 тыс. человек.

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., численность населения Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области оказалась несколько выше прогнозируемой Госкомстатом России. Одна из причин этого — антимигрантская политика в этих субъектах и, как следствие, — неподотчетные текущей статистике временные и т. н. незаконные мигранты. А перепись, напротив, часть таких мигрантов учла. Правда, учла ли перепись всех или большую часть — вопрос открытый. Но главное, прошедшая перепись населения развенчала миф об «астрономических» цифрах численности законных и незаконных мигрантов в этих субъектах.

Если сопоставить данные, полученные Всероссийской переписью населения 2002 г., с материалами текущего миграционного учета, получается, что неподотчетных, то есть незаконных мигрантов в рассматриваемых субъектах может насчитываться порядка 300 тыс. человек, что составляет 19% общего миграционного прироста населения. Следует напомнить, что указанные субъекты

не только принимают население, но отдают его. В последний межпереписной период Краснодарский и Ставропольский края и Ростовскую область покинуло 2,5 млн. человек, и среди них немало тех, кто недавно прибыл в эти субъекты.

Всероссийская перепись населения 2002 г. опровергла миф о мигрантском засилье в указанных краях и области, но и сегодня многие руководители и политики этих субъектов продолжают высказывать старые опасения. Говорят о каких-то «экспертных оценках» и «неофициальных данных». Не перестают писать и говорить о якобы двукратном и даже троекратном занижении официально регистрируемых объемов миграции. Почти сакральной стала упоминающаяся в СМИ фраза о миллионе мигрантов, большинство которых — «незаконные». Вот только некоторые из этих страшилок. «В Ростовской области... более 1 млн. мигрантов, хотя зарегистрировано всего 112 тыс.»; «Реальная численность чеченцев (в Ростовской области. — Авт.) как минимум вдвое превышает приведенную (официальную — 17 тыс. человек — Авт.)»; «В Краснодарском крае проживает самая многочисленная армянская диаспора в России. По официальным данным, — примерно 0,5 млн. человек, по неофициальным и, скорее всего, более правильным (?! — Авт.) — почти миллион»; В Ставропольском крае, «по неофициальным данным, общее число мигрантов, в том числе и незаконных, превысило миллион»¹.

К числу антимигрантской информации, которой активно манипулируют руководители рассматриваемых субъектов и некоторые лидеры казачьих организаций Кубани, Дона и Ставрополя, относятся и подобные этим: «На Дону сегодня идет оккупация без выстрелов»; «Значительную часть прибывших (в Ставропольский край. — Авт.) составляют представители неславянских этносов»; «Идет повсеместное агрессивное вытеснение русского населения (из восточных районов Ставропольского края. — Авт.) тысячами мигрантов из соседних северокавказских республик»; «В течение 20 лет русские превратятся здесь (на Кубани. — Авт.) в меньшинство»; «Кубань постепенно “чернеет” в связи с переселением сюда армян, турок-месхетинцев и занятием ими земель»; «Если такая миграционная политика государства сохранится и впредь, ... то уже через несколько лет на юге нашей страны больше России не будет»; «Край перенаселен. ...Сегодня плотность населения Кубани в 6–8 раз превышает норму» (При этом не указывается, что это за норма и кем она установлена? — Авт.)². Многие

¹ См., например: Городецкая Н. Нужные, но обременительные //Журнал «Политбюро». 2002. 16-22 декабря. С. 10; Хоперская Л. Ростовская область //Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. С. 118; Интервью с председателем комитета Совета Федерации по делам федерации и региональной политике А. Казаковым //Газета «Век». 2002. 27 сентября-3 октября; Бондаренко М. Беженцы оккупируют станицы //Независимая газета. 2003. 5 марта.

² См., например: Макаров В. Ставрополье может потерять треть своей территории //Московский комсомолец-Кавказ. 2001. 19-26 апреля; Интервью с атаманом Всевеликого войска Донского Н. Козицыным //Независимая газета. 2002. 16

руководители рассматриваемых субъектов и казахи атаманы разных уровней, отмечая крайне неблагоприятную демографическую ситуацию у русского населения этих субъектов и высокий уровень естественного прироста у мигрантов из числа кавказских народов, высказывают опасения, что эти процессы и продолжающийся миграционный приток мусульманских народов уже в ближайшие 10–15 лет приведут к возникновению «на исконно казачьих землях» мусульманских анклавов, что, в свою очередь, может привести к косовскому сценарию развития этнополитической ситуации в этих субъектах региона.

Таблица 2. *Динамика численности населения «русских» субъектов Северного Кавказа, тыс. человек*

	1989 г., перепись	Прирост населения за 1989–2002 гг.			2002 г., перепись	2002 г. В % к 1989 г.	Удельный вес	
		ОПН	в том числе:				1989 г.	2002 г.
			ЕПН	МПН				
Все население:	11 324,0	941,0	-639,0	1 580,0	12 265,0	108,0	100	100
русские	9 875,0	728,0	-640,0	1 368,0	10 603,0	107,0	87,0	86,0
кавказские народы								
<u>в том числе:</u>	556,0	287,0	66,0	221,0	843,0	152,0	5,0	7,0
<i>северокавказские</i>	198,0	28,0	41,0	-13,0	226,0	114,0	2,0	2,0
<u>из них:</u>								
<i>дагестанцы</i>	98,0	23,0	26,0	-3,0	121,0	123,0	1,0	1,0
<i>чеченцы</i>	33,0	-2,0	7,0	-9,0	31,0	94,0	0,3	0,3
<i>другие</i>	67,0	7,0	8,0	-1,0	74,0	110,0	0,6	0,6
титульные народы Южного Кавказа								
<u>из них:</u>								
<i>армяне</i>	305,0	229,0	15,0	214,0	534,0	175,0	3,0	4,0
<i>азербайд-цы</i>	29,0	14,0	8,0	6,0	43,0	148,0	0,3	0,4
<i>грузины</i>	24,0	16,0	2,0	14,0	40,0	167,0	0,2	0,3
другие	893,0	-74,0	-65,0	-9,0	819,0	92,0	7,0	7,0
<u>в том числе:</u>								
<i>украинцы</i>	424,0	-128,0	-54,0	-74,0	296,0	70,0	4,0	2,0

августа; Авксентьев В., Бабкин И., Хоц А. Этноконфликтологическая ситуация в Ставропольском крае (на материалах социологических исследований) //Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18. М.-Ставрополь, 2002. С. 375; Ковальская Г. Непрописанные народы //Журналист. 2002. 9 декабря. № 18 (электронная версия); Христинин Ю. Быть ли России на юге России? //Северный Кавказ. 2003. № 10 (март); Корюшкина Е. В ожидании переписчиков: о надеждах и отношении к переписи турок-месхетинцев и казаков Краснодарского края //Этнография переписи-2002. С. 215.

Указанные и подобные им многочисленные заявления, которыми региональные власти, потакая националистически настроенной части казачества и заигрывая с ней, продолжают пугать старожильческое население Дона, Кубани и Ставрополя, культивируя в нем мигрантофобию и кавказофобию, не имеет ничего общего с действительностью. Анализ данных, приведенных в табл. 2, свидетельствует, что никакой «запланированной миграционной экспансии» со стороны кавказских народов не происходит. Никакой реальной угрозы «чернения», «дагестанизации» / «даргинизации» / «чеченизации» / «арменизации» / «месхетизации» и прочих «...заций» рассматриваемых субъектов ни сегодня, ни на ближайшую перспективу не существует. И нет никакой опасности, что через несколько десятков лет «русские станут национальным меньшинством на своих исконных землях».

Политикам и журналистам следует знать, что Краснодарский и Ставропольский края и Ростовская область теряют и будут терять далее свое население из-за демографического старения населения, что единственным источником роста численности населения этих субъектов, как и России в целом, по крайней мере, в ближайшей перспективе будет миграция. Нужно знать и о том, что в последние годы миграционный приток населения в эти регионы не просто сократился, а сократился в несколько раз. И потом, можно ли десять с лишним лет называть мигрантами постоянно проживающих в указанных краях и области людей? Власти и вслед за ними лидеры казачьих движений не хотят признавать, что все жители должны иметь равные гражданские права вне зависимости от этнического происхождения.

Не иначе как ученым вымыслом является и некий «порог конфликтности», то есть та мера численности мигрантов, превышение которой якобы порождает всплеск мигрантофобии и обострение этнических противоречий. Эта «критическая» доля мигрантов у различных специалистов колеблется от степени их учености — от 5 до 40%. Такой разброс уже сам по себе снимает вопрос о применимости подобных «критериев». Известно, что в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области, как в других регионах страны, антимигрантские настроения возникли не по достижении каких-то процентов, а с появлением на этих территориях первых вынужденных мигрантов. При этом не имело абсолютно никакого значения, кто по национальности были эти мигранты.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

■ Население Северного Кавказа — самое пестрое в России по этническому составу — формировалось под влиянием длительных и сложных исторических процессов, сопряженных с частыми миграциями, политической борьбой, конфликтами и мирным сосуществованием. Наиболее древние жители Кавказа были предками части нынешнего населения, говорящего на абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языках — кабардинцев, адыгейцев, черкесов, шапсугов, чеченцев, ингушей, аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и др. За многовековую историю миграционные потоки шли через прикаспийские степи. Значительную роль в изменении этнической карты сыграл т. н. «Дербентский коридор» — узкая полоса земли вдоль западного побережья Каспийского моря, по которой направлялись торговые караваны и военные отряды. Некоторые переселения оставили заметный след в истории и культуре региона, и одно из них связано с появлением в степях Северного Кавказа ираноязычных кочевников (предположительно в VII в.). Влияние индоевропейских языков исходило и со стороны территории нынешнего Ирана, с юга. Ираноязычное население современного Северного Кавказа — осетины. Более поздние этнические миграции, происходившие уже в нашей эре, связаны с тюркоязычными племенами. Тюркское влияние было долговременным, миграционных потоков было несколько. К тюркоязычным на современном Северном Кавказе относятся карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы.

Проникновение славян началось в древности, видимо, еще в первые века нашей эры. Однако массовый приток связан с формированием казачества и Кавказской войной (1817—1864 гг.). Русская колонизация стабилизировала обстановку в регионе и положительно влияла на многие социальные и политические процессы (развитие письменности, государственности, строительство городов и проч.).

Своеобразная ситуация сформировалась на Северном Кавказе в области государственного строительства в XX в., когда в советский период в честь некоторых (но не всех) национальностей были учреждены национально-территориальные автономии — республики и области. До настоящего времени часть республик Северного Кавказа имеет по одной «титульной» национальности, например, в Адыгее — адыгейцы, в Северной Осетии — осетины, в других случаях «титульных» национальностей две (в Карачае-

во-Черкесии, Кабардино-Балкарии), а в Дагестане — более десятка. При этом в большинстве районов население смешанное. В настоящее время на Северном Кавказе семь республик, два края и одна область, а, как показала Всероссийская перепись 2002 г., жители региона относят себя более чем к 80 национальностям. Подавляющее количество населения, свыше 60% — русские, их численность 11,6 млн. человек. Около трети жителей Северного Кавказа образуют 17 крупных этнических групп, каждая численностью не менее 100 тыс. человек. Самые многочисленные среди них чеченцы (1,3 млн. человек) и аварцы (0,8 млн.); порядка полумиллиона человек каждая группа — это армяне, кабардинцы, даргинцы, осетины. Северокавказский регион уникален тем, что помимо больших этнических групп там расселены десятки малочисленных, насчитывающих по одной тысячи человек и менее.

*Этнический состав населения Северного Кавказа
по данным Всероссийской переписи 2002 г.*

	всего человек	доля среди населения, в %
все население	18910232	100,0
абазины	36551	0,2
абхазы	3715	0,0
аварцы	776674	4,1
В том числе:		
андийцы	21380	
арчинцы	7	
ахвахцы	6366	
багулалы	23	
бежтинцы	6187	
ботлихцы	5	
гинухцы	525	
годоберинцы	6	
гунзибцы	981	
дидойцы	15201	
каратинцы	6032	
тиндалы	35	
хваршины	121	
чамалалы	5	
агулы	25558	0,1
адыгейцы	125611	0,7
азербайджанцы	162649	0,9
арабы	1810	0,0
армяне	580953	3,1
ассирийцы	7193	0,0

Этнический состав населения

балкарцы	106689	0,6
башкиры	5898	0,0
белорусы	69862	0,4
болгары	5923	0,0
вьетнамцы	2067	0,0
греки	69700	0,4
грузины	55322	0,3
даргинцы	475373	2,5
в том числе:		
кайтагцы	4	
кубачинцы	72	
евреи	14239	0,1
евреи горские	1522	0,0
езиды	8587	0,0
ингуши	390853	2,1
кабардинцы	511166	2,7
казахи	8150	0,0
калмыки	2338	0,0
карачаевцы	187128	1,0
китайцы	1415	0,0
коми	1503	0,0
коми-пермяки	3367	0,0
корейцы	29844	0,2
кумыки	396213	2,1
курды	11014	0,1
лакцы	147070	0,8
латыши	1681	0,0
лезгины	353362	1,9
литовцы	2285	0,0
марийцы	7003	0,0
молдаване	17476	0,1
мордва	11759	0,1
немцы	39076	0,2
ногайцы	78337	0,4
осетины	474726	2,5
в том числе:		
осетины-дигорцы	559	
осетины-иронцы	59	
персы	1674	0,0
поляки	6884	0,0
пуштуны	1515	0,0
русские	11597457	61,3

в том числе:		
казаки	112954	
рутульцы	26735	0,1
табасараны	119916	0,6
таджики	3871	0,0
талыши	68	0,0
татары	73271	0,4
татары крымские	2936	0,0
таты	1298	0,0
турки	64402	0,3
турки-мехетинцы	2795	0,0
туркмены	15709	0,1
удины	2733	0,0
удмурты	9102	0,0
узбеки	6607	0,0
украинцы	325251	1,7
хемшилы	1220	0,0
цахуры	8759	0,0
цыгане	51811	0,3
черкесы	57833	0,3
чеченцы	1256961	6,6
в том числе:		
чеченцы-аккинцы	135	
чуваши	10223	0,1
шапсуги	3227	0,0
эстонцы	2095	0,0
другие и не указавшие национальность	44217	0,2

Абазины (самоназвание *абаза*) – потомки древнего населения Кавказа, их язык (абазинский) является родственным другим абхазско-адыгейским языкам. Численность абазин в регионе невелика, составляет 36,6 тыс. человек. Верующие в основном мусульмане сунниты ханафитского мазхаба¹. До XV–XVII вв. абазины проживали на черноморском побережье между реками Туапсе и Бзыбью. В течение двух столетий они начали переселяться на Северный склон Главного Кавказского хребта, обосновываясь среди проживавших в этих местах карачаевцев в верховьях рек Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков, Кубани и Теберды. Продвигаясь и, заселяя территории оставленные местным тюркским населением, вы-

¹ Мазхаб – религиозный философско-правовой толк или направление.

званными походами Тимура, абазины за короткий срок смогли наладить с местным населением добрососедские отношения. Ныне они проживают в Карачаево-Черкесии (Российская Федерация). Решением республиканской власти от 2005 г. создан абазинский район. Проживают также в Турции (более 10 тыс. человек).

Историки предполагают, что абазинский союз племен при верховенстве доминирующего племени абазы сформировался в раннем средневековье. Когда абазины обосновались в верховьях реки Кубань, их стали притеснять кабардинские князья. Часть абазин, будучи под властью князей, переселилась вместе с ними на Баксан. Другая часть зависела гораздо меньше. Стремление кабардинских князей подчинить непокорных с помощью русских войск не увенчалось успехом, а военные столкновения способствовали укреплению сплоченности различных групп абазин, в частности, наиболее многочисленных среди них *тапантовцев*. Немногие абазинские князья искали покровительства России, основная их часть находилась под покровительством Османской империи. В конце XVIII–XIX вв. турецкое владычество не могло противостоять Российскому, и абазины были оттеснены в горы. Окончательно абазины вошли в состав Российской империи после Кавказской войны.

Национальный фольклор абазин богат эпическими сказаниями нартовского цикла, историко-героическими песнями, пословицами, поговорками.

Абхазы (самоназвание *апсуа*) в основном населяют Абхазию. В Российской Федерации насчитывают 11,4 тыс., причем только треть из них расселены на Северном Кавказе — в Краснодарском крае, Адыгее, Ростовской обл. Заметное количество в Москве. За рубежом проживают в Сирии, Турции, Иордании. Верующие — православные христиане и мусульмане-сунниты. В самой Абхазии доминируют христиане. Мусульман-суннитов, если взять всех абхазов мира, больше. Религиозные воззрения абхазов вобрала в себя языческий, христианский и мусульманский ритуалы и культуры. Язык — абхазский, разделяющийся на два диалекта (*бзыбский* и *абжуйский*), входит в абхазско-адыгейскую группу языков.

Аварцы (самоназвание *маарулал*) наряду с чеченцами, наиболее многочисленны на Северном Кавказе — 776 тыс. человек (в целом по России насчитывается 814,5 аварцев). Преимущественно проживают на территории Дагестана к западу и юго-западу от Махачкалы. Дагестанские аварцы насчитывают 758 тыс. человек. В их число включают также малочисленные группы, имеющие собственные языки, помимо аварского (см. статью «Андо-цезские группы»). Историческая Авария граничит на юго-западе по Главному Кавказскому хребту с Азербайджаном и Грузией, на западе по Андийскому хребту с Чечней, на севере с Прикаспийской низменностью, на востоке по Турчи-Дагскому и Дюльти-Дагскому хребтам с районами, населенными лакцами и даргинцами. В последние десятилетия большое количество аварцев переселилось из горных районов на плоскость, и про-

цесс миграции продолжается, порождая немало проблем, в т. ч. и конфликты с местным населением (кумыками, ногайцами, русскими и др.). Живут также в Ставропольском крае (7,2 тыс.), Чечне и Ростовской обл. (по 4 тыс.), в соседней Калмыкии (более 2 тыс.), а также в Азербайджане, Грузии, Казахстане. Язык входит в нахско-дагестанскую группу языков. Включает два наречия — северное и южное, каждое из которых распадается на диалекты.

Рождаемость среди аварцев и уровень естественного прироста остаются высокими. Доля городского населения растет быстрыми темпами. Численность горожан среди аварцев за последние десятилетия лет выросла в несколько раз за счет миграций из села. В городах рождаемость ниже. Несмотря на быстрый процесс миграции в города, сельскохозяйственные занятия преобладают и, видимо, еще долго будут доминировать. Доля лиц с высшим образованием относительно невелика.

С древних времен для аварцев было характерно занятие земледелием. Арабские источники (IX–X вв.) содержат данные о царстве Серир, на месте которого возникло Аварское ханство, достигшее расцвета в XVI–XVII вв. Ведущую роль играло земледелие, и только в XIV–XV вв. основным направлением хозяйства стало животноводство. Начиная с XV в. в Аварии распространяется и утверждается ислам суннитского толка. Вплоть до середины XVIII в. ханство находилось в зависимости от Ирана. В начале XIX в. ханство уже в составе Российской империи. В ходе Кавказской войны аварские ханы занимали пророссийскую позицию, часть же аварских обществ поддержали Шамиля. В результате войны хозяйству аварцев был нанесен огромный ущерб.

В основу литературного аварского языка лег т. н. войсковой язык *болмац*, на котором обсуждались государственные вопросы, происходило общение людей, говоривших на разных диалектах аварского языка. Аварцы издавна имели письменность на основе арабского алфавита. В 1928 г. был введен алфавит на основе латинской, в 1938 г. — русской графики.

Агулы (самоназвание *агул, агулар*), общая численность 28,3 тыс. человек, в основном проживают в Дагестане (23,3 тыс.) в труднодоступных горных долинах Курахского и Агульского районов по соседству с рутульцами, а также в городах республики. В последние годы явная тенденция переселения в равнинные районы. Ок. 1,5 тыс. живут в Ставропольском крае, ок. 400 человек в Краснодарском крае. За пределами Кавказа агулы дисперсно расселены в областях Саратовской и Орловской, а также в Тюменской области. Верующие — мусульмане-сунниты, при этом сохраняются доисламские верования и обряды. Традиционные занятия — пашенное земледелие и скотоводство, а также кузнечное ремесло, обработка кожи, овчины, шерсти. Разговорные языки, помимо агульского (входит в нахско-дагестанскую группу языков, имеет ряд диалектов), азербайджанский и лезгинский. Подавляющее большинство свободно говорит по-русски. Письменность на основе русской графики. На язык и быт агулов сказалось влияние азербайджанской культуры. Невысок процент городского населения — немногим более трети.

Об агулах, как о жителях горных ущелий, известно с VII в. (*агутакани* по армянским текстам). До XVIII в. в составе Казикумухского шамхальства составляли союзы сельских общин. С 1921 г. общины в составе Дагестанской АССР.

Адыгейцы (самоназвание *адыгэ*), язык адыгейский, относящийся к группе родственных абхазо-адыгских языков. Общая численность в РФ — 128,5 тыс. человек, большая часть проживает в Республике Адыгея — 125,8 тыс. Ок. 16 тыс. расселены в Краснодарском крае, 0,6 тыс. человек — в Кабардино-Балкарии, по 0,3 тыс. человек — в Ростовской обл. и Карачаево-Черкесии. Переписью 2002 г. впервые за последние семьдесят лет зафиксированы отдельно от адыгейцев, проживающие в Краснодарском крае шапсуги (однако, их численность существенно занижена²). По мнению некоторых исследователей, адыгейцы, черкесы, кабардинцы и еще небольшие этнические группы образуют единый адыгский народ, якобы, разделенный с приходом царской России на Кавказ и последующей политикой советской власти. Однако это упрощенная точка зрения. Разделение действительно имело место, но прежде всего связано с высылкой за рубеж. После окончания Кавказской войны в 1860-х гг. много адыгейцев осело в Турции, Иордании, Сирии, Палестине. Ныне значительное количество проживает в США. По оценкам, общая численность зарубежной диаспоры превышает 1 млн. человек.

На территории Адыгеи проживают компактными группами по долинам рек Кубани и Лабы. Адыгейцы являются потомками древнейших жителей этих мест. Полагают, что в XII в. возникла многоплеменная адыгская общность. Еще с VI в. делались попытки христианизации местного населения. Начиная с XVII–XVIII вв. документами фиксируются на территории Адыгеи племена *абадзехов*, *бесленевцев*, *егарукаев*, *мохошевцев*, *хатукаевцев*, *темиргоевцев*, *бжедухов*. С XVI в. в регионе распространяется ислам, и к концу XVIII в. адыги считаются мусульманами суннитского толка.

В Кавказской войне 1817–1864 гг. западные адыги оказали русским ожесточенное сопротивление. Они не желали подчиняться и Шамилю, предпочитая воевать самостоятельно. Адыги продолжали борьбу и после пленения Шамиля (1859); последняя черкесская база в урочище Кбаада пала в 1864 г.

Фольклор адыгов представлен сказаниями общенартового цикла и местными преданиями (нартский эпос распространен среди всех народов Кавказа). В основу литературного адыгейского языка лег темиргоевский диалект. Письменность введена в 1929 г. вначале на латинской, затем на русской основе.

Адыгейцы не составляют большинства на территории республики. Значительная часть адыгейцев проживает в городской местности. Характер урбанизационных процессов согласуется с другими социально-демографическими характеристиками — невысоким уровнем естественного прироста, высокой долей лиц с высшим образованием, высокой долей студентов. В городах адыгейцы заняты в основном в торговле, управлении, образовании, культуре, здравоохранении.

² По переписи 3,2 тыс. человек, по оценкам специалистов – порядка 10 тыс.

Азербайджанцы (самоназвание *азербайджанлылар*), на Северном Кавказе насчитывается 162,7 тыс. человек, во всей Российской Федерации 621,8 тыс. (данные переписи 2002 г. несколько занижены). Среди северокавказских азербайджанцев большинство — уроженцы Дагестана (111,7 тыс.), также заметное количество проживает в Ростовской обл. (16,5 тыс.), Ставропольском (15,1 тыс.) и Краснодарском (11,9 тыс.) краях. Кроме того, по 1–2 тыс. расселены в республиках Северного Кавказа. Наименьшее количество — в Чечне и Ингушетии.

В старых российских документах именовались тюрками или татарами, поскольку язык тюркский (этническая группа *терекеме* говорит на особом диалекте). Письменность в советский период на основе русской графики. Верующие — мусульмане, в большинстве шииты; сунниты на севере Азербайджана и в Дагестане. В восточной части Северного Кавказа азербайджанцы стали численно заметны в позднем средневековье. В советский период и особенно после распада СССР переселение азербайджанцев на Северный Кавказ и в др. российские регионы стало особенно интенсивным (начало миграций в результате армяно-азербайджанского конфликта). В Дагестане в результате длительного соседства их культура и быт сблизилась с культурой лезгин, даргинцев, табасаранов. Азербайджанцы заняты во всех отраслях хозяйства — в сельском хозяйстве, торговле и промышленности (особенно в нефтегазовой). Традиционные занятия сельского населения — земледелие, садоводство, виноградарство. На современном этапе азербайджанцы в России представляют собой одну из самых крупных и динамично развивающихся диаспор.

Армяне (самоназвание *хай*) на Северном Кавказе составляют, наряду с русскими, чеченцами и аварцами, самую многочисленную этническую категорию — согласно переписи 2002 г., 581 тыс. человек. За годы, прошедшие после распада СССР, численность армян на Северном Кавказе резко возросла в основном за счет вынужденных миграций из-за землетрясений в Армении, Карабахского конфликта и др. политических потрясений (ок. 300 тыс. человек). Наибольшее количество армян населяет край Краснодарский (274,6 тыс.) и Ставропольский (149,3), а также Ростовскую обл. (110 тыс.). Значительные группы проживают в Северной Осетии (17,2 тыс.), Адыгее (15,3 тыс.). На Северном Кавказе армяне в массовом порядке поселились еще в XVIII — начале XX в. Язык армянский и русский. Верующие в основном монофиситы, частью армяно-католики. Занятия: высокотоварное сельское хозяйство, торговля, различные отрасли промышленности, сфера управления и финансов.

Андо-цезские группы — малочисленное население горных районов Дагестана, говорящее на т. н. одноаульных андо-цезских языках (андийские языки — *андийцы, ахвахцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндалы, чамалалы*; цезские языки — *цезы, гинухцы, гунзибцы, бежтинцы, хваршины*). В языковом отношении близки аварцам, по вероисповеданию — мусульмане-

сунниты. Статистика не вела учет их численности до переписи 2002 г. По данным лингвистики, в Дагестане издревле бытует 26 различных языков и еще около сотни диалектов. Советские переписи игнорировали это многообразие. Даже в эпоху заката социализма, при проведении наиболее точной переписи 1989 г., официальный список «народов Дагестана» включил менее половины реально бытующих этнических имен. Остальные, согласно установившейся практике, учтены совместно с другими. Поэтому носителей 13 уникальных языков, родственных аварскому, обозначили «аварцами» и, таким образом, аварское население, и без того самое большое в Дагестане, статистически представилось еще большим. Новая российская перепись нарушила «традицию». Наряду с многочисленными аварцами «появились» андийцы, ахвахцы, багулалы и другие. Ученые, политики, общественные деятели спорят, кто учтен под этими названиями — отдельные народы, или те же аварцы. С одной стороны высказывают аргументы, что собственные языки у данных групп совершенно иные. А другие заявляют, дескать, по-аварски эти дагестанцы говорят иногда лучше, нежели на «домашних» языках и при некоторых обстоятельствах называют себя аварцами. В переписи «спорные» группы дагестанцев посчитаны дважды — один раз в составе аварцев и второй раз — в качестве десяти с лишним отдельных этнических наименований.

Но остается вопрос, насколько верны полученные цифры. По представлению этнографов, «забытые дагестанские народы» — это свыше 140 тыс. человек. А по новейшей переписи получилось на две трети меньше. Расхождения в ряде случаев очень велики, и заставляют думать о политической подоплеке переписных ошибок. Из более, чем десятка административных районов Дагестана, в которых преимущественно расселены малочисленные национальности, только лишь в Цунтинском, и, отчасти, Ахвахском районах перепись 2002 г. прошла без существенных искажений.

Балкарцы (самоназвание *малкъарлы*, *таулула*) проживают преимущественно в Кабардино-Балкарской Республике — 105 тыс. человек (всего в России 108,4 тыс.). В Ставропольском крае проживает 0,7 тыс., в Карачаево-Черкесии 0,5 тыс. Язык — карачаево-балкарский, относится к кыпчакской подгруппе тюркских языков. На основании общности языка и сходства традиционной культуры часть специалистов относит балкарцев к одному карачаево-балкарскому народу.

Согласно археологическим и антропологическим данным, нынешнее население ущелий по рекам Чегем, Баксан и др. складывалось на основе местных племен, обитавших здесь со времен ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.). В V в. н. э. в этих местах появляются гунны. С этого времени начинается тюркизация аборигенных племен. Особую роль сыграл межплеменной союз тюркских народов, известный в раннем средневековье под именем «булгар». Скрываясь от монгольского набега 1237–1238 гг. в высокогорье Северо-Западного Кавказа, нашли убежище тюркоязычные половцы, оказавшие влияние на современный язык. К концу XIV в., как полагают, происходило становление карачаево-балкарской общности, од-

нако термин «балкарцы» (малкарцы) упоминается в русских документах лишь с конца XVII в. В это время население Балкарии находилось в зависимости от кабардинских князей. Как и ряд других тюркоязычных народов Кавказа, они добровольно вошли в состав Российского государства, подав в 1827 г. прошение о присоединении при условии сохранения свободы исповедания ислама и суда шариата. В Кавказской войне балкарцы практически не приняли участия. В начале XX в. Балкария делилась на 5 обществ: Балкарское, Хуламское, Безенгийское, Чегемское, Урусбиевское. В 1944 г. балкарцы были высланы в Среднюю Азию и Казахстан.

Основой хозяйства балкарцев было высокогорное альпийское отгонное скотоводство. Большая часть мужского населения практически круглый год находилась в горах. На крохотных участках балкарцы занимались горным земледелием, носившим подсобный характер.

Устное народное творчество представлено собственно балкарскими преданиями и сказаниями нартовского цикла. От времен христианизации народов Кавказа в средневековье осталось почитание Св. Георгия. Со времени исламизации (XVIII в.) значительное влияние на народную культуру оказала мусульманская религия. В то же время сохраняются элементы магии, поклонения священным камням, духам мест и жилища.

Книгопечатание осуществлялось на арабской графике (с 1905 г.), позднее (1924–1936 гг.) разработан и использовался карачаевско-балкарский алфавит на латинице, затем был осуществлен переход на кириллицу.

Греки (самоназвание *элины*, *элинес*) на Северном Кавказе численность 67,4 тыс. человек, половина проживают в Ставропольском крае (34 тыс.), значительная часть — в Краснодарском крае (26,5 тыс.). Кроме того, расселены в Ростовской обл. (3 тыс.), Северной Осетии (2,3 тыс.), Адыгее (ок. 2 тыс.), Карачаево-Черкесии (1,5 тыс.).

На Северном Кавказе греческое население — это в основном потомки переселенцев конца XVIII — первой четверти XX в. из Турции. В 1940-е годы, как и греки других регионов СССР (Крыма, Грузии) были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. На Северном Кавказе проживают в этнически смешанных селах. В 1980–90-е гг. значительное количество греков покинуло Россию и государства бывшего СССР, переехав в Грецию и др. страны. На Кавказе издавна занимались товарным сельским хозяйством. Язык — русский и новогреческий с диалектами (выходцы из Грузии — диалект турецкого). Верующие — православные.

Грузины (самоназвание *картвели*) на Северном Кавказе, сравнительно немногочисленны — 55,3 тыс. человек, большинство российских грузин проживает за пределами Кавказа — в центральной России (прежде всего, в Москве — 54,4 тыс.). Всего в РФ насчитывается 197,9 тыс. грузин. Язык грузинский и русский или только русский. Составляя основное население Грузии, живут также в Азербайджане, на Украине, в Турции, Иране. Верующие — православные, частью — мусульмане-сунниты и др. вероиспове-

далий. На территорию России выходцы из Грузии поселялись еще в средние века. В недавней политической истории причиной массового переселения в Россию послужил вооруженный конфликт в Абхазии в 1992 г. На Северном Кавказе грузины расселены повсеместно, но более всего в Краснодарском крае (20,5 тыс.), Северной Осетии (10,8 тыс.), Ростовской обл. (10,6 тыс.), Ставропольском крае (8,8 тыс.). Заняты в сельском хозяйстве, торговле, сфере обслуживания.

Даргинцы (самоназвание *дарган*, *дарганти*) населяют горную и предгорную зону Центрального Дагестана, к югу от Махачкалы. Внутреннее расположение по отношению к другим дагестанским землям, видимо, обусловило и самоназвание (*дарг* — внутренний). *Кайтагцы* и *кубачинцы* — небольшие этнические группы с двойной этнической принадлежностью (некоторые исследователи называют их отдельными народами) статистически ранее не учитывались, а в переписи 2002 г. учтены с неадекватно малой численностью. Язык даргинцев принадлежит к нахско-дагестанской группе языков, включает множество с трудом взаимопонимаемых диалектов: *акушинский*, *урахинский* (*хюркалинский*), *цуда-харский*, *сирхинский*, *меклинский*, *муэринский*, *хайдакский*, *кубачинский*, *чирагский*, *надарский*, *мегебский*. Литературный язык создан на базе акушинского диалекта.

Ранние сведения о даргинцах встречаются в арабских источниках IX в. Территория расселения даргинцев до 1860 г. входила в крупное феодальное образование — уцмийство Кайтагское и союзы горных «вольных обществ». В 1812 г. регион вошел в состав Российской империи. Строительство Сунженской оборонительной линии привело к вооруженным выступлениям даргинцев и уцмий Кайтагского в 1818–1819 гг., закончившимся их поражением. В 30–50-е гг. XIX в. Центральный Дагестан был ареной кровопролитных сражений между войсками Шамиля и царскими войсками. Местным жителям импонировали антифеодальные лозунги Шамиля. Однако в августе 1859 г. русскими войсками был взят аул Гуниб, а Шамиль попал в плен. В 1866 г. регион вошел в состав Дагестанского округа, и Кайтагское уцмийство было ликвидировано.

Первые литературные произведения на даргинском языке, записанные арабской графикой, относятся к XV в. Первый крупный письменный источник — «Свод заповедей Кайтаг-Дарго» (XVII в.) — кодекс обычного права. В 1928 г. создана даргинская письменность на основе латинского, а в 1938 г. — русского алфавита. Даргинцы с XIV–XV вв. приняли ислам суннитского толка. Однако наряду с общерелигиозными праздниками сохранились и языческие доисламские. Фольклор представлен сказаниями героического характера, различными песнями, особенно обрядовыми, исполняемыми во время языческих праздников и семейных ритуалов.

Среди даргинцев велика доля сельских жителей. В этом отношении даргинцы выделяются не только на Кавказе, но и среди других групп населе-

ния России — доля горожан не достигает трети. Закономерно низка доля лиц с высшим образованием. Характерен высокий естественный прирост.

Горские евреи (самоназвание *джухур, джуур, йахуди*). В России насчитывают всего 3,4 тыс. человек (2002 г.). Государственный учет численности ведется с 1970-х гг., затруднен из-за неоднозначной этнической самоидентификации — в зависимости от политической и культурной ситуации, некоторые относят себя не только к горским евреям, но также к татам, азербайджанцам, евреям. В советский период на территории Азербайджана, где расселено значительное количество горских евреев, адекватный учет не производился. По этим причинам, а также в результате эмиграции в Израиль (в 1920-е гг. — в Палестину) и страны Запада характерны значительные колебания учетной численности. Со времени переписи 1989 г. за счет эмиграции переписная численность в России сократилась в четыре раза (было 11,8 тыс.). Троекратное сокращение по тем же причинам наблюдалось в советский период: в 1970 г. насчитывалось 15,4 тыс., в 1979 г. — 6,5 тыс.

Половина российских горских евреев расселено в северокавказском регионе — преимущественно в Дагестане (в 2002 г. 1,1 тыс., в 1989 г. 3,6 тыс.), а также в Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае. В советский период проживали в Чечне и Карачаево-Черкесии. В настоящее время более трети горских евреев живут в центральных российских регионах, прежде всего в Москве (ок. 1 тыс.). Помимо стран дальнего зарубежья, проживают в прилегающих к Дагестану районах Азербайджана (города Баку, Куба). Среди других этнических групп Кавказа отличаются тем, что в основном ведут городской образ жизни. Дагестанские горские евреи — это в основном жители Махачкалы, Дербента, Буйнакска, кабардино-балкарские — жители Нальчика. При этом сохраняют традиционные занятия, такие как садоводство, виноградарство, виноделие.

По мнению одних исследователей, являются этнической группой татов, исповедующих иудаизм, в отличие от татов, исповедующих ислам. По мнению других, представляют собой этнолингвистическую группу евреев. Наиболее аргументированной является точка зрения, согласно которой горские евреи — это самобытная группа, близкая по культуре соседним кавказским народам. Предположительно ведут свое происхождение от персидских иудеев, расселявшихся многочисленными колониями на территории Ирана. Прозелитизм и обращение местного населения в иудаизм давал возможность заключать браки и сохранять иудейские общины. Войны, гонения и прочие исторические обстоятельства способствовали неоднократным переселениям общин, принятию частью из них ислама (напр., во времена имамата Шамиля). Несмотря на следование нормам иудаизма (обрезание, соответствующая свадебная и похоронная обрядность), по своим культурным традициям и организации быта, мало отличаются от своих соседей — татов, лезгин, табасаранов, азербайджанцев, аварцев. В историческом прошлом, как и для иных горцев, характерны многоженство,

куначество, обычаи гостеприимства, кровная месть, тухумное деление, калым за невесту, следование различным нормам адата.

До конца 1920-х гг. в книгоиздании и преподавании применяли еврейский алфавит, затем латинскую графику, с 1938 г. — русскую. Говорят на татском языке иранской группы, а также по-русски и по-азербайджански. До массовой эмиграции среди горских евреев значительная часть владела языками кумыкским, аварским, армянским.

Ингуши (самоназвание *гIалгIай*, на русский манер — *галгаи*). Название происходит от одного из крупных и старинных сельских обществ. Исторически местность, где преимущественно расселены ингуши — предгорья Большого Кавказа за рекой Сунжой, также именуется Галгай. Сотню лет назад были и другие крупные общины — Джейраховская, Цоринская, Мецкальская. У ингушей есть общее название с чеченцами — вайнах (вейнах в ингушском произношении). Многое в культуре и языке их объединяет. В 1937 г., когда проводили перепись населения, их даже сосчитали вместе, назвав чечено-ингушами. Царские чиновники в начале XIX в. именовали ингушей назрановцами — по месту наибольшего сосредоточения. Но самое известное наименование — Онгушт. Так раньше называлось старинное селение Тарское, расположенное в Северной Осетии. В 1920-е гг. ингушей ошибочно именовали кисты. По-грузински так зовут чеченцев, а также малочисленных кистин, которые живут на южной стороне Кавказского хребта — в Грузии. Кроме того, в чечено-ингушском пограничье расселены не то чеченцы, не то ингуши. Русские их называли в прошлом карабулаки. Самоопределение их — *орстхойцы*. Они говорят, что более всего близки ингушам. Еще близки по культуре и языку ингушам бацбийцы. Они, как и кистины, живут по другую сторону Кавказского хребта.

В древние времена у ингушей, чеченцев, бацбийцев, кистин были общие предки. Жили они здесь же — в горах и предгорьях за 2 тыс. лет до н. э. Науке неизвестны их названия. Археологи дали им условное наименование каякентско-харачаевская и кобанская культуры. Поселения «кобанцев», найденные в Северной Осетии, датируются началом I тысячелетия до н. э. Уже тогда местные жители в своем хозяйстве использовали железные изделия, занимались земледелием и скотоводством. Сколько известно об ингушах по историческим записям, они одновременно были скотоводами и занимались растениеводством. В горах земельные наделы отводили под ячмень и овес. Основные усилия были сосредоточены на высокогорном выпасе овец и коров. Как и другие жители Северного Кавказа, ингуши — умелые строители и каменотесы, резчики по дереву. Строительство в горах должно быть экономным. И еще — эффективным с точки зрения обороны. Издревле мастера умело возводили 3-этажные дома-башни высотой 8–10 м. Каждый родственник коллектив имел свою башню. Чем знатнее клан. На Северном Кавказе ингушские башни были самыми большими. Некоторые достигали 25 м.

Помимо древних культов, часть ингушей исповедывала христианство, воспринятое из Грузии еще в XII в. Исследователи полагают, что это была

одна из причин быстрого сближения с Российским государством. Лишь в первой половине XIX в. среди ингушей началось активное распространение ислама суннитского толка через проповедников из Дагестана. Но языческое наследие осталось неотъемлемой частью народной культуры. Это — и вера в животных-прародителей, и магия, и многочисленные культы святынь, и различные покровители семейных кланов. Без язычества нет народной медицины, календарных праздников, многочисленных поверий.

Ислам быстро и очень сильно укоренился среди ингушей. После установления Советской власти в Ингушетии, как и в Чечне, активно действовали шариатские суды. Их решения становились законом и подлежали обжалованию только в Верховном суде РСФСР. Когда в 1926 г. «шарсуды» были запрещены, а затем последовала конфискация имущества мечетей, начались настоящие народные волнения. Преследования мулл, шейхов и прочих служителей культа привело к тому, что огромная часть населения стала мюридами, т. е. учениками, целиком послушными своим духовным наставникам. Последующая депортация еще более усилила религиозность. Домусульманские почитаемые места теперь чтимы как мусульманские.

Свой язык ингуши называют *галгай мотт*. В старину по-русски его именовали галгаевский. В действительности это западный диалект вайнахского языка, относящегося к нахско-дагестанской языковой группе. Кроме ингушей на нем говорят чеченцы, проживающие в западной части Чечни и в самой Ингушетии. Между обоими диалектами вайнахского языка много общего. Литературные различия возникли уже в советский период, когда для обоих языков была создана письменность.

Российская перепись 2002 г. насчитала явно с избытком — 412 тыс. человек. Видимо, сказалось наличие в Республике Ингушетия большого количества беженцев из Чечни. Но очевидно, что сегодня ингуши — это большое и быстро растущее население, несколько сотен тысяч человек. И расселены ингуши более концентрированно, чем десяток с лишним лет назад, до того времени, когда начались конфликты в Северной Осетии, а затем в соседней Чечне.

В бывшем СССР насчитывалось 237 тыс. ингушей, из них 90 процентов — российские жители. В основном жители Ингушетии — районы Назрановский (около половины всех), Сунженский и Малгобекский. Более двадцати тысяч ингушей раньше жили в Грозном, это более 5% населения города.

За пределами России порядка 17 тыс. проживает в северных и центральных областях Казахстана, а также в Алма-Ате. После исчезновения СССР часть ингушей переселилась в Россию. Около 2 тыс. или менее живут в среднеазиатских республиках, в основном в Киргизии. Известно также, что очень небольшое количество ингушей, буквально несколько сотен, разбросаны по разным областям Украины. Есть они в Грузии и Азербайджане, а также в странах Ближнего Востока.

Еще 15 лет назад много ингушей было в Северной Осетии — свыше 30 тыс. человек. Из них около половины — это жители Владикавказа, чуть боле

тысячи расселены в районе Моздока, и половина всех — в Пригородном районе. С этим районом особые проблемы, поскольку он давно является причиной раздоров ингушей с их соседями — осетинами. В 1992 произошли вооруженные столкновения. С тех пор проблему решить не удастся.

В 1920–40-е гг. упомянутый район находился в Ингушетии. В 1944, под предлогом борьбы с бандитизмом, все ингуши от мала до велика, как и чеченцы были отправлены в ссылку. Чечено-Ингушская АССР была упразднена. Ее территорию разделили, прирезав к Дагестану, Грузии, Ставрополю. А Пригородный район (это примерно половина равнинной Ингушетии) отдали Северной Осетии. Потом, в 1956 г. людей признали невиновными. Автономная республика Чечено-Ингушетия была восстановлена. Жители стали возвращаться, но не вернулся район.

С XVI в. ингуши все более стремятся на равнину. Цель — плодородная Тарская долина и земли по реке Камбилеевке. Нужен был мощный союзник. Им стало Русское государство.

Начиная с XVII в. быть вассалом эрсе³ означало получить надежную поддержку. Когда в регионе возникли русские укрепления, в казачьи отряды стали принимать и местных горцев. Часть гребенских казаков были ингушами и чеченцами. Частые набеги со стороны Османской Турции и крымских татар еще более укрепляли союзнические отношения с Россией. В середине XVIII в. царское правительство объявило предгорные территории центрального Кавказа свободными, а местное население по желанию могло вступать в российское подданство. Переселение с гор на равнину усилилось.

Во второй половине столетия, при Екатерине II российские владения в результате военных походов уже включили многие земли по эту сторону хребта, включая ингушский регион. С окончанием русско-турецкой войны 1787–1791 гг. почти весь Северный Кавказ стал подвластным Российской империи. Правда, территория Ингушетии официально вошла в состав России несколько позднее (в 1810 г.).

Затем последовали еще более сильные перемены. Началось строительство оборонительной Сунженской линии и казачьих станиц. Ингушей стали сселять. Для военно-административного надзора перемещали людей из отдаленных горных районов. Всех направляли в окрестности быстро увеличивающегося поселения Назрань. Во второй половине XIX в. большинство ингушей стало равнинными жителями.

Перемещение целыми сельскими аулами, административный надзор, ограничение свободы передвижения (необходимо было специальное разрешение — «билет») не поколебало лояльности российскому государству. Когда разразилась Кавказская война, ингуши не приняли в ней активного участия. Они давно жили рядом с русскими укреплениями и казачьими станицами и имели опыт добрососедских отношений. В последовавшей очередной Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) на стороне России действовал

³ По-ингушски эрсе значит «русский».

Ингушский дивизион, целиком состоящий из добровольцев. Хотя местных мусульманских горцев царское правительство не рекрутировало в солдаты, это не было единственным участием ингушей в военных операциях на стороне православных российских войск. В первой мировой войне в состав русской армии вошла Кавказская конная туземная дивизия. Одним из ее полков был, помимо Татарского, Чеченского, отдельный Ингушский полк.

В 1920 г. весь Северный Кавказ, за несколькими исключениями, был объединен в одну республику — Горскую АССР в составе РСФСР. Внутри возникли национальные округа, в том числе, Ингушский. Конструкция получилась по кавказским меркам огромная, разношерстная и стала быстро распадаться на автономные области. Через несколько лет от нее осталась сравнительно небольшая территория, на которой в тесном соседстве проживали осетины, ингуши и казаки. В 1924 г. республика была упразднена. Ее поделили на две автономные области: Северо-Осетинскую и Ингушскую. Причем центр ингушской автономии находился во Владикавказе. А для казаков создали Сунженский округ. Через десяток лет — опять перемены. На этот раз Ингушетию объединили с Чечней, создав Чечено-Ингушскую автономную область, затем — общую республику. В последнее время территория вновь изменилась — Ингушетия обрела статус отдельной республики (с 1992 г.).

В 1923 г. была введена письменность на латинской, а в 1938 г. — русской основе. В 1944 г. ингуши по ложным обвинениям в коллаборационизме вместе с чеченцами были депортированы в Казахстан, где от холода, голода и других лишений потеряли почти половину своего населения. Значительная часть ингушей в 1957–1960 гг. вернулась домой.

Ингуши — отличаются быстрыми темпами численного роста, имеют относительно высокую долю горожан и количество лиц с высшим образованием. За последние десятилетия среди них росла доля, занятых в таких отраслях, как торговля, общественное питание, наука, культура, сфера управления.

Кабардинцы (самоназвание *адыгэ*) по языку составляют адыгскую группу наряду с черкесами, адыгейцами, шапсугами. Подавляющее большинство кабардинцев проживает на территории Кабардино-Балкарской Республики, где они представляют около половины населения. В научной и публицистической литературе высказывается мнение о том, что указанные этнические наименования составляют единый народ. Традиционная культура и язык, особенно кабардинцев и черкесов, очень близки. Вместе с тем, необходимо учитывать, что разграничение областей адыгов сложилось исторически; это проявилось не только в особенностях культуры, но и в этнополитической истории различных территориальных групп адыгского населения, в частности, в характере взаимодействия с Россией. Поэтому создание трех автономий в советское время, прежде всего, закрепило уже существовавшие различия, а затем уже послужило дополнительным фактором раздельной идентичности.

Кабардинцы являются потомками древнейшего местного населения. После монголо-татарского нашествия началось массовое перемещение адыгских племен из Восточного Причерноморья и Прикубанья на восток, в районы Пятигорья и современной Кабарды. Археологические источники позволяют выделить кабардинцев из общей массы адыгов во второй половине XIII в. Начиная с VII в., среди кабардинцев начинает распространяться христианство, однако в силу ряда причин — изоляции и удаленности от христианских центров, впоследствии влияния Турции — происходит проникновение в Кабарду ислама суннитского направления. К концу XVIII в. кабардинцы окончательно становятся мусульманами. Регулярные связи адыгов с Россией были установлены в средние века. В 1560 г. Иван Грозный женился на дочери кабардинского князя Темрюка (в крещении Марии). Затем русско-кабардинские связи практически прекратились из-за усиливающейся турецкой экспансии. Во время персидского похода Петра I (1722 г.) Кабарда выступила на стороне русских. По Белградскому мирному договору 1739 г. Кабарда объявлялась нейтральной. По Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Кабарда оказалась в русском подданстве. Период с 1739 по 1774 г. был временем наибольшего усиления кабардинских князей. Кабардинская знать зачастую конфликтовала с царской администрацией. Неоднократно (в 1789–1791 гг., 1804 г. и 1822 г.) кабардинцы восставали против русской администрации, чьи действия были направлены на ограничение власти традиционной феодальной верхушки. Однако в ходе Кавказской войны Кабарда заняла, в целом, прорусскую позицию. Мухаджирство (уход части адыгского населения на территорию Турции) население Кабарды практически не затронуло. Вследствие этого, к концу XIX столетия кабардинцы оказались на Северном Кавказе наиболее многочисленными.

Кабардинцы населяли плоскостные и предгорные районы, предоставляя высокогорье балкарцам. Основу хозяйства составляло разведение крупного и мелкого скота. В силу обилия пастбищ и сенокосов в отгонном скотоводстве не было нужды. Более того, кабардинская знать сдавала огромные угодья в аренду карачаевцам, балкарцам, абазинам и ногайцам, ставя эти народы в зависимое положение. Особое значение имело разведение лошадей: кабардинские кони славились во многих странах. В царской России Кабарда занимала первое место по продаже коней на рынке. Кроме того, разводилась озимая пшеница, ячмень, тыква, различные овощи, садовые растения. Среди ремесел первостепенное значение имело производство оружия, лошадиной сбруи, ювелирных изделий, а также сукон и бурок. Широкой известностью пользовались атажукинские бурки. В ходе коллективизации кабардинское сельское хозяйство пережило значительные потрясения. Ломка традиционного жизненного уклада кабардинцев привела к росту числа горожан, в первую очередь населения г. Нальчик. Кабардинцы заняли прочные позиции в формирующихся новых общественных и социальных структурах. Высылка в марте 1944 г. балкарцев объективно привела к определен-

ному ускорению социального роста кабардинцев, прежде всего в городе. К настоящему времени, однако, эти различия нивелировались.

Первые записи на адыгском языке в арабской графике относятся к XVII в. В течение XIX в. предпринимались неоднократные попытки создания кабардинского алфавита на базе русской и арабской графики, как русскими лингвистами, так и первыми кабардинскими просветителями (Ш.Ногмовым и К.Атажукиным). Однако первые удачные попытки создания алфавита на двух графиках относятся лишь к 1916 г. В 1924 г. был введен алфавит на латинской графике, замененный в 1936 г. русской графикой. До революции образование сводилось к отправке немногих молодых людей в духовные школы или к местным шейхам — авторитетным знатокам Корана и сунны. С присоединением к России кабардинская знать стала посылать своих детей в русские военные училища.

Двуязычие развито сильно, владение русским языком, особенно у городского населения — высокое. Количество этнически-смешанных браков невелико.

Карачаевцы (самоназвание *карачайлы*, *к̄рачайлыла*) родственны по культуре балкарцам, говорят на общем с ними карачаево-балкарском языке. У исследователей есть мнение, что карачаевцы составляют вместе с балкарцами единую этническую общность, хотя и отделены от балкарцев вершиной Эльбруса. Карачаево-балкарский язык относится к кыпчакской подгруппе тюркских языков. Расселены преимущественно в Республике Карачаево-Черкесия, где составляют большинство населения, главным образом в Карачаевском и Малокарачаевском районах, а также в ряде населенных пунктов Зеленчукского, Прикубанского и Урупского районов. В России насчитывается 192,2 тыс. карачаевцев, при этом в Карачаево-Черкесии 170 тыс. Значительное количество проживает в Ставропольском крае (15,2 тыс.).

Название *карачаевцы* появляется в исторических документах лишь в XVI в. Война карачаевцев с русскими велась в течение всего 12 часов 21 октября 1827 г. и завершилась подписанием мирного договора 27 октября 1827 г. Карачаевцы не приняли участия ни в Кавказской войне, ни в мухаджирстве. В 1860 г. у карачаевцев были отобраны в «казну» эльбрусские пастбища и как бы в замен в 1868 г. им были отведены земли между р. Кумой и Кубанью и на правом берегу р. Теберды. Так образовался Малый Карачай. Начало первой мировой войны ознаменовалось реквизицией лошадей для армии и падением уровня жизни. В годы гражданской войны карачаевцы оказались как бы «в тылу событий» и советская власть пришла в Карачай в начале 1920 г. Несмотря на призывы властей к карачаевцам содействовать в подавлении казачества и зажиточных осетин и обещания раздачи казачьей земли, в августе 1921 г. карачаевцы подняли восстание, закончившееся в октябре подписанием «мирного договора». Начало 1922 г. ознаменовалось столкновениями с кабардинцами из-за высокогорных пастбищ.

По традиции, любой человек, ищущий убежища принимался в Карачае после совершения определенного обряда как равный и свободный член общи-

ны. Поэтому среди карачаевцев распространены такие фамилии, как Айвазов, Эбзеев, Калмыков, Урусов, Семенов. Беженцы были из России, Грузии, Армении. Вследствие этого Карачай, несмотря на миролюбие его жителей, считался властями (как царскими, так и советскими) «разбойничьим гнездом».

Карачаевцы подверглись сталинской депортации. В 1943 г. более 60 тыс. высланы в Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Иркутскую область, где до 1 октября 1946 г. они находились на положении спецпоселенцев. Реабилитированы и вернулись на прежние места в 1957 г.

Основой хозяйства карачаевцев было высокогорное скотоводство, хотя разводили также коней и крупный рогатый скот. Уже в период позднего средневековья обострилась проблема нехватки зимних пастбищ, что приводило к столкновениям с абазинами и кабардинцами. У карачаевцев существовало надомное ткацкое и кожевенное, кузнечное производство, металлообработка. Женщины выделывали грубые сукна, бурки и войлоки. Карачай располагает месторождениями различных минералов. На месте добывались руды, а также селитра для изготовления пороха. Карачаевцы вели натуральный обмен в Сванетии, Мингрелии.

Мифология и фольклор карачаевцев в целом общие с балкарцами и отражают сложное культурное взаимодействие тюркоязычных народов Кавказа, сочетая древнетюркские, алано-иранские, адыгские, христианские и мусульманские влияния.

Первое издание на арабской графике появилось в 1905 г.; с 1924 по 1936 г. использовался карачаевско-балкарский алфавит на латинской основе; с 1936 г. — на русской. Устное народное творчество представлено собственно карачаево-балкарскими преданиями и сказаниями нартовского цикла.

Карачаевцы в большинстве живут в сельской местности, хотя темпы прироста городского населения высоки. Уровень рождаемости у карачаевцев выше, чем у черкесов и представителей остального населения республики. В то же время он не так высок, как, например, у чеченцев или ингушей и постоянно уменьшается, особенно в современных условиях. Карачаевцы более широко представлены в сфере физического труда, чем черкесы, однако доля лиц с высшим образованием и темпы ее прироста свидетельствуют о том, что происходит сближение уровней представительства различных национальностей в наиболее престижных сферах труда. Языкового, «брачного» взаимопроникновения между карачаевцами и черкесами не происходит. Языком межнационального общения является русский.

Кумыки (самоназване кьумукъ) насчитывают 383,5 тыс. человек (в целом по России 422 тыс.). Основная масса расселена в 8 районах Дагестана (365,8 тыс.) на пространстве, ограниченном реками Терек и Уллучай. Численность кумыков в Дагестане всегда была значительной, в 1930-е гг. — ок. 100 тыс. Часть проживает в других регионах российского Кавказа: в Северной Осетии ок. 13 тыс. (в окрестностях Моздока), а также 9 тыс. в районе Гудермеса в Чечне. Живет и в Ставрополье (6 тыс.), Ростовской

области (1,3 тыс.). В отдалении от Кавказа кумыков сравнительно большое количество в Тюмени (12 тыс.). За рубежом небольшая часть обосновалась в Турции, Иордании.

Язык кумыков — тюркский, по определению специалистов относится к кумано-огузской подгруппе и включает диалекты: буйнакский, кайтагский, хасавюртовский. Литературный язык создан на базе буйнакского и хасавюртовского диалектов. Верующие кумыки — мусульмане-сунниты.

Издrevле кумыки — равнинные жители. Вернее — жители приморской низменности, традиционно именуемой Кумыкской, узкой полосой протянувшейся вдоль Каспийского моря. Но по культуре и старинным традициям кумыки остаются кавказскими горцами. А еще они — старейшие в Дагестане жители городов, причем крупнейших — Махачкалы, Хасавюрта, Буйнакска, Дербента. И потому не случайно среди кумыков очень высока доля лиц с высшим образованием, специалистов различного производственного и научного профиля. В их среде много и управленцев, включая высших государственных чиновников, что считается очень престижным на Кавказе.

Почему кумыков называют кумыками, науке неизвестно. Возможно, как думают исследователи, имя унаследовано от «кимак» — группы тюркских племен, существовавшей еще в IX в. Происхождение кумыков теряется в эпохе раннего средневековья. Издревле узкая полоса Прикаспийской низменности была очагом социальной активности, здесь пролегалo немало торговых маршрутов. Великий шелковый путь — тоже проходил через земли кумыков. По сути Кумыкия — это узкий, даже тесный мост из Азии в Европу. Приходили и уходили самые разные ираноязычные и тюркоязычные племена. Особенно заметны были хазары, имевшие огромное государство, включившее и Прикаспийскую низменность. Затем были половцы (кипчаки) культура и язык которых, оказали сильнейшее влияние на кавказцев. Ученые полагают, что какое-то местное население, видимо, тюркоязычное, отходя в горы под напором кочевников, и вновь возвращаясь на равнину, постепенно ассимилировало и объединило многие пришлые группы. Начало возникновения общности кумыков относится к VII–XI вв. В XIV–XVII вв. формируются феодальные образования: Тарковское шамхальство и Кайтагское уцмийство. Первое находилось примерно там, где ныне расположены районы Буйнакский и Карабудахкентский, а также город Кизилюрт. Второе занимало современный Каякентский район и часть района, именуемого Кайтагский. Полная самостоятельность этих политических объединений была невозможна, ведь за обладание Кавказом соперничали такие политические гиганты как Россия, Иран, Турции. Первая присяга на подданство русскому престолу принесена Тарковским шамхалом в 1610 г. Не скоро, однако, северо-восточная часть Кавказа была присоединена к Российской империи. Окончательный переход произошел лишь в начале XIX в. (1812–1820 гг.). Зато потом кумыки ни разу не отошли от принятого с русскими царем уговора и во время Кавказской войны проявили себя как истинно российские подданные.

С XIX в. кумыки подразделялись на 3 группы: 1) хасавюртовские кумыки занимали пространство между Терекom и Сулаком, верхним течением

р. Аксай, Каспийским морем и отрогами Ауховских и Салатаевских гор, входившее в основном в состав Терской области, а ныне в Хасавюртовский, Бабаюртовский и частично Кизилюртовский районы; 2) наиболее значительная группа, населявшая шамхальство Тарковское, преобразованное в 1867 г. в Темир-Хан-Шуринский округ Дагестана, ныне Буйнакский, Ленинский районы и г. Кизилюрт, 3) кумыки бывшего владения уцмия Кайтагского (позднее Кайтаго-Табасаранский округ), ныне территория Каякентского и частично Кайтагского районов.

Фольклор кумыков представлен сказаниями нартского цикла, близкого карачаево-балкарскому циклу нартиады, сказками, различными частушками, историческими и эпическими песнями (йыры) — «Манкулпу», «Карт-Кожак и Максумин», «Абдулла», «Айгази» и др., обрядовыми и лирическими (сарыни) песнями.

Для кумыков исторически характерна высокая доля образованного населения. Издревле кумыки пользовались собственной письменностью, адаптировав арабский алфавит. На основе кумыкского языка в позднем средневековье был распространен общесеверокавказский эпистолярно-литературный язык «тюрки». На этом языке, например, написано всемирно известное произведение «Дербент-намэ». В 1883 г. в Петербурге была опубликована первая печатная книга. В 1928 г. арабский шрифт был заменен латинским, а в 1938 г. — русским.

Лакцы (самоназвание *лак*), численность на Северном Кавказе 147 тыс., из них 140 тыс. проживает в центральной Нагорной части Южного Дагестана; часть, переселившись на равнину, населяет Новолакский район вблизи границы с Чечней. Аварцы называют лакцев «тумал», даргинцы — «вулугуни», лезгины — «яхулва», русским в XVIII–XIX вв. были известны под названием «казикумухцы». Говорят на лакском языке нахско-дагестанской группы. Из других дагестанских языков лакский язык ближе всего даргинскому; он подразделяется на ряд диалектов: *кумухский, вицхимский, шаднинский, вихлинский, аракульский, барткинский* и др.

Еще в трудах античных историков встречался этноним «леги», видимо, относившийся в предкам современных лакцев. Утверждение в Лакии ислама суннитского толка относится к XI–XII вв. Ко времени до X в. относится появление у лакцев шамхальства — влиятельного на Северном Кавказе феодального политического образования. В конце 30-х гг. XIII в. в Лакию проникают татаро-монголы. В конце XIV в. Лакия подверглась нашествию Тимура. После изгнания шамхалов лакцы избирают себе правителя — «хахлавчи». В 1812 г. Казикумухское ханство разделилось на Казикумухское и Кюринское.

Казикумухское ханство вошло в состав России 12 июня 1820 г. В 1826 г. ханства объединились, а в 1839 г. разъединились вновь. В 1859 г. Казикумухское ханство было преобразовано в Казикумухский округ.

Несмотря на то что лакцы считались мусульманами, у них сохранился целый комплекс магических представлений и обрядов; культ огня, камней,

обряды вызывания дождей и т. п. Фольклор представлен песнями, прежде всего лирическими, а также обрядовыми и бытовыми.

Письменность с XV в. по 1928 г. — на арабской графике; с 1928 по 1938 г. — на латинской; с 1938 г. — на русской. Одна из наиболее высоких на Кавказе доля горожан — более чем две трети.

Лезгины (самоназвание *лезгияр*). В 2002 г. в России насчитывалось 412 тыс. лезгин, на Северном Кавказе 353,3 тыс. человек. Лезгины населяют в основном юго-восточные районы Дагестана и прилегающие районы Азербайджана. Говорят на лезгинском языке лезгинской подгруппы нахско-дагестанской языковой группы, язык включает множество диалектов. Литературный язык основан на *гюнейском* диалекте. Лезгинский язык отличается большим количеством тюркских заимствований. По-видимому, еще в период арабского завоевания среди лезгин распространился ислам суннитского толка, однако в Дербенте и селении Мискинджа имеются и шииты.

Арабским источникам IX–X вв. известно о существовании в регионе «царства лакзов». В Средние века территория расселения лезгин частью входила в союзы сельских «вольных обществ», частью в феодальные образования: Кубинское, Кюринское, Дербентское ханства и др. В 1812 г. в долине р. Курахчай и низовьях р. Самур образовалось Кюринское ханство с центром в сел. Кюрах, почти сразу вошедшее в состав России. Русское подданство добровольно приняли также «вольные общества» лезгин Ахты-Пара, Алты-Пара, Докуз-Пара. В 1828 г. территория обитания лезгин окончательно вошла в состав Российской империи и перед революцией входила в Самурский и Кюринский округа Дагестанской области и Кубинский уезд Бакинской губернии. Героем лезгинского эпоса является богатырь-герой Шарвили. Лезгины создали богатый музыкальный (в основном песни) и танцевальный (в том числе «лезгинка») фольклор.

До 1927 г. как и большинство населения Дагестана, лезгины пользовались арабской графикой. В 1928 г. создан алфавит на латинской и в 1938 г. на русской основе.

Лезгины наряду с кумыками являются наиболее урбанизированными в Дагестане — доля горожан составляет примерно половину. В то же время сохраняется высокий уровень естественного прироста — в течение жизни одного поколения численность увеличилась почти в 2,5 раза. Лезгины достаточно равномерно распределяются по отраслям экономики. Лезгины, как и кумыки, имеют высокую по сравнению с другими коренными жителями Дагестана долю лиц с высшим образованием, студентов, лиц, занятых умственным трудом. Занятия в сельском хозяйстве пока преобладают. Однако численность занятых в образовании, культуре, науке, управлении и финансах также велика.

Ногайцы (самоназвание *ногъай*) — тюркоязычный народ Северного Кавказа, численность 78,3 тыс. человек. В РФ — 90,7 тыс. человек (расселены, помимо Кавказа, в Южном Поволжье). На Северном Кавказе живут повсеместно, за исключением Ингушетии, при этом наибольшая часть — в Дагестане

(38,2 тыс.), Ставропольском крае (20,7 тыс.), Карачаево-Черкесии (14,9, решением властей, в этой республике учрежден Ногайский район). В Дагестане проживают в северной, равнинной его части (Ногайская степь) и известны под названием *караногайцы*. Часть ногайцев проживает в Чеченской республике, однако в 1990-е гг. в связи с войной в Чечне, большинство переселилось в Ставропольский край. Проживающие в Астраханской области астраханские ногайцы по советским переписям официально причислялись к татарам, но с 2002 г. большинство записалось ногайцами. Значительная часть ногайцев переселилась еще до революции 1917 г. в пределы Османской империи, сегодня их потомки проживают в Турции и Добрудже (Румыния).

Говорят на ногайском (тюркском) языке, имеющем три основных диалекта: *караногайский*, *собственно ногайский* и *кубанский*. Литературный язык на основе караногайского диалекта, преобладающего в Дагестане. Свободно владеют русским языком. Бабаюртовские ногайцы также свободно владеют кумыкским языком, астраханские — татарским. Письменность до 1927 г. на арабской графике, с 1928 г. — на латинской, с 1938 г. — на кириллице. Верующие ногайцы — мусульмане-сунниты ханафитского толка. Сформировались в XIII–XV вв. на основе монгольских, кипчакских и куманских племен, издавна кочевавших за Уралом и в Поволжских степях. Предполагается, что этноним «ногайцы» восходит к имени золотоордынского темника Ногай. На территории нынешнего Дагестана появились в XV в. В XVIII–XIX вв. территория проживания кочевников-ногайцев неоднократно менялась в сторону уменьшения в силу изымания земель в пользу переселявшихся крестьян и казаков, а также в результате мухаджирства (переселения) в Турцию.

Фольклор — на основе общетюркской традиции — богатырские поэмы, обрядовая поэзия. Многие общетюркские эпические произведения, в частности, эпос «Эдиге» («Идегей») — ногайского происхождения.

Для ногайцев характерна высокая доля сельского населения. Заняты в основном в сельском хозяйстве, высока доля интеллигенции. В 1990-е гг. усилилась трудовая миграция ногайцев, в основном в пределы Уральского федерального округа. В конце 1980 — начале 90-х гг., в период подъема национального самосознания, в среде национальной интеллигенции ставился вопрос о создании единого национально-территориального образования (национального округа или республики в рамках Ногайской степи).

Осетины (самоназвание *ирон*, *дигорон*) населяют центральную часть Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта. Ответвление Главного Кавказского хребта, идущее от горы Сангутч-хох к юго-востоку, делит ареал расселения осетин на две части: северную и южную. Северная Осетия является частью РФ (Республика Северная Осетия–Алания). Южная Осетия входит в состав Республики Грузия. Продолжающийся грузино-осетинский конфликт стал причиной массового переселения юго-осетин в Россию и принятия российского гражданства практически всем оставшимся в Южной Осетии населением. Всего в Российской Федерации насчитывается

515 тыс. осетин, из них на Северном Кавказе — 475 тыс. Помимо Северной Осетии, где это основное население (445,3 тыс.), проживают также в Кабардино-Балкарии (10 тыс.), в Ставропольском крае (7,8 тыс.), Краснодарском крае (4,1 тыс.), Карачаево-Черкесии (3,3), Ростовской обл. (2,7). В самой Северной Осетии выходцы из Южной Осетии расселены на спорных с Ингушетией территориях (Пригородный район), что порождает немало проблем, как во взаимоотношениях двух республик, так и в среде самих осетин.

Язык осетин принадлежит к иранской ветви индоевропейской семьи; включает два диалекта: *иронский* (восточный) и *дигорский* (западный). Основная литература — на иронском диалекте.

По мнению современных исследователей, осетинская общность сформировалась на основе местного населения при активном участии ирано- и частично тюркоязычных аланских племен, появившихся в предгорьях Центрального Кавказа в начале нашей эры. В VI в. среди алан распространяется христианство: вначале из Византии, затем из Грузии, особенно в период правления царицы Тамары (1184–1213 гг.). В эпоху монголо-татарского нашествия христианство в Осетии пало. Следующий период распространения христианства относится к XVIII–XIX вв. и связан с деятельностью русских миссионеров. С исламом предки осетин были знакомы с раннего средневековья, который частично закрепился. И христианству, и исламу приходилось существовать в условиях сохранения традиционных верований.

В результате монгольского нашествия в XIII в. этническая территория алан сильно сократилась; они были оттеснены с плодородных равнин в горные ущелья Центрального Кавказа. Часть предков осетин ушла в Закавказье. После присоединения к России осетины снова переселялись на плоскость. Переселение началось во 2-й половине XVIII в., но значительно размаха оно достигло в 1820–60-е гг.

Основное место в фольклоре осетин занимают предания нартского цикла. Нартский эпос в той или иной степени распространен практически среди всех народов Северного Кавказа (кроме ногайцев).

Письменность на основе грузинского алфавита существовала у осетин с конца XVIII в. В дальнейшем она была усовершенствована на основе кириллицы (1844). В 1924 г. осетинская письменность была переведена на латинскую графику, однако уже в 1938 г. вернулась к русской (в Сев. Осетии) и грузинской (в Юж. Осетии). С 1954 г. на обеих территориях узаконена графика на базе кириллицы. Массовая грамотность среди осетин стала развиваться только в 1920–30-е гг. Основателем осетинского литературного языка считается К. Л. Хетагуров (1859–1906 гг.).

Осетины отличаются на Северном Кавказе высокой долей горожан и лиц с высшим образованием, и одновременно также низким естественным приростом. Своеобразна динамика отраслевого состава занятого населения. Численность занятых в промышленности превышает численность занятых в сельском хозяйстве. Однако одновременно шло перераспределение трудовых ресурсов из сельского хозяйства, промышленности, обслу-

живания в сферу образования, культуры, науки, управления, здравоохранения. Для осетин характерно сплошное русско-осетинское двуязычие. Число этнически-смешанных браков довольно высокое.

Русские на Северном Кавказе. Средневековое русское государство, пережив трудности внутреннего объединения, затем стало активно расширяться, в связи с чем началось переселение русских на восток и юг. Процесс постепенно ускорялся. Начиная с XVI в., в течение 200 лет русские заселили Нижнее Поволжье, Урал, равнинные территории Северного Кавказа, проникли в Сибирь. Переселение не было легким, ведь территории, куда направлялись переселенцы, зачастую были суровыми по условиям жизни и во многих случаях уже имели своих обитателей. Переселение на Северный Кавказ сопровождалось, подчас, насильственным изгнанием местных жителей. Феодалное государство расширяло свои владения силой оружия, но в ту эпоху цель заключалась не столько в захвате территорий, сколько в том, чтобы подчинить население, которое может платить дань. Этим принципом руководствовались все государства того времени, в том числе и противники Руси.

В последующие века, когда Русское государство стало именоваться Российским, в его составе были уже многие десятки народов, среди которых были и многочисленные. В пределах обширной империи переселение больших групп людей не только облегчилось, но и стало одним из средств централизованной политики. В XIX в., по мере развития капитализма, экономическая эволюция страны все более зависела от освоенности природных богатств в промышленном и сельскохозяйственном отношениях, поэтому основой внутренней политики Российской империи стало приказное переселение людей и всяческое стимулирование т. н. внутренней колонизации «перспективных территорий». Кавказ, как и другие имперские окраины, был одновременно перспективной территорией и место ссылки. Аналогичная политика переселений повторилась в XX столетии в период Советской власти, причем в более жесткой форме в период массовых депортаций людей в послереволюционное время и при правлении И. В. Сталина (т. е. вплоть до начала 1950-х гг.).

С развитием капитализма в конце XIX в., улучшением уровня жизни и медицинского обслуживания население Российской империи стало расти ускоренными темпами, и прирост русских достигал 1% в год и более. В начале XX столетия, даже с учетом потерь в Первой мировой войне, численность русского народа в целом по стране была внушительной — более 70 млн. человек. В 1980-е гг. прирост снижался до 0,5% в год, а теперь он, видимо, стал нулевым или даже сменился на отрицательный из-за значительных показателей смертности и низкой рождаемости. Высокая смертность среди русских имеет много причин. Среди них главная — это демографическое старение. Такой процесс имеет место среди мордвы, карел, евреев, поляков, финнов. Подобная ситуация характерна для многих эко-

номически развитых стран Западной Европы. Однако в нашей стране смертность увеличивается не только за счет значительной доли пожилых, но и по причине ухудшения социально-экономических условий жизни.

В нашей стране насчитывается 20 субъектов Федерации, в каждом из которых русские превышают 2 млн. человек, и среди них — оба северокавказских края и Ростовская область. Уже в конце XIX в. многие равнинные территории Предкавказья были плотно заселены русскими, особенно на Дону и в Ставрополье. По переписи 1926 г., наибольшее число русских проживало в Ставрополье и в Донском округе (Сальские степи и район Майкопа). Там же они, как и сегодня, составляли наибольшую долю жителей: Ставропольский район — 89,4%, Шахтинский — 85,3, Майкопский — 64,4, Армавирский — 59,5, Терский — 58,4, Сальский — 52,3. Только в Прикубанско-Черноморском районе они уступали по численности украинцам (71% в Таганрогском районе, 62% — в Кубанском). Преобладали русские во Владикавказе (51%) и Грозном (70%). В Дагестане их было 12,5%, Кабардино-Балкарии — 7,5, Северной Осетии — 6,6, Черкесии — 4,0, в Чечне — 2,9, в Ингушетии — 1,2%. (данные по: Русские. М.: Наука, 1999). Нынешняя структура несколько иная: несмотря на миграционный отток, русские и поныне составляют значительную часть жителей кавказских республик, если не считать Чечню и Ингушетию.

Потери Гражданской войны, борьба Советской власти против кавказского казачества, миграционные волны горцев на равнину заметно изменили конфигурацию расселения русских на Кавказе. Но не менее существенными стали последствия коллективизации, борьба с «кулачеством», «раскрестьянивание» и «расказачивание». Суровым фактором людских перемещений стали голодные 1932–1933 гг. Переписи 1937 и 1939 гг. фиксировали эти потери и констатировали новое падение естественного прироста населения. В те годы в СССР принудительному переселению подверглись миллионы русских, в том числе и из Северного Кавказа. В восточные регионы перемещались не только «кулаки», но и голодающие. И все-таки высокий естественный прирост среди северокавказских русских компенсировал людские потери тех лет, тогда как в центральных районах России репрессии и голод перевесили рождаемость.

Еще больший урон населению нанесла Великая Отечественная война и последовавшие за ней голодные 1946–1947 гг. Только через десятилетие демографические потери и перекосы (по полу и возрасту) стали восполняться. К концу 1960-х гг. состав русского населения по полу стал выравниваться. На Северном Кавказе — ранее, чем где-либо в европейской части страны.

Северный Кавказ долгое время был, да и теперь в значительной степени является, хранителем демографической стабильности русского народа. Если на остальной части европейской России смертность среди русских стала возрастать уже в 1960–70 гг. (в Псковской и Тульской областях уже наблюдалась убыль населения, на Смоленщине, в Рязани, соседней с Кавказом Воронежской области естественный прирост не обеспечивал про-

стого замещения поколений), то на Северном Кавказе депопуляция среди русских обнаружилась на 20 – 30 лет позднее.

В автономиях миграционный приток и высокий естественный прирост народов Кавказа в определенной степени способствовал (и продолжает способствовать) уменьшению численности местного русского населения. Это, прежде всего характерно для Дагестана, Карачаево-Черкесии, для некоторых районов Ставрополя. Все же общее количество русских на Северном Кавказе столь значительно, что их доля и в 1970-е и в 80-е гг. оставалась практически неизменной, а впоследствии пополнилась русскими мигрантами — выходцами из бывших республик СССР и за счет переселенцев из северных районов страны.

С конца 1980-х гг. т. н. возвратная миграция русских дала России в последующее пятилетие 1,8 млн. человек, в значительной степени покрыв убыль из-за низкой рождаемости и высокой смертности. И большая часть этого притока пришлось на территории степного Предкавказья. Чистый прирост русского населения в регионе составил за межпереписной период 1989–2002 гг. 728 тыс. человек.

По данным микропереписи 1994 г. и Всероссийской переписи 2002 г., доля русских на Северном Кавказе по-прежнему остается высокой, исключая Дагестан, где эта доля и раньше не была значительной, а также Чечню, которая фактически утратила русское население. Общая численность русских на Северном Кавказе составляет 11,6 млн. человек (61% населения). Это примерно столько же, сколько было накануне распада СССР, хотя перераспределение в пределах региона произошло серьезное: в республиках численность и доля русских заметно сократилась, и наибольшее сокращение пришлось на Чечню.

Русское население Северного Кавказа по данным переписей

	на 1989 г., чел.	на 2002 г., чел.	прирост, в %
Краснодарский край	4006811	4436272	+10,7
Ростовская край	3844309	3934835	+2,4
Ставропольский край	2024068	2231759	+10,3
Адыгея	293640	288280	-1,8
Кабардино-Балкария	240750	226620	-5,9
Северная Осетия	189159	164734	-12,9
Карачаево-Черкесия	175931	147878	-15,9
Дагестан	165940	120875	-27,2
Чечня	293771	40645	-84,3
Ингушетия		5559	
Северный Кавказ в целом	11234379	11597457	+3,2

В современной Чечне осталось очень мало русского населения. Накануне распада СССР в Чечено-Ингушской автономии насчитывалось порядка 300 тыс. русских, а теперь, даже с учетом постоянно находящегося там воин-

ского контингента — чуть более 40 тыс. и еще 5,6 тыс. в Ингушетии. Сокращение произошло почти десятикратное. Таковы результаты десятилетия военных конфликтов, политических и экономических бедствий в этом регионе.

Если не учитывать экстремальные варианты почти полного исхода русских из Чечни, то традиционно «нерусским» по составу является Дагестан. Русских в республике Дагестан в конце 1980-х насчитывалось 166 тыс., в середине 1990-х — примерно 150 тыс. человек (около 7% населения), в последнее время — менее 121 тыс., т. е., если в первой половине десятилетия сокращение было 10-процентным, то в последующий период сокращение возросло чуть ли не двукратно. Похожая картина наблюдается в Карачаево-Черкесии, но темпы сокращения там ниже. Вообще характерной является такая закономерность: чем меньше численность русского населения в какой-либо северокавказской республике, тем более быстрыми темпами оно сокращается. То же и во внутриреспубликанской картине расселения. В Дагестане только в Кизляре русские составляют больше половины населения. Значительна их доля в Махачкале и Каспийске (15 — 16%), в остальных городах их доля варьирует от 3 до 10% населения. В Хасавюрте русских менее 5%. Сельское население — терские казаки — сосредоточено в низовьях Терека и его притоков на территории Кизлярского и Тарумовского районов (менее 30%), где их численность и доля в последние годы заметно уменьшаются. Незначительное число сельских русских проживает также в Бабаюртовском (1,5%), Хасавюртовском (0,4%), Ногайском (1,8%) и Дербентском (0,7%) районах. Только в четырех районах Дагестана из пятидесяти русские проживают значительными группами (свыше 10 тыс. человек): более 50 тыс. живут в республиканском центре — Махачкале (59 тыс. в 1995 г.), примерно 40 тыс. в Кизляре и прилежащем районе, более 10 тыс. в г. Каспийске. В районах республики, где русских относительно много, их численность снижалась медленнее.

Другая модель культуры русского «анклава» характерна для Кабардино-Балкарии. Несмотря на этнокультурную пестроту населения, Кабардино-Балкария состоит из трех основных этнических групп: русских, кабардинцев и балкарцев. Русские села (в основном старые казачьи поселения) расположены в равнинной части — в Прохладненском и Майкопском районах. В 1932 г. Прохладненский район был включен в состав Кабардино-Балкарской автономной области вместе со станицами Солдатской, Приближной, Екатериноградской и Прохладненским железнодорожным поселком. Русское население в республике составляет треть населения, причем в городской местности — их большинство (свыше 40% жителей). Для почти четверти миллиона русских в этой республике характерной чертой является значительный миграционный отток в соседние края и области, быстрое демографическое старение населения, а это в ближайшие десятилетия приведет к еще более интенсивному сокращению численности русских в Кабардино-Балкарии. За период между переписями 1989 и 2002 гг. убыль русских в этой республике составила почти 6%.

Третья модель расселения русских на Северном Кавказе характерна для плотно заселенных равнинных территорий, где они составляют подавляющее большинство жителей. Пример — Ставропольский край. В Ставрополье русские составляют 2,2 млн. человек. Со времени последней переписи 1989 г. произошло десятипроцентное увеличение, причем в основном за счет миграций. При своей подавляющей численности русское население преобладает не во всех районах Ставрополя. Особенно низка их доля в предместьях Пятигорска — только четверть населения (хотя в самом городе русские составляют более 70% жителей). Значительную часть там составляют армяне (10%), украинцы (5%), греки и др. Еще имеется четыре района края, где доля русских заметно ниже, чем на соседних территориях. Это районы Туркменский (туркмены, татары, даргинцы), Степновский (даргинцы, ногайцы, чеченцы), Нефтекумский (ногайцы, даргинцы, армяне, татары) и Курский (армяне, чеченцы, осетины, даргинцы, немцы). В них русские составляют от 2/3 (Туркменский район) до половины (Курский). В 1990-е гг. изменились не только масштабы миграционных перемещений, но и состав миграционных потоков. В Ставрополье появились беженцы, репатрианты из числа депортированных в прошлом депортированных, а также военнослужащие, вернувшиеся из стран Восточной Европы. Во второй половине 1990-х Ставрополье заняло первое место среди всех субъектов Российской Федерации по числу находящихся на его территории вынужденных мигрантов, а также по их доле в общей численности населения края (свыше 5%). Основной поток таких мигрантов шел из соседних регионов Кавказа: переселенцы из Чечни, Азербайджана, Северной Осетии, Армении в середине 1990-х гг. составляли 78% (из Средней Азии — 20%, стран Балтии — 0,5%). Более 80% вынужденных мигрантов — русские, остальные — армяне (5%), украинцы (2%), татары (1%). Статистические службы зафиксировали, что за первую половину 1990-х гг. из Чечни в Ставрополье переселилось 37 тыс. человек, более 80% из которых — русские.

Нерешенность проблем огромной массы русских мигрантов в Ставропольском и Краснодарском краях, равно как и трудное положение русских жителей в кавказских республиках, является поводом общественного недовольства и социальной напряженности на всем Северном Кавказе.

Рутульцы (самоназвание *рутул*, *мыхадбыр*, *мюхадар*), 30 тыс. человек в России, из них 24,3 тыс. — жители Дагестана, в основном в южной горной части, в Рутульском и Ахтынском районах, также проживают в пограничных районах Азербайджана. Небольшими группами расселены по равнинным территориям Предкавказья — Ставропольский край, Ростовская обл., Республика Калмыкия, Краснодарский край. В отдалении от Кавказа некоторое количество рутульцев проживает в Тюменской области.

Язык принадлежит к нахско-дагестанской группе, письменность на основе русской графики. Вероисповедание — мусульмане-сунниты с X–XI вв. Присое-

динены к России в 1812 г. Слабоурбанизированное население — горожан не более трети. Рост городского населения произошел в последние десятилетия.

Табасараны (самоназвание *табасаран*), всего по России 137 тыс. человек, причем на Северном Кавказе — 120 тыс. В основном проживают в Дагестане (110,2 тыс. человек), в юго-восточной его части (Хивский и Табасаранский районы), в большей части селений по долинам рек Рубаса, Чирахчая и Каракойсу. Наиболее крупные из них: Хив, Кандик, Черс, Межгюль, Тураг, Тинит, Хучни, Аркит, Дюбе. Кроме Дагестана расселены по Ростовской обл. (св. 2 тыс.) и Краснодарскому краю (1,3 тыс.). Говорят на табасаранском языке нахско-дагестанской группы языков, имеющем северный и южный диалекты. Литературный язык создан на основе южного диалекта. Наряду с русским языком, табасараны используют азербайджанский (в Табасаранском районе) и лезгинский (в Хивском районе).

Предки современных табасаран упоминаются в «Армянской географии» (VII в.) под именем «*таваспар*». По-видимому, уже в VIII в. с арабами к ним стал проникать ислам суннитского толка. До начала XIX в. на севере региона существовало феодальное образование во главе с кадиями (центр — сел. Зиль), а на юге управляемое майсумами (центр — сел. Джерах). С присоединением к России в 1866 г. был образован Кайтаго-Табасаранский округ.

В настоящее время табасараны лишь на треть — горожане, большинство же предпочитают сельский образ жизни.

Таты (самоназвание *тат*), выходцы в прошлом и недавнем прошлом с территории северо-западного Азербайджана, в России представляют собой очень маленькую дисперсно расселенную группу общей численностью 2,3 тыс. человек. При этом лишь половина проживает на Северном Кавказе, из них в Дагестане 0,8 тыс., в Ставропольском крае 0,3 тыс. Большинство российских татов по вероисповеданию причисляет себя к исламу (шииты), тем не менее, это не помешало в 1990-е гг. значительному количеству татов вместе с татоязычными горскими евреями эмигрировать в Израиль и страны Запада. В переписи 2002 г. часть записалась азербайджанцами (по переписи 1989 г. в России насчитывалось 19 тыс. татов). Говорят на татском языке иранской группы, а также по-русски и по-азербайджански. Северный диалект является одним из литературных языков Дагестана. Письменность на основе русского алфавита. Заняты в торговле, садоводстве и виноградарстве.

Цахуры (самоназвание *цахуры*, *йыхбы*), на Северном Кавказе численность 57,8 тыс. человек, проживают в основном Дагестане. Кроме того, расселены в приграничных районах Азербайджана. В Дагестане живут в горных районах Рутульского района, в верховьях р. Самур. Говорят на родственном лезгинам *цахурском* языке, относящемся к нахско-дагестанской группе языков. Алфавит — на латинской графике с начала 1930-х гг. В кон-

це 1930-х гг. цахурская письменность была переведена на кириллицу, однако не получила особого распространения среди цахурцев. Большинство из них в Дагестане свободно владеют русским и лезгинским, а в Азербайджане — азербайджанским. Мусульмане-сунниты. Незначительная доля проживает в городской местности.

Черкесы (самоназвание *адыгэ*), численность в регионе 57,8 тыс. человек. В Карачаево-Черкесии, где они составляют меньшую часть населения — 49,6 тыс. Происхождение и традиционная культура, в значительной степени и язык, общие с другими адыгскими группами. Многие исследователи, а также часть населения считают всех адыгов единым народом.

Исторические свидетельства о предках черкесов прослеживаются на территории современной Карачаево-Черкесии начиная с раннего средневековья. Массовое переселение адыгов на восток за Лабу произошло после монголо-татарского нашествия. Во 2-й половине XIV в. началось освоение адыгами Пятигорья и Кабарды.

В 1804 г. генерал Глазенап производил карательную экспедицию в Кабарде: много кабардинцев бежало за Кубань. Адыгское население на территории современной Карачаево-Черкесии было практически уничтожено. Впоследствии, уже в конце XIX в. потомки некогда бежавших адыгов были переселены царской администрацией на территорию нынешних Адыг-Хабльского и Хабезского районов Карачаево-Черкесии, где образовали 12 аулов. В 1820-х гг. на места обитания предков вернулось население еще пяти аулов. Их потомков ныне именуют черкесами.

В XIV–XV вв. адыги считались христианами; однако под влиянием турецкой колонизации с XV в. население Кабарды начало принимать ислам суннитского толка. Эту религию черкесы исповедуют и в настоящее время. Однако, как и у большинства других кавказских народов, у черкесов сохраняются элементы традиционных верований, переплетающиеся с исламом. Еще в начале XX в. в ряде общин священным считался крест — пережиток ранних христианских верований. Фольклор черкесов представлен сказаниями нартовского цикла.

Доля горожан среди черкесов относительно невелика и не достигает 40%, однако она выросла почти в 4 раза с 1959 по 1989 г. и в полтора раза с 1970 по 1989 г. Уровень естественного прироста в начале 1990-х гг. был достаточно высок по сравнению с большинством регионов России; однако других групп населения Кавказа черкесы по этому показателю находились на одном из последних мест (в отличие, например, от кабардинцев). Черкесов затронуло общее падение рождаемости, охватившее население республики с 1993 г.

Численность лиц с высшим образованием, так же как численность студентов, находится на среднем в России уровне, причем численность студентов уже в начале 1990-х гг. имела тенденцию к уменьшению. Данные об отраслевом составе занятого населения черкесов свидетельствуют о равномерном

распределении по различным отраслям хозяйства, с небольшим перевесом в сторону торговли, сферы обслуживания, образования, культуры.

Чеченцы (самоназвание *нохчо, нохчий*). На территории Российской Федерации проживает более 1360 тыс. чеченцев, на Северном Кавказе 1 млн 257 тыс., в основном это жители Чеченской Республики. Наибольшая группа чеченцев за пределами РФ проживает в Иордании (около 5 тыс. человек). Говорят на чеченском языке нахско-дагестанской группы. Вместе с языком ингушей образует особую (вайнахскую) подгруппу. Чеченский язык имеет несколько диалектов. Чеченцы исповедуют ислам суннитского толка.

Полагают, русское наименование «чеченцы» произошло от селения Большой Чечен близ реки Аргун. Известно, что еще старинные персидские хроники XIII в. рассказывают о «сасанах» на Северном Кавказе — так в иранской транскрипции передано собирательное название чеченских племен. Выдающийся ученый того времени Рашид-ад-Дин тоже знал о «сасанах».

Между тем, название «чеченцы», закрепленное за всем народом, стало устойчивым сравнительно недавно. Русские исторические документы XVII в. не знают иных названий, кроме как *ичкеринцы, шубуты, чарбили, мелки, чантинцы, шаройцы, терлойцы, карабулаки*. Ныне известно, что это — ушедшие в глубины истории племенные подразделения. Только произносить их надо не на русский лад, а по-чеченски, вернее по-вайнахски: *нох-чмаххой, шатой, аькхий и т. д.* По-грузински «чеченец» — «кисти», по-аварски — «буртиел», по-кумыкски — «мычыгыш», кабардинцы говорят: «шешен», ну а осетины, поскольку их язык иранский, называют чеченцев, как и некогда Рашид-ад-Дин — «сасан».

Сами себя чеченцы называют «*нохчий*». Однако и в самоназвании нет полной определенности. В первой советской переписи 1926 г. фигурирует собирательное «чечены», а если заглянуть в неопубликованные архивные материалы этой переписи, то обнаружим, что люди именовали себя «нахчи», «нахчуо», «нехчи». Во время следующей переписи в 1937 г. были зафиксированы такие самоназвания: *чечено-ингуши, ичкеринцы, мизджеги, цецен, галга, гликви, кульга, маккал, маствеи, кисты, ауховцы*. Последние два названия существуют доныне. Есть и другие.

Многообразие самоназваний чеченцев связано с особенностями народной культуры и языка, развивавшихся в изолированных горных ущельях, в равнинных междуречьях, в крупных аулах с тысячным населением. Как говорят специалисты, молодой чеченский язык, получивший только в XX в. литературную форму, на самом деле принадлежит к древней группе кавказских языков. К так называемым, нахским языкам относятся еще два других — ингушский и малоизвестный бацбийский. Чеченский и ингушский языки очень похожи, но в XX в. после создания письменности они стали более самостоятельными. Что касается дописьменного чеченского языка, каким он был в XIX столетии, то в таком виде он известен лишь по-

томкам эмигрантов, покинувших Северный Кавказ в тот период. Носители старочеченского языка живут в Сирии, Иордании, Турции.

Но, несмотря на развитие письменности, все еще сохраняются в чеченском языке многие диалекты: *галанчожский, итумкалинский, кистинский, чеберлоевский, шароевский*. Бытуют и говоры: *веденский, шалинский, урус-мартанский, надтеречный, пхарчхоевский, дайский, нашхоевский, тарлоевский, ламаккинский, мелхинский*. Есть еще особый диалект чеченцев-аккинцев в Дагестане⁴, а также диалект уже упоминавшихся кистин в Грузии. Самым распространенным является плоскостной (т. е. равнинный) диалект, на основе которого развивается чеченский литературный язык.

Различия диалектов и говоров по словообразованию и звучанию заметны. Однако это не затрудняют взаимопонимание. Впрочем, различия больше видны специалистам. Например, они отмечают, что такие говоры как нашхоевский, мелхинский выделяются тем, что в них отсутствует специфическая форма прошедшего времени. А чеберлоевский диалект, по их мнению, вообще уникален, поскольку именно в нем словоформы сохранились в наиболее древнем виде. Оказывается Чеберлоевцы живут лишь в трех селах: Алхан-Юрт Грозненского района, Закан-Юрт и Самашки Урус-Мартановского района. Причем этот вариант языка настолько уникален, что в переписи 2002 г. чеберлоевский диалект специально занесен в учетный список. Однако военные действия 1990-х мало что оставили для науки.

В начале XX в. бесписьменным чеченским диалектам пытались придать общую форму при помощи арабских букв. С 1925 г. письменность перевели на латинскую графику, а в 1938 г. был принят нынешний русский алфавит. В нем используется лишь один дополнительный знак, введенный для обозначения, как говорят филологи, смычногортанности. Вдобавок некоторые звуки чеченского языка обозначают не одной, а двумя русскими буквами: *ль, хь*.

Первоначально письменный чеченский язык использовался только в начальных школьных классах, и лишь намного позднее его стали преподавать в старших классах и вузах. Возможно, язык вновь постараются латинизировать. Говорят, мол, кириллица для языка не подходит. Но это, скорее, политика, нежели научные доводы. А пока современный чеченский язык используемый в печати, делопроизводстве, культурно-просветительных учреждениях, художественной и научно-технической литературе, развивается на основе русских букв. К тому же основным источником языковых заимствований является именно русский язык. Практически вся политическая и научно-техническая терминология попала в чеченский язык либо из русского языка, либо через него. И это легко объяснимо, ведь свободно говорят поручки более 70% чеченцев.

Годы пресловутой независимости, а по сути — разрухи, и еще более того — две войны на протяжении 1990-х гг. унесли не только большое количест-

⁴ Носители аккинского (ауховского) диалекта живут в Хасавюртовском районе Дагестана.

во человеческих жертв, но и сильно подорвали народную культуру. Последствия этих катаклизмов смогут оценить историки и лингвисты только через несколько десятилетий.

Несмотря на тяготы военных лишений, чеченцы по-прежнему составляют абсолютное большинство населения Чечни. Неразмежеванная граница с Ингушетией определяет их ареал расселения на западе. Считается, что естественным рубежом служит речка Фортанга. Но и по левому берегу в направлении Ингушетии расположена застройка чеченских селений. Естественно, чеченцы живут и в самой Ингушетии, причем целыми селами в отдалении от Чечни. Кроме того, в чечено-ингушском пограничье расселены не то чеченцы — не то ингуши. Русские их называли *карабулаки*, сами они еще и сегодня называют *орстхойцы*. В списках национальностей орстхойцев нет. А они не только существуют, но даже пытаются решать территориальные проблемы двух соседних республик. В 1994 г. орстхойцы объявили: мы-де, намерены «самоопределяться» с ингушами. Оно и понятно — на пороге стояла война.

На востоке ареал чеченцев очерчен границей Дагестана лишь формально. В Дагестане у чеченцев, называемых *ауховцами*, есть свои исконные территории, а кроме того, в приграничные районы переселилось много беженцев из Чечни.

Чеченцы являются аборигенами Северного Кавказа (а если учесть родственных им кистин, а также бацбийцев по другую сторону Кавказского Хребта, то их можно назвать аборигенами Центрального Кавказа). До XVI в. они жили преимущественно вдоль рек по горным ущельям. Именно в те времена они существовали как отдельные группы: мичиковцы, качкальковцы и прочие. Затем многие группы переселились на равнину — в долины Сунжи, Аргуна. Русские казаки их потом называли «надтеречными».

Впрочем, за всю многовековую историю чеченцев, этот приход на равнину явно не был первым. Известно, что к моменту прихода татаро-монгольских войск (1222 г.) равнинная зона Чечни активно использовалась горцами. Однако в результате нашествия степная затеречная и частично Чеченская равнина вошла в состав Золотой Орды.

Предки вайнахов, как обычно называют чеченцев и ингушей, были расселены в горах за 2 тыс. лет до н. э. По определению археологической науки, это были скотоводческие племена каякентско-харачаевской и кобанской культур. Поселения «кобанцев»⁵ относятся к первой половине 1 тысячелетия до н. э. Уже тогда местные жители в своем хозяйстве использовали железные изделия, занимались земледелием и скотоводством. А земледелием, в той примитивной форме, какая была достигнута в те времена можно было заниматься отнюдь не в высокой части гор. Скорее — в равнинных предгорьях.

По преданиям, первые переселенцы появились на равнине в конце XIV в., а затем в следующем столетии они заселили пространство между

⁵ Кобанцы — условное наименование, данное археологами по названию раскопок в Северной Осетии.

реками Сунжа и Аргун. По берегу самой Сунжи чеченские аулы возникли одновременно с поселением терских (гребенских) казаков. Об этом указано в русских документах XVI в., в которых чеченцы, селившиеся на Сунже, названы «скоцкими людьми» — скотоводами. Часть чеченцев были даже приняты на царскую службу. Сосуществование было в общем-то мирным. Однако между собой родо-племенные группы соперничали. Вспыхивали столкновениями и с другими кавказцами.

В XVI–XVII вв. за господство на Кавказе боролись Османская империя, Иран и Русское государство. Тогда и стали возводиться русские крепости и казачьи городки. В тот период внутривеченское соперничество и владычество кабардинских князей для сельских обществ было серьезной проблемой. Представители чеченских родов и аульных обществ вступали в дипломатические отношения с русскими на взаимовыгодных условиях.

Начиная с Петра I согласование интересов уступило место колонизации и чуждому административному управлению. Хотя чеченцам были выгодны хозяйственные и торговые отношения, они, тем не менее, резко протестовали. Все же соперничество крупных стран в кавказском регионе продолжалось, и логика завоеваний неумолимо вела к началу активных военных действий России с горцами. Царские войска заняли левый берег Терека, продвиг сюда со стороны Кабарды и Ингушетии укрепления Кавказской военной линии. Это разъединило группы равнинных чеченцев и пресекало возможности векового движения горцев на равнину. Неизбежно, таким образом, было ожидать нападений со стороны чеченцев, что и стало регулярно происходить с конце XVIII в.

В 1785 г. чеченский пастух Ушурма объявил себя имамом под именем шейха Мансура и «газават», призывая к истреблению «неверных». Многие чеченцы и особенно недовольные засильем кабардинских князей примкнули к этому движению. Поддержку Мансуру, естественно, стала оказывать Османская империя. С шейхом сражались русско-кабардинские отряды. Деятельность Мансура продолжалась пять лет, но после поражения он бежал в Анапу, бывшую в те времена турецкой. Ныне одна из площадей в Грозном названа в честь шейха Мансура.

Не прошло и трех десятилетий, как вновь началась война. Русской администрации к тому времени удалось нейтрализовать большую часть ингушей, селив их на равнину, где ингуши не так страдали от безземелья и были подконтрольны царской администрации и казакам. По иному обстояло дело в Чечне. Александр I требовал от генерала Ермолова скорейшего покорения горцев, а между тем тот располагал небольшими военными силами и вынужден был ограничиваться устрашающими карательными экспедициями. В 1818 г. русскими была основана крепость «Грозная» — нынешняя столица Чечни. Освоение Чечни сопровождалось вырубкой леса в районе укреплений, уничтожением садов и селений. Военная хроника того времени, например, сообщает, что осенью 1820 г. был сожжен Герзель-аул, «скот отобран на провиант, а горцы отправлены на рубку леса».

«Мирные» же чеченцы обложены оброком по 1 «рогатым скотине» с 10 дворов. А «немирные» тем временем вели настоящую партизанскую войну, часть из них бежала в Дагестан, где антирусское движение было особенно сильным. В тех местах исстари существовала неприметная секта мистиков-мюридов суфийского толка, чьи идеи с 1820-х гг. становятся знаменем антиколониальной и антифеодальной борьбы.

В 1828 г. начал свою деятельность провозглашенный имамом, т. е. духовным и светским руководителем, Гази-Магомед. Идеология мюридизма оказалась удобной, поскольку выше всяких родственных и племенных связей ставила преданность начальнику (имаму). Мюрид, вершивший правду по приказу и вопреки адатам (местным обычаям) ставил себя вне закона и мог искать защиту от кровной мести только у своего начальства. Под началом Гази-Магомеда собралось около 15 тыс. горцев, вдохновленных его призывами. Череда столкновений с русской армией длилась три года, пока имам не был убит при взятии русскими и грузино-армянской милицией аула Гимры. Бывшему рядом с ним аварцу Шамилю удалось бежать, хотя у него была проломлена левая лопатка и проткнута штыком грудь. Следующим имамом Дагестана и Чечни стал Гамзат-бек, который также погиб через два года. Наконец третьим имамом стал Шамиль на долгие 25 лет, добившийся наибольших успехов в противодействии российскому колониализму, но все же проигравший ему. Шамиль создал мусульманско-теократическое государство имамат. Для нужд армии Шамиля жители чеченских аулов поставляли продовольствие и разводили лошадей.

После поражений русское командование изменило тактику и стало окружать имамат плотным кольцом кордонов. Это был верный ход. Шамильские предводители, требовавшие наград «за труды и раны», превратились, по сути, в новых феодалов, с которыми еще недавно яростно боролись. Показателен в связи с этим пример Хаджи-Мурата, идеализированного Л. Н. Толстым. Шамиль стал терпеть одно поражение за другим. Многие дагестанцы и чеченцы воевали уже против него. Наконец Александру II из армии пришел рапорт: «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург».

В 1860–1870 гг. многие чеченцы стали мухаджирами, т. е. переселенцами в пределы Османской империи. Этому способствовала не только турецкая пропаганда, обещавшая счастливую жизнь среди единоверцев, но и желание царской администрации избавиться от «лишних хлопот» на Северном Кавказе. В 1865 г. в Турцию выехало 22 тыс. чеченцев. Правящие круги Османской империи давно вынашивали идею освоения болот Месопотамии. Туда и был направлен поток беженцев. Там чеченцы вымирали от малярии целыми родами. Положение оставшихся на Кавказе, несмотря на разруху, вызванную войной, было значительно лучше.

И все же, конец войны на Кавказе не принес спокойствия. В 1864 г. в селении Шали со всей Чечни собралось 3 тыс. мюридов, потребовавших освобождения из-под ареста своего духовного наставника Кунта-Хаджи. Получив отказ они, по свидетельству очевидцев, «не вынимая оружия, но надеясь на

сверхъестественную силу и помощь неба с молитвами и плясками пошли на казачьи батальоны». Тогда из них было убито более 160 человек, 18 видных деятелей отправлены на каторгу, а сотни других сосланы в Сибирь.

После окончания войны царская администрация занялась землеустройством, и в Чечне воцарился настоящий хаос. Столетиями складывалась сложная система общинных и мелких семейных владений, неписанные правила действовали в отношении использования горных пастбищ. И все это было уничтожено росчерками на бумаге. Состоящие на царской службе чеченские же офицеры получали по 500 и более десятин земли — немыслимое количество, если учесть, что в условиях малоземелья в горах средний размер участка составлял 0,2–0,3 десятины. В 1877 г. в Чечне вспыхнуло восстание, возглавленное Алибеком-хаджи, которое вскоре было жестоко подавлено. Особый размах приобрело абречество — движение, носившее характер индивидуального террора. Простой народ смотрел на абреков как на героев, видя в них своих заступников. Царское правительство пыталось привлечь абреков к службе в армии, обещая взамен амнистию. Однако активное сопротивление пришедшей власти уже приобрело стойкую традицию.

Приход советской власти чеченцы встретили с большой надеждой, поверив в идеалы свободы и равенства, строительство бесклассового общества. В 1917 г. укомплектованная чеченцами и ингушами «Дикая дивизия» отказалась подчиниться приказу ген. Корнилова идти на Петроград с целью подавить революционные выступления рабочих. В 1918 г. чеченское ополчение ценой больших потерь (были разрушены 18 аулов) не пропустило армию Деникина к нефтеносным районам Грозного и Баку, что во многом предопределило исход гражданской войны на Юге России.

Однако в дальнейшем многие действия новой власти привели к недовольству среди чеченцев. Так, жестокие методы политики коллективизации стали причиной противодействия, в том числе вооруженного. Это было характерно не только для Кавказа, но и для других областей страны. В дальнейшем эти факты были преувеличены органами НКВД и использовались ими для оправдания массовых репрессий против чеченцев.

Чеченцы внесли существенный вклад в победу СССР над гитлеровской Германией. В армию были призваны практически все годные к службе мужчины. Чеченцы сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны, проявляя мужество, стойкость и героизм. Из 1500 защитников Брестской крепости более 300 были выходцами из Чечено-Ингушетии. Чеченец А. Х. Исмаилов вместе с М. В. Кантария и М. А. Егоровым водрузил Знамя Победы над Рейхстагом. Первыми на Эльбе с союзными войсками встретились бойцы кавалерийского полка под командованием чеченца М. Висаитова, который был удостоен высшей воинской награды США — ордена «Пурпурное сердце». Всего в годы войны более 50 чеченцев и ингушей были представлены к званию Героя Советского Союза, но получили награды только пятеро.

В начале 1944 года было принято постановление Госкомитета Оборонаы о ликвидации Чечено-Ингушской АССР, и в феврале органами НКВД была проведена операция «Чечевица» по массовому переселению чеченцев. Для оправдания такой беспрецедентной меры в адрес чеченцев были выдвинуты надуманные обвинения в предательстве, массовом уклонении от воинской службы (якобы новобранцы отказывались есть свинину), попытках сговора с гитлеровцами (хотя немецкие войска до Чечено-Ингушетии не дошли и были остановлены в районе Моздока при активнейшей помощи именно чечено-ингушского ополчения). Вершиной пропагандистской кампании стал миф о «белом коне под золотым седлом», который якобы хотели преподнести Гитлеру чеченцы.

В ходе операции в районы Казахстана и Киргизии были насильственно вывезены 370 тыс. чеченцев (по другим сведениям – 317 тыс.).

Закрытая перепись спецпоселенцев, как тогда называли депортированных, проведенная в 1953 г., показала, что среди таковых значительную часть составляют дети и подростки. Многие старики к тому времени уже умерли, не вынеся тягот жизни в трудных условиях. Среди выселенных чеченцев лица моложе 17 лет составляли 42%.

Лишь 1957 г. Чечено-Ингушетия была восстановлена, и люди смогли вернуться. Но и тогда несколько горных районов Чечни еще не разрешали заселять. Дагестанские чеченцы-аккинцы добиваются восстановления своего района до сих пор.

Важнейшую роль в истории борьбы чеченцев за политическую самостоятельность играл ислам. Но до распространения ислама в горной Чечне бытовало... христианство. Правда, было это очень давно — в VIII в. (ученые полагают, что христианами некоторые чеченцы были вплоть до XVI в.). В Чечню христианство проникло из соседней православной Грузии. Доныне в Аргунском ущелье находятся развалины храмов и каменные кресты, если, конечно нынешние войны их полностью не уничтожили.

Верующие чеченцы — мусульмане-сунниты. Ислам стал распространяться среди чеченцев сравнительно поздно — с XV–XVI вв. Сюда принесли его проповедники из Дагестана. Особенно укоренилась мусульманская вера в период Кавказской войны под руководством Шамиля. В конце войны чеченцы принимают зикризм. Это учение ислама требует громких вскриков-молитв, которые сопровождаются быстрым танцем по кругу. Шамиль был резко против и даже карал зикристов, однако новшество быстро распространилось практически по всемо горным аулам. «Привычный» ислам остался у равнинных чеченцев. Несмотря на гонения при советской власти, ислам укрепился среди чеченцев, особенно это было в период депортации. Сегодня, как и при Шамиле, ислам в Чечне играет большую роль. Суфийские общины-вирды вместе с родовыми кланами (тейпами) являются важным элементом чеченского общества, хотя приоритетную социальную роль играют в настоящее время обычные гражданские институты.

СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

■ Как и другие народы, восточные славяне не представляли и не представляют собой некоего этнического монолита; еще и сейчас внутри них можно выделить отдельные субэтнические группы населения. К таким группам, например, относилось и относится современное северокавказское казачество (терское, кубанское и др.). В результате многовекового расселения восточных славян на обширных пространствах с различными географическими и социально-экономическими условиями, а также многовековое соседство с другими этносами складывалась определенная специфика хозяйства и быта этих групп восточнославянского населения. Например, к таким этногеографическим регионам, где ныне проживает современное казачество, относится и Северный Кавказ с прилегающими территориями юга Восточной Европы (Дон, Терек, Кубань). На своеобразии этого региона значительное влияние оказали как факторы исторического характера, так и давние контакты и связи с коренным населением края, начиная еще с эпохи Древнерусского государства.

Причины возникновения таких групп, разнообразны. Это и антифеодальный протест, и, как следствие его, бегство крестьянского и другого зависимого населения на окраины Русского государства. Это и раскол православной церкви в середине XVII в., и преследование старообрядцев; это и административные перемещения «служилых людей» на окраины государства; наконец, имели значение и переселения правительством различных социальных групп с целью хозяйственного освоения окраинных территорий Российской империи, а также и иные миграции населения.

Вопрос о роли восточнославянского этнического элемента на юге Восточной Европы (Дон, Терек, Кубань) непосредственно связан с проблемой появления в этих регионах еще древнерусского населения.

Многочисленные археологические и лингвистические материалы, вещественные и письменные источники позволяют отнести появление славянского населения в крае ко времени существования Тмутараканского княжества на Таманском полуострове (X—XII вв.); некоторые данные косвенно указывают и на более раннее проникновение славян в регион. Есть основания предполагать, что территория княжества охватывала и более широкие географические рамки — Приазовье, западную часть Северного Кавказа и Восточный Крым.

В связи с изучаемой проблемой заслуживают внимания и материалы о т. н. «бродниках», живших на юге страны и являвшихся предшественниками казачества. «Бродники» непосредственно связаны с историей восточнославянского населения Северного Кавказа и казачества.

Новую волну восточнославянских поселенцев следует датировать послемонгольским временем и особенно XVI в., т. е. временем начала собственно «казачьего периода» в истории юга Восточной Европы. Уже новые славянские (русские и украинские) группы населения селятся на землях Северного Кавказа, включая побережье Кубани, Терека и Сунжи. С этого времени наличие в крае восточнославянского этнического элемента становится постоянным и стабильным. Начинается т. н. «казачий период» в истории юга России.

По мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, слово «казак» имеет тюркское происхождение.

Дальнейшую историю казачества на Северном Кавказе можно разделить на 5 периодов.

1. Середина XVI в. — 80-е гг. XVIII в. (с подразделением на начальный — середина XVI в. — 20-е гг. XVIII в. и последующий — 20–80-е гг. XVIII в. этапы).
2. 80-е гг. XVIII в. — 60-е гг. XIX в.
3. 60-е гг. XIX в. — начало XX в.
4. 1917 г. — начало 90-х гг. XX в.
5. 90-е гг. XX в. по настоящее время (возрождение казачества).

Несмотря на неизбежное смешение переселенцев и сильное «нивелирующее» воздействие на них особого «служилого» сословного статуса, в составе славянского населения Северного Кавказа четко прослеживались локальные группы русского и украинского происхождения. Выделялись также селения переходного этнокультурного состава. За время длительного проживания на Северном Кавказе казаки сблизились в хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношении с коренным населением края, что сказалось на их взаимосвязях и взаимовлияниях в области материальной и духовной культуры, на всем укладе их жизни.

Первый этап (сер. XVI в. — 70-е гг. XVIII в.)

▪ Конец XV — начало XVI в. — важный период в истории Русского государства. После освобождения от монголо-татарского ига, завершилось объединение русских земель. Завоевание Астрахани и Казани в 1550-е гг. раздвинуло границы Русского государства до устья Волги, дав ему выход к Каспийскому морю и Предкавказью. В то же время внешняя политика Османской империи и Персии создавала крайне напряженное положение на Кавказе, часть народов которого стали искать защиты у Русского государства. Уже с XVI в. с просьбами к Русскому государству о помощи и принятии в подданство обращаются правители Шемахи, Шевкала, Дербени, Иргеча и других кавказских земель.

Именно в этот период (скорее всего, во 2-й четверти XVI в.) на Северном Кавказе появляются первые переселенцы из славянских земель. То были вольнолюбивые люди, не желавшие мириться с феодальной кабалой на родине; они уходили на окраины русских земель, где создавали казацкие общины, открытые для всех, у кого было желание поселиться в тех местах. Ряды казаков пополнялись и за счет лиц, стремившихся к легкому обогащению. Есть основания предполагать, что казацкие общины с момента возникновения вбирали в свой состав и представителей местного населения, которые подвергались обрусению и христианизации.

Практически открытые границы региона, веротерпимость, потребность в людских ресурсах и другие факторы способствовали свободному притоку славянских переселенцев на Дон и Терек. Земледельческий труд в этот период из-за отсутствия необходимых условий не получил широкого распространения среди переселенцев. Главными их занятиями были традиционное для региона скотоводство, рыбная ловля, сбор плодов дикорастущих растений (носивший подсобный характер), а также разбой и грабежи в виде т. н. походов «за зипунами». Из демографических процессов в эту эпоху главную роль играло пополнение населения за счет внешних источников, так как естественный прирост был еще крайне низким. Это было тесно связано с напряженной внутри- и внешнеполитической обстановкой, слабым развитием производящего хозяйства, низкой плотностью и неравномерным размещением населения в крае. В связи с этим заметную роль в воспроизводстве этноса играли этногетерогенные браки. Отношения переселенцев и местного населения носили в основном мирный, дружественный характер. Военные столкновения возникали в связи с походами «за зипунами» и при возникновении нужды обороняться от соседей. Переселенцы еще не приобрели специфической военной, социальной и профессиональной организации.

С зафиксированного в документах 1567 г. начинается постройка первых военных городков-крепостей на Дону, Сунже, Тереке и Судаке с преимущественно русским населением. Их строительство было вызвано в первую очередь потребностью противостоять враждебным акциям со стороны Турции, Ирана или их местных союзников. Со временем население этих городков-крепостей становилось смешанным, полиэтничным. Об этом свидетельствует, например, существование в конце XVI в. в Терках (русская крепость, заложенная в 1588 г. в устье Терека) Черкасской, Окоцкой, Татарской, Кумыкской, Ногайской и Новокрещенской слобод, основанных осевшими там группами кабардинцев, чеченцев, кумыков, ногайцев и других северокавказских народов. Именно это в существенной мере определяло характер первых укрепленных пунктов в крае в XVI — начале XVII в.

Результатом описанных процессов стало то, что в середине — конце XVI в. были созданы Гребенское и Терско-Низовое казацкие войска.

В XVI—XVII вв. переселенцы жили компактными группами, при сравнительно низкой плотности населения, сохраняя относительно мирные взаимоотношения с местным населением. Важное адаптивное значение на

данном историческом этапе имели психологические и демографические факторы. В частности, значительную роль сыграл изначальный настрой русских переселенцев на длительный разрыв с родными местами, сознательное стремление обрести на чужбине свою вторую родину. Не менее важными были прочность внутриобщинных связей и традиций, коллективная взаимопомощь переселенцев.

Важным событием, повлиявшим на дальнейшую судьбу восточнославянского населения Северного Кавказа, Дона, Терека, Сунжи, стало почти полное включение в 1721 г. казачества в состав вооруженных сил России. Этим были сильно ограничены его прежние вольности, регламентирован весь образ жизни; казачество хотя и сохранило свои субэтнические черты, но было поставлено под государственный контроль.

С созданием Моздокского форпоста в 1765 г. территория обитания славянского населения расширилась на запад. Помимо образования «русских станиц», к этому времени относится и появление селений (Луковской, Александрийской, а в нач. XIX в. — Ново-Осетинской и Черноярской), жителями которых были осетины, грузины и представители других горских народов Кавказа. В их среде также прослеживались интеграционные процессы, что проявилось в формировании органов самоуправления и социальной структуры по казачьему «образу и подобию», принятому у казачества, восприимчивости казачьих типов поселений, жилища, костюма, распространении двуязычия и т. п. Подобные процессы протекали и на Дону. С XVII в. население Дона за столетие выросло почти в 10 раз. В XVIII в. расширяется территория Донского войска — заселяется Донское понизовье, Миусский бассейн, Задонье. К 1770 г. на Левобережье Дона были переселены ногайцы, началось освоение побережья Азовского моря. Этот этап формирования восточнославянского населения Северного Кавказа, охватывающий эпоху с середины XVI по середину XVIII в., целесообразно именовать ранним «казачьим периодом» его истории.

Рубежом, знаменующим завершение первого этапа восточнославянской колонизации Северного Кавказа и начало ее второго этапа, можно считать 1785 г., когда указом Екатерины II было образовано Кавказское наместничество с центром в г. Ставрополе (просуществовавшее до 1796 г.).

Второй этап (80-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.)

▪ Второй этап в истории заселения Северного Кавказа восточными славянами совпал с нарастанием политической и военной активности России на Кавказе, имевшим различные побудительные мотивы: внешнеполитические, колонизационные, торговые и проч. Все более укрепляясь на берегах Каспийского и Черного морей и в силу этого испытывая потребность в достаточных вооруженных силах на южных границах государства, русское правительство стремилось создать на Дону, Тереке, Сунже сильное казачье

войско, рассматривая это как решение проблемы заселения юга России, и в первую очередь Северного Кавказа.

Гражданская (невоенная) колонизация этих мест в рассматриваемый период была подчинена достижению стратегических внешнеполитических целей России в этом регионе. Оно было представлено двумя направлениями — плановым переселением жителей из центральных и южных районов России и стихийным (народным) колонизационным движением из тех же районов.

В целях упрочения позиций на Северном Кавказе правительство Екатерины II создало и укрепило Кавказскую кордонную линию. Эта линия от Моздока до Азова должна была состоять из 10 крепостей, точнее, укрепленных селений с промежуточными редутами между ними. Для заселения этих мест в 1770 г. с Волги были окончательно переведены остатки Волжского казачьего войска, составившие в районах нового расквартирования полк того же названия.

В 1824 г. генерал А. П. Ермолов создал между Моздоком и «волжскими станицами» новую казачью линию из семи крестьянских селений, получившую название Горского казачьего полка. В результате территория населенными пунктами с преимущественно русским населением значительно расширилась. Два крестьянских селения — Курская и Государственная станицы — были заселены по преимуществу украинцами. К тому же времени относится создание почтовых дворов, преобразованных в XIX в. в селения. Образование в 1786 г. Кавказского наместничества привело к появлению новых городов. В губернский город была превращена крепость Екатеринодар, а крепости Георгиевск, Моздок, Кизляр, Александровская стали уездными городами.

Почти одновременно с заселением северо-западных районов Прикубанья происходили колонизация (в форме принудительного переселения) и дальнейшее укрепление станиц Старой Линии. В заселении этих мест значительная роль принадлежала «выселенцам» с Дона—казакам Усть-Медвединского, Хоперского и Второго Донского округов. В 1802 г. здесь поселяются также казаки Екатеринославского войска, создавшие ряд военных укреплений, которые позднее стали станицами (Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская, Григориполисская, Приближная, Солдатская и др.). В освоении этих мест принимали участие не только хоперские и волжские казаки (т. е. русские), но и украинцы.

Наконец, в 30–40-е гг. XIX в. усилиями правительства было создано еще 30 новых станиц, в населении которых (в целом смешанном) преобладал восточнославянский этнический элемент. В эти годы, несмотря на правительственные запреты, продолжалось массовое переселение на Дон русских и украинских крестьян. В начале XIX в. численность населения Донского войска составляла более 300 тыс. человек.

Подводя итоги описанию военной колонизации Северного Кавказа, при которой казачество становилось основной частью славянского населения края, необходимо особо отметить ту значительную трансформацию, которой оно подверглось. Переход казачества в полное подчинение россий-

скому военному ведомству и окончательная потеря им своих вольностей положили конец его «естественному» развитию. Казачество переродилось в военно-служилое сословие в рамках государства, находившееся под сильным влиянием Русской Православной Церкви. Плата за службу казакам и в новое время продолжала строиться на старой феодальной основе. Она включала систему натуральных выплат, главную статью которых составлял крупный не облагаемый налогом земельный надел.

Но северокавказское казачество, обретая собственный облик, специфический культурно-бытовой и хозяйственный уклады, психологию, постепенно приобретающие устойчивый характер, создавало и воспроизводило, сохраняло свои субэтнические черты. Таким образом, начиная с XIX в. его можно рассматривать уже как особую сословно-этническую группу. (Этот вопрос приобретает особую актуальность в наше время.)

Увеличение населения края, считающего себя казаками, потребовало от правительства решения вопроса об обеспечении его жителей продовольствием, который можно было разрешить только с помощью развития земледелия в заселяемых казаками районах. Достижение этой цели правительство видело в планомерной гражданской колонизации края. Уже в конце XVIII в. началось организованное переселение на Дон, Терек из Центральной России части крепостных крестьян князя Александра Вяземского, графа Александра Воронцова и других крупных землевладельцев. Одновременно правительство щедро раздавало т. н. казенные земли на Дону, в Терской и Кубанской областях помещикам при условии, что те заселят их своими крепостными крестьянами.

Но «дворянская колонизация» казачьих земель на Дону и по Тереку в этот период решающего успеха не имела. Значительно больших результатов достигла она на Кубани, где имелись значительные массивы неиспользуемых плодородных земель. Кроме того, 36 русских и украинских поселений в Терской области и около 40 в Кубанской были основаны по приказу правительства «казенными» поселянами, прибывавшими из внутренних районов России, и отставными солдатами.

Главной чертой второго этапа заселения земель по Дону, Тереку, Сунже и Кубани (особенно во второй его половине) стали массовые стихийные переселения русских и украинцев на Северный Кавказ. Этому способствовали заметно обострившаяся борьба крестьян против крепостного строя и частые стихийные бедствия (засухи, неурожаи, голод и т. п.), затронувшие значительные массы крестьянства в центральных губерниях России. На Дон, в Терскую и Кубанскую области устремились государственные крестьяне различных категорий — однодворцы, экономические, дворцовые и др. Ряды переселенцев пополнялись и за счет помещичьих крестьян, отставных солдат, мещан и иного «беспаспортного люда». Наконец, самовольно двинулись на Северный Кавказ и разорившиеся дворяне, а также различные предприниматели — с целью скупки частных земель, розданных правительством вышедшим в отставку офицерам. Основными губерниями,

поставлявшими переселенцев, были Екатеринославская, Полтавская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Воронежская и ряд других.

Несмотря на неизбежное в таких случаях смешение, в составе переселенцев отчетливо сохранились определенные локальные группы русского и украинского происхождения; при этом процент украинцев возрастал с востока на запад (на Тереке и Кубани) по мере приближения к историческому ареалу расселения в рамках Русского государства. Станицы и гражданские селения с населением переходного (смешанного) этнокультурного состава были характерны для предгорных районов края. В среде донских казаков, особенно в низовье Дона, находилось значительное количество украинцев. Своеобразную группу населения составляли «новообращенные казаки» из числа неславянских народов Кавказа, проживавшие на территориях расселения русских и украинцев. Культура и (прежде всего материальная) подверглась сильному влиянию восточнославянских традиций.

В XVIII — 1-й половине XIX в. рост славянского населения на Северном Кавказе происходил в первую очередь за счет внешнего фактора — многочисленных миграций. Но нельзя игнорировать и увеличение естественного прироста, что было связано с прогрессирующим экономическим освоением края, интенсивным развитием пашенного земледелия и закономерным в таких случаях образованием новых большесемейных производственных коллективов.

К началу XVIII в. состав казачества становится достаточно сложным, что определило характер этнических процессов и их последствий в рассматриваемое время. В среде северокавказского казачества можно выделить:

1. Восточнославянскую, или русско-украинскую, группу. Уже в XVII в. она преобладала количественно, политически и в культурном отношении, определяя облик всего сообщества.

2. Интегрированные группы «горских казаков» — состоявшие из грузин, осетин, чеченцев и др., на Тереке и адыгов-шапсугов — на Кубани, калмыков, татар на Дону. Они занимали второе место по численности и были связаны в местах расселения с восточными славянами казачьими сословными отношениями. Большая их часть, переселяясь на новые места крупными организованными группами, включавшими и семьи, сохраняла свое культурно-бытовое своеобразие. Они селились либо среди казаков, либо отдельными станицами, в которых славянское население находилось в меньшинстве, например Александрийская, Ново-Осетинская, Черноярская и др.

Переселение этих неславянских групп компактными семейными коллективами (в отличие от одиночного переселения на предыдущем этапе) препятствовало их ассимиляции в среде казачества и зачастую делало интеграцию этих групп в структуре казачьего войска неустойчивой. Однако под влиянием контактов со славянским населением края и целенаправленной политики войсковых властей развитие интеграционных процессов в их среде все же имело место. Оно проявлялось, например, в формировании типично казачьих органов самоуправления и социальной структуры, в ряде общих элементов культуры: самосознании, двуязычии, костюме, некоторых обычаях (например, воинских) и др.

В состав северокавказских казачьих войск входили и локальные группы, объединявшие представителей некоторых тюркоязычных этносов: ногайцев, турок, крымских татар, а также монголоязычных калмыков. Так, в конце XVIII в. на Левобережье Дона были переселены 30 тыс. ногайцев, а в начале XIX в. в Войске Донском числилось 1420 калмыков. Их объединение происходило в основном по конфессиональному признаку. Как и представители других этносов (тюрки, греки, армяне, поляки), горцы, вступавшие в казачье сословие, не могли существенно повлиять на состав и культуру восточнославянского казачества

Изучение этнических процессов восточнославянского населения Северного Кавказа было бы неполным без учета социального и правового положения т. н. «иногородних», не приписанных к казачьему сословию (их основная масса стала складываться уже в конце XVIII в.). Этим термином в районах проживания казаков, в том числе и на Кавказе, обозначались переселенцы, проживавшие на территориях станичных обществ постоянно или временно, но не приписанные к казачьему сословию. Так же именовалось в России и постороннее население, проживающее в «чужих» селениях, где было введено общественное устройство, обычное для крестьянских сел страны. Этот термин применялся не только в обыденной речи, но и в официальных документах. В 1872 г. правительством даже было издано специальное постановление о замене его более регламентированным канцелярским термином «лица невойскового сословия», хотя в быту и разговорном языке эта громоздкая конструкция не прижилась, о чем свидетельствует тот факт, что термин «иногородние» бытует и в наши дни.

Натуральные повинности (подводную, постоянную, возведение береговых укреплений и т. д.) «иногородние» были обязаны исполнять наравне с казаками (кстати, на практике на них нередко перекладывали основную тяжесть этих повинностей). Никаких прав не имели «иногородние» и на коллективные угодья казачьей общины — леса, покосы, природное сырье этих угодий и т. д. В органах станичного управления «иногородние» не принимали никакого участия.

В быту казаки нередко враждовали с «иногородними» — чаще всего из-за боязни перераспределения жизненных благ, которыми правительство наделяло казаков, стремившихся сохранить свои сословные привилегии. Сказывалась, естественно, корпоративная замкнутость казачества, связанного общностью выполнения своих специфических профессиональных функций, временем и местом формирования (традиционный антагонизм и неравенство прав старожилов и новоселов, восходящие к обычному праву) и т. д. Значительную часть старого казачества таких окраинных территорий империи, как земли Дона, Терека и Кубани, составляли ушедшие в свое время от идеологического преследования раскольники-старообрядцы разных толков, в то время как более поздние по своему происхождению группы «иногородних» относились по преимуществу к «чистым» православным. И с этой стороны отношения между ними не могли быть «комплимен-

тарными» (особенно когда разнонаправленно проявлялся профессиональный фактор). Но примеров заимствования в культуре и традициях, сотрудничества гораздо больше, чем потиворечий и конфликтов.

В свете вышеизложенного понятно активное желание «иностранцев» поднять свой социальный статус, перейдя в казачье сословие, а это, в свою очередь, может служить естественным объяснением численного преобладания «казаков» в составе славянского населения Северного Кавказа в рассматриваемый период времени. И, тем не менее, роль «иностранцев» в освоении края была велика, ибо казачье население Северного Кавказа в силу возложенных на него профессиональных функций практически не имело возможности посвятить себя хозяйственным занятиям. «Иностранцы» же (русские, украинцы), мастеровой люд (землепашцы, кузнецы, овчинники, портные, сапожники и т. п.) сыграли существенную роль в подъеме производительных сил на Северном Кавказе, в интенсификации процессов социально-экономического, этнического и культурного развития края. Их массовый приток на Северный Кавказ в XIX в. способствовал и разложению казачьей общины, преодолению сословной замкнутости казачества, глубоким изменениям во всем общественном укладе, быте и культуре.

Третий этап (60-е гг. XIX — начало XX вв.)

■ 60-е гг. XIX в ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа: отменой крепостного права (1861 г.), окончанием Кавказской войны (1864 г.), проведением ряда реформ на Северном Кавказе, подорвавших устои патриархально-феодальных отношений коренных народов Северного Кавказа (1867 г.), принятием нескольких законов, касающихся населения казачьих станиц (1868 г.), и т. д.

В эти годы усиливается массовое переселение в Терскую и Кубанскую области, достигшее апогея в начале XX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Третий этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа. Он носил — это особо следует подчеркнуть — хозяйственный, гражданский характер. В отличие от предшествующих этапов состав переселенцев в это время был, при явном преобладании славянского этнического компонента, многонациональным.

Архивные и прочие материалы Ставропольского управления государственных имуществ свидетельствуют о бесконтрольной и хищнической раздаче земель на Дону, Тереке, Кубани в связи с миграцией. Значительная часть земельных площадей была передана «в пожизненное пользование» частным лицам. Много земель досталось Удельному ведомству. Крестьянские же переселенцы в большинстве своем ничего не получили и были вынуждены селиться на землях казачьих станиц в качестве «иностранцев».

Часть площадей, переданных в частное владение, была скуплена купцами, промышленниками, мещанами. На таких землях обычно возникали хутора — это стало отличительной чертой рассматриваемого исторического периода.

Значительная часть не получивших земли русских, украинских переселенцев оседала в городах. Это явление, приводившее к росту городского славянского населения, стало также характерной чертой рассматриваемого периода. По переписи 1897 г., в Кубанской области «иностранцы» составляли около 42% городского населения, а в Терской области основная их масса (70%) проживала в городах. В целом в 1897 г. 90% населения Кубанской области и 34% Терской было восточнославянским. В области Войска Донского в конце XIX в. проживало 1 026 263 человека войскового сословия.

Так, например, наиболее массовые потоки переселенцев в Кубанскую область шли из губерний Европейской России: Воронежской (14,4% общего количества мигрантов), Харьковской (13,17), Полтавской (12, 56), Курской (10,5), Екатеринославской (7,79), Черниговской (5,9), Донской (5,07) областей, Орловской губ. (3,73), Таврической (2,53), Тамбовской (2,32) и т. д. Статистические данные и анализ посемейных списков свидетельствуют, что южнорусские и украинские губернии (в конце XIX — начале XX в.) давали почти равные по численности контингента мигрантов — «иностранцы». Это справедливо и для населенных преимущественно русскими казаками восточных районов края, прежде входивших в состав Кавказского линейного казачьего войска, и для западных, бывших черноморских казачьих районов, где преобладало украинское население. Несмотря на наплыв русского и украинского населения в Кубанскую область в конце XIX — начале XX в., преобладание украинцев в западных и русских — в восточных ее районах, сложившееся еще в конце XVIII — начале XIX в., сохранилось. Столь стойкое сохранение этнических особенностей в значительной степени объясняется определенными, если угодно, особыми социальными условиями жизни различных слоев сельского населения Кубани, в первую очередь казачества.

В Терской области соотношение переселенцев и местного старожильческого казачьего населения было иным. Последнее здесь явно преобладало. Так, в Кизлярском отделе «иностранцы» составляли лишь 2,6% населения, в Нальчикском — 6,6%. Колонизация Терской области приобрела наибольший размах с 80-х гг. XIX в., достигнув апогея к началу 90-х гг. Колонизационные же фонды земельных угодий на Кубани и в Ставрополье иссякли уже к 80–90-м гг. В отличие от Кубани в миграции в Терскую область в рассматриваемый период колонисты-крестьяне, сорванные с насиженных мест бедностью, безземельем и голодом, составляли сравнительно малый процент. Зато более значительной была доля богатых переселенцев, капиталистов-предпринимателей — «тавричан» (владельцев огромных отар овец, основавших здесь свои селения и хутора). Из 39 поселений, основанных переселенцами этой волны миграции, лишь 4 относились к селениям крестьянского типа. На Дону в 80-е гг. XIX в. число лиц

невоёйского сословия составляло 39 %, а к началу века по численности превысило казачество в 2,3 раза.

Характерной чертой третьего этапа стало также переселение в города и станицы Дона, Терека и Кубани иностранцев — немцев, болгар, поляков и др. Ими были созданы т. н. «колонки» (колонии) с достаточно полиэтничным населением. Участвовали в миграции и грузины, армяне, калмыки, ногайцы, татары, греки, молдаване.

В динамике численности восточнославянского населения на Дону, Тереке и Кубани в рассматриваемый период роль «внешних» (миграции) и «внутренних» (естественный прирост) факторов почти сравнялась. Совместное проживание на территории этих областей двух групп славянского населения (казачьего и «иностранного») породило между ними связи хозяйственного, военного и родственного характера. Картину этнокультурных характеристик осложняли и разнообразили неоднородный этнический состав казачества, его особый юридический статус, социально-экономические и внешнеполитические изменения в стране, происходившие в течение почти четырех столетий (XVI — нач. XX в.), а также этническая неоднородность районов Русского государства, откуда шел основной приток мигрантов.

Для этнодемографической ситуации на Северном Кавказе середины XIX — начала XX в. были характерны высокая подвижность населения, особенно из южных и центральных районов России и с Украины, и неуправляемость миграций; эмигранты составляли почти 70% населения. Полиэтнизация региона крайне усложняла этнокультурную среду и вызывала определенную дестабилизацию местного культурного комплекса.

Все это вместе с усилением процессов консолидации завершило формирование сословно-этнических общностей донских, терских и кубанских казаков, составивших значительную часть восточнославянского населения Северного Кавказа.

Четвертый этап (1917 г. — начало 90-х гг. XX в.)

■ К 1917 г. в России насчитывалось 11 казачьих войск, в это число входили старейшие из них: донские, терские, кубанские.

Октябрьская революция разрушила традиционный уклад хозяйственной жизни и быта казачества. Социально-экономические процессы в стране, в том числе ликвидация сословий и форм собственности, оказали большое влияние на дальнейшую судьбу казаков. Они были вовлечены в революцию и Гражданскую войну, участвуя как на стороне «белых», так и «красных», что привело к гибели десятков тысяч человек. Пострадали казаки и в период проводимой правительством политики «расказачивания» и «раскулачивания», начатых в 1919 г. на Дону и продолжавшихся вплоть до 1927 г. В результате этих репрессий казачество лишилось значительной части своих земель и практически оказалось «вне закона».

Пятый этап (90-е гг. XX в. — настоящее время) — возрождение казачества

■ Основой восстановления казачьего движения Юга России, идей, объединяющей Донское, Терское и Кубанское войска стал лозунг о возрождении казачества как отдельного народа. Поэтому к наиболее ярким формам политического позиционирования казачества относятся разнообразные заявления и акции, создание различных институциональных структур, обладающих этническими характеристиками. В частности, неоднократно предъявляемые федеральной власти требования территориальной реабилитации казачества как репрессированного народа, заявления о необходимости внесения изменений в административно-территориальное устройство Юга России, о воссоздании в различных формах административных казачьих образований, введении атаманского правления, общинного землепользования и осуществлении других мер, направленных на возрождение и сохранение казачества как народа (этноса).

Политизации казачества в 90-е гг. способствовало непосредственное соприкосновение казачества с кавказскими народами и созданными ими национальными движениями, преследующими политические цели и провозглашающими приоритет этнических ценностей во всех сферах общественной жизни. К способам позиционирования казачества в этнополитических процессах относятся выходящие за рамки общероссийского политического и правового пространства акции, такие как подписание соглашений с оппозиционными федеральному центру сепаратистскими политическими силами (Д.Дудаев, Конфедерация народов Кавказа), вмешательство в межэтнические конфликты на стороне одного из участников (КЧР); требование пересмотра административно-территориального устройства РФ (территориальной реабилитации казачества); организация вооруженных отрядов для защиты славянского населения региона; заигрывание с русскими националистическими организациями (РНЕ), проведение антимиграционной политики, угрозы игнорирования Переписи населения, требования особого правового и имущественного статуса на основании этнической специфики.

Подобные действия отражали несогласованность и противоречия в среде самого казачества Юга России (стремление к государственной службе и в то же время оппозиция федеральной власти) и демонстрировали его неуправляемость со стороны федеральной власти, но с точки зрения политического позиционирования себя в качестве реальной политической силы, были весьма эффективны, о чем свидетельствует принятие ряда федеральных и региональных нормативных правовых актов по вопросам казачества, а также институциональные взаимодействия с ним (договоры, конфликты) националистически ориентированных политических партий и движений.

Наиболее значимой и массовой акцией этнополитического позиционирования стала подготовка к Переписи населения 2002 г., когда достиже-

ние всех поставленных идеологами казачества целей тесно увязывалось с признанием казачества отдельным народом, которое было возможно в результате удачного, с их точки зрения, проведения Переписи.

Казачьи аналитики прогнозировали численность российского казачества в 6–7 млн. человек, но результаты Переписи показали, что этнической идентичностью «казак» в России обладают 140028 человек, подавляющее большинство которых проживают в Южном федеральном округе (133 775 человек или 95.5%). Несмотря на «провал» проекта этнического возрождения, «казаки все равно остаются казаками, они живут на своей земле и работают со своими атаманами»¹. О потенциале казачьего движения можно судить по реализуемым им в настоящее время проектам:

- встраивание в систему власти, реализуемое через назначение атаманов на высокие административные должности, создание в структуре администраций специальных подразделений, принятие региональных законов «О муниципальных казачьих дружинах»;

- укрепление административного ресурса, который оценивается количеством и статусным положением должностных лиц, заявивших о своей казачьей идентичности и имеющих различные казачьи чины;

- участие в муниципальной реформе, позволяющей на территориях традиционного проживания казачества установить атаманскую форму правления;

- расширение сфер деятельности муниципальных казачьих дружин, которые рассматриваются как фактор правопорядка;

- организация общероссийской системы кадетского образования, целью которого является формирование казачьей элиты;

- оказание «помощи братьям-казакам», проживающим на территории Абхазии, Приднестровья, Крыма, Луганской и Донецкой областей;

- инициирование референдума по вопросу объединения Ростовской и Волгоградской областей в единый субъект.

Федеральная власть в течение всего периода возрождения казачества была озабочена формированием правовой основы этого процесса и держала в поле зрения феномен казачества и его роль (функции) в социально-политической жизни России.

Всего с 1990 по 2005 г. было принято около 120 государственных актов, относящихся к казачеству. На начальном этапе правовой институционализации современного российского казачьего движения основополагающие концептуальные позиции были обозначены в законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 и сопровождавших его нормативных актах, где казачество признавалось одним из репрессированных народов. Данные нормативные правовые акты закрепляли за казачеством статус культурно-этнической общности людей, за ко-

¹ Юбилейный круг //Донские войсковые ведомости. № 10 (153) 11 декабря 2004 г. С. 1.

торой признавалось право возрождения и сохранения своего культурного наследия путем восстановления национально-государственных образований в границах, сложившихся до их упразднения. Следует отметить и роль постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. «О реабилитации казачества», в котором отменялись «как незаконные все акты в отношении казачества, принятые начиная с 1918 г. За казачеством признавались права на возрождение «традиционного социально-хозяйственного» уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства. В постановлении отмечалась необходимость возрождения традиционных форм землевладения и землепользования, несения воинской службы казаками, а также рассматривался ряд других актуальных проблем.

Но активизировавшийся процесс политизации этничности, особенно на Северном Кавказе, и, в частности, разнообразные выступления казачества под этнополитическими лозунгами, заставили власть изменить точку зрения на правовой статус казачества и попытаться превратить его из неуправляемого актора политических процессов в ресурс укрепления российской государственности в регионе.

Указ Президента РФ от 15 марта 1993 г. «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержки казачества» предполагал создание казачьих формирований под эгидой силовых министерств, тем самым, определяя новый правовой статус казачества и возлагая на него новые функции. В восприятии автохтонного населения Северного Кавказа в Указе Президента, по существу, декларировалось восстановление казачеством особого сословного статуса, что усилило межэтническую напряженность в регионе.

Большое значение для дальнейшего возрождения казачества имела принятая в 1994 г. «Концепция государственной политики по отношению к казачеству», которая признала необходимость возрождения государственной службы казачества и стала основанием для различных форм его государственной поддержки, предоставления гарантий, финансовых, материальных и иных льгот, развития казачьего самоуправления и использования элементов государственного управления в отношении казачьих территориальных объединений.

Принципиально значимым тезисом Концепции было утверждение о том, что казачество исторически имеет многонациональные корни, в такой трактовке казачество выступало внеэтнической, надэтнической общностью. Предпринималась попытка не просто осуществить деполитизацию казачьей этничности, а декларировать её отсутствие как таковой, вывести эту тему из политического и правового дискурса, заменив темой внеэтнической казачьей общины.

На это же был направлен Указ Президента РФ от 9 августа 1995 г. «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации»,

который можно трактовать как попытку создания вертикали управления казачьими войсками. В документе были разграничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы, подлежащие регистрации в Министерстве по делам национальностей и региональной политики, и казачьи общества, действующие на основе Федерального Закона «Об общественных объединениях». С этого же периода интенсивно пошел процесс раскола в казачьих рядах, основанием которого являлся вопрос о самоидентификации казачества — в качестве сословия или народа, и, соответственно, решение о вхождении или отказе от вхождения в Госреестр.

Организационный раскол на реестровых и нереестровых казаков на практике выразился в том, что реестровых казаков поддерживала официальная власть, однако, в соответствии с Указом, им было запрещено заниматься политической деятельностью, а казачьи подразделения, не вошедшие в Госреестр и считающие себя представителями отдельного народа (казачьего этноса), получив статус общественных организаций, примыкали к оппозиции и конфликтовали с органами власти и реестровыми казаками. Кроме того, проблема вхождения казачества Юга России в госреестр заключалась в том, что в условиях северокавказских республик реестризация казачества вела к ограничению возможностей русскоязычного населения использовать его в качестве института защиты своих политических интересов. В то же время другие этнические группы такими институтами обладали и использовали их при проведении всевозможных политических акций (выборы, митинги, демонстрации, политические заявления в прессе и т. п.).

Политика укрепления вертикали власти (новый порядок избрания глав субъектов федерации, новый порядок разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти, муниципальная реформа, запрет на создание политических партий по этническому принципу), начавшая давать свои результаты, позволила федеральной власти в 2005 г. вернуться к правовому закреплению статуса казачества как внеэтнической группы.

Современная российская политико-правовая система обладает механизмами, которые могут обеспечить альтернативные варианты возрождения казачьего движения России.

Первый вариант связан с реализацией Федерального Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. Граждане Российской Федерации, относящие себя к потомкам казаков, а также граждане, добровольно вступившие в казачьи общества и позиционирующие себя в качестве этнической общности, наделяются функциями сохранения и развития своей самобытной культуры в рамках национально-культурных структур местного, регионального и федерального уровней. Подобные казачьи автономии уже функционируют в Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесии.

Второй вариант предполагает возрождение казачества, особенно на Юге России, в рамках Федерального Закона Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Данный правовой механизм предоставляет возможность восстановления и развития обычаев и традиций возрождающегося казачества путем включения его в систему местного самоуправления. Казачьи муниципальные образования с настоящее время создаются в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

Правовую основу третьего альтернативного варианта развития казачьего движения составил Федеральный Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., позволяющий лицам, причисляющим себя к казакам объединяться, выражая общие интересы и достигая общие цели, функционируя как институт гражданского общества. В соответствии с этим законом действуют различные общественные объединения казаков, наиболее заметным из которых является международная общественная организация «Союз казачьих войск России и зарубежья».

В 2005 г. появился и четвертый вариант, когда граждане Российской Федерации, причисляющие себя к казакам, в соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. могут принимать на себя обязательства по несению государственной и муниципальной службы. Принятие этого Федерального Закона в политическом и правовом плане закрыло эксплуатировавшуюся на протяжении 15 лет тему этнического возрождения казачества, нацеленного на создание казачьих государственных образований (республик) и правового признания особых экономических и политических прав казачества как этнической или субэтнической общности.

Таким образом, «правовая многоликость» казачества в сочетании с культурным единством, выражающемся в самоидентификации «мы — казаки», обеспечивает основу для прочного «вписывания» казачества в современную социально-политическую структуру российского общества.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ

▪ Северный Кавказ — регион, где доминирует православие и ислам. Живущие здесь русские, украинцы, белорусы — традиционно придерживаются православия; адыгейцы, абазины, черкесы, часть осетин, кабардинцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, северокавказские туркмены — мусульмане-сунниты ханафитского мазхаба (толка); почти все народы Дагестана (в т. ч. тюркоязычные кумыки); чеченцы и ингуши — мусульмане-сунниты шафиитского мазхаба. Последователи шиитского направления ислама издревле живут в Южном Дагестане, сегодня они составляют чуть более 4% населения республики. К ним относится большинство дагестанских азербайджанцев, часть татов, незначительная часть цахуров и лезгин. Православия придерживается помимо русских (в т. ч. казаков), значительная часть осетин, моздокские кабардинцы. Небольшая часть казачества — старообрядцы. Среди русского населения Северного Кавказа еще с советских времен имеются небольшие общины протестантов, в основном евангельских христиан — баптистов. Северокавказские армяне традиционно придерживаются монофизитства (армяно-григорианского толка). Большинство татов Северного Кавказа (горские евреи) — иудаисты.

Православие на Северном Кавказе

▪ Верования славян тесно связаны с языческими архетипами. Они имеют корни еще в доевропейской истории. В этой системе мироздания Земля была плоской или плавающей в водном пространстве. По другой мифологической версии она покоилась на четырех быках, резкие движения которых вызывали землетрясения. Древняя космогония допускала наличие края Земли, ибо представлялась в виде натянутой над землей бычьей шкурой, медного тока (площадкой для молотыбы) и др. Число небес достигало семи (отсюда выражение — «быть на седьмом небе»).

Солнце («око Божье») рассматривалось как источник земной жизни, его персонифицированный образ наделен свойствами «брачевания» (игры) с землей, а год славянского земледельца соотносится с его годовым циклом. «Братом» солнца является луна, наделенная магическими свойствами. Но-

волуние представляет собой славянский праздник: характерно разжигание костров, начало сева, сажание деревьев, девичьи гадания.

Символика в славянской мифологии многозначна. Дождь — небесная влага, содержащаяся в тучах, может являться и молоком, и оплодотворяющим семенем. Это вытекает из контекста антиномии «мужской-женский», «оплодотворяющий-оплодотворяемый». В русских заговорах небо именуется «отцом», а земля — «матерью». Культ матери-земли сохранен у русских и проявляется в языческих ритуалах, в частности запрещающих тревожить землю, до Благовещения (важного православного праздника, посвященного дню извещения Девы Марии Архангелом Гавриилом о будущем рождении Христа, отмечаемым в народе, как начало весны, день «открытия земли», отмечаемый многочисленными гаданиями и предсказаниями благополучия, строгим запретом на любую работу), запрещение бить ее палкой, плевать на нее и т. п.

Праздник Воздвижения Креста Господня в народной традиции совпадает с началом осени, смене времен года («Воздвижение кафтан сдвинет, шубу надвинет»). На Воздвижение священник с молитвой об урожае обходит дома и поля сельских жителей. Соблюдение поста в этот день необходимо и для защиты домашней скотины от медведей.

На Воздвижение змеи уходят в землю и, согласно русскому поверью, нельзя ходить в лес. Рубежами времени являются празднования зимой Рождества Христова, а в середине лета Рождество св. Иоанна Предтечи, известного в народе как Иван Купала. В Ночь на Ивана Купала и в 12 дней от Сочельника до Крещения идут праздники (у русских — это святки, заполненные действиями с ряжением, гаданием, обрядами, игрищами и т. п.).

В мифологическом славянском мире наличествует значительный сегмент мистики. Так, на Святках открывается преисподняя, действуют различные бесы, которые исчезают на Крещение, уходят в воду (отсюда крещение воды — образ Иордании, преследующий цель «запечатать» их исчезновения). Пение петухов в святочную, особо опасную нечистой силой ночь, усмиряет таковую.

Важную роль в славянских верованиях отводятся деревьям — дубу, березе, вербе (Вербное Воскресение). Неизменно присутствует солома — атрибут родинного и погребального обрядов.

Обряды с солнечной символикой присутствуют в Сочельник, Пасху, и Троицу. На масленицу (неделя, предшествующая Великому посту), разжигаются костры, преследующие целью «греть покойников», приглашение умерших родителей к священной трапезе в Сочельник и по Новый Год (Васильев День). Сыздавна у русских существовал обычай обметать могилы на Троицу.

Как отмечает Н. И. Толстая, христианство, энергично потеснившее славянское язычество в сфере народной культуре и занявшее в ней доминирующие позиции способствовало при этом и известной унификации, и внутренней систематизации языческих верований. Наиболее ярким примером систематизирующего воздействия церковной культуры на нецерковную языческую может служить соотношение церковного и народного годового календаря.

Последний внешне всецело подчинен церковному, циклическому празднованию Господних и Богородичных праздников, дней особо почитаемых святых (св. Николая, св. Георгия, св. Ильи, св. Параскевы Пятницы, св. Варвары и др.), памятных дней церковных событий, соблюдением постов. Но все это явилось регламентацией не отменившей, а скорее наоборот — укрепившей, четче организовавшей и унифицировавшей параллельную с христианской народную годовую обрядность.

В годичном календарном цикле сосуществует христианская, обращенная к Небу система мироощущений, и обращенная к земле, плотскому началу языческая. Почти у всех славянских народов жнецы и жницы в конце жатвы оставляют на жниве пучок колосьев, нередко кладут рядом хлеб-соль, водку, поют дожиночные песни. Специально выпекается сакральный хлеб-пирог, популярным полусакральным обрядом считали русские блины обязательно присутствующие на Масленице и на поминках.

Православное христианство — самое большое на Северном Кавказе религиозное направление по численности последователей и количеству организаций. Северный Кавказ является канонической территорией Русской православной церкви. При этом в регионе действуют и иные православные организации — старообрядческой православной церкви, Русской православной единой апостольской церкви и др. Однако количество адептов этих направлений незначительно.

Сегодня православие представлено на Северном Кавказе пятью епархиями Русской Православной Церкви (РПЦ) Московского патриархата:

1. Ростовской и Новочеркасской, в которую входят приходы, находящиеся на территории Ростовской области. В настоящее время в Ростовской и Новочеркасской епархии насчитывается 223 прихода и 2 монастыря.

2. Ставропольской и Владикавказской включающей в себя приходы, расположенные на территории Ставропольского края и четырех северокавказских республик — Северной Осетии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, и Карачаево-Черкесии; в Ставропольской и Владикавказской епархии 349 прихода и 2 монастыря. В 1999 г. из состава Ставропольской и Владикавказской епархии были выведены благочиния, находящиеся на территории Чечни и Дагестана. Соответственно с этим решением Синода РПЦ была расширена территория Бакинской и Прикаспийской епархии, в состав которой и вошли данные благочиния.

3. Майкопской и Адыгейской, в ведении которой находятся приходы республики Адыгеи; в состав Майкопской и Адыгейской входят 38 приходов и 2 монастыря. В приходах епархии служат 40 священников и 2 дьякона.

4. Екатеринодарской и Кубанской, которая включает в себя 341 приход и 6 монастырей, находящихся на территории Краснодарского края. Число священнослужителей — 484, в том числе 434 священника и 50 диаконов.

5. Бакинско-Прикаспийской епархией, центр которой расположен в г. Баку (Республика Азербайджан), но под юрисдикцией которой находятся приходы на территории Дагестана и Чечни. После провозглашения

суверенитета Республики Азербайджан возникла необходимость упорядочения религиозной жизни. В связи с этим 28 декабря 1998 г. решением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Синода Русской Православной Церкви была восстановлена Бакинско-Прикаспийская епархия, являющаяся 128 епархией Русской Православной Церкви. Именно тогда в состав возрожденной епархии вошли православные приходы на территориях Азербайджанской Республики, Республики Дагестан и Чеченской Республики. Два благочиния в Дагестане — Махачкалинское (Махачкала, Дербент, Хасавьюрт, Каспийск, Избербаш, Буйнакск,) и Кизлярское (Кизляр, с. Тарумовка, с. Крайновка, пос. Кочубей, пос. Коктюбей. В Чечне — одно благочиние Грозненское, включающее в себя приходы г. Грозный, ст. Наурской, а также приходы в станицах Ищерской, Мекенской, Шелковской, Калиновской и Ханкале.

Восстановление каноничности РПЦ на территории с этнически и конфессионально мешаным населением проявляется в том, что ежегодно увеличивается по сравнению с другими субъектами Российской Федерации количество регистрируемых в Минюсте открываемых приходов РПЦ; возобновляются старые и открываются новые монастыри, строятся новые и восстанавливаются храмы, часовни, молитвенные комнаты; восстанавливаемым приходом и монастырям передаются храмовые здания и прилегающие к ним земельные участки и подворья; в епархиях установлено множество поклонных (памятных) крестов — часовен (памятных знаков, мемориальных досок), посвященных памяти различных событий, а также в ряде епархий воздвигнуты памятники святым, являющимися небесными покровителями регионов;

В их числе — Свято-Успенский мужской монастырь и богадельня (Северная Осетия), собор Равноапостольной Марии Магдалины и детский приют при Свято-Троицком женском монастыре (Кабардино-Балкария), монастырь, приют, церковь Святого Георгия Победоносца, Иоанно-Мариинская женская обитель (Ставропольский край) и мн. др.

Православные приходы имеются в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии. Наиболее многочисленны приходы в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. В КБР, например, православные храмы действуют не только в крупных городах, как Нальчик и Баксан, но также в городах Майский, Нарткала, Прохладный, Тырныауз, и еще во многих станицах — Александровская, Екатериноградская, Котляревская, Солдатская, село Крем-Константиновка.

На Северном Кавказе стоит задача восстановления уничтоженных храмов в Чечне, прежде всего, в Грозном.¹ Практически все храмы или молитвенные дома Грозненского благочиния Бакинской и Прикаспийской епархии были полностью разрушены или получили повреждения,

¹ Гудимов А. Религиозная ситуация // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 55, 2004 .

после чего в них стало невозможно проводить богослужения. Самым ярким примером здесь может служить храм Архангела Михаила в Грозном, который превратился в руины после двух чеченских кампаний и пребывания у власти в Чечне режима Дудаева-Масхадова. Так, в 2002 г. в станице Асиновской были сожжены православный храм и дом священника, приходские строения взорваны². В то же время, в Кизляре (республика Дагестан — Бакинско-Прикаспийская епархия РПЦ) на пожертвования мусульман был построен православный храм. Здание храма сооружено в 1995 г. на средства администрации и предприятий города Кизляра. Храм освящен епископом Бакинским и Прикаспийским Александром в 2002 г.

Действия настоятелей Русской православной церкви оказывают огромное умиротворяющее воздействие на жителей тех мест, где совершались террористические акты. Одним из значимых после бесланской трагедии стало крещение более сотни жителей Беслана в Свято-Успенском мужском монастыре в день Крещения Господня, расположенном в Куртатинском ущелье.³ Во многих лечебных заведениях в стационарах больниц открыты часовни, домовые храмы, больничные церкви, молитвенные комнаты. Из Ростовской и Новочеркасской епархии регулярно направляются гуманитарные грузы в подразделения Минобороны и МВД России, находящиеся в командировке в Чеченской республике. Эти грузы по благословению правящего архиерея сопровождают священники епархии.

Взаимодействие с государством — важнейшее направление деятельности современной РПЦ. В свою очередь, органы государственной власти оказывают регулярную организационную и финансовую поддержку Русской православной церкви как наиболее авторитетному общественному институту.

Позиция официальных властей по поддержке РПЦ в регионе продиктована, в частности, заботой о сохранении канонического пространства православия. Дело в том, что после распада СССР, по всей России, но, прежде всего, на Северном Кавказе, стала активно развиваться прозелитская деятельность со стороны зарубежных конфессий. В одном только Краснодарском крае официально действуют свыше двухсот протестантских и десятков католических религиозных организаций, построены католические соборы, «залы царств» свидетелей Иеговы. Действуют более 60 организаций евангельских христиан-баптистов, более полусотни — христиан веры евангельской (пятидесятников), столько же — свидетелей Иеговы, адвентистов Седьмого дня, около трех десятков — организации

² Боль и молитва станицы Асиновской. Церковный вестник Ростовской епархии. №8 (119), август 2003. С. 6.

³ Аствацатурова М. Конфессиональный фактор внутрирегиональных отношений // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 59, 2005.

евангельских христиан и т. д. Известно, что в конце 1990-х количество зарегистрированных протестантских организаций в Краснодарском крае удвоилось.⁴

Аналогична ситуация в Ростовской области, где зарегистрированы и активно действуют религиозные объединения, принадлежащие различным конфессиям, но при этом Ростовская епархия РПЦ обладает наибольшим опытом общения с органами власти, пользуется наибольшим авторитетом среди населения и в значительной мере определяет характер межконфессиональных отношений в области.⁵ Гимн Ростовской области (1996 г.) именуется «Православный Тихий Дон». Руководством Ростовской области выделяются средства «в целях совершенствования нравственного воспитания», которые, в частности используются для нужд реабилитационного наркологического центра при храме Во имя иконы Божьей Матери «Живоносный источник» (Мясниковский район), приходской больницы поселка Васильево-Петровка (Азовский район), здания Третьего Донского Цесаревича Алексея кадетского корпуса в хуторе Листопадов при храме Рождества Христова (Усть-Донецкий район), а также для финансирования части фонда заработной платы по общеобразовательным предметам в негосударственном образовательном учреждении Свято-Георгиевской православной классической гимназии. Ростовская епархия создает духовные центры по работе с молодежью, православные клубы по интересам, реабилитационные центры и оздоровительные молодежные лагеря. Наиболее крупный проект — организация реабилитационного центра с трудовой терапией для наркозависимых людей.⁶

В Ставропольском крае, как и по всему Северному Кавказу, действуют многочисленные христианские, мусульманские и иные религиозные общины (иудаистская, конфуцианская, буддистская). При этом, приоритетные позиции занимает РПЦ, к епископальной кафедре которой принадлежат православные верующие не только Ставрополя, но и всех северокавказских республик. В крае также активна государственная и общественная поддержка православию. Существенная роль православия в общественной жизни отражена в государственной символике. На флаге Ставропольского края, согласно постановлению краевой Государственной Думы (1994 г.) изображен белый крест прямой формы, который означает местонахождение центра православной епархии на Северном Кавказе.

⁴ Савва М. Фестиваль православных фильмов // Бюлетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 55, 2004.

⁵ Хоперская Л. Новые формы сотрудничества православной церкви и государственной власти // Бюлетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 48, 2003.

⁶ Хоперская Л. Новые формы сотрудничества православной церкви и государственной власти // Бюлетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 48, 2003.

В обоих краях Северного Кавказа, а также в Ростовской области из государственного бюджета осуществляется поддержка православных храмов, покрываются расходы на восстановление и реставрацию православных церквей. Так, бюджет г. Краснодара, поддерживает следующие храмы: Свято-Екатерининский Кафедральный Собор, Георгиевский храм, Троицкий собор, Ильинский храм, Храм «Всех скорбящих радость», Храм рождества Христова, Покровский храм (г. Краснодар), Вознесенский храм, Храм — часовня Александра Невского, Иоанна — воина храм, Никольский храм, Святых Духов храм, Пантелеймоновский храм, Храм Рождества Богородицы, Покровский храм (ст. Елизаветинская), Храм «Утоли моя печали», Храм «Споручница Хлебов», Никольский храм. Проводится большая работа государственных структур управления по передаче РПЦ соответствующих сооружений. Одной из важнейших, с точки зрения культурной значимости, была передача администрацией Краснодарского края из государственной собственности края в собственность Православной религиозной организации Екатеринодарской и Кубанской епархии Русской Православной Церкви объекта недвижимости, являющегося объектом культурного наследия религиозного назначения «Ансамбль церкви во имя Святой Троицы: церковно-приходская школа» (г. Краснодар).

В Ростовской области уже осуществлена государственная программа «Святые источники», поскольку известно, что среди источников, расположенных в черте города Ростова-на-Дону, некоторые уже четверть века почитаются жителями Дона как православные святыни. Одним из наиболее известных и почитаемых является источник, носящий имя Преподобного Серафима Саровского (Ботанический сад РГУ). Согласно данным программы, территория вокруг источника была облагорожена и обустроена попечителями с участием городских властей еще в дореволюционные времена. Кроме Серафимовского источника, почитаются как святые Богородичные источники на территории Иверского женского монастыря; вблизи храма Преподобного Серафима Саровского, чудодейственная сила которого связывается с Донской иконой Божией Матери (в народе именуемый «Гремучкой»); Георгиевский источник (в районе станции Первомайская); Всех Святский источник (в районе Сурб-Хач). Губернатор Ростовской области В. Чуб заявил, что намерен и впредь поддерживать процесс восстановления культовых учреждений. Он убежден, что государство должно восполнить тот урон, который был нанесен им церкви в предыдущие годы. Кроме того, донской губернатор объявил о намерении создать и реализовать программу под условным названием «Дорога памяти», которая направлена на восстановление дорог к кладбищам и памятникам Ростовской области и благоустройство прилегающих территорий.

Для координации усилий и осуществления совместной деятельности РПЦ заключает договоры с органами государственной власти и муниципального управления, с духовными управлениями других конфессий, с различными институтами гражданского общества.

В частности, подписаны договоры и соглашения о сотрудничестве между РПЦ и администрациями краев и областей ЮФО, администрациями городов Юга России, с министерствами образования субъектов ЮФО, с вузами области, с командованием СКВО, с руководством ГУВД, с ГУИН Минюста РФ, при поддержке РПЦ ведется преподавание основ православной культуры в средних и высших учебных заведениях ЮФО, формируется система казачьего образования.

Особое внимание уделяется взаимодействию РПЦ с казачеством. На одном из казачьих форумов (IV Всемирный сбор кубанских казаков, Краснодар, 2004 г.) было заявлено: «Православие было и есть идеологической основой казачьего мировоззрения. ... Ни одно казачье мероприятие не проводится без участия церкви».⁷

Единственный общероссийский государственно-церковный праздник — День славянской письменности и культуры в 2005 отмечался на Северном Кавказе (Ростовская область) и был приурочен к таким памятным датам как 100-летие со дня рождения великого русского казачьего писателя Михаила Александровича Шолохова и 200-летия со дня основания казаками своей последней столицы — города Новочеркаска.⁸ Все-великое войско Донское оказало помощь в открытии памятников Николаю Чудотворцу в Ейске (Краснодарский край) и Андрею Первозванному в Батайске (Ростовская область)⁹.

Важнейшей составляющей сотрудничества РПЦ и казачества является усиление влияния на молодежь призывного возраста. Этой цели служит соглашение о сотрудничестве между отделом Московского Патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями и советом атаманов войсковых казачьих обществ России. Соглашение предусматривает оказание всемерной поддержки священнослужителями деятельности по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию казаков в армии.¹⁰ Кроме того, епархии РПЦ создают духовные центры по работе с молодежью, православные клубы по интересам, реабилитационные центры и оздоровительные молодежные лагеря.

В начале 1990-х гг., с исчезновением советской идеологии, на Северном Кавказе, как и в других регионах России, наблюдался интенсивный рост религиозности населения. В регионе это было характерно не только

⁷ Кочергин А. IV Всемирный сбор кубанских казаков //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 57, 2004.

⁸ Хоперская Л. Под знаком "казачества" //Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 61, 2005.

⁹ Хоперская Л., Харченко В. Этап внутренней консолидации казачьего движения //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 54, 2004.

¹⁰ Хоперская Л., Харченко В. Новые технологии религиозного влияния //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 53, 2004.

для приверженцев ислама, но также и православия. Социологические опросы показывали, что в середине того десятилетия до 80% представителей этнических групп исламской традиции считали себя верующими (при том, что не менее трети стали верующими в последние годы), а среди русского большинства на Северном Кавказе таковыми считали себя более 60%¹¹. В повседневной жизни, однако, как те, так и другие в подавляющем большинстве не соблюдают религиозно направленные культовые обряды.

По мере снижения религиозного бума, христианская мораль и этика, нравственные ориентиры продолжают оказывать чрезвычайно большое влияние на массовое сознание населения; в конфликтном и взрывоопасном регионе нет столкновений на конфессиональной почве. Религиозные деятели объясняют причину такой стабильности в численном преимуществе православного населения, которое, в массе своей, хотя и не следует повседневной культовой практике, тем не менее, оказывает влияние на формирование духовного и общественного климата, способствует распространению стереотипов веротерпимости и межрелигиозной толерантности.¹² Социологии подтверждают этот вывод, говоря о том, что в массовом сознании населения Северного Кавказа конфессиональная конкурентность выражена очень слабо. Доминирует идея, что все религии имеют равное право. Уже в начале 1990-х социологи пришли к выводу о том, что большая веротерпимость русских из республик Северного Кавказа обусловлена восприятием веротерпимости как основы гражданского мира.¹³

Поэтому на Юге России (Северном Кавказе) в силу ряда специфических особенностей данного региона, таких как большой процент населения исповедующего ислам, активность казачества, наличие открытых межэтнических конфликтов, присущих только региону Северного Кавказа в отличие от других регионов России, стоит своя особая, модель общественно-церковных отношений. Она отличается тем, что в ней особое место уделяется веротерпимости, мирному сосуществованию православия и ислама, совместным действиям, направленным на предотвращение и профилактику религиозного экстремизма, фанатизма, сепаратизма, межэтнической и межрелигиозной вражды и усиление консолидации российского общества.

¹¹ Крицкий Е. Религиозный фактор межэтнических отношений на Северном Кавказе // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 8, 1996.

¹² Хоперская Л. Новые формы сотрудничества православной церкви и государственной власти // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 48, 2003.

¹³ Крицкий Е. Религиозный фактор межэтнических отношений на Северном Кавказе // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 8, 1996.

Русская Православная Церковь ведет постоянный миротворческий диалог с духовными лидерами мусульман Кавказа. Эти встречи проходят как между местными епископами и муфтиями, так и на высшем уровне между главой РПЦ Патриархом Алексием II и Председателем Высшего религиозного совета народов Кавказа, духовным главой мусульман Азербайджана Шейхом-уль-исламом Алахшукюром Паша-заде. В рамках межконфессионального диалога в 2003 г. в Москве в Свято-Даниловом монастыре состоялась четырехсторонняя миротворческая встреча религиозных лидеров России, Армении, Грузии и Азербайджана. Итогом этого межконфессионального саммита состоялось подписание совместного общения, принятого участниками встречи. Патриарх Алексий Второй в своем выступлении подчеркнул, что «на протяжении столетий последователи православия, ислама, иудаизма и буддизма сосуществовали в мире на территории России, гармонично взаимодействуя на благо Отчизны и взаимного обогащения культур».

Ни одно общественно значимое событие не обходится без участия глав епархий или представителей РПЦ, а также представителей других традиционных для Северного Кавказа религий (ислам, армянская григорианская апостольская церковь, иудаизм). Практикуются совместные заявления лидеров духовных конфессий по проблемам предотвращения конфликтов, распространения нетрадиционных религий, осуждения терроризма и экстремизма.

В 2001 г. в Ставрополе состоялось организационное заседание Межконфессионального миротворческого совета при Полномочном представителе Президента России в Южном федеральном округе. В состав Совета вошли религиозные деятели, юристы, представители органов власти субъектов Федерации. Общественно-государственный институт, созданный по инициативе Полпреда при участии глав епархий Русской Православной Церкви на Северном Кавказе, мусульманских лидеров, представителей ряда других конфессий, стал местом творческого диалога религиозных организаций и гражданских властей. Целью регулярно проводимых заседаний Совета является гармонизация межэтнических и межрелигиозных отношений на территории округа.

Местные епископы также регулярно встречаются с главами республик, на территориях которых расположены руководимые ими епархии, так епископ Ставропольский и Владикавказский на встрече с президентом Карачаево-Черкесской республики внес предложение о создании в республике Межрелигиозного совета, которое было единогласно принято. Аналогичная работа проводится всеми остальными архиереями в своих епархиях.

В регионе созданы и действуют и другие различные механизмы по согласованию действий (социальных, миротворческих) православных и исламских организаций, например, на съезде православной молодежи Юга России создана совместная секция с мусульманами. Особое внимание уделено созданию механизмов сотрудничества православной и му-

сультманской молодежи региона, обозначению общих ценностей¹⁴. Эти механизмы направлены на устранение конфессиональной изоляции и сдерживают распространение идей религиозного экстремизма.¹⁵

Показателем степени религиозной толерантности, достигнутой на Северном Кавказе, служат примеры совместной созидательной деятельности православных и мусульман. Это и участие мусульман-дагестанцев в строительстве православных храмов¹⁶, и сооружение в столице республики Адыгея — Майкопе на одной линии с соборной мечетью кафедрального собора Русской православной церкви, закладка которого была освящена святейшим Патриархом всея Руси Алексием II¹⁷, и проект совместного возведения главной мечети и православного кафедрального собора в Нальчике — столице Кабардино-Балкарии.

В постсоветский период на Северном Кавказе сформировалась довольно разветвленная и разноуровневая система религиозного образования. В регионе действует Духовная семинария, православный институт, заочный филиал московского православного гуманитарного университета им. Св. патриарха Тихона, православные гимназии и школы, детские сады, практически при каждом приходе действует воскресная школа для детей и взрослых, работают православные духовно-просветительские центры, катехизаторские курсы, специализированные православные библиотеки, медико-психологические православные центры помощи пострадавшим в результате нахождения в тоталитарных сектах и др., организуются летние православные детские лагеря отдыха, окормляются детские дома, интернаты и приюты. Для помощи нуждающимся и больным организованы православные сестричества, которые оказывают помощь по уходу за больными и пожилыми людьми, как дома, так и в стационарах лечебных учреждений; выходят епархиальные газеты, в Интернете открыты официальные сайты епархий, главы епархий — местные епископы, а также другие священнослужители выступают в местных средствах массовой информации. На местном телевидении выходят православные информационно-познавательные программы.

Например, в Ростовской епархии действует свыше 250 тыс. приходов и православных общин, создано более 200 епархиальных учреждений (духовных училищ, воскресных школ, библиотек, молодежных лагерей и

¹⁴ Аствацатурова М. Новые аспекты отношений государства и церкви // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 53, 2004.

¹⁵ Гудимов А. Религиозная ситуация // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 55, 2004.

¹⁶ Хоперская Л. Проблемы общественной стабильности на Юге России // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 54, 2004.

¹⁷ Полякова Т. Визит делегации ОАЭ // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 34, 2000.

т. д.). Особое значение уделяется работе с молодежью и формированию у нее положительного представления о православии. Наряду с обеспечением верующих духовной литературой и проведением циклов лекций по основам вероучения православной церкви, также используются самые современные технологии (епархиальный интернет-сайт; реализуются уникальные проекты подсветки храмов).¹⁸ Как часть русской православной церкви Ростовская епархия заключила договоры о сотрудничестве с областной администрацией и администрацией Ростова-на-Дону, соглашения с министерством образования Ростовской области, областной налоговой полицией, с 11 вузами области, руководством ГУВД, ГУИН Минюста РФ по Ростовской области. Эти договоры реализуются на протяжении многих лет, священнослужители Ростовской епархии духовно окормляют десятки воинских подразделений СКВО и все областные исправительные учреждения. Особое внимание уделяется информационной политике. Регулярно выходит газета «Церковный вестник Ростовской епархии» и ежемесячный детский журнал «Свечечка». Кроме этого 7 благочиний выпускают небольшие газеты тиражом до тысячи экземпляров. Ростовская епархия имеет собственные типографию и телестудию «Православный Дон», которая размещает свои материалы на различных телеканалах, интернет-сайт, кроме этого, 6 благочиний создали свои интернет-сайты, священнослужители часто выступают в местных средствах массовой информации¹⁹.

В Ставропольской и Владикавказской епархии насчитывается свыше 300 действующих православных храмов, службу ведут более 500 священников, в епархиальной семинарии обучаются несколько сот студентов. Повсеместно при храмах действуют воскресные школы, православные библиотеки, православные братства, центры христианского образования, благотворительные организации.²⁰

В Ставрополе действует единственная на Северном Кавказе духовная семинария. Семинария существует с 1846 г., сейчас в ней обучаются более 200 студентов очного и заочного отделения из Ставропольской, Краснодарской, Ростовской, Майкопской, Бакинской и Элистинской епархий. В Семинарии 23 преподавателя, 17 из которых имеют священный сан, что обеспечивает полноценный учебный процесс. Значительно увеличен фонд семинарской библиотеки. На сегодняшний день библио-

¹⁸ Хоперская Л., Харченко В. Новые технологии религиозного влияния // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 53, 2004.

¹⁹ Хоперская Л. Новые формы сотрудничества православной церкви и государственной власти // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 48, 2003.

²⁰ Аствацатурова М. Конфессиональный фактор внутрирегиональных отношений // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 59, 2005.

тека насчитывает около 18000 томов, 150 изданий на иностранных языках, 2470 учебных пособий и конспектов.

В сентябре 1999 г. в Ростове-на-Дону был создан филиал Православного Свято-Тихвинского Богословского института, тринадцатый по счету филиал Богословского Института. Ростовский филиал Богословского института начал свою работу в новом здании, выстроенном специально для него на территории ростовского НИИ онкологии. «Пример сострадательного отношения к ближним очень важен для тех, кто будет получать здесь богословское образование», — отметил Патриарх. Зимой 1999 г. на территории медицинского учреждения был освящен домовый храм во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, который смогут посещать больные и медперсонал института, а также студенты филиала ПСТБИ. Святейший Патриарх Алексей освятил для звонницы Свято-Пантелеимоновского храма новый колокол, который был отлит в ознаменование 250-летия Ростова-на-Дону и открытия ростовского отделения Богословского института.

В Армавире открыт Армавирский православно-социальный институт. Во многих городах открыты православные гимназии и школы, где кроме общеобразовательных предметов ведется преподавание Закона Божия, церковно-славянского языка, церковного пения и т. д.

В Ростове-на-Дону и Новочеркасске действуют два казачьих кадетских корпуса, где священниками Ростовской епархии ведется преподавание Закона Божия. В Ростовской и Новочеркасской епархии на территории нескольких высших и специальных учебных заведений открыты часовни.

В Ростове-на-Дону регулярно каждый год проходят Образовательные Димитриевские чтения. Они проводятся Ростовской и Новочеркасской епархией совместно с Ростовским государственным университетом путей сообщения. В 2005 прошли уже X Димитриевские чтения. На чтениях обсуждаются проблемы взаимодействия государства и Церкви, вопросы, связанные с принятием Основ социальной концепции РПЦ, проблем преподавания основ православной культуры в школах.

В Ставрополе (Ставропольская и Владикавказская епархия), начиная с 1999 г., проводятся Международные Свято-Игнатиевские чтения, посвященные Святителю Игнатию Брянчаниннову епископу Ставропольскому и Кавказскому, который сделал многое для укрепления православия в Новороссии и на Северном Кавказе. В Краснодаре (Екатеринодарская и Кубанская епархия) также ежегодно проводятся Всекубанские Кирилло-Мифодиевские духовно-образовательные чтения.

Таким образом, влияние РПЦ на общественную жизнь Северного Кавказа осуществляется через различные каналы, для каждого из которых характерны специфические методы и способы воздействия на население. Тем не менее, на современном этапе явно выделяется основная функция РПЦ на Северном Кавказе — формирование православной идентичности, важнейшими элементами которой выступают гражданст-

венность, миротворчество и веротерпимость как условия консолидации полиэтничного российского общества в постсоветский период.

Северокавказский ислам

■ Несмотря на то что в настоящее время среди горцев преобладает ислам, Северный Кавказ издавна являлся одним из регионов восточного христианства (православия). Христианское влияние шло из православных Византии, Грузии и Кавказской Албании. На землях адыгов существовала Зихская епархия (с VII в.), в Алании — Аланская митрополия (с начала X в.). Многочисленные находки предметов христианского культа, остатки церквей, часовен по всему Северному Кавказу свидетельствуют о былой миссионерской деятельности Восточной церкви. Несмотря на это, население в основном оставалось полуязыческим, а во многих местах и вовсе языческим. Там, где население формально было обращено в христианство, эта религия причудливо переплеталась с древними верованиями, а позже приходила в упадок. Сохранить христианство удалось лишь среди осетин: в течение 2-й половины XVIII в. царским правительством была успешно проведена политика укрепления христианства среди значительной части осетин, преимущественно исламским осталось население Дигории и Тагаурии.

Иудаизм на Северный Кавказ проник в V–VI вв. и был поддержан политическим влиянием Хазарского каганата, где эта религия была государственной, однако широкого распространения не получил. Иудаизм среди населения самой Хазарии так и остался религией верхушки, в то время как масса простого населения придерживалась ислама, христианства и языческих культов. Сегодня часть татов (их по переписи 1989 г. насчитывается 19,4 тыс. человек) исповедует иудаизм, а другая часть является приверженцами ислама и монофизитства (армяно-григорианского толка). На Северном Кавказе преобладают таты-иудаисты — они живут в городах Кабардино-Балкарии, Чечни, городах и селах Южного Дагестана.

Ислам на Северный Кавказ стал проникать в VII–VIII вв. в связи с арабскими завоеваниями. Первыми исламизации подверглись народы Дагестана. Исламизацию Дагестана местные легенды приписывают арабскому наместнику Масламе, известному в народе как Абу-Муслим. Проникновение ислама в Дагестан растянулось по времени почти на целое тысячелетие. Первоначально ислам укрепился в Дербентском эмирате, откуда распространился на территорию Южного и Юго-Восточного Дагестана. Позже всего был исламизирован Западный Дагестан (XV в.). Вовлечение народов Дагестана в сферу мусульманского мира оказало огромное влияние на их духовную культуру. В результате борьбы мусульманских служителей культа с языческими верованиями многие из них ушли в прошлое, но некоторые смогли сохраниться, получив новое, исламское осмысление. Большую роль

в укоренении ислама сыграл суфизм. Наибольшее распространение в Дагестане получил суфийский орден накшбандия.

Большую роль в распространении ислама на Северо-Западном и Центральном Кавказе сыграли миссионеры из Золотой Орды, Крымского ханства, Османской империи и Ногайской Орды, а также в их роли выступали представители из местных народов — Абдуллах-шейх Дудаланы (1612–1727 гг., Карачай), Исхак-эфенди Абуков (XVIII в., Кабарда) и др. Чеченцы и ингуши, постепенно обращенные в ислам проповедниками из Дагестана в XVI–XIX вв., стали шафиитами. Здесь, как и в Дагестане, распространилось суфийское братство накшбандия. К началу XIX в. большинство населения Северного Кавказа было обращено в ислам.

Национально-освободительное движение горцев во время Кавказской войны приобрело религиозную окраску: суфийское учение было использовано имамами в политических целях. При имаме Шамиле оно окончательно оформилось в религиозно-политическое течение, получившее в русской литературе наименование «мюридизма» (от слова «мюрид» — «послушник»). В имамате Шамиля безраздельно господствовал шариат, являющийся в суфизме лишь одной из ступеней восхождения к Богу. Идеи мистического постижения Бога путем духовных поисков были отодвинуты на задний план, исключительное значение придавалось газавату (борьбе против неверных с оружием в руках). Мюриды из аскетических искателей Высшей Истины были превращены в фанатичных борцов за веру, защитников Родины. Из суфизма была полностью заимствована лишь организационная структура: наставники-муршиды («шейхи» или «пиры») имели под своим началом мюридов, обязанных беспрекословно подчиняться им.

В 50–60-е гг. XIX в. в Чечне возникло новое движение во главе с шейхом Кунта-Хаджи, который призывал к миру и успокоению. Он проповедовал идеи суфийского братства кадирия, усвоенные им во время пребывания на Ближнем Востоке. Царские чиновники окрестили учение Кунта-Хаджи «зикризмом», поскольку в обрядовой практике братства кадирия важное место занимает зикр (точнее, его разновидность джахр) — громкие радения с повторением имени Аллаха, сопровождавшиеся ритуальными движениями по кругу. Громкие радения (джахр) и танцы последователей Кунта-Хаджи вызвали резкое недовольство и репрессивные меры со стороны Шамиля. Несмотря на это, «зикризм» утвердился во всей горной Чечне, а позже и в Ингушетии; орден накшбандия сохранил свои позиции в основном среди равнинных чеченцев.

После завершения кровопролитной Кавказской войны значительная часть мусульман Северного Кавказа, поддавшись агитации царских ставленников, турок и собственных богачей, переселилась в Турцию. Особенно сильно опустел Северо-Западный Кавказ, чем исламу здесь был нанесен весьма ощутимый урон, поскольку переселились знатоки ислама (т. н. «законоучители» по терминологии тех лет). Поражение же имамата вовсе не означало потери позиций суфизма и тем более ислама в Дагестане и Чеч-

не. Суфийский орден накшбандия сохранил свое влияние, свободно управлялся культ, строились мечети, устраивались мектебы и медресе. В 1861 г. в Дагестане зарегистрировано 1628 мечетей и 4500 мулл, а к началу XX в. действовало более 2 тыс. мечетей, около 900 мектебов и медресе, до 20 тыс. служителей культа. Широко распространилась арабоязычная литература, типография бывшего тогда центром Дагестана города Темир-Хан-Шуры печатала религиозные книги. На основе арабской графики был создан алфавит «аджам», позволявший издавать книги на местных языках. Все это способствовало росту мусульманской грамотности населения, изживанию остатков былых верований и обрядов, не находивших обоснования в шариате.

После революции по мере укрепления Советской власти мусульманское судопроизводство было ликвидировано, стали закрываться мечети, медресе. В 1930–40-е гг. активно проводились преследования и высылка мулл, кадиев, шейхов. Наибольшее противодействие эта политика встретила в Чечне, Ингушетии и Дагестане, где сохранению ислама во многом способствовал суфизм. Насильственное выселение вайнахов в 1944 г. усилило их религиозность. В Чечне и Ингушетии к началу 1980-х гг. число официально не зарегистрированных мечетей превышало число зарегистрированных в десятки раз.

Несколько иной была ситуация на Северо-Западном Кавказе. Тут антирелигиозная деятельность достигла внушительных успехов. Основная масса населения отошла от выполнения религиозных обязанностей.

В конце 1980 — начале 90-х гг. религиозные организации получили возможность действовать открыто. Если на Северо-Восточном Кавказе это был выход на свободу загнанной вглубь религиозности, то на Северо-Западном Кавказе произошло подлинное возрождение ислама и христианства. Началось бурное строительство мечетей и церквей, открытие религиозных школ. На Северном Кавказе действуют исламские вузы (в одном только Дагестане их число достигает шестнадцати), молодежь обучается в других исламских государствах.

Растянувшееся во времени проникновение на Северный Кавказ монотеистических религий, верность горцев традициям предков, длительное сохранение патриархальных порядков в горном крае привели к живучести древних верований и обрядов. В религиозных верованиях северокавказских народов сложились некоторые общие черты: особое почитание божества грома и молнии, функциональное сходство других божеств и покровителей. Сильно развиты верования, связанные с сельскохозяйственной практикой; в основном это магические представления и обряды. Уходят из жизни многие персонажи демонологии, однако сохраняется вера в джиннов. В верованиях народов Северного Кавказа пережитки культа предков вплелись в праздничную мусульманскую, православную и иудейскую обрядность. В дни ураза и курбан-байрама возносятся молитвы за покойных родственников, посещаются их могилы. По всему региону широко отмечается мавлид —

день рождения Пророка Мухаммеда. Мавлид часто проводят также по какому-нибудь важному случаю, не обязательно в месяц раби аль-авваль (когда родился Пророк). Большим семейным праздником является обрезание сына (суннет). Распространен культ святых, связанный с суфизмом.

В последние годы среди мусульманского населения Северного Кавказа стали распространяться ваххабитские идеи, что вызывает тревогу среди официальных служителей культа. Ваххабизм проникает из Саудовской Аравии и других исламских государств как путем прямой миссионерской деятельности, так и опосредованно — через молодежь, обучавшуюся за рубежом. Ваххабиты имеют финансовую поддержку, еще недавно они выпускали львиную долю местной исламской литературы, имели свой телецентр (в Буйнакском районе Республики Дагестан). Ваххабизм приобрел силу в основном в экономически и социально неблагополучных местах: Чечня, предгорные районы Дагестана и т. д. Основная ставка делается на молодежь. Большое внимание уделяется изучению арабского языка, Корана и хадисов на языке оригинала; тем самым неопитов основательно готовят к предстоящим дискуссиям. Выдвигается большое количество экстремистских идей, вплоть до вооруженной борьбы за установление порядков, которые соответствуют ваххабитскому видению ислама. Экстремизм ваххабитов вызывает естественную настороженность и осуждение со стороны официальных духовных лиц.

В последние годы ваххабитское движение на Северном Кавказе все сильнее и сильнее из области чисто религиозной стало перемещаться в сферу политической борьбы. Искажение псевдознатоками ваххабитского учения, идей исламского возрождения, способствовало тому, что его взяли на вооружение сепаратистские силы, а также откровенно бандитские террористические группировки в Чечне и Дагестане. Ваххабизм официально (указом президента) запрещен на территории Республики Ингушетия; после бандитской агрессии 1999 г. в Дагестане был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

В 1989 г. единое Духовное управление мусульман Северного Кавказа (резиденция в 1944–1975 — г. Буйнакск, затем Махачкала) распалось на 7 республиканских муфтиятов (ДУМ). Дагестан столкнулся и с расколом республиканского Духовного управления мусульман по национальному признаку. В феврале 1992 г. сформировались Кумыкское духовное управление в Махачкале и Даргинский Казият в Избербаше. Позже свое Духовное управление создали лакцы, мусульмане Юждага и Ногайского района на севере республики. Официальное Духовное управление мусульман Дагестана учитывает интересы всех дагестанцев, выступает за объединение под своей эгидой всех мусульман Дагестана, без различия их национальности. «Раскол» среди мусульман республики вызван не богословскими расхождениями, а сложными политическими противоречиями, все еще далекими от урегулирования. Православное население Северного Кавказа

находится в ведении Владикавказско-Ставропольской епархии РПЦ, армяно-григориане — Ново-Нахичеванской и Российской епархий Армянской Апостольской церкви (ААЦ). Со второй половины 90-х гг. начинается обратное движение в сторону консолидации муфтиятов в рамках сначала республик, а затем и всего региона. В 2000 г. республиканские ДУМ учредили единый Координационный центр мусульман Северного Кавказа.

Древние верования народов Северного Кавказа

■ С давних пор, находясь в поле миссионерской деятельности трех монотеистических религий, народы Северного Кавказа в то же время довольно стойко сохраняли конфессиональную самобытность. Те, кто принимал новую веру, зачастую ограничивались поверхностным признанием ее догматов, продолжая почитать старых богов и исполнять явно языческие обряды. Даже столь строгая ко всему, что противоречит принципу единобожия, религия, как ислам, не смогла в полной мере изжить наследие языческих времен.

У некоторых народов, несмотря на официальную принадлежность к определенной религии, вплоть до сегодняшнего дня сохраняется религиозный синкретизм, позволяющий угадать как смену различных монотеистических исповеданий, так и черты древних верований. Ярким образцом такого синкретизма является осетинское празднество в честь святого-покровителя села (кувд), распространенное как среди христиан, так и среди мусульман.

Северный Кавказ — это один из древнейших земледельческих регионов. Поэтому одной из особенностей, которыми характеризуются верования народов Северного Кавказа, является большое значение представлений, связанных с сельскохозяйственной практикой. Жители Кавказа считали, что они смогут повлиять на урожай через посредство магических обрядов. Сильному развитию магических представлений способствовали довольно суровые природные условия Кавказа, а также постоянное малоземелье, в котором в течение долгих веков находились горцы.

Вплоть до наших дней в среде северокавказских народов бытуют разнообразные обряды вызывания дождя. Особенно интересен вариант, относящийся к т. н. додольским обрядам, характерной чертой которых является наличие главной фигуры — додолы, представленной чучелом или живым человеком.

У андо-цезских народов, даргинцев, лакцев, лезгин, агулов, татов, карачаевцев в случае длительной засухи одного из сельчан, отмеченного каким-то образом Богом (сумасшедшего, имеющего физический недостаток, первенца, единственного ребенка в семье либо самого бедного жителя селения) раздевают донага и обвязывают травой и зелеными ветками так, чтобы они закрывали всю его фигуру с головы до ног. После этого процессия молодых людей ведет его по селению за веревочку, которой он появ-

зывается в поясе, распевая при этом песню-заклинание о дожде. Этот персонаж называется по-разному у разных народов: цадул хама — дождевой осел (аварцы), мяркьуши, забурай (даргинцы), урбиццу (лакцы), пешапай, бешапа, гуди, гудил (лезгины, табасаранцы, таты), марфапаппай (агулы), баппай (папай) или адили-гудили (карачаевцы). То, что это название древнего божества — покровителя дождя, не вызывает никаких сомнений. До сих пор эти имена встречаются в песнях-заклинаниях рядом с именем Бога.

В течение последних столетий обряд вызывания дождя бытовал среди кавказцев-мусульман как элемент т. н. «бытового» ислама. Исламизация обряда выражалась в участии мулл, чтении ими сур Корана. В сознании простых исполнителей и участников обряда молитвы были обращены только к Аллаху, который, приняв их, мог пролить дождь. При таком осмыслении обряда его древние языческие черты не воспринимаются как несовместимые с исламом.

Обилие дождей тоже может быть вредным для труда земледельца. В этом случае горцы проводят обряд вызывания солнца. Он проводится почти так же, как и обряд вызывания дождя, за исключением одной немаловажной с точки зрения исполнителей детали: одевания куклы, которую носит с собой детвора, окрашены в теплые, преимущественно красные тона. Кукла должна изображать, скорее всего, солнечное божество, благосклонности которого хотят добиться путем проведения обряда. Иногда для этих же целей хозяйки забрасывают на крышу подушку.

Другая характерная черта древних верований северокавказских народов, восстанавливаемая по существующим по сей день их реликтам, — это широко распространенное среди горцев Кавказа особое почитание божества плодородия, покровителя грома и молнии (Чоппа, Элия — у балкарцев и карачаевцев, Цоппай, Бацилла — у осетин, Шопа, Шибле — у кабардинцев и т. д.). Так, карачаевцы, у которых этот культ разработан в большей степени, обращались к нему с просьбой о дожде, плодородии и урожае.

Народы Северного Кавказа практикуют сегодня и другие способы воздействия на погоду с целью вызова дождя. Ведущее место среди них занимает исламское моление о дожде, известное у арабов как истиска. Среди горцев этот обряд особого названия не имеет; по большей части люди называли его дуа (т. е. молитва, моление).

Долгое отсутствие дождя в летнюю пору приводит к тому, что растительность буквально выгорает, обрекая земледельцев и скотоводов на значительные трудности и лишения. В этих случаях старейшины села принимают решение о проведении моления о дожде. Создается нечто вроде «инициативной группы», в которую входят уважаемые лица, знакомые с обычаями (при этом большую роль играют муллы). Ее члены обходят дворы, собирая средства для проведения обряда. На собранные деньги обычно покупаются несколько овец, которые предназначаются для жертвенного угощения.

В назначенный день все, кто желает принять участие в обряде, выезжают в то место, которое было намечено заранее (обычно рядом с источ-

ником или каким-либо святым местом). Пока режется скот и готовится угощение, муллы приступают к чтению соответствующих случаю молитв и сур из Корана. Присутствующие здесь же старые женщины иногда распускают свои платки и принимаются жалостливо плакать. Это объяснялось желанием разжалобить милосердного Аллаха; возможно, это также и отголоски древних магических приемов, в которых обильные слезы ассоциируются с вожденной небесной влагой. К примеру, у таджиков Южного Узбекистана окунали женщину в реке до тех пор, пока не вызывали у нее плач. Считалось, что именно ее плач должен вызвать дождь. В прикаспийских районах Азербайджана существовал обычай «мусалла». При долгом отсутствии дождя жители села «забирают всех жен с детьми и скотину с молодняком и направляются к источнику. Там детей отделяют от матерей и молодняк от скотины, оставляя все эти четыре изолированные группы под палящим солнцем и не допускают их к источнику. Жажда и изолированность приводят к тому, что дети начинают плакать, а молодняк блеять и мычать. В свою очередь, взрослые присоединяют свой плач к детям, а скотина ревет. Таким образом создается общественный плач».

Чтение Корана заканчивается общей молитвой с воздеванием рук; при этом присутствующие муллы и старики по очереди читают молитвы — дуа. После этого приступают к трапезе, состоящей обычно из сваренного мяса жертвенных животных и бульона. Кости тщательно собирают и закапывают. Шкуры животных либо раздаются бедным, либо отдаются мухам. Считалось, что после проведенного обряда в ближайшее время должен пойти дождь.

Практикуются и другие способы вызывания дождя. К примеру, если описанный выше обряд не помогает, то верующие отыскивают кости черепа коня и приносят мулле с просьбой прочесть молитвы. Мулла прочитывает над черепом две молитвы: одну — чтобы много воды было в колодцах, а вторую — чтобы Аллах ниспослал воду с небес. После этого верующие относят кости к колодцу и опускают в воду. Считалось, что кости ни в коем случае нельзя терять в воде; если они навсегда затонут, то дождь якобы будет лить не переставая.

Представления, связывающие высохшие кости животного или человека со способностью вызывать дождь, широко распространены среди всех кавказских народов. Однако они сегодня уже полагают, что сами по себе кости не способны вызвать дождь. Для достижения результата необходимы молитвы служителя культа.

Широко используются кавказцами для вызова дождя и камни. Например, для того чтобы пошел дождь, берут семь камешков, над каждым из которых читают по семь раз молитву — дуа. Затем их помещают в матерчатый мешочек (для обеспечения контакта камней с водой) и помещают в колодец. Для прекращения дождя мешочек вынимают из колодца. Другим вариантом является семикратное чтение над каждым из семи камешков одного из аятов Корана. У карачаевцев имеются во многих селениях особо почитаемые камни, называемые «Чоппаны ташы», т. е. камень Чоппы,

которые также якобы могут вызывать дождь. Возможно, у карачаевцев эти обряды восходят к древнетюркским представлениям о дождевом камне «яда». У народов Северного Кавказа камень уже сам по себе не имеет никакой силы; обряд требует чтения мусульманской молитвы, которой придается основное значение. Проводя обряды, в которых присутствует языческая атрибутика (кости, камни), мусульмане все же считают, что они не отступают от исламских принципов. Мольбы сегодня обращены к Аллаху, и только к нему. Камень (или кости) с прочитанными молитвами — это лишь освященное традицией средство обращения к Богу. Кроме того, мусульмане опираются в этом вопросе на пример и авторитет Пророка. Аль-Бухари в главе «Об испрашивании дождя» своего сборника приводит следующий хадис: «Дядя Аббада б. Тамида, да будет доволен им Аллах, передал: «Когда Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, вышел к месту молитвы для того, чтобы обратиться к Аллаху с мольбой о ниспослании дождя, он надел свой плащ по-другому». В то же время само использование камня (или кости) с целью вызвать дождь свидетельствует о значительной древности обряда, который дожил до сегодняшнего дня.

До сегодняшнего дня у народов Северного Кавказа сохранились также отголоски почитания не только природных явлений, но и самих объектов окружающей природы. В первую очередь это касается гор. Адыги (кабардинцы и черкесы) и карачаевцы по сей день с большим почтением относятся к горе Эльбрус, которую называют Ошхамахо (луашхьэмахуэ) — «Счастливая гора», Мингитау (Вечная гора). Она считается недоступной для человека, являющейся местом пребывания различных духов и нартов.

Для ингушей издревле почитаемой является гора Столовая. В прежние времена здесь представители Джераховского и Мецхальского обществ устраивали ежегодное жертвоприношение в честь языческого покровителя урожая Мяцела. Ныне эта практика пресечена исламскими служителями культа.

Народы Дагестана также продолжают почитать горы, но здесь имеется налет широко распространенного в этих краях суфизма. На почитаемой горе непременно оказывается святая могила, в которой, по преданию, покоится какой-нибудь заслуженный шейх. Аварцы издавна поклоняются святыням на горах Адало-Шугельмеэр, Ахульго, Буцрах, Турчидаг, лакцы — на горе Бацилла, лезгины и рутульцы — на горах Шалбуздаг и Цийкул. Весь Южный Дагестан поклоняется священным пещерам у селений Кужник, Мискинджа, Хустиль, Чурдаф. Они также освящены заслугами мусульманских святых, которые сами, либо их вещи, упокоены здесь.

Хоть и значительно реже, чем прежде, но все-таки и сегодня на Северном Кавказе можно встретить если не поклонение, то весьма почтительное отношение к деревьям, камням, источникам. У кабардинцев ореховое дерево считается «счастливым»; оно широко употреблялось в свадебной обрядности. Деревья, почитаемые местными жителями, легко можно отличить от других по множеству разноцветных лоскутков материи, прикрепленных к их ветвям многочисленными просителями.

Издревле распространенная среди горцев вера в различных духов к сегодняшнему дню прошла значительную трансформацию. Традиционная демонология народов Северного Кавказа испытала на себе сильнейшее влияние ислама: практически все персонажи уходят в сферу фольклора, т. е. перестают восприниматься всерьез, вытесняясь образом исламских духов — джиннов или шайтанов. Прежде же среди горцев существовала вера во множество различных духов, населявших окружающий мир. Порой можно еще кое-где встретить рассказы о некоторых из них, однако сами рассказчики считают, что это какая-то разновидность исламских джиннов.

В целом древние верования народов Северного Кавказа все более и более уходят из сферы живого бытования, превращаясь в фольклор. Такие древние празднества, как праздник первой борозды, праздник первого выгона скота, весенний Новый год (навруз, эбелцан, яран сувар и т. д.) и другие если и бытуют еще кое-где, то совершенно потеряли прежнее значение и превратились скорее в забавное развлечение, нежели глубоко религиозный акт. Прежнее магическое значение исполняемых ритуалов стирается. Монотеистические религии, которые сегодня господствуют на Северном Кавказе, и в первую очередь ислам, проявляют поразительную жизнеспособность, демонстрируя неограниченные возможности адаптации прежних верований и обрядов горцев к требованиям своего вероучения.

Верования, связанные с исламом

▪ Поскольку подавляющая часть народов, населяющих Северный Кавказ, исповедует ислам, остановимся более подробно на верованиях, связанных с этой мировой религией, которые бытуют в рассматриваемом нами регионе.

Ислам обычно связывают с пятью основными обязанностями мусульманина (фард), к которым относятся шахада (произнесение и признание формулы единства Аллаха и пророческой миссии Мухаммеда), саят или намаз (ежедневная пятикратная молитва), саум или ураза (пост в месяц рамадан), закят (благотворительный налог в пользу бедных) и хадж (паломничество в Мекку); они носят название аркан ад-дин, т. е. «столпы религии». При этом не следует забывать то, что указанные пять пунктов — это, прежде всего, основа ислама, тот фундамент, на котором зиждется та громада интеллектуального и ритуального наследия, верований и представлений, составляющих сегодня мусульманскую веру.

Живое бытование ислама в действительности во много раз богаче того, что мы привыкли понимать под ним. Мусульмане Северного Кавказа за более чем десять веков выработали свою оригинальную локальную форму ислама, в которой причудливо сочетаются положения религиозной ортодоксии и местных верований, традиций и обычаев.

Перечисленные выше пять основных обязанностей исполняются мусульманами Северного Кавказа в неравной степени. В целом каждый, кто

считает себя последователем исламской религии, знает и принимает основную ее формулу, утверждающую единство Бога и пророческую миссию Мухаммеда. Среди кавказцев, особенно молодежи, довольно много людей, не исполняющих в повседневной жизни большинства обязанностей мусульман. Однако среди них бытует ошибочное мнение, что уже одно то, что они признали шахаду и стали последователями исламской религии, обеспечит им спасение в будущем.

Важным элементом в исламе считается ежедневная пятикратная молитва — намаз (слово персидского происхождения, на Северном Кавказе никто не употребляет арабского названия молитвы — саят). Мусульманин обязан молиться в строго определенные часы. Утренняя молитва должна быть совершена с рассвета до восхода солнца, обеденная — после полудня до тех пор, пока тень, отбрасываемая от человека, не будет равняться его росту плюс половине роста, послеобеденная — с означенного времени до захода солнца, вечерняя — с захода солнца до исчезновения зарева заката, ночная — с наступления ночи до утра. Кроме того, по пятницам мусульмане обязаны совершить особую пятничную совместную молитву (джума-намаз) в соборной мечети. Помимо обязательных молитв (фарз) существует еще масса предписанных (суннат) и добровольных (нафиле) молитв.

Сегодня тех, кто совершает все пять положенных в день молитв, становится все больше. Те, кто молится, но не имеет возможности вовремя читать все установленные молитвы, пользуется установлением о том, что пропущенные обязательные молитвы (фарз) можно возмещать в любое удобное для этого время.

Несмотря на то, что интерес к учению и обрядности ислама растет, нанося себе особенно много рьяных сторонников среди молодежи, в целом по Северному Кавказу пока видно удельный вес исполняющих установление о пятикратной молитве не достигает и половины верующих. Причем в Дагестане, Чечне и Ингушетии их процент значительно больше, чем в других республиках Северного Кавказа.

В Дагестане даже в годы Советской власти многие люди совершали молитву под давлением общественного мнения родного джамаата (сельской общины). Человек, имеющий репутацию пренебрегающего молитвой, рискует вызвать недовольство, а где-то в крайних случаях и стать изгоем в собственном селении, вплоть до того, что может лишиться в конце своего жизненного пути законного места на сельском кладбище: родственникам человека, злобно уклоняющегося от молитвы, могут после смерти не разрешить похоронить его рядом с другими мусульманами. Это считается самым страшным наказанием для его родственников. Поэтому соборные мечети дагестанских аулов во время совместной пятничной молитвы переполнены посетителями старше 14 лет.

Некоторые мелкие различия в порядке совершения молитвы проявляются в зависимости от того, какого толка придерживается правоверный. Как мы уже отметили выше, мусульмане Северного Кавказа в большинст-

ве своем придерживаются двух богословско-правовых школ в суннизме — ханафитского и шафиитского мазхабов. В целом различия между этими двумя толками незначительны, а религиозными авторитетами все четыре мазхаба признаются одинаково правоверными. Однако сегодня, в обстановке религиозного возрождения, люди не особо разбираются, какому мазхабу следовали их предки, и поэтому воспринимают ислам в интерпретации той школы, к которой принадлежат проповедники. В целом традиционные территории распространения мазхабов сохраняются: Северо-Западный Кавказ является преимущественно ханафитским, а Ингушетия, Чечня и Дагестан — шафиитскими. Повысившаяся в последние годы мобильность населения, открывшаяся возможность свободной проповеди религии привели к тому, что носители разных мазхабов стали более активно контактировать друг с другом. Местами такого активного контактирования являются северные районы Республики Дагестан (Ногайский, Кизлярский, Тарумовский, Бабаюртовский и некоторые другие), Чеченской республики (Шелковской, Наурский), Нефтекумский район Ставропольского края, Адыгея, Карачаево-Черкесия. Естественно, каждый стремится сохранить свой толк, убедить окружающих в его преимуществах.

Вообще же споры между мазхабами всегда присутствовали в исламской общине. В настоящее время, как уже было отмечено, все четыре суннитских мазхаба признаются одинаково правоверными. Во всемирно известном мусульманском центре — университете аль-Азхар (Каир) преподается мусульманское право согласно всем четырем мазхабам.

Из всех обязанностей мусульман самым исполняемым является, как ни странно, пост в месяц рамадан — ураза (на Северо-Западном Кавказе его произносят через «о»: «ораз»). Условия мусульманского поста весьма суровы: в течение всего светового дня постящийся человек должен воздерживаться от еды, питья, курения, а также от всего, что приносит наслаждение. Духовная сторона поста предполагает, что постящийся обязан все свои помыслы обратить к Богу, думать только о хорошем, отвращать мысли от плохого. Если с наступлением темноты физические запреты снимаются с постящегося, то обязанности по духовному самосовершенствованию сохраняются в силе.

В ночи рамадана верующие по очереди собираются в домах соблюдающих пост для проведения специальной совместной мюлитвы таравих намаз. Эта молитва не была предписана Пророком и является в исламе более поздним нововведением, считаясь не обязательной (фарз), а желательной (суннат). Эта совместная молитва сопровождается коллективным разговорием, что придает посту более торжественный характер и сплачивает верующих.

Справедливости ради надо отметить, что полные 30 дней месяца рамадан постятся не все: это в основном муллы и особо ревностная часть верующих. Среди части верующих бытует мнение о том, что достаточно поститься по три дня в начале месяца, в середине и в конце для того, чтобы

Аллах принял пост. Объяснений этому много; все они сводятся к тому, что правоверным предписано поститься три дня в течение месяца рамадан, но поскольку неясно, какие именно это дни, то мусульмане стали держать пост в течение всего месяца. Интересно, что Коран действительно не называет точное количество дней поста; известно лишь, что пост древнее начала проповеди Мухаммеда, а также то, что сам Пророк постился 30 дней и установил его именно на этот месяц.

Обязанность мусульманина по выплате благотворительного налога закят в пользу бедных членов уммы — общины мусульман, сегодня верующими Северного Кавказа исполняется индивидуально, поскольку этот регион входит в состав светского Российского государства. Мусульмане также широко практикуют раздачу добровольной милостыни садака, которая идет как на поддержание бедных единоверцев, так и на нужды религиозной общины. Между тем попытки восстановить практику сбора налога закят в некоторых местах предпринимаются муллами. Они иногда добиваются перечисления необходимой суммы со счетов колхозов и совхозов на счета мечетей или религиозных общин. Удачные попытки восстановления практики сбора закята отмечены в Нагорном Дагестане. Здесь даже негласно восстанавливаются вакуфные земли, существовавшие до конца 1920-х гг. и изъятые позже советской властью.

Еще лет 10–15 назад со всего Северного Кавказа ежегодно могли совершить хадж — паломничество в Мекку не более 3–10 человек. Мусульманину вменено в обязанность совершить один раз в жизни паломничество к главной святыне — храму Кааба в Мекке при условии того, что ничто не будет стеснять его при этом, т. е. его путешествие не будет связано с непомерными затратами для него и его семьи. Сегодня организация хаджа стала одной из основных функций Духовных управлений мусульман в республиках Северного Кавказа. Ежегодно в качестве пилигримов в Саудовскую Аравию из них отправляется до 10–12 тыс. человек, причем подавляющее большинство (свыше 80%) составляют паломники из Дагестана. Прибывшие из святых мест паломники удостоиваются высокого звания хаджи и пользуются всеобщим уважением. Во многих сельских джамаатах, особенно в Нагорном Дагестане, их роль в общественной жизни бывает исключительно высокой.

Как видим, среди мусульман довольно много тех, кто пренебрегает исполнением некоторых основных обязанностей, особенно пятикратной молитвы. В повседневной жизни значительно большее знаковое значение для подтверждения принадлежности к исламскому вероисповеданию имеют иные формы. Одной из форм демонстрации приверженности к исламу является довольно строгое следование некоторым пищевым запретам. Четко обозначенные в Коране, эти запреты широко всем известны. К пищевым запретам ислама относится запрет на употребление свинины и алкоголя.

Строго следуют мусульмане и правилам убоя скота и птицы. Животное укладывают на левый бок так, чтобы горло было по направлению к Мекке

(для республик Северного Кавказа этим направлением является юг). Перерезая горло, говорят: «Бисмилла, Алла акбар» (Во имя Аллаха, Аллах велик). При этом запрещается произносить определения Аллаха «Милостивый» и «Милосердный», потому что они звучали бы «как насмешка над теми страданиями, которые предстоит перенести убиваемому животному». Согласно мусульманским требованиям, животному перерезают все жилы в горле. Одну или две ноги обычно отпускают для того, чтобы как можно больше крови вышло из тела. Кровь также входит в число запретной для мусульман пищи. Нож должен быть острым, иначе животное будет долго мучиться, а это считается греховным. Проявлением милосердия к обреченному животному объясняется также требование не точить нож в его присутствии. Интересно, что у северокавказских народов к убою скота или птицы обычно не допускают женщин; даже для того, чтобы заколоть курицу, женщины зачастую приглашают мужчину, умеющего совершить это по всем мусульманским правилам.

Непоследовательно относятся сегодня мусульмане к запрету пить вино и другие спиртные напитки. Винных районов на Северном Кавказе не так много. Сегодня одним из таких центров является Республика Дагестан, широко известная благодаря производимым здесь марочным коньякам.

Из хмельных напитков, содержащих алкоголь, жители Северного Кавказа традиционно потребляли раку, вино, пиво, бузу и кумыс. Позднее они познакомились с казенной водкой — арака, араки, которая с течением времени стала основным горячительным напитком на свадебном, да и вообще на праздничном столе, вытеснив традиционные напитки. На различных торжествах водку в той или иной мере потребляет значительная часть взрослого мужского населения; в то же время среди мусульман не много тех, кто злоупотребляет спиртным.

Стабильными показателями принадлежности к исламу на Северном Кавказе являются совершение обряда обрезания и заключение мусульманского брака неках. В отличие от других обрядов свадебного цикла, неках проводится тихо и незаметно, без излишнего шума. Молодые обычно при заключении брака по шариату не присутствуют. Обряд проводит мулла в присутствии родителей и двух — четырех свидетелей (по одному — двум со стороны жениха и невесты). Для этого ему достаточно получить согласие сторон — родителей вступающих в брак молодых и свидетелей; после этого мулла читает специальную молитву, и брак считается заключенным.

Обрезание не входит в число обязательных исламских предписаний (фарз): Коран ничего не говорит о необходимости совершения этой операции для того, чтобы стать мусульманином. Однако оно довольно широко распространилось по всему исламскому миру, став одним из негласных символов перехода мужчины в ряды мусульман. Как отмечал известный исламовед Снук Хюргронье: «Для некультурной массы мусульман, так же как и для весьма большого числа немусульман... воздержание от употребления в пищу свиного мяса и обрезание стали в известной мере критери-

ем ислама». Желательность проведения обрезания выражается в одном из его названий — суннат (в произношении многих народов Северного Кавказа — суннет). За годы Советской власти проведение этой операции перешло из рук специалистов-самоучек (в основном мулл) в руки профессиональных медиков; по старинке продолжают проводить эту операцию лишь в горной местности, где до сих пор квалифицированная медицинская помощь труднодоступна.

Ребенка, достигшего 6–7-летнего возраста, родители стараются отвести к хирургу или мулле, чтобы он провел операцию обрезания (в некоторых районах Дагестана обрезание принято проводить в младенческом возрасте). Мальчику отрезают крайнюю плоть. В больницах операция проходит с применением местной анестезии, поэтому является совершенно безболезненной.

Ребенок к шести годам обычно бывает психологически готов к проведению обрезания. В мальчишеской среде это считается почетным и престижным. Достигшего 7–8-летнего возраста и еще не обрезанного мальчика сверстники обычно презирают, существуют даже специальные уничижительные обозначения такого человека (его считают «грязным», «нечистым»).

Человек, не подвергшийся операции обрезания, не считается мусульманином. К примеру, он не имеет права совершить убой скота или птицы, поскольку мясо такого животного даже при условии соблюдения всех правил убоя считается «нечистым». Неудивительно поэтому, что у мусульман бывают нередки случаи, когда сыновья сами заставляют своих родителей поскорее отвести их в больницу или к мулле для совершения обрезания.

Кроме всего прочего считается, что обрезание имеет и чисто практическое гигиеническое — значение. Недаром необрезанный человек считается «грязным», «нечистым». Пророк Мухаммед своим примером и высказываниями установил самый настоящий культ не только ритуальной, но и физической чистоты среди своих последователей. В одном из хадисов говорится: «Чистота — половина веры». Показательно, что когда Индия после получения независимости разделилась по конфессиональному признаку, мусульмане назвали свое государство «Пакистан», что в переводе означает «государство чистых». Однако на Северо-Западном Кавказе, в частности, в Адыгее и Кабардино-Балкарии, можно встретить мусульманские селения, где обычай обрезания не соблюдается.

У народов Северного Кавказа нет обычая проводить пышный праздник по поводу обрезания, как это принято, к примеру, у узбеков. Новоиспеченного мусульманина обычно облачают в отцовские трусы, в которых он с гордостью щеголяет перед сверстниками и приходящими с поздравлениями гостями. Это поистине счастливые дни для ребенка, поскольку его балуют в течение всего времени до выздоровления, одаривая различными подарками и сладостями. Родители устраивают угощение для близких родственников и соседей, на которое приглашают и муллу.

Требование чистоты (ритуальной и физической) довольно строго соблюдается мусульманами Северного Кавказа. Согласно исламскому предписанию, после посещения отхожего места они обязательно подмываются; бумага, которая используется обычно для этих целей, у мусульман считается нечистым материалом. Каждая семья имеет обычно медный кувшинчик для совершения омовения (кумган). Если же в семье имеется молящийся человек, то кумганов бывает два — один для совершения омовения, другой — для подмывания. Для тех же целей иногда используются фабричные бутылки, особенно в общественных отхожих местах.

Большую роль в жизни верующих играют религиозные праздники и памятные даты. Верующие отмечают их, хоть и не с тем размахом, как раньше. Все даты вычисляются муллами, поскольку они выражены в мусульманском летоисчислении.

Мусульмане отмечают такие памятные даты ислама, как ночь предопределения (лейлат уль-кадр), приходящуюся у суннитов в ночь на 27 рамадана, ночь зачатия Пророка (с 5-го на 6-е раджаба), ночь его путешествия и вознесения на небо на чудесном животном Бурак (с 26-го на 27-е раджаба), ночь начала откровения Мухаммеду его пророческой миссии (лейлат уль-бараат, с 14-го на 15-е шаабана). Все эти памятные даты отмечаются сегодня в основном муллами в лучшем случае в узком кругу других мулл, близких и знакомых; широкие массы верующих остаются в стороне. О прежнем широком бытовании этих памятных дат косвенно свидетельствует антропонимия народов Северного Кавказа, в которой популярны имена, восходящие к названиям соответствующих месяцев: Рамазан (рамадан), Шабан (шаабан), Раджаб (раджаб).

Памятной датой, которая ежегодно отмечается муллами среди северокавказских туркмен и ногайцев, является последняя среда мусульманского месяца сафар. В отличие от других дат муллы активно привлекают в этот день всех прочих верующих. Последняя среда месяца сафар считается днем всех мыслимых бед и несчастий. Полагают, что каждый год именно в этот день с неба на землю ниспосылается 320 тыс. разновидностей несчастий. Спастись от них можно, лишь прибегнув к определенным действиям охранительного характера. Муллы считают, что в этот день полагается совершить либо между утренней и полуденной молитвами совместно в мечети, либо в любое время суток индивидуально особую молитву.

Широко отмечаются и два основных мусульманских праздника — Разговения (Ураза байрам или, по произношению народов Северо-Западного Кавказа, Ораза байрам) и Жертвоприношения (Курбан байрам или соответственно Курман байрам). Однако новые времена и на них оставили свой отпечаток. Эти праздники потеряли былую пышность и торжественность. В эти дни более не устраивается скачек и прочих развлечений, бывших весьма популярными в дореволюционные годы. Многие воспринимают указанные праздники как национальную традицию и не имеют представления о том, в честь каких событий они устраиваются.

Ураза байрам длится в течение трех дней следующего за рамаданом мусульманского месяца шавваль. Так же как и сам пост, он кочует из года в год, начинаясь на 11 дней раньше. За два дня до начала праздника каждая семья устраивает жертвенное угощение. На этих трапезах обязательно присутствует мулла или человек, знающий молитвы на арабском языке, поскольку по окончании угощения обязательно читаются молитвы. В первый день молитвы возносятся за мертвых, а во второй день люди молятся за всех живых.

Последние три дня и ночи поста вообще считаются у мусульман особенными: они начинаются с «Ночи могущества» (Лейлат уль-кадр) и заканчиваются праздником Разговения. Те, кто не постится в течение всего месяца, стараются делать это именно в последние три дня; постящиеся же с начала месяца в эти дни особенно ревностно исполняют требования поста. Считается, что в последнюю ночь поста Всевышний раздает ангелам свои определения, т. е. указания, относящиеся к миру в целом и судьбам отдельных людей на год вперед: «Как определит Аллах, так все и будет».

Ураза байрам потерял к сегодняшнему дню былую пышность. Вместе с тем более четко обозначилась его связь с поминальным циклом. Кроме посещения соседей, близких, родных и знакомых с поздравлениями по случаю окончания поста верующие ходят поминать тех покойников, которые умерли менее года назад. Многие в праздничные дни, особенно в первый день, посещают могилы своих родных и близких в сопровождении муллы, который читает суры из Корана и молитвы. Кроме того, в эти дни у карачаевцев и ногайцев готовятся особые обрядовые пышки (баурсак) на растительном масле с целью «возносить запах», что также является составной частью поминальной обрядности.

В дни праздников готовят также массу сладостей: халву, особые печенья, пироги, рогалики и т. д. Праздничный стол обязательно украшают эти сладости, а также фабричные конфеты, печенья и т. д. Недаром, к примеру, у арабов и турок Ураза байрам называется «сахарным праздником». Арабское название праздника «Ид аль-фитр», связанное с выплачиваемой в пользу бедных милостыней (закят аль-фитр), на Северном Кавказе почти не известно. Размер самой милостыни небольшой (для сравнения, в 1997 г. он составлял 800 рублей, т. е. 80 копеек в новом масштабе цен), но зато уплачивается он со всех членов семьи. Собирали закят аль-фитр муллы, которые и высчитывают его размер, переводя в денежное выражение, подлежащее уплате количество зерна пшеницы: 2 меры, что составляет около 1,5 кг.

Праздник Жертвоприношения — Курбан байрам — также потерял былую пышность и, несмотря на то, что считается «большим» праздником (ид аль-кабир), уступает в этом плане празднику Разговения. Впрочем, так было у всех мусульман: окончание тяжелого поста вызывало у них больше веселья и радости, нежели наступление кровавого дня принесения жертв. На Северном Кавказе обычно режут одну овцу, иногда соседи по улице уст-

раивают общее жертвоприношение: от семи хозяйств режут корову или быка; прежде разрешалось также принести в жертву одного верблюда, но от имени двенадцати хозяйств. Мясо жертвенного животного идет на угощение, куда приглашаются мулла, родственники и старые уважаемые соседи. Приглашенные по окончании трапезы читают с муллой молитву с воздеванием рук (дуа), желая хозяину, чтобы Аллах принял его жертву. Излишки мяса раздают соседям и родственникам. Как и в дни Ураза байрама, старались поминать покойников, вознося за них молитвы.

Советский период ознаменовался стремительным ростом популярности занимавшего прежде более чем скромные позиции праздника — дня рождения Пророка (арабское название его «мавлид ан-наби» или просто «мавлид», в отечественной литературе встречается также написание «мавлюд»). Имеющиеся в нашем распоряжении источники ничего не говорят о бытовании этого праздника у народов Северного Кавказа кроме карачаевцев ни до революции, ни в первые послереволюционные годы. Широко отмечать мавлид здесь стали примерно с конца 1950-х гг.

В литературе можно встретить немало упоминаний об этом празднике, но подробного его описания встретить пока не удастся. Попытаемся восполнить этот пробел. Точная дата рождения Пророка неизвестна; сохранились лишь хадисы о том, что она приходится на понедельник. Поэтому день рождения Мухаммеда приурочен ко дню его смерти («рождения к вечной жизни»), который приходится на 12 раби уль-авваль. Отсутствие достоверно установленного дня позволяло мусульманам не придерживаться строго официально провозглашенной даты. Мавлид сегодня широко отмечают в течение всего месяца раби уль-авваль, который называется поэтому месяцем мавлида, т. е. рождения (Пророка). Почти каждый день муллы и люди, знакомые с порядком совершения обряда, приглашаются в дома верующих. Каждый, кто считает себя мусульманином, почитает за долг и честь провести у себя дома обряд в честь рождения Пророка. Так же как и само событие, обряд этот называется мавлид.

Перед проведением мавлида хозяева режут барашка, который предназначается для угощения. Обряд проводят обычно в доме, в одной из самых просторных комнат. С конца 1980-х гг., когда ослабло идеологическое давление на верующих, и месяц мавлида приходился на теплое время года, его зачастую проводили во дворе, в тени беседок. В центре — прямо на полу или на тахте — стелют скатерть, на которой стоит большая кастрюля со сладкой водой, а на кастрюле — хлеб домашней выпечки. К определенному часу собираются муллы и чтецы, знакомые с текстами мавлида, а также гости из числа соседей и близких, умеющих совершать малое омовение (тахарат). Совершив омовение, все располагаются вокруг сосуда со сладкой водой и хлебом. Участники обряда выставляли в круг часы, кольца, серьги, четки (тасбих), на которые, по мнению верующих, переходит благодать от чтения текстов мавлида. Обрядом обычно руководит самый

опытный и знающий мулла, имеющий к тому же хороший голос, поскольку он является главным исполнителем всех текстов.

Мулла, произнеся традиционную басмалу (слова «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»), обращается к собравшимся с речью, в которой напоминает о той высокой цели, с которой они пришли в этот дом, о необходимости поддержания состояния ритуальной чистоты, а также четкого знания и признания формулы исповедания веры — шахады. Он учит: «Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорил: «Если в одном месте соберется более одного человека и если они не будут поминать имени Аллаха, то там будет распространяться вонь, подобная той, что распространяетдохлый осел». Слова «Нет божества, кроме Аллаха» — это ключ, который открывает каждое сердце, который открывает двери рая и запирает врата ада. Поэтому сегодня будем часто повторять эти слова».

После этого все участники обряда в течение нескольких минут повторяют формулу исповедания веры — шахаду. Затем один из мулл читает первую суру Корана — аль-Фатиху, после чего мулла, ведущий мавлид, приступает к чтению нараспев арабского текста мавлида — стихотворных историй о рождении, жизни Пророка, его славных делах, о совершенных им чудесах. К ним, в частности, относятся обе касыды Бурда. Своеобразные «припевы», повторяемые через каждые четыре строчки текста, читаются хором всеми присутствующими. Иногда складываются настоящие «команды» чтецов мавлида, которые читают хором весь его текст, от начала и до конца. Арабский текст мавлида читается обычно со сборников, изданных в начале XX в. в дагестанском городе Темир-Хан-Шуре, которые имеет в своей библиотеке почти каждый мулла. Большой популярностью на Северном Кавказе пользуется пожелтевший от времени сборник текстов мавлида, который вышел в свет в 1333 г. Хиджры, т. е. в 1915 г. нашего летоисчисления. Некоторые Духовные управления мусульман переиздают подобную литературу репринтом.

Своеобразной чертой мавлида является то, что на нем наряду с арабскими, широко используются и тексты мавлида на родных языках (т. н. назму). С начала 90-х гг. широко распространились печатные сборники мавлида на родных языках.

Назму — это стихотворные тексты нравоучительного характера на религиозную тему. Излюбленная тема сочинителей назмов — идея бренности этого мира и суетности пребывания в нем, призывы к благочестивой жизни ради спасения в будущем. Поскольку эти тексты исполняются на родном для слушателей языке, то они оказывают на них огромное влияние: во время чтения мавлида не редки слезы на глазах почтенных старцев и рыдания женщин и старух.

Прежде стихи и песни религиозного содержания на родных языках обычно сочиняли муталимы — учащиеся медресе. Как водится, их авторы не известны, однако авторство особенно популярных назму бывает известно. К приме-

ру, в дагестанском селе Ункратль при проведении мавлидов широко используются тексты, составленные Гусейном Курбановым из села Саситли.

Считается, что при проведении мавлида в этом благочестивом собрании правоверных незримо появляется и присутствует сам дух Пророка, тем самым благословляя их. Кульминационным моментом мавлида является чтение стихов с приветствиями Пророку, перемежаемых рефреном: «Мархабан, я, мархаба!» (Добро пожаловать, о, добро пожаловать!) Они читаются стоя, с глубоким почтением к духу Пророка. Сам он называется лучшими эпитетами: «Солнце» (аш-Шамс), «Свет» (Нур), Имам кыблы и т. д.

У некоторых народов Северного Кавказа завершается мавлид зикром (зикир, зикра, зикру) Зикр читается по-разному у разных народов. К примеру, у народов Северо-Западного Кавказа (адыги, карачаевцы, балкарцы, ногайцы) зикр носит спокойные формы и не затягивается по времени. Обычно он проходит следующим образом. По 33 раза произносятся слова: «Астагфирулла» (Прости нас, Аллах), «Ла илаха илла Аллах» (Нет божества, кроме Аллаха), «Аллахумма, салли ала саййидина Мухаммадин ва ала алихи саййидина Мухаммадин ва саллим» (О Аллах, благослови господина нашего Мухаммеда и семью господина нашего Мухаммеда и приветствуй). Затем семь раз читается 112-я сура Корана, по разу — 113-я и 114-я суры Корана, после чего читается молитва с воздеванием рук, которая и завершает собственно обряд. Чтение молитвы сопровождается выкриками верующих: «Амин!» (Истинно!) Молитва читается как по-арабски, так и на родном языке. По завершении молитвы обычно говорили: «Такаббалулла» (Да примет Аллах (проведенный мавлид), хозяин же дома благодарил участников словами: «Пусть Аллах учтет ваши труды как благое деяние, достойное воздаяния».

У народов же Дагестана, Чечни и Ингушетии зикр занимает длительное время. Зачинатель начинает с намерения, затем три раза повторяет формулу исповедания веры и 15-20 раз слова «Астагфирулла» (Прости нас, Аллах). После этого читается 103-й аят (стих) второй суры Корана. Это является вступлением к зикру.

Собственно зикр начинает солист речитативом (нашид), исполняемым в свободном ритме и переходящим к развернутой (обычно медленной) части (басид). Вслед за ним все остальные нашидом поют «Ла илаха иллаллах» (Нет Бога, кроме Аллаха) до тысячи раз, при этом производя сидя покачивания вправо и влево. Иногда в разные стороны в такт исполнению поворачивают голову, покачивая при этом телом. Иногда исполнители зикра впадают в нечто вроде транса, из которого их выводит руководитель обряда.

По окончании чтения мавлида все присутствующие ломают хлеб и принимаются есть его, запивая сладкой водой. Оставшийся хлеб и воду хозяйка обычно уносит, чтобы угостить детей и соседей. Считается, что ни капли этого напитка нельзя выливать на землю, поскольку сила прочитанных молитв придала ему и хлебу большую святость. После небольшого перерыва подается угощение, — это обычно вареное мясо жертвенного барашка и

суп-лапша или хинкал. Во время трапезы все ведут чинные беседы на религиозные темы. По ее окончании прочитывается молитва с воздеванием рук, а хозяин или один из его сыновей обходит гостей по мусульманскому обычаю с медным кувшинчиком (кумган) и тазиком, чтобы они могли сполоснуть руки и рот. Уходящих участников мавлида (чтецов) хозяйка зачастую в знак благодарности одаривает деньгами.

К сегодняшнему дню мавлид стал одной из характерных черт той региональной формы ислама, которая сложилась на Северном Кавказе, в то время как, к примеру, у среднеазиатских народов он отмечается значительно скромнее. Причина в той позиции, которую заняли служители культа в вопросе о праздновании мавлида. К примеру, в 1960-х гг. «Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана специальной фетвой предписывало служителям культа растолковать всем верующим, что Мавлюд (день рождения пророка Мухаммеда) должен отмечаться только в мечети, и обязательно в тот день, когда, согласно преданию, родился Пророк.

Служители же культа на Северном Кавказе, в Татарии и Башкирии, подчиняющейся Духовному управлению мусульман Северного Кавказа и Духовному управлению мусульман европейской части СССР и Сибири, не препятствуют тому, чтобы верующие отмечали Мавлюд на дому на протяжении целого месяца, и сами не упускают случая принять участие в каждом маджлисе, посвященном этому событию, и произнести там соответствующую проповедь».

Исследователи отмечают значительное суфийское влияние в сложении обрядности мавлида и его распространении по всему исламскому миру. Действительно, как само оформление обряда: расположение его участников в круг (круг, являющийся одним из древнейших солярно-лунарных знаков, получил широкое распространение в суфийской обрядности, в частности, во время радений), так и важнейшие детали обряда: чтение наставлений, исполнение текстов, сильно воздействующих на состояние людей, важная роль зикра, следующего непосредственно за кульминационным моментом мавлида, — все это свидетельствует о несомненном и решающем влиянии суфизма в оформлении обрядности, посвященной дню рождения Пророка. Примечательно, что порядок совершения мавлида у народов Северного Кавказа вплоть до мелочей совпадает с тем, как читали мавлид ан-наби в суфийских орденах.

Примечательно также, что мавлид совершается по значительно большему количеству поводов именно там, где до сегодняшнего дня сохранилось бытование суфизма — в Ингушетии, Чечне и, в особенности, в Дагестане. Здесь мавлид совершается и для обеспечения удачи какому-либо мероприятию, и по случаю проводов в армию, в дальний путь или свадьбы. Большую роль мавлид играет в похоронно-поминальной обрядности дагестанцев, особенно аварцев и даргинцев. Мавлид читают при похоронах, на поминках или по обету на седьмой день после смерти близкого человека.

Суфизм сегодня является одной из важнейших форм бытования ислама в упомянутых выше трех республиках Северо-Восточного Кавказа. В Северо-Западном Кавказе суфизм, имевший в годы Кавказской войны и без того слабое распространение среди представителей местных народов, сошел практически на нет после поражения и трагедии мухаджирства (переселения за пределы России, в основном в земли Османской империи). Попытки возрождения суфизма здесь предпринимались в 1920–30-х гг., однако закончились неудачей. К примеру, в 20-е гг. в Карачае шейхом Шакай-улу было основано суфийское братство накшбандийского направления. Даже в период расцвета число мюридов в братстве не превышало 500 человек. Сегодня число членов братства не превышает нескольких десятков человек. Они полагают, что их шейх не погиб во время репрессий 30-х гг., а скрытно пребывает в этом мире, время от времени являясь наиболее благочестивым членом братства.

Большое распространение сегодня имеет суфизм в Чечне и Ингушетии. В годы сталинской ссылки эти народы сохранились во многом благодаря сплочению как вокруг тейпов, так и вокруг суфийских практик (вирдов), способствовавших постоянной подпитке национального самосознания вайнахов через религию. Среди чеченцев сегодня имеются последователи братств накшбандия (преобладают среди равнинных тейпов) и кадирия (все горные тейпы). Основателями действующих среди чеченцев и ингушей вирдов (ветвей) братства кадирия считаются шейхи Баммат Гирей-хаджи из сел. Автуры, Чиммирза из сел. Майр-Туп Шалинского района Чечни, а также ингушский шейх Батал-хаджи из сел. Сурхохи; само же учение тариката кадирия попало сюда через шейха Кунта-хаджи. Кадирийская обрядность отличается от спокойного накшбандия более экспрессивными формами. Ее основу составляет громкое коллективное радение зикр-джахр, который вначале сопровождается медленными телодвижениями, переходящими затем в более учащенные. Приходящие в состояние экстаза участники радения срываются с места, начинают ходить, а затем и быстро бегать по кругу, громко повторяя слова Ла илаха иллалла, т. е. «Нет Бога, кроме Аллаха». Большую роль в суфийской практике кадирия придает уже упоминавшимся нами назмам. Уже в советское время последователем вирда Чиммирзы-хаджи — Вис-хаджи, в качестве атрибутов зикра наряду с барабаном введены смычковый музыкальный инструмент чондарг и белая папаха. Сегодня, к сожалению, не ведется статистики относительно количества последователей суфизма в Ингушетии и Чечне; можно лишь отметить, что в этих двух республиках действует несколько десятков ответвлений братств накшбандия и кадирия.

Суфизм играет большую роль в религиозной жизни соседнего с Чечней Дагестана. Его укреплению немало способствовали такие известные накшбандийские шейхи, как Джамалуддин Казикумухский, Гази-Магомед, Гамзат-бек, Гаджи-Магомед, Нажмутдин Гоцинский. Произведение шейха Джамалуддина «Аль-адаб уль-марзия» до сих пор является интеллектуальной

основой практики дагестанских суфиев. Большинство из них были философами и поэтами.

Сегодня в Дагестане распространено учение трех тарикатов — накшбандия, кадирия и шазилия. В целом по республике имеется свыше сорока вирдов этих братств. Особенностью Дагестана является то, что здесь сегодня нет четких границ между вирдами различных братств. Один и тот же шейх может руководить мюридами как по накшбандийскому, так и по кадирийскому или шазилийскому тарикатам. Поэтому в Дагестане вопрос к шейху о том, муршидом какого тариката — накшбандийского или кадирийского — он является, порою бывает бессмысленным. Из-за этого данные о численном соотношении последователей тарикатов можно привести лишь оценочно: преобладают последователи накшбандия. Меньше всего последователей проникшего относительно недавно из Ближнего Востока тариката шазилия. Из действующих сегодня шейхов наиболее известны Саид Эфенди из Чиркея, Арслан Али Эфенди из Буйнакса, Бадруддин Эфенди из Ботлиха, Абдувахид Эфенди из Какамахи и др. Считается, что Саид Эфенди из Чиркея играет ведущую роль в определении религиозной политики в Дагестане, имея неограниченное влияние через своих мюридов в духовном управлении мусульман Дагестана.

С суфизмом тесно связан также распространенный на Северном Кавказе культ святых мест. Это в основном могилы настоящих и мнимых суфийских наставников, поэтому святые места называются «шейх», «зиярат» (Чечня, Ингушетия, Северный Дагестан, Карачай, Кабардино-Балкария) или «пир» (Южный Дагестан) В Чечне наиболее почитаемым местом, куда совершают паломничество — зиярат со всех концов республики, является могила матери шейха Кунта-хаджи Хеди близ сел. Гуни Веденского района. Здесь же паломники посещают родник с целебной водой, который якобы возник на том месте, куда шейх воткнул свой посох. Широкой известностью в республике пользуются также такие святые места, как мавзолей шейха Умалат-Ахада (Умалат-шейха) у сел. Сержень-Юрт Шалинского района, Ташухаджи (Вокха-хаджи) у сел. Саясан Ножай-Юртовского района, Узун-хаджи у сел. Шамиль-Хутор Веденского района. К святым местам обращаются с самыми различными просьбами; считается, что благодаря своей особой приближенности к Богу святые могут содействовать исполнению просьб и желаний паломников. К примеру, мавзолей Умалат-шейха считался местом, где действительны моления о дожде. При этом сами по себе святые не наделяются способностью что-либо сделать для просителей. По убеждению мусульман, молитвы их действительны потому, что они просят у Аллаха исполнить их просьбы ради святого, ради его заслуг перед Всевышним. Поэтому люди, посещающие святые места, не считают это отклонением от норм ислама, уходом от главного исламского принципа — единобожия.

В Дагестане почитается несколько сотен святых захоронений, представляющих собой надгробия или мавзолеи кубической формы без окон (худжра). Безошибочно определить святые захоронения можно по высо-

ким деревянным шестам с разноцветными знаменами и лоскутками материи, водруженными над ними. Порой значение святых мест распространяется на довольно большие территории. К примеру, на священной для лезгин горе Шалбуздаг имеется мавзолей над могилой святого Сулеймана (Пир Сулейман). К этому мавзолею приходят поклониться лезгины Дагестана и Азербайджана, а также живущие по соседству рутульцы. Здесь бездетные женщины просят у Бога детей, больные ищут исцеления, верующие просят благополучия и удачи, а в случае длительной засухи молятся о дожде.

Карачаевцы и балкарцы, несмотря на то, что не сохранили живого бытования суфийских орденов, продолжают чтить могилы прежних шейхов и совершать к ним зияраты. Большой популярностью пользуются зияраты в Тебердинском ущелье у могил Абдуллах шейха Дудаланы, Шакай-улу и др.

В разделе, посвященном древним верованиям горцев, мы уже отмечали, что вера в духов сегодня практически приняла характерные мусульманские черты. Действительно, сегодня большинство народов Северного Кавказа всерьез верит в существование лишь духов исламской мифологии — джиннов (произносится также, с небольшими вариациями: у дагестанцев — жен, жиндри, чинерар; у ногайцев — йин и т. д.). В представлениях горцев джинн близок к образу шайтана, иногда эти два понятия смешивают; вообще шайтаны считаются подразделением джиннов.

Однако в отличие от джиннов, которые представлены в Коране как созданные из чистого огня, а арабы считают их существами, состоящими «из пара или бездымного огня», джинн в представлениях народов Кавказа представляется антропоморфным существом. Его можно отличить от человека только при тщательном осмотре: пальцы на руках и ногах его без суставов, а нос без внутренней перепонки, т. е. имеет одну ноздрю. Образ их жизни также похож на человеческий: живут они аулами, пьют, едят, веселятся, женятся. Духи имеют свои государства. Часто духов подразделяют на белых и черных, на мусульман, христиан и иудеев.

Весьма популярны в качестве оберегов амулеты; горцы их обычно называют дуа или тумар. Они представляют собой зашитую в футляр молитву, написанную на листке бумаги. Мусульманское происхождение их достаточно прозрачно: слово «дуа» собственно и означает по-арабски «молитва», а слово «тумар» в арабском означает «лист», «грамота», «письмо», «кусочек папирусного свитка».

Такие амулеты распространены повсеместно в исламском мире; обычно внешняя форма (трех— или четырехугольная, ромбовидная или боченкообразная) футляра особой роли не играет. У некоторых народов внешняя форма играет роль. Так, чеченцы строго различают треугольные (жайна) и квадратные (хлайкал) талисманы. И все же для верующих значение имеет не внешний вид футляра, а его содержимое. Молитву для амулета за небольшое вознаграждение обычно пишет мулла; она состоит из изречений из Корана, имен Аллаха, ангелов, пророков, святых, джиннов, которые могут перемежаться с числовыми комбинациями и диаграммами. Числа в

молитвах для амулетов имеют большое значение. Считается, что джинны вредят людям с помощью чисел, противостоять же им можно, только узнав эти числа (считается, что и то, и другое делается с позволения Аллаха). Текст молитвы ангелы якобы приносят к Престолу Аллаха, и от него зависит результат: примет Аллах молитву, выздоровеет человек, нет — тогда не поможет самый искусный лекарь. Вполне возможно, что мусульманские представления о возможности нанесения вреда с помощью чисел заимствовано арабами в трудах древнегреческих философов; во всяком случае, большое значение числу придавали Пифагор и его последователи.

Горцы боятся не только духов, но и сглаза, в котором винят других людей, якобы обладавших дурным глазом. Амулеты применяются зачастую не столько для защиты от духов, сколько от сглаза.

Сглазить можно и помимо своей воли; наиболее опасными считаются люди с зелеными и голубыми глазами, против вольных или невольных чар которых наряду с тумарами действительны голубые бусы. Такие представления широко распространены среди чеченцев и ингушей, народов Дагестана, северокавказских армян. Дагестанский исследователь религии А.О. Булатов высказал мнение, что голубые и зеленые глаза — редкий признак среди южан, который нес на себе печать исключительности и потому надеялся зловещими свойствами. Действенным средством от «лихого глаза» считались также черепа лошадей, которые иногда и сегодня можно увидеть вывешенными по углам забора.

Но не всегда удается избежать конфликта с духами, и тогда, как думают, они насылают на человека болезнь и прочие несчастья. Вред, по народному представлению, духи наносят, «трогая» человека или же «ударяя» его. Человек в этом случае теряет рассудок, заболевает психически, порою у него отнимается дар речи. Часто у такого человека искривляется рот.

В прошлом у горцев исключительное место в лечебной практике занимали люди, владевшие приемами народной медицины. Вообще процесс излечения, избавления от болезни скрывался обычно за покровом таинственности, обставлялся массой обрядов и ритуалов, словесных формул, превращавших его в целое действие, которое подкрепляло рациональные лечебные приемы глубоким психологическим воздействием.

Исламское вероисповедание накладывает отпечаток и на народную медицину народов Северного Кавказа. Функции знахарей прибрали к своим рукам муллы, знающие молитвы и умеющие читать Коран. Они обычно отчитывали больного молитвами или аятами из Корана, выдыхая при этом на него воздух с характерным звуком «суф», занимались написанием молитв для амулетов (дуа). Чтение Корана вообще считается весьма действенным во многих случаях жизни. Это способно отпугнуть как джиннов, так и неупокоившиеся души нечестивцев.

Некоторые муллы приобретают большую известность благодаря своим успехам в области народной медицины. Считается, что эти муллы благодаря своим особым познаниям имеют власть над духами; многих из них по-

дозревают в прямых связях с духами. К примеру, в станице Шелковской Чеченской Республики живет подобный мулла. В обычной жизни он вполне нормальный и общительный человек. Однако во время приема больного он преображается, впадает в нечто вроде транса, начинает возбужденно ходить, что-то бормотать. Посетители считают, что он общается с джиннами, получая от них всю необходимую информацию. К нему на прием приезжают не только из Чечни, но и из соседнего Дагестана.

Похоронно-поминальный цикл мусульман Северного Кавказа принял общемусульманские черты. В его основе лежат представления о существовании у человека данной Аллахом субстанции—души (джан, рух), которая в момент смерти покидает бренное тело.

Как и в старину, считается, что мулла обязательно должен прочесть над умирающим 36-ю суру Корана («Йа Син»); полагают, что тем самым он «выводит его душу». Приходящие выразить соболезнование обязаны прочесть первую суру Корана — аль-Фатиху. Эту суру не все знают, поэтому люди стараются войти во двор со знающим человеком.

Если мусульманин умер в первой половине дня, то его положено похоронить в тот же день, однако не всегда это правило исполняется. Зачастую похороны назначаются на следующий день, особенно зимой. Обмывание тела проводится в доме у покойного. Воду после обмывания следует вылить в то место, куда не ступает нога человека.

Мулл и в день смерти, и в день похорон собирают на чтение Корана. Читаются 1,2, 36,112,113,114-я и некоторые другие суры Корана. Считалось, что это делается для облегчения посмертных мук покойного. Чтение Корана в день похорон заканчивается обычно к полудню. Некоторые народы дают пришедшим на похороны еду; угощение понимается как своеобразное искупительное деяние, после него читается молитва с просьбой к Аллаху принять эту искупительную жертву.

Затем прямо во дворе стелят брезент для совершения молитвы по умершему (джаназа). Покойного выносят и располагают во дворе перед выстроившимися для молитвы людьми головой на запад. Руководит молитвой имам, который стоит непосредственно перед покойным; последний перед смертью мог назвать имама для совершения джаназы. Намаз состоит из четырех такбиров (слов «Аллаху акбар», т. е. «Велик Аллах»). У шиитов джаназа состоит из пяти такбиров. Сунниты после первого такбира читают Фатиху, после второго — молитву за Пророка, которую произносят во время обычной обязательной молитвы (намаз), после третьего — особую молитву за покойника, после четвертого можно ничего не читать либо прочесть какую угодно молитву (дуа). После этого совершается приветствие направо и налево (салам). Такой порядок в целом соответствует требованиям ханафитского и шафиитского мазхабов.

Покойного на кладбище везут обычно на борту грузового автомобиля. Проводить покойного в последний путь на кладбище обычно отправляются только мужчины. Шииты же не разрешают участвовать в похоронной про-

цессии женщинам, для которых умерший был очень близким человеком, из опасения истерики.

Всю дорогу до кладбища мулла, сидящий справа у изголовья покойного, читал 1,36,112 – 114-ю суры Корана. На кладбище сразу же приступают к церемонии погребения. Близкие родственники (2–3 человек) спускаются в могилу и укладывают покойника в подбой (лахад). Мулла принимается читать Коран, а присутствующие кидают по очереди землю в могилу. Когда земля в могиле доходит до уровня поверхности, все присутствующие отходят от могилы на расстояние семи шагов, а один из мулл упирается лопатой в головной столб и принимается читать талкын – наставление для покойного, как отвечать ангелам Мункар и Накир, уже ведущим допрос в могиле. Затем четыре муллы приступали к совершению обряда под названием «четыре угла». Мулла, стоящий в юго-западном углу могилы, читает суру Йа Син (36-ю), в северо-западном – Седжде (32-ю), в юго-восточном – Табарак (67-ю), а в северо-восточном – Духан (44-ю). После этого прочитывается молитва-дуа и устраивается могильный холмик. Народы Дагестана, чеченцы и ингуши часто устраивают зикр на похоронах. Вообще у них, а также у карачаевцев зикр является непременным атрибутом всего похоронно-поминального цикла. После похорон у аварцев, даргинцев и некоторых других народов Дагестана принято несколько дней читать Коран над могилой усопшего.

На Северном Кавказе поминают покойников обычно на 3,7,40-й день и на годовщину. Кое-где поминают и в 100-й день. Поминки сопровождаются искупительным жертвенным угощением и чтением Корана. Кроме того, тюркские народы до поминок 40-го дня отмечают день смерти и день похорон. Две последние поминальные даты, а также поминки 52-го вечера (у карачаевцев, балкарцев, ногайцев, некоторых народов Дагестана) отмечаются довольно скромно. В эти дни приходят лишь самые близкие люди, а также муллы, специально приглашенные для чтения Корана. По окончании чтения Корана устраивается трапеза.

Таким образом, многие древние верования органично вплелись в систему исламских представлений, теряя свои архаические черты и окончательно наполняясь исламским содержанием и осмыслением. Благодаря такому переплетению ислам стал значительно ближе и понятнее простым верующим. Как мы видели, многие верования и обряды, бытующие как исламские и зачастую пришедшие к народам Северного Кавказа вместе с исламом, не находят отражения в Коране. Они в первую очередь попали в последние годы под прицел непримиримой критики новоявленных фундаменталистов, которые показали, что готовы идти на любые шаги ради утверждения собственного видения ислама. Их кредо, а также то, откуда они появились, и на чем зиждется их система убеждений, до сих пор не до конца понятны жителям России, вплотную столкнувшимся с проблемой ваххабизма, проявившего себя в нашей стране не с лучшей стороны. Поэтому постараемся восполнить этот пробел в следующем разделе.

Ваххабизм

■ На основании рассмотренного выше материала мы можем подразделить северокавказский регион по степени исламской религиозности на две области: Северо-Восточный Кавказ, включающий Дагестан, Чечню и Ингушетию, население которых традиционно более религиозно, и Северо-Западный Кавказ, объединяющий в основном адыгские и тюркские народы (кроме кумыков), среди которых ислам не укоренился столь сильно, как у восточных соседей. В первой из выделенных областей также большое распространение получил суфизм в виде накшбандийской, кадирийской и, в последние годы, шазилийской ветвей. Во второй же области суфизм так и не укоренился. Эти особенности позже сыграли большую роль в судьбах ислама на Кавказе в годы Советской власти: Дагестан, Чечня, Ингушетия, особенно горные их районы, никогда не прерывали традиций исламской учености и мусульманского ритуала (недаром в 1944 г., когда было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа, его резиденцией был избран дагестанский город Буйнакс; все последующие годы его деятельность охватывала в основном территории Дагестана, Чечни и Ингушетии); на Северо-Западном же Кавказе позиции ислама были сильно подорваны.

Соответственно и религиозный подъем, начавшийся со времен перестройки, протекал совершенно различно в двух указанных областях. Если на Северо-Западном Кавказе это было истинное воссоздание полузабытой религии, то в Дагестане, Чечне и Ингушетии это было скорее выходом из «полудремотного» состояния и распространением никогда не прерывавшихся традиций, нежели их возрождением.

Процессы религиозного возрождения играют огромную роль в жизни народов, населяющих Северный Кавказ. Ислам, будучи второй по количеству приверженцев религией в пределах Российской Федерации, оказался в гуще происходивших с тех пор в стране интереснейших и противоречивых событий. Ислам не разделяет жизнь на светскую и духовную стороны; в этом причина его активности и влияния на ход политических событий на Северном Кавказе. Понятия «исламское» и «народное» тесно переплетены в сознании мусульман; в годы советского атеизма люди продолжали придерживаться исламских обычаев и обрядов, понимая их как народные, а не религиозные.

Перечисленные факторы показывают нам важность знания и понимания того, что происходит в религиозной сфере, поскольку это способно оказать большую помощь в изучении современных процессов, которые влекут за собой заметные перемены во многих областях жизни людей.

Религиозная обстановка на Северном Кавказе во все времена отличалась сложностью и противоречивостью. Еще более усложнилась она сегодня с появлением новых течений, не имевших ранее здесь своих последователей. В последние годы на пестрой конфессиональной карте региона

появились районы, охваченные последователями радикальных течений, объединенных общим названием «ваххабиты».

В суннитском исламе выразителем фундаменталистских взглядов стал один из четырех толков — ханбалитский мазхаб (собственно он и оформился вначале как религиозно-политическое фундаменталистское движение в IX в., лишь затем преобразовавшись в догматико-правовую школу в начале XI в.). Позднее, в XVIII в. Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, основываясь на ханбалитской идеологии разработал собственное учение, которое по сей день остается самой последовательной и наиболее организованной формой исламского фундаментализма.

Несмотря на то, что фундаментализм и радикализм широко распространился на Северном Кавказе после начала перестройки, к началу 90-х годов, появился он здесь еще в 70-х гг. XX в. По мере ослабления государственного контроля над религией, а затем и полного его исчезновения, радикалы и экстремисты разворачивали все более активную миссионерскую деятельность. Примечательно, что наибольшую активность здесь проявили ваххабиты — последователи религиозно-политического учения, разработанного Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом, выходцем из Саудовской Аравии. Рынок, испытывавший огромный дефицит грамотной религиозной литературы, был моментально заполнен прекрасно написанной и изданной ваххабитской продукцией. Издательство находилось в печально известном дагестанском селе Первомайское; называется оно по имени родины духовного лидера дагестанских, а ныне и чеченских ваххабитов муллы Багаутдина — «Сантлада».

Фундаменталистские идеи, доведенные до экстремизма, первоначально нашли широкий отклик лишь в общинах аварских и даргинских переселенцев, да и то в пределах двух — Буйнакского и Кизилюртовского районов, а также в городе Астрахани. В горах ваххабитов поддержали джамааты всего лишь двух аулов Цумадинского района — Сантлада и Тлондода, а также треть — аула Кванада. Роль центра ваххабизма не только в Дагестане, но и во всем Северном Кавказе до недавнего времени играл город Кизилюрт, где в одном только медресе получали подготовку 700 человек. Позже группы ваххабитов появились в некоторых других районах Дагестана — Хасавюртовском, Карабудахкентском, Дербентском, а также городах Буйнакск, Хасавюрт, Махачкала.

Широко распространились фундаменталистские идеи под оболочкой ваххабизма также и в соседней Чечне. Этому способствовало установление дудаевского режима, взявшего курс на построение «исламского государства».

Укреплению позиций ваххабизма в немалой степени способствовала война; в Чечню хлынули добровольцы из многих стран мусульманского мира, среди которых было немало людей с экстремистскими взглядами.

Ваххабиты, обвиняя традиционный ислам в отходе от первоначального учения, в нововведениях (бида¹), отрицают многие обычаи и обряды, укorenившиеся в сознании людей как исламские. Так, запрещается чтение

Корана на могиле или в доме усопшего, чтение талкына (наставления покойному) на похоронах, пользование четками, проведение обряда своеобразного «отпущения» грехов деур и т. д. Не признавая особых качеств Пророка, ваххабиты выступают против празднования мавлида — дня рождения Мухаммеда. Они объявляют его подражанием христианам, а тех, кто отмечает мавлид, — отошедшими от ислама.

Особый объект нападок — это традиционный для Северо-Восточного Кавказа суфизм и тесно связанные с ним культ святых и зиярат (паломничество) к святыням, которые резко осуждаются как многобожие (ширк). Широко практикуемые последователями суфизма виды зикра объявляются вопиющим нарушением норм исламского поклонения, поскольку, по мнению ваххабитов, они противоречат разрешенным зикрам как с точки зрения их формы, так и времени совершения. Экстремизм ваххабитов порой доходит до того, что наиболее радикально настроенные из них не разрешают своим последователям общаться не только с иноверцами, но даже и с мусульманами-традиционалистами, запрещают посещать мечети, имами которых являются муллы-традиционалисты (по их мнению, отошедшие от ислама).

Мусульмане, не приемлющие ваххабизма, обвиняются в идолопоклонстве. Радикальные идеи находят особо благодатную почву среди полной сил и энергии молодежи, неспособной из-за затянувшегося кризиса найти им достойное применение. Критика ваххабитами того неблагополучия, тех социальных неурядиц, в гуще которых и оказалась молодежь, глубоко ей импонирует. Ваххабитские идеологи предлагают простое решение всех проблем: стоит установить на Кавказе шариат, и все будет прекрасно, все заживут счастливо. При этом раздаются призывы установить шариат сразу; не берется во внимание неподготовленность сегодняшнего мусульманского населения Северного Кавказа к таким резким переменам в сознании, светская направленность общественного сознания в регионе, а также довольно слабое понимание сути шариата подавляющим большинством местных мусульман.

Надо принимать во внимание также своеобразное понимание шариата, которое свойственно ваххабитам. Их характеризует чересчур прямолинейная трактовка многих аятов Корана, недифференцированный подход к положениям шариата, среди которых есть те, которые уже давно не применяются в большинстве исламских государств (вроде публичных казней или наказаний плетью). Радикализм ваххабитских идей, соединяясь с социально-экономическими и политическими неурядицами в современном российском обществе, привел к экстремистскому пути развития ваххабизма на территории Северного Кавказа.

В северокавказских республиках, были приняты правовые нормативные акты в отношении ваххабизма. Ваххабизм находится под запретом в республиках Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачае-

во-Черкесия, но не достаёт в этом плане культурно-информационной и просветительской работы в регионе.

Ваххабиты Северного Кавказа, так же как и их предшественники на Аравийском полуострове, заняли непримиримую позицию в отношении всего, что они считают новшеством в исламе. Наиболее актуальной на территории Чечни и Дагестана стала проблема их отношения к широко распространённому здесь суфизму и тесно связанному с ним культу святых. И суфизм, и, тем более, культ святых считаются ими явными элементами многобожия. В Чечне ваххабиты даже пытались уничтожить такой популярный в республике зиярат, как могилу Хеди, матери шейха Кунта-хаджи, главную святыню последователей тариката кадирия. Это, а также последовательно проводимая ваххабитами борьба против других проявлений т. н. «народного ислама», вызывают резкую ответную реакцию сторонников традиционного для кавказской формы ислама пути развития. Особенно много их среди людей старшего поколения, традиционно пользующихся большим уважением у горцев.

Ваххабиты на Северном Кавказе, безусловно, несут определённый дестабилизирующий заряд в силу не только экстремистского характера своего учения, но также и в силу сложившейся там в последние годы сложной экономической и политической ситуации. Массовый приток неофитов в ваххабитскую общину произошёл в самых неблагоприятных уголках Северного Кавказа — Чечне и Дагестане. Ваххабиты очень легко стали разменной картой в политической игре как на Северном Кавказе, так и на всем пространстве бывшего СССР, которую не прочь разыграть самые различные силы. К сожалению, на Северном Кавказе ваххабизм перестал быть просто религиозным течением с крайними взглядами. Ваххабизм сегодня предоставил удобную идеологическую платформу для целого ряда деструктивных сил, которые действуют на Северном Кавказе, начиная с чеченских сепаратистов и заканчивая откровенными бандитами.

Проблема ваххабизма требует крайне осторожного подхода. С ним (как с религиозным течением) не только невозможно, но и ни в коем случае нельзя бороться путем одних только запретов и репрессий. Необходимо ясное понимание того, что ваххабизм — это не только и не столько религиозная проблема. И не всякий религиозный экстремизм надо называть ваххабизмом. Ваххабизм — порождение глубокого социально-экономического и политического кризиса, затянувшегося в пределах бывшего Советского Союза и принявшего особо тяжелые формы в ранее благополучном северокавказском регионе. В руках государства есть важнейшие рычаги, умелое использование которых могло бы позволить сузить социальную базу фундаментализма. В первую очередь — стимулирование экономического развития региона. Северный Кавказ окрасился в «зеленые» тона исламского джихада не по причине своей реакционности, а вследствие неадекватной политики центра и благоденствующего местного руководства, доведших этот стратегически важный регион до нищенского существова-

ния. Живущий в благополучии человек никогда не пойдет на революцию, на экстремизм. Если вернуть Северному Кавказу былое его благополучие, исторически присущую духовность и нравственность, то можно будет надеяться, что здесь наконец-то утвердятся долгожданный мир и спокойствие.

ЭТНОЭТИКЕТ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Введение

■ Этнология Северного Кавказа и, соответственно, та ее часть, которая исследует народную культуру поведения при общении (этноэтикет), представляет собой как минимум два крупных раздела — горские народы и русское население. Материал по этим разделам может рассматриваться по отдельности, что и сделано в настоящем очерке. Русские Северного Кавказа — это самый крупный народ региона. Они не одну сотню лет проживают здесь и, конечно же, восприняли многое из местных обычаев (в особенности это касается казаков), но в целом сохранили общерусские черты культуры, так как на протяжении веков (главным образом в XIX–XX вв.) переселялись на новые земли из самых разных местностей Российского государства. Демографическую основу русского населения исторически составило крестьянство, поэтому культура общения именно этого слоя стала главным объектом рассмотрения в соответствующем разделе данной главы.

Казачество, как военное сословие и особая этнографическая группа русского народа, на территории Северного Кавказа формировалось, начиная с XVI в. (а, может быть и с более раннего времени) из разных этнических элементов, но основу его всегда составляли представители восточнославянских народов, главным образом русского. Этнической особенностью локальных групп северокавказского казачества — терские (гребенские), кубанские (черноморские) казаки, отдельные сообщества линейных казаков — было то, что в его составе изначально присутствовали компактные группы и отдельные представители неславянских и не православных народов. В отличие от запорожских и слободских (полки слободской Украины) казачьих сообществ, в которые принимались люди с обязательным условием принятия православия, в северокавказские казаки, так же как и в донские, волжские, уральские, оренбургские, сибирские, официально принимались лица мусульманского, буддийского и иных вероисповеданий. Так, на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. выходцы из горских народов составляли отдельную станицу Гривенскую в Черноморском войске; в Кизляро-Гребенском полку станицы Александровскую и Шелковскую населяли грузины; в Горско-Моздокском полку служило много кабардинцев, черкесов, карачаевцев, балкарцев, осетин и др.; в Кизляре и Терском городке

еще в XVII–XVIII вв. архивные документы фиксируют немало служилых казаков «магометанского вероисповедания». Это обстоятельство приводило к тому, что бытовая культура северокавказского казачества представляла собой сложное сочетание славянских и горских элементов. Если же учесть, что многие русские казаки женились на представительницах горских народов, создавая многопоколенные родственные узы с ними, вступали в куначеские и деловые контакты с горцами, то не удивительно, что казацкая культура общения стала органической частью общекавказской культуры. Эта ее особенность, наряду с вековой сословной обособленностью казачества от остальных групп русского народа, нередко приводила к существенным затруднениям в общении с ними. Об этом с этнографической точностью писал в своих «Казаках» Л. Н. Толстой: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу... Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски». Вышесказанное делает необходимым при описании этноэтикета русского населения региона фиксировать специфические особенности казацкой культуры общения.

Культура горских народов Северного Кавказа по многим параметрам представляют определенное единство, выделить в ней специфические «этно-национальные» черты порой бывает весьма трудно. Поэтому в настоящем разделе понятие «этноэтикет» нами трактуется как правила общения и поведения, характерные для общенародной культуры горцев Северного Кавказа. «Общенародность» этих правил не отрицает наличия региональных, национальных и сословных особенностей, которые мы стремимся, по мере возможности, отразить.

Вопрос о сословной специфике северокавказского этноэтикета не прост. Многие горские народы региона издавна отличались сложным строением культуры. Формирование задолго до вхождения в состав Российского государства во многих из них элиты в виде аристократии породило раздвоение культуры на два слоя, верхний и нижний, которые у некоторых народов значительно обособились. Так, у адыгских народов сложился сложный комплекс мировоззренческих, этических и этикетных принципов «Адыге хабзэ», который являлся органическим элементом метаэтнической общности адыгских народов и даже признавался у их соседей на Северном Кавказе, т. е. был феноменом общенародным. Но в его рамках существовал и особый кодекс «Уорк хабзэ», адресованный дворянству и князьям. В этом кодексе были и особые положения, специально утверждавшие привилегии знати, но большая часть их представляли собой усиление или дополнительную детализацию общенародных этических и этикетных норм.

Элита раннеклассовых обществ, с вхождением в Российское государство, в разной степени была приобщена к общероссийской элите и ее культуре. В тех обществах, где политическое влияние аристократии было значительным (Кабарда, Дагестан), ее представители были инкорпорированы в российское дворянство со всеми вытекающими отсюда привилегиями и культурными предписаниями. Их культурное бытие, включая сюда и этикет, дополнилось элементами еще одного уровня — российско-дворянского.

Подлинным творцом культуры, в том числе и культуры общения и поведения, на Северном Кавказе был народ. Культура эта, при всем многообразии ее локальных, этнических, региональных вариантов имеет ряд типологически общих черт: отсутствие письменной фиксации — механизм воспроизводства основан на обычае; творцом этикетных норм является народ (подобно тому, как создаются памятники устного народного творчества), авторские нововведения воспринимаются как непристойность; бессознательный характер бытования — нормы этикета не подвергаются рациональной рефлексии, их обоснование покоится на авторитете старших, а народные их этимологии имеют вторичный фольклорный характер; нормы этикета в зоне своего действия обязательны (желательны) для всех, независимо от материального достатка и социального ранга.

В настоящее время, отмеченное серьезными, в том числе и межэтническими, конфликтами на Северном Кавказе, знание норм традиционной культуры общения северокавказских народов является особенно актуальным, так как этикет, как средство общения, по природе своей ориентирован на всех, с кем приходится общаться, независимо от этнической принадлежности партнеров. Именно поэтому он всегда международен и в силу этого несет в себе установки на компромисс и толерантность по отношению к «другим». Поэтому системы этикетных норм имеют тенденцию к максимально возможному «расплыванию» в пространстве исторически сложившихся зон общения.

В настоящем разделе речь пойдет преимущественно о традиционных нормах этикетного поведения народов Северного Кавказа, нормах, которые в наиболее полном виде существовали до эпохи индустриализации и были зафиксированы наблюдателями в XIX — первой четверти XX вв. Социально-экономические процессы советской эпохи привели к исчезновению многих обычаев из общественной практики, но в народной памяти они в большинстве своем сохраняются. В период перестройки на волне «этнического ривайвализма» и движений за «возрождение» этнических культур возникла тенденция к соблюдению многих утраченных обычаев. В этих процессах не последнее место занимает стремление соблюдать нормы традиционного этикета. Во многом это стремление иницируется и поддерживается представителями национальной интеллигенции народов региона. Оно отчасти носит характер романтического утопизма, но, тем не менее, привело к действительному возрождению некоторых обычаев. Отношение к восстановленным древним ценностям традиционной культуры общения и поведения со стороны народа нередко окрашено некоторой

иронией. Можно услышать, что в старину бытовал настоящий этикет, а теперь — лишь жалкое его подобие. Отчасти это верно, но необходимо учитывать, что подобные высказывания путешественниками и исследователями фиксировались и в XVIII, и в XIX, и в начале XX вв. Этноэтикет, как органическая часть традиционной культуры, никогда не остается неизменным, он изменяется и под воздействием исторических событий и процессов. Но в историческом изменении традиционной культуры всегда сохраняются некие неизменные элементы и структуры. В культурном сознании народа всегда присутствует некоторая раздвоенность: «идеал древности» — «злоба дня». В отношении этноэтикета эта раздвоенность на Северном Кавказе имеет созидательный характер, так как идеальные (древние) нормы достойного поведения несут в себе изрядный потенциал поддержания общественного равновесия, справедливости, толерантности, радушия, взаимности и т. п. Пускай идеальные нормы чаще не исполняются, чем исполняются, само знание их и эпизодическое воплощение в поступках некоторых людей выступает существенным положительным фактором современной культуры народов Северного Кавказа.

Этноэтикет горских народов Северного Кавказа

▪ Этническая культура горских народов Северного Кавказа отличается особенным развитием этикетных норм поведения. В этом регионе в течение веков сложилась единая система этикета, которая имеет порой существенные локальные особенности даже в пределах одной этнической общности, но все же обладает рядом общих черт. Можно говорить об особой северокавказской культуре поведения. В этой культуре есть общепризнанные лидеры, законодатели «хорошего тона», к которым относятся адыгские народы (кабардинцы, черкесы, абазинцы, адыгейцы), в особенности кабардинцы.

Один из знатоков Кавказа писал в XIX веке, что «Кабарда искони считалась на всем Северном Кавказе образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Кавказом персияне; отсюда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки; тамошние обычаи, родившиеся при условии существования высшей и низшей аристократии (князей и узденей) и холопов (рабов), прельщали и в других обществах людей, занимавших видное положение между своими...».

Адыгский этикетный кодекс «*адыгэ хабзэ*» не имеет себе равных по сложности, степени разработанности и роли в общественной жизни. Но и у других народов Северного Кавказа сложились подобные кодексы, какими являются «*намыс*» у балкарцев и карачаевцев, «*ирон агдаутта*» у осетин, «*гилакх*» у чеченцев и др.

Не следует думать, что адыгский этикет просто механически, как мода, усваивался народами Северного Кавказа. Скорее, он выступает наиболее разработанной и усложненной формой неких общекавказских принципов,

их «куртуазной» обработкой для нужд многочисленных княжеских и дворянских дворов. Народы, у которых исторически сложились «вольные общества», лишённые аристократической власти, обладают хоть и не таким формализованным и сложным, но не менее тонким этикетом.

Так, чеченцы, практически никогда не знавшие централизованной аристократической власти, обладают своеобразной народной философией этикета. Такие категории их мировоззрения как «куц» (совершенно идеальное, должное в облике, поведении, поступках), «яхь» (моральный кодекс соревнующихся в благородстве), «бехк» (категория выражающая отвращение к нарушениям норм достойного поведения, уважения к старшим), «сабар» (этикетное предписание сдержанности, терпимости) и пр. в жизни каждого чеченца играют важную роль. Это относится ко всем без исключения народам Северного Кавказа.

Об особой роли этикетных норм свидетельствует то, что у некоторых народов региона они воспринимаются как равнозначные юридическим нормам. У кумыков, в частности, правила этикета включаются в сборники адата, служившие еще в начале XX в. основанием для разбора уголовных дел в судебных инстанциях низового уровня — т. н. «народных судах». Сборник Маная Алибека «Адаты кумыков», опубликованный в 1927 г., наряду с разделами, посвященными убийствам, изнасилованиям, воровству и т. п., содержит и такие разделы, как «Адаты по оказанию уважения и почта друг другу», «Адаты, когда прибыл гость», «Отношения жен к мужьям» и т. п., которые, по сути дела, представляют собой этикетные правила поведения и общения. Даже в сугубо уголовных ситуациях правила этикета порой выступают средствами их разрешения, либо наказания виновных. К примеру, в разделе «Адаты при убийствах» есть такое положение: « В случаях, когда родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего *алым* (материальное возмещение, выплачиваемое родственникам убитого — авт.), такой убийца являлся кровником — *канлыем*» князя в течение одного года со дня убийства. Если только его князь не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: «доброе утро» и «добрый вечер» (обычные слова, произносимые при поклоне князю). Такого *канлы* — кровника князя — никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто не осмеливался быть *канлы* князя». Таким образом, нарушитель закона наказывался лишением права на исполнение обычного этикетного предписания.

Общие принципы этикета

▪ Знакомясь с народным этикетом, необходимо учитывать, что любая жизненная ситуация — это общение людей, обладающих различными статусами, соответственно которым нормы этикета и предписывают им вести себя. Все многообразие социальных рангов в этикетной ситуации, так или иначе, сводится к простейшим бинарным моделям, имеющим общую чер-

ту, которую можно образно представить формулой «доминирование — подчинение». Вот ее модификации, существенные для Северного Кавказа:

Доминирование — Подчинение

Лучше — Хуже

Верх — Низ

Перед — Зад

Правое — Левое

Центр — Периферия

Мужчина — Женщина

Старше — Младше

Знатный — Простой

Чужие — Свои

Гость — Хозяин

Гость дальний — Гость ближний

Свойственник — Родственник

Родственник по матери — Родственник по отцу

При всей условности этой схемы, она выражает некие общие принципы этикетного поведения. Так, при встрече двух мужчин первым приветствует младший по возрасту или общественному положению. Прощаясь, младший несколько шагов делает пятясь, так как неуважительным считается поворачиваться спиной к старшему (оппозиция «перед—зад»). Предлагать что-либо следует только правой рукой, так же как и принимать. При любом собрании людей центр занимаемой площади — это место старших, периферия — младших («центр—периферия»). В жилых домах часто делают два входа, передний вход с фасада — для мужчин, задний — для женщин («мужчина—женщина», «перед—зад»). Если супруги идут по улице, то муж всегда впереди на 1–2 шага («мужчина—женщина», «перед—зад»). Если рядом идут 2 мужчины, то почетная правая сторона всегда уступается старшему («правое—левое»). При встрече путников этикетное предпочтение оказывается тому, кто идет сверху, т. е. спускается с гор («верх—низ»).

В обрядах гостеприимства гость обладает этикетными привилегиями перед хозяином независимо от возраста и ранга («гость—хозяин»). При рассаживании гостей на торжественном пиру гостям, прибывшим издалека, оказывается предпочтение перед теми, кто живет по соседству («дальний—ближний»). В повседневной жизни и в торжественных случаях свойственникам (родственникам супруга) оказывается этикетное предпочтение перед родственниками, а родственникам по материнской линии — перед родственниками по отцовской.

Предложенная нами схема имеет свою специфику в различных местностях Северного Кавказа. Так, этикетные нормы аристократических обществ Западного Кавказа (кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, бжедуги) в прошлом особое значение придавали знатности. «Крестьянам, даже седебородым старцам, обычно запрещалось садиться за стол с дворянами и тем более с князьями». В «демократических» обществах гораздо важнее

был возраст, чем знатность. В Советское время знатность в этикетном смысле стала заменяться должностным статусом человека.

Оппозиция «мужчина—женщина» нашей схемы в ряде случаев по своему смыслу прямо противоположна оппозиции «лучшее—худшее», так как кавказский и, в особенности адыгский, этикет часто ставит женщину в предпочтительное положение. При приветствии группы людей первыми приветствуют женщин: у кабардинцев сидящие мужчины, даже если они седобородые старики, всегда встают при появлении женщины, будь она совсем юной девушкой; всадник, повстречавшись с женщиной, обязан спешиться; провожая женщину (если это не его жена) мужчина должен уступить ей почетную правую сторону. Здесь нам видится своеобразная ритуально-этикетная компенсация в целом неравноправного положения женщин и в чем-то даже подчеркивание этого неравноправия.

Общие принципы поведения при контакте людей на Северном Кавказе порой поражают своей изощренностью. Контакт при встрече (в статике) начинается с приветствия, которое почти у всех народов состоит из приветственного жеста правой рукой, поднятой к головному убору (шапку ни в коем случае не снимают — это символ мужского достоинства, ее снятие означает демонстрацию самоуничижения), мужчины обнимаются, пожимают друг другу правую руку, обязательны благопожелания — либо обще-мусульманская формула (у мусульман), либо приличествующая ситуации, возрасту и рангу фраза из богатого фонда кавказского красноречия.

У чеченцев, к примеру, «наиболее общим приветственным обращением людей друг другу является словосочетание *«Марша вагийла!»*, которое дословно переводится «Приходи свободным!».

Рукопожатие у северокавказских народов обычно связывают с арабским влиянием, которое посредством ислама распространилась в регионе, однако, обоснованной представляется и та точка зрения, что рукопожатие имеет здесь древние традиции. В частности, так полагает З. Х.-А. Берсанова в отношении чеченцев: «В рукопожатие вкладывается глубокий смысл, так как с древних времен этот жест означал примирение между двумя врагами, между враждующими сторонами, а также враждующими тэйпами. Обряд примирения кровников также завершался рукопожатием. После этого кровники не имели права поднимать друг на друга руку. Существует даже специальное выражение *«куьйге вахар»*, т. е. дословно — «сошлись руками». Это выражение применяется к кровникам, которые прекратили вражду... поэтому рукопожатием не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть вражды и мести. Например, руку не подают женщине (так как с женщиной не может быть вражды, а, следовательно, и примирения не нужно). Не подают руки подростку, не достигшему возраста, когда можно носить оружие (примерно с 15 лет)... Не здороваются за руку с близкими родственниками (дядей, двоюродным братом и т. д.), так как с ними исключена какая-либо вражда, а, следовательно, и примирения не требуется.... Считается каким-то большим оскорблением не принять протянутую

для рукопожатия руку. Это приводит к серьезным последствиям, вплоть до выяснения отношений между двумя тэйпами. Связано это с тем, что у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, кто совершил антиобщественный проступок, или нечист на руку, берет взятки и т. п. В старинных чеченских песнях нарт богатырь через семь гор преследует того, кто не ответил на его рукопожатие, чтобы выяснить, в чем он провинился, что не заслужил рукопожатия».

Объятия между мужчинами и женщинами на людях категорически исключаются, нежелательны даже случайные прикосновения, кем бы эти женщины ни доводились мужчинам. Надо сказать, что приветственное объятие мужчин — это исключение из общего правила культуры северокавказского поведения — любое прикосновение к собеседнику может быть воспринято в лучшем случае как неучтивость, в худшем — как оскорбление. Не случайно до сих пор в некоторых местностях даже при случайном прикосновении в общественном транспорте, на улице принято извиняться и произносить благопожелание вроде адыгского «Да коснется моя рука тебя добром».

Поведенческая культура предусматривает определенный минимум расстояния между беседующими. Младшие по отношению к старшим должны выдерживать дистанцию в 100–120 см, для этого младший, подойдя для рукопожатия, тут же должен сделать 1–2 шага назад. Между разговаривающими мужчиной и женщиной «приличная» дистанция увеличивается до 1,5–2 м, между женщинами сокращается до 70 см. Если встреча состоялась на лестнице, то младший или мужчина по отношению к женщине должен стоять на 1–2 ступени ниже.

Контакт в динамике (встречи или совместное следование в пути) регламентируется еще более сложными нормами этикета. Как уже говорилось, из двоих, идущих вместе мужчин, младший должен идти слева, уступая старшему почетную правую сторону, но ситуация резко меняется, если к ним присоединяется еще более молодой спутник — он занимает позицию справа. Если же идут вместе еще больше мужчин, то идеальная этикетная модель будет выглядеть следующим образом; (наибольший возраст — 1, возраст остальных в обратной пропорции) для четверых: 3 — 2 — 1 — 4, для пяти: 3 — 2 — 1 — 4 — 5 и т. д. При большом стечении народа (в прошлом — военные операции, сейчас — обрядовые шествия) впереди и в центре — всегда самый знатный или старший. Демонстрацией «благородного смирения» считается манера ходить по улицам селения слева, оставляя возможность встречным оказаться на почетной стороне.

Отходя от старшего или женщины, мужчина должен повернуть налево, оставляя собеседникам почетную правую сторону. Если мужчина следует на встречу женщине, то он должен оставить ее по правую сторону, а встречного мужчину — по левую. Это отражено в кабардинской пословице «Женщину оставляют со стороны плети (она всегда в правой руке), мужчину со стороны оружия». В этих, казалось бы, однозначных предписаниях этикета есть немало исключений и вариаций. Так, повстречавшись с женщиной за пределами селения, мужчина должен учесть не только «стандартный» почтительный

вариант, но и то, где находится селение, с тем, чтобы женщина оказалась между ним и селением (почтительность по формуле «ближе к центру»).

Если мужчина догоняет идущего впереди путника, он в любом случае должен проходить слева от него, обязательно поприветствовать и, если тот, к кому он присоединился, младше его, то это уже дело последнего занять верную, с точки зрения учтивости, позицию. Если же впереди идут двое и больше человек, то нагнавший обходит их справа и в этом случае часто бывает учтивая перестройка с демонстрацией «благородной скромности».

Правила хорошего тона требуют, чтобы, увидев идущих сзади, человек остановился и подождал их, а если входящий в свой дом человек увидит идущего по улице, он обязан подождать его и совершить обряд приветствия. Едущий верхом мужчина при виде идущих пешком по этикету должен спешиться, у чеченцев обычно спешивались всадники, подъезжающие к селению родственников жены, а у адыгов — подъезжающие к усадьбе князя или дворянина. В настоящее время так же поступают особенно учтивы мужчины, едущие на автомобиле, впрочем, есть более облегченный вариант — они при виде старшего или женщины слегка приподнимаются на сидении, не останавливаясь.

В старину если мужчине-путнику адыгу повстречается женщина, делающая тяжелую работу (рубят дрова, несет тяжести и т. п.) считалось проявлением рыцарского духа («уорк хабзэ») настойчиво, но вежливо сделать эту работу за нее и следовать дальше, а также поддерживать (морально, конечно же) женщину, если ей грозит хоть совсем пустяковая опасность — переход через ручей, подъем по лестнице и т. п. Достойным мужчины поступком считалось также проводить до дома встречную женщину. То же самое должен был сделать путник при встрече со старшим по возрасту или рангу мужчиной. У кабардинцев много преданий о том, как юноши в таких ситуациях бросали все свои дела и сопровождали случайных встречных помногу дней, рискуя при этом жизнью.

Внешний вид людей (одежда, прическа, украшения и оружие) играет важную роль в традиционной культуре общения и поведения народов Северного Кавказа. Традиционный мужской костюм по всему региону практически одинаков. Он включает в себя такие общие элементы, как бешмет, надеваемую поверх него черкеску, бурку, папаху.

Женский костюм обладает гораздо большим локальным разнообразием, но повсеместно в нем должны соблюдаться некоторые общие принципы — одежда должна закрывать все участки тела, особенно волосы на голове. Почти везде девушки до замужества должны носить специальный жесткий корсет.

Постоянное ношение головного убора лицами обоего пола на людях — это не просто правило приличия и хорошего тона, но безусловный закон. «Мужчины — черкесы носили головной убор в любое время года и в любом месте, снимали его только на ночь, ложась в постель. Головной убор был олицетворением мужского достоинства, и сбивание его с головы вызывало оскорбление, которое смывалось только кровью».

Такое же ритуальное отношение к головному убору мужчин характерно для всех народов региона. У лезгин «если мужчина в чем-либо проявлял слабость, ему говорили: «Не жить тебе больше под такой папахой» (...) Считали также, что, если заменить папаху каким-либо другим головным убором, это будет равносильно переходу в другую веру. В таких случаях говорили: «Тот разве мужчина, кто папаху сменил на шапку» (...) Если в семье кто-либо совершал непристойный поступок (кражу, бесчестные действия и т. п.), ее глава снимал с головы папаху, плевал туда, затем бросал на землю и с досадой говорил:... («Вы не оставили на моей голове папаху, вы опозорили меня»)» («Больше я недостоин папахи, теперь я платок одену»).

Строгое исполнение этикетных норм внешнего вида и обязательного ношения головного убора как бы своеобразно подтверждается антинормами траурного обряда. У лезгин «Когда умирал молодой человек, имевший невесту или молодую жену, то его близкие родственницы снимали головные уборы, распускали волосы и выходили на площадь — «рат»... Все они прыгали, кружились, били в себя грудь, царапали лицо и рвали волосы на голове».

Внешне выраженным проявлением траура было перекрашивание женщинами всей одежды в черный цвет. Мужчины весь период траура не брились, они не носили особой траурной одежды, но в это время принято надевать скромную однотонную одежду.

Сословная дифференциация некоторых северокавказских обществ сказывалась и на внешнем виде людей. У черкесов «Простое население шило платье (женское — авт.) из простой материи. Высшее же сословие носило платье из бархата, шелка, украшая нарукавные подвески, подольные швы, борта, подол и рукава галунами, серебряной или золотой вышивкой, разнообразнейшим орнаментом. Сословное происхождение девушки можно было определить по цвету и украшению платья. Так, например, красный цвет платья имели право носить только девушки из княжеского и дворянского рода».

У народов Дагестана сословные различия во внешнем виде выражались порой еще резче. В прошлом кюринские и кубинские ханы и беки и их окружение следили за тем, чтобы простолюдины не нарушали этикетные нормы в одежде. «Правители, их приближенные и жены носили тогда одежду, очень отличавшуюся от одежды простого народа. Жены ханов — («хандин бикейр») ходили в белых, желтых и красных дорогих парчовых платьях с золотыми украшениями. По рассказам стариков селения Курах (бывшая резиденция ханов), правители не разрешали простым людям появляться им на глаза в белых папах. Когда хан выходил со своими женами на прогулку, его «чауши» (слуги) ходили по улицам и кричали: «Эй! Люди! Не выходите из дома, не попадайтесь на глаза хана в белых папах! Не появляйтесь в белых платьях! Берегите свои головы!!».

В аdataх ряда народов Северного Кавказа содержится положение о «приличном» одеянии, в котором нижестоящим по сословному рангу следует появляться в кунацкой вышестоящего. «Приличие» означает не только, и даже не столько отсутствия дыр на платье и обуви, сколько недопустимость всего того, что могло бы сравняться или, не дай Бог, превзойти по роскоши наряд князя.

Эта тенденция отчасти сохранилась в ряде мест региона до современности — считается вызывающим и неприличным одеваться особенно роскошно, приходя к вышестоящему начальству. Впрочем, среди мужчин на Северном Кавказе вообще считается недостойным особенно выделяться в одежде. Тенденция к унификации мужского костюма, характерная для региона с древности, сохраняется до сих пор, особенно у среднего и старшего поколений. Вспомним, хотя бы, т. н. «кавказскую рубаху», возникшую в 20-х гг. XX в. в качестве трансформации общекавказского бешмета, или знаменитую кавказскую «кепку-аэродром». Эти и подобные им элементы мужского одеяния становились желательными для «нормального» кавказца, а отступление от них всегда воспринималось, особенно в сельской местности, как претензия на что-то особенное — на «европейскость», «прогрессизм» и т. п.

Прическа и растительность на лице у мужчин в прошлом довольно жестко регламентировались этикетными нормами. Женская прическа, по обычаю, изменялась с возрастом. У девочек, в частности, у лезгин, до 5–6 лет несколько раз было принято сбривать волосы на голове. После этого возрастного рубежа девочки заплетали волосы в две или четыре косы. Ношение одной косы считалось предосудительным и небезопасным — девушка при этом рисковала не выйти замуж, а замужняя женщина подвергала опасности своего отца и братьев. «...Когда женщины бранились друг с другом, они нередко употребляли выражение: «...Чтобы ты с одной косой осталась». В буквальном смысле это означало: «Чтоб твой брат (или отец) умер».

Мужчины в прошлом волосы на голове брили и лишь молодежь (до 25–30 лет) оставляли на макушке хохолок — это было характерно для многих народов региона от Кабарды до Дагестана. С 35–40 лет мужчины отпускали бороду, и это было знаком перехода в возрастную категорию «старших». Более молодым отпускать бороду считалось неприличным — это воспринималось как претензия на не соответствующий возрасту и не заслуженный статус. Бывали случаи, когда молодой мужчина отпускал бороду — если умирали отец и старшие братья, и он становился главой семьи. Усы являлись непременным атрибутом внешнего вида мужчин с того времени, как они начинали расти. Не случайно в советские времена в армейских инструкциях, регламентировавших внешний вид солдат, и исключавших ношение усов, для кавказцев предусматривалось исключение.

Этикет семейной жизни

■ У народов Северного Кавказа основой семейной жизни уже давно является т. н. «малая семья» (супружеская пара и их дети), но традиции большой семьи (объединение родственников в 3–4 поколениях) и патронимии сохраняются до сих пор и проявляются в этикетных нормах.

Культура общения и поведения в рамках северокавказской семьи в прошлом определялась нормами обычного права, в котором мужчина и

женщина занимали явно не равное положение. По этому поводу один из крупнейших знатоков кавказских адатов Ф. И. Леонтович писал о положении осетинской женщины: «Муж есть повелитель и судья своей жены, а жена — первая работница в доме. Она только отправляет всякую домашнюю работу, стряпает кушанье, ткет сукно, шьет на мужа платье, но должна иногда седлать и убирать мужнюю лошадь. Муж имеет право наказывать жену свою за провинность и словами и побоями, даже до увечья, и никто в таком случае не вправе вступить за жену его, ни даже отец или брат ее».

Этикет семейной жизни тесно связан с символической топографией жилища. Эта топография расчленяется на две категории мест — «мужское—сакральное» и «женское—профанное». В общем зале самым почетным считается место у очага, наиболее удаленное от входа — это место хозяина, главы дома. У адыгов оно называется *жанта* (так в старину называли глинобитный диван), на него даже в отсутствии главы дома никто из домашних не может сесть. Оно обычно предлагается хозяином самому почетному гостю, на этой же стороне обычно размещаются гости по старшинству — чем моложе гость, тем ближе он к выходу. У самого выхода располагаются т. н. «истопники» — молодежь из числа родственников хозяина, ответственная за поддержание огня в очаге. Характерно, что подобная иерархия расположения мест наблюдается и в государственных учреждениях Северного Кавказа. Чем старше по должности или возрасту сотрудник, тем дальше от входа располагается его рабочее место.

У ногайцев, сохранивших до недавнего времени переносное жилище кочевника — кибитку (оно сохранилось в быту чабанов), его этикетная топография была, в принципе, такой же, но с некоторыми особенностями. «В кибитке нет ни стульев, ни скамьи... С трех сторон только внутри кибитки постлан на земле плетеный камыш (*орэ*), на камыш разостланы вышитые и простые войлоки (*гиииз*), которые уставлены несколькими подушками. Почетным местом в кибитке является северная сторона, приходящаяся прямо против дверей (ногайская кибитка, как и вообще жилище тюркоязычных кочевников, всегда ориентируется входом строго на юг — авт.), и это место более других обставлено подушками. Хозяйка или старшая жена всегда сидит в кибитке по правую сторону ее (если смотреть со стороны входа — авт.), где котлы, съестные припасы и все добро».

Находясь у очага, все обязаны соблюдать особые этикетные правила — нельзя не то что браниться, но и говорить и смеяться слишком громко, выяснять отношения, показывать недовольство чем-либо, делать резкие движения, бросать в огонь мусор. Это объясняется особой сакральностью очага, отраженной в фольклоре всех народов Кавказа. Самым страшным проклятием у чеченцев, обычно обращенным к кровному врагу, является формула «Пусть потухнет огонь в очаге твоего отца!», что означает: пусть прервется потомство, погибнет твой род. В прошлом даже кровный враг хозяина, сумевший живым войти в дом и притронуться к надочажной цепи, делался неприкосновенным.

С надочажной цепью на Северном Кавказе вообще связано огромное количество поверий, преданий и этикетных предписаний. Об этом писал известный кавказовед Г. Ф. Чурсин: «Надочажная цепь — самый священный предмет в старом осетинском доме. В прежнее время очажная цепь считалась величайшей семейной святыней: украсть цепь, выбросить ее из дома, или как-нибудь иначе оскорбить ее, было все равно, что совершить убийство, из-за этого возникала кровная месть». Ему вторит В. Ф. Миллер: «У осетин очаг и железные цепи (*рэхыс*), свешивающиеся над очагом, считаются святилищами сакли. Держась за цепь, осетин произносит клятвы; в брачном обряде, до введения христианства, невесту водили три раза вокруг цепи, после чего брак считался формально совершенным».

Правила поведения по отношению к очагу включают и запреты на передачу огня из него чужим людям. «Почти везде на Кавказе считалось позорным просить огонь для очага в чужом доме, да и получить его было делом непростым. Были определенные дни, когда огонь из очага на сторону не давали вообще (такие дни считались «несчастливыми», «запретными»). Например, у чеченцев и ингушей таким днем считалась среда, которая до принятия ислама считалась днем, посвященным богу огня Сели. В этот день не то, что огонь, из очага нельзя было выметать даже золу».

Женская половина дома является абсолютно запретной для посторонних мужчин. Вход в помещения женщин даже для мужчин своей семьи нежелателен, а попытка посторонних войти в них, будь они даже самыми почетными гостями, воспринимается как оскорбление главы дома. Мужчина роняет свое достоинство, прикасаясь к предметам женского обихода и вступая с женщинами в разговоры, не предусмотренные правилами хорошего тона.

Общение мужчины и женщины особенно ограничено в период, предшествующий родам, и в течение 40 дней после них. В это время женщина считается «нечистой», и поэтому мужчинам семьи нежелательно даже видеть ее, не говоря уже о других контактах с ней. Впрочем, такое «избегание» сопряжено со шадящим режимом жизни роженицы — ей запрещается работать, считается необходимым оберегать ее от лишних волнений, ей готовят специальные блюда. Традиционное ограничительное поведение в отношении рожениц характерно и для современности — на Северном Кавказе редко можно увидеть мужа, навещающего жену в роддоме или встречающего ее там после родов и еще реже — несущего по улице новорожденного.

Правила поведения в отношениях между главой дома и его женой выступают основой семейного этикета. Эти правила имеют черты особого установления, именуемого в этнографии избеганием или ограничительным поведением. Этикетные принципы избегания мужчины и женщины начинают соблюдаться задолго до бракосочетания. У чеченцев «жених должен прятаться не только от своих родственников, но и от родственников жены. Причем, если от своих родственников он должен скрываться до окончания брачных церемоний, то от родственников жены — до тех пор, пока не нанесет официальный визит в дом родителей невесты.... В отличие от жениха,

невеста не только имеет право присутствовать на свадьбе, но и является главным объектом внимания всех присутствующих». Впрочем, у других народов региона и невеста не может присутствовать на свадьбе.

Примерно так же дело обстоит, да и сейчас во многом обстоит у осетин. «После сватовства поведение как девушки, так и парня менялось. Парень (уже зять) с этого дня начинал избегать (прятаться — *йэхи эмбэхсын*) отца и мать невесты, а также старших мужчин из рода тещи. Он не должен был даже проезжать по той улице, где они проживали. А если ему случалось ехать верхом там, то, приближаясь к дому того или другого родственника девушки, он сходил с лошади. Минувя этот дом, и пройдя еще некоторое расстояние пешком, он снова садился на лошадь и ехал дальше». Девушка после того, как ее просватали, не должна появляться в одиночку рядом с домом своего жениха. Она могла проходить рядом только в сопровождении своих подруг и при этом должна скрывать свое лицо платком».

Избегание проявляется и в том, что мужу и жене не полагалось находиться в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, оставаться наедине. Известный этнограф В. Ф. Миллер писал в прошлом веке об осетинах: «муж часто сильно любит жену, но вместе с тем считает позором, если его застанут с ней наедине, и при посторонних, встречаясь с женой, не решается с ней заговорить». Супруги при посторонних не могли называть друг друга «мужем» и «женой» и по имени. При необходимости как-то называть друг друга говорили «он», «она», «хозяин», «живущая в доме» и т. п.

У кумыков и, особенно, среди аристократии «жены не вмешивались в дела мужей. Последние не ходили к женам до полуночи, когда они шли спать... Порядочные жены делали все, что им скажут мужья и, не разбираясь, правильно ли это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь, то они не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что если придет с их мужьями кто, то придется им стыдиться перед ними. Были и такие среди мужей, которые давали развод своим женам за то, что их застали спящими. Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли мужей по имени из уважения к ним. Родственникам своих мужей они давали особые почетные имена, не называя их настоящим именем. С отцами мужей они не говорили до смерти».

Ногайская женщина в некотором отношении обладает большой свободой по сравнению с женщинами других народов региона, в чем отражается характерная для кочевников относительная мягкость нравов. Но и у ногайцев «она не имеет права при старших говорить, рассуждать, называть по имени мужа. Да и сам ногаец считает для себя унижением и стыдом называть свою жену по имени... Когда у молодого ногайца умирает жена, то он не только не должен плакать, но даже показывать вид, что он грустит по умершей».

Поведение в отношениях между родителями и детьми также регламентировано нормами этикета. Эти нормы предписывают родителям демонстративную сдержанность по отношению к детям, особенно это касается отцов. У всех народов Северного Кавказа отец в присутствии старших не может взять

детей на руки, приласкать их, поиграть с ними. Коста Хетагуров вспоминал: «только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволено отцу дать волю своим чувствам и помянуть и приласкать детей. Если осетина-отца в прошлые времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? не видал ли кто нашего мальчика?».

Еще более впечатляющий случай, скорее всего, ставший легендой, гипертрофированно выражающей поведенческую норму из старинного быта кумыков приводит М. Алибек: «Янсук — Хаджи Таулу-заде, когда увидел, выйдя из своей кунацкой и войдя в конюшню, своего малолетнего сына, поднятого быком на рога, не сняв его, пришел обратно в свою кунацкую — «Там в конюшне один ребенок плачет». После чего его домашние пошли в конюшню и сняли его ребенка с рогов быка».

Поведение матери, конечно же, не так строго регламентируется, как поведение отца, но и мать на первых порах после рождения ребенка делает вид, что ничего общего с ним не имеет, она выполняет предписания запрета на имена своих детей.

Совершенно иная модель поведения между дедушками, бабушками и внуками. Здесь позволительны ласки, совместные игры в присутствии посторонних. Кстати, запретные в отношении родителей слова «папа», «мама», часто употребляются при обращении к деду и бабушке.

Поведение детей в семье в целом отличается почитательностью и послушанием по отношению ко всем взрослым, но степень строгости зависит от возраста. Можно выделить два возрастных рубежа: 6–8 и 10–12 лет. До 6–8 лет дети независимо от пола практически ни в чем не ограничивались, мальчики и девочки играли вместе, к труду их не привлекали. С 6–8 лет мальчиков и девочек начинали постепенно обособлять, причем, к девочкам с этого возраста проявляют больше строгости, их приобщают к женским домашним работам. У даргинцев мальчики с этого возраста избавляются от видимого признака младенчества — им срезают пучок волос, оставшийся на макушке с рождения.

С 10–12 лет мальчиков переводят из общей комнаты, где они до этого спали вместе с родителями, в кунацкую, а девочек — в особые помещения. Мальчикам выдавали более полный комплект мужской одежды, а на девочек у некоторых народов надевали корсет, который они носили до замужества. С этого времени девочки, даже если они не были половозрелыми, должны были вести себя как взрослые. Им нельзя было находиться вне дома с наступлением темноты, оставаться наедине с подростками и юношами.

В этом возрасте дети должны усвоить весь комплекс этикетных правил поведения в общественных местах. Мальчики усваивали, что каждый взрослый может попросить их об услуге и отказаться выполнить ее нельзя, что с взрослым нельзя заговорить первым, обогнать его или пересечь ему дорогу и т. д. И мальчики и девочки должны к этому возрасту усвоить и вы-

полнять все знаки внимания к старшим и лицам противоположного пола, причем девочка должна соблюдать почтительность в отношении своих сверстников — мальчиков: уступать дорогу, освободить место и т. п., поскольку мужчина считается старше женщины. В это время мальчики и девочки уже должны демонстрировать знаки взаимного отчуждения.

Впрочем, взаимное отчуждение полов на Северном Кавказе не следует преувеличивать. В традициях народов региона существуют санкционированные обычаями формы общения молодежи, которые в чем-то похожи на русские посиделки (беседы, хороводы, вечерки и т. п.). У аварцев они называются «цадух чей» («сидеть у огня»), у даргинцев — «булькунза» (перевода нет), у лезгин — «хурук фин» (означает — «идти в гости, чтобы скоротать длинный зимний вечер»), у лакцев — «дуссухалу» (означает — «посидеть вечером у огня; собраться у кого-либо»). Молодые девушки собираются повеселиться, попеть, потанцевать, заодно выполняют небольшую работу.

Бывают посиделки, которые проходят с участием мужчин, обычно молодых. «Юноши приносят с собой музыкальные инструменты, выступают инициаторами веселья. Обычно, располагаясь полукругом друг против друга, образуют в центре пространство для танцев. Танцуют обычно парный танец типа лезгинки».

У многих народов Северного Кавказа ритуальным рубежом, отделяющим отрочество от взрослого состояния, были обряды, напоминающие древние инициации. Локальные их формы чрезвычайно многообразны, но суть везде примерно одна и та же — мальчиков подвергали испытаниям на физическую и психологическую выносливость, на знание обычаев и, если они выдерживали эти испытания, их официально признавали полноправными мужчинами. Одним из элементов инициации можно считать обрезание (удаление крайней плоти). Этот обычай, как правило, связывают с установлениями ислама, но на Северном Кавказе зафиксированы районы, где эту операцию делают не в раннем, как положено по мусульманским законам, возрасте, а именно на пороге возмужалости, в 15–17 лет. У осетин-мусульман эта операция производилась как составная часть сложного обряда испытаний.

У цезских народов Дагестана мальчики помещались на мишень, а взрослые мужчины стреляли по ней, испытуемые надолго оставались под дождем. У адыгских народов подобные испытания дополнялись проверкой знания этикета. В некоторых районах старейшины торжественно объявляли на аульном сходе имена юношей, с честью выдержавших испытания и получивших права мужчины, что наряду с прочим означало переход в состояние особой этикетной регламентированности поведения и общения.

С особенной строгостью в северокавказской семье соблюдались правила поведения в отношении свойственников — невестки и родственников ее мужа, и зятя и родственников его жены. Невестка, в особенности молодая, была ограничена в поведении практически во всем: «Никто не слышит ее голоса, никто не видит ее сидящей, — пишет об осетинской невестке Коста Хетагуров, — встает она раньше всех, везде подметет, уберет, всем

прислуживает, ест наскоро и позже всех, ложиться спать позже всех...На ее плечах все заботы о семье у домашнего очага. Она должна всех обшить, напоить и накормить... Исключая платья, женщина не имеет никакой собственности, ни от отца, ни от мужа ничего не переходит к ней по наследству». Обычай предписывал молодой осетинской жене оказывать подчеркнутые знаки почтения к мужу, она, «пока не снимет обуви с мужа, никогда не ляжет спать». Какое-то количество лет после свадьбы она не имела права разговаривать со старшими родственниками мужа, в особенности с его отцом и дедом; не могла находиться с ними в одном помещении, прямо смотреть на них; не могла называть всех родственников мужа по имени, используя для этого условные имена (свекор и свекровь у адыгских народов именовали «князем» и «княгиней»). Избегание было не односторонним, а обоюдным. Свекор сам никогда не входит в комнату, где живут его сын и невестка, и даже не приближается к ее двери.

С течением времени, когда у невестки рождались и подрастали дети, правила избегания постепенно смягчались, но никогда не исчезали вовсе. Получив право находиться в одном помещении со свекром и общаться с ним, она, как правило, никогда не заговаривает с ним первой без особой нужды и ограничивает свое общение лишь ответами на его вопросы. Отмеченный ранее обычай устраивать два отдельных входа в дом — для мужчин и женщин — следствие этих правил избегания.

Приниженное положение женщины в северокавказской семье, о котором так много написано, не следует, однако, преувеличивать. Эта приниженность часто имеет этикетный и ритуальный характер. В действительности же в семейной жизни женщины в ряде вопросов играют весьма важную роль. Особенно это относится к так называемым «старшим женщинам», у карачаевцев и балкарцев — *юй бийче*, у ногайцев — *авай*, у абазин — *акважа*, у кабардинцев — *гуаше*. Старшие женщины играли важную роль в семейном религиозном культе, так как выступали хранительницами главной семейной святыни — очага. Они были полновластными хозяйками и распорядительницами на кухне и в кладовой, куда мужчины в большинстве случаев вообще не имели права входа. Без их участия не принимались никакие решения о приобретении одежды и предметов домашнего обихода. Они были абсолютными госпожами в отношении всех женщин семьи (дочерей и невесток), распределяли между ними работу и пользовались правом получения от них всех внешних проявлений почтения. Без разрешения старшей женщины дочери и невестки не смели покинуть дом, даже если нужно было пойти по воду к источнику или по хозяйственным делам к соседям.

Избегание мужчиной родственников своей жены, распространенное по всему Северному Кавказу, касалось преимущественно старших из них. Выражалось это избегание в том, что мужчина не посещал дома родителей своей жены, а те — его дома. Увидев тестя или тещу в общественном месте, зять, если это происходило на улице, переходил на другую сторону, а если в государственном учреждении, то ретировался и возвращался после их ухо-

да. Особенно строго эти предписания выполнялись у черкесов и адыгейцев. У них они соблюдались всю жизнь, у других народов их выполнение ограничивалось каким-либо периодом — либо до рождения первого ребенка, либо до специального ритуала «знакомства». Осетины, карачаевцы, балкарцы избегают тещу более строго, чем тестя.

У чеченцев «после официального посещения родителей жены зять вступает с ними в особые отношения, которые называются *«нойцамеладар»*, смысл которых сводится к тому, что он должен «служить» родственникам жены, т. е. быть в курсе всего, что происходит в их семье и быть всегда на чеку, когда в чем-то потребуется его помощь».

Особая живучесть обычаев избегания на Северном Кавказе объясняется особыми условиями исторического развития этого региона. К этим условиям можно отнести отсутствие здесь в прошлом развитых форм государственности, которые в других местах России уже давно вытеснили из сферы активного функционирования такие социальные институты, как род, патронимия и тому подобные генеалогические образования.

Активное вторжение в жизнь северокавказских народов государственных институтов в годы Советской власти привело, наряду с прочими причинами, к значительному упрощению этикетных норм ограниченного поведения. В это время и, в особенности в городах практически исчезли элементы избегания между мужем и женой, родителями и детьми, но все еще принято демонстрировать особо сдержанные отношения между зятем и тещей, невесткой и свекром, а в ряде местностей (на западе региона) избегание этих категорий свойственников осуществляется в полном объеме.

Особый раздел культуры общения и поведения составляют нормы, регулирующие отношение к больным и раненым. Традиционные приемы лечения и ухода за больными представляют собой, как правило, сочетание религиозно-магических и рациональных медицинских представлений и действий. Не вдаваясь в анализ собственно религиозного и медицинского содержания этих приемов, можно представить чисто поведенческие аспекты этой важной стороны семейного быта народов Северного Кавказа.

В прошлом особый страх вызывали эпидемии чумы, холеры, оспы. Вот какие предписания в отношении больных оспой зафиксировал у черкесов известный кавказовед Е. М. Шиллинг: «... обычай запрещал семье больного стирать белье, мыться, чтобы оспа не подумала, что ее считают нечистой. Ежедневно в доме больного родственники устраивали песни, пляски и игры в честь оспы. Готовили особое угощение «оспенный хлеб» — выпуклые и плоские кусочки вареного просяного теста, напоминавшие оспенные нарывы. Родственница с чашкой, наполненной «оспенным хлебом», подходила к больному с молитвой, трижды проводила тупой стороной ножа по хлебу и угощала сперва больного, а затем остальных. Считалось, что семья, таким образом, усыновляла оспу, которая и становилась ее покровителем».

У ряда народов региона, наряду с отмеченными запретами, существовали запреты принимать какие-либо лекарственные снадобья, приносить к

большому кипяченую воду, разводив в его помещении огонь и др. По обычаю на похоронах умершего от оспы не разрешалось внешне выражать горе и, напротив, предписывалось демонстрировать радость.

Персонификация оспы в приведенных примерах — это, конечно же, действие магическое, но сам факт наделения этой болезни признаками личности как бы автоматически включает ее в систему этикетных отношений, то есть вести себя по отношению к ней как к могущественному гостю или даже как к родственнику.

Определенным этикетным «измерением» отличаются некоторые обычаи, связанные с уходом за ранеными и получившими увечья. В частности, примечателен в этом отношении распространенный среди адыгских народов обряд ухода за раненым — *чапш*. В этом обряде среди различных магических действий существует и такое: «рядом с постелью ставили чашку с водой и яйцом, а также располагали лемех с молотком. Считалось, что если рана была нанесена предумышленно, то от удара молотком по лемеху яйцо треснет. Затем пострадавшего вносили в помещение и посылали за лекарем. Как только тот завершал свое дело, к пострадавшему начинали сходитья жители села. Друзья и родственники должны были привести для угощения гостей жертвенное животное. Закалывали его с молитвой о скорейшем выздоровлении. Обычай предписывал, чтобы каждый, кто впервые пришел, ударил три раза по лемеху, окропил водой из чаши постель и произнес благопожелание: «Пусть бог поможет выздоровлению и даст много лет жизни».

Одно из назначений *чапша* — не дать раненному уснуть ночью, так как по народным поверьям ночная темнота полна зловредных духов, перед которыми спящий в одиночестве больной особенно беззащитен. Именно поэтому на *чапш* ночью принято являться молодежи села с музыкантами и устраивать пирушку с танцами, играми, песнями. У адыгов даже сложились особые жанры «чапшевых песен» и «чапшевых игр», в частности, игра, в ходе которой молодежь старается надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревке.

По материалам И. Х. Калмыкова обряд *чапш* в почти полном объеме бытовал у адыгов до Великой Отечественной войны, а к настоящему времени от него сохранился обычай (этикетный) обязательного посещения пострадавшего всеми родственниками и друзьями.

Этикет общественной жизни

■ Нормы традиционного этикета, регулировавшие поведение северокавказских народов, наряду с уже отмеченными общими принципами, определялись традиционными социальными институтами, к которым нужно отнести сословия, народные собрания разных уровней (от сельского до общенародного), советы старейшин, мужские союзы, кровная месть, война, общественные праздники и обряды, символические формы коммуникации и то, что можно условно назвать «соревновательностью».

Сословный строй, особенно характерный для запада (адыгские народы, карачаевцы, балкарцы) и востока (народы Дагестана) региона в прошлом в этикетной сфере находил отчетливое выражение. Так, например, у кабардинцев коновязи на дворе располагались согласно сословной иерархии — для князей ближе к дому, для дворян — дальше от него, а для крестьян — порой за пределами двора.

Князю (*пши*) всегда предназначалось самое почетное место. В XIX в. существовали даже специальные документы, регламентирующие поведение в зависимости от сословного ранга, подобные «Выписке о привилегированных сословиях Кабардинского округа», относящейся к 1872 г. Вот характерная выдержка из этого документа: «Окружающие князя при следовании сего последнего верхом или пешком размещаются следующим образом: почетный ворк (дворянин — авт.) с левой стороны князя, другой ворк, по летам и званию следующий за первым, — с правой стороны его; остальные размещаются сзади и по сторонам...».

Правила подобного рода соблюдались очень строго. Известный автор XIX в. Крым-Гирей, принадлежавший к сословию хануко (потомки крымских ханов, высшая ступень адыгской феодальной иерархии — авт.) вспоминает, как однажды, находясь в мечети и, полагая, что здесь «перед Богом все люди равны», он встал слева от человека низкого ранга. Мулла прервал молитву и заставил простолюдина встать там, где положено его званию. В ряде случаев сословные перегородки делали несовместимыми многие вещи. Так сидеть за одним столом дворянам высоких степеней и крестьянам было нельзя. Последние в лучшем случае стояли у стен помещения или у входа в него.

Особые этикетные права аристократов часто означали и определенные их обязанности. Право быть «первым» за столом сочеталось с правом и обязанностью быть первым в бою, последним при отступлении.

Впрочем, социальная иерархия, получившая в этикете Северного Кавказа столь отчетливое отражение, порой как бы отменяется. Это видно в случаях амбивалентного отношения к париям общества — нищим, юродивым, слабоумным. Всеми презираемые, они, в то же время, пользуются особыми правами на демонстративную почтительность по отношению к себе. Эта сложная поведенческая модель находит, порой, отражение в легендах, связанных с канонизацией в местных вариантах народного ислама умерших «убогих». В качестве примера можно привести культ юродивой Айишгай из аула Шиназ в Дагестане. «Эта отверженная 16-летняя девушка, презираемая всеми за неряшество, однажды вывела на дорогу заблудившихся в горах паломников, возвращавшихся в Шиназ после хаджа в Мекку. Вскоре после этого случая Айишгай пропала из села. Этого было достаточно, чтобы объявить ее святой. Спасение паломников было признано первым чудом Айишгай, совершенным ею по воле Аллаха. Хотя тело новой святой не было обнаружено, ей все равно построили каменный мавзолей возле того дома, где она жила».

При всех своих привилегиях аристократия северокавказских народов не выпадала из общенародного правового пространства. Князя и дворя-

не несли ответственность за нарушение законов, причем ответственность эта связывалась с аристократическим рангом нарушителя и нередко выражалась в том, что его лишали права на приличествующее этому рангу этикетное выражение почтительности со стороны простолюдинов. В памятнике «Адаты кумыков» есть такое положение: «Если этого годовичного канлы (человека, ворвавшегося с целью кровомщения в дом, представивший убежище его кровнику и убившего его, и за это по решению суда изгнанного на год из общества — авт.) в течение года не убьет домохозяин, то, если он из княжеского рода, по возвращении ему не оказывали подобающей князю чести — как «доброе утро», «добрый вечер», а если же он уздень (у кумыков — дворянин — авт.), то говорили по его адресу: «он низкое существо», «он не человек», и его не допускали ни в какие общественные сборища (или вообще в какие либо сборища)».

Помимо признанного и регламентированного почитания аристократии со стороны простого народа в некоторых обществах Северного Кавказа в прошлом существовала своеобразная шкала степеней уважения, которая имела особое значение в системе традиционного этикета. И. Бабич собрала этнографический материал по этому вопросу и представила условную иерархическую схему степеней уважения и неуважения, бытующих у кабардинцев.

В приближительном переводе с кабардинского категории, отражающие степени уважения от наивысшей до самой низкой, выглядят следующим образом: «приравнять к пророку», «почитать», «признавать авторитет», «оказывать уважение». Существует и иерархия степеней неуважения от минимальной до максимальной: «не считать человеком», «приравнять к собаке», «рассматривать как не помнящего родства, незаконнорожденно-го, собакой рожденного».

Степень «оказывать уважение» относилась к людям, «которые никакими особыми личными качествами не выделялись, но, вместе с тем, ничем в моральном отношении себя не запятнали». В отношениях с ними принято соблюдать элементарные нормы этикета — «поздороваться при встрече, задать вопрос о жизни и здоровье, оказать в случае необходимости помощь. Независимо от биологического возраста таких людей, при них не запрещается курить, пить, рассказывать анекдоты. Окружающие могли не следовать советам этих людей».

В присутствии людей, обладающих правом на «признание авторитета» (право на это давали особые личные качества, заслуги перед обществом, выборная должность и др.), «...не разрешалось курить, пить, перебивать их во время беседы. Их места были самыми почетными в доме. При появлении «авторитетных» людей надо было вставать. Окружающие обязаны были прислушиваться к советам, данным «авторитетными» людьми. Во время застолья следовало вспомнить о них, произнести похвальное слово».

Людей, завоевавших право на «почитание», в кабардинских селениях было мало. Это были люди, совершившие военные подвиги, получившие особые знаки отличия (царские ордена, медали), имевшие заметный чин, особо

талантливые поэты-сказители (джегуако), а также князья и уздени первой степени, но не все, а обладавшие выдающимися личными качествами (мудрость, благородство, справедливость и т. п.). «Почитание» проявлялось, в первую очередь, в соблюдении ряда этикетных норм поведения. Так, если во время застолья случайно произносилось имя «почитаемого» человека, то присутствующие обязаны были произнести тост в его честь. «Почитаемые» кабардинцы могли примирять людей во время ссор, драк, кровной мести, кражи невест. Их обязательно приглашали для бесед с гостями, на свадьбы и похороны».

Степень уважения, именуемая «приравнивать к пророку» — редкое явление в кабардинском обществе. Ею общественное мнение удостаивало «только очень умных и добрых людей, не запятнавших себя ни сплетнями, ни черствым отношением к окружающим. Обычно в селении было 2–3 таких человека. При наличии особых заслуг таким человеком мог быть религиозный лидер. Однако военные, независимо от своих достоинств, не могли быть «приравнены к пророку». Такими людьми иногда бывали судьи. Уважение к людям, которых «приравнивали к пророку», проявлялось, прежде всего, в незамедлительном следовании их советам. Во-вторых, их обязанностью было примирять врагов, вмешиваться в различные дела, касающиеся всего селения».

Этикетное отношение к людям, запятнавшим себя позорными делами, выражалось в демонстративном неуважении, степень которого зависела от степени низости совершенного проступка или преступления — от отказа здороваться и общаться с ними и нежелания приглашать на семейные и общественные торжества до запрета на публичное произнесение их имен и на оказание им помощи. Таких людей иногда просто изгоняли из общества.

В «вольных обществах» Северного Кавказа (Чечня, некоторые группы Дагестана и Западного Кавказа) этикет общественной жизни регулировался соображениями возраста и статуса в соответствующей общинно-генеалогической структуре. У многих из народов региона существует общенародная святыня, определяющая важнейшие категории бытия людей родовые и иные группировки, принципы взаимоотношений между ними, отраженные в легендах и исторических преданиях. У чеченцев «духовным и историческим центром являлась местность Нашха, где находился большой котел, на котором были начертаны названия всех исконных чеченских тайпов (нихалой, терлой, гуной, беной, варадой, харачой, центорой, пешхой, аларой, ишхой, белгатой и т. д.). Котел — это символ единства, родства всех чеченцев (как семья, собравшаяся на трапезу вокруг единого котла)». При решении дел на народных собраниях или сельских сходах в Чечне решающий голос имели старейшины — главы больших семей, а если в селении жили представители разных тэйпов, то старшины каждого из их местных подразделений. Процедура принятия решений на сходах представляла собой своеобразный ритуал, в котором конечный результат определялся не формальным статусом сторонника того или иного варианта, а его неформальным авторитетом и, не в последнюю очередь, ораторским искусством, которое на Кавказе всегда было чрезвычайно развито.

На сельских сходах решения принимались, чаще всего, голосованием. Для голосования по важным вопросам (изгнание преступника из общины, передел земли, сбор денег и т. п.) было необходимо присутствие не менее двух третей имеющих право голоса. В разных общинах, в зависимости от существующей традиции, голосование было либо открытым, либо закрытым. В Осетии в ряде мест открытое голосование проходило следующим образом: «Все становились в ряд, голосующие «за» выходили в одну сторону, а «против» — в другую».

Главным средоточием общественной жизни народов Северного Кавказа являются своеобразные общественные центры — места проведения общественных сходов, в которых принимают участие только полноправные мужчины. Здесь помимо официально назначаемых собраний и судебных разбирательств, мужчины проводят время в беседах, устраивают обряды, а порой и пирушки. Женщинам в эти общественные центры вход воспрещен, а порой и близко приближаться не разрешается. Название этих общественных мест — у осетин *ныхас*, у аварцев и даргинцев *годекан*, у адыгских народов *хаса*, у чеченцев и ингушей *пхоча*, у карачаевцев и балкарцев *ныгыш*, у лезгин *ким* — чаще всего относилось и к общественному сходу. Своеобразными филиалами общественных мест можно считать кунацкие (специальные гостевые дома или помещения для мужчин). Они бывают нескольких типов. Один из них представляет собой отдельный дом, стоящий либо в усадьбе хозяина, либо на некотором расстоянии от нее. Этот тип наиболее всего характерен для адыгских народов, но встречается по всему региону. В Дагестане он известен у кумыков, лакцев и лезгин. Другой тип — это отдельное помещение в доме. В большинстве случаев кунацкая — это часть семейного имущества, но бывают и принадлежащие всему сельскому обществу. Это характерно, в частности, для балкарцев.

У ногайцев, кочевые поселения (аулы) которые в прошлом никогда не были многолюдными, «всегда устраивалась одна особая кибитка для приема гостей. Поскольку в ауле, как правило, жили родственники, то старший из них — *аул бай* — и занимал эту самую большую и самую богатую убранством кибитку. На него ложились обязанности приема почетных гостей от лица всего аула. В этой же кибитке он проводил и аульные советы».

И место общественного схода, и кунацкая свойственны всем народам Северного Кавказа — и «вольным обществам», и обществам с выраженными аристократическими рангами. Но в жизни этих двух типов социальных структур они имеют разное значение, а порой находятся в оппозиции. Так, наблюдатели в прошлом обращали внимание на то, что у осетин «высшее сословие считает унижительным для себя ходить на холм (*нихас*), так как туда собираются люди из низшего сословия». Каламбий (Кешев А. Г.) писал о подобной ситуации у адыгов: «Заседатели холма, состоящие исключительно из людей работающих, из крестьян и тех обедневших дворян, которым судьба всучила в руки лопату и топор... питают неодолимое отвращение к сословию праздных, занятых одними лошадьми и оружием дво-

рян. И это весьма понятно. У заседателей холма свои особенные наклонности, свой образ мыслей, свой взгляд на вещи, свои идеалы, прямо противоположные стремлениям, воззрениям и идеалам кунацкой». При явном антагонизме «холма» и «кунацкой» в некоторых обществах, оба этих института все же представляют собой в этикетном смысле хоть и дифференцированное, но единое пространство. Поведение в этих местах довольно жестко регламентируется обычаями. Весьма показательной для северокавказского схода может служить ситуация на осетинском *ныхасе*, на котором в центре полукругом сидят старейшины — *хистэертэе*, далее от центра концентрическими полукругами обязательно стоя располагаются зрелые мужи, молодые мужчины и юноши. Молодые мужчины и юноши в ходе обсуждения и принятия решения *ныхасом* по правилам этикета преимущественно молчат.

Вне официальных ситуаций *годекан*, а также часто и примыкающая к нему мечеть служат как бы открытым мужским клубом, где многие проводят большую часть свободного времени. В одном из описаний XIX в. образ жизни мужчин у лакцев представлен следующим образом: «...мужчины редко спят дома: молодые люди отправляются обыкновенно на ночлег на улицу или на площадь, а кто постарше — в мечеть. Спящие на улице и на площади лежат на камнях, положенных там как для этой цели, так и для сидения днем, а укрываются овчинными шубами. Кроме старших, в мечети спят еще приезжие. Горцы вообще гостеприимны; поэтому всякий приезжий, не имеющий в ауле кунака (знакомого), приходит на площадь перед мечетью, где всегда найдет праздных людей; как скоро он объявит, что у него нет кунака, *чауш* (слуга — авт.) препровождает его к тому из жителей, на ком лежит очередь гостеприимства, и последний обязан накормить гостя как можно лучше, дать ему шубу и проводить на ночлег в мечеть».

Этикетные предписания принято соблюдать на *годекане*, *ныхасе*, *пхоге* и т. п. и в неофициальных ситуациях. Показательна в этом плане информация, собранная С. С. Агашириновой о правилах, предписывающих темы разговоров на разных *кимах* лезгинского аула Хрюк. Так на первой площади — «*Бтлур мяглед ким*» большей частью только сплетничали. Если кто-то в селении хотел «новости», он ходил именно на этот *ким*. На второй площади — «*Винни ким*» велись разговоры только о сельскохозяйственных работах (когда следует начать посев, у кого не хватает сельхозинвентаря, у кого лишний инвентарь, как можно приобрести инвентарь, как можно наниматься на сельскохозяйственные работы, и какой день следует начать уборку урожая и т. д.). На третьей площади — «*Балклан кьейи ким*» также беседовали о сельскохозяйственных работах и о скоте для этих работ. На четвертой площади — «*Сиклер ким*» (что в переводе означает «площадь лисиц») велись беседы только об охоте. На пятой площади — «*Дунгаинин ким*» (площадь рисоочистительного станка) вели разговор о чистке риса — сырца и проса, об их стоимости и доставке и т. п. На шестой площади — «*Агья мяглед ким*» беседовали для продажи, кто нанимается на рубку дров и т. п.)».

Хотя подавляющее большинство кунацких Северного Кавказа — это формально частная собственность, фактически они не вполне принадлежат

своим хозяевам, так как обычай предписывал держать их двери открытыми для всех мужчин. Так что стиль поведения и общения, характерный для мест сходов, вполне распространялся и на кунацкие.

Решения народных собраний, как правило, обязательны для исполнения всеми членами общества, уклонения от их исполнения наказываются различными способами — от смертной казни (в прошлом) до штрафов, — которые определяются специальными положениями адатов. Но есть среди репрессивных обычаев народов Северного Кавказа и такие, которые имеют и этикетный смысл. Так, к уклоняющимся от исполнения решения *ныхаса*, по осетинским обычаям, может быть применен своеобразный бойкот (*ходы*). С тем, кому он объявляется, запрещено общаться всем членам общества, включая его родственников».

Народные собрания — один из главных институтов социального контроля и социального регулирования северокавказских народов. Этот орган военной демократии был характерен и для аристократических обществ. В нем имели право участвовать все взрослые мужчины, исключение составляли в прошлом рабы, а также люди, преступившие нормы адата. У кумыков «те, которые не придерживались адатов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей».

Общественная жизнь северокавказских народов имеет ряд поведенческих особенностей, имеющих этикетный характер. К ним относятся т. н. «предметные иносказания». Хорошо известные в Кабарде сказания о справедливом судье Жабаге Казаноко, жившем в XVI в., являются своеобразной фольклорной формой бытования этикетных норм в народном сознании. Так, в одном из сказаний повествуется о том, как позы, принимаемые Казаноко, означают целые оценочные высказывания: лицом к человеку — одобрение, боком — порицание и т. п.

Вообще язык поз и жестов очень выразителен, а порой и незаменим словами. В конфликтных ситуациях порой нельзя словесно предложить партнеру одуматься и обсудить ситуацию — это может быть расценено как трусость. Для этого применяется «жестовое послание» — всадник спешивается, поворачивает в сторону угол седла таким образом, чтобы на нем нельзя было сидеть, и становится лицом к противнику. Это означает примерно то же, что и открытое забрало в эпоху европейского средневековья. Рыцарский кодекс предписывает в таких случаях сдержанность и согласие на переговоры.

В некоторых районах Кабарды семье, чья очередь выступать в ночной дозор, никто никаких словесных приказов не отдавал. Для этого существовал иносказательный прием — перед ее усадьбой втыкали специальную палку *куаже баш* («сельская палка»). Известно и предметное иносказание в виде палок, связанных крестом — они означали запрет на вход в дом или в сад.

Предметные иносказания в виде флага используются в Кабарде для отличия победительницы в конкурсе красоты на свадьбах — перед ней распорядитель втыкает в землю специальный флаг и это без слов означает, что избранная девушка получает особые права, в том числе танцевать с

самым знатным из гостей. Флаг, вывешенный на крыше дома, иногда означает, что в нем живет юноша, которого собираются женить — это существенно влияет на поведение юноши и на отношение к его поведению со стороны односельчан. Флаг красный или пестрый вывешивают и на доме, где ожидается прибавление семейства — это сигнал к особым поведенческим предосторожностям, связанным с родами и младенцами.

Флаг используется и по обычаям ногайцев для обозначения жилища новобрачных и с теми же предупредительными целями. «С входом невесты в кибитку, в «отове» (малая кибитка, предназначенная для молодой семьи — авт.) устанавливается высокий кол называемый «сурук», который выходит наружу отова из верхнего отверстия, и на нем укрепляется треугольная полсть, вышитая разными пестрыми материями (тунглык)».

Нередко отдельные элементы одежды выступают знаковыми посланиями для окружающих, порой очень важными для выбора этикетно правильной линии поведения. Так, у ногайцев, как, впрочем, и у всех народов региона, женщина не может показаться на людях без головного убора, но отдельные элементы головных уборов у замужних женщин и девушек разные. Вообще женский головной убор — это «высокая суконная шапка, спереди обшитая кундузом (мех речной выдры); верх шапки также делается из сукна, в большинстве случаев красного; эта женская шапка (кундуз-борк) покрывается тастаром — большой белой простыней... У девушек покрывало на шапке обязательно бывает красного цвета и называется явлык. Цветом головных покрывал только и можно отличить девушку от замужней женщины, так как очень часто ногаянка 12–14 лет бывает уже замужем».

По цвету женского головного покрывала и рубахи можно определить и тех, кто находится в трауре — белый тастар в этом случае заменяется желтым, а красная рубаха — темной. Очевидно, что стиль поведения в общении с членами семьи, женщины которой таким образом одеты, должен отличаться сдержанностью.

Иносказания — иногда незаменимые средства в делах, которые иначе трудно устроить. Этикетные запреты на общение между юношами и девушками не дают порой возможности прямого признания в любви и предложения руки и сердца. В таких случаях юноша, посетив дом своей избранницы, может, уходя оставить в нем шапку, кинжал или другой предмет и это будет однозначно расценено как предложение. В ситуации сватовства нареченные обмениваются подарками (ауж) и если какая-нибудь сторона передумает вступить в брак, то знаком этого служит возвращение дара через посредника. Это значительно облегчает процедуру разрыва, позволяет избежать межсемейных конфликтов.

У ногайцев одной из форм иносказательной, но вполне прозрачной, демонстрации брачных намерений было изготовление девушкой во время сабантуя специального сладкого блюда козы борк (шапка из орехов) и вручение его в игровой ситуации тому, кто был ей мил.

Язык жестов предусмотрен в целом ряде этикетных ситуаций. Так, чтобы деликатнее сообщить кому-либо печальную весть о смерти близкого человека, у адыгейцев принято войти к нему и закрыть дверь тыльной стороной ладони. Вообще необычное положение руки по этикетным правилам адыгов является знаком скорби: на похоронах в знак соболезнования принят характерный взмах левой руки; тот, кто пришел с печальным известием делает левой рукой то, что этикет предписывает делать правой (например, держит плетль в левой руке); желая сообщить о своем отказе сватающемуся юноше, девушка закрывает дверь тыльной стороной левой руки.

Учитывая эти обстоятельства понятно, почему этикет так настойчиво требует следить за жестами, ибо любое отклонение от нормы — это анти-норма, знак чего-либо плохого или оскорбительного.

Общинная жизнь северокавказских народов полна предписаний и запретов, подчас имеющих узко локальное значение. К примеру, в Дагестане не все дни недели считались благоприятными для выполнения определенных дел. Для жителей с. Аркит запретными днями были вторник и среда, с. Хоредж — пятница. В пятницу жители всех табасаранских сел не начинали ткать ковер, не выходили в путь, до обеда нельзя было выполнять какие-либо работы. Надо сказать, что здесь явное воздействие норм шариата, кстати, вообще гораздо более влиятельных в Дагестане по сравнению с центральными и западными районами Северного Кавказа.

В некоторых обществах Северного Кавказа существуют запреты, которые получают юридическую санкцию в специальных постановлениях общинных сходов. Так, в постановлении схода жителей селения Хуштада (Южный Дагестан) от 23 марта 1904 г. есть такие пункты: «С того, кто собрал хоть часть винограда до разрешения сельского общества, штраф — рубль.

С того, кто собрал фрукты или зерно до подобного разрешения, — полтинник».

Подобные запреты для современного европейского мышления не вполне понятны, ибо современный европеец склонен усматривать в них либо проявление логики защиты юридических прав, либо проявление логики защиты экономических интересов. Однако, ни того, ни другого в чистом виде здесь без натяжки обнаружить нельзя. В данном случае речь может идти об особой этике соблюдения «космического» порядка. «Космос» традиционного сознания включает в себя общину, все природные объекты, так или иначе связанные с ней (поля, пустоши, сенокосы, сады, леса и пр.), животных (диких и домашних), семейные коллективы, отдельных людей и, что в данном случае особенно важно, время с его циклами, выражающими «священную» последовательность всего происходящего — «космические» ритмы. В этом, безусловно, присутствует экологическая направленность общинной традиции, но и не только она. Приведенные примеры отражают нормы должного поведения, причем, нормы поведения по отношению к неодушевленным предметам и существам — это, в каком-то смысле, тоже этикет. От соблюдения этих норм не освобождают даже всеми признанные права собственности. Подтверждением этому может слу-

жить еще одно положение процитированного документа: «С того, кто довел свою лошадь (выделено авт.) до горячки (заморил), пеня полмеры, если у него есть другие лошади. Если же их нет, то полмеры с заключением обвиняемого в тюрьму на три дня и ночи».

У ряда народов региона (абазин, кабардинцев, черкесов, ингушей, чеченцев, балкарцев) «запретные», «святые», «почитаемые» дни имеют фамильный характер, то есть соблюдаются членами определенных генеалогических коллективов (патронимий, тухумов, больших семей).

Такие фамильные «запретные» дни имеют разное мифологическое обоснование либо связываются с каким-либо печальным событием (гибель родственника от молнии и т. п.). Все они связаны с набором запретов на определенные поступки, что делает эту тему существенной для понимания локальных систем этикетных норм.

У абазин «запретные» дни именуются «*мшражв*», что означает «святой» или почитаемый день. У каждой фамилии таковым был один, реже два–три дня в неделю».

Наиболее распространенными поведенческими предписаниями в день «*мшражв*» были запреты на сельскохозяйственные работы, обработку шерсти, уборку дома, стирку, побелку, расчесывание волос, бритье у мужчин, притрагиваться к мылу, выметание сора из дома, одалживание чего-нибудь чужим, особенно огня из своего очага, забивание скота и птицы.

«Запретные» дни нередко сказываются на внешнем облике людей — в некоторых фамилиях в такие дни все одеваются особенно нарядно, есть данные, что для мужчин в отдельных фамилиях изготавливались особые головные уборы из овечьей шерсти, призванные магическим образом освободить их от тягостных запретов».

Известны случаи, когда элементы мифа, связанного с «запретными» днями, диктовали определенную поведенческую реакцию. Так, в абазинском ауле Кубин у одного из родов покровителем считалась змея, и поэтому, когда в разговоре упоминалось ее имя, то все женщины, принадлежащие к этому роду, обязаны были вставать в знак выражения почтительного отношения к ней.

Нарушение запретов и других поведенческих предписаний обычно связывается с плохими последствиями для нарушителей (болезнь, неудачи и т. д.), но имеют они и этикетный смысл — нарушение воспринимается как проявление невоспитанности, дурного тона, а порой и вызова общественному мнению.

Жизнь общества с неизбежностью чревата конфликтными ситуациями. Конфликт, таким образом — нормальное явление, в отношении которого общество вырабатывает определенные правила поведения, в том числе и этикетного. Конфликты бывают разными — от крупномасштабных войн, столь частых на Кавказе, до стычек между односельчанами и родственниками, что также случается нередко. Их обилие в прошлом придали всей жизни северокавказских народов некий военизированный характер, кото-

рый, конечно же, отразился на этикете, придав ему много черт рыцарского кодекса. Вот как сами адыги склонны передавать его сущность: «Уорк хаб-зэ» предусматривал храбрость, красноречие, щедрость и гостеприимство, уважение к старшим и скромность, стойкое перенесение страданий и галантное обращение к женщинам, отличное владение всеми видами оружия и соблюдение условий рыцарского поединка... По-прежнему считается совершенно несовместимыми с достоинством мужчины разговоры с малейшим намеком на хвастовство, отсутствие самообладания...».

Военизированный характер традиционного образа жизни народов Северного Кавказа породил немало специфических особенностей этикета, которые проявлялись как во время военных операций, так и в мирное время. Особое состояние военных сборов в *кошах* или в военном походе, которые были столь привычными для кавказцев, вызывало к жизни и особые отношения между людьми, зачастую противоречащие стандартам повседневности. Эти особые отношения очень часто формировались и закреплялись специальными церемониями клятвы. Вот пример подобной церемонии, принятой у осетин (стилистика исторического документа сохранена): «Двое или же куар («группа») ровесников вместе когда встречаются для какого-нибудь общего дела: скажем в бою, на поле войны, или вообще далекой чужой стране в тяжелом деле, или же в набеге... с друг другом чтобы связались... чтобы подтвердить, без друга поддержки или дальше жить нельзя, тогда друг другу крепкое слово дают, верности слово дают. Своим таким словом друг друга, будучи из разных фамилий, называют братьями — огнеприсяжными ровесниками (*эрхорд эмгэрттэ*)... Группа, раньше на котором пестром шесте свое оружие, боя инструмент военным положением прислонила, и вокруг которого огнеприсягания пестрого шеста стоит, согласно старшинству, по нему свои руки проводят, шепотом говоря: клятву даю, моих ровесников не продам, моего раненого ровесника вынесу из-под досягания врага, его тело к его смертной земле доставлю. Ровесники на своего старшего слово говорят — *оммен*, из-под пестрого шеста берут свои инструменты (оружие), друг друга за руки берут, и сжавшись говорят друг другу: будем братьями и друг друга защитим как одно потомство (букв. — дети одних родителей)... Огнеприсяжные ровесники таким образом становятся едины, принимают одну веру (ум), одно сердце».

У адыгов постоянная воинская готовность поддерживалась институтом, получившим обобщенное название «наездничества». Очень точно отразил суть этого явления адыгский писатель Хан-Гирей: «весна и осень два времени в году, которые можно назвать у черкесов наездническими. Тогда князя, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в поле и, избрав удобное место, располагаются в шалашах... Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием. Служители и молодежь разъезжают по ночам в аулы за добычей, захватывают и пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, посылая в близлежащие аулы за провизией, которую

нельзя приобретать молодечеством, как-то: за пшеном, молоком, сыром и проч. Между тем, лучшие наездники отправляются в дальние племена. Там угоняют они табуны лошадей, захватывают людей и с добычей возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь, пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, с нетерпением ждут возвращения наездников. В то же время князь, предводитель партии, отправляет от себя своих узденей к князю другого племени, своему приятелю, и к другим князьям и принимает лично дары... В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят осень почти до наступления зимы, а весну до сильных жаров лета. Если такого рода ловля бывает удачна, то во все время пребывания в поле, можно сказать без умолку, черкесы поют песни, и веселье клики оглашают воздух, а стрельба, знак удачи в наездах, сопровождает радость, и эхо лесов далеко вторит знаменами торжества».

Подобный образ жизни породил особый идеал настоящего мужчины — *джигита*. Об этом адыгейский писатель Каламбий (Кешев) писал: «Быть или не быть порядочным наездником, т. е. героем, было для всякого свободного адиге равнозначно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ».

Хотя слава *джигита* выступала для мужчин серьезным стимулом проведения военных операций, добыча была не менее важной целью нападения на соседние народы. По всему Северному Кавказу издавна сложилась практика организации грабительских ватаг («шаек», как их именуют многочисленные исторические источники). Можно даже говорить об особой северокавказской культуре военного промысла. Объясняется ее распространение не какой-то особой агрессивностью народов региона, а древними традициями военной демократии и скудостью жизненных ресурсов многих местностей, в которых военная добыча (скот, зерно, пленные и др.) составляла порой существенную часть жизнеобеспечивающего продукта. Поэтому ориентация мужской части населения всего народа, а не только дворянства, на «военный промысел» стала как бы обязательной.

Идеальный вариант жизненного пути осетинского мужчины в прошлом было совершение, как минимум, трех военных походов — в первый он должен отправиться на третий день после своей женитьбы и провести в нем не менее года, второй должен длиться не менее трех лет и третий — не менее семи лет.

Поведенческая культура военных сообществ у северокавказских народов имеет ряд общих черт. В большинстве случаев военные отряды, собирающиеся с целью грабежа, формировались на добровольной основе. Глава отряда избирается на общем собрании и, чаще всего, это происходит за пределами селения в особо устраиваемых лагерях. Критерии, на основании которых избирается предводитель, варьируются в зависимости от характера общественного устройства. В так называемых «вольных обществах» им может стать любой опытный воин, успешно проведший несколько набегов

и показавший на деле свое мужество, хладнокровие, военную хитрость, а также благородство, щедрость и др. качества. В аристократических обществах преимущество при избрании оказывалось князьям и дворянам, но и здесь причиной избрания того или иного князя служило не столько его благородное происхождение, сколько те личные качества, которые были отмечены выше. Нередко члены «вольных обществ» вступали в отряды, собираемые князьями, а князья и дворяне примыкали к «вольным» дружинам.

Предводителю отряда в военном лагере и в походе беспрекословно подчиняться были обязаны все без исключения, невзирая на титулы и ранги. Невыполнение приказа и своеволие в идеале каралось смертью.

Готовясь в поход, воин должен был обзавестись экипировкой, каждая деталь которой строго определялась традицией. Оружие и конь должны были соответствовать неким стандартам. У каждого должен быть запас продовольствия, который он должен был нести на себе — от этого не избавлялся, опять таки, невзирая на титулы, никто, кроме предводителя.

Весь отряд, особенно, если он велик, как правило, делится на группы — авангард, «группа захвата добычи», арьергард, а также вспомогательные группы «водонос», «дровосеков», «кашеваров», образующие резерв, которые в бой вступают только в случае неблагоприятного развития событий.

Примечательной этикетной деталью жизненного уклада в походе является категорический запрет есть в одиночку пищу из личного запаса. Существует обычай ежедневного сбора кашеваром фиксированного количества продуктов с каждого участника похода. Из этих продуктов готовится общая трапеза, проводимая по правилам кавказского застолья.

Добыча, захваченная в побеге, делится между всеми участниками, причем, предводитель получает лучшую и большую долю.

Грабительские ватаги собираются на время, но военное братство, закреплённое клятвой, остается на всю жизнь. У многих народов Северного Кавказа соратники («ровесники») считаются даже более близкими, чем родственники. Поведенческая модель отношений между «ровесниками» отличалась такими особенностями, как обязательная взаимовыручка, вплоть до участия в кровомщении, взаимная щедрость, обязательное участие во всех жизненно важных делах друг друга.

К. Ф. Сталь свидетельствует, что у адыгов боевые друзья ничего друг для друга не жалеют и склонны, порой, раздавать почти все свое имущество. Тот, кто это делает, повышает свою славу и получает особый престиж в глазах народа. Когда же такой воин состарится «...он, наконец, перестает хищничать. Тогда он посылает по знакомым, чтобы ему подарили что-нибудь на обзаведение. Все его друзья, которые получали от него подарки, обязаны ему прислать на обзаведение лошадей, баранов, быков и прочего». У осетин соратники покойного принимают активное участие в расходах на его похороны наряду с родственниками.

Военные элементы пронизывают культуру северокавказских народов. Они, что называется, бросаются в глаза: мужской костюм представляет

собой идеальное одеяние воина-всадника, так называемые *газыри*, украшающие и по сей день традиционную верхнюю одежду (черкеску) — это не что иное, как рудимент патронташа относительно недавнего прошлого, который утратил свое боевое назначение лишь в конце XIX в. после появления магазинного нарезного огнестрельного оружия; богато украшенное холодное оружие (кинжал) — неременный атрибут национального мужского костюма любого из народов региона.

В прошлом существовали и другие внешние войсковые атрибуты. Так, у адыгов признаком славного *джигита* был своеобразный «хохол» — *акэ* на темени выбритой головы. С этим элементом связано множество поведенческих установок, в частности, воин, который по старости или из-за болезни уже не может делами подтвердить статус *джигита*, устраивает обряд *акэ упсыж* — «бритье хохла». После этого обряда существенно изменяются стиль его поведения и образ жизни. Он оставляет военное ремесло, ему уже неприлично участвовать в делах «рыцарской состязательности». Он переходит в иную социально-возрастную категорию, дающую ему право на участие в совете старейшин и на почетное место в народном собрании.

Было бы, однако, неправильным абсолютизировать воинственность северокавказских народов, ибо, как и в любом обществе, у народов этого региона «культуре войны» противостоит «культура мира». В поведенческом плане эта оппозиция выражается в противостоянии идеалов и жизненных установок «воинственных» институтов мужских союзов, наездничества с одной стороны и «мирных» институтов народного собрания, совета старейшин — с другой. Наблюдатели не раз отмечали на народных собраниях ожесточенную борьбу между военными предводителями, лидерами мужских союзов и советом старейшин по поводу вопросов, связанных с военными действиями. Не случайно по обычаям многих народов Северного Кавказа грабительские походы — это не общественное, а личное дело тех, кто в них участвует. Поэтому собираются разбойничьи ватаги, как правило, за пределами селений и, зачастую, в обстановке тайны. Официальные общественные институты крайне редко получают долю военной добычи, а участие в походах должностных лиц общинного совета считается неприличным. В свою очередь активно действующий *джигит* практически никогда не избирается в совет старейшин, каким бы авторитетом он не обладал. Более того, в общественном сознании отношение к знаменитым воинам часто отмечалось парадоксальной двойственностью. С одной стороны ими восхищались, о них при жизни слагались легенды и к их слову было принято прислушиваться. С другой же стороны, они вызывали опасение и недоверие, так как своими героическими деяниями навлекали на соотечественников опасности со стороны объектов их героических наездов. Опасались также и чрезмерного военного и экономического усиления таких героев, ибо оно грозило демократическим традициям общинного уклада, полным выходом воинственных *джигитов* из-под власти обычая, на страже которого стояли народное собрание и совет старейшин.

Особенно ярко подобное отношение к знаменитым воинам проявляется в Чечне. Известны случаи преднамеренного убийства чрезмерно возвысившихся *джигитов* своими же. О стойкости такого отношения к героям в чеченской традиции свидетельствуют сюжеты народных преданий об изгнании своих князей: «...Если кто-нибудь из нашей среды желает возвышаться и заделаться князем, находится всегда человек, который убивает его».

Важную роль в жизни народов Северного Кавказа играли мужские объединения, существовавшие параллельно сообществу мужчин, собирающихся на *ныхасе*, *годекане*, *корте* и т. п. и совету старейшин. Ю. Ю. Карпов, специально изучавший эту тему, усматривает генетическую связь многообразных мужских корпораций Кавказа с хорошо известными этнологии мужскими союзами доклассовых обществ. Такое сопоставление, на наш взгляд, в целом оправдано, и поэтому можно условно именовать разные мужские объединения региона «мужскими союзами».

В южном Дагестане существуют легенды о содружествах богатырей *батирте* и *чабкундже-баханте* (*чабкунцы*), которые в далеком прошлом совершали подвиги, защищая родину от врагов. Наследниками дела древних богатырей народное сознание воспринимает мужские корпорации нового времени, которые в этом районе именуются *бахтачиярами*. Это члены военизированных группировок, осуществляющих так называемую *пахту* — взимание повинностей с зависимых селений. Институт этот изучен в Ахте, Рутуле и др. местностях. В Дагестане давно известны и союзы холостяков, управляемые особым органом *чине* и сконцентрированные вокруг особых домов — *чинал-хали*. У цезских народов существовали такие мужские корпорации, как *сидар-бахру* («собравшиеся вместе») и *зеракор-бахру* («совместно пьющие зеру - местную разновидность хмельного напитка *бузы*»), представляющие собой, в сущности, спортивные клубы. У цезских народов, а также у хваршин и аварцев Ункратля известен институт под названием *кор* (так называется общественная печь для выпечки хлеба). На западе региона у адыгов, балкарцев, карачаевцев и др. важную роль в жизни играют так называемые *коши*, временные лагеря, собирающиеся за пределами селений с разными целями — военные операции, разбой, пахота, сенокос, охрана и выпас скота и т. п. Хоть эти лагеря считаются временными, их участники связаны стабильными корпоративными отношениями.

Мужские союзы, при всем разнообразии типов, обладают некоторыми общими чертами, среди которых можно назвать демонстративное молодечество, оппозиционность к остальным членам общества, воинственность и агрессивность (часто ритуальная). В рамках мужских союзов существуют особые правила, регулирующие поведение и общение как членов корпораций друг с другом, так и с посторонними.

Возрастные рамки членства в мужских союзах в большинстве случаев являются 15–45 лет. Вступление в союзы сопровождается особыми обрядами инициации и нередко денежными и иными материальными взносами. Этикетные особенности этих явлений можно проиллюстрировать опи-

санием обряда посвящения в мужскую корпорацию у лакцев, связанного с ежегодными семидневными сборами мужчин *чартту-батин* («собирать камни»). «Посвящение» начиналось задолго до сборов и проходило несколько этапов. Для начала иницируемый на некоторое время, неделю и больше, выделялся внешне: он ходил с пятном сажи на лбу, в вывернутой наизнанку папахе, и с крупным камешком за щекой и т. д. Затем в течение 15–20 дней ему запрещалось употреблять те или иные виды пищи: сушеное мясо, колбасу, толокно, яйца, сыр и др., в число последних не мог входить хлеб и мучные изделия. За неделю до начала сборов иницируемому предписывалось воздерживаться от разговоров с молодыми замужними или бывшими замужем женщинами (родные сестры, а для женатых мужчин и собственные жены, составляли исключение). В первые три–четыре дня сборов он должен был довольствоваться худшей по сравнению с полноправными членами пищей, оказывать им разнообразные услуги — подавать еду и питье, мыть посуду и т. п. В эти же дни он не имел права на равных с остальными участвовать в общих беседах, шутить, петь, танцевать, говорил, лишь, когда к нему обращались, и при этом отвечал односложно — «да» и «нет». Молодой человек, достойно прошедший через все испытания, на оставшиеся дни сборов становился не только равноправным членом сообщества посвященных, но и приближенным лицом главы — ведущего сборов (*хумама*). Само вступление в мужские союзы формально было добровольным, но молодой человек, не желающий вступать в некоторые из них, воспринимался окружающими как совершающий непристойность.

Одной из главных задач мужских союзов была подготовка к военным действиям, для чего в большинстве из них особое внимание уделялось физической культуре и особым ритуалам, как бы имитирующим военные операции. Члены молодежных мужских союзов получали временами особый статус в системе традиционного этикета, так как обществом неявно санкционировались такие поступки «волчат», которые формально были не просто нарушением этикета, но и преступлениями. Так, по материалам А. Г. Булатовой в Дагестане члены мужских союзов в полуигровой форме похищали состоятельных одноаульцев с целью получения выкупа, устраивали засады на дорогах и облагали путников самочинными пошлинами, бытовала у них и довольно дорогостоящая забава — они приглашали к себе в дом (*чинал-хали*) кого-нибудь из богачей, намекая ему, чтобы он прихватил с собой быка в качестве подарка. Отказываться от такого «приглашения» было не только не принято, но и опасно.

У гидатлинских аварцев бытовало такое проявление молодечества, как игра *чадкинкат*, в ходе которой трое членов мужского союза *чадкин* отправлялись ночью в какой-либо из домов аула и похищали из него ценное имущество. В случае удачи хозяин бывал вынужден его выкупать, а если он давал отпор «грабителям», его освобождали от обязательного ежемесячного взноса в пользу союза.

Нередко в таких опасных играх, являющих собой примеры антиэтикетного поведения, члены мужских союзов, отправляясь на грабеж, надевали маски. В частности, по свидетельству Р. М. Магомедова молодые мужчины из даргинского аула Урари, «организуя нападение на соседей в ночное время... надевали на себя маски, изображающие собак и других зверей».

Военизированный быт породил даже особые формы коммуникации — тайные языки, на которых общались мужчины во время военных операций, грабительских набегов и охотничьих экспедиций. У адыгов наличие таких языков было зафиксировано еще в XV в. Ян Потоцкий в конце XVIII в. записал несколько слов одного из них, называемого черкесами «*шакобза*». Память о некоторых таких языках (*фарсыбза*, *фыбзз*, *фэрыщыбзз*) до сих пор жива на Западном Кавказе.

О причинах и характере бытования тайных языков Ян Потоцкий писал следующее: «В первые дни сентября каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, т. е. они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «*шакобза*». Там же собираются тайные дружины князя, которые вместе с ним принимали участие в кражах и грабежах; среди них могут оказаться представители других народностей — мисджегов, осетин и т. д.; они являются также замаскированными, по той причине, что они могут встретить людей, с которыми они находятся в состоянии кровной мести и которые могли бы их убивать. Только князь знает их всех, и он находится в центре всех тайн. Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе, и, поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе князей, потому что они не раскрывают себя, а в противоположном случае их щадили бы».

Как видно из приведенного и иных свидетельств, тайные языки служат средством временной отмены обычных социальных порядков, определяемых отношениями родства, социальных рангов, этнических связей и, соответственно этикетных норм. Таким образом, общение на тайных языках — это антиэтикет, призванный выявить и подчеркнуть то, что в обычной жизни является запретным, но в условиях войны необходимым. Таким «запретным» является игнорирование законов родства, общение с кровным врагом, посягание на священную жизнь князя.

Века постоянных войн отразились на социальной психологии северокавказских народов, породив особый тип мужского характера, который во многом проявляется и в наши дни. Этот характер ориентирован на власть, стремление заслужить славу лихого наездника, храброго воина, выносливого, равнодушного к комфорту человека. Эти устремления выражаются часто в нарочитых подвигах, совершаемых из удальства, чтобы просла-

виться, побороть страх перед смертью, в ревнивом отношении к успехам и славе других, приводящем к взаимной розни, стычкам даже среди соседей и родственников.

Можно говорить об особом северокавказском институте «соревновательности», поскольку отмеченное стремление превзойти в мужественности и лихости окружающих нельзя назвать простой драчливостью (хотя и она, несомненно, имела и имеет место). Соревновательность регулируется определенными этическими и этикетными нормами. Среди чеченцев бытует серия этических категорий, являющихся нравственными ориентирами в бесконечном процессе такой соревновательности.

Среди них ведущим является понятие «яхь» — «определяющее систему, этический народный кодекс соревнования в благородстве, чести, стыде и совести... Не имеющий «яхь» не может считать себя полноценным мужчиной. «Яхь йолу кантий» — («мужчины, имеющие «яхь»» — авт.) — это те мужчины, которые никогда и ни перед кем не дрогнут». Соответствие яхь — это не просто соблюдение норм обычая, нравственности и этикета, это стремление их превзойти так, чтобы при этом не выглядеть хвастуном, наглецом и не нанести никому незаслуженной обиды.

К примеру, в прошлом, удалец, совершивший дерзкий набег и, рискуя жизнью, захвативший богатую добычу, мог поделить ее по нормам обычая и взять себе львиную долю. Но, если он ориентирован на яхь, он останется в рваном бешмете, но устроит пир на всю округу, повысив свой авторитет и то, что на языке этических категорий называется «сий» (честь). Соответствием яхь является и нарочитая игра со смертью, и противодействие заведомо превосходящим силам.

В условиях действия таких принципов поведения неизбежными бывали и бывают сейчас трагические последствия — убийства, увечья. Подобные случаи на Северном Кавказе регулируются различными обычаями и законами шариата, но наиболее жестоким был в прошлом институт кровной мести. Он был распространен у всех народов Северного Кавказа, но в наибольшей степени у чеченцев, ингушей и осетин.

Причинами кровомщения, кроме убийства, были нарушение брачного обещания, похищение людей, супружеское прелюбодеяние, осквернение домашнего очага и др. По нормам адата месть должна быть эквивалентной, но в действительности потерпевшая сторона (родственники убитого или оскорбленного) часто стремилась воздать сторицей, что вело к бесконечной цепи взаимных убийств, т. к. срока давности кровная месть не имеет.

Родственники потерпевшего и виновника должны соблюдать определенные правила поведения по отношению друг к другу. Эти правила нередко именуют «этикетом кровников». Они во многом напоминают обычаи избегания.

«В соответствии с этими правилами, — пишет об адыгах И. Бабич, — после совершения какого-либо серьезного деяния, главным образом убийства, виновный вместе с семьей должен был переселиться в другое селение

на временное жительство. В своем селении они могли вновь появиться после окончания судебного процесса. Если процесс затягивался, то они могли вернуться в селение через месяц. После их возвращения виновный и его семья, с одной стороны, и родственники потерпевшего, с другой, давали сельскому старшине расписки о том, что они будут, во-первых, избегать случайных встреч с друг другом в мечети и других общественных местах, во-вторых, виновная сторона будет во всем давать первенство семье потерпевшего, в-третьих, виновная сторона не будет появляться там, где уже находились родственники потерпевшего. Особенно строго данное правило следовало соблюдать при посещении службы в мечети. Если в селении было две мечети, то кровникам предлагалось посещать разные мечети, если одна — то входить в нее и выходить из нее с разных сторон».

У чеченцев и ингушей существовал обычай *никъ бийхка ба* («закрытие дороги»), по которому, согласно договоренности, родственники виновного могли безопасно для себя пользоваться какой-либо одной дорогой, если же представители потерпевшей стороны встречали их на другой, то имели право осуществлять кровную месть.

Опустошительные последствия кровной мести привели к выработке ряда способов прекращения этого бедствия. Примирение кровников приобрело характер довольно сложных обрядов, в которых важны этикетные элементы.

Примирение иногда достигалось довольно сложно — сторона убийцы как бы принуждала к примирению пострадавшую сторону довольно жестоким способом. Она похищала ребенка у ближайших родственников убитого и воспитывала его как *аталыка* (аталычество — весьма развитый вид искусственного родства на Кавказе). Через несколько лет возвращала его родителям с положенными в таких случаях подарками. Отныне между враждующими семьями устанавливалось не просто примирение, но и узы искусственного родства, которое по обычному праву считается более священным, чем природное родство. Другой способ примирения кровников — отдача за кровь мальчика в сыновья семье убитого или девочки в качестве невесты. Подобные случаи зафиксированы уже в Советское время в Осетии.

На Западном Кавказе и в Дагестане кровная месть уже в XIX в. была несчастным явлением. Мщение здесь все больше заменялось материальным возмещением за кровь, что нередко воспринималось как деяние, более отвечающее нормам шариата. Примирение совершали почетные старики по определенному ритуалу, с уплатой виновной стороной «цены крови» (у ингушей она достигала 130 коров и более, собираемых широким кругом родственников) и устройством так называемого «кровного стола» — угощения для большого числа людей.

Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови», что считали большим позором. «Мы не торгуем кровью убитого» — нередко можно было услышать в Чечне. Вопрос об убийстве, тем не менее, у чеченцев отнюдь не был частным делом близких родственников убитого и, тем более, не сводился к стихийному умерщвлению

виновного. «При убийстве какого-либо из членов тайповой общины тут же собирался совет старейшин тайпа погибшего, и в котором принимали активное участие и близкие родственники последнего. Установив подробное обстоятельство и причины убийства, совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого.

Тайп преступника также собирал свой совет старейшин, который искал способы и средства для достижения примирения с тайпом убитого. Если противоположные стороны не могли прийти к соглашению, то для разрешения разногласий привлекались представители нейтральных тайпов. Таким образом, собирался уже совет племени, который с учетом обеих сторон вырабатывал условия примирения.

После принятия условий примирения дело заканчивалось. В случае же отказа примириться пострадавшая сторона выбирала, кого она намерена убить, как правило, выбирали убийцу (*куьг бехкидерг* — у кого виновная рука). Против такого выбора тайп убийцы не имел права возражать. Убийством этого виновника или изгнанием его вместе со всей его семьей из селения обычно заканчивалась кровная месть».

Была ли принята выплата «цены крови» или не была, обряд примирения всегда совершался в случае доброй воли сторон. Вот описание одного из них, состоявшегося у кумыков в XIX в.: «*Канлы* (убийца или другой ответчик по кровной мести) до своего примирения с родственниками убитого не должен был ни брить, ни стричь волос. Перед отправлением на примирение родственники *канлы*, объявив о своем намерении, старались собрать к себе возможно больше народу для того, чтобы шествовать на примирение. Среди этого народа должен был находиться князь... вся сторона *канлы* шествовала в таком порядке: впереди шли *кади*, *мулы*, *хаджи*, старики с князем, за ними весь собравшийся посторонний народ, за ними родственники по отцовской линии, дяди по матери, племянники по сестре, внуки по дочери. Сзади них сам *канлы*. Впереди *канлы* вели оседланную лошадь с накинутым на седле панцирем. На передней луке висело ружье с дулом, направленным назад. Прежде чем дойти до *тазията* (траурное сидение мужчин на подворье убитого), *канлы* с родственниками, вышедшие из дома, непооясанные и без оружия, снимали свои папахи. Тогда *кади* в сопровождении князя и почетных людей входил на *тазият* и, после своего *салама* (приветствие — авт.) и прочтения молитвы, произносил проповедь о прощении. Прибывшие за *кадием* князь и народ просили: «Во имя бога простите!». Если старейший из родни убитого скажет: — «Нет, не прощаю», то все прибывшие посторонние снимали папахи, а если и тогда получали отрицательный ответ, то все они становились на колени. Все то же проделывали родственники убийцы, стоя поодаль. Наконец, добивались утвердительного ответа. После этого во двор *тазията* вводили лошадь, а за нею *канлы* с родственниками. По получении лошади старейший родственник убитого дарил ее князю, а последний возвращал ее прежнему хозяину, у которого она была взята родственниками *канлы*. Потом водили *канлы* ми-

мо ряда стоящих на *тазияте* родственников убитого, и он перед каждым из них падал ниц, прося о прощении; после того как каждый стоявший на *тазияте* из родственников произносил: «Живи, вставай, прощаем», — канлы водили к сидящим... женщинам. После того, как канлы там проделывал то же самое, что перед мужчинами, его выводили во двор и все присутствующие произносили: «До свидания, да даст бог согласие» — и, уводя с собой канлы и родственников, уходили по домам. Через три дня сторона убитого звала к себе канлы и, оказав ему все признаки уважения и ласки, объявляла его своим... кровным родственником. После этого сажали его на пороге двери и, срезав ему несколько волосков с головы, говорили: «Иди, живи, сбрей волосы»».

Этикет гостеприимства

■ Этикет гостеприимства можно назвать квинтэссенцией всей культуры поведения народов Северного Кавказа. В этом блоке этикетных норм как в капле воды отражаются многие черты жизни кавказцев. Обычай гостеприимства на Северном Кавказе играет важную роль в системе межличностных, межгрупповых и международных связей. В прошлом, при отсутствии устойчивых государственных институтов, этот обычай выступал гарантией безопасности путешественников и торговцев, т. к. гость для принимающего его хозяина — священная персона, за которую он отвечал головой и обязан был сопровождать до следующего места гостевания, передавая «с рук на руки» другому хозяину. Весь Северный Кавказ для каждого сколько-нибудь значимого человека представлял собой сеть кунацких связей взаимной ответственности.

По материалам И. Бабич у кабардинцев до начала XX в. существовала иерархическая типология приема гостей, которая отражала степени пышности и сложности церемониала гостеприимства: (1) прием «большого гостя» (*хэщэ щхуэ*), (2) прием «дорогого гостя» (*хэщэ лалэ*), (3) прием «важного гостя» (*хэщэ дыдэ*) и (4) прием «гостя» (*хэщэ*). «К «большим гостям» кабардинцы причисляли 1) «дальних гостей», приехавших специально погостить, 2) путешественников-иностранцев, 3) гостей, хотя и из соседних селений, но из известных фамилий, 4) гостей, приезжающих очень редко и имеющих репутацию «почитаемых» людей, 5) «должностных лиц», пользующихся уважением: эфенди, старшин и др.». Прием «большого гостя» требовал неукоснительного соблюдения всех норм этикета гостеприимства, причем, с максимально возможной пышностью.

Прием «дорогого гостя», которым относились близкие родственники супругов из других селений, а также кунаки хозяина, не требовал церемониальной помпезности, характерной для приема «большого гостя», но отличался большей теплотой и душевностью. Такой гость мог жить в принимающем его доме сколько угодно. Нередко для этой категории гостей со-

оружали специальное помещение поближе к дому хозяина либо селили его непосредственно в одном из помещений этого дома.

«Важными гостями» кабардинцы считали близких родственников из своего селения, деловых партнеров хозяина. Их прием был упрощен — их угощали не специально приготовленными блюдами, а тем, что было в доме. Танцев и торжественных бесед не устраивали. Значительные подарки им не дарились. Для этой категории гостей оставаться в доме более чем на три дня, было неприлично.

Просто «гостями» у кабардинцев считались дальние родственники из своего селения, «гости-преступники» и «гости-враги». Прием этой категории гостей был прост — им предоставлялось место за столом при обыденной трапезе хозяина и, если была нужда, ночлег. На такой прием, по обычаю, мог претендовать даже личный враг хозяина и тот не мог ему в этом отказать. Более того, он не имел возможности выдать правосудию разыскиваемого преступника, за исключением тех, кто украл чью-либо официальную невесту или жену, либо убил своих родителей.

Каждая усадьба имела в своем составе т. н. *кунацкую* (помещение или отдельный дом для гостей-мужчин). *Кунацкая* готова к приему гостя в любое время суток — делом чести считается постоянно поддерживать в ней порядок, иметь неприкосновенный запас лучшей провизии. Гость мог прибыть в любое время и поселиться в *кунацкой*, даже не оповестив хозяина. Если же о предстоящем визите оповещено заранее, то ему устраивали прием по всем правилам этикета.

Эти правила предписывают встречать почетного гостя самому хозяину на дальних подступах к селению и приветствовать строго по этикету. Адыгская формула приветствия: «Да счастливым будет ваше прибытие, добро пожаловать».

Перед входом в дом, все гости обязательно отдают все оружие кроме кинжала. В этом обряде содержится особый смысл — отныне всю ответственность за безопасность прибывших берет на себя хозяин. Почетный гость входит в дом вслед за хозяином и усаживается на почетное место. Входя в дом, необходимо учитывать то, что порог — это один из наиболее почитаемых элементов жилища на Кавказе. «Он изготавливается с особой тщательностью и поддерживается в чистоте. Наступать на порог нельзя, переступить его надо с правой ноги. Нарушение этих этикетных предписаний воспринимается как проявление неуважения к дому и его хозяину».

Гостей обычно разделяют на две группы — старших и младших (по возрасту и рангу) и размещают в разных помещениях, при этом хозяин следит за тем, чтобы в одной группе не оказались отец и сын, младший и старший брат, зять и тесть и т. д. Им нельзя находиться за одним столом.

После рассаживания по этикету надо вести малозначащие вежливые разговоры. Хозяин ни при каких обстоятельствах не может спросить о цели визита. Существует так называемое «правило трех дней», в течение которых гостя нельзя расспрашивать, но после трех дней гость как бы становится членом семьи, обхождение с ним упрощается и можно деликатно

поинтересоваться его планами. Но если гость и в этом случае хранит молчание, настаивать нельзя.

Нельзя оставлять гостя одного, если он сам этого не хочет. Обычно к нему приставляют кого-нибудь из младших членов семьи, который должен выполнять все просьбы гостя и сопровождать его, даже если тот отправляется всего-навсего в уборную. Женская молодежь семьи почитала своим долгом следить за состоянием одежды гостя — каждое утро он находил ее вычищенной и отремонтированной.

В присутствии гостя считалось неприличным разговаривать о посторонних вещах, спорить. Самому же гостю дозволялось многое, даже то, что в иных обстоятельствах не прощалось. В прошлом были известны случаи, когда гость в порыве гнева убил члена семьи хозяина — ему начали мстить только после того, как он покинул пределы его владений.

Не следует думать, что гость всегда обязан выждать три дня для выполнения целей своего визита. Существуют этикетные правила, ускоряющие развитие событий. В Кабарде существуют условные знаки, говорящие о намерениях гостя — если плеть повешена на колышек в кунацкой за ремешок на рукояти, значит, гость спешит и долго оставаться не может; если плеть им повешена углом на соединении рукояти с плетью, то он может остаться надолго.

Существует особый вид гостевания — так называемый «гость с просьбой». Это когда гость приехал для того, чтобы получить от хозяина то, в чем в данный момент очень нуждается — в скоте, деньгах, другом имуществе или в особых услугах, вплоть до содействия в кровной мести. Хозяин был обязан выполнить просьбу, нередко для этого обращаясь к родственникам и соседям. «Стыдным считалось не просить подарки, а не удовлетворить такую просьбу». В таких случаях просивший обязан с течением времени совершить отдар, эквивалентный либо превосходящий по стоимости полученное.

Гость не должен говорить, какие блюда ему хочется есть, а хозяин в свою очередь не должен спрашивать гостя, что тот хотел бы съесть — блюда готовятся по установленным этикетам правилам из самых лучших продуктов и как можно больше и разнообразнее. По этому поводу С. Кокиев писал: «Малейший намек на страдание голода считается высшим бесстыдством, почему человек стоически может переносить голод, не заявляя никогда никому об этом. Хорошо, что обычай отнесся к этому вопросу так разумно, обязав хозяина, со своей стороны, никогда отнюдь не спрашивать гостей, — «хотят ли есть» (это признак величайшей скупости, недостойной человека), а подать все, чем богат, и просить настойчиво гостей откусать».

Гость не должен вмешиваться в семейные дела хозяина, входить в женские помещения, на кухню, даже шутя флиртовать с кем бы то ни было из женщин семьи хозяина и соседей. Положение гостя хорошо отражено в фольклоре — адыгские пословицы гласят: «Гость послушнее овцы», «Гость — пленник хозяина». Гость действительно связан большим количеством этикетных запретов и предписаний: он не мог уехать, не получив разрешения

хозяина, а получив его, не мог покинуть дом, не выполнив определенного минимума этикетных действий, на что требуется порой несколько часов. Он даже не может просто встать из-за стола и выйти на двор без разрешения хозяина.

Считается неприличным для гостя, чтобы то ни было расхваливать в доме хозяина, так как, по традиции, хозяин обязан отдать в дар понравившуюся гостю вещь. Правила хорошего тона, в особенности у чеченцев предписывают гостю деликатно сдерживать расточительность хозяина, который в своем стремлении превзойти норму гостеприимства часто готов забить в ущерб хозяйству вместо барана быка или отдать гостю последнее.

Неприличным считается намекать на желание уйти сразу же после трапезы — обычным иносказательным средством этого служит поглядывание на дверь. Об этом с осуждением говорит чеченская нравоучительная поговорка: «Насытившийся гость смотрел на дверь». Покидающего дом гостя обычай предписывает одаривать, провожать не только до ворот усадьбы, но дальше — до пределов селения или даже района. При этом гостю от подарков отказываться нельзя, но следует деликатно отказываться от дальних проводов. В таких случаях этикет допускает соревнование в учтивости. Хозяин настаивает на проводах, а гость старается их отклонить. Уезжая, гость обязательно приглашает хозяина навестить его.

При следующем посещении селения правила хорошего тона предписывают заехать к тому, у кого гостил раньше. Невыполнение этого предписания равносильно оскорблению. При повторном посещении одного хозяина он и его гость обычно официально становятся *кунаками*, со всеми вытекающими из этого последствиями — они обязаны друг друга поддерживать во всех делах, отвечать друг за друга, иногда вплоть до права кровной мести.

У чеченцев установление куначеских отношений при повторной встрече закреплялось, по обычаю, клятвой о побратимстве. «Принятие такой клятвы сопровождалось разными процедурами, но наиболее популярными считались: выпить молоко из одной чаши, в которую в знак постоянной (нержавеющей) дружбы иногда бросали золото или серебро или серебряные стружки с рукоятки кинжала; обменяться оружием или доспехами и союз закреплялся на всю жизнь».

Этикет застолья

▪ Этикетные нормы, регулирующие поведение во время трапезы, — органичная и важная часть этикета гостеприимства. Застолье на Северном Кавказе бывает двух видов — торжественное и обыденное. Обыденное застолье, собирающее членов семьи, близких родственников и соседей — это в этикетном смысле облегченный вариант, часто проводимый не в кунацкой, а в жилом доме или на дворе. Торжественное застолье устраивается по какому-либо важному поводу — приезд почетного гостя, группы гостей издалека, значительное для семьи или селения событие и т. п. Оно со-

бирает большое количество людей и проводится очень серьезно, с соблюдением множества этикетных правил.

Во всех этих правилах центральным или даже священным объектом является стол, выступающий в торжественной трапезе реминисценцией древней жертвенной площадки. Сама процедура трапезы во многом напоминает ритуал жертвоприношения со всеми его функциями — функцией социальной интеграции, функцией установления особых связей между сотрапезниками — связей сакрального родства, функцией очищения и приобщения к главным общественным ценностям.

Своеобразным подтверждением древней связи трапезы с обрядом жертвоприношения могут служить некоторые жесты, принятые у ряда народов Северного Кавказа. Одним из них заключался в том, что «в очаг перед едой бросали лучшие куски пищи с просьбой богам-покровителям дома о ниспослании семье всяческого благополучия». Другой жест, предписанный обычаем, — стряхивание в очаг крошек пищи и, особенно, хлеба после еды. В этом жесте заключено особо почтительное отношение кавказцев к таким святыням, как хлеб и очаг.

Застолье — это процесс, предполагающий очень строгую иерархию участников. Все они, как правило, делятся на две категории — «гостей» и «не гостей», «чужих» и «своих» (у адыгов — *хачэ* и *хагареи*). Гости — это приехавшие издалека, не гости — все родственники хозяина и его ближайшие соседи, а иногда и все жители селения. Все, относящиеся к категории «гостей» пользуются большим почетом, чем «свои», что и определяет их роли в драматургии застолья.

Из числа «своих» старейшин избирается глава стола, который на разных языках называется *«хагарой нэхыж»*, *«Тхэмэдэ»*, *«тамада»*. Это абсолютный властитель — ему подчиняются все, невзирая на возраст и ранг. Он давал сигнал к началу трапезы, прикасаясь к хлебу и провозглашая благопожелания. Без его разрешения никто не мог сесть за стол, вставать из-за него, произносить тосты, петь и т. п. Тамаде противостоял «старший гость», который ритуально как бы занимал более высокий статус.

Из числа «своих» выделялся обслуживающий персонал, полностью подчиняющийся тамаде — кравчий и его помощники, а также «своя» молодежь, чья роль заключалась в прошлом в том, что они стояли у стены за спинами сотрапезников, демонстрируя свое уважение к ним.

Застолье начиналось с приема гостей, которые, подходя к дому первыми, согласно этикету, приветствовали хозяев, обязательно отдавали оружие, входили в дом, обязательно переступая порог правой ногой и до тех пор, пока не пришло время трапезы, беседовали со старшими хозяевами на отвлеченные темы.

Перед трапезой все гости совершают обряд умывания рук: каждому из них юноши сливают из кувшинов, причем по этикету это надо делать правой рукой и так, чтобы струя воды была тонкой, равномерной и прямо по центру таза. Полотенце надо подавать положенным свободно на обе руки,

причем правая должна несколько выдаваться вперед. В прошлом у некоторых народов девушки из семьи хозяина почетным гостям мыли ноги.

Рассаживание за стол происходило следующим образом: почетное место, наиболее удаленное от входа, занимает тамада, далее рассаживаются гости по старшинству, при равенстве возраста и ранга предпочтение оказывается тем, кто прибыл из более отдаленных мест, а из последних тем, кто прибыл из более высокогорных районов. Между гостями в таком же порядке рассаживаются «свои». За одним столом не могут сидеть отец и сын, старший брат и младший и т. д. Чтобы избежать нарушения этого правила устраивают другой стол для младших. Женщинам за один стол с мужчинами раньше категорически запрещалось садиться. У них в женской половине иногда устраивалось свое застолье.

У кумыков адат предписывал вести себя строго определенным образом за трапезой, на которой присутствовал князь — «Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям: «Идите сюда», то гости не подходили к еде: они ждали пока князь (хозяин) не позовет по именам тех, кто с ним мог есть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавался не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. При переносе подноса от князя к ним, они все садились и кушали. Обычно ели, сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут».

Северокавказское традиционное застолье несовместимо со ссорами, резкими движениями, громким смехом, опьянением. Здесь нельзя произвольно вставать из-за стола, садиться не на свое место.

Вообще минимальный набор блюд, наличие которых допустимо при приеме гостя, повсюду на Кавказе одинаков — это хмельной напиток (буза, вино или водка), хлеб и сыр. Это указывает на особый ритуальный и соответственно, этикетный статус этих продуктов. Хлеб у всех северокавказских народов «более чем другие виды пищи, окружен ореолом поклонения, с ним связан ряд табуаций, например, его нельзя класть нижней (выпечной) стороной вверх, упавший кусок необходимо поднять с извинением (поцелуем, молитвой) и т. д.».

Впрочем, на западе региона, особенно у адыгов, хлеб в трапезе как бы заменяется *пастой* — круто сваренной просяной или кукурузной кашей. *Паста* везде на Северном Кавказе считается блюдом, достойным торжественной трапезы, но у адыгов, а также у карачаевцев и балкарцев она является престижным блюдом, обязательным элементом приема гостей.

В востоке региона — у народов Дагестана, чеченцев престижным блюдом считается *хинкал* — различные виды «вареного теста без начинки и с начинкой» — подаваемый с всевозможными соусами и приправами. У этих народов *хинкал* — непрменный атрибут веселого мужского застолья, а у адыгов его прилично подавать на поминках.

У осетин большое значение в праздничном застолье придавалось пирогам, среди которых наиболее распространены пироги круглой формы

(уэлибэختэ). Они готовились с разной начинкой (картофелем, тыквой, свекольными листьями и пр.), но ритуально приподнятое значение при приеме гостя имели пироги с сыром (*хэбизджынтэ*), а подача к столу пирогов с мясом (*фыдджынтэ*) означало стремление хозяев проявить подчеркнутое радушие. Пироги с мясом в прошлом, да и сейчас, практически нигде не выступали повседневной едой, их готовили только в торжественных случаях.

Торжественное застолье не обходится без мяса. Очень важное этикетное значение имеет то, как забивается скот, так как «у мусульман в какой-то степени действовал запрет на употребление в пищу тех видов животных, которые не были прирезаны (у абазин этот обычай назывался «эпсыхъвда лкэым»). Мясо в прошлом на Северном Кавказе практически полностью отсутствовало в повседневном питании, оно воспринималось, как жертвоприношение и поэтому отношение к мясным блюдам в торжественной трапезе окрашено особой ритуальностью. Повсюду в регионе мясные блюда готовили из говядины, баранины и домашней птицы (конина была распространена у ногайцев), но в различных местностях характер и этикетное значение блюд из этих видов мяса варьировались. Так, в Дагестане жаркое из мяса считалось основным торжественным блюдом, а на западе (адыги, карачаевцы, балкарцы) вареному мясу придавался более приподнятый этикетный смысл, здесь же мясо домашней птицы почиталось достойным для любого гостя, чего нельзя сказать о Дагестане.

Особый этикетный смысл имели и части туши скота. Это можно продемонстрировать описанием торжественной трапезы у осетин, вышедшим из-под пера представителя этого народа в XIX в. «На двух–трех первых столах, занятых старшими, подается между прочими кушаньями по целному бараньему корпусу и по одной бараньей голове, служащей символом старшинства и почета, по представлениям нашего народа. Равным образом снабжают кушаньями и другие столы, занятые людьми ужу помоложе и вовсе молодыми. На счет раздачи мяса тут тоже соблюдаются известные правила, освященные народным обычаем: на эти столы уже ставятся не цельные бараньи туши и головы, а известные куски или части барана, служащие тоже выражением почета, соответствующего возрасту гостей; шея, например, служа выражением степенности возраста, подается пожилому или, по крайней мере, полустепенному возрасту; лопатка определяется гостям, имеющим около тридцати лет, ребра и прочие части — молодым людям двадцати четырех — пяти лет; уши бараньи отрезаются стариками для малолетних мальчиков».

У всех народов Северного Кавказа принято в торжественном застолье к мясным блюдам, особенно к отварному мясу, подавать соусы. Отсутствие на столе соусов, которых, кстати, существует большое количество разновидностей, — это, безусловно, нарушение этикета застолья. В осетинском торжественном застолье, в частности, «вместе с мясом ставилось на стол чашка с жидкостью — приправой (*цэхдон*) из толченого чеснока, соли, кислого молока. Мясо поедали, макая его в жидкость».

Существует расхожее мнение о том, что кавказское застолье не обходится без шашлыка — жаренного на углях, нанизанного на шампуры мяса. Действительно, такое блюдо известно всем народам региона, но к разряду повседневных оно нигде не относилось в прошлом, не относится и сейчас. Шашлык в торжественных трапезах встречается реже прочих мясных блюд. Там же, где он распространен, чаще всего готовится на мужских пирах — в «*кошах*» (военных, пастушеских, сенокосных), во время коллективных обрядов жертвоприношений и т. п. Практически всегда шашлык — подчеркнуто ритуальное блюдо. У осетин шашлык (*физонэг*) появлялся в самом начале пира. «Он фигурирует обычно при произнесении первоначального тоста на пиру. Беря шампур с таким шашлыком в левую руку, а бокал в правую, старший произносит особо торжественный тост. После произнесения тоста шампур с шашлыком передается младшим».

Этикет застолья у ногайцев, как, впрочем, и вся их культура, сохранил очень много степных кочевых элементов. В этом смысле ногайцы имеют много общего с калмыками, астраханскими татарами, казаками, башкирами. Главным элементом застолья вообще, а торжественной трапезы в особенности, является чай, который принято называть калмыцким. Он готовится из особого сорта прессованного (кирпичного) чая, в котором, помимо листьев, присутствуют веточки. Приготовление этого чая составляет особый ритуал, правильное исполнение которого составляет часть этикета гостеприимства. Вот его описание, составленное в начале XX в. С. В. Фарфоровским: «Достав из сундука кусочек этого чая, ногайка топором крошит его, между тем как в это время в котле, который стоит посредине кибитки на тагане, нагревается вода; накрошенный чай она бросает в котел и закрывает деревянную крышкой. Пока закипит чай в котле, ногайка толчет черный перец, потом поднимает крышку котла и вскипевший чай процеживает через сплетенный камыш в отдельную деревянную чашку; остатки чая (*чама*) остаются на камыше, а чистая жидкость стекает в посуду. Процеженный чай выливается обратно в котел, куда всыпается толченый перец и вливается молоко: затем все это закрывается крышкой. Насчет молока для калмыцкого чая следует упомянуть, что верблюжье молоко считается лучшим, чем коровье. Так, когда угощают особенно дорогого гостя чаем, то прибавляют, что чай с верблюжьим молоком (*туэ-сут*)... Когда чай готов, то ногайка переливает его из котла в посуду, кладет туда масло, соль (по вкусу), и ковшом с длинной ручкой, охлаждает его... Пока ногайка нальет чай в деревянные ковши, хозяин дома берет рукомыльник с теплою водою, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. По окончании этой обязательной церемонии хозяйка раздает чай в ковшах, на деревянном подносе вроде скамейки... и разломанный в куски хлеб-пышку. Выпив чай, гости поднимают руки вверх, читают молитву, потом водят руками по лицу и говорят хозяину: «*Аллах беретет берсын*» т. е. «Бог да вознаградит взамен», а хозяин отвечает: «*Аш-болсун*», т. е. «Пусть будет пищей». Эти выражения со стороны как гостей, так и хозяйина,

высказываются вообще после еды. После еды и благодарственной молитвы хозяин подает воду из того же рукомойника для умывания рук. Все эти церемонии проделяются с замечательно важным и чинным видом. Присутствуя при церемонии чаепития, мы воображали, что присутствуем при каком-то священнодействии, — так важны были все окружающие нас».

Важным элементом застольного этикета ногайцев, отличающим их от прочих народов Северного Кавказа, является особое место в нем конины. Она считается самым лакомым и почетным блюдом. Из нее готовят колбасу (*казы*), *беш-бармак* и *шашлык*. При приеме почетного гостя считается хорошим тоном и свидетельством особого радушия и щедрости хозяина развешивать *казы* и другие изделия из конины по стенам жилища «чтобы показывать гостям, что они (хозяева — авт.) не пожалели ничего и готовы угостить дорогих гостей на славу».

Блюда, которых в торжественном застолье до нескольких десятков, подавали в определенной очередности — вначале принято подавать лепешки, пирог с сыром, пшеничную или другую кашу с вареным мясом и соусами, на востоке иногда начинают с фруктов, вторая очередь — это обычно ритуальные части животного, пожертвованного гостям, чаще всего вареную голову барана; бульон, индейка, курятина, жаркое из говядины или баранины, блюда из яиц, сметаны, сыра.

Обслуживающая молодежь подает блюда по рангам — сначала старшему гостю, затем тамаде и т. д. У адыгов началом трапезы служит обрядовое действие: тамада берет двумя руками хлеб или пирог с сыром, произносит благопожелание, протягивает пирог одному из младших, который, не касаясь его руками, откусывает кусок.

Особенно регламентировано этикетом отношение к голове жертвенного животного. Челюсть обычно на стол не подают — это женская еда. Подают лишь правую часть вареной бараньей головы. Ее ставят перед старшим гостем, который обязан ее учтиво передать старшему из хозяев. Тот приступает к ответственному ритуалу ее дележа между присутствующими. В разных местах это происходит по-разному, но везде сам процесс воспринимается не как дележ пищи, но как своеобразное причащение.

Правила хорошего тона предписывают: нельзя есть жадно и много; нельзя надкусывать куски пищи и перемешивать их; желательно большую часть кусков оставлять нетронутыми, так как в старину у адыгов и других народов они обычно передавались более молодым. Сейчас этого обычая нет, но остался этикетный принцип сдержанности. Нельзя за едой пить воду — это жест, означающий, что человек насытился и больше есть не будет, у него обычно сразу же убирают тарелку.

При необходимости выйти из-за стола надо обратиться с вежливой просьбой к тамаде, а при возвращении исполнить обряд прихода как бы впервые, то есть произнести благопожелание (тост), выпить за присутствующих бокал, дать себя усадить на место кому-нибудь из младших хозяев.

В застолье есть ряд правил, противоречащих общим принципам этикета — здесь не встают при появлении старших и женщин, в особых случаях встают все, кроме тамады. У адыгов об этом есть пословица: «Стол старше». К столу нельзя поворачиваться спиной или боком, класть на него не относящиеся к трапезе предметы.

Как известно, по законам шариата правоверным пить спиртное категорически запрещено, тем не менее, на Северном Кавказе традиции употребления различных спиртных напитков в торжественном застолье настолько укоренились, что даже у народов Дагестана, района наиболее древнего распространения ислама, они имеют широкое бытование и важное этикетное значение. Даже в песне Шамиля, лидера движения мюридизма, особенно ревностно насаждавшего нормы шариата, лично не принимавшего спиртное, есть такие слова:

*Не раз мы покоряли,
Не раз мы молились с друзьями,
Не раз кругом ходили между нами чаши,
Не раз мы пивали из них, вспоминая имя Алаха.*

Чеченский этнограф З. Х.-А. Берсанова утверждает: «Несмотря на то, что по законам шариата мусульмане не должны употреблять спиртные напитки, этот запрет практически игнорируется чеченцами. Более того, все тосты сопровождаются обращениями к Аллаху о ниспослании всевозможных благ».

В старину, до 20-х гг. XX в. спиртные напитки пили вкруговую из особой чаши (от 1,5 до 3 л.) по особому ритуалу: начинал старший гость и передавал соседу справа, сопровождая этот жест особым возгласом, принятым в той или иной местности (например, «Идет твоему наследию добрый путь» в Центральной Кабарде или «Путь добрый» в Малой Кабарде). Так обычно пили бузу — слабо хмельной напиток из проса.

В более позднее время стали пить из отдельных кубков, причем, вино и водка почти повсеместно вытеснили бузу. Количество людей, имеющих право на тост, всегда ограничено. Раньше только два человека произносили благопожелание — тамада и старший гость. Позже количество произносящих тосты увеличилось, появился обычай «кубка прибытия», который наполняли вновь прибывшему, «штрафного кубка», который по приговору тамады должен выпивать нарушитель застольного этикета.

Во всяком случае, напиваться пьяным в северокавказском застолье нельзя — за это вежливо, но твердо выведут из-за стола, а это позор надолго. Здесь раньше, а во многих местах и до сих пор, царил принцип, выраженный у адыгов формулой: «Спиртное пьют по желанию, а не по принуждению». Тот, кто с показной лихостью осушает бокал до дна, всегда будет молчаливо осужден большинством присутствующих. Пить без тостов вообще не полагается.

Завершение застолья производится по нормам этикета. Обычно инициативу проявляет старший из гостей, вслед за чем тамада провозглашает тост в честь гостей. Следующий тост за хозяев и, особенно за тамаду провозглашает старший из гостей, и все поднимают заключительный кубок (у кабар-

динцев — тэджин). В некоторых местностях принято провозглашать еще один заключительный тост уже на дворе — повернувшись лицом к дому, старший из гостей высказывает благопожелание хозяевам и все осушают бокал (он у кабардинцев называется «стремненным») уже в последний раз.

Традиционный этикет в современных условиях

■ Как культурная традиция в целом, так и ее важная составная часть — этноэтикет, всегда находятся в процессе трансформации, реагируя на политические, экономические и социальные изменения в жизни общества. Традиционный этикет народов Северного Кавказа в новейшей истории этого региона в целом сохранился и в общественном сознании и, в общественной практике, но некоторые его элементы утратили былое распространение и значение, а другие приобрели иной смысл.

Поскольку любая этикетная ситуация — это общение людей, обладающих разными статусами (общественными, возрастными, половыми, родственными и т. п.), соответственно которым нормы этикета и предписывают вести себя, постольку исторические изменения, затрагивающие статусную структуру общества, неизбежно приводят и к изменениям этих норм. Реформы, проводимые в Российской империи с 60-х гг. XIX в., коснулись и Северного Кавказа. На культуру общения особенно сильно повлияли отмена крепостной зависимости там, где она существовала, возрастание роли имущественного положения людей, частичная эмансипация женщин и младших членов семейно-родственных коллективов. В конце XIX — начале XX вв. повсеместно падает роль аристократии, которую в системе местного управления стали вытеснять разбогатевшие крестьяне.

И. Бабич, исследовавшая эту проблему, отмечает эту тенденцию у кабардинцев, всегда отличавшихся особым почитанием аристократических титулов. Так, если в первой половине XIX в. в составе Временного Кабардинского суда «из 12 его членов 10 человек были из привилегированных сословий, таким же был состав окружного и участкового судов в 60-х гг. XIX в. К концу же XIX в. на эту должность стали выбирать богатых кабардинцев из простого сословия».

В это же время отмечается падение влияния стариков в системе местного управления, что нашло свое выражение в изменении возрастного состава выборных органов власти. В Кабарде «...к началу XX в. активизируется... более молодая возрастная группа: от 21 до 30 лет. В 1902–1903 гг. 23,3% от общего состава помощников старшин составляли молодые кабардинцы в возрасте до 30 лет (по сравнению с 10,5% в 1883–1884 гг.)».

Нет нужды говорить, что отмеченные процессы получили свое развитие в годы гражданской войны и после нее. Многие представители аристократических фамилий были уничтожены в ходе революции и гражданской войны, эмигрировали с белыми армиями и были репрессированы в 20–

30-х гг. Молодежь, особенно из бедных слоев, получила особую поддержку по причинам, о которых писала в 1922 г. газета «Красная Кабарда»: «Стариков у нас обычно слепо почитают и уважают, кто бы и какие они ни были. А богатых стариков — тем более. Поэтому председатель и секретарь исполкома обязаны слушаться стариков Шахмановых, Шардановых и др. Молодой, будь он в несколько раз умнее и лучше старика, должен молчать... Стариковство в Кабарде — подрыв пути к пролетарскому строительству».

В последующие годы общественная роль стариков снижалась, их управленческие функции на местах переходили к должностным лицам советской власти. Это обстоятельство парадоксальным образом привело к повышению этикетного статуса пожилых людей. Если раньше (в XIX — начале XX вв.) в культуре общения и поведения «социальное старшинство» и «биологическое старшинство» дифференцировались с преимуществом в отношении первого, то сейчас внешнее проявление почтения осуществляется в первую очередь к людям преклонного возраста.

Положение женщины на Северном Кавказе в течение XX в. значительно изменилось. Так, по данным Я. С. Смирновой, «в Кабардино-Балкарии уже к 1970 г. доля женщин в народном хозяйстве достигла 49%, среди специалистов с высшим образованием — 47%, среди учащихся высших учебных заведений — 71%. Эти показатели оказались выше общесоюзных (соответственно 51,37% и 48%)».

Тем не менее, обычаи избегания между мужчинами и женщинами сохранились и проявляются, хотя нередко и в чисто символической форме, во всех сферах жизни, начиная со сватовства и свадьбы. Так, в Дагестане, даже в плоскостных районах проживания переселенцев-горцев, где древние обычаи быстрее всего трансформируются, жених и невеста не имеют права встречаться в общественных местах, накануне свадьбы жених скрывается в «другом доме», на самой свадьбе жених и невеста в большинстве случаев не присутствуют.

Как исключение из правил воспринимаются до сих пор такие поступки, как совместное появление мужа и жены в общественных местах, публичное общение отцов со своими детьми, появление на улице отца с грудным ребенком на руках, совместное участие в трапезе отца и его сыновей. Впрочем, в городах, и особенно среди молодежи, эти явления стали не такими уж редкими. По наблюдениям этнографов и данным этносоциологических опросов 70-х — 80-х гг. XX в. «у кабардинцев в возрастной группе 20–24 года бывают с женой или мужем в клубе 85% горожан и 61% сельских жителей, а в возрастной группе 60 лет и выше — только 78 и 12%». «Уже приблизительно половина отцов берет детей на руки при старших родственниках или посторонних или даже появляются с ними в общественных местах».

Сохраняются до сих пор обычаи избегания между невесткой и старшими родственниками мужа. В городах они проявляются в смягченной форме, но у некоторых народов, особенно в аулах, они бытуют в полном объеме, предписанном традицией. Наибольшая степень эмансипации женщин

в этом аспекте наблюдается у осетин — у них, в частности, невестки в 1,5 – 2 раза реже соблюдают положенные запреты, чем у кабардинцев. Смягчение этих запретов проявляется в постепенном исчезновении такого архитектурного элемента, как отдельный женский вход в дом с тыльной стороны. Исследователи подсчитали, что у кабардинцев и балкарцев более 90% домов имеют лишь один вход, в то время как у адыгейцев по-прежнему принято сооружать два входа.

Можно уверенно сказать, что в рамках малой семьи, особенно в городе, правила избегания между мужем и женой и между отцом и детьми почти полностью ушли в прошлое. Нередко можно наблюдать своеобразный «двойной стандарт» поведения одних и тех же людей в сельской местности и в городе, в отношениях к односельчанам и приехавшим из города. Так, этнографы отмечают случаи, когда отец по традиции отдельно обедает с сыном, живущим в одном с ним ауле, но другого сына, приехавшего погостить из города, усаживает за один стол с собой. Таким же образом для женщин, достигших в городе значительного образовательного или должностного статуса и приехавших в гости к родственникам в аул, делают немало исключений из правил ограничительного поведения.

В современных условиях продолжают жить старинные обычаи почитания «старших женщин» (у кабардинцев — *гуаше*). «Старшими» по-прежнему именуют не только женщин преклонного возраста или жен глав семей, но и любую женщину, которая слывет знатоком Корана, отличается мудростью и справедливостью, умеет лечить народными средствами. «Старшими» в этикетных ситуациях человек называет также жен своих старших братьев, даже если они по возрасту моложе его (т. н. «позиционное старшинство»).

По-прежнему, особенно в сельской местности, соблюдаются этикетные правила обхождения со «старшими женщинами»: «1) младшие обязаны уступить дорогу пожилым и старшим женщинам, 2) младшие должны встать при появлении старших женщин, 3) младшие не должны переходить дорогу женщинам старшего возраста, 4) младшие не должны сидеть со старшими женщинами за одним столом». Современные наблюдатели отмечают, что «... если в самый разгар мужского злословия в карачаевском ауле показать на присутствующую женщину и сказать *«анады ол»* («она — мать»), брань или двусмысленные шутки прекращаются».

Как уже отмечалось, официальное положение старейшин в XX в. практически сошло на нет, хотя в 60–70-х гг. XX в. в республиках Северного Кавказа проводились кампании по организации «Советов старейшин» при местных административных органах и райкомах КПСС. Эти советы, однако, играли чисто декоративную и пропагандистскую роль. Впрочем, и тогда и сейчас нет такого аула, среди стариков которого не было бы авторитетных людей, к чьему мнению принято прислушиваться, а неуважительное отношение к ним воспринимается как оскорбление всего общества. Тем не менее, не следует думать, что упоминаемые в последнее время в средствах массовой информации решения советов старейшин — это обязатель-

ные к исполнению акты, исходящие от структур, обладающих реальной властью. Фактическая власть в республиках Северного Кавказа принадлежит официальным государственным органам и неофициальным могущественным экономическим и политическим элитам. И те, и другие нередко используют риторику о традиционных институтах старейшин, а также о древних родовых корпорациях типа тэйпов, фамилий, тухумов, в качестве психологических и пропагандистских средств достижения своих целей.

Часто собрания современных советов старейшин аулов, тэйпов, фамилий — это этикетное, т. е. поверхностное выражение неких скрытых процессов, имеющих отнюдь не традиционную подоплеку. Нередко они выступают и формой выражения общественного мнения, с которым реальные властные структуры могут и не считаться.

Как известно, общинные традиции сельских сходов народов Северного Кавказа не исчезли полностью в советские времена. Многие их функции переместились в собрания колхозников, при этом старинные элементы культуры общения на самих собраниях и вообще на традиционных местах их проведения (*годекан, ныхас, хаса, ким* и т. п.) сохранились. Сохранились и функции регламентации общественного поведения, связанные с этими институтами. И в современную эпоху на сходах принимаются решения, предписывающие нормы поведения в отношении преступников и их родственников («этикет кровников»). В качестве примера можно привести случай произошедший в Осетии и описанный И. Бабич: в селении Сурх-Дигора в 60-х гг. XX в. произошло убийство, «убийцу судили в местном народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь клан виновника инцидента, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Гобеевы (фамилия убийцы — авт.), не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы».

Вообще у осетин и раньше, и сейчас весьма распространен обычай бойкота — *хъод* (исключение из системы общения), как средство наказания преступников и их родни. «Хъод был применен и в случае умышленного убийства в г. Алагирь, происшедшем в 1996 г. Примирительный совет запретил виновной стороне участие в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях алагирцев, предложил им покинуть Алагирь... Решение *ныхаса* было беспрекословно выполнено».

По-прежнему бытует и ритуал примирения кровных врагов, сохраняя много древних этикетных элементов. «У адыгов, как только случившееся (убийство — авт.) получает известность, медиаторы (посредники, избираемые из числа наиболее почитаемых жителей селения — авт.) (в головных уборах, в одежде с длинными рукавами) идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит вначале к старшим по возрасту членам семьи

потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходит один из старших по возрасту семьи потерпевшего и медиаторы предлагают этой семье оказать материальную помощь. Медиаторы не имеют права предлагать материальную поддержку непосредственно родителям умершего. Подобные переговоры — процесс длительный, и иногда медиаторам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа медиаторов идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывает в примирении до 2–3 раз».

Этикет гостеприимства и застолья в XX в. также претерпел некоторые изменения. Во-первых, церемония гостеприимства, сохранив основные традиционные элементы, в целом упростилась. Гостеприимство сейчас существует как бы в двух вариантах — семейном и «официально-должностном».

В старину прием почетного гостя, даже если он прибыл к одному определенному лицу, было делом значительной по размерам родственной корпорации или всего селения. Сейчас же в большинстве случаев его принимает отдельная семья. Теперь даже почетного гостя редко встречают на дальних подступах к селению и еще реже провожают до места его жительства. Так же редко гости остаются ночевать, не говоря уже о длительном проживании в доме хозяина. Градация «почетности» гостя упростилась — по наблюдениям исследователей наиболее почетными считаются близкие родственники супруга, живущие далеко. Особенно торжественно принимают родственников, прибывших из-за границы, в частности, у адыгов — это те, кто в разное время эмигрировал в Турцию, Иорданию, Сирию и другие страны и их потомки.

Княжеское и дворянское происхождение сейчас не играют практически никакой роли в определении степени «почетности» гостя, хотя во многих местностях память об аристократическом происхождении отдельных фамилий хорошо сохранилась. Наиболее распространенным критерием «почетности» гостя выступает возраст человека. Если в старину он уступал порой по значимости сословному или должностному статусу, личным заслугам, то теперь явно превалирует. Отец и сыновья, старшие и младшие братья, мужчины и женщины и сейчас за один стол по возможности не усаживаются, но уже весьма часты нарушения этого правила.

Т. н. «деловые гости», прибывшие не с целью погостить, а по какому-либо делу, сейчас принимаются еще проще, чем в старину. Уже допустимо то, что раньше воспринималось как грубое нарушение этикета — сразу же спросить о цели их приезда.

«Официально-должностное» гостеприимство у народов Северного Кавказа чаще всего связано с приемом «нижестоящей» представителей «вышестоящей» инстанцией, либо коллег по профессии, прибывших из-за пределов района, республики или из «центра». Принимающей стороной выступает здесь не отдельный человек, семья или родственно-корпоративная группа, а учреждение. Как правило, в таком приеме гостей традиционные элементы кавказского этикета присутствуют в большом количестве, но са-

мо это явление нельзя назвать органической частью традиционной культуры. Традиционные элементы в данном случае — это конструируемый сознательно «кавказский колорит» для мероприятия, сущность которого определяется контекстом деятельности, протекающей порой за рамками этнической традиции. В России уже давно сложилось представление о кавказском гостеприимстве, по удачному выражению Ю. Д. Анчабадзе, как об «устойчивой черте стереотипа поведения народов Кавказа, как элементе кавказской этнической психологии». Это представление обладает императивной природой — оно порождает определенные ожидания у всех приглашаемых в регион извне, оно же обязывает принимающих соответствовать стереотипу.

Прием гостей на «официально-должностном» уровне чаще всего представляет собой комбинацию элементов этнической традиции с общероссийскими и европейскими элементами. Этнические обычаи не столько исполняются сколько демонстрируются. От гостей, да и от хозяев не требуется жесткого соблюдения этикета, нормы почтения определяются не традиционным критерием, а по должностной субординации. Сам порядок приема нередко строится на импровизации.

Этикет торжественного застолья в современных условиях сохраняет основные традиционные принципы, но жизнь привнесла в него много новых элементов. Уже нигде не пьют круговую чашу, у всех гостей индивидуальные бокалы. Ушел в прошлое традиционный хмельной напиток — буза, вытесненный водкой и вином. Давно уже не стоят за почетными гостями молодые родственники хозяина, им не передают оставшиеся куски с тарелок гостей. Тосты говорят почти все присутствующие, а не только тамада и старший гость. Более того, сам тост из сакрального благопожелания порой становится либо упражнением в остроумии, либо средством наказания или даже мести. Так, у адыгов «...после драки или нанесенного оскорбления виновного могут опозорить во время какого-либо торжества. Например, ему не дают произнести тост, или во время тоста говорят о нем плохо...».

Вообще наиболее стойко традиционные нормы застольного этикета держатся на свадьбах. Этому способствует и подчеркнуто ритуальный характер мероприятия, и то, что для большинства населения региона это чуть ли не единственный вид обильной торжественной трапезы.

Традиционный этикет русского населения

■ Необходимо специально остановиться на обосновании понятия «этноэтикет» применительно к русским. Мы рассматриваем это понятие преимущественно как обозначение специфической системы поведенческих норм, характерных для русских крестьян, в разное время и из разных местностей Российской империи переселившихся на земли Северного Кавказа. Затрагиваются при этом и специфические черты культуры поведения, характерные для казаков.

Характер внутрисемейного общения у северокавказских казаков определялся особенностями исторической судьбы этого сословия. В начальный период своего существования казачество отвергало брак как таковой, так же как и земледельческий труд, живя, главным образом, за счет военной добычи. Со временем оно превратилось в особое военное сословие, получающее жалованье в виде земельных наделов, не облагаемых налогами. Это придавало положению казаков известную двойственность — с одной стороны, они были воинами, обязанными значительное количество времени (порой помногу лет) отбывать военную службу вдали от дома, а с другой, — возделывать землю, за счет чего обеспечивать существование своих семей и приобретать воинскую экипировку. В такой ситуации отношение к женам со стороны казаков приобретало противоречивый характер: как представители воинской корпорации они на уровне внешне-выраженных этикетных моделей поведения дистанцировались от всего, что было связано с женским миром и семьей (характерны слова из казацкой песни — «На свете нет бабы такой, чтоб нас опечалить сумела / Каленый клинок да гармонь, а бабы — последнее дело») и в этом контексте историческая память о былых временах холостой вольницы и удалства постоянно воспроизводилась в казацком общественном сознании и фольклоре; с другой стороны, хозяйственная основа жизни казаков почти полностью зависела от женщин, даже в бóльшей степени, чем у крестьян, и поэтому казачки в повседневной жизни отличались независимостью поведения и предприимчивостью. Казак зависел от своей жены и матери и не мог не проявлять к ним почтительности, хотя это и противоречило доминирующим стандартам мужского поведения. Л. Н. Толстой, долго живший среди гребенских казаков, тонко подметил это обстоятельство: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать... Вследствие этого женщина, усиленно развиваясь и физически, и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения бóльшее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту... Казак, который при посторонних считает неприличным ласково или праздно говорить со своей бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз... Хотя он и твердо убежден, что труд постыден для казака и приличен только работнику-ногайцу и женщине, он смутно чувствует, что все, чем он пользуется и называет своим, есть произведение этого (женского — авт.) труда и что во власти женщины, матери или жены, которую он считает своей холопкой, лишить его всего, чем он пользуется».

Особенности положения казачек привели к складыванию особого женского психологического типа и сказались даже на характерных особенностях их внешности. Л. Н. Толстой пишет о гребенских казачках: «...постоянный мужской, тяжелый труд и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характер гребенской женщине и поразительно развили в ней физическую силу, здравый смысл, решительность и стой-

кость характера. Женщины большею частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков». Все это не могло не сказываться на манере поведения казачек — ни для кого из наблюдателей не было секретом, что внешняя покорность мужчинам и сдержанность казачек почти никогда не являются свидетельством слабости и робости — это своеобразная социальная регламентированная игра и, во всяком случае, признак ума и такта.

Специфика казацкой культуры поведения в общественной жизни, по сравнению с крестьянской, заключалась в том, что она состоит, как минимум, из трех сфер, которые взаимопроникают, но никогда не смешиваются полностью, основываясь на разных императивах. Речь идет о (1) внутриобщинной сфере, охватывающей станичное сообщество, разделенное на хуторские коллективы; (2) служебной сфере, связанной с действительной военной службой и службой в резерве и (3) сфере общения с миром за пределами казачества, преимущественно с т. н. «иногородними» (давними и недавними крестьянами-переселенцами из «России и Малороссии») и представителями горских и иных народов Северного Кавказа.

Общение в рамках станичного и хуторского сообществ определялось принципом равенства казаков, который к началу XX в., конечно, утратил характер безбрежной вольницы, свойственной казачеству в древности. Начиная с петровских времен, полномочия казацкого круга, решавшего ранее все без исключения дела коллективно и без какой бы то ни было санкции извне, стали ограничиваться имперскими институтами и к началу XX в. древний казацкий демократизм сохранился в какой-то степени лишь на уровне низовых общинных образований, да и то был ограничен вопросами внутрихозяйственного регулирования и соблюдения «благочиния». Тем не менее, и это сфера определяла многое в общении станичников между собой.

В частности, равенство в ходе проведения общественного схода (круга) проявлялось и в том, что чины, полученные на действительной военной службе (иные казаки дослуживались до штаб-офицерских званий) не давали никаких официальных преимуществ. Если здесь и была какая-либо иерархия, то выражалась она в делении на молодых и стариков. Голос последних был более весом.

Вступление по приказу начальства в состояние воинской службы означало для казаков «переключение» на совершенно иные принципы общения, которые в XVIII–XIX вв. были четко регламентированы специальными воинскими уставами. В этом состоянии станичники как бы забывали о своих соседских и родственных отношениях — все определялось воинской субординацией, нарушения которой карались не менее строго, чем в регулярных войсках империи. Впрочем, и здесь была казацкая специфика — строгое чинопочитание и исполнение приказов соблюдалось преимущественно в строю (во время учений, боевых действий), а вне строя наблюдатели фиксировали товарищеские отношения между земляками, в которых разница в чинах была незаметна. Надо сказать, что в каждом из казачьих полков складывались особые обычаи, которые действовали наряду с уста-

вами, а иногда они были и более значимы. Эти обычаи уважались и признавались даже офицерами-дворянами, служившими в казачьих частях. Можно сказать, что в российской армии сложился особый стиль казачьей воинской службы, стиль, отличающийся от других родов войск, в частности, тем, что личное достоинство рядового казака, как правило, уважалось начальством. Так получилось потому, что это достоинство основывалось на сословной гордости казака, воспитывалось с детства и поддерживалось общественным мнением станичников.

Служба в резерве (караульная, полицейская, почтовая и пр.) без длительного отрыва от дома отличалась гораздо менее строгой должностной субординацией и допускала элементы вольницы. Герой повести Л. Н. Толстого «Казачьи» Лукашка, считавшийся «справным» казаком, но еще не прошедший действительной службы, находясь в карауле, позволил себе поступить не очень почтительно по отношению к своему непосредственному начальнику: «Дядя Мосеев — прибавил он решительно и почти повелительно уряднику, — пора сменять! — и, подобрав ружье, не дожидаясь приказа, стал сходить с вышки». В этой сфере поведение казаков регламентировалось в большей степени обычаями, чем уставами.

Вступая в общение с представителями неказачьего населения, казаки также «переключались» на специфические модели поведения. Общаясь с иногородними крестьянами, которых на Северном Кавказе к началу XX в. стало гораздо больше, чем казаков, последние вели не без высокомерия, как представители привилегированного сословия, их взаимоотношения усложнялись постоянно обостряющимся земельным вопросом. Можно говорить о существовании некоего коммуникативного барьера между этими двумя категориями русского населения края. Барьер этот порой усугублялся мероприятиями имперской власти, в частности, издаваемыми ею приказами, запрещающими выдавать казацких дочерей замуж за иногородних с целью предотвращения утечки земель из войскового фонда и сокращения численности казаков, так как принадлежность к этому сословию определялась по отцу.

Общение казаков с представителями горских народов также осуществлялось через своеобразный коммуникативный барьер. Исторически эти группы были врагами, но врагами, давно знакомыми и уважающими друг друга, поэтому общение через барьер было вполне симметричным, выработавшим за века много обычаев, позволявших не только воевать, но и дружить. Казаки издавна вступали в куначеские отношения с горцами, так как без таких отношений человек на Северном Кавказе лишен возможности решать многие жизненно важные проблемы. Сам кавказский обычай куначества стал у казаков неким образцом, определяющим стиль взаимоотношений между людьми вообще, то есть стал казачьим обычаем. Характерны высказывания героев уже цитированной повести Л. Н. Толстого: «Э, да ты я вижу молодец! — говорит казак Ерошка юнкеру Оленину, который ему понравился, — Мы с тобой кунаки будем»; Лукашка на замечание Оленина о

плате за подаренный ему кинжал с возмущением воскликнул: «Как можно, — кунаки! Меня так-то за рекой Гирей-хан привел в саклю, говорит: выби-рай любое. Вот я эту шашку и взял. Такой у нас (выделено авт.) закон».

Горский институт «наездничества», связанный с военными набегами, издавна стал и казацким обычаем, окончательно не искорененным имперскими властями и в XIX в. Казаки в военных походах «за линию» преследовали не только официальные цели «замирения», но и, ставшие для них традиционными, цели захвата добычи. Власти нередко смотрели на это сквозь пальцы, хотя в отношении таких же поступков со стороны регулярных войск порой принимали строгие меры, расценивая это как мародерство. Характерным примером может служить поступок Лукашки из повести Л. Н. Толстого «Казаки», который присвоил оружие и одежду убитого им в секрете чеченского джигита. Для его товарищей и начальства это было реализацией священного права казака и, кроме того, проявлением его доблести. Известны случаи, когда казаки совершали набеги с целью угона скота у «мирных татар» и иногородних.

Обобщенно говоря, казаки и горцы в своих действиях пользовались схожими моделями или, фигурально выражаясь, использовали понятия одного «поведенческого языка». И не только поведенческого — казачество, как органическая часть северокавказского социокультурного пространства, в большинстве своем владело и местными языками межэтнического общения, каковыми выступали тюркские («татарский» язык) языки, преимущественно близкие по строю ногайский и кумыкский, как языки в прошлом самых мощных политических образований края. Ими владели и русские православные казаки, не говоря уже о жителях мусульманских станиц Кавказской линии и казаков из Татарской станицы Войска Донского, которые периодически компактными группами «испомещались» на Северном Кавказе или подолгу служили здесь на действительной военной службе.

Специфика культуры общения казацкой молодежи выражалась, прежде всего, в ориентации на военную службу мужской ее части. Молодые казаки с детства проходили несколько этапов подготовки к военному делу, начиная с обряда «посаждения на коня» (древний степной обычай, распространенный и у многих горских народов) в раннем детстве. Они с ранней юности привлекались к несению службы в качестве «товарищей» или «чур» («джур») у «старых» казаков, выполняя обязанности денщиков, оруженосцев, посыльных и т. п. В XIX в. военная подготовка казацкой молодежи была регламентирована по утвержденной вышестоящими инстанциями программе, в которую входили джигитовка, стрельба из огнестрельного оружия, обязательное начальное образование, изучение воинских уставов и пр. В процессе этой подготовки образовывалась и неформальная корпорация юношей-ровесников, которая во многом напоминает мужские союзы горских народов (*бахтачияры* и *сидер-бахру* в Дагестане и т. п.). Эти юношеские корпорации, помимо выполнения официальных задач сословного характера, обладали и иными особенностями. В частности, в их рам-

как формировались такие поведенческие установки, как взаимовыручка, круговая порука, соревновательность в лихости (нередко предосудительного, если не противозаконного характера). Общение в рамках таких сообществ регулировалось системой неформальных статусов их членов, полученных в военизированных акциях (драки, набеги на ровесников из соседских станиц или аулов и т. п.), в демонстрациях лихости и бесстрашия. Начальство нередко наказывало мальчишек за проказы, но общество втайне все это, если не одобряло, то и строго не осуждало — «без этого хороший казак не получится». Роль подобных поколенных когорт в жизни казачества была весьма велика. Группы ровесников из одной станицы или хутора, как правило, одновременно призывались на действительную службу, такие группы часто совместно служили в одних полках и сотнях. В результате формировались мужские сообщества, на всю жизнь связанные отношениями взаимопомощи, солидарности и взаимоответственности. Все это во многом аналогично горским союзам (побратимствам) джигитов, таким, как описанный выше военный союз у осетин *эрхорд эмгэртэ* и др. Товарищеские узы, сложившиеся в юности, нередко закреплялись побратимством, известным в православной среде — казаки обменивались крестами, давали клятву и становились крестовыми братьями. Такие узы считались более важными, чем узы родства.

Культура приема гостей и проведения торжественной трапезы у русских крестьян и казаков сохранила древние обычаи. Особенно архаичные элементы отличают общественные пиры, называемые в разных местностях *братчинами, канунами, ссыпчинами, складчинами, свечой*. Все эти общественные пиры или трапезы, как правило, приурочивались к большим церковным праздникам и порой носили соответствующее название — Покровщины, Ильющины, Никольщины и т. д.

Многие наблюдатели отмечали особенное гостеприимство русского крестьянства и казачества, среди которых обычай радушного приема любого путника почитался священным. Об этом свидетельствует фольклор: «Гость в дом — Бог в дом», «В поле враг, дома гость: садись под святые, починай ендову» и т. п. Обычай гостеприимства имел два варианта, существенно отличающиеся друг от друга. Первый — прием незваного гостя, которому хоть и оказывались знаки уважения, но не принято было по поводу его прихода устраивать праздник. Его довольно быстро как бы принимали в состав семьи на правах старшего, уважаемого члена.

Второй вариант — прием званого гостя. Он был наполнен множеством этикетных элементов. Само приглашение представляло собой довольно сложный ритуал. Оно было обязательным. Приглашение делалось часто через «*позывающих*», но считалось, что личное приглашение хозяина — знак большей чести. Принимать приглашение с первого раза считалось неприличным и поэтому было нормой делать его несколько раз. Приходить в гости первым также считалось неприличным, это могли сделать лишь очень близкие родственники хозяина.

Встречать гостей хозяин был обязан лично, при этом учитывая их возраст, общественное положение и степень родства. В соответствии с этой градацией он встречал гостя либо у ворот усадьбы, либо у крыльца, либо у входа в горницу. Гости в свою очередь тоже согласно этикету не могли въезжать во двор, а останавливались у ворот и к дому шли пешком.

Главным моментом приема гостей было застолье, трапеза. Начиналось застолье с рассаживания гостей за столом. Везде это делалось примерно одинаково: место хозяина дома было в красном углу под образами, причем принято было сидеть не прямо в углу, а немножко в стороне, чтобы не находиться на линии между главной иконой и столом (пословица — «Между Богом и столом только дурак»); место справа от хозяина считалось самым почетным, его занимал либо самый старший гость, либо самый важный; места рядом с хозяином по лицевой стене избы занимали мужчины в соответствии со своим возрастом и положением — чем младше, тем дальше от красного угла. Женщины раньше вообще за стол не садились, в XIX в. это правило еще кое-где соблюдали, но обязательно оно было только на общественных пирах-братчинах. При гостевании на частном пиру женщины занимали места ближе к печи.

Всякое застолье, в особенности торжественное, требовало от всех соблюдения некоторых общих этикетных правил. Стол в русском народном мировоззрении — вещь святая, «стол — то же что в алтаре престол, а поэтому и сидеть за столом и вести себя нужно так, как в церкви», не зря существовал обычай целования стола перед дальней дорогой. Таким же священным для земледельца был хлеб. Начав есть кусок хлеба, надо доедать его до конца, недоеденный кусок нельзя оставлять на столе; нельзя доедать кусок за кем-либо, в особенности мужчине за женщиной и женщине за мужчиной — этим можно отнять чужую силу; то же самое может произойти, если есть у кого-либо за спиной; нельзя, не доев один кусок, браться за другой — этим поступком обрекаешь кого-то на голод; нельзя макать хлеб в соль — своеобразная народная трактовка сюжета из Евангелия, в котором Иисус говорит об Иуде: «опустивший со Мною руку в блюдо: этот предаст Меня» (Матфей, XXVI, 23). «Кто берет соль из солонки пальцами, а не ножом или «цавьем» ложки, того смело можно считать тайным врагом дома «юдашом околелым». Нельзя ложку опирать о край чашки — по ней нечистая сила может перебраться.

Во время трапезы принято было, чтобы хозяин собственными руками подавал лучшие куски еды наиболее солидным гостям. Ели чаще всего руками, беря куски с общего блюда, а жидкую пищу хлебали ложками из общей чаши, если же гостей было много, то одна чаша приходилась на 3–5 человек. Наиболее почетным гостям в знак уважения было принято подавать особое («опричное») блюдо. Такой порядок трапезы был характерен еще в XVII в. и для знатных вельмож, к началу же XX в. он удержался лишь у крестьян, да и то не везде, т. к. его вытеснили элементы мещанского этикета.

Неизбежным атрибутом праздничной трапезы с глубокой древности были спиртные напитки. Обычай пить за здоровье (впрочем, также и в «погибель») зафиксирован в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». Известны описания жестоких попок при дворах русских царей и вельмож, когда хозяин стремился непременно сподручить своих гостей, провозглашая тосты за свое здоровье или здоровье государя и, наполняя полуведерные кубки крепкой брагой или медовухой (водка распространилась на Руси не раньше XVI в.) Не выпить за такой тост до дна было нельзя. Как утверждает З. Герберштейн, свидетель таких пиров в XVI в., «Кто не выпил до дна, не пожелал добра».

Не сомневаясь в том, что подобные описания отражают реальное положение дел, необходимо отметить, что речь идет о пирах дворянской знати, которая еще с дружинных времен сохраняла особые, рыцарские по своей сути, обычаи всякого рода ристалищ, поединков и вообще соревновательности во всем. Подобное явление долго сохранялось и в среде казачества, выступавшего наследником древних рыцарских традиций. Что же касается крестьянства, то оно до начала, если не середины XX в., в повседневной жизни потребляло спиртных напитков очень мало и по освященной традицией правилам. На торжественных пирах пили чаще всего самодельное пиво, медовуху или брагу. Еще в XIX в. в ходу был обычай пить круговую чашу, которая называлась братина, так же как и общественные пиры — братчины. Пили, передавая ее по солнцу, таким образом, соблюдая возрастную иерархию. Девушки и неженатые парни во многих местностях до 30–50-х гг. XX века вообще не имели права пить, а женщины могли выпивать только уже в зрелом возрасте.

Совершенно иное отношение к питию спиртного отмечалось в праздничные дни. К престольным праздникам и к некоторым иным большим торжествам во многих местностях было принято варить огромное количество пива и браги, а у казаков и виноградного вина (*чихирь* у терских казаков) и, соответственно, потреблять его. В праздничные дни чрезмерность в еде и питье почиталась как бы обязательной, принимающая сторона считала делом своей чести накормить и напоить гостей до отвала. В этом обычае слышны отзвуки древних дарообменных отношений и престижной экономики, которые связаны со старинными представлениями о ритуально-магической природе общественной трапезы и с представлениями о доминировании и авторитете отдельных людей и, главным образом, коллективов.

Обычай гостевания на престольные праздники предусматривал переход из одного дома в другой, так как крестьянский мир и казацкая община представляли собой плотную сеть родства, свойства, кумовства, побратимства, которая связывала каждого человека с огромным числом людей. Эта связь обязывала каждого посылать приглашения ко дню престольного праздника в своей деревне или станице и принимать приглашения от многочисленной родни (кровной, свойской, духовной) из всех окрестных дере-

вень и станиц. Таким образом, каждый «двунадесятый» праздник превращался в серию пиров, которые длились по нескольку дней.

Культура приема гостей и проведения торжественного застолья у казаков Северного Кавказа отличалась, как и другие стороны их быта, определенной двойственностью. В подавляющем большинстве православные христиане, казаки, как и их соседи иногородние крестьяне, отмечали церковные праздники, сопровождающиеся приемом гостей и обильными трапезами. Этикет этих мероприятий, а также свадеб, поминок, проводов в армию и т. п. мало чем отличался от такового, принятого в крестьянской среде. Специфической же особенностью казацкого гостеприимства и застолья было то, что казаки издавна были вовлечены в сеть куначеских и других дарообменных отношений взаимности с представителями горских народов. Сами, регулярно бывая приглашенными на праздники к горцам (отказ почитался оскорблением), казаки были обязаны отвечать взаимностью и поэтому в станицах издавна повелось приглашать на свадьбы, поминки, проводы в армию и церковные праздники своих кунаков горцев.

Сам по себе этот факт вовсе не означает кардинального изменения казаками традиционного русского народного этикета, но в течение длительного времени у них сложилась традиция встраивать в него элементы из богатого репертуара горского гостеприимства, в особенности в тех ситуациях, которые напрямую касались приглашенных кавказцев. Причем, надо сказать, и хозяева и гости вполне понимали условность тех или иных жестов, многие из которых имеют аналогичное значение и в русской, и в горской культуре. Так, у казаков, не без влияния горцев сложился обычай садиться за стол без оружия; тщательнее, чем их единоверцы крестьяне-иногородние они соблюдают иерархию статусов гостей в ходе их приема и при рассаживании за столом; все домочадцы казака знают, что приехавший в его отсутствие горец-кунак имеет право без особого приглашения расположиться в горнице; казак считает чем-то самым собой разумеющимся провожать своих гостей не до двери горницы, а, как минимум, до околицы станицы и т. п.

Известная многим россиянам последовательность завершающих тостов во время торжественной трапезы («посошок», «стремянная», «закурганная», «задунайская» и т. д.) — это не что иное, как трансформированная кавказская традиция, пришедшая именно через казаков в сферу российского быта.

Список литературы для раздела «Этноэтикет»

- Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. М., 1978.
- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
- Алимова Б. М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре //Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.
- Анчабадзе Ю. Д. «Прекрасный обычай гостеприимства» //Советская этнография. № 4. 1985.
- Арутюнов С. А., Сергеева Г. А., Кобычев В. П. Материальная культура. Пища и жилище //Народы Кавказа. Кн. 4. М., 1995.
- Бабич И. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995.
- Бабич И. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999.
- Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
- Байбурин А. К., Топорков А. А. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.
- Бгажноков Б. Х. Организация пространства и этикет //Советская этнография, 1983, N 4.
- Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик. 1983.
- Берсанова З. Х.-А. Чеченский этикет: феномен «нохчолла» (середина XIX — начало XX века). М., 1999.
- Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Бобровников В. О., Рошин М. Ю. Человек, природа и общество в горном дагестанском ауле. (По материалам хуштадинского адата) //Дагестан: село Хуштада. М., 1995.
- Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX вв. Л., 1988.
- Габисов Б. Г. Чеченцы и ингуши (Проблема происхождения). Грозный, 1991.
- Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974.
- Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX века). М., 1967.
- Данилова Е. Н., Кунижева Л. З. Заметки об институте «запретных дней» у абазин //Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1991.
- Джавахадзе Н. В. Система родства осетин. Тбилиси, 1989.
- Джандар М. А. О некоторых адыгских обрядовых песнях, связанных с воспитанием детей //Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1985. Вып. 5.
- Дибиров М. А. Народные игры и состязания в Дагестанских мужских союзах //Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1987.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки. Историко-этнографические очерки. М., 1974.
- Каламбий (Кешев А. Г.). Записки черкеса. Нальчик, 1988.
- Калмыков И. Х. Народная медицина и религия у адыгов //Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Калоев Б. А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи //Кавказский этнографический сборник. Вып. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989.
- Кануков И. В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985.

- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
- Керейтов Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногойцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
- Кишев А. С. О «тайных» языках адыгов // Советская этнография, 1986. № 4.
- Кокиев С. Записки о быте осетин. М., 1885.
- Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Крым-Гирей. Путевые заметки // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
- Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883.
- Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979.
- Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963.
- Манай Алибек. Адаты кумыков. Перевод Т.-Б. Бейбулатова. Махач – Кала, 1927.
- Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов (XIX — начало XX в.) Нальчик, 1986.
- Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль, 1881. № 9.
- Мусукаев А. И., Шаманов И. М. Некоторые архаические принципы семейного и общественного управления народов Северного Кавказа // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982.
- Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.
- Ошаев Х. Д. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6.
- Пафова М. Ф. Изменение традиционной одежды черкесов как один из аспектов этнокультурных процессов (нач. XIX — XX вв.) // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991.
- Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1.
- Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912.
- Русские. Отв. редакторы: В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997. Словарь по этике. М., 1983.
- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX в. М., 1983.
- Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21.
- Такоева Н. Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX — начале XX вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1959. Т. XXII.
- Танкиев А. Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. Отв. ред. А. И. Исламмагомедов и Г. А. Сергеева. М., 1988.
- Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. Майкоп, 1988.
- Фарфоровский С. В. Ногойцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909.
- Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989.
- Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
- Шанаев Д. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1870. Вып. IV.
- Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И МИРОТВОРЧЕСТВО

▪ В формировании и функционировании общественных организаций на Северном Кавказе проявляется традиция исторических механизмов взаимодействия и внутренней саморегуляции отношений. Важными целями институтов гражданского общества являются межэтническая коммуникация, создание взаимных конструктивных образов, налаживание диалога между властью и обществом, выработка «культуры споров», защита индивида от произвола властей. Типичной тенденцией гражданского структурирования в регионе выступает привлечение гражданских инициатив к политическому процессу, а также контроль над гражданским обществом со стороны государственной власти.

Распространение идей гражданского общества в регионе трудно сосуществует с приверженностью основной массы населения православному христианству и исламу — т. е. религиям, которым чужда идея автономии индивида и самоуправления. Исходя из отмеченных обстоятельств, Северный Кавказ можно рассматривать как *зону рискованной гражданской институализации* с особыми механизмами самоорганизации и самоуправления. Именно здесь гражданское общество складывается тремя условными путями, т. е.:

- *демократический путь* — собрание и выявление общественного интереса на основе самоорганизации социальных групп;
- *номенклатурный путь* — собрание и выявление общественных интересов сверху по инициативе государственных и административных структур;
- *этнокультурный путь* — собрание и достижение групповых интересов снизу с помощью национально-культурных объединений.

Таким образом, создаются институты социальной демократии, выполняющие важнейшие для региона функции достижения человеческой безопасности. Именно добровольная, коллективная деятельность по достижению взаимной межэтнической безопасности является особым содержанием гражданских инициатив на Северном Кавказе. Перспективной представляется *северокавказская модель гражданского общества*, в которой преобладает стремление этнических коллективов к и этнокультурной безо-

пасности. Главной задачей в этих условиях является поиск содержательных идей, актуализирующих гражданское общество в формировании российской идентичности, распространении объединяющих российских ценностей.

Среди наиболее значимых северокавказских общественных объединений и организаций, которые осуществляют переходные формы «демократии согласия» можно выделить Ассоциацию «Северный Кавказ», Южно-Российскую Парламентскую Ассоциацию, совещательные структуры при Полномочном представителе Президента РФ в ЮФО (Коллегия руководителей территориальных органов власти, Совет старейшин, Консультативный совет, Координационный совет по казачеству, Миротворческий совет религиозных деятелей Юга России и т. д.). К этой же категории можно отнести институты Уполномоченного по правам человека в субъектах и Общественные палаты в субъектах, институты помощников глав и губернаторов субъектов на общественных началах, межэтнические советы, советы по делам казачества на общественных началах при главах республик, губернаторов и главах администраций местного самоуправления, советы старейшин, национальных общин, казачества и общественных организаций при Администрации Кавказских Минеральных Вод (Ставропольский край). В республиках действуют общественные объединения фамилий и родов, а также этнические советы, советы старейшин, общественные парламентские и общественно-депутатские комиссии из представителей этнических групп и казачества. Наконец, важную роль культурно-просветительского плана играют дома и центры дружбы, центры культуры, а также национально-культурные объединения и национально-культурные автономии, региональные отделения общероссийских этнокультурных объединений.

■ В 2000–2005 гг. множество миротворческих мероприятий проведены в субъектах ЮФО Ассамблеей народов России. Так в Ставропольском крае, Краснодарском крае, Ростовской области состоялись совещания с широким представительством глав и работников органов законодательной и исполнительной властей, руководителей общественных объединений, этноконфессиональных лидеров *Русской православной церкви и Духовного управления мусульман*. Главные цели и задачи акций — противостояние терроризму, профилактика межэтнических конфликтов, привлечение внимания власти к ситуации на местах. Таким образом, Ассамблея народов России реализует свои задачи как гражданский институт, наладивший конструктивный диалог как по вертикали — с органами государственной власти, так и по горизонтали — с представительными объединениями региона.

С начала 1990-х гг. в регионе осуществляется создание некоммерческих организаций (НКО), неправительственных объединений (НПО), национально-культурных общественных объединений (НКОО), национально-культурных автономий (НКА) — т. е. организаций третьего сектора. При этом становление демократических институтов самоуправления происходит на фоне региональных этнополитических рисков: этнонационализм,

сепаратизм, религиозный экстремизм. Также это такие факторы, как: консерватизм общества, исторически сложившегося на строгих иерархических принципах; традиционализм отношений в статусной и половозрастной сферах, сохранение фамильной, клановой, ущельской и тейповой организации; приверженность авторитарным партийно-советским методам управления; этнизация политического пространства и государственного аппарата, разрастание этнической правосубъектности и возрождение архаических форм этнической самоорганизации; противоречия между этнокультурным и религиозным традиционализмом и модернизацией.

Рассматривая региональные обстоятельства, формирующие особенности *третьего сектора* на Северном Кавказе, можно выделить следующие проблемы.

1. Конфликтность и широкая распространенность насилия как способа решения проблем во взаимоотношениях. Это проявляется в сохранении высокого уровня конфликтности на территории Чеченской Республики, что является следствием вооруженных столкновений, терактов и нарушений прав человека в чеченской Республике и на соседних территориях Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии, Ставропольского края. Военные действия привели к росту конфликтности населения, которое непосредственно не было затронуто военными действиями, но для которого насилие стало привычным и поэтому допустимым в общественном мнении.

Сказывается негативно наличие территориального спора между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия–Алания по поводу Пригородного района Северной Осетии–Алании. Данный спор привел к таким последствиям, как, например, отсутствие в Ингушетии местного самоуправления и избранных населением глав муниципальных образований и депутатов, что создает проблемы для развития гражданского общества. Поскольку для введения местного самоуправления необходимо установить границы муниципальных образований, введение местного самоуправления означало бы фактическое признание принадлежности Пригородного района Северной Осетии. В Северной Осетии–Алании не вводится должность республиканского уполномоченного по правам человека. Ряд экспертов рассматривает это как проявление нежелания республиканских властей создавать инструмент рассмотрения жалоб ингушей, которые не могут вернуться в места прежнего проживания.

Высокой частоте межличностных конфликтов между представителями различных национальностей способствует разнообразный этнический состав населения региона. В последние годы межэтнические конфликты в регионе становятся все более уникальными по своим конкретным причинам и течению, а также более локальными, что затрудняет их анализ и регулирование.

Начиная с 1990-х гг. в регион прибыло большое количество мигрантов. Мигранты из числа национальных меньшинств попадают здесь в иную социально-культурную среду, испытывают трудности в адаптации и периоди-

чески становятся жертвами насилия, или же сами провоцируют конфликтные ситуации во взаимоотношениях с местным старожильческим населением.

2. Консервативность общественного сознания — еще одно из обстоятельств, воздействующих на третий сектор. Это проявляется в доминировании в общественной жизни семейных и родственных связей, которые, как правило, являются основанием для занятия должностей государственной и муниципальной службы, для обеспечения доступа к ресурсам, получения образования и в целом — для социальной мобильности. Отметим, что при слабом развитии структур гражданского общества социальную поддержку людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, оказывает в первую очередь широкий круг родственников. Это ослабляет у большинства населения мотивацию к созданию некоммерческих организаций для решения общих проблем. При этом люди, не имеющие широких родственных связей, оказываются исключенными из системы негосударственной социальной поддержки. Можно констатировать нарушение этой закономерности в Чеченской Республике, где чрезвычайная острота вызванных войной проблем привела к созданию целого ряда активных некоммерческих организаций (НКО).

К этой же категории обстоятельств следует отнести подчиненное положение женщин в системе социальных отношений. В сельской местности социальная активность женщин практически отсутствует, поскольку все поведение женщин жестко контролируется родственниками-мужчинами. Многие женщины из числа руководителей некоммерческих организаций не могут повышать квалификацию стажировками в других регионах, поскольку их туда не отпускают родственники-мужчины. В то же время в регионе, как и в РФ в целом, значительная часть руководителей НКО — женщины.

Консерватизм общественного сознания проявляется в авторитарном характере государственной власти уровня субъекта Федерации и местного самоуправления. Влияние населения на принятие политических решений является чрезвычайно низким, многие новые обязательные в соответствии с федеральным законодательством механизмы взаимодействия власти и общества, созданные в ходе административной реформы, в регионе на практике не реализованы. В ходе выборов власть активно использует свои возможности для определения результатов голосования.

Отметим также родственный характер местной благотворительности, в силу которого средства местного бизнеса активно перераспределяются в пользу неимущих, однако, как правило, в рамках больших родственных групп. В связи с этим крайне незначительно количество гражданских благотворительных организаций.

3. Важная проблема — это бедность и неравномерное распределение материальных благ в обществе. Это проявляется прежде всего в высоком проценте населения, которое относится к бедному, а также низким относительно других территорий доходах. Например, средняя заработная плата в Кабардино-Балкарии, по официальным статистическим данным 2005 г.,

составляла не более 63% средней заработной платы в Краснодарском крае за тот же период. При этом существует высокая неравномерность распределения доходов населения, отчетливость социальных контрастов, высокий уровень безработицы, особенно среди сельской молодежи. Количество создаваемых рабочих мест в регионе не соответствует растущей потребности в них. Помимо этого, уровень рождаемости существенно различается у разных национальностей, проживающих на одной территории. Так, на одну занятую вакансию в Кабардино-Балкарии приходится 14,4 безработных, состоящих на учете в службе занятости (год назад на одну занятую вакансию приходилось 12,2 безработных). В Чеченской Республике состоят на учете в службе занятости свыше 340 тыс. человек, тогда как в Краснодарском крае — 16 тыс. при большей численности населения территории.

На общественный сектор региона оказывает влияние низкий имидж региона, в том числе на международной арене, серьезно пострадал в результате вооруженных конфликтов и террористических актов, и инвестиции в экономику региона рассматриваются многими потенциальными инвесторами как чрезвычайно рискованные.

В течение последних 15 лет республики Северного Кавказа рассматривались зарубежными фондами-донорами как «политически чувствительная территория». В связи с этим крупные благотворительные организации поддерживали в регионе 2 группы структур гражданского общества: *организации вынужденных мигрантов и миротворческие миссии*. При этом доноры ориентировались на решение конкретных локальных проблем и не рассматривали перспективы деятельности в общерегиональном контексте. Однако комплексная поддержка и развитие гражданского общества не осуществлялись, в результате чего республики Северного Кавказа значительно отстают от соседних территорий и от России в целом по всем критериям развития гражданского общества. Среди этих критериев, прежде всего, выделяются количество активно действующих НКО, квалификация сотрудников НКО, качество взаимодействия общественных организаций и власти, включенность НКО в региональные и местные социальные программы.

Потребность в развитии гражданского общества наиболее велика именно в республиках, а поддержка такого развития может дать на данном этапе значительный эффект. Это будет определено не только новизной для региона развития структур гражданского общества, но и синергетическим фактором. Взаимодействие между НКО республик Северного Кавказа и соседних территорий малоэффективно в силу большой разницы в уровне их развития. Выравнивание этих уровней даст возможность более активных совместных действий НКО соседних регионов.

■ Проблема уровня гражданского общества в регионе стимулировала разработку нескольких социальных проектов, направленных на его развитие. Так, с 2005 г. Южный региональный ресурсный центр (далее — ЮРРЦ) реализует программу «Развитие гражданского общества в республиках

Северного Кавказа» на территории Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия–Алания, Чеченской Республики. Цель программы — создание условий для внедрения эффективных технологий активизации населения и развития местного сообщества в постконфликтных ситуациях в республиках Северного Кавказа, развитие миротворческих инициатив, повышение уровня осведомленности населения и представителей органов власти о роли структур гражданского общества в улучшении межэтнического взаимодействия и профилактики конфликтов.

В октябре 2005 г. в Ставропольском крае (Пятигорск) ЮРПЦ в рамках программы «Развитие гражданского общества в республиках Северного Кавказа» провел встречу экспертов по проблемам межэтнических отношений. В ней участвовали представители органов государственной власти и местного самоуправления, научного сообщества, некоммерческих организаций из Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия–Алания, Чеченской Республики. Эксперты поделились своим видением существующих этносоциальных проблем и возможностей гражданского общества по их решению. Группам участников, сформированных по субъектам РФ, было предложено сформулировать конкретные формы, методы и целевые группы для решения актуальных проблем. Таким образом, ситуации в регионах была дана коллективная экспертная оценка «Проблемы и механизмы их решения с участием структур гражданского общества»:

1. *Чеченская Республика*: «Самое первое: надо сделать объективный анализ ситуации в Чечне — через независимый анализ экспертов из общественных организаций. Он должен быть обнародован в форме доклада или аналитической справки, причем на всех уровнях. Второе: надо определить приоритеты. Одна из приоритетных проблем — отношение к самой чеченской национальности в российском обществе. Надо работать над созданием положительного образа чеченского народа, часто отрицательное мнение появляется от незнания.

Необходимо делать упор на молодежь. Именно она способна что-то изменить. На форумах, во время совместных акций молодежь может найти общие точки соприкосновения. Нужна демилитаризация мышления. В республике привыкли к вооруженным людям, это стало нормой жизни. Но есть другой путь, другая жизнь, которую молодые люди могут увидеть. Очень большая проблема — это безработица. Молодежь хочет жить, одеваться, а реализовать себя не может. Что можно сделать? Обучить молодых людей навыкам работы на компьютерах, новым профессиям, которые будут востребованы завтра. Еще одна проблема — незнание молодежью культурных традиций. Мы сами не знаем собственную культуру, не говоря о культуре соседей. Говорят: «Понять — значит принять». Что здесь можно сделать? Реализовать совместные проекты, программы в школах по культуре.

Диалог с властью — большая проблема. Нужно создание переговорных площадок. Власть никогда не пойдет на диалог, если ей это невыгодно. Но власти тоже нужен диалог с обществом. Это выгодно и нам — наладить диалог с властью. Как можно строить конструктивный диалог, хорошо видно на примере Школ публичной политики, куда приходят чиновники, могут выразить свое мнение.

Следующая проблема — проблема гражданского, правового образования. Выход — создание общественных приемных. Само население не знает, как себя защитить, кому пожаловаться в случае нарушения их прав, и консультации в общественных приемных — это очень важная форма гражданского образования.

Основным сегментом гражданского общества являются неправительственные организации. В республике есть немало НКО, но уровень их развития пока низкий. Нужно научить их развиваться, работать — то, чем сейчас занимается ЮРПЦ, это нужно продолжать делать и дальше. Возьмем такую важную проблему, как экстремизм, терроризм. Силовыми методами проблему не решить. Что может НКО? Выработать независимую программу, разрекламировать ее, предложить участие в ней институтов гражданского общества, государственной власти, традиционного ислама. Только таким путем нужно работать в этом направлении».

2. Республика Северная Осетия–Алания: «Проблемы Северной Осетии–Алании — это общероссийские проблемы. Говоря об Осетии, сначала надо провести мониторинг, выяснить действительную ситуацию, состояние гражданского общества. Одна из главных проблем — многонациональность. В республике действует много национальных обществ: армянское, греческое, татарское, русское, казачество — как отдельная категория населения, и через них можно вести работу. Здесь можно запланировать проведение семинаров, круглых столов, презентаций, встречи. Многие процессы связаны с самоуправством госорганов на местах. Необходимо взаимодействие с комитетами по делам национальностей, министерством образования, комитетами по делам молодежи.

Северный Кавказ в целом — поликонфессиональный регион, но Северная Осетия–Алания занимает особое место, потому что осетины являются, по большей части, формально христианами, большинство из них — православными христианами, и часть — мусульмане. Мир на Кавказе, в Осетии зависит от того, как найти общий язык между православной церковью и мусульманским обществом, и в частности духовным управлением мусульман Северной Осетии.

Одна из главных проблем республики — взаимоотношения между ингушами и осетинами и, с другой стороны, с осетинами-южанами. Прежде всего, нужно наладить диалог, чтобы друг друга слышали и понимали. Диалог можно вести в ходе совместных мероприятий — спортивных состязаний, фестивалей, в ходе которых будут налаживаться человеческие контакты. Народ в республике вроде один, но большая часть Осетии формирова-

лась в составе РФ, а другая — в составе Грузинской Республики. Большая часть людей из Южной Осетии, получавших высшее образование, получали его либо в Осетии, либо в России. Чтобы не было внутрисосетинского конфликта, нужно подтянуть Южную Осетию и всячески способствовать решению проблем Южной Осетии. Это по силам общественным организациям. С одной стороны, взаимная адаптация между старожилами и мигрантами, а с другой, — интеграция культурная, экономическая — насколько НКО это по плечу.

Огромную роль играет обмен информацией, и ее серьезно тормозит отсутствие правдивой информации в СМИ. Можно подумать над созданием единой интернетовской газеты, сайта, как предложение — на базе газеты ЮРРЦ «Новая реальность» создать варианты республиканских вкладышей, посвященных гражданскому обществу.

Негативный образ Северного Кавказа является одной из самых больших проблем республик и региона в целом. Надо воздействовать на общественное мнение, работать над созданием позитивного прогноза будущего. Да, возможно, это фантазии, но если мы сами не будем верить в свое общее будущее, не стоит вообще ни о чем говорить. Сейчас обсуждается проблема идеи общероссийского единства. Кто-то говорит, что это сегодня попытка свести на нет прошлое, которое не вернется, то, что называли советская общность. В разумных мерах у нас должно быть что-то общее, в рамках единого государства, но с сохранением культурных традиций каждой республики. Можно это называть гражданской, общенациональной, общероссийской идеей, но она должна быть».

3. *Кабардино-Балкарская Республика*: «Первая проблема — проблема мигрантов. Надо снять напряжение в отношениях мигрантов и местного населения. С этой целью будет целесообразно проведение цикла встреч мигрантов и местного населения. Встречи должны быть с двух сторон и на всех уровнях: в органах власти, вузах, с привлечением общественных организаций, СМИ. Начать нужно с того, чтобы выяснить, сколько мигрантов, где они, куда их можно расселить. С этой целью можно провести мониторинг, с участием чеченской стороны. После консультаций с органами власти, УВД можно формировать полноценную программу, которая должна быть долгосрочной и вырабатываться при обязательном участии и партнерстве госорганов власти и общественных организаций.

Одна из острых проблем республики — конфликты на межнациональной почве, которые возникают среди молодежи. В этом плане нужна работа с родителями тех молодых людей, которые участвуют в конфликтах. Надо проводить совместные культурные акции, показывать примеры добрососедства, гостеприимства. Основное направление этих программ — не заставлять выяснять отношения, а научиться жить вместе. Проблема межнациональной вражды еще и в наличии малоимущих. Надо объединить в совместном труде две стороны, участвующих в конфликте, для помощи третьей.

Вторая острая проблема — межконфессиональная. Мы считаем, что межконфессиональный диалог не получается потому, что каждый говорит, но друг друга не слышит. А если собрать всех за одним круглым столом, провести нормальный диалог, можно получить хороший результат. Есть общечеловеческие ценности, такие, как мораль, нравственность, и общие проблемы — борьба с наркоманией, бедность. И надо решать совместно эти проблемы».

4. *Республика Дагестан*: «Конфликты в республике можно подразделить на три группы: этнотерриториальные, межэтнические и межкультурные. Реально эти конфликты возникают вследствие нерешенности социально-экономических проблем в Дагестане. Как следствие — высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. В Дагестане не существует грамотной молодежной политики, вследствие чего подрастающая молодежь может пополнить в будущем ряды национальных, клановых, различных религиозных группировок, которые в дальнейшем будут сталкиваться между собой, и соответственно будут возникать новые очаги конфликтов. Изначально, если обратить внимание на молодежную среду в Дагестане, создать условия для ее консолидации, ее совместной деятельности, то в дальнейшем эти конфликты можно будет регулировать и предотвращать. В рамках программы «Дебаты» мы работаем со студенческой аудиторией, провели работу с представителями различных вузов и с такой важной группой, как дети.

Остро стоят в республике межэтнические проблемы. Существует проблема понимания культуры соседей, и решить проблему можно через различные мероприятия, такие, как летние лагеря, фестивали. Они должны способствовать тому, чтобы молодежь узнавала культуру друг друга. Есть программы по обмену студентами и проживанию в семьях другой национальности. Такие же программы можно развивать и у нас, делать обменные программы, чтобы дети из Дагестана приезжали в другие северокавказские республики, и чтобы ребята из других республик приезжали к нам.

Третье направление — развитие НКО. Нужно делать упор на женскую инициативу. Развитие женских НКО должно стать приоритетным и получить в Дагестане большую поддержку.

Немаловажной проблемой для Дагестана считается восстановление исторической справедливости, чтобы из истории исчезли «белые пятна», которые возникли на рубеже начала 20-х гг., когда формировались Северо-Кавказские республики в составе РФ. Мы предлагаем создание исторических кружков, которые бы строились на энтузиазме желающих узнать свою историю, а не по разнарядке.

Одна из важных проблем республики — проблема независимости СМИ. Нам представляется работа через союзы независимых СМИ, привлечение федеральных и зарубежных центров по поддержке независимых СМИ. СМИ могут служить инструментарием для улучшения знания инвестицион-

ных групп, которые будут заинтересованы во вложении своих средств на Северный Кавказ, в том числе в Республику Дагестан.

В Дагестане существует проблема с миграцией трудового населения. В связи с этим возникает существенная проблема в других регионах — в Ставропольском и Краснодарском краях. Речь идет о больших массах населения, тысячах людей. Надо изучить эту проблему и найти решение, как можно удержать трудовые ресурсы, которые уходят из Дагестана. Думаем, что здесь нужны программы типа того, что разрабатывается в рамках ТАСИС по программе поддержки малого и среднего предпринимательства, бизнес-планов, позволяющих помочь фермерским хозяйствам.

В республике есть проблема развития местного самоуправления. Органы местного самоуправления должны повышать качество своего знания. Организуются школы публичной политики для повышения их знаний по своей сфере деятельности, которые работают очень эффективно».

5. *Республика Ингушетия*: «Одна из главных проблем республики — отток русского населения. Как решение проблемы — уже существующая целевая программа возвращения русскоязычного населения в республику, вокруг нее должны встраиваться общественные организации. В республике есть казачьи общественные организации, чисто русскоязычное население, и решение проблем видится в виде участия их в программных мероприятиях, просветительской работе со СМИ.

Вторая проблема — беженцы и вынужденные переселенцы. Решение этой проблемы нам видится в создании дискуссионных молодежных клубов, работе со СМИ, встречах старейшин из вынужденных мигрантов и ингушей.

Третья проблема — межэтнические отношения между осетинами и ингушами и самими ингушами на религиозной основе. Здесь нужно создание информационных ресурсов. Есть много СМИ, которые освещают эти отношения, но в них больше негативной информации. Надо акцентировать внимание на существующих положительных моментах. Второе, что объединяет людей — это материальные, денежные отношения. Здесь мы предлагаем как выход создание рабочих мест, в которых были бы и ингушские, и осетинские предприниматели, бизнес-инкубаторов, в которых шло бы параллельно обучение населения. И третье — обмен позитивным опытом. Надо подумать над созданием общественного межэтнического совета, который включал бы ингушей и осетин, который был бы наделен возможностью влиять на ситуацию».

■ Некоммерческие организации Северного Кавказа, получив грантовую поддержку, в 2005–2006 гг. реализуют эффективные социальные проекты миротворческой направленности по программам ЮРПЦ — *модели миротворчества*.

Проект «*Лицо чеченского общества*» (Межрегиональная общественная организация «Институт общественного развития Т. Алиева» Чеченская Республика). Проект предусматривал конкурс карикатур «Лицо коррупции» с

участием студентов ведущих вузов и старшеклассников 6 средних школ. Итоговая выставка рисунков состоялась в Центральной городской библиотеке г. Грозного. В проект НКО были вовлечены Управление Президента ЧР по защите конституционных прав граждан, аппарат Уполномоченного по правам человека в ЧР, Молодежный парламент ЧР, Комитет Правительства ЧР по малому бизнесу и предпринимательству. Эффективность проекта состояла в актуализации: эффективной борьбы с коррупцией, взаимодействия органов власти и гражданских неправительственных организаций; роли коррупции в развитии демократических процессов в ЧР. Проект «Лицо чеченского общества», является инновационным, основанным на методике консолидации общества для решения общей проблемы. Проект имел определенный эффект в консолидации чеченского общества. Однако замысел консолидации представителей различных этнических общностей не был реализован в силу набора объективных и субъективных причин. ЧР стала фактически моноэтнической, а оставшиеся там представители меньшинств не участвуют в социально-политической жизни. Проект не рассматривался его исполнителями как направленный на развитие толерантности в межэтнических отношениях. Так, в ряде посвященных проекту публикаций его исполнителями подчеркивалось, что борьба с коррупцией — признак принадлежности к сообществу людей, приверженных кодексу истинного чеченца.

Проект *«Молодежь Кавказа: от диалога к взаимодействию»*, (Владикавказский институт управления, Республика Северная Осетия–Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика). Проект актуализировал проблему «Молодежь как проводник идей толерантности» в среде осетинской, чеченской и ингушской молодежи, что подчеркивалось в газете Республики Ингушетия «Сердало» от 4.03.2006 г. в благодарственном письме ректора Владикавказского института управления З. И. Салбиевой министру по связям с общественностью и международным отношениям Республики Ингушетия М. И. Мархиеву. Проект реализовал основную цель — активизацию взаимодействия молодежи Северного Кавказа — представителей трех республик: Северной Осетии–Алании, Ингушетии и Чечни». Проект предусматривал преодоление жестких ограничений на общение осетин, ингушей и чеченцев, которые поддерживаются как общественным мнением и СМИ, так представителями многих НКО. Проект оказал большое влияние на последующие акции НКО Северной Осетии–Алании и Ингушетии. Важнейшим выводом проекта является необходимость позитивного общения в совместной деятельности представителей молодежи Чечни, Ингушетии, Северной Осетии–Алании. При этом необходимым условием успеха становится внешняя поддержка и одобрение со стороны представителей федеральной власти, журналистов, грантодающей организации и т. д.

Проект *«Вайнахская вечеринка — Синкьерам»* (Благотворительный фонд «Нота будущего», Чеченская Республика). Проект предусматривал развитие толерантности в чеченском обществе на основе этнической тра-

диции, имеющей большое значение в слабо модернизированном социуме. Проект реализован с участием большого количества населения в сельских населенных пунктах, малых городах и в г. Грозном. Участниками проекта стали этноконфессиональные лидеры, студенты, старейшины, работники ЧГТРК «Вайнах», руководители органов государственной власти и структур местного самоуправления. Главная цель проекта – привитие молодежи, испытавшей поствоенный синдром, навыков общения. Модель «Нохчийн синкьерам», реализованная в проекте – общественный институт, способствующий воспитанию у молодежи таких понятий, как честь, чувство долга, ответственность, уважение к женщине, к представителю другого народа. Проект включал анкетирование зрителей, результаты которого продемонстрировали стремление придерживаться традиций толерантного поведения своих предков. Проект фиксировал проблему: толерантность в межэтническом контакте для чеченского общества, фактически моноэтничного, остается абстракцией. Консолидация «чеченского этнического сектора» не приведет сама по себе к снижению уровня конфликтности в межэтнических отношениях, особенно с учетом низкой критичности отношения к себе. Консолидация чеченского общества на основе идеи толерантности должна поддерживаться одновременно с ее развитием в межэтнических отношениях чеченцев с их соседями на территории ЧР и за пределами республики.

Проект «*Шире круг*» (Региональное молодежное общественное движение «Диалог» Северная Осетия–Алания, Чеченская Республика). Проект предусматривал конкурс сочинений старшеклассников Северной Осетии–Алании и Чеченской Республики на тему «Культура, нравы, традиции и обычаи моего народа» и выезд группы чеченских школьников в с. Фиагдон Северной Осетии–Алании для участия в совместном с осетинскими участниками семинаре «Что мы знаем друг о друге». Проект предусматривал активное общение школьников, налаживание добрососедских и тесных отношений между жителями республик. Проект актуализировал совместное никогда счастливое будущее и профилактику межэтнических конфликтов, создание позитивного фона межэтнических контактов вполне возможно в среде юношей.

Проект «*Фестиваль «Радуга культур» в Чечне*» (Республиканская общественная организация «Созидание» Чеченская Республика). Проект актуализировал взаимодействие культур под лозунгом «Мы разные, но мы вместе». В рамках проекта организован фестиваль народных культур, организовано общение участников в дружеской обстановке, в атмосфере радушия. Фестиваль «Радуга культур» способствовал повышению уровня толерантности среди детей и молодежи ЧР, содействовал расширению культурных контактов и освоению молодежью культурных традиций разных национальностей.

Проект «*Я рисую садик*» (Чеченское республиканское отделение Российского детского фонда, с. Курчалой, ЧР). Особенностью проекта было участие военнослужащих в строительстве детской площадки детского сада. Главная цель проекта – формирование позитивного образа российского

военного среди воспитанников детских садов, преодоление страха перед людьми в военной форме, была достигнута. Все военнослужащие, принимавшие участие в проекте, понимали важность возложенной на них миротворческой миссии и успешно справились с возложенной на них задачей. Хабаровский ОМОН взял шефство над детским садом №1 с. Курчалой, что было самостоятельным решением российских военных. Это подтверждает перспективу миротворчества представителей российских силовых структур в зонах конфликтов. Чеченское общество познакомилось с примером совершенно нового и нетипичного поведения людей в российской военной форме. Инициатива исполнителей проекта поддержана органами государственной власти ЧР и органами местного самоуправления.

Взаимодействие лидеров некоммерческих организаций из различных республик в ходе поддержанных ЮРПЦ социальных проектов стало возможным в результате подготовительной работы — совместного участия в разработке проектов в обучающих мероприятиях ЮРПЦ. Возникшие в ходе школ и семинаров личные контакты обеспечивали необходимый уровень взаимной поддержки, в которую по ходу реализации проектов вовлекались новые круги участников. В условиях высокого уровня разобщенности этнических общностей в зонах конфликтов такой подготовительный этап необходим.

Очевидной опасностью миротворческих проектов, основанных на использовании механизмов традиционной культуры, является возможность абсолютизации ценностей традиционалистского общества и этноцентризм. Однако подобные проекты оказываются достаточно эффективными в современных условиях на Северном Кавказе, так как в ходе реализации социальных миротворческих проектов выработаны технологии организации совместной деятельности представителей конфликтующих этнических общностей.

Складывание институтов гражданского общества на Северном Кавказе осуществляется также через национально-культурное самоопределение, так как этническая идентичность и этнокультурная идентификация являются выраженными основами для обобществления интересов, позиций и действий. Поэтому главными идеями региональной концепции гражданского общества на Северном Кавказе, могут быть: идея взаимной межэтнической безопасности; идея сосуществования и взаимодействия этнических групп; идея восстановления этнополитической стабильности и традиционной социальной и морально-нравственной устойчивости. В регионе отчетливо выделяются сегментированные по этническому принципу сообщества, которые различны по причинам образования, целям функционирования и методам достижения этих целей. В этой связи разные виды этнокультурных объединений занимают особое место среди формирующихся институтов гражданского общества.

Принцип национально-культурного самоопределения соотносится с общими гражданскими принципами самоорганизации и самоуправления. Важным аспектом является взаимодействие национально-культурных общественных объединений (далее — НКО), органов государственной вла-

сти и местного самоуправления в целях эффективного удовлетворения потребностей этнических сообществ, а также в целях общего социального прогресса. Среди типов общественных организаций, которые объединяются для достижения коллективных интересов, в регионе выделяются этнокультурные объединения, представляющие интересы разных народов и этнических групп. При этом национально-культурную форму автономии используют представители основного по численности населения региона — русские, представители стран ближнего и дальнего зарубежья, представители коренных, титульных народов РФ, представители народов, не имеющих этнической государственности в составе РФ и за ее пределами (ассирийцы, курды, ногайцы, цыгане и др.).

На конец 2006 г. в субъектах Северо-Кавказского региона было зарегистрировано общественных национально-культурных объединений и движений: Республика Адыгея — 9 (азербайджанцы, армяне белорусы, греки, курды, корейцы, казачество, русские, татары.); Республика Дагестан — 5 (азербайджанцы — 2, евреи — 2, ногайцы); Кабардино-Балкарская Республика — 11 (азербайджанцы, греки; евреи — 3, казачество — 3, осетины, татары, украинцы); Карачаево-Черкесская Республика — 8 (армяне, греки, евреи, немцы, татары, турки-мехетинцы, выходцы из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, чеченцы.); Республика Северная Осетия-Алания — 27 (азербайджанцы, ассирийцы, армяне — 2, башкиры, греки — 2, грузины, евреи — 3, ингуши, кабардинцы и балкарцы, русские — 2, кабардинцы, корейцы, народы Дагестана, немцы — 2, татары, турки-мехетинцы, поляки, украинцы, финны, чеченцы); Краснодарский край — 99 (абхазы — 2, адыги-шапсуги — 4, армяне — 39, ассирийцы — 3, белорусы, греки — 8, евреи — 9, грузины — 2, корейцы — 2, курды, лезгины, украинцы, народы Югославии, немцы — 2, осетины, поляки, татары — 2, таджики, цыгане — 2, чехи — 2, эстонцы); Ставропольский край — 47 (абазины, армяне — 5, азербайджанцы, болгары, греки — 13, грузины — 3, корейцы — 2, украинцы, народы Дагестана — 5, карачаевцы, кабардинцы и балкарцы, тюркские народы — 2, немцы, осетины — 4, поляки, черкесы, чеченцы и ингуши); Ростовская область — 41 (азербайджанцы — 8, армяне — 4, ассирийцы, афганцы, белорусы, грузины, греки — 2, евреи — 6, индусы, немцы — 2, караимы, корейцы — 2, народы Дагестана — 2, осетины, поляки, русские, татары, украинцы, цыгане).

При этом в субъектах работают и незарегистрированные общественные национально-культурные объединения и движения. К этнокультурным объединениям применимы характеристики объединений некоммерческого сектора, а именно: *самоуправляемость, самостоятельность, добровольность* в осуществлении широких социальных связей. Национально-культурные объединения двигаются от традиционной этнокультурной деятельности к целям широкого спектра. Это достижение профессионального и социального разнообразия, адаптация этнических мигрантов новой и новейшей волны, участие в общественно-значимых региональных и обще-

российских мероприятиях, презентация групповых интересов и создание положительного имиджа, взаимодействие со СМИ, взаимодействие с органами власти и структурами местного самоуправления через этнические, конфессиональные советы, советы старейшин как консультативные совещательные органы при различных структурах (администрации глав республик и губернаторов, администрации городов и районов и др., взаимодействие с исторической родиной, соответствующим государством или субъектом РФ, взаимодействие с международными общественными организациями, движениями, фондами.

Стабилизация межэтнических отношений и миротворчество является важнейшим направлением деятельности НКОО, которые обладают собственными ресурсами «убеждения в необходимости мира». В этом плане НКОО реализуют главную задачу национально-культурного самоопределения — снижение риска межэтнической напряженности через наиболее полное удовлетворение этнокультурных потребностей граждан РФ. Практическое миротворчество выступает насущной социальной потребностью институтов гражданского общества в рамках национально-культурного самоопределения. Это в высшей степени соответствует доктринальным основам государственной национальной политики РФ, а также региональным направлениям национальной политики субъектов Северо-Кавказского региона. Наиболее эффективные формы миротворчества, реализуемые в системе гражданских инициатив НКОО это участие в переговорах конфликтующих сторон и согласительных процедурах; оказание гуманитарной помощи пострадавшим в межэтнических конфликтах и терактах; деятельность по адаптации мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев; подготовка обращений и заявлений с осуждением национализма, религиозного экстремизма, терроризма.

В миротворчестве используются такие формы и механизмы, как «демократия согласия», «народная дипломатия», добровольчество, благотворительность, авторитет старейшин и старших, клановые и семейные связи, компромиссный диалог этнических групп. Инициативы НКОО и других некоммерческих организаций, направленные на стабилизацию межнациональных отношений, в большинстве случаев активно поддерживаются органами государственной власти и органами местного самоуправления. Эта поддержка выражается в привлечении административного ресурса, организационных возможностей органов власти и управления. Здесь сложилась система функционирования НКОО в контакте с органами власти и местного самоуправления, это разработка и реализация региональных политических доктрин развития межэтнических отношений — основных направлений региональной и национальной политики; поддержка и финансовое, административное, организационное обеспечение конкретных акций и мероприятий в рамках комплексных программ гармонизации межэтнических отношений; организация взаимодействия НКОО с органами власти для обеспечения управления

национальными отношениями, реализации национальной политики РФ; поддержка и распространение миротворческих инициатив НКО в системе этноконфликтологического менеджмента, организации и самоорганизации на базе этнокультурных и этнополитических интересов.

Перспективным является такой механизм взаимодействия и поддержки, как бюджетное финансирование, муниципальные гранты, социальный заказ. Наиболее распространенной формой координации деятельности НКО является их участие в консультативных, совещательных, координирующих общественных органах — этнических советах, общественных советах, советах старейшин, общественно-депутатских комиссиях, круглых столах по вопросам межэтнических отношений. Эффективна практика создания национально-культурных центров, домов Дружбы, Центров национальных культур, включенных в структуры администраций муниципальных образований. Действенной формой взаимодействия является включение НКО в разработку государственных региональных программ и местных муниципальных программ.

Большой миротворческий потенциал заложен в региональных культурно-просветительских акциях, содержание которых обусловлено национальной танцевальной, певческой культурой, культурой жилища, пищи, костюма, а также культурой спорта. Эти мероприятия имеют широкие возможности для презентации этнических групп, популяризацию социального опыта, сюжетов истории и др. Помимо содержательного аспекта, эти акции отличаются высоким уровнем коммуникативных возможностей и эмоциональности. Они объединяют разные социальные, профессиональные, демографические группы в поле общего оптимизма, настроений миротворчества, доброжелательности. В мероприятиях принимают участие НКО, НКА, казацкие общины, танцевальные ансамбли, творческие художественные коллективы (в том числе, ветеранские, детские и молодежные).

Напрямую с миротворчеством связана благотворительная деятельность НКО. В регионе существенно выросли масштабы благотворительной деятельности, которая неотъемлема от общественной деятельности, добровольчества и волонтерства. Развитие благотворительности, грантовой и проектной поддержки этнокультурных объединений свидетельствует о внедрении в социальную и политическую практику организационных принципов гражданского общества.

В целом, в Северо-Кавказском регионе сложилась тенденция объединения граждан в общественные объединения по интересам и взглядам. Так, в 2000 г. на Юге России были зарегистрированы более 6000 общественных объединений, а к 2006 г. их стало около 20000. Наибольшее развитие получили организации мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, ветеранов, «чернобыльцев», «афганцев», инвалидов, людей с ограниченными возможностями, женские организации, экологические организации, благотворительные организации и фонды, молодежные волонтерские организации. Выраженным вектором является образование нацио-

нально-культурных объединений, движений, центров, а также общественных объединений кланов и фамилий.

Главными целями общественных организаций являются самопомощь, правовое и политическое консультирование, достижение социальных благ и льгот в соответствии с законодательством, представление групповых интересов органам власти и управления, улучшение условий жизни, работы и творчества, сохранение природы, оптимизация среды жизнедеятельности и функционирования. Особым направлением деятельности является достижение мира и стабильности, профилактика межэтнической напряженности и конфликтов, участие в постконфликтной реконструкции.

Наряду с успехами деятельности необходимо выделить проблемы и недостатки деятельности институтов гражданского общества в регионе:

- формальность существования организаций, отсутствие фактической деятельности;

- отставание от политико-правовых реалий, политическая и правовая некомпетентность руководителей;

- изолированность от региональных и местных социально-экономических и политических процессов или увлечение политической деятельностью;

- несоответствие уставных целей и задач практической работе;

- недоверие государственным структурам, отсутствие конструктивного взаимодействия с органами власти и управления;

- несогласованность действий и конкуренция организаций одной направленности;

- непредставленность молодежи;

- устарелость форм и методов работы, слабая модернизированность.

Отмечаются также пассивность организаций в отношении социальных проблем, фактор терроризма, экстремизма, противоречия между этноконфессиональными лидерами и руководителями НКО и НКА. К дестабилизирующим последствиям деятельности национально-культурных общественных объединений относятся, в частности:

- противостояние общественных движений адыго-абхазской и тюркоязычной групп народов (лидерами являются Международная черкесская ассоциация и межрегиональная общественная организация «Алан», объединяющая карачаевцев, балкарцев и осетин, а также созданный 2 июля 2005 г. «Конгресс карачаевского народа»);

- конфликт осетинских и ингушских общественных движений;

- создание ваххабитских общин, противостоящих приверженцам традиционного ислама;

- радикализм отдельных («коренных») национальных движений и казачества по отношению к общественным объединениям мигрантов из республик Северного Кавказа и Средней Азии;

- противоречия НКО армян, греков, евреев, карачаевцев, черкесов и др. и казачьих общин, а также НКО русских (славян).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
- Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. Ставрополь, 1993.
- Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. М., 2000.
- Акиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике. М., 2002.
- Акиева С. И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 68. М., 1994.
- Аманжолова Д. А. Этнос и власть в России: очерки истории и законотворчества. XX в. Киров, 2003.
- Аносов И. П., Никишенков А. А. Антропология и традиционные формы общения / ред. С. В. Кулешов. М. 2001.
- Арутюнов С. А., Анчабадзе Ю. Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 1. М., 1990.
- Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 5. М., 1990.
- Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов/Д - Пятигорск, 2002.
- Аствацатурова М. А. Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса. Ростов/Д - Пятигорск, 2003.
- Аствацатурова М. А., Савельев В. Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов/Д - Пятигорск, 2000.
- Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Под ред. академика Г. Г. Матишова. Ростов-на-Дону, 2006.
- Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.
- Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-е-1990-е гг.). М., 1999.
- Бабич И. Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 45. М., 1993.
- Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северо-западном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 131. М., 2000.
- Бабич И. Л. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 133. М., 2000.
- Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик. 1983.

- Беджанов М. В. Развитие межнациональных отношений на современном этапе. На материалах республик Северного Кавказа. Майкоп, 1993.
- Битова Е. Г., Боров А. Х., Дзамихов К. Ф. Северный Кавказ в общественной динамике современной России // Современная Кабардино-Балкария: проблема общественной динамики, науки и образования. Нальчик, 1996.
- Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
- Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. СПб., 2003.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.
- Война и ислам на Северном Кавказе. XIX-XX века. Под ред. В. В. Трепавлова. М., 2000.
- Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.
- Волобуев О. В. Формирование государства: территория и этносы // Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996.
- Волобуев О. В., Кулешов С. В. Русский вопрос в имперском и постимперском контурах // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 76. М., 1994.
- Гутов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
- Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. М., 1993–1999. Т. 1–4.
- Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). Отв. ред. Т. Ф. Сиверцева. М., 1999.
- Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.
- Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001.
- Дзидзоев В. Д. Кавказ в конце XX века: тенденции этнополитического развития. Владикавказ, 2000.
- Дзиндзоев В. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994.
- Димаева Ф. В. Ислам в современной Чеченской Республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 159. М., 2002.
- Древности Северного Кавказа. Под ред. В. И. Марковина. М., 1999.
- Залимханов З. М., Ханбабаев К. М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала, 2000.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1969.
- Заурбекова Г. В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 135. М., 2000.
- Заурбекова Г. В. Ваххабизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 163. М., 2003.
- Здравомыслов А. Г. Осетино-ингушский конфликт. М., 1998.
- Ибрагимова З. Х. Чечня после Кавказской войны. М., 2000.
- История Дагестана. Т. 1. Т. 2. М., 2005.

- История казачества Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996.
- Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX века. Махачкала, 2006.
- Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.
- Калиновская К. П., Марков Г. Е. Поиски решения проблем в Ногайской степи /Ногайцы сегодня //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 44. М., 1993.
- Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М., 2004.
- Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии. М., 1994.
- Каракетов М. Д. Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М., 1999.
- Кисриев Э. Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 72. М., 1994.
- Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
- Конфликтная этничность и этнические конфликты. Под ред. Л. М. Дробижевой. М., 1994.
- Коркмазов А. Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе (история и современность). Ставрополь, 1994.
- Кулешов С. В. Региональная политика: проблемы и подходы //Межрегиональное сотрудничество. М., 2003.
- Кулешов С. В. Федерализм сегодня: некоторые аспекты мирового опыта //Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998.
- Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967). Под ред. В. К. Гарданова. М., 1968.
- Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982.
- Магомедов А. Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Ростов н/Д., 1985.
- Магомедов А. Х. Этнография Осетии. Орджоникидзе, 1970.
- Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
- Малахова Г. Н. Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX века. М.-Пятигорск, 1999.
- Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
- Малашенко А., Д. Тренин. Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.
- Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998.
- Мамсуров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004.
- Матвеев В. А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 147. М., 2002.
- Михайлов С. С. Положение ассирийцев — вынужденных переселенцев в Краснодарском крае //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 93. М., 1996.
- Михайлова Н. В. Российский федерализм в контексте мирового опыта. М., 2002.

- Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М., 1999.
Народы Дагестана. М., 2002.
Народы и религии мира: Энциклопедия / ред. В. А. Тишков. М., 1998.
Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Под ред. В. Ш. Нахушева. Черкесск, 1998.
Народы России: Энциклопедия / ред. В. А. Тишков. М., 1995.
Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
Национальные отношения и межнациональные конфликты. Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ, 1997.
Никишенков А. А. Традиционный этикет народов России. М., 1998.
Осипов А. Г. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 17. М., 1991.
Осипов А. Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 155. М., 2002.
Осмаев М. К, Алироев И. Ю. История и культура вайнахов. М., 2003.
Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. М., 1999.
Правовая реформа в субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе. Под ред. Д. Ю. Шалсугова. Ростов-на-Дону, 1999.
Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. В. А. Тишкова. М., 1999.
Пчелинцева Н. Д., Самарина Л. В. Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 47. М., 1993.
Россия и Кавказ на рубеже столетий. М., 2006.
Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны. Под ред. В. В. Трепавлова. М. 1998.
Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. СПб., 2004.
Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. М., 2000.
Савва М. В. Новые диаспоры Краснодарского края. Права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом. Краснодар, 2006.
Савва М. В., Савва Е. В. Пресса, власть и этнический конфликт. Взаимосвязь на примере Краснодарского края. Краснодар, 2002.
Савва М. В. Этнический статус. Конфликтологический анализ социального феномена. Краснодар, 1997.
Северная Осетия: этнополитические процессы 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Под ред. Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева. М., 1995.
Смирнова Я. С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 48. М., 1993.
Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сборник документов. Сост. В. П. Невская, И. М. Шаманов, С. П. Несмачная. Ростов-на-Дону, 1985.
Стабилизация межэтнических и социокультурных отношений на Кавказе. М., 1999.
Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.

Тер-Саркисянц А. Е. Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 6. М., 1990.

Тер-Саркисянц А. Е. Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 30. М., 1992.

Тер-Саркисянц А. Е. Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 55. М., 1994.

Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. М., 2004.

Ториев Б. Х. Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель–май 2003 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 173. М., 2004.

Тощенко Ж. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этнополитические очерки. М., 1997.

Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М., 1998.

Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

Хаджибиеков Р., Полякова Т. Этнополитическая ситуация в Адыгее // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 70. М., 1994.

Хоперская Л. Л., В. А. Харченко. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005.

Цуциев А. Осетинский контур в этнополитическом пространстве // Осетия. XX век. Вып. 1. Владикавказ, 1996.

Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. М., 1998.

Чечня и Россия: общества и государства. Под ред. *Д. Е. Фурмана*. М., 1999.

Чечня: от конфликта к стабильности. Под ред. *Д. Д. Гакаева, А. Д. Яндарова*. М., 2001.

Что нужно знать о народах России: Справочник для государственных служащих. М., 1999.

Шнирельман В. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

Этничность и власть в полиэтнических государствах / ред. *В. А. Тишков*. М., 1994.

Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 49. М., 1993.

Эфендиева Д. А. Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002.

Яндиева М. Ингушетия и ингуши. Назрань-Москва, 1999.

Ярлыкапов А. А. Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
- Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения. Ставрополь, 1993.
- Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. М., 2000.
- Акиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике. М., 2002.
- Акиева С. И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 68. М., 1994.
- Аманжолова Д. А. Этнос и власть в России: очерки истории и законотворчества. XX в. Киров, 2003.
- Аносов И. П., Никишенков А. А. Антропология и традиционные формы общения / ред. С. В. Кулешов. М. 2001.
- Арутюнов С. А., Анчабадзе Ю. Д. О национальной ситуации на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 1. М., 1990.
- Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 5. М., 1990.
- Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов/Д - Пятигорск, 2002.
- Аствацатурова М. А. Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса. Ростов/Д - Пятигорск, 2003.
- Аствацатурова М. А., Савельев В. Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. Ростов/Д - Пятигорск, 2000.
- Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Под ред. академика Г. Г. Матишова. Ростов-на-Дону, 2006.
- Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.
- Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-е-1990-е гг.). М., 1999.
- Бабич И. Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 45. М., 1993.
- Бабич И. Л. Правовой плюрализм на Северо-западном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 131. М., 2000.
- Бабич И. Л. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 133. М., 2000.
- Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик. 1983.
- Беджанов М. В. Развитие межнациональных отношений на современном этапе. На материалах республик Северного Кавказа. Майкоп, 1993.

- Битова Е. Г., Боров А. Х., Дзамихов К. Ф. Северный Кавказ в общественной динамике современной России // Современная Кабардино-Балкария: проблема общественной динамики, науки и образования. Нальчик, 1996.
- Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
- Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. СПб., 2003.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998.
- Война и ислам на Северном Кавказе. XIX-XX века. Под ред. В. В. Трепавлова. М., 2000.
- Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974.
- Волобуев О. В. Формирование государства: территория и этносы // Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. М., 1996.
- Волобуев О. В., Кулешов С. В. Русский вопрос в имперском и постимперском контурах // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 76. М., 1994.
- Гутов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
- Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. М., 1993–1999. Т. 1–4.
- Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). Отв. ред. Т. Ф. Сиверцева. М., 1999.
- Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.
- Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001.
- Дзидзиев В. Д. Кавказ в конце XX века: тенденции этнополитического развития. Владикавказ, 2000.
- Дзиндзиев В. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994.
- Димаева Ф. В. Ислам в современной Чеченской Республике // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 159. М., 2002.
- Древности Северного Кавказа. Под ред. В. И. Марковина. М., 1999.
- Залимханов З. М., Ханбабаев К. М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала, 2000.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1969.
- Заурбекова Г. В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 135. М., 2000.
- Заурбекова Г. В. Ваххабизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 163. М., 2003.
- Здравомыслов А. Г. Осетино-ингушский конфликт. М., 1998.
- Ибрагимова З. Х. Чечня после Кавказской войны. М., 2000.
- История Дагестана. Т. 1. Т. 2. М., 2005.
- Игнатов В., Хоперская Л., Понеделков А. Государственная власть и местное самоуправление: эффективность и ответственность (на примере Северо-Кавказского региона). Ростов-на-Дону, 1998.

- Игнатов В., Хоперская Л., Понеделков А.* Технологии управления этнополитическими процессами в Северо-Кавказском регионе. Ростов-на-Дону, 1999.
- История казачества Дона и Северного Кавказа.* Ростов-на-Дону, 2003.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.).* М., 1988.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* М., 1988.
- Кабузан В. М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб., 1996.
- Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX века.* Махачкала, 2006.
- Казиев Ш. М., Карпеев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.
- Калиновская К. П., Марков Г. Е.* Поиски решения проблем в Ногайской степи /Ногайцы сегодня //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 44. М., 1993.
- Калоев Б. А.* Осетины: историко-этнографическое исследование. М., 2004.
- Каменная летопись страны вайнахов. Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии.* М., 1994.
- Каракетов М. Д.* Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М., 1999.
- Кисриев Э. Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 72. М., 1994.
- Кисриев Э. Ф.* Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
- Конфликтная этничность и этнические конфликты.* Под ред. Л. М. Дробижевой. М., 1994.
- Коркмазов А. Ю.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе (история и современность). Ставрополь, 1994.
- Кулешов С. В.* Региональная политика: проблемы и подходы //Межрегиональное сотрудничество. М., 2003.
- Кулешов С. В.* Федерализм сегодня: некоторые аспекты мирового опыта //Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998.
- Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967).* Под ред. В. К. Гарданова. М., 1968.
- Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982.
- Магомедов А. Р.* Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Ростов н/Д., 1985.
- Магомедов А. Х.* Этнография Осетии. Орджоникидзе, 1970.
- Макаров Д. В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
- Малахова Г. Н.* Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX века. М.-Пятигорск, 1999.
- Малашенко А.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
- Малашенко А., Д. Тренин.* Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002.
- Мальбахов Б. К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998.
- Матсуров Х. Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2004.
- Матвеев В. А.* Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 147. М., 2002.
- Михайлов С. С.* Положение ассирийцев — вынужденных переселенцев в Краснодарском крае //Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 93. М., 1996.

- Михайлова Н. В.* Российский федерализм в контексте мирового опыта. М., 2002.
- Музаев Т.* Этнический сепаратизм в России. М., 1999.
- Народы Дагестана. М., 2002.
- Народы и религии мира: Энциклопедия / ред. *В. А. Тишков*. М., 1998.
- Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
- Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Под ред. *В. Ш. Нахушева*. Черкесск, 1998.
- Народы России: Энциклопедия / ред. *В. А. Тишков*. М., 1995.
- Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
- Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
- Национальные отношения и межнациональные конфликты. Под ред. *Х. Х. Хадикова*. Владикавказ, 1997.
- Никишенков А. А.* Традиционный этикет народов России. М., 1998.
- Озеров А., Холперская Л.* Возрождение казачества: современные методологические и правовые подходы. Ростов-на-Дону, 2006.
- Осипов А. Г.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (в связи с проблемой беженцев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 17. М., 1991.
- Осипов А. Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 155. М., 2002.
- Осмаев М. К., Алироев И. Ю.* История и культура вайнахов. М., 2003.
- Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. М., 1999.
- Правовая реформа в субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе. Под ред. *Д. Ю. Шалсугова*. Ростов-на-Дону, 1999.
- Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под ред. *В. А. Тишкова*. М., 1999.
- Пчелинцева Н. Д., Самарина Л. В.* Современная этнополитическая и этнокультурная ситуация в Республике Адыгея // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 47. М., 1993.
- Россия и Кавказ на рубеже столетий. М., 2006.
- Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны. Под ред. *В. В. Трепавлова*. М. 1998.
- Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. СПб., 2004.
- Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. М., 2000.
- Савва М. В.* Новые диаспоры Краснодарского края. Права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом. Краснодар, 2006.
- Савва М. В., Савва Е. В.* Пресса, власть и этнический конфликт. Взаимосвязь на примере Краснодарского края. Краснодар, 2002.
- Савва М. В.* Этнический статус. Конфликтологический анализ социального феномена. Краснодар, 1997.
- Северная Осетия: этнополитические процессы 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Под ред. *Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева*. М., 1995.
- Смирнова Я. С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 48. М., 1993.
- Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сборник документов. Сост. *В. П. Невская, И. М. Шаманов, С. П. Несмачная*. Ростов-на-Дону, 1985.

- Стабилизация межэтнических и социокультурных отношений на Кавказе. М., 1999.
Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.
- Тер-Саркисянц А. Е.* Донские армяне и этнокультурная ситуация в Ростовской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 6. М., 1990.
- Тер-Саркисянц А. Е.* Современная этнополитическая ситуация в Краснодарском крае Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 30. М., 1992.
- Тер-Саркисянц А. Е.* Межнациональные отношения в Краснодарском крае (1993 г.) (основные тенденции развития) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 55. М., 1994.
- Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.
- Тишков В. А., Степанов В. В.* Измерение конфликта. М., 2004.
- Ториев Б. Х.* Республика Ингушетия в статистике и экспертных оценках (апрель-май 2003 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 173. М., 2004.
- Тощенко Ж.* Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этнополитологические очерки. М., 1997.
- Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М., 1998.
- Федоров Я. А.* Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.
- Хаджибиеков Р., Полякова Т.* Этнополитическая ситуация в Адыгее // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 70. М., 1994.
- Хоперская Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Концепция этнической субъектности. Ростов-на-Дону, 1997.
- Хоперская Л.* Факторы социально-политической стабильности и стратегия безопасности на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000.
- Хоперская Л., Аствацатурова М.* Профессионалы за мир на Северном Кавказе Ростов-на-Дону, 2003.
- Хоперская Л. Л., В. А. Харченко.* Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000–2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005.
- Цуциев А.* Осетинский контур в этнополитическом пространстве // Осетия. XX век. Вып. 1. Владикавказ, 1996.
- Цуциев А. А.* Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. М., 1998.
- Чечня и Россия: общества и государства. Под ред. *Д. Е. Фурмана*. М., 1999.
- Чечня: от конфликта к стабильности. Под ред. *Д. Д. Гакаева, А. Д. Яндарова*. М., 2001.
- Что нужно знать о народах России: Справочник для государственных служащих. М., 1999.
- Шнирельман В.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
- Этничность и власть в полиэтнических государствах / ред. *В. А. Тишков*. М., 1994.
- Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. N 49. М., 1993.
- Эфендиева Д. А.* Чеченские события и Дагестан: последствия и исторические уроки. Махачкала, 2002.
- Яндиева М.* Ингушетия и ингуши. Назрань-Москва, 1999.
- Ярлыкапов А. А.* Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- III в. до н.э. – V в. н. э. — строительство города с крепостью на территории Дербента I–II, IV–XII вв. — переселение тюркских народов на Северный Кавказ (гуннов, болгар, печенегов, куманов)
- около 370 — аланы разбиты гуннами на Дону и отступили в Кавказские горы
- 395 — поход гуннов через Дагестан в Армению и Сирию
- 433–453 — гуннская держава Атиллы, включавшая Северо-Восточный Кавказ
- IV–VI вв. — строительство Сасанидами Горной стены в Юждаге с центром в Дербенте
- IV–XII вв. — первые известные государства на территории Нагорного Дагестана
- VIII–XII вв. — Аланское царство на территории современных Северной Осетии–Алании, Ингушетии и Чечни, Карачая и Балкарии
- вторая треть VII – конец XI в. — Хазарский каганат
- середина VII – конец IX в. — арабо-хазарские войны на Северо-Восточном Кавказе
- 642–643 — поход Сураки ибн Амра на Дербент. Начало арабо-хазарских войн с участием горцев Дагестана
- 707–708, 713–714, 728–729, 733–735 — походы в Южный Дагестан арабского полководца Масламы ибн Абд ал-Малика
- 737–739 — разгром халифом Мерваном Хазарского каганата. Покорение арабами Серира и Гумика. Поход арабов к Дону
- 965 — разгром хазар киевским князем Святославом Игоревичем
- X в. — окончание принятия ислама народами Южного Дагестана
- 1220–1223 — первый поход монголов на Закавказье и Северный Кавказ
- 1238–1240 — второй поход монголов на Северный Кавказ. Регион входит в состав Золотой Орды
- 1386 — поход золотоордынского хана Тохтамыша через Дербент в Восточное Закавказье
- 1395–1396 — завоевание Северо-Восточного Кавказа Тимуром
- 1489 — установление русско-ногайских отношений
- XV–XVI вв. — принятие ислама христианами жителями Северо-Западного Дагестана и Чечено-Ингушетии
- XVI–XVII вв. — ирано-турецкие войны за владычество на Кавказе
- 1552–1557 — частичное вступление в подданство России кабардинцев, северо-западных адыгов, абазинцев и др.
- 1556 — Измаил, хан Большой Ногайской орды, принял русское подданство
- 1559 — первый поход московских войск на Кавказ, укрепление позиций России в Кабарде
- 1567 — основание Терского городка на пр. берегу Терека
- 1586–1628 — пик иранского могущества на Северо-восточном Кавказе при правлении Аббаса I Великого
- 1582–1685 — складывание гребенских казаков
- 1588–1589 — построены три русские крепости на реках Тереке, Сулаке и Сунже

- 1614–1615 — вступление в подданство России западных черкесов
1633 — поход кн. Туренина и Волконского с участием гребенских казаков на Малую Ногайскую орду
1642 — распад шамхальства Казикумухского на Тарковское шамхальство и Казикумухское ханство
1614–1645 — вступление в подданство России абазин, Большой и Малой Кабарды
1709 — установление мира и определение границ между Кабардой и Карачаевскими обществами
1721 — терские и гребенские казаки подчинены военной коллегии
1722 — Терское войско переименовано в Аграханское
1723–1723 — персидский поход Петра I
1724 — Петербургский мир России с Ираном. Присоединение к России земель Прикаспийских областей (включая Дагестан)
1725 — образование Терско-семейного казачьего войска из казаков, переселенных с Дона
1732–1735 — русско-иранские договоры. Уступка Ирану Прикаспийских областей
1735 — основание крепости Кизляр и заселение ее гребенскими казаками
1736 — создание Кизлярского отдела Терского казачьего войска
1735–1739 — русско-турецкая война
1739 — Белградский мир России с Турцией. Закрепление за Россией Затеречных земель Чечено-Ингушетии
1736–1743 — поход в Дагестан Надир-шаха
1747 — разрешено принимать в подданство России осетин и ингушей
1754 — военная коллегия получила право утверждать войсковых старшин терских и гребенских казаков
1763 — основание крепости Кизляр и заселение ее гребенскими казаками
1769 — введение приставского управления в Кабарде
1774 — Кючук-Кайнарджийский мир России с Турцией. Признание за Россией Малой Кабарды и Чечни
1774 — основание крепости Владикавказ в составе Кавказской линии
1785 — Астраханская область преобразована в Кавказское наместничество; учреждена Кавказская губерния из шести уездов с центром в Екатеринограде
1785–1791 — движение шейха Мансура на Северном Кавказе
1787–1791 — русско-турецкая война
1791 — Ясский мир России с Турцией. Расширение русских владений на Северном Кавказе
1793 — введение «родовых судов» и «расправ» в Кабарде
1794 — восстание в Кабарде
1792–1794 — переселение запорожских казаков на Кубань. Жалованные грамоты казакам, закрепление основных начал организации казачества и системы казачьего самоуправления
1794 — основание Екатеринодара
1799 — в подданство России вступил уцмий кайтагский Рустем-хан
1799–1807 — шариатское движение на Северо-Западном Кавказе, введение в Кабарде шариатских судов мехкеме вместо «родовых судов» и «расправ»
1802 — в подданство России вступил хан Аварский
1803 — в подданство России вступил султан Елисуийский
1806 — завоевание русскими войсками Дербентского ханства
1810 — учреждение «военно-народного управления» в ханстве Кубинском; принятие русского подданства ингушами

- 1811 — принятие русского подданства кабардинцами и другими закубанскими обществами и союзами горцев
- 1813 — Гюлистанский мир России с Ираном. Присоединение приморского Дагестана к России
- 1816–1827 — ген. А. П. Ермолов, главнокомандующий русским корпусом на Кавказе
- 1817–1864 — Кавказская война (на Северо-восточном Кавказе законч. в 1859)
- 1818 — укрепление редута Назрановского (современная Назрань); основание крепости Грозная (современный Грозный) в составе Кавказской линии
- 1820 — включение Северо-Западного Кавказа в Кавказскую губернию
- 1822 — преобразование Кавказской губернии в Кавказскую область с центром в г. Ставрополе
- 1825 — восстание против ген. А. П. Ермолова в Чечне
- 1828 — присоединение Карачая к России
- 1828–1832 — первый имам Дагестана и Чечни Гази-Магомед
- 1829 — по Адрианопольскому миру с Турцией побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая отошло к России
- 1832–1834 — второй имам Дагестана и Чечни Гамзат-бек
- 1834–1859 — имамат Шамиля
- 1830-е – 1840-е гг. — строительство Лезгинской линии в составе Кавказской линии
- 1832 — создание Кавказского линейного казачьего войска
- 1837 — экспедиция против Шамиля ген.-майора К. К. Фези
- 1839 — экспедиция против Шамиля ген.-адъют. П. Х. Граббе
- 1839 — создание Самурского округа в Южном Дагестане
- 1839 — начало работы комиссии Северного Кавказа по разбору прав сословий горцев
- 11 июля 1840 — сражение русских войск с горцами Шамиля под Валериком в Чечне
- весна 1842 — экспедиция ген. Головина в с. Дарго в Дагестане
- 1842–1847 — Низам (законодательство) Шамиля
- 1844 — основание укрепления Петровск (современная Махачкала) в составе Кавказской линии
- 1844–1854 — наместничество кн. М. С. Воронцова
- 1845 — экспедиция М. С. Воронцова против Шамиля. Разорение с. Дарго
- 1846 — создание Дербентской и Тифлисской губерний
- 1847 — создание Ставропольской губернии
- 1850 — экспедиция ген.-адъют. кн. А. И. Барятинского в горную Чечню
- 1851–1856 — Крымская война
- 1856–1862 — наместничество ген.-адъют. кн. Барятинского на Кавказе
- 1858 — упразднение Казикумухского ханства в Дагестане
- 25 августа 1859 — взятие с. Гуниб кн. Барятинским. Пленение Шамиля и окончание Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе
- 1859–1870 — калужская ссылка Шамиля
- 1859–1865 — массовое выселение адыгских народов, ингушей и чеченцев в Турцию (мухаджирство)
- 1860–1868 — судебно-административная реформа в Дагестанской и Терской областях; создание третейских судов
- 1860–1917 — военно-народное управление в Кавказском крае
- 1860–1869 — Сословно-поземельная комиссия в Засулакской Кумыкии
- 1860 — образование Кубанской и Терской областей
- 1862–1881 — наместничество на Кавказе вел. кн. Михаила Николаевича

- 1863— Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России
- 1863 — пленение Кунта-хаджи и «кинжальный бой» в с. Шали
- 1865 — начало поземельной реформы в Терской области
- 1865 — создание пяти отделов Кубанской области, по которым распределялись горские народы
- 1865–1868 — освобождение рабов и части крепостных в Дагестанской и Терской областях; крестьянская реформа
- 1869 — введение в Кубанской области горских словесных судов
- 1869–1876— Сословно-поземельные комиссии в Южном Дагестане и Закатальском округе
- 1870 — Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях
- 1871 — Положения об общественном управлении в казачьих войсках, о воинской повинности и содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск, о поземельном устройстве станиц и о войсковых запасных землях, о дозволении лицам невойскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях
- 1871 — Временные правила для горских и словесных судов Кубанской и Терской областей
- 1875 — создание мировых судов в Терской и Дагестанской областях
- 1877 — восстание в Нагорном Дагестане и Чечне. Четвертый имам Магомед Согратлинский
- 1877–1878 — русско-турецкая война
- 1882 — упразднение Кавказского наместничества
- 1888 — указ «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом»
- 1904–1906 — участие добровольческих Дагестанского и Терско-Кубанского конных полков в русско-японской войне
- 1905 — восстановление Кавказского наместничества
- 1905–1907 — Первая русская революция на Кавказе
- лето 1905 — митинги и стачки на Владикавказской железной дороге
- лето 1906 — всеобщая забастовка на Грозненских нефтяных промыслах
- 1905–1913 — абреческое движение в Дагестане и Чечне
- 1911 — реформа судов в Терской области
- 1913 — освобождение крепостных в Дагестанской области.
- 1913 — Введение русского делопроизводства и писарей в словесных судах Дагестана
- 1913 — антиписарское движение в Дагестане
- 1–10 мая 1917 — 1 Съезд горских народов Кавказа во Владикавказе. Создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана
- 1917–1918 — Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана
- 18–20 мая 1917 — I Съезд народов Терека в Моздоке
- 20 август 1917 — создание Юго-Восточного Союза во Владикавказе
- август 1917 — съезд в с. Ведено. Избрание Нажмутдина Гоцинского имамом Чечни и Дагестана
- сентябрь 1917 — образование Кубанского края и Кубанской Краевой Рады
- 20–24 сентября 1917 — учреждение Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей
- 1918–1921 — Гражданская война на Северо-Восточном Кавказе
- май 1918–1920 — Горская республика
- 30 мая 1918 — образование Кубано-Черноморской советской республики

- 5–7 июля 1918 — провозглашение Северо-Кавказской Советской республики, объединившей Кубано-Черноморскую и Ставропольскую республики Советов
- 1918 — назначение Али-Гаджи Акушинского шейх ул-исламом на Северном Кавказе
- 11 мая 1918 — Батумская мирная конференция. Провозглашение Горской республики
- май–июль 1918 — Военно-революционный комитет в Темир-Хан-Шуре
- лето 1918 — создание Советов в Дербенте, Петровске, Владикавказе, Грозном
- август 1918–1919 — Союзное Кавказско-Каспийское правительство полк. Л. Ф. Би-черахова
- декабрь 1918 — расстрел белогвардейцами «красных» терских казаков
- 11 января 1919 — Северо-Кавказская республика прекратила существование
- июль 1919 — казнь У. Буйнакского и других советских работников Дагестана по приговору военно-шариатского суда Темир-Хан-Шуры
- сентябрь 1919 – март 1920 — Северо-кавказский эмир Узун-Хаджи
- сентябрь 1919 — эмиграция правительства Горской республики в Тифлис
- осень 1919 — Добровольческая армия разбита Красной Армией на Северном Кавказе
- июнь 1920 — «Положение о шариатских судах» в Дагестане и создание первых советских народных и сельских словесных судов на Северо-Восточном Кавказе
- конец 1920 — установление Советской власти на Северо-Восточном Кавказе
- 1920 — первые коллективные хозяйства в Ставрополье и Дагестане
- 1920 — реформа аджама (арабографической письменности) в Дагестане и Карачае
- 13 ноября 1920 — Съезд народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре. Провозглашение Дагестанской АССР
- 17 ноября 1920 — Съезд народов Терека во Владикавказе. Провозглашение Горской АССР
- 20 января 1921 — признание Дагестанской и Горской АССР ВЦИК РСФСР
- сентябрь 1920 – март 1921 — мятеж Нажмутдина Гоцинского в Нагорном Дагестане и Чечне
- 1921 — первые коллективные хозяйства в Чечне
- 1 сентября 1921 — выделение Кабардинской автономной области из Горской АССР
- 1 декабря 1921 — I Вседагестанский Учредительный Съезд Советов. Принятие первой Конституции ДАССР
- 1921–1922 — преобразование ревкомов в Советы
- январь 1922 — образование Карачаево-Черкесской автономной области, выделенной из состава ГАССР
- январь 1922 — выделение из ГАССР и образование Кабардино-Балкарской автономной области
- 12 января 1922 — выделение Карачая из Горской АССР
- 16 января 1922 — выделение Балкарии из Горской АССР
- июль 1922 — образование Адыгейской автономной области
- 1 декабря 1922 — выделение Чеченской АО из Горской АССР
- 1922–1923 — переход из Горской АССР к Дагестанской АССР Кизлярского округа, Караногайской и Ачикулакской степей
- 1923–1932 — перевод национальной письменности на латинскую графику
- февраль 1924 — образование Юго-Восточной области РСФСР (Донская, Кубано-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии, г. Грозный, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская (Черкесская) и Чеченская автономные области)
- 7 июля 1924 — декрет ВЦИК об упразднении Горской АССР Образование Ингушской и Северо-Осетинской АО с общей столицей в г. Владикавказе

- 1925 — включение национально-государственных образований в Северо-Кавказский край
март 1926 — постановление ЦИК и СНК ДАССР об уравнении в правах трудящихся женщин-горянок с мужчинами
сентябрь 1926 — разоружение горцев
1926–1927 — конфискация вакуфного и закятного имущества в Дагестане и Чечено-Ингушетии
апрель–октябрь 1927 — запрет шарсудов в Дагестане
1927 — начало земельно-водной реформы в Дагестане
1927, 1937 — принятие новых конституций советских автономий на Северо-Восточном Кавказе
1928–1932 — национально-языковая реформа. Латинизация младописьменных языков на Северном Кавказе
осень 1930 – весна 1931 — завершение сплошной коллективизации в Ставрополье
1930 — крестьянские восстания против коллективизации в Южном и Северо-Западном Дагестане: «Хновский и Дидойский мятежи», «дело шейха Штульского»
1930–1935 — введение обязательного всеобщего школьного образования на Северо-Восточном Кавказе
1934 — объединение Чечни и Ингушетии в АО
1936 — принятие Конституции СССР, преобразование Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областей в автономные республики
1936–1938 — национально-языковая реформа. Перевод «национальных языков» Кавказа с латиницы на кириллицу
1938 — передача Дагестаном Ставрополью Кизляра, Караногайской и Ачикулакской степей
1939–1940 — завершение сплошной коллективизации в горной зоне
1941–1945 — участие народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне
ноябрь 1943 — насильственная депортация карачаевцев и ликвидация их автономии
23 февраля 1944 — депортация в Казахстан чеченцев и ингушей. Переселение на земли Чечено-Ингушетии горцев Дагестана, Северной и Южной Осетии и русскоязычного населения Ставрополя
7 марта 1944 — упразднение Чечено-Ингушской АССР. Создание Грозненской области и передача части территории ЧАССР Северной Осетии и Грузии
8 марта 1944 — насильственная депортация балкарцев и ликвидация их автономии
1947 — образование города Каспийск под Махачкалой
1949 — создание Дагестанского филиала АН СССР
1952 — открытие Волго-Донского судоходного канала им. Ленина
1957 — открытие Дагестанского государственного университета
1957 — открытие Кабардино-Балкарского государственного университета
9 января 1957 — воссоздание Чечено-Ингушской АССР
1957 — преобразование Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, Черкесской автономной области — в Карачаево-Черкесскую
1957–1962 — возвращение депортированных чеченцев и ингушей на Северный Кавказ
1957–1963 — реабилитация пострадавших в годы массовых сталинских репрессий
1950 – нач. 70-х гг. — массовое добровольное переселение горцев Дагестана и Чечено-Ингушетии на плоскость
1960-е гг. — начало миграционного оттока русского (русскоязычного) населения из республик Северного Кавказа и демографического взрыва у населения горных районов
1962 г. — расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске

- 1963 — образование города Кизилюрт под Махачкалой
1969 — создание Северо-Кавказского научного центра Высшей школы
1970 — Всесоюзная Перепись населения
1970-е — начало образования северокавказских диаспор на территории краев и областей Юга России
январь 1973 — массовые митинги протеста в Грозном в связи с «ингушским» вопросом (статусом Пригородного района)
1972 — широкомасштабное празднование 50-летия образования СССР
1975 — введение в идеологический лексикон понятия «советский народ»
1979 — Всесоюзная Перепись населения
1970–1980 — формирование системы «отходничества» (сезонных трудовых миграций)
октябрь 1981 — массовые митинги протеста, т. н. «октябрьское восстание» в Орджоникидзе (Владикавказе), вызванное осетино-ингушским противостоянием
1980-е — репатриация чеченцев на территории своего прежнего проживания — в Хасавюртовский и Новолакский (бывший Ауховский) районы Дагестана
1985 — создание первых казачьих организаций на Дону, Кубани и Тереке
1988 — первый Курултай ногайского народа
май 1989 — первый Съезд мусульман Северного Кавказа, раскол Духовного управления мусульман Северного Кавказа на ДУМ, созданные по этническому признаку (чеченцев, аварцев, кабардинцев и др.)
август 1989 — первый Съезд горских народов Кавказа (Сухуми), создание Ассамблеи горских народов Кавказа (впоследствии — КНК)
сентябрь 1989 — принятие «Платформы ЦК КПСС по национальной политике»
1989 — Всесоюзная Перепись населения
ноябрь 1989 г. — первый съезд Кумыкского народного движения
1989 — появление первых вынужденных мигрантов (турки-месхетинцы, армяне, азербайджанцы) из зон межэтнических конфликтов
1989 — Декларация Верховного Совета РСФСР о признании незаконными всех репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению
июнь 1990 — учредительный Большой круг Союза казаков России
июль 1990. — провозглашение Северо-Осетинской ССР и декларация о суверенитете Северной Осетии
ноябрь 1990 — декларация о суверенитете Чечено-Ингушской АССР
ноябрь 1990 — первый Съезд чеченского народа (Общенациональный конгресс чеченского народа)
1990–1992 — формирование национальных движений и казачьих «войск» на Юге России
1991 — преобразование Адыгеи в республику в составе РСФСР
март 1991 — первый Съезд балкарского народа
1991 — Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия провозглашены республиками в составе РСФСР
26 апреля 1991 — Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов»
май 1991 — переименование Чечено-Ингушской АССР в Республику Чечено-Ингушетия
1 ноября 1991 — провозглашение Чеченской республики
январь 1992 — первый Съезд кабардинского народа
4 июня 1992 — образование Республики Ингушетия
30 октября — 6 ноября 1992 — вооруженный осетино-ингушский конфликт

- март 1993 — Указ Президента РФ «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества»
- ноябрь 1993 – март 1995 — конституционная реформа в Дагестане
- 1994 — принятие конституции Республики Ингушетия
- июнь 1994 — новая конституция Дагестана. Переименование ДАССР в Республику Дагестан
- 1994–1996 — военная кампания по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике (первая чеченская война)
- 22 августа 1996 — Хасавюртовские соглашения. Конец первой российско-чеченской войны
- август 1995 – Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации»
- лето–осень 1999 — вторжение отрядов чеченских полевых командиров и ваххабитов в Северный Дагестан. Начало антитеррористической операции (вторая чеченская война)
- 19 сентября 1999 — принятие Народным Собранием Дагестана закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»
- май 2000 — Указы Президента РФ о создании Южного федерального округа и назначении полномочного представителя Президента РФ в округе
- июль 2001 — утверждение Правительством РФ Федеральной целевой программы социально-экономического развития «Юг России» до 2006 г.
- 23 марта 2003 — принятие на референдуме Конституции Чеченской Республики
- октябрь 2003 — бывший муфтий Чечни Ахмат Кадыров в результате всенародного избрания стал первым Президентом Чеченской Республики
- октябрь 2003 — принятие — Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
- декабрь 2003 – выборы депутатов Государственной Думы РФ (в т. ч. от Чеченской республики)
- май 2004 — убийство А. Кадырова
- июнь 2004 – нападение боевиков на Ингушетию
- август 2004 – избрание президентом ЧР Алу Алханова
- сентябрь 2004 — террористическая атака в Беслане. Массовая гибель гражданского населения, в т. ч. большого количества детей
- октябрь 2005 — нападение боевиков на Нальчик
- ноябрь 2005 — выборы Парламента Чеченской Республики
- декабрь 2005 — принятие Федерального закона «О государственной службе российского казачества»
- 2005 — начало действия нового порядка избрания парламентов и глав субъектов Российской Федерации
- январь 2006 — вступление в действие реформы местного самоуправления

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

абрек — разбойник

агнаты — родственники по мужской линии

адат — обычай; обычное право

аджам — арабское письмо, приспособленное для неарабских языков

адыге хасе (адыгск.) — комплекс традиционных мировоззренческих, этических и этикетных принципов, предписаний и обычаев адыгских народов — кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин

азат — освобожденный крепостной у адыгов

алым — возмещение за пролитую кровь в обычном праве

аманат — заложник

амир — зд.: глава общины ваххабитов

арбаз — комплекс жилых и хозяйственных деревянных построек вокруг крытого двора

аталык — мальчик, отданный на воспитание в другую семью

бегаул (бегавул) — сельский староста в дореволюционном Дагестане, Кабарде, Карачае

беслан-уорк — дворянское сословие у адыгов; вассал князя

вакф (вакуф) — неотчуждаемое имущество, предназначенное для определенных, обычно религиозно-благотворительных, целей

вирд — отделение мусульманских религиозных братств

вольное общество — союз независимых сельских общин

газават — война за веру мусульман против иноверцев

гази — бойцы за веру у мусульман

годекан (гим, ким, корт) — центральная площадь у мечети

гъвай (гой) — обычай взаимопомощи

джамаат — община мусульман

джихад — война за веру мусульман против иноверцев

дибир — мулла в Северном Дагестане

дият — возмещение за пролитую кровь в обычном и мусульманском праве

дыжиниг — высшее дворянство у адыгов

закят — милостыня на религиозные нужды мусульманской общины и бедных

зикр — коллективная молитва с поминанием имени Аллаха

зиярат — святое место у мусульман

имамат — теократическое государство в Нагорном Дагестане и Чечне первой половины XIX в.

ишкиль (барамта, барашпа) — в обычном праве захват имущества родственников или односельчан должника

шахид — у мусульман мученик, погибший в борьбе за веру

Кавказская линия — система укреплений, крепостей и казачьих поселений, созданная на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в.

кади (кази) — судья по шариату

кадирия — мусульманское суфийское братство

калым — выкуп за невесту

канлы — убийца, подлежащий по адату преследованию со стороны родственников убитого

караваши — рабы, крепостные

карты — совет старейшин сельской общины в Дагестане

кебин — развод по мусульманскому праву

композиции — в обычном праве система штрафов за любое уголовное преступление, взимавшихся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общества

кош (адыгск., балкарск., каран.) — мужское собрание за пределами селения с военными целями; артели пастухов, пахарей, косцов и т. п.

кувд — родовой пир на храмовый праздник

кул-казак — дружина князя у карачаевцев

кули — рабы в Дагестане

кунак — гость

курбан-байрам — мусульманский праздник жертвоприношения

кызылбаши — члены братства сефевийя (см.); персы

лаг (лагь, лай) — сословие рабов в Дагестане и Чечено-Ингушетии

лагунаут (лагунапут) — барщинный крепостной крестьянин у адыгов

мавлид — мусульманский праздник рождения пророка Мухаммеда

магал — квартал

мазхаб — религиозно-правовой толк в исламе

майсум — титул дагестанских правителей Табасарана

мангуш (чауш) — сельский глашатай в дореволюционном Дагестане

маслихат — примирение тяжущихся сторон по обычному праву

медресе — средняя примечетная школа

мектеб — начальная примечетная школа

мехк хел — совет старейшин у чеченцев

мехкеме — шариатский суд

мульк — частно-семейная собственность в мусульманском праве

муфтий — знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решение по спорным вопросам в форме особого заключения (фетвы). В России и странах СНГ — глава мусульманских общин определенного региона (области, республики, страны)

мухаджир — переселенец времен Кавказской войны XIX в.; эмигрант с Северного Кавказа в Османской империи

мюрид — ученик суфийского шейха

навруз (науруз, наяруз) — праздник начала весны

наиб — военно-административная должность в имамате Шамиля и на дореволюционном Северном Кавказе

накшбандия — мусульманское суфийское братство

намыс (намус) — комплекс традиционных мировоззренческих, этических, этикетных принципов, предписаний и обычаев

нучал — титул дагестанских правителей Аварии

ныгыш (балкарск., карач.) — (1) народное собрание, общинный сход, выступающие органами самоуправления у балкарцев и карачаевцев; (2) место проведения народных собраний

ныхас (осет.) — (1) народное собрание, общинный сход, выступающие органами самоуправления у осетин; (2) место проведения народных собраний

ог — оброчный крепостной крестьянин у адыгов

патронимия — большая семья; внутриклановая группа

пахта (цезск.) — дань, в прошлом взимаемая с зависимых обществ у некоторых народов Южного Дагестана

пир — святое место у мусульман

пуцал — титул дагестанских правителей Аварии

пши (*пщы*) — князя адыгов

пшикеу — низшее дворянство у адыгов

пшитл) — крепостные крестьяне у адыгов

раят — крепостной

сеид — потомок пророка Мухаммеда

сефевий — военно-религиозное братство в средневековом Иране

синкретизм (*религиозный*) — заимствование одной религией элементов других религий или совокупность компонентов различных религий в новой религиозной системе

сунна — важнейший после Корана источник вероучения и права в исламе, сборник рассказов о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда

суфизм — мистико-аскетическое течение в исламе

тазият (*кумыкск.*) — траурное сидение мужчин на дворе дома убитого; место проведения обряда примирения кровников

тайп — род, клан

талион — принцип равномерного возмещения за причиненный ущерб

тамга — родовой знак

тийре — родовой квартал у балкарцев и карачаевцев

тлекотлеш (*Ллакьуэльэщ*) — военная знать у адыгов

тума — высшее дворянское сословие у адыгов: потомок от неравного брака князя с дочерью дворянина и от неравного брака князя с дочерью крестьянина

тухум — род, клан

уздень — свободный крестьянин (в Дагестане и Чечено-Ингушетии); дворянин (у адыгов)

унаут — домашний раб у адыгов

уорк (*ворк*) — дворянин у адыгов

уорктын — подарок дворянину от горской знати у адыгов

ураза-байрам — мусульманский праздник разговения в честь окончания поста

уцмий — титул дагестанских правителей Кайтага

фетва — богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата или истолкования какого-либо казуса с точки зрения шариата

хадж — обязательное для мусульман паломничество в Мекку и Медину

ханафиты — сторонники одного из четырех основных религиозно-правовых толков в суннитском исламе

хаса (*адыгск.*) — (1) народное собрание, общинный сход, выступающие органами самоуправления; (2) место проведения народных собраний

хинкал — различные блюда из вареного теста без начинки или с начинкой

хога (чеченск., ингушск.) — (1) народное собрание, общинный сход, выступающие органами самоуправления у чеченцев и ингушей; (2) место проведения народных собраний

хутба — пятничная проповедь в соборной мечети

чагар — вольноотпущенник в средневековом Дагестане

чадкин (аварск.) — полутайная мужская корпорация, периодически устраивающая коллективные обряды, пиры

чанки (джанки) — сословие потомков от неравных браков ханов и беков с дочерьми крестьян-узденей в Дагестане

чухта — закрывающий волосы женский головной убор у горцев-мусульман Дагестана

шазилия — крупное суфийское братство, основанное Абу-ль-Хасаном аш-Шазили (1196–1258), широко распространено в Северной Африке

шамхал — титул средневековых дагестанских правителей

шаотлугус — дворянин у адыгов, вассал вассала князя

шариат — комплекс закрепленных Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение

шафииты — сторонники одного из четырех основных религиозно-правовых толков в суннитском исламе

шахид — у мусульман мученик, погибший в борьбе за веру

шейх — титул мусульманских ученых и руководителей суфийских братств

шииты — движение в исламе, признающее единственно законными преемниками пророка Мухаммеда его племянника Али и его потомков

экзогамия — обычай заключения браков за пределами родственной (клан) или территориальной (сельская община) группы

эндогамия — обычай заключения браков внутри родственной (клан) или территориальной (сельская община) группы

эфенди — мулла на Северо-Западном Кавказе

юзбаши — сельский староста

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- абазины, 26, 27, 29, 51, 62, 89, 188, 194, 208, 210, 241, 288, 302, 313, 330, 350, 363, 379
- абхазы, 50, 54, 83, 99, 188, 195, 362
- аварцы, 19, 24, 30, 68, 72, 77, 79, 82, 85, 98, 99, 100, 101, 118, 187, 188, 195, 198, 199, 203, 259, 274, 280, 300, 308, 318, 320, 377
- агулы, 189, 196, 259
- адыгейцы, 54, 62, 72, 99, 180, 187, 188, 189, 196, 197, 207, 241, 288, 302, 312, 337, 379
- азербайджанцы, 68, 137, 173, 177, 183, 189, 197, 202, 203, 222, 241, 362, 377
- андийцы, 24, 89, 91, 188, 198
- арабы, 20, 21, 83, 189, 222, 260, 270, 277, 278, 371
- армяне, 42, 171, 183, 185, 186, 188, 189, 198, 220, 232, 235, 241, 278, 362, 366, 369, 377
- арчинцы, 68, 188
- ассирийцы, 189, 362, 368
- ахвахцы, 188, 198
- багулалы, 89, 91, 95, 188, 198
- балкарцы, 26, 28, 57, 61, 63, 70, 71, 72, 77, 89, 99, 137, 146, 187, 189, 199, 200, 208, 209, 210, 220, 241, 260, 273, 277, 280, 286, 289, 302, 304, 308, 313, 319, 330, 331, 337, 349, 362, 366, 368, 376, 381
- башкиры, 189, 332, 362
- бежтинцы, 189, 198
- белорусы, 182, 189, 241, 362
- болгары, 42, 190, 235, 363
- ботлихцы, 89, 189, 198
- вьетнамцы, 190
- гинухцы, 189, 198
- годоберинцы, 189, 198
- греки, 42, 190, 200, 220, 232, 235, 362, 366
- грузины, 92, 183, 186, 190, 200, 228, 231, 235, 285, 362
- гунзибцы, 189, 198
- даргинцы, 26, 68, 72, 77, 80, 90, 92, 98, 100, 187, 188, 190, 195, 198, 201, 212, 220, 259, 274, 280, 300, 308
- дидойцы, 91, 122, 189
- евреи, 190, 202, 217, 362, 366
- евреи горские, 190, 202, 203, 222, 241
- езиды, 190
- ингуши, 12, 19, 30, 31, 32, 61, 65, 70, 71, 72, 76, 77, 81, 83, 84, 95, 99, 119, 134, 137, 138, 139, 175, 177, 180, 187, 190, 203, 204, 205, 206, 207, 210, 224, 226, 227, 229, 230, 241, 255, 262, 275, 278, 280, 297, 308, 313, 322, 323, 350, 351, 355, 358, 359, 362, 370, 372, 373, 374, 376, 377, 382
- кабардинцы, 23, 27, 29, 30, 31, 37, 38, 50, 54, 63, 72, 76, 77, 81, 87, 88, 93, 113, 118, 122, 134, 137, 187, 188, 190, 196, 205, 207, 208, 209, 210, 220, 223, 224, 227, 241, 260, 262, 286, 288, 291, 293, 302, 306, 307, 313, 325, 334, 335, 336, 337, 349, 362, 371, 373, 377, 379
- казаки, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 66, 68, 71, 92, 96, 137, 145, 186, 191, 205, 206, 214, 219, 226, 227, 228, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 248, 249, 285, 286, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 367, 371, 372, 374, 375, 378
- кайтагцы, 68, 190
- калмыки, 30, 190, 235, 332
- каратинцы, 189, 198
- карачаевцы, 27, 35, 38, 50, 51, 54, 57, 61, 63, 70, 71, 72, 76, 77, 83, 85, 89,

- 98, 137, 146, 187, 190, 194, 208, 209, 210, 241, 259, 260, 261, 262, 270, 271, 273, 280, 286, 289, 302, 304, 308, 319, 330, 331, 349, 363, 366, 368, 376, 380, 381
- корейцы, 190, 362
- кубачинцы, 20, 68, 190, 201
- кумыки, 24, 26, 30, 68, 72, 77, 89, 92, 98, 99, 187, 190, 195, 210, 211, 212, 213, 227, 241, 281, 289, 299, 306, 308, 310, 323, 329, 350
- курды, 171, 191, 362
- лакцы, 71, 77, 82, 89, 98, 100, 137, 187, 191, 195, 212, 213, 258, 259, 262, 300, 308, 309, 319
- латыши, 191
- лезгины, 19, 68, 72, 77, 137, 187, 191, 198, 203, 212, 213, 241, 259, 262, 276, 294, 295, 300, 308, 349, 362
- марийцы, 191
- немцы, 191, 220, 235, 362
- ногайцы, 19, 24, 28, 30, 38, 51, 62, 65, 71, 89, 136, 187, 191, 195, 208, 214, 215, 220, 227, 228, 232, 235, 241, 269, 270, 273, 277, 280, 296, 299, 302, 308, 311, 312, 330, 332, 350, 362
- орстхойцы, 203, 226
- осетины, 12, 28, 32, 61, 71, 76, 81, 83, 84, 89, 90, 92, 98, 99, 132, 137, 138, 146, 181, 187, 188, 191, 205, 206, 209, 215, 216, 220, 224, 228, 231, 241, 254, 260, 286, 289, 297, 298, 299, 301, 308, 309, 314, 317, 320, 322, 330, 331, 336, 338, 345, 350, 351, 355, 358, 359, 362, 366, 372, 381
- осетины-дигорцы, 50, 191
- осетины-иронцы, 191
- персы, 20, 30, 92, 191, 380
- русские, 5, 9, 10, 19, 22, 29, 33, 34, 36, 38, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 52, 54, 62, 63, 68, 92, 94, 96, 103, 105, 122, 123, 127, 134, 136, 139, 149, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 191, 195, 198, 209, 211, 212, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 227, 228, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 241, 242, 243, 249, 286, 300, 340, 344, 345, 362, 366, 372, 373
- ругульцы, 133, 191, 196, 221, 262, 277, 367
- табасараны, 192, 221, 222
- талыши, 192
- татары, 192, 197, 220, 232, 235, 332, 344, 362
- татары крымские, 32, 98, 192, 205, 232
- таты, 192, 202, 222, 241, 255, 259
- терекеме, 26, 197
- тиндалы, 189, 198
- турки, 28, 29, 30, 36, 98, 192, 232, 256, 270
- турки-месхетинцы, 171, 185, 186, 362, 377
- туркмены, 192, 220, 241, 269
- удины, 192
- украинцы, 174, 182, 183, 187, 192, 217, 220, 229, 231, 233, 235, 241, 362
- хваршины, 89, 91, 189, 198, 318
- хемшилы, 192
- цахуры, 192, 222
- цыгане, 192, 362, 363
- чамалалы, 89, 91, 122, 189, 198
- черкесы, 27, 29, 39, 54, 62, 63, 72, 121, 127, 137, 187, 192, 196, 207, 210, 223, 241, 262, 286, 288, 294, 302, 303, 313, 315, 351, 363, 366, 372, 379
- чеченцы, 5, 14, 22, 30, 31, 48, 65, 70, 71, 72, 76, 77, 81, 83, 84, 99, 119, 126, 137, 139, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 181, 184, 185, 186, 187, 188, 192, 195, 198, 203, 204, 205, 207, 210, 220, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 227, 231, 241, 256, 275, 277, 278, 280, 289, 291, 293, 297, 298, 303, 307, 308, 313, 321, 322, 323, 327, 328, 330, 334, 351, 359, 360, 362, 374, 376, 377, 382
- чеченцы-аккинцы, 192, 225, 230
- шапсуги, 27, 34, 38, 49, 50, 114, 187, 193, 196, 207, 231, 362